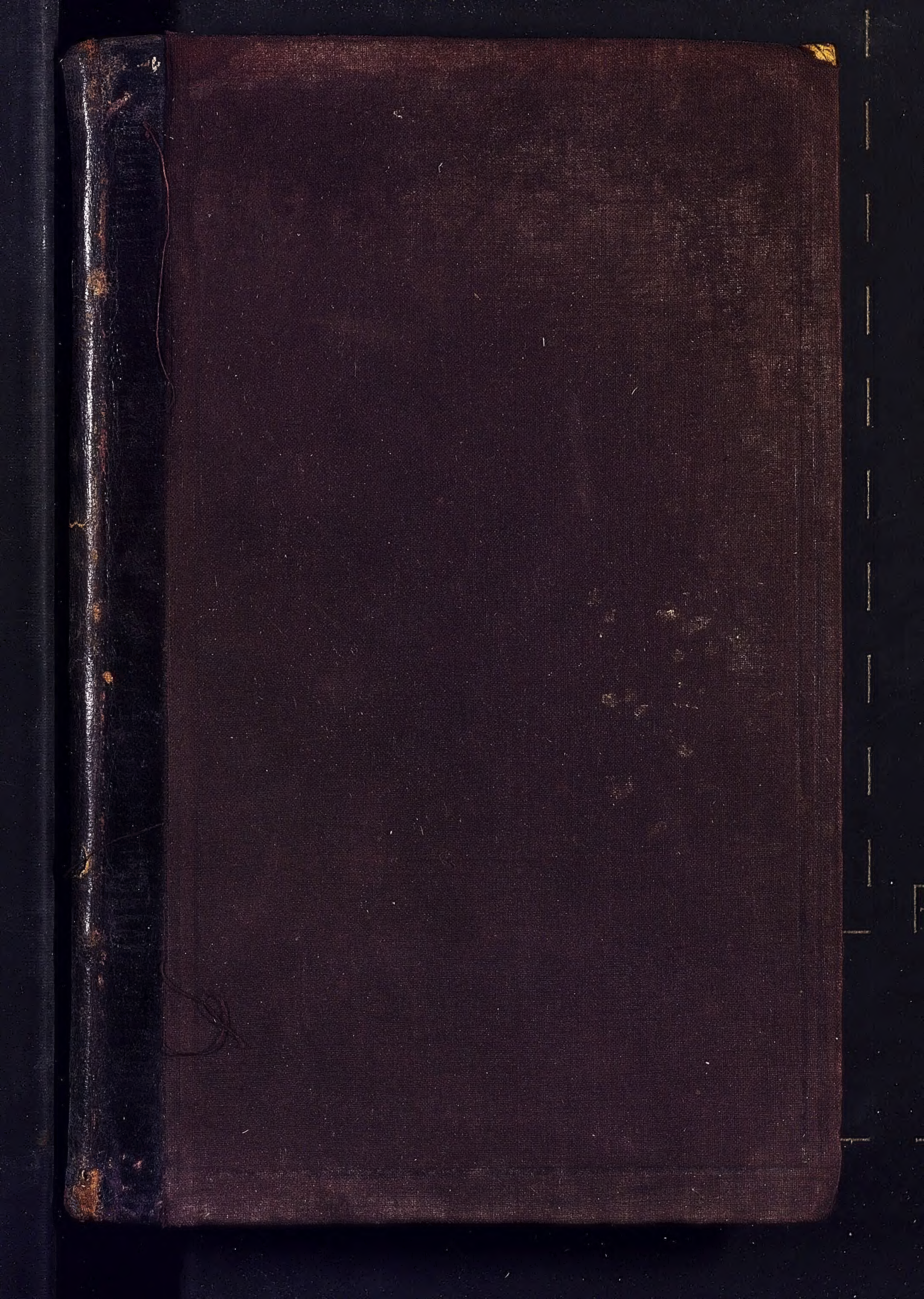
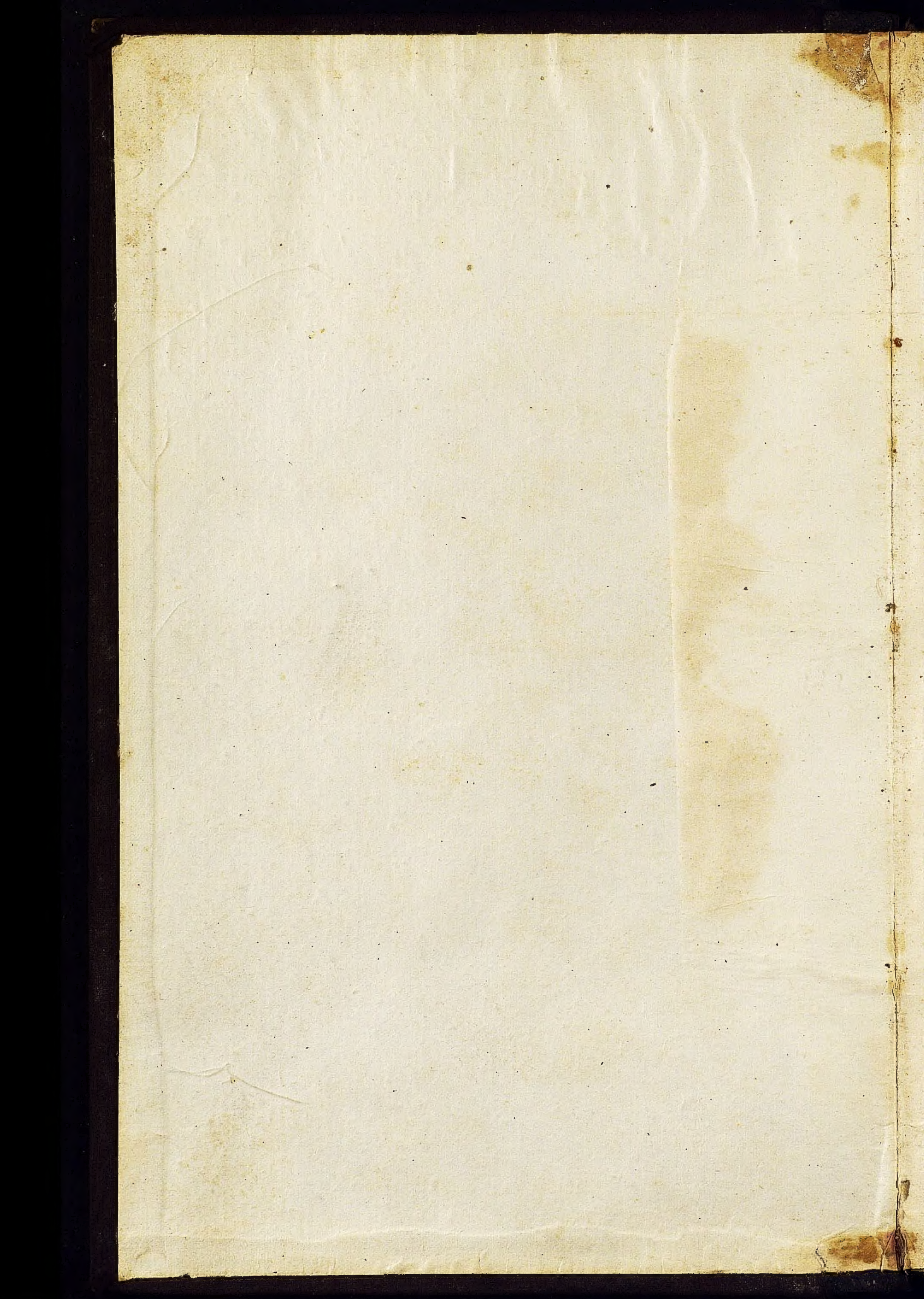
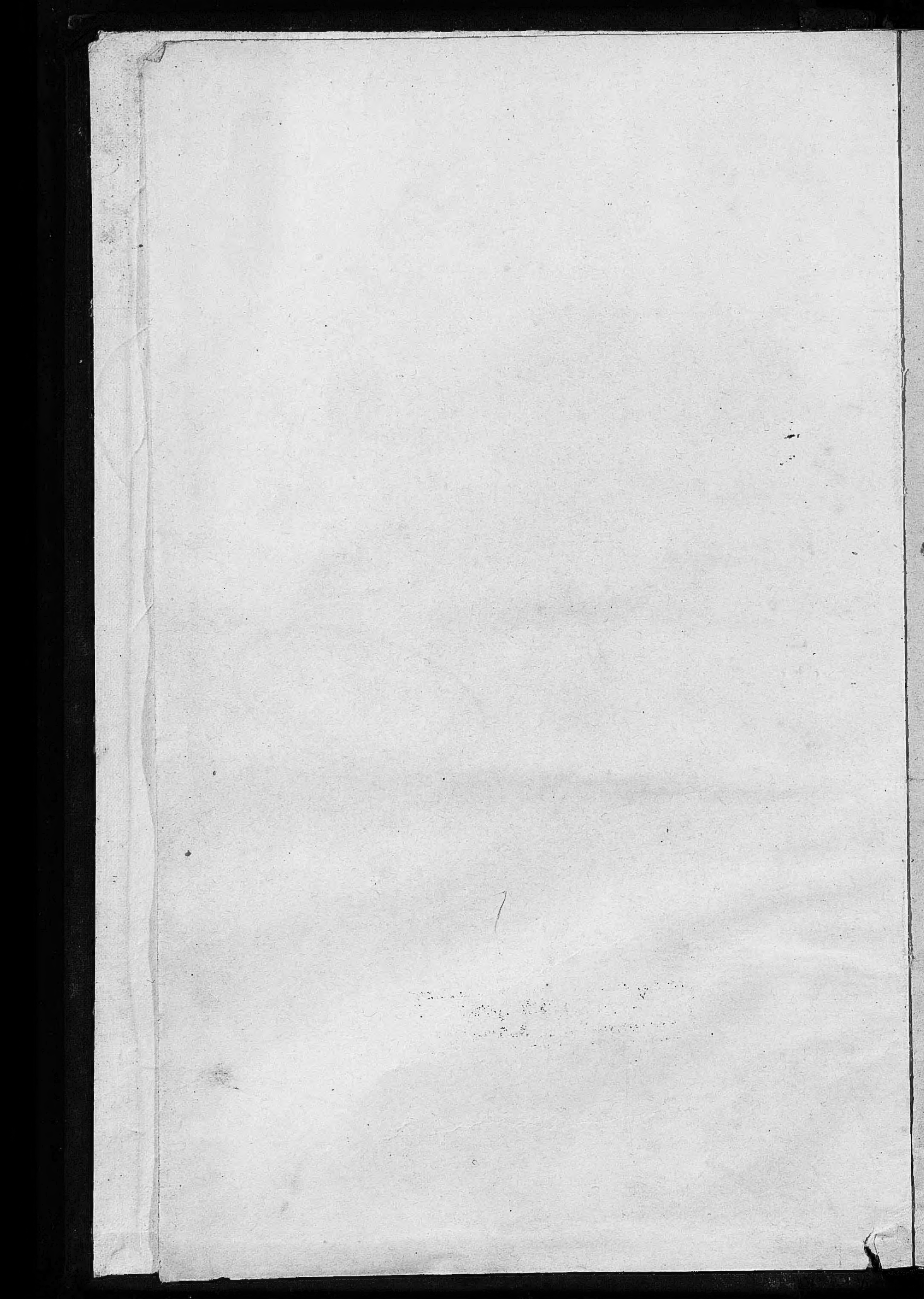

ПЕЧАТЬ
ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный **М. М. Стасюлевичемъ** въ 1866 году.

СОРОКЪ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ.

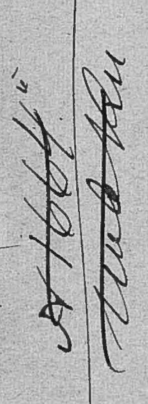
СЕНТЯБРЬ.

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1912.

Типографія т-ва „Общественная Польза", СПБ., Б. Подъяческая, 39.

ГРЯДУЩЕЕ.

(Переживанія матери)

I.

Все замерло въ нашемъ особнякѣ. Дома одна я съ прислугой, да и та давно спитъ.

Я поиграла Шумана. Когда-то его «Warum» меня глубоко трогало.

Сколько я мечтала, дѣвицей, за этой пьесой и за нѣкоторыми ноктюрнами Шопена?

Шуманъ! Шопенъ! Какъ все это далеко. И старомодно на иной вкусъ. И теперь ихъ еще играютъ, но они уже больше не владѣютъ душой молодежи. Для нынѣшней дѣвицы, особенно если она бойкая консерваторская пьянистка—это только «классики», которыхъ надо умѣть играть со всякими тонкостями ритма и выраженія.

Но они уже не говорятъ ихъ душѣ того, что такъ долго говорили нашей.

Одно время я совсѣмъ перестала присаживаться къ инструменту. Такъ шло довольно долго. И вотъ теперь, съ нѣкоторыхъ поръ я—какъ только останусь одна въ домѣ—присаживаюсь и играю.

Играю на память. Иногда и сама брожу по клавишамъ. Я и дѣвочкой-подросткомъ уже умѣла импровизировать.

Что вызываетъ во мнѣ теперь эту потребность?

Хочется уйти во *что-то*—непохожее на то, чѣмъ жизнь давно уже давитъ или играетъ.

Звуки—все равно, какъ духи. Нюхнешь—и сейчасъ воспоминанія унесутъ тебя за десятки лѣтъ и сызнова переживаешь былое... невозвратное, когда-то свѣтлое и радостное.

Забыть себя—вотъ чего стало хотѣться.

Отчего именно теперь, когда я такъ всецѣло живу не одной своей жизнью—мнѣ уже ничего не нужно, — а цѣлыми тремя молодыми существованіями?

Отчего?

Оттого, должно быть, что я стала приходить въ такое раздумье, какого прежде не знала.

Я *жила*, и этого было достаточно. Некогда было задумываться ни надъ своей личной судьбой, ни надъ тѣмъ, какъ росли дѣти.

Личная моя жизнь давно кончилась, и я ее не оплакиваю.

Для барышни моего времени я была исключеніемъ въ томъ, что я такъ любила Пушкина; а другія зачитывались Некрасовымъ, позднѣе Надсономъ—до тѣхъ годовъ, когда стали и дѣвицы зачитываться упадочными стихотвореніями.

Сколько разъ я повторяла чудные стихи изъ элегіи Ленскаго:

> «Все благо; бдѣнія и сна
> «Приходитъ часъ опредѣленный,
> «Благословенъ и день заботъ,
> «Благословенъ и тьмы приходъ!»

Жизнь текла и забирала тебя.

Пришла любовь. Я вышла замужъ безъ борьбы, безъ страданій и безъ страстнаго влеченія къ *мужчинѣ*.

Но я всегда—до его смерти—любила моего Николая. Все, что ему нужно было для жизни его души—я давала ему. Это не иллюзія! Онъ самъ, и въ первые дни нашего брака, и передъ своей кончиной, говорилъ мнѣ это.

Николай ужъ никакъ не ниже былъ меня—по уму, образованію, талантливости.

Его тянуло къ литературѣ. Онъ навѣрно добился бы имени даровитаго писателя. И вѣдь «изъ этого» (какъ онъ шутливо любилъ выражаться) ничего не вышло.

Надо было *жить*, т. е. работать для семьи. Вѣчная банальная исторія, но уйти отъ нея могутъ только избранники. Но какъ и они бьются, что за существованіе готовятъ они для семьи!

Какъ передъ Богомъ говорю я сейчасъ, что никогда не толкала его въ матеріальную сторону.

Но вѣдь у меня самой были маленькія средства—я бы еле-еле могла прокормиться на нихъ, еслибъ осталась дѣвицей и жила одна; а черезъ пять лѣтъ у насъ было уже трое дѣтей.

И мой Николай сдѣлался дѣловымъ человѣкомъ. Онъ выказалъ и тутъ даровитость и «работоспособность»—какъ нынѣ любятъ выражаться,—пошелъ быстро въ гору, попалъ въ пайщики и директора... и сгорѣлъ раньше срока, умеръ всего сорока шести лѣтъ.

Но онъ обезпечилъ будущность семьи.

Я говорю это не какъ насѣдка, безчувственная ко всему, что не ея гнѣздо, ея выводки, ея дѣтеныши. Нѣтъ! Мнѣ глубоко жаль той личности, какую могъ развить въ себѣ мой покойный мужъ. И если онъ тянулъ свою лямку бодро, безропотно—все же жизнь сдѣлала изъ него своего данника не такъ, какъ онъ желалъ, а какъ она рѣшила.

II.

Жизнь и со мною не церемонилась.

Она не трепала меня, не била, не дѣлала изъ меня игрушку унизительныхъ испытаній. Но она захватила меня вплотную.

Своимъ личнымъ «я» я, со второго же года нашего брака, перестала заниматься.

Я мечтала быть музыкантшей. Но пьянистки, такой, чтобы давать концерты—изъ меня не вышло бы. У меня былъ пріятный голосъ, не очень сильный, но обширный. Оперная сцена стала меня тянуть. Въ разгаръ этихъ порываній я и встрѣтила Николая.

Онъ сочувствовалъ моей «тягѣ на подмостки», какъ онъ называлъ.

И невѣстой его, и въ первый годъ замужества я все еще носилась съ этой мечтой.

И она не выдержала передъ натискомъ жизни.

Должно-быть природа надѣлила меня инстинктомъ материнства—въ двойномъ размѣрѣ противъ другихъ матерей.

Мнѣ не приводилось читать ни въ ученой книжкѣ, ни въ романѣ ничего, гдѣ бы была схвачена подлинная психика женщины, которая производитъ на свѣтъ живое существо: то, какъ она начинаетъ жить *двойной* жизнью или, лучше, какъ она чувствуетъ ребенка продолженіемъ своего тѣла, своего сознанія, всѣхъ фибровъ своей души.

И сколько мнѣ ни приводилось говорить объ этомъ съ самыми

развитыми женщинами, я рѣдко слышала что-нибудь, кромѣ общихъ мѣстъ.

Еще самыя вѣрныя и мѣткія вещи вы услышите отъ простой бабы... или отъ горничной, няни, у которой были дѣти.

Мужчины, и самые развитые, хотя бы разпсихологи—ничего этого не разумѣютъ. Они могутъ себѣ представлять все это только «въ проэкціи», умомъ, или развѣ тѣмъ, что, по модному, называютъ «интуиціей».

Но это надо *самой* ощущать, самой сознавать, какъ чувство къ своему ребенку начинаетъ заполнять ваше внутреннее «я» и совсѣмъ васъ преобразуетъ.

Изъ меня не вышло смѣшной насѣдки. Я не впадала въ эгоизмъ тѣхъ «маменекъ», для которыхъ ничего не существуетъ внѣ ихъ гнѣздъ. Но личная жизнь сразу отошла на задній планъ, а потомъ и совсѣмъ улетучилась.

Сцена перестала метаться передо мною, какъ нѣчто сулящее неиспытанныя радости — артистическихъ переживаній, славы, поклоненія.

Все это—даже еслибъ у меня и былъ большой талантъ—казалось уже такимъ суетнымъ и вздорнымъ, такой пустой и опасной игрушкой, которая могла, вдобавокъ, принести массу горькихъ ударовъ... не одному только самолюбію.

Я поставила на этомъ крестъ и отдалась велѣніямъ *настоящей* жизни.

И что же? Когда я сдала въ архивъ всѣ свои чисто женскія порыванія и мечты, я стала жить двойной жизнью: какъ жена Николая и какъ мать троихъ дѣтей.

Это, на иной взглядъ, духовное мѣщанство? А я никакими вопросами и не задавалась: мѣщанство это или нѣтъ. Меня понесла волна жизни: говорю это не какъ красивую фразу, а дѣйствительно такъ было.

Кормить дѣтей было мнѣ каждый разъ наслажденіемъ; а потомъ пошли долгіе годы ухода за ними, воспитанія, ученія. Я положительно проходила душой все, чѣмъ они жили—и младенцами, и маленькими, и подростками, и въ юношескихъ годахъ.

И я не была только насѣдка и нянька. Я—черезъ нихъ—прошла черезъ большую школу, стала думать, учиться, читать въ системѣ, уже тридцатилѣтней дамой сдѣлалась слушательницей курсовъ, выучилась еще двумъ языкамъ, кромѣ тѣхъ, которые я знала барышней.

Связь съ мужемъ, черезъ дѣтей, дѣлалась все цѣльнѣе, и

содержательнѣе, и теплѣе. Это и Николай постоянно говорилъ мнѣ.

Я нашла свое настоящее амплуа, свое коренное призваніе.

Одна моя подруга—впослѣдствіи много натерпѣвшаяся въ супружествѣ—повторяла всегда:

«Не знаю, Маша, какая бы изъ тебя вышла артистка; но жена ты — а главное, мать — хоть сейчасъ на всемірную выставку!»

III.

Когда я ихъ всѣхъ троихъ — одного ребенка послѣ другого—кормила, пѣстовала, ходила за ними когда они болѣли, учила, наблюдала, переживала съ ними рѣшительно все, чѣмъ они сами жили — мнѣ *некогда*, буквально некогда было останавливаться надъ думой: что изъ нихъ выйдетъ и какое «грядущее» ждетъ ихъ, когда меня не будетъ на свѣтѣ.

Здоровье мое не ставило передо мною еще никакихъ холодящихъ вопросовъ.

«Долго ли проживу? На кого покину дѣтей? Что изъ нихъ будетъ, когда я умру?»

Натура у меня выносливая, при наружной хрупкости сложенія. До сорока пяти лѣтъ я почти ни разу не продѣлала сколько-нибудь серьезной болѣзни.

Но теперь — уже не то. Подобрались разныя «лихія болѣсти».

Такъ называемый «критическій періодъ» я совсѣмъ и не замѣтила. Я вѣдь уже давнымъ давно—не женщина... А просто тѣлесная машина стала развинчиваться.

И мысль о томъ, что *конецъ* можетъ подобраться скорѣе, чѣмъ-бы я ожидала—начала подкрадываться.

Страха смерти я никогда не имѣла—могу сказать это съ глазу на глазъ съ своей совѣстью.

Я жила слишкомъ полной и сложной жизнью, чтобы думать о *своемъ* концѣ; а за свое здоровье я еще не такъ давно совсѣмъ не боялась.

Теперь уже не то! Совсѣмъ не то!

И впервые явилась у меня потребность осмотрѣться, подвести итоги, призвать самоё себя къ отвѣту.

Не свою личность—самоё по себѣ—а *мать*.

То, что изъ моихъ дѣтей вышло, еще не стояло передо мною такъ жутко, какъ стоитъ съ нѣкоторыхъ поръ.

Я никогда—и дѣвицей—не вела дневниковъ, а вотъ теперь начала—почти тайкомъ отъ дѣтей—писать свою исповѣдь.

Почему?

Потому что у меня—не со вчерашняго дня—на душѣ нѣтъ того, что было еще четыре года назадъ.

Тогда я шла, безъ всякихъ колебаній, по указаніямъ самой жизни.

Я никогда не была педанткой или доктринершей, не воображала, что я веду дѣтей какъ образцовый педагогъ. Никакого самообмана и никакой самовлюбленности въ себѣ я не замѣчала.

Напротивъ, я сама искала, училась, совѣтовалась, слѣдила за собой, перевоспитывала самоё себя.

И все это только для того, чтобы въ моихъ дѣтяхъ дать полный ходъ тому, что въ каждомъ изъ нихъ заложено было хорошаго.

Не муштровать ихъ, не задергивать, а неустанно изучать душевную складку каждаго и сдѣлать такъ, чтобы жизнь дома, при мнѣ, была для нихъ источникомъ всего радостнаго, бодрящаго, трепетнаго.

Но не затѣмъ, чтобы дѣлать изъ нихъ диллетантовъ и себялюбцевъ!

Я имъ постоянно показывала, до какой степени они поставлены судьбой въ условія, которыя для тысячъ дѣтей были бы чѣмъ-то волшебно-сказочнымъ. На примѣрѣ ихъ матери они видѣли—изъ года въ годъ,—что значитъ жить для другихъ.

Какъ мать, я уходила въ ихъ жизнь, изо дня въ день, но не безъ оглядки, не впадая въ тотъ ужасный эгоизмъ, который развивается у нѣкоторыхъ и образцовыхъ матерей.

Они видѣли, какъ я отзывалась на все, что дѣлалось въ обществѣ, и принимала участіе во многомъ, за предѣлами моего дома, моей семьи.

Не даромъ же мнѣ всѣ, до сихъ поръ, твердятъ, что у меня душа не пятидесятилѣтней дамы, а молодой женщины, въ двадцать пять лѣтъ.

Постоянно я слѣдила за собою и требовала себя къ экзамену—и мнѣ казалось, что я получала у самой себя хорошія отмѣтки.

И такъ шло—до послѣднихъ годовъ.

А теперь я ужъ и не знаю: смогу ли я *оправдать* себя? Да и не во мнѣ дѣло, а въ нихъ, въ моихъ птенцахъ!

IV.

Ихъ трое. Они родились съ промежутками въ полтора года—очень правильно. Даже до смѣшного.

Митѣ теперь уже двадцать третій годъ; Степѣ—двадцать одинъ; Шурѣ въ октябрѣ минуло девятнадцать, но она кажется старше Степы.

Еслибъ мнѣ поставили вопросъ, пятнадцать лѣтъ назадъ: кто болѣе вамъ милъ изъ вашихъ троихъ дѣтей?—тогда я не могла-бы отвѣтить такъ твердо, увѣренно и *вѣрно*, что мнѣ всѣ трое одинаково дороги.

Но было ли это такъ—на самомъ дѣла?

Когда произошелъ на свѣтъ второй мой сынъ Степа—я и его кормила,—въ своемъ чувствѣ, въ своей даже сокровенной нѣжности къ старшему и меньшему я не могла схватить ни малѣйшей разницы.

Но когда они стали подростать, я нѣтъ-нѣтъ, да бывало и поймаю себя на пристрастіи къ старшему.

Я съ этимъ упорно и сознательно боролась и могу сказать безъ самообольщенія, что поборола въ себѣ это пристрастіе.

Оно встрѣчается въ огромномъ количествѣ семей. Сколько я знавала жертвъ материнскаго равнодушія и даже враждебности.

Кажется, теперь дознано и научно, что эта враждебность къ собственному дѣтищу передается *наслѣдственно*, отъ матери къ дочери.

Меня судьба избавила отъ такого наслѣдственнаго дара, но еслибъ я во время не усилила контроля надъ самой собою—болѣе, чѣмъ вѣроятно, что Митя росъ бы «любимчикомъ».

Отецъ любилъ его страстно и дожилъ до того времени, когда они оба были порядочными мальчиками—Митя уже подросткомъ.

Но и отецъ не баловалъ его и, главное, не хвалилъ его при меньшемъ братѣ и при сестрѣ—такъ, чтобы вызвать въ нихъ чувство обиды и зависти.

Митю въ самомъ дѣлѣ можно было только хвалить: такъ онъ учился, держалъ себя съ нами и съ гостями, съ большими и съ своими товарищами. Нельзя же было не видѣть въ немъ, когда онъ еще былъ «приготовишкой», что и умомъ, и памятью, и способностью къ языкамъ, ко всему, чѣмъ онъ заинтересуется—онъ выше Степы и Шуры.

Ему больше было дано отъ природы. И *грѣшно* было бы показывать его младшему брату и сестрѣ, что они плоше его.

Но если я не была—послѣ смерти ихъ отца—виновата ни въ чемъ подобномъ, то почему же я теперь, когда пришелъ и для меня «судный день» передъ собственной совѣстью, не могу считать себя безупречной и все сваливать на судьбу, на натуру дѣтей, на стеченіе такихъ поворотовъ въ жизни каждаго изъ нихъ, противъ которыхъ я была безсильна?

Каждаго изъ моихъ дѣтей я любила одинаково, вела ихъ такъ, чтобы они развивались изъ самихъ себя, чтобы ни одному ихъ живому и симпатичному свойству не помѣшать распуститься махровымъ цвѣткомъ; знала каждаго изъ нихъ быть можетъ лучше, чѣмъ самоё себя. И что же?

Развѣ они то, о чемъ я не то что «мечтала», а думала съ полной увѣренностью?..

Никакихъ иллюзій у меня не было. Я совершенно объективно и безпристрастно могла дать оцѣнку и всѣмъ вмѣстѣ, и каждому изъ нихъ, къ тому моменту, когда они кончали курсъ, всѣ трое, въ гимназіи, при непрестанномъ моемъ участіи въ ихъ физическомъ и душевномъ ростѣ.

И вотъ я сижу на берегу — точно послѣ крушенія того корабля, на которомъ мы плыли вчетверомъ.

Это крушеніе произошло не разомъ. Было нѣсколько пересадокъ съ одного судна на другое; но каждое давало течь и высаживало насъ на берегъ.

Теперь я сижу съ такимъ чувствомъ, что я уже не поплыву больше съ ними... останусь одна. А они уйдутъ въ море, въ разбивку... и не вернутся.

V.

Митя не могъ не сдѣлаться мнѣ ближе, чѣмъ дочь моя, какъ бы я ни старалась оберегать себя отъ всякаго пристрастія.

Онъ былъ мнѣ ближе еще подросткомъ, по пятнадцатому году. И такъ шло все время до «аттестата зрѣлости»; а онъ поступилъ въ студенты только по девятнадцатому году — цѣлый годъ у него пропалъ: онъ схватилъ воспаленіе легкихъ и долго не поправлялся.

Въ эти мѣсяцы смертельно-опасной болѣзни и долгаго выздоровленія я сама стала еще ближе къ нему. Онъ меня пони-

малъ такъ, что я иногда диву давалась его необыкновенной душевной проницательности.

Иногда онъ меня вдругъ спроситъ, еще лежа въ постели, слабымъ голосомъ подростка, съ нотами, переходящими изъ альта въ баритонъ:

— Скажи, мама, вѣдь ты должна ужасно тосковать...

— Почему, милый?

— Ты одна...

— Какъ одна? А вы?

— Что жъ... мы еще маленькіе. Ты насъ любишь... живешь только нами... Но твое сердце и другого проситъ... Ты такъ любила папу... И вотъ ты живешь точно старушка, а ты еще молодая... тебя можетъ еще полюбить мужчина, немножко постарше тебя, и даже твоихъ лѣтъ.

— Полно...—останавливала я его; но онъ продолжалъ:

— Ты приносишь себя въ жертву намъ... А это гадко!

— Почему гадко?

— Я хочу сказать гадко... съ нашей стороны. Я знаю, у дѣтей есть такая замашка: мать, если она овдовѣетъ, не смѣетъ выходить больше замужъ. Развѣ не гадость, мама?

— Но, милый ты мой малышъ, я и не собираюсь ни за кого.

— Я тебя люблю... но я никогда не позволилъ бы себѣ глядѣть на тебя—точно ты наша собственность.

И его темные глубокіе глаза искрились и даже ноздри вздрагивали.

— Братъ Степа... можетъ быть способенъ былъ бы на это... Онъ и теперь уже... толкуетъ о какихъ-то благородныхъ традиціяхъ... Ну, и за Шуру я не ручаюсь. Дѣвчонки всѣ ревнишки. Не знаю, больше ли она тебя понимаетъ и цѣнитъ, а тоже, поди, стала бы ревновать... или даже совать свой носъ—за кого ты выходишь, лучше онъ папы или нѣтъ, дѣлаешь ли ты хорошую партію... или Богъ знаетъ кого себѣ выбрала!..

И тогда уже Митя выше всего ставилъ свободу личнаго «я», хотя и не умѣлъ еще такъ выражаться.

Мнѣ это очень нравилось. Я ни въ чемъ ему умышленно не поддакивала, но и не боялась, какъ бы это *свободолюбіе* не выразилось просто въ озорствѣ, въ бунтарствѣ, въ эгоизмѣ и самомнѣніи.

Но онъ и тогда уже, и позднѣе, когда совсѣмъ превратился въ юношу — слишкомъ живо принималъ къ сердцу все, что ему подкладывала жизнь: и товарищескую среду, и то, что

онъ читалъ въ газетахъ, всякій общественный фактъ, все, что только могло дать ему поводъ протестовать во имя безусловной свободы *личности*.

Какъ разъ передъ его выходомъ изъ гимназіи—въ студенты онъ собирался чуть не съ перваго класса—у насъ повѣяло другимъ воздухомъ, запахло «весной». И тотчасъ затѣмъ разразилась война и началось «движеніе».

Когда пришла депеша о *9-мъ января*, я боялась, что съ нимъ сдѣлается нервный ударъ.

Это его перевернуло. Въ его отношеніе къ жизни, къ тому, что и для него было еще обязательно, если и не священно—залегла какая-то трещина.

Я не хотѣла тревожить его такими разговорами, гдѣ бы онъ долженъ былъ высказываться. Онъ могъ бы принять это за вторженіе въ его душу.

И я зачуяла, что не пройдетъ и года, какъ Митя уйдетъ отъ меня въ свое собственное «я».

Нѣжнымъ онъ никогда не былъ, и въ дѣтствѣ; но говорить со мной по душѣ — любилъ всегда. Эта потребность стала замѣтно слабѣть, и я не взвидѣлась, какъ онъ—безъ всякихъ рѣзкихъ оказательствъ — ушелъ въ свой внутренній міръ, который онъ сталъ усиленно оберегать.

VI.

Со Степой могло у меня выйти нѣчто какъ разъ противоположное тому, чего я боялась въ чувствѣ своемъ къ Митѣ.

Тамъ я могла впасть въ пристрастное влеченіе къ моему первенцу; а здѣсь я—хоть и не сразу—начала ловить себя на какомъ-то глухомъ чувствѣ, которое могло перейти въ пристрастіе—совсѣмъ въ другую сторону.

Когда я кормила Степу, я ничего такого не подмѣчала въ себѣ. Онъ долго былъ кусочекъ мяса, бѣленькій, гладкій, розовый, безъ всякаго выраженія въ круглыхъ свѣтлыхъ глазахъ, немножко на выкатъ.

Но когда онъ сталъ ходить, мнѣ не нравилось то, что онъ похожъ на дѣвочку, тогда какъ Митя и еле годовалый уже смотрѣлъ настоящимъ мальчикомъ, будущимъ мужчиной.

Не нравился мнѣ и вообще его физическій складъ, также болѣе женскій, чѣмъ мужской.

Онъ съ ранняго дѣтства любилъ играть съ сестрой въ тѣ же

куклы и учился женскимъ рукодѣльямъ—умѣлъ вязать и вышивать по канвѣ.

Его еще отецъ прозвалъ:

— «Прасковья Николаевна!»

И вся его повадка мнѣ не нравилась, такъ что я должна была едва ли еще не сильнѣе слѣдить за собою, чѣмъ съ Митей, чтобы не сдѣлаться прямо несправедливой къ моему второму сыну.

Всякую мать можно подкупить лаской и нѣжностью. А Степа былъ гораздо ласковѣе Мити. Опять-таки, точно дѣвчонка. Если въ чемъ-нибудь проштрафился—сейчасъ же въ слезы, цѣлуетъ руку, становится на колѣна, умоляетъ и тысячу разъ проситъ прощенія.

Никакихъ порочныхъ наклонностей я въ немъ не открывала, и это-то меня какъ бы и раздражало. Точно будто мнѣ то было непріятно, что вотъ онъ хорошій мальчикъ, безъ всякихъ дурныхъ склонностей, а поэтому я должна была бы быть къ нему нѣжнѣе.

Учился онъ не блестяще, но не былъ лѣнтяемъ, боялся дурныхъ отмѣтокъ и вообще съ дѣтскихъ лѣтъ обожалъ все, что «порядочно», за что хвалятъ, все что «distingué», начиная съ туалета и манеръ.

И въ этомъ было что-то похожее на дѣвочку: разбирать кто какъ одѣтъ, возиться съ бѣльемъ и платьемъ, все прибирать и приглаживать.

Какъ рѣзкій контрастъ съ Митей—никакой потребности отстоять свое «я», а напротивъ, поддѣлываться къ тому, что принято, что «comme il faut», что считается обязательнымъ для мальчика и юноши «хорошей фамиліи».

Каюсь! Такой связи съ нимъ, какъ мать, я не имѣла, какъ съ Митей. И его почтительность, ласковость, разные «подходцы» и заискиванья никогда меня не трогали и не подкупали.

Но я давно уже поставила себѣ за правило: ничего «особеннаго» отъ него не требовать, быть довольной тѣмъ, что онъ сносно учился, что у него прекрасныя манеры, что онъ мило болтаетъ по французски, что у него есть разные «talents d'agrément»—можетъ фантазировать на роялѣ, красиво танцуетъ и бѣгаетъ на конькахъ.

Не помню, чтобы у насъ со Степой вышла какая-нибудь исторія. Ни разу я его не наказала. И все-таки во мнѣ такъ и осталось чувство, что онъ «ни въ мать, ни въ отца»... а въ кого-то изъ предыдущихъ генерацій.

Не могла я—да и теперь не могу—ставить ему въ вину, что онъ такимъ уродился. Но не могла я влить ему въ душу что-нибудь такое, что сдѣлало бы мою связь съ нимъ не одной только кровной.

Если материнское чувство даетъ вамъ какъ бы двойную жизнь, то я въ немъ себя не чувствовала.

А сколько матерей, на моемъ мѣстѣ, были бы совершенно счастливы. Съ такимъ мальчикомъ чего же бояться? Онъ не заставитъ васъ переживать тѣхъ ударовъ, которые готовятъ вамъ другія, самыя одаренныя, самыя мечтательныя дѣти.

Ничего не стоило вести его безъ сучка и задоринки. Но въ сущности вы-то и не вели его. Вы не вліяли на него ни въ хорошую, ни въ дурную сторону. Онъ шелъ такъ, какъ ему самому было пріятно и удобно.

Одной изъ первыхъ его любимыхъ фразъ были слова изъ нынѣшняго жаргона петербуржцевъ, которыя я особенно не жалую:

— Это меня *устраиваетъ*!

Такъ онъ и «устраивалъ» себя и, оставаясь такимъ же «примѣрнымъ» сыномъ, все дальше и дальше отходилъ отъ меня.

VII.

Дочь у меня одна, и ничего не было бы особенно удивительнаго, еслибъ она сдѣлалась моей любимицей.

Но никакого усиленнаго влеченія къ ней я не испытывала— ни въ тѣ годы, когда она была еще маленькой, ни позднѣе.

Можетъ быть, окажись она болѣе хрупкой, болѣзненной, я бы привыкла пѣстовать ее больше, чѣмъ мальчиковъ. Но Шура родилась крупнымъ и крѣпкимъ ребенкомъ, росла ровно, всѣ дѣтскія болѣзни продѣлала легко.

Никогда я за нее не боялась и часто повторяла, что ею можно было бы щегольнуть на выставкѣ образцовыхъ международныхъ младенцевъ женскаго пола.

То, что она скоро становилась красивенькой—не дѣйствовало на мое тщеславіе матери. Ея красивость дѣлалась не въ моемъ вкусѣ—слишкомъ чувственная: цвѣтъ лица, волосы, ротъ, губы, весь складъ—все это напоминало раскрашенныя картинки дѣтскихъ модъ.

И уже подросткомъ она поражала всѣхъ своими *формами*. Ей казалось не тринадцать, а шестнадцать лѣтъ: такія у нея были бедра, ноги, руки, плечи, грудь.

Я водила ее—изъ гигіеническихъ цѣлей, а не изъ обезьянства—съ голыми икрами, но сама это прекратила, когда ей пошелъ тринадцатый годъ. Выходило слишкомъ уже откровенно, да и въ гимназіи, куда я ее тогда отдала—это еще болѣе бы шокировало.

Степа—ближайшій къ ней по возрасту—былъ болѣе дѣвчонкой, чѣмъ Шура. Она слишкомъ рано стала похожа на маленькую «женщину»; но въ ней темпераментъ сказывался совсѣмъ не такъ, какъ у него.

Ни малѣйшей мечтательности, ничего интимнаго, трепетнаго, за то и никакой слезливости или дикости, никакихъ эксцентричныхъ выходокъ.

Училась—скорѣе хорошо, чѣмъ плохо, рано стала накидываться на книжки и, разумѣется, на беллетристику.

Въ этомъ вопросѣ я держалась и съ ней, и съ ея братьями одной и той же системы, прямо и во время говорить имъ, какое чтеніе еще не для нихъ; но если къ нимъ попадетъ книжка не изъ моихъ рукъ—приходить ко мнѣ и показывать.

Митя—еще въ пятомъ классѣ гимназіи—объявилъ мнѣ, что онъ желаетъ «читать все», и я должна была согласиться на это. Степа долго показывалъ то, что читалъ, но читалъ ли что и тайкомъ — не знаю; если читалъ, то дѣлалъ это очень ловко. Шура держалась его же тактики до того момента, когда заявила, что ей пора носить юбки, какъ большой.

Но она еще за два-три года передъ тѣмъ уже сложилась. И передо мною всталъ вопросъ, который тогда только что обострился: продолжать ли держать ее въ совершенномъ невѣдѣніи половой жизни или просто, умѣло, вполнѣ серьезно бесѣдовать съ нею на эту тему?

Каюсь, я не пошла прямо на второе, а выбрала средній путь.

Не могла я не видѣть, что такая натура, какъ моя дѣвочка, и въ четырнадцать лѣтъ будетъ испытывать—сильнѣе многихъ другихъ—то, что приноситъ съ собою приближеніе половой зрѣлости.

Но—каюсь!—я не хотѣла прежде времени ставить точки на і, раскрывать ей глаза на опасности, какія ожидаютъ ее отъ полнаго незнанія законовъ человѣческой природы.

Меня поддерживало въ этомъ и то, что я въ Шурѣ не замѣчала ранней влюбчивости, ни мечтательной, ни чувственной. И такъ шло до самаго выхода изъ гимназіи.

Никакого «обожанія» ни къ товаркамъ по классу, ни къ учителямъ.

Она бы этого не стала утаивать. Вообще, скрытности въ ней нѣтъ и слѣда. Въ этомъ она не похожа ни на одного изъ братьевъ. Митя былъ всегда сама правдивость; но до многаго въ своей душѣ онъ не подпускалъ и меня, съ извѣстнаго возраста.

Даже на романы она не накидывалась и съ той поры, когда я намѣренно не производила никакого давленія на выборъ того, что ей *слѣдуетъ* читать.

И довольно неожиданно для меня сама Шура пожелала идти на курсы.

VIII.

Дѣти мои—до наступленія ихъ юности — все-таки составляли со мною какъ бы одно цѣлое.

Иначе и не могло быть. Только какіе-нибудь выродки заплатили бы мнѣ «черной неблагодарностью» за то, что я влагала—долгіе годы—въ созиданіе ихъ внутренняго міра, уходя безраздѣльно въ мое материнство.

Мы жили ладно, безъ всякихъ не то что уже бурь, а и мелкихъ схватокъ и между мною и ими, и въ ихъ особой, дѣтской жизни между собою.

Моя неустанная забота была о томъ, чтобы они—втроемъ—представляли собою особый мірокъ, чтобы они не уподоблялись только птенцамъ, которые, чуть что, бѣгутъ къ матери и забиваются подъ ея крыло, а умѣли сами улаживать свою совмѣстную жизнь подъ родительскимъ кровомъ.

Мужъ мой всегда сочувствовалъ такой идеѣ. Вѣдь ею же проникнута и вся новая, болѣе разумная и реальная педагогія!

Но между идеей, и системой и живой жизнью—или пропасть, или только кажущееся приближеніе. Такъ вышло и съ жизнью особаго мірка моихъ дѣтей—въ томъ, что сложилось только между ними, помимо моего вліянія или воздѣйствія.

Тутъ стали сказываться такія влеченія и антипатіи, противъ которыхъ я, помимо моей воли, оказалась безсильной.

Митя, какъ старшій, стоялъ всегда особнякомъ. Онъ не важничалъ, не задиралъ, но и не дружилъ съ братомъ и сестрой такъ, чтобы сложилась между ними, съ дѣтскихъ лѣтъ, настоящая, неразрывная связь.

Это меня давно уже стало огорчать, и я всячески старалась найти между ними особое сродство. И съ годами они все сильнѣе уходили одинъ отъ другого.

Шура рано подпала подъ безусловный авторитетъ старшаго брата. Но она скоро къ нему охладѣла, потому что онъ не отвѣчалъ ни на какіе запросы ея натуры, слишкомъ чувственной, и сталъ ей показывать, что она *не можетъ* его понимать.

Со Степой она больше ладила; но она смотрѣла на него какъ на «дѣвчонку» и привыкла подтрунивать надъ нимъ. Тотъ не огрызался, но отошелъ отъ нея и кончилъ какимъ-то брезгливо-шутливымъ отношеніемъ къ ея не по лѣтамъ развитой фигурѣ. Она его окончательно отставила отъ своей особы.

Между братьями съ первыхъ годовъ дѣтства проявлялось уже что-то органически-непріятное. Митя, по природѣ своей, былъ слишкомъ совѣстливый и строгій къ себѣ мальчикъ, чтобы походя обижать младшаго брата. Но Степа дѣлался для него чѣмъ-то глубоко-противнымъ всему тому, что онъ самъ считалъ желательнымъ и цѣннымъ въ мужчинѣ.

Первый сталъ мнѣ жаловаться Степа.

— Митя меня презираетъ,—говорилъ онъ сначала съ дрожью въ голосѣ, а потомъ и съ особымъ выраженіемъ подавленной обиды.

До злобныхъ схватокъ у нихъ не доходило—по крайней мѣрѣ при мнѣ; но они никогда не играли вмѣстѣ, не гуляли, не читали однѣхъ и тѣхъ же книжекъ.

И сестра не могла быть связующимъ звеномъ между ними.

Когда я замѣчала Митѣ, что онъ «недобро» относится къ брату, онъ блѣднѣлъ и говорилъ почти всегда одно и то же:

— Ты увидишь, мама, какая изъ Степы выйдетъ дрянь, ты увидишь!

Къ моему великому сокрушенію, я увидѣла, что мои дѣти, когда вышли изъ дѣтства и могли бы сплотиться въ одно кровное цѣлое, быть другъ для друга опорой и утѣшеніемъ на всю жизнь—только тѣмъ и держались вмѣстѣ, что жили съ матерью, на ея средства, а не на своихъ ногахъ!

А умри я—и все бы распалось.

Сколько разъ я осуждала тѣ семьи, которыя держатся противъ всего свѣта и доводятъ свой родовой эгоизмъ до высшаго предѣла.

И судьба, точно нарочно, карала меня за это.

Снаружи—я съ дѣтьми изображала собою образцовую семью; а въ ней уже давно завелась червоточина.

IX.

Вернулась я мыслью къ тому вечеру, когда стала изливаться, передъ самой собою—подводить итоги, призывать себя на судъ собственной совѣсти.

Съ тѣхъ поръ протекло немного больше недѣли.

Зачѣмъ я стала это дѣлать?

Неужели для того только, чтобы дойти окончательно до горькихъ выводовъ, показать свое полное безсиліе, вырыть еще глубже яму между своимъ «я» и тѣмъ, что составляетъ «я» моихъ дѣтей? Или безусловно осудить себя?

Но вѣдь все это безплодно и ведетъ только къ лишнимъ душевнымъ тревогамъ, лишаетъ меня всякой почвы подъ ногами, дѣлаетъ меня въ собственныхъ глазахъ мелкимъ существомъ, которому давно надо удалиться и никому не мѣшать.

Пускай живутъ себѣ, какъ хотятъ.

Но развѣ это мыслимо? Гдѣ такая мать, которая, по доброй волѣ, пойдетъ на это, послѣ того какъ она жила чуть не цѣлую четверть вѣка тѣми существами, которымъ дала жизнь?

Никто изъ моихъ дѣтей не просилъ меня производить ихъ на свѣтъ.

Это вѣдь теперь ходячая фраза.

Чуть что, и вашъ сынъ или дочь броситъ вамъ въ лицо возгласъ:

— Ты насъ родила! Ты насъ обрекла на эту гадость, которая зовется жизнью. Твой долгъ былъ облегчить намъ то, о чемъ мы тебя не просили!

И вѣдь это правда. Но я и билась только изъ-за того, чтобы сдѣлать для каждаго изъ нихъ менѣе тяжкой обузу земного существованія.

Если то, что я вижу въ нихъ теперь, выросло во что-то для меня тяжкое, обидное, сулящее горе въ ближайшемъ будущемъ—то могла ли я одна быть въ этомъ виновата?

О! Я бы взяла всю вину на себя и не съ глазу на глазъ съ собственнымъ «я». Я бы сказала это и публично. Я способна была бы повиниться и передъ дѣтьми моими — хоть сейчасъ!

Но отъ этого ничто бы не измѣнилось.

Ничто!

Все это уже сдѣлалось, и пересоздать психику моихъ дѣтей я не въ силахъ. Какъ бы я ни была даровита и умѣла

въ дѣлѣ ихъ воспитанія—жизнь оказалась бы куда сильнѣе меня.

Такъ оно и вышло. Развѣ я могла предотвратить все то, что произошло у насъ въ обществѣ, во всей странѣ, въ судьбахъ родины, во всѣхъ классахъ, сословіяхъ, въ интеллигенціи и въ народѣ, а главное—въ молодежи?

Когда разразилось революціонное движеніе, мой старшій сынъ только что вышелъ изъ подростковъ, также какъ и братъ его; а дочь только дѣлалась подросткомъ.

И на нихъ пахнуло движеніе, но совсѣмъ не такъ, чтобы я имѣла поводъ смущаться за нихъ или усиленно оберегать ихъ отъ общей «разрухи».

Всего опаснѣе это было бы для Мити.

Но онъ не очутился въ рядахъ «дружинниковъ», какъ многіе гимназисты его лѣтъ. Въ немъ—несомнѣнно—что-то назрѣвало; но онъ не любилъ сборищъ, не бѣгалъ тайкомъ на митинги, даже не накидывался на брошюрки и прокламаціи.

Еще менѣе могла я опасаться за Степу. Для него все это было вродѣ занимательнаго спектакля. Онъ приносилъ изъ гимназіи всякіе слухи, не прочь былъ пойти посмотрѣть, какъ строятся баррикады, да и то, когда я ему построже запретила это, онъ никуда тайкомъ не бѣгалъ. Какого-нибудь сочувствія движенію я въ немъ не замѣчала, и его равнодушіе къ тому, что дѣлалось тогда, скорѣе огорчало меня.

Шура вела себя въ родѣ Степы. За нее тоже нечего было опасаться, что она убѣжитъ на какое-нибудь опасное сборище или очутится ночью при закладкѣ какой-нибудь баррикады.

Такъ они и кончили—когда все это уже было позади и началось «успокоеніе».

То, что въ нихъ теперь сидитъ, сдѣлалось въ послѣдніе два года.

X.

Но я-то сама, какъ я ни входила въ дѣло матери, не могла же я не пройти и черезъ все то, что въ послѣдніе годы заставило насъ пережить наше «любезное» отечество?

Никогда еще не приходилось болѣть родиной такъ, какъ въ эти шесть лѣтъ. Сначала война, потомъ революціонный взрывъ, а потомъ... расплата сверху за то, что вскипѣло снизу.

Себя я никогда не выдавала за непримиримую радикалку.

И дѣтей я воздерживала отъ замашки походя все ругать и всѣмъ возмущаться. Но они видѣли и знали, что я всегда возмущалась всѣмъ, что—произволъ, насиліе, грязь, ложь, безправіе и массъ, и отдѣльной личности, въ народѣ и во всѣхъ слояхъ общества.

Если я ихъ не толкала въ заговорщики и бунтари, то не скрывала отъ нихъ, какъ разъ когда они вышли изъ подростковъ, и того, какъ тяжко и мнѣ переживать, послѣ смуты, полосу жестокой и тупой реакціи. И для меня развалъ реакціи не прошелъ даромъ. И то, что сталось изъ народнаго представительства, и какая свалка самыхъ дикихъ инстинктовъ и аппетитовъ начала справлять свой шабашъ—все это не оставляло меня «постыдно равнодушной».

Я была бы счастлива, еслибъ въ дѣтяхъ своихъ видѣла наростаніе чувствъ и протестовъ, которые создаютъ гражданъ. Я не хотѣла бы одного: чтобы изъ моихъ сыновей вышли узкіе партійные люди. Изъ нихъ только Митя отзывался чутко и горячо на многое, что и меня волновало. Но въ немъ что-то начало отъ меня ускользать. Онъ все болѣе и болѣе замыкался.

Когда вновь забродило забастовочное движеніе, онъ очутился въ немъ однимъ изъ вожаковъ—и я этого не доглядѣла.

Изъ-за этого онъ долженъ былъ потерять цѣлый семестръ; а могъ поплатиться и сильнѣе—высылкой изъ города, быть можетъ и административной ссылкой.

На немъ это никакъ не отразилось. Пропавшаго семестра онъ ни чуточки не жалѣлъ и объявилъ мнѣ, очень спокойно, что ѣдетъ къ товарищу, въ деревню.

Я была даже рада такой комбинаціи. Вернулся онъ во время и отъ всякаго участія въ сходкахъ или тайныхъ сборищахъ уклонялся.

По своей платформѣ онъ могъ принадлежать къ «эсъ-эрамъ»; но онъ никогда мнѣ объ этомъ не говорилъ до своего отъѣзда въ деревню къ товарищу. Прощаясь, онъ сказалъ мнѣ:

— Ты, пожалуйста, не думай, мама, что меня рано или поздно сцапаютъ. Я теперь—внѣпартійный. Настоящій «дикій». И, право, не стоило попадаться изъ-за всей этой забастовочной процедуры. Все это, въ сущности, выѣденнаго яйца не стоитъ.

Степы—и въ студентахъ—совсѣмъ точно и не коснулось движеніе.

За него ужъ ровно нечего было бояться по этой части. Но жизнь сыграла и тутъ свою властную роль. Она разбудила въ немъ такую психику, въ которой мы съ его отцомъ совершенно неповинны.

Это передалось, должно быть, отъ предковъ... и начало кристаллизоваться въ немъ подъ дуновеніемъ все той же жизни—теперешней, когда всѣ закваски «добраго стараго» времени, только притаившіяся, поприсохшія, опять даютъ махровые всходы.

И тутъ я во время не доглядѣла, стало-быть!

А еслибъ и доглядѣла, то смогла ли бы передѣлать всю его натуру? Вѣдь мало ли надъ нимъ подсмѣивались, называя его «Прасковья Николаевна»—а онъ все-таки почти что до поступленія въ студенты имѣлъ повадку «дѣвчонки».

То же самое и съ моей дочерью.

Еще годъ тому назадъ я не могла предвидѣть, что изъ нея будетъ распускаться такой цвѣтокъ... въ теперешней теплицѣ, съ прянымъ и спертымъ воздухомъ, насыщеннымъ всякими ядовитыми и возбуждающими испареніями.

XI.

Вотъ я опять сижу одна-одинешенька, поздно вечеромъ, въ нашемъ мертвенномъ домикѣ, и дѣлаю свои «записи».

Со мною это случается теперь по нѣскольку разъ въ недѣлю.

Гдѣ мои дѣти—вотъ хоть въ настоящую минуту?

Я не знаю.

Когда они расходятся послѣ обѣда, никто изъ нихъ не скажетъ мнѣ—куда они идутъ или ѣдутъ.

Еще не такъ давно у насъ была установлена такая формула:

— Какое у васъ—или у тебя—распредѣленіе дня?

Но этого теперь нѣтъ. Еще Степа иногда скажетъ, гдѣ онъ будетъ проводить вечеръ, да и то затѣмъ больше, чтобы попросить у меня денегъ.

Деньги!

Я пріучила дѣтей къ самому простому и здоровому взгляду на нихъ.

Деньги—средство жить по человѣчески, но надо ихъ зарабатывать.

Отъ дѣтей или отъ молодежи, пока она учится, нельзя требовать, чтобы они сами себя содержали, но стыдно и транжирить, если живешь на «все готовенькое».

Митѣ не надо было особенно внушать это. Онъ былъ всегда «справедливецъ». Онъ—еще до окончанія курса въ гимназіи—стыдился того, что живетъ «на чужой счетъ», искалъ

уроковъ, также и студентомъ, и я сама его удерживала отъ переутомленія.

Въ Степѣ и Шурѣ я не могла развить серьезнаго и честнаго взгляда на деньги и заработокъ.

Степа знаетъ—и очень—цѣну деньгамъ, онъ и теперь уже постоянно разсчитываетъ — что выгодно и что невыгодно, а, главное, какъ бы сдѣлать такъ, чтобы вы, въ собственныхъ глазахъ, не считали себя шелопаемъ и тунеядцемъ, а дѣлали только то, что попріятнѣе и полегче — и за это получали бы побольше.

Дочь моя высказываетъ полное презрѣніе къ тому, что дорого, что дешево. Она совершенно такъ чувствуетъ это и выражаетъ, какъ героиня комедіи Островскаго «Бѣшенныя деньги», хотя между эпохой той госпожи и теперешнимъ моментомъ— больше четверти вѣка!

Шура—курсистка и гоняется за «послѣднимъ крикомъ» во всемъ; но въ ней я не вижу ни малѣйшей думы о томъ, имѣетъ ли она нравственное право тратить безъ самаго минимальнаго заработка?

Но вѣдь всѣ мои дѣти — въ томъ числѣ и Митя—могутъ, каждый день и по поводу всякаго денежнаго пустяка, говорить мнѣ:

— Мама, но вѣдь ты сама *рантьерка*, а не работница. Ты никакихъ цѣнностей не создаешь. У тебя есть свое состояньице—наслѣдственное, а не пріобрѣтенное тобой. Остальное оставилъ тебѣ отецъ вмѣстѣ съ нами; стало-быть, права твои такія же, какъ и наши. Если ты хочешь быть послѣдовательной, ты должна отказаться отъ «готовенькаго» и начать трудиться. Но что же ты заработаешь, куда ты пойдешь? Въ твои лѣта, съ твоимъ слабымъ здоровьемъ? Въ гувернантки, въ классныя дамы? Въ кастелянши? Это все только одни слова. Мы тебѣ благодарны за то, что ты насъ поддерживаешь... А потомъ—мы позаботимся сами о нашихъ дѣлахъ.

И вѣдь это такъ! Я не воспитывала ихъ, какъ будущихъ пролетаріевъ, и въ ихъ глазахъ—особенно въ глазахъ старшаго сына,—я настоящая буржуазка, которая никакихъ цѣнностей не создала.

То, что всѣ свои душевныя и физическія силы я клала на нихъ—это въ счетъ не идетъ. На это есть сильный, хоть и жестокій аргументъ:

— Мы тебя не просили производить насъ на свѣтъ.

Они—какъ и всякія дѣти въ нашемъ быту—нуждаются въ карманныхъ деньгахъ. Могли бы и гораздо больше транжирить.

Печально то, что получая отъ меня на свои faux-frais, они давно уже не считаютъ нужнымъ дѣлиться со мною даже тѣмъ, какъ они проводятъ свои вечера, съ кѣмъ они дружатъ, кѣмъ и чѣмъ увлекаются.

Дошло до того, что я въ сутки вижу ихъ только за обѣдомъ; да и то не всегда.

XII.

Неужели я дошла до того, что я для нихъ—лишняя обуза или много-много какая-то квартирная хозяйка, съ которой есть какія-то непріятныя отношенія, помимо платы за комнату и ѣду?

А вѣдь такое чувство уже давно стало закрадываться въ меня.

Надежда, какую я «лелѣяла» все время, когда дѣти мои еще подростали—кончилась теперь чѣмъ-то вродѣ краха.

Какъ бы я себя сама ни обвиняла въ этомъ—я этимъ обвиненіемъ ничего уже не могу измѣнить!

Дѣти еще при мнѣ. Они уже взрослые. Я имѣю—стало-быть—возможность входить съ ними постоянно въ самое интенсивное общеніе.

А я—очутилась какимъ-то «отщепенцемъ», тутъ, въ своемъ домѣ, какъ мать, которая только ими и жила, съ самаго ихъ рожденія.

Когда они росли и учились, я не переставала также «учиться». Я боялась всего больше сдѣлаться, въ ихъ глазахъ, отсталой; я всегда, во всякій моментъ ихъ развитія, могла быть не только ихъ товарищемъ, но и старшимъ другомъ, способнымъ входить рѣшительно во всѣ ихъ занятія, вкусы, удовольствія, мысли, чувства, мечты.

А вышло вотъ что! Если въ Степѣ и въ Шурѣ сидѣло, отъ природы, многое, что помѣшало нашему душевному сближенію, то въ Митѣ были всѣ задатки.

А онъ—сдается мнѣ—ушелъ отъ меня еще больше, чѣмъ тѣ двое.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вернулся изъ деревни своего товарища, у насъ съ нимъ не было еще ни одного разговора «по душамъ».

Онъ уклоняется отъ такихъ разговоровъ. Я чую, что теперь онъ уже смотритъ на меня только, какъ на мать, т. е. на пожилую *даму*, которую надо щадить, не огорчать ее безъ нужды и не говорить ей прямо въ глаза то, какъ ты смотришь на всѣхъ такихъ, какъ она.

И мнѣ самой жутко вызывать его на такую бесѣду.

Только сердце мое подсказываетъ мнѣ, что онъ скорѣе тѣхъ двоихъ уйдетъ отъ меня окончательно.

Митя—не только сынъ мой; въ немъ я вижу что-то символическое и пророческое для нашей молодежи. Въ такихъ, какъ онъ, сотни матерей и отцовъ несутъ кару за невольныя вины.

Что бы мы ни дѣлали, какъ бы ни исходили въ страстномъ желанiи создать изъ нихъ то, что мы считаемъ нравственно цѣннымъ, они уйдутъ туда, куда мы за ними не пойдемъ... И — или погибнуть, или превратятся въ нашихъ лютыхъ обличителей.

Можетъ быть, я преувеличиваю опасность. Но такъ мнѣ подсказываетъ мое материнское ретивое.

И другiе двое — и Степа, и Шура—снаружи менѣе отошли отъ меня; но внутренно—почти также.

Каюсь, это меня менѣе огорчаетъ. Какъ я ни воспитывала себя, а все-таки я *иначе* чувствую себя матерью въ Митѣ и въ нихъ обоихъ.

И если уже обнажать до полной наготы свою душевную суть—быть можетъ я не то, что рада, а временно ухожу отъ того, чтобы видѣть, во что превращаются они, что изъ нихъ выйдетъ не черезъ десять лѣтъ, а черезъ полгода, и черезъ годъ, что они такое и въ настоящую минуту?

Вѣдь это жалкое малодушiе? Не знаю.

Но я уже распознала то, что ихъ дружеская, задушевная близость со мною можетъ установиться только на почвѣ полнаго равнодушiя или такого баловства, такой влюбленности въ дѣтей, какой у меня никогда не бывало.

И тогда — что же это будетъ въ моихъ собственныхъ глазахъ?

Потакательство, постыдная сдѣлка съ совѣстью?

И зачѣмъ? Затѣмъ только, чтобы меня не грызло съ каждымъ днемъ все сильнѣе сознанiе, что я въ домѣ—лишняя обуза, что я менѣе чѣмъ квартирная хозяйка, съ которой ея квартиранты—студенты и курсистки — были бы гораздо болѣе на распашку.

XIII.

Позвонили съ лѣстницы.

У моихъ дѣтей давно уже есть—у каждаго—свои ключи.

Кто-нибудь забылъ.

Горничныя давно спали. Будить ихъ я не хотѣла и пошла сама отворить.

Передняя до возвращенія дѣтей всегда освѣщена.

Отворяю.

Митя—въ пальто и башлыкѣ, покрытыхъ снѣжинками.

— Прости, мама! Я сегодня забылъ ключъ.

Я впустила его и помогла ему отряхнуться.

Умышленно воздержалась я отъ вопроса: «Гдѣ ты засидѣлся?»

Шелъ уже второй часъ ночи.

Онъ хотѣлъ сейчасъ же пройти къ себѣ; но я его удержала:

— Не хочешь ли закусить чего? Перейдемъ въ столовую... Я тебѣ чего-нибудь достану изъ буфета.

— Спасибо, мама, милая!

Въ этихъ словахъ какъ-будто задрожала ласка, которой я давно не видала отъ него, особенно съ его возвращенія.

На Митѣ была его обыкновенная студенческая тужурка, довольно уже подержанная. Въ сюртукѣ, и вообще принаряженнымъ, я давно его не видала.

Лицомъ онъ сильно возмужалъ, но сталъ еще худѣе. Будь я мнительна—я бы стала бояться за его здоровье. Но я не считала его болѣзненнымъ.

И въ тѣлѣ онъ худъ, немного горбится отъ большого роста.

Въ деревнѣ онъ запустилъ бороду и волосы.

Весь онъ ушелъ въ глаза—огромные, глубокіе, гдѣ нѣтъ-нѣтъ вспыхивалъ огонекъ.

Говорить онъ сталъ болѣе низкими нотами, чѣмъ еще не такъ давно.

Въ буфетѣ кое-что нашлось. Ни водки, ни вина въ домѣ нѣтъ. А гостей къ обѣду или къ ужину—не бываетъ.

Я тоже присѣла къ столу. Митя сталъ съ аппетитомъ ѣсть, запивая квасомъ.

Гдѣ онъ былъ сейчасъ—онъ мнѣ разсказывать не сталъ. Къ этому я теперь уже привыкла.

— Ты что же не спишь, мама? Прежде ты раньше ложилась.

— Не спится, Митя.

И, помолчавъ, прибавила, улыбнувшись:

— У меня завелась ночная работа.

— Какая такая?—спросилъ онъ, повернувъ ко мнѣ голову.

— На старости лѣтъ... подвожу итоги своей не мудрой жизни.

— Ведешь дневникъ?

Онъ тоже усмѣхнулся.

— Нѣтъ... дневникъ уже поздно.

— А итоги?

— Да.

— О себѣ... или о насъ?

Вопросъ звучалъ полушутливо.

— Развѣ я могу отдѣлять себя отъ васъ и въ особенности отъ тебя?

Это у меня вырвалось само собою. Кажется, и голосъ немного дрогнулъ.

Митя пересталъ ѣсть и, повернувшись ко мнѣ всѣмъ лицомъ, сѣлъ бокомъ къ столу и правой ладонью взялся за високъ—его любимый и милый для меня жестъ.

— Что же... твои итоги... на счетъ дѣтей твоихъ... не особенно блестящіе? Скажи?

Онъ тихо разсмѣялся и тутъ только закурилъ папиросу.

Такого точно тона я у него еще не слыхала. Было что-то въ немъ мягкое, такое, что удерживало отъ тяжелыхъ изліяній.

Я ихъ сама не хотѣла и даже тутъ же упрекнула себя въ томъ, что обмолвилась о моихъ «итогахъ».

Но въ немъ что-то какъ будто вызвано такое, съ чѣмъ онъ не возвращался домой.

XIV.

Чтобы отвести разговоръ совсѣмъ отъ меня, я спросила его умышленно спокойно:

— Ты еще не подавалъ заявленія на счетъ семестра?

Митя не сразу отвѣтилъ, а повернулъ голову и сначала затянулся.

— Вотъ видишь, мама, я хотѣлъ съ тобой поговорить и вчера, и сегодня... да какъ-то все не удосуживался.

Я сидѣла неподвижно; но сердце у меня ёкнуло.

— О чемъ же, милый?

— Только видишь ли, милая. Вотъ сейчасъ, какъ говорится ex abrupto... да еще на ночь—я всего говорить не буду.

Должно-быть я стала блѣднѣть.

Онъ быстро взглянулъ на меня.

— Ты, пожалуйста, прежде всего, не пугайся. Ничего такого чрезвычайнаго я тебѣ не скажу. Со мною ничего такого не приключится.

Его рука протянулась ко мнѣ. Я ее порывисто схватила.

— Да полно, мама! У тебя рука вздрагиваетъ.

— Нѣтъ, я ничего. Но насъ съ тобой, Митя, жизнь... вмѣсто того чтобы сводить... разводитъ! Это не упрекъ!—вскричала я, сдерживая себя до нельзя, боясь, что заплачу; а я не хотѣла этого, ни подъ какимъ видомъ.

Слезливой я никогда не была, особенно съ моими дѣтьми.

— Ты говоришь, мама, разводитъ... Какъ же быть? И не хотѣлось бы этого, а такъ выходитъ! Ты знаешь меня съ колыбели. Я—должно быть—всегда въ лѣсъ глядѣлъ. Ты думаешь—я не чувствую и не понимаю, сколько ты вкладывала своей души въ каждаго изъ насъ? И въ меня, въ первую голову!

Все это было сказано такъ тепло, что я не удержалась, схватила его за большую волосатую голову и два раза поцѣловала.

— Спасибо, Митя,—могла я выговорить.

И съ трудомъ сдерживала слезы.

— Но... своей натуры, должно быть, не передѣлаешь...

— Постой!—порывисто остановила я его.—Развѣ я когда-нибудь посягала на твою внутреннюю свободу? И что бы ты ни переживалъ, къ чему бы ни пришелъ—во мнѣ ты найдешь всегда... перваго твоего друга... Ты это знаешь, Митя...

Отъ волненія мнѣ трудно было продолжать.

— Мама! Вѣдь и ты себя передѣлать не можешь... И я не берусь за это... Ты все выслушаешь, ты все простишь... Знаю это. Но сочувствовать ты этому не можешь.

— Чему же?—упавшимъ голосомъ обронила я.

— Чему!.. На это нужна цѣлая исповѣдь... мама, милая!

— Я ее жду, Митя,—болѣе твердымъ голосомъ сказала я.—Въ тебѣ—я это чую—что-то зрѣетъ... И что бы это ни было,—не чурайся меня, я не хочу, я не должна чувствовать себя совсѣмъ чужой, сидѣть и ждать... чего-то.

Митя взялъ меня за обѣ руки и привлекъ къ себѣ.

Я обняла его и поцѣловала въ голову.

— Вотъ что, мама—заговорилъ онъ, поднимаясь.—Не вынуждай меня—вотъ сейчасъ же—имѣть съ тобою... что называется... принципіальную бесѣду. Но я не скрою, что пришелъ къ чему-то такому, что до самаго дна можетъ измѣнить всю мою житейскую долю. А пока не буду передъ тобою таиться. Въ студенты я опять поступать не желаю.

Это было выговорено твердо и медленно, какъ нѣчто безповоротное.

— Не желаешь?—повторила я машинально.

— Видишь! Вотъ я тебя и смутилъ... на сонъ грядущій; а этого не слѣдовало. Это моя вина. Прости.

Онъ прикоснулся рукой къ моему плечу и тотчасъ же ушелъ къ себѣ.

XV.

Я могла заснуть только къ разсвѣту.

То, что мнѣ сказалъ Митя—отвѣчало моимъ предчувствіямъ... Но что же это такое?

Неужели женитьба? Я ничего вѣдь не знаю про его любовныя дѣла.

Мнѣ казалось, съ годъ назадъ, что онъ сильно увлекается одной медичкой, которая у насъ не бывала. Онъ два-три раза обмолвился. Но и тогда, и раньше, гимназистомъ и на первомъ курсѣ—я не могла замѣтить ничего такого.

А у него натура страстная. Да, страстная вообще, или лучше—«нутряная», способная на глубокій поворотъ души. Но какой?

Я думаю—больше духовный, мозговой, чѣмъ эротическій.

Нѣтъ, онъ—не чувственникъ.

— Но если это женитьба, то зачѣмъ же ему непремѣнно бросать университетъ?

Сколько есть женатыхъ студентовъ! Прежде ихъ было еще больше.

Сочувствую ли я этому? Что жъ! Лучше это, чѣмъ половая распущенность! Оградить моихъ мальчиковъ отъ паденія—неизбѣжнаго у насъ—я старалась, насколько могла и умѣла. Я и говорила съ ними на эту тему, просто, по товарищески. Ни тотъ, ни другой не считали это только родительскимъ внушеніемъ.

Дальше было идти несогласно съ тѣмъ, какъ я вела ихъ, или воображала, что веду.

Опредѣлить, когда они потеряли тѣлесную чистоту,—я не берусь. Думаю, однако, что это было не ранѣе юношескихъ лѣтъ.

Одно время я была охвачена почти ужасомъ, прочтя одну печатную «анкету», составленную изъ собственныхъ показаній молодыхъ людей о томъ—когда они стали жить половой жизнью. Можно было дѣйствительно придти въ ужасъ! Нѣкоторые узнали женщину въ двѣнадцать лѣтъ, а раньше стали предаваться тайному пороку!

Ни того, ни другого съ моими сыновьями не могло быть.

А почемъ я знаю? Въ Митѣ я болѣе увѣрена; а за Степу я не поручусь.

Но еслибъ онъ и сталъ жить половой жизнью раньше, чѣмъ я могла бы предположить, то все это онъ продѣлывалъ бы тихонько и въ приличныхъ размѣрахъ.

Митя—если онъ еще не зналъ сильнаго увлеченія—не могъ допускать себя до холоднаго развратничанья.

Женитьба на любимой дѣвушкѣ—это для Мити самый прямой исходъ.

Но о женитьбѣ объявить онъ могъ—когда ему заблагоразсудится.

Что я могу сдѣлать, чтобы не допустить его до разрыва съ университетскимъ ученьемъ?

Лишить его матеріальной поддержки.

Я на это не способна; да и не имѣю на это даже формальнаго права.

То, что отецъ оставилъ—должно идти не на одну меня, а и на дѣтей.

Да и что такое *теперь* быть студентомъ? Нѣкоторые сидятъ по шести, по восьми лѣтъ и ничего не дѣлаютъ, а только тратятъ на плату за слушаніе лекцій.

Митя—совершеннолѣтній. Онъ можетъ сказать мнѣ:

— Мама, прощай, я не вижу толку оставаться въ студентахъ; я хочу начать собственную трудовую жизнь.

Что я на это отвѣчу ему?

Кончить курсъ, получить аттестатъ—но вѣдь это только карьеризмъ, способъ примоститься къ какому-нибудь готовому пирогу!

Сколько разъ я сама говорила, при дѣтяхъ, въ такомъ именно духѣ!

А еслибъ онъ захотѣлъ поступить на заводъ простымъ рабочимъ?

Я могу про себя потужить; но дѣлать изъ этого поводъ къ разрыву—развѣ я на это способна?

Да не то, что изъ-за этого, а даже изъ-за чего-нибудь «ужаснаго»—не пускать же въ ходъ прежнее родительское:

— Прокляну!

Кого же можно проклинать? Нельзя даже и злодѣевъ, а не то, что молодого человѣка, который ищетъ чего-то въ жизни, и навѣрно не такого, что само по себѣ низменно и презрѣнно!

XVI.

Мое раздумье не унималось, и я поѣхала за кое-какими покупками, чтобы хоть немного встряхнуть себя.

Морозный, ясный день освѣжилъ меня, и я возвращалась домой безъ той нервной тревоги, которая овладѣваетъ мною слишкомъ часто.

Въ передней я слышу раскаты голосовъ Мити и Степы.

— Что такое?—спросила я вполголоса у горничной.

— Не знаю... Молодые господа о чемъ-то...

Видно, что и она смущена.

Такой схватки между братьями при мнѣ еще никогда не бывало.

Но я давно знаю и вижу, что Митя еле выноситъ присутствіе Степы и по цѣлымъ недѣлямъ не говорилъ съ нимъ, еще до отъѣзда своего въ деревню, къ пріятелю.

Этимъ должно было кончиться.

Я не могла не войти въ столовую—и вотъ что увидала.

Митя подступалъ къ брату, стоявшему спиной къ кафельной печи, блѣдный, съ взъерошенными волосами. Онъ весь дрожалъ и правую руку вскинулъ кверху, когда я вошла, какъ будто онъ хотѣлъ или ударить Степу по щекѣ, или схватить его за воротникъ тужурки и начать трясти.

И круглое лицо Степы—съ бѣлой, гладкой кожей дѣвицы—мгновенно вспыхнуло. На его лбу модный хохолокъ даже растрепался. Онъ весь вздрогнулъ и обѣими руками отпихнулъ отъ себя брата.

Все это пронеслось передо мною, какъ въ кинематографѣ. Я такъ и застыла въ дверяхъ. Кажется, ни одинъ изъ нихъ не слыхалъ моихъ шаговъ.

— Не смѣй!—отчаянно крикнулъ Степа.

— Ты—омерзительная гадина!—вырвалось изъ дрожащихъ губъ Мити.

— А ты—висѣльникъ!—глухо прошипѣлъ Степа, отбѣгая на средину комнаты.

Тутъ только я быстро подалась впередъ и стала между ними.

— Что это? Дѣти! Какой стыдъ!

Мои возгласы заставили Митю отойти къ окну и отвернуться, а Степу—встать передо мною въ какой-то перекошенной позѣ. Онъ задыхался; лицо его было все также возбуждено, рукой онъ указывалъ на брата и почти слезливо слова выходили у него изъ красныхъ, вздрагивающихъ губъ.

— Я не могу, мама, оставаться въ одномъ домѣ съ этимъ хулиганомъ!

— Что ты?!—остановила я его строго.

— Митька меня оскорбляетъ. Этому имени нѣтъ! Онъ смѣетъ разносить меня за то, что я не такой крамольникъ, какъ онъ... Этому имени нѣтъ!

И онъ, точно боясь, что братъ сзади ударитъ его—выбѣжалъ изъ столовой.

— Митя... ради Создателя! Что же это такое?—пробормотала я.

Онъ подошелъ къ столу съ другой стороны, отъ окна, и оперся о него обѣими руками. Весь онъ еще вздрагивалъ.

— И я не могу оставаться подъ одной кровлей съ такой дрянью, какъ Степка!

— Но что же случилось?

— Ахъ, мама! Какъ ты это спросила! Ха, ха! Вотъ наивность! *Что* случилось? Точно ты не видишь и не знаешь, во что распустился мой братецъ Степанъ Николаевичъ? Еще немного—и онъ будетъ приставленъ домовымъ *филеромъ*—при мнѣ.

— Что ты говоришь, Митя! Постыдись!

Я хотѣла подняться и перейти въ свою комнату...

Но не смогла и опять безпомощно опустилась на дубовый стулъ.

XVII.

Въ своей комнатѣ я сейчасъ-же легла въ постель, подавленная тѣмъ, что только что видѣла и слышала.

Митя привелъ меня туда, поддерживая подъ локоть, и уложилъ.

Онъ самъ былъ глубоко смущенъ, но въ немъ все еще клокотало негодующее чувство противъ брата.

Кабы онъ только зналъ—какъ его мать, въ эту минуту, стыдила сама себя.

Вѣдь кто же виновница того, что теперь разъединяетъ двухъ родныхъ братьевъ и прорывается въ такихъ злобныхъ вражескихъ схваткахъ?

«Ты, ты одна виновата!»—повторяла я про себя.

И вся моя жизнь представлялась мнѣ: какъ что-то пустое, жалкое. Думала, что кладешь всю свою душу на дѣтей, и вотъ какіе результаты!

Это такъ меня рѣзнуло по всему моему существу, что я вдругъ истерически захохотала.

— Полно, мама...—заговорилъ Митя, сидя у ногъ моихъ, на табуретѣ.—Прости... мнѣ самому непріятно... что ты попала на такую... семейную сцену,—выговорилъ онъ съ недоброй ироніей.

— Что же такое вышло между вами?—спросила я поспокойнѣе.

— Между нами? Ничего. Уже давно, мама, у меня ничего съ нимъ общаго нѣтъ! И быть не можетъ.

— Митя,—остановила я его,—за что же такая ненависть къ родному брату? Въ чемъ онъ становится тебѣ поперекъ дороги, когда обижалъ тебя? Онъ не такой, какъ ты, тебѣ многое въ немъ могло не нравиться. Но ты никогда не хотѣлъ имѣть на него хорошаго вліянія, приблизить его къ себѣ.

— Вліяніе!—вскричалъ онъ.—Мама, ты извини меня, но я спрошу тебя: какъ же ты-то съ твоими идеями и симпатіями—ты вѣдь все-таки либералка!—могла допустить, чтобы изъ Степки выработался такой *милостивый государь*?

Митя поднялся и сталъ ходить около кровати.

— Ты думаешь, я такъ, съ бацу, накинулся на него и чуть не побилъ его?

— Но что же онъ такое сдѣлалъ?—почти крикнула я.

— Да ты, мама, должно быть до сихъ поръ не знаешь—*кто* онъ такой?

— Кто же?

— Онъ—*академистъ*! Ты понимаешь вѣдь, что это такое?

— Понимаю. Онъ мнѣ ничего объ этомъ не говорилъ, но если онъ держится такихъ взглядовъ и политикой не занимается, согласись: я не могу насиловать его совѣсть.

— Политикой не занимается! Мама, мама, не наивничай! Да вѣдь это игра въ самую гнусную политику! Ты не знаешь,

что эти господа, и въ томъ числѣ мой братецъ, устроили на-дняхъ, какую овацію, какое сборище, *кому* посылали депешу въ Питеръ и въ какихъ выраженіяхъ! Дальше нельзя идти въ подлости и низости!

Весь онъ дрожалъ, стоя посрединѣ комнаты.

— Я ничего хорошенько не знаю,—пробормотала я.

— Можешь мнѣ вѣрить! Съ такой падшей душой я ничего общаго имѣть не желаю! Еще полгода тому назадъ, до моего отъѣзда, я пробовалъ его усовѣщевать. Онъ тогда лгалъ, изворачивался. И тогда уже мнѣ говорили товарищи, которымъ я привыкъ вѣрить, что у Степы ко всему этому еще самая ужасная репутація.

Я поднялась въ постели и крикнула:

— Что же еще?

— Его давно считаютъ ни больше, ни меньше, какъ Альфонсомъ.

— Это можетъ быть клевета!

— Такой на все способенъ!

Что я могла на это отвѣтить?

XVIII.

Митя опять присѣлъ у кровати.

— Но какъ же быть, Митя?—заговорила я.—Если ты не можешь быть терпѣливъ...

— Нѣтъ, не могу, мама! И прости меня! удивляюсь, какъ *ты* можешь мириться не то что съ платформой моего братца, но и съ тѣмъ, какую онъ себѣ пріобрѣлъ репутацію?

— Митя! Но какъ же мнѣ тутъ быть? Я въ первый разъ слышу такое обвиненіе. И слышу его отъ тебя, отъ его брата. Вѣрить мнѣ сейчасъ же потому только, что такъ говорятъ твои товарищи? Или призвать Степу на судъ? Но онъ, разумѣется, будетъ отпираться. И я должна буду производить слѣдствіе— пользуется ли онъ отъ какой-нибудь барыни? Пощади ты меня!

И когда я это говорила, въ меня тотчасъ же закралась мысль: могъ ли Степа такъ элегантно одѣваться и такъ тратить на вечернія удовольствія на тѣ карманныя деньги, какія онъ получалъ отъ меня?

— Я не прокуроръ, мама, и не судебный слѣдователь,— продолжалъ Митя нѣсколько спокойнѣе.—Я Степѣ обвиненіе въ этомъ не бросилъ въ глаза. Наша сцена съ нимъ вышла только

изъ-за того, къ какой компаніи онъ принадлежитъ и на что способенъ съ другими, такими же, какъ онъ, академистами. И я ему сказалъ, и повторяю это и тебѣ, мама: такого брата, какъ онъ, у меня нѣтъ, и я не хочу его видѣть. И баста!

Онъ отошелъ къ окну и стоялъ лицомъ ко мнѣ.

— Какъ же тутъ быть, Митя? Ты ставишь свою мать между вами и какъ бы требуешь, чтобы я выбирала, съ кѣмъ мнѣ жить: оставляй одного, другой уходи изъ дома. Развѣ это возможно?

Слезъ я не боялась, ихъ уже не было.

— Никто этого не требуетъ, мама! Я вѣдь тебѣ уже сказалъ, что мнѣ здѣсь больше нечего дѣлать.

— Ты окончательно покидаешь университетъ?

— Да, и вообще я не могу больше... оставаться здѣсь.

Голосъ у него какъ будто перехватило.

— Потому только не можешь, что не желаешь жить съ нами изъ-за брата?

— Нѣтъ... не изъ-за этого только.

— А изъ-за чего же?

Вопросъ мой зазвучалъ твердо. Онъ требовалъ прямого отвѣта.

— Мама, ты слишкомъ сегодня взволнована. То, къ чему я пришелъ.... и безповоротно,—я не стану сейчасъ излагать тебѣ. Я тебя уже предупредилъ... и теперь скажу только одно: нечего тебѣ особенно огорчаться тѣмъ, что я не буду дотягивать до конца студенческую учебу. Все равно, такіе, какъ я, рано или поздно... уйдутъ.

— Куда?—вырвалось у меня.

— Не все ли равно? Такъ, тайкомъ, не простившись съ тобой, я не скроюсь. Я самъ хочу, чтобы ты знала, почему я такъ или иначе поступаю. Но бояться тебѣ нечего. Я ни во что такое не попаду, ни въ какое россійское подполье, клянусь тебѣ! Значитъ не попаду ни въ ссылку, ни въ каторгу, ни на висѣлицу.

— Но ты... уйдешь совсѣмъ?

— Какъ это знать... Ты одно представь себѣ, мама: когда ты была дѣвушкой и вдругъ ты полюбила бы человѣка и, чтобы уйти съ нимъ изъ дому, надо было бы разорвать со всѣмъ... Развѣ ты была бы отъ этого застрахована? И кто же бы за это бросилъ въ тебя камень?

Онъ подошелъ плотно къ кровати, взялъ меня за руку и поцѣловалъ ее нѣжно, почти трепетно.

— А пока—закончилъ онъ—ты уже извини меня. За однимъ столомъ со Степкой я сидѣть не въ состояніи. Ты мать... ты не можешь быть къ нему такъ сурова. Но вѣдь и передѣлать его ты не берешься?...

Въ дверяхъ онъ обернулся и сказалъ вполголоса:

— Нашъ разговоръ—не за горами!

XIX.

Степа пропадалъ цѣлыхъ два дня. Онъ, кажется, вчера даже не ночевалъ дома.

Этого съ нимъ какъ будто никогда не случалось.

Или, можетъ быть, только не доходило до меня.

Прислугу я никогда не спрашиваю, въ которомъ часу возвращаются «молодые господа».

Между братьями теперь—пропасть. И еслибъ Степа и подался въ сторону примиренія съ братомъ—Митя произнесъ свой приговоръ: братъ для него «пошлякъ» и «дрянь», которому онъ руки не подастъ.

И я—мать!—до всего этого допустила!

Еще то, что Митю всего болѣе возмущаетъ его «платформа», то, что онъ патріотическій «академистъ» и членъ кружка «истинно-русскихъ людей»—въ этомъ я, на мой взглядъ, могла играть только пассивную роль.

Все это въ немъ сложилось—подъ шумокъ. Гимназистомъ онъ ничѣмъ особенно не смущалъ меня.

Я предвидѣла, что изъ него ни героя, ни человѣка суровыхъ принциповъ—не выйдетъ. А въ студентахъ онъ очень скоро сложился въ то, что его сдѣлало ненавистнымъ его брату.

Но — повторяю: это все сложилось подъ шумокъ. Онъ никакихъ со мною не велъ интимныхъ бесѣдъ, уклонялся и отъ общихъ разговоровъ, гдѣ бы онъ долженъ былъ защищать свои взгляды.

Онъ давно уже боялся Мити и держался въ сторонѣ.

Еще съ Шурой они больше ладили, но и сестра—въ послѣднее время—стала относиться къ нему суховато и въ полунасмѣшливомъ тонѣ.

Можетъ быть, и ей уже извѣстно, что его считаютъ Альфонсомъ.

И это я прозѣвала, я—мать!

А для меня это едва ли не ужаснѣе чѣмъ то, что онъ «академистъ», ненавистной его брату платформы.

Но я взываю ко всѣмъ матерямъ въ моемъ положеніи: какая была фактическая возможность не доводить до этого сына, разъ вы предоставляете дѣтямъ полную свободу съ извѣстнаго возраста?!

Я съ ними не выѣзжаю и не попадаю туда, гдѣ они проводятъ время, свободное отъ лекцій. Здоровье мое не позволяетъ мнѣ вести такую жизнь, какую я веду—вотъ уже нѣсколько лѣтъ.

Но еслибъ я и хотѣла рисковать, сознавая, что мнѣ *надо* вездѣ бывать и все знать—я все-таки не могла бы этого выполнить.

Не «выѣзжать» же со студентами! Это значило бы быть у нихъ всегда и вездѣ гувернанткой; а это рѣзко противорѣчитъ моимъ взглядамъ и правиламъ.

Вотъ тутъ-то тѣ матери, кто не держится такихъ взглядовъ и правилъ, могли бы крикнуть мнѣ:

— Вы—либералка! Ну и радуйтесь теперь, и получайте то, что сами заслужили.

Но вѣдь и онѣ ни отъ чего не застрахованы. Быть можетъ, нынѣшніе студенты - патріоты извѣстнаго пошиба и выходятъ изъ черносотенныхъ семей; но изъ нихъ же могутъ выходить и террористы, и экспропріаторы.

А по поводу того, что моего сына подозрѣваютъ въ альфонсизмѣ, мнѣ могутъ сказать:

— Чему же тутъ удивляться? Развѣ теперь вы не читаете каждый день объявленія, гдѣ молодые люди предлагаютъ себя въ секретари пожилымъ дамамъ?

И я *не смѣю* призвать сына моего на допросъ, поставить ему ребромъ вопросъ:

— Правда или ложь то, что говоритъ про тебя родной братъ?

Я не имѣю даже права заикнуться объ этомъ, потому что у Мити это вырвалось въ минуту страстнаго возмущенія; но онъ меня не уполномочивалъ бросать Степѣ въ лицо такое обвиненіе.

Онъ имѣлъ съ нимъ схватку изъ-за его политической «гнусности».

Я предчувствую, въ настоящій моментъ, что и тутъ я ничего не добьюсь, ничего не смогу отвратить... А о примиреніи—и рѣчи быть не можетъ.

И вокругъ меня начала уже образовываться зловѣщая пустота.

XX.

Степа и на третій день не явился къ обѣду.

Не обѣдалъ дома и Митя; но онъ не могъ это знать.

Домой онъ зашелъ подъ вечеръ, затѣмъ, вѣроятно, чтобы переодѣться. Онъ часто надѣваетъ мундиръ, долго моется и прихорашивается.

Я сама пошла къ нему, въ его комнату.

Онъ еще былъ въ тужуркѣ и доставалъ что-то изъ комода.

Подошелъ къ ручкѣ и какъ-то особенно церемонно пригласилъ меня сѣсть.

— Ты совсѣмъ пропадаешь,—начала я самымъ обыкновеннымъ тономъ, точно боясь сразу взять другія ноты.—Это твое дѣло. Но согласись... я не могу дольше молчать, Степа!

— Я понимаю, мама... И я самъ хотѣлъ... объясниться съ тобой.

Онъ подсѣлъ ко мнѣ въ позѣ кроткаго и воспитаннаго юноши, который, прежде всего, желаетъ быть корректнымъ.

— Прости...—продолжалъ онъ возбужденнѣе! Но въ такихъ условіяхъ жизнь въ одномъ домѣ съ Дмитріемъ Николаевичемъ дѣлается невозможной.

— Что же, ты хочешь съѣхать?—спросила я безъ всякаго выраженія.

— Ты была сама свидѣтельницей! Онъ хотѣлъ нанести мнѣ оскорбленіе... *дѣйствіемъ*. Я не требую отъ тебя, мама, чтобы ты довела его до извиненія. Да мнѣ и не нужно его извиненія. Ты вѣдь безсильна... Не только тебя, свою мать, но и никого онъ не послушаетъ. Я для него презрѣнный патріотъ, а онъ—тайный крамольникъ. Одно другого стоитъ. И между нами образовалась глубокая пропасть. Какъ тутъ быть? Но я не желаю нарываться еще разъ на такую выходку. Я и не ставлю тебѣ такой альтернативы—или онъ, или я. Онъ всегда былъ тебѣ особенно дорогъ.

Должно быть, я сдѣлала жестъ, потому что онъ тотчасъ же воскликнулъ:

— Я считаться не хочу, мама! Кого ты больше любишь, кого меньше—это дѣло твоей совѣсти. Но онъ мой врагъ. Если

я ему такъ ненавистенъ, то и онъ—въ моихъ глазахъ—еще пущій врагъ! И не мой лично, а всего общества, всего нашего отечества!

Въ первый разъ слышала я отъ Степы такія слова. И въ тонѣ ихъ были ноты, которыхъ онъ никогда, въ моемъ присутствіи, не пускалъ въ ходъ.

Онъ всталъ и отошелъ къ письменному столу.

— То, за что я стою—это моя святыня. И всѣ мы, которыхъ такіе, какъ Дмитрій Николаевичъ, считаютъ своимъ долгомъ презирать—мы ставимъ себѣ въ огромную заслугу то, что мы не боимся крикуновъ и смутьяновъ, мы отстаиваемъ свою свободу, мы хотимъ учиться, мы открыто заявляемъ вѣрность своей платформѣ.

— Все это прекрасно!—сказала я ему въ отвѣтъ.—Но я, какъ мать, глубоко огорчена вашей враждой!

— Кто же виноватъ? Я—или онъ? Развѣ я когда-нибудь нападалъ на него? выказывалъ ему явное презрѣніе?

— Но вѣдь и ты его не уважаешь?

— Мнѣ нѣтъ до него дѣла! Согласись, мама, какъ мнѣ съ нимъ, жить въ одномъ домѣ—даже еслибъ я и не встрѣчался съ нимъ, не садился бы за одинъ столъ. Онъ способенъ былъ бы пустить слухъ, что я за нимъ шпіоню.

— Степа! Что ты говоришь!

— О! Я знаю! Мнѣ передавали... одну гнусную клевету... на счетъ меня. И мой братецъ способенъ вѣрить ей.

Могла ли я задать и этотъ вопросъ?

Довольно и того, что и это было извѣстно Степѣ. И еслибъ я обронила хоть одно слово на эту тему, онъ крикнулъ бы мнѣ:

— Вотъ видишь! Онъ и въ твоихъ глазахъ оклеветалъ меня!

Мнѣ стало нестерпимо тяжко.

Все это объясненіе дѣлалось для меня, какъ для матери, безплоднымъ. Собственная безпомощность выступала передо мною такъ безпощадно.

Впору было разревѣться. Но глаза мои были сухи, и я вся какъ-то застыла въ сознаніи своего безсилія.

XXI.

И безъ замѣтнаго перехода, Степа, мягко-дѣловитымъ тономъ, присѣвъ опять ко мнѣ, выпустилъ такую фразу:

— Какъ мнѣ ни прискорбно, а я еще разъ долженъ заявить тебѣ, мама, что считаю абсолютно невозможнымъ—жить въ одномъ домѣ съ Дмитріемъ Николаевичемъ.

— Но я не знаю, останется ли онъ здѣсь на всю зиму!— обмолвилась я.

Онъ взглянулъ на меня вопросительно, какъ бы желая, чтобы я пояснила ему эти слова.

Но я тутъ же горько упрекнула себя за то, что, безъ всякой нужды, выдала то, чего Степѣ, въ ту минуту, знать не слѣдовало.

— Все равно! Онъ сегодня здѣсь, завтра скроется. Но все-таки здѣсь его домъ. И ты, мать, его не удалишь за то только, что онъ такъ оскорбилъ меня. Да я и не требую... Я почтительнѣйше обращаюсь къ *вамъ* съ просьбою избавить меня отъ сожительства съ Дмитріемъ Николаевичемъ.

— Держать тебя насильно я не могу!—заговорила я, охваченная новымъ волненіемъ.

— Прошу тебя вѣрить, что я на это иду съ сокрушеннымъ сердцемъ. Я уважаю традиціи, мама, я не упразднитель общества, я не анархистъ. Принципъ фамильнаго союза—для меня священенъ! Но я тутъ жертва...

— Какъ же ты будешь жить?—спросила я, чувствуя, что совершенно теряю *тонъ*, какого мать, въ моей роли, должна была бы держаться.

— Очень просто... возьму меблированную комнату.

— Но жить на свой счетъ, съ твоими привычками—это потребуетъ расходовъ?

— Прошу тебя успокоиться на этотъ счетъ. Къ тому, что ты мнѣ даешь на костюмы и мелкіе расходы—ты можешь ничего не прибавлять... или самую малость.

— Кто же тебя будетъ поддерживать?

Вопросъ вылетѣлъ у меня просто, безъ всякой задней мысли.

Но Степа густо покраснѣлъ и весь какъ-то отряхнулся.

— Никакихъ нечистыхъ источниковъ у меня быть не можетъ! Если мой братецъ позволилъ себѣ какую-нибудь отвратительную сплетню, не оскорбляй меня, мама, подобнымъ подозрѣніемъ.

— Я тебѣ сказала только, что ты такъ, какъ привыкъ жить теперь—одинъ не проживешь... съ той поддержкой, какую я въ силахъ давать тебѣ.

— Я и не требую, мама, милая. Что же дѣлать... По одежкѣ надо протягивать ножки... Но мое достоинство мнѣ дороже всего. И я не хочу, чтобы между мною и тобою, моей матерью—стояла такая личность, которая можетъ довести меня о чего-нибудь фатальнаго.

— До чего же? Что ты говоришь!

— Я за себя ручаться не могу. Вы всѣ привыкли смотрѣть на меня, какъ на Прасковью Николаевну. Это было когда-то. Я—мужчина! Я—личность! Я—защитникъ и поборникъ принциповъ, которыхъ въ моемъ лицѣ не позволю никому оскорблять. Даже еслибъ ты—моя мать—стала ихъ оскорблять, я бы все равно удалился... И ты должна уважать во мнѣ эту вѣрность моему credo.

— Хорошо,—упавшимъ голосомъ промолвила я.—Только... я прошу тебя повременить еще... ну хоть одну недѣлю.

Онъ повелъ головой и, вставая, сказалъ:

— Изволь... Но сидѣть за однимъ столомъ съ нимъ—не могу! Воля твоя!

— Тебѣ будутъ подавать отдѣльно... въ твою комнату.

— Зачѣмъ же, мама, тянуть? Это и для тебя будетъ очень тяжко.

— Прошу тебя!

Въ эту недѣлю «покончитъ» со мною Митя. Я и сама буду умолять его не откладывать дальше своей исповѣди... передъ тѣмъ какъ онъ уйдетъ... куда-то, быть можетъ, навсегда.

— Изволь... Я исполню твою просьбу.

XXII.

Въ дверяхъ показалась Шура.

Она врядъ ли знала что-нибудь о схваткѣ братьевъ. Съ ними она видится только за обѣдомъ.

— Я помѣшала вашему разговору?—кинула она своимъ звонкимъ, груднымъ голосомъ, подходя ближе.

— Мы кончили,—отвѣтилъ за меня Степа и тотчасъ же вышелъ.

Но она замѣтила, что мы оба взволнованы.

— Прости, мама, я хотѣла только предупредить тебя, что я до понедѣльника приглашена къ одной подругѣ.

— Куда?

— У нихъ дача. Эти очень богатые люди. И теперь будетъ цѣлый пикникъ. Пріѣдутъ на тройкахъ въ воскресенье... А я тамъ переночую на воскресенье и на понедѣльникъ.

Моя дочь давно уже выѣзжаетъ, какъ и когда ей угодно. Изъ-за этого бывали еще въ началѣ кое-какіе разговоры. Но теперь—никакихъ не бываетъ.

— Чтобы ты не безпокоилась.

— Неужели, Шура, ты не предупредила бы меня?

— Вотъ видишь... я это дѣлаю!—отвѣтила она, выпятя свои тонкія губы, и повернулась къ двери, но осталась и, подойдя ко мнѣ ближе, спросила вполголоса:

— У Степы былъ такой видъ... точно онъ приходилъ просить тебя... о благословеніи.

— Какомъ благословеніи?

— Ахъ мама! Ты значитъ ничего не знаешь!

— Про что? Про кого?

На ея красивомъ и всегда какъ бы вызывающемъ лицѣ дѣвицы «съ темпераментомъ» распустилась усмѣшка, которую другая мать сейчасъ бы осадила окрикомъ: «что же тутъ ухмыляться!»

Но я никогда не имѣла съ ней такого тона, даже когда она была дѣвочкой-подросткомъ.

Да развѣ она не права?

Ничего я не знаю не только про сыновей моихъ, никакой подноготной, да и про нее знаю не больше.

Шура, все съ тѣмъ же улыбающимся лицомъ, опустилась на кресло.

— Да вѣдь онъ... женихъ.

— Женихъ?

— Ахъ Боже мой, *мамка!*—Она давно уже такъ зоветъ меня, даже и при чужихъ.—Да вѣдь это, какъ нынче говорятъ, «секретъ полишинеля!»

— Онъ женихъ!!!

— Развѣ у васъ не объ этомъ было здѣсь совѣщаніе?

— Нисколько.

Но мнѣ было бы слишкомъ горько сказать ей, по поводу чего было у насъ объясненіе.

— Какъ же—продолжала она все въ томъ же шутливомъ тонѣ.—Онъ подцѣпилъ богатую купчиху... разводку.

— Богатую?—переспросила я.

— Очень... чуть не милліонъ!

И, пожавъ плечами, она продолжала немножко посерьезнѣе:

— Хоть я и не очень высоко ставлю нашу Прасковью Николаевну, но все-таки я не думаю, чтобы онъ теперь же... поступилъ къ ней...

— Во что?—почти крикнула я.

— Ахъ, мамка!.. Это нынче такой заурядный фактъ. Я не

хочу употреблять самаго прозвища. Ну такъ... подарки, даровой билетъ, тройка, а можетъ и ужинъ въ кабинетѣ.

— Что ты говоришь! И какъ ты это говоришь! Для тебя ровно ничего, что твой родной братъ можетъ имѣть репутацію Альфонса! Это чудовищно!

Нервы мои не выдержали. Я громко заплакала.

— Мамка, мамка! Съ какой стати! Я вѣдь не называю его такъ. И не думаю, чтобы онъ до этого дошелъ. Но если онъ съ ней на правахъ жениха, то какъ же тутъ быть слишкомъ щекотливымъ? Я вѣдь не предполагала, что ты ровно ничего не знаешь.

— А про тебя я много знаю?—спросила я ее, и голосъ мой дрогнулъ.

Шура, не мѣняясь въ лицѣ, вся выпрямилась и замигала—ея мимика, когда что-нибудь ее кольнетъ или озадачитъ.

— Какъ ты это сказала! Рѣчь шла не о мнѣ, а о Степкѣ.

XXIII.

Передо мною сидѣла не дѣвушка—для меня еще до сихъ поръ дѣвочка,—чувствующая надъ собою всегда авторитетъ матери, а молодая женщина, съ роскошными формами, съ вызывающимъ выраженіемъ красиваго, но рѣзкаго лица, показывающая всѣмъ своимъ существомъ, что она «сама по себѣ» и ни у кого въ подчиненіи быть не намѣрена.

Я это почувствовала тутъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо передъ тѣмъ.

— Нѣтъ, не объ одномъ Степѣ, а и о тебѣ—выговорила я ей въ тонъ.

— У меня съ нимъ нѣтъ ничего общаго!

— Я повторю мои слова, Шура: а о тебѣ я много знаю?

— Что-жъ это—*упрекъ*?—произнесла она, подчеркнувъ звукъ *э* на здѣшнемъ жаргонѣ.

— Прошу тебя, не говори такъ со мною! Каюсь... я сама виновата въ томъ, что мои дѣти отдалились отъ меня. Но развѣ отъ того, что я была съ вами строга, задергивала васъ? Какъ разъ напротивъ.

— Зачѣмъ ты это говоришь?—перебила она меня съ гримасой.—Я вѣдь не жалуюсь на тебя! А за братьевъ я не отвѣчаю. Что же! Это правда. Мы могли бы быть гораздо дружнѣе. Митю я когда-то очень слушалась. Но онъ во мнѣ разочаровался!—выговорила она дурачливо.—Онъ хотѣлъ меня *распро-*

пагандировать. А мнѣ этого не нужно было! И вообще я никакого подчиненія, никакого рабства, хотя бы и добровольнаго—не признаю. А Степа... ты сама понимаешь. Дружить съ нимъ я не могла, потому что всегда смотрѣла на него, какъ онъ того заслуживаетъ.

— Но ты-то сама... Развѣ не печально то, что мы—точно чужіе? Почему такое недовѣріе? Такая отчужденность?

Я сдерживала слезы, но и безъ нихъ чувствовала, что мои слова нейдутъ ей въ душу. Она даже не шевельнулась, не встала, не прильнула ко мнѣ.

— Ахъ мамка! Это все отъ твоей... хочешь, я скажу прямо—ты не обижайся—отъ твоей сентиментальности. Ты всегда была либералка. И не хотѣла насъ муштровать: это правда. Но теперь мы—большіе. О братьяхъ я ничего не скажу и не желаю вмѣшиваться въ ихъ жизнь. Я буду говорить только о себѣ. Ты огорчаешься тѣмъ, что я съ тобой не откровенна, что я не ввожу тебя въ свой внутренній міръ, если выразиться высокимъ слогомъ.

— Развѣ это не правда, Шура?

— Допустимъ, что и правда. Но у меня никакого... злого тамъ что ли умысла нѣтъ. И я тебя не боюсь. Ты никогда и не хотѣла, чтобы дѣти тебя боялись. А къ чему я буду портить наши отношенія?

— Зачѣмъ же портить?

— При томъ, чего ты желаешь... это неизбѣжно... У васъ были свои идеи, вы однимъ увлекались, мы—другимъ. Еслибъ я стала прямо выкладывать тебѣ мои взгляды на то, что для меня, въ данную минуту, дорого, интересно, ново—я бы только огорчила тебя... И пошли бы ненужные разговоры, мы бы заспорили... ты бы огорчилась, и такъ далѣе, и такъ далѣе.

— А теперь ты желаешь, чтобы твоя душа была для меня—потемки?

— Повѣрь, мамка, такъ лучше. Вѣдь ты меня не воспитывала какъ свѣтскую барышню, не стала вывозить въ свѣтъ, не твердила мнѣ, что надо сейчасъ же сдѣлать блестящую партію. Я росла и училась при тебѣ, никакихъ у насъ съ тобой столкновеній не было. Поступила на курсы... Учусь не очень усердно, но читаю, думаю, ищу.

— Чего ищешь-то?

— Ахъ какая ты! Ищу того, что можетъ сдѣлать жизнь самой интересной. А для этого надо сбросить съ себя всякія

старыя... общія мѣста. Они были хороши когда-то; а намъ они ничего уже не говорятъ!

XXIV.

Едва ли не въ первый разъ я слышала, какъ Шура говоритъ о самой себѣ.

Я даже изумилась. Она всего второй семестръ на курсахъ. Какъ гимназистка, она была бойка на разговоръ; но совсѣмъ не въ такомъ духѣ и тонѣ.

У нея, кажется, совсѣмъ нѣтъ подругъ, съ которыми она жила бы душа въ душу. Она и къ себѣ почти что никого не приглашаетъ.

Можетъ быть тутъ сказалось мужское вліяніе. Но вѣдь если она и увлекается кѣмъ-нибудь, то она мнѣ въ этомъ не признается, да и я не стану у нея выспрашивать.

Все это объясненіе вышло отъ того, что меня захватило чувство страха и горечи: остаться одной, духовно потерять дѣтей.

Митя—наканунѣ ухода; иначе не можетъ быть! Степа—каковъ бы онъ ни былъ—тоже ушелъ. А Шура предлагаетъ мнѣ—до поры до времени—какой-то «вооруженный нейтралитетъ».

И развѣ она не права? Что я могу отъ нея услышать, если она будетъ со мною на распашку?

Можетъ быть, она уже давно покончила съ «общими мѣстами», т. е. съ тѣмъ, что я и женщины моего поколѣнія считали своей святыней?

И тогда что же выйдетъ?

Споры, крики, слезы или разрывъ?

И она можетъ придти ко мнѣ и сказать:

«Мамка, намъ нельзя вмѣстѣ жить. Я тебѣ стою извѣстную сумму—на мой туалетъ, прогулки, лекціи... содержаніе. Давай мнѣ, что тебѣ по силамъ, а какъ я буду жить—это уже мое дѣло».

Уходя, она остановилась у двери и сказала мягче, чѣмъ все, что говорила до того:

— Ты, мамка, не виновата ни въ чемъ... и напрасно ты себя упрекаешь въ чемъ-нибудь. Кто правъ, кто виноватъ? А можетъ, никто. Вотъ ты насъ троихъ произвела на свѣтъ и воспитала. Можно сказать, вся уходила въ насъ, особенно послѣ смерти папы. Намъ бы всѣмъ троимъ надо было быть похожими

другъ на друга, также и на тебя. А вышло совсѣмъ не такъ—ни характеромъ, ни лицомъ, ничѣмъ мы другъ на друга не смахиваемъ... Какъ же это такъ случилось? Такъ оно есть и на этомъ надо успокоиться!

И ушла послѣ этого нравоученія.

Да, это было *нравоученіе* отъ «дѣвчонки» ея уже старѣющей матери.

Но развѣ это не вѣрно?

Кто правъ, кто виноватъ?

Какъ глубоко въѣлось въ насъ вотъ это дѣйствительно общее мѣсто: непремѣнно искать *вины*, искать кого-нибудь кто виноватъ?

Если не другихъ, то себя притягивать къ суду собственной совѣсти, что я теперь и дѣлаю.

Я не кричу никому изъ дѣтей:

— Ты—неблагодарный! Ты—выродокъ!

«Такъ оно есть!»—вотъ слова «курсистки», которая «ищетъ» того, что ей «интересно», и больше ничего знать не желаетъ.

И это—моя дочь, такая же нынѣшняя дѣвица, какъ сотни и тысячи.

Для нихъ ихъ собственное «я» дороже всего въ мірѣ.

А воспитали ихъ *мы* - идеалистки, положившія на нихъ всю душу.

Но почему же мы-то *виноваты*? И зачѣмъ непремѣнно хотимъ мы попасть, передъ самими собою, на скамью подсудимыхъ?

Господи! Ничего мы не хотимъ! Мы просто страдаемъ. Мы видимъ, что оно «такъ есть», и только намъ обидно и страшно сознаніе своей безпомощности, своего полнаго краха!

Одинъ сынъ—ушелъ; дочь—только квартирантка, которая ограждаетъ себя отъ всякаго родительскаго контроля. А онъ, мой любимецъ (да, любимецъ!), далъ мнѣ послѣднее предостереженіе и не сегодня - завтра я должна буду выслушать его исповѣдь, послѣ которой онъ уйдетъ куда-то.

XXV.

Онъ насталъ... мой *судный день*.

И въ такую минуту, которой я никакъ не ожидала.

Митя всѣ эти дни выходилъ изъ дому, днемъ, и вечеромъ; но раза два—обѣдалъ со мной и съ Шурой.

И во мнѣ жила совсѣмъ дѣтская надежда, что все это «обойдется», «утрясется», какъ говоритъ наша прислуга.

Я думала каждый день, и просыпаясь, и ложась въ постель, что это, быть можетъ, сведется къ тому, что онъ куда-нибудь опять уѣдетъ и все-таки вернется домой.

Ну, потеряетъ еще семестръ. Какая бѣда! Нынче остаются въ студентахъ чуть не по десяти лѣтъ!

И какъ разъ сегодня надежда моя съ утра заиграла у меня въ душѣ.

Мнѣ надо было самой съѣздить въ «городъ». Я немножко опоздала къ обѣду.

Позднѣе меня пришла и Шура, заставъ меня еще за столомъ.

Мити не было.

Она посмотрѣла на два пустыя мѣста и вскользь замѣтила:

— Степа развѣ еще не съѣхалъ?

На это я ничего не отвѣтила.

— Да я не знаю, какъ это и Митя еще живетъ дома.

— Почему же?—спросила я.

— Мы всѣ для него... такъ... какія-то существа низшаго порядка... а я и до сихъ поръ не знаю—кто *онъ* собственно. Во свою святую святыхъ онъ никогда не пускалъ меня. Да я и не добивалась. То, что я тамъ нашла бы, въ этой святой святыхъ—все это для меня безвкусная трава.

— Какъ же ты,—остановила я ее,—такъ рѣшаешься судить... если ты ничего не знаешь о братѣ?

— Во всякомъ случаѣ, онъ—упразднитель.

— Упразднитель?—переспросила я.

— Врядъ ли даже просто *эсъ-эръ*. А что-нибудь посильнѣе. Кто знаетъ, быть можетъ ударится въ исканія чего-то... *потусторонняго*,—выговорила она, насмѣшливо поведя своими пышными губами.

— Потусторонняго!—опять повторила я за нею.

— И очень даже... Развѣ не было примѣровъ? Ужъ на что были отчаянные *эсъ-деки*. Ничего не признавали, кромѣ своего Маркса, и ничему не вѣрили. А потомъ вдругъ и очутились въ мистикахъ, ударились въ божественное. Я попала къ одному такому бывшему заядлому эсъ-деку на лекцію. Читалъ какъ будто и научный курсъ, а все у него не то Апокалипсисъ, не то Апостолъ Павелъ... Просто потѣха!

— И ты думаешь, что твой братъ можетъ уйти въ то же самое?

— Почемъ я знаю? А невозможнаго ничего нѣтъ.

Она—не желая того—отвѣтила на мое смутное чувство. И я, раздумывая о Митѣ, спрашивала себя не разъ: чѣмъ онъ кончитъ? Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ уйдетъ, но не въ какое-нибудь «подполье», а въ пустыню, станетъ спасаться?

— Я нисколько не удивлюсь,—закончила Шура, вставая изъ-за стола,—если вдругъ и нашъ Дмитрій Николаевичъ превратится въ человѣка «звѣринаго числа».

— Это еще что?—почти съ испугомъ спросила я.

— Ахъ, мамка, какъ ты отстала! Это нынче самый боевой терминъ. Тѣ, кто помѣшаны на Апокалипсисѣ, гдѣ и стоитъ это самое «звѣриное число»; а пишется оно 666.

Она разсмѣялась и ушла.

Дѣти мои давно уже не благодарятъ меня за хлѣбъ-соль.

XXVI.

Этотъ неожиданный разговоръ съ Шурой почему-то усилилъ во мнѣ надежду на то, что Митя еще не совсѣмъ уходитъ отъ меня.

Я вотъ все это и записывала у себя въ спальнѣ, сидя подъ электрической лампочкой.

Было еще не поздно—часовъ не больше десяти.

Въ домѣ—какъ всегда—гробовая тишина. Что-то горничная еще двигается у буфета; но и она ушла.

И вдругъ постучали въ дверь—очень тихо.

Въ этомъ что же было особеннаго?

У насъ давно уже стучатся. Я и прислугу пріучила.

Но я вся точно захолодѣла.

«Это онъ!»—про себя вскликнула я.

—Войдите!

Меня какъ будто что-то придержало на стулѣ. Въ родѣ какъ отнялись ноги.

— Это я, мама... ты еще не ложишься?.. Теперь не поздно.

Онъ входилъ, потирая руки.

— Не простудить бы тебя... Я съ мороза... Нынче вѣдь большая стужа.

И сѣлъ на постель, къ нижней спинкѣ кровати.

Тогда только я сдѣлала усиліе, чтобы встать, но только перемѣнила позу.

— Ты все пишешь... Это твой итогъ?—скорѣе весело спросилъ онъ.

— Да, такъ записывала.

— И обо мнѣ?

— О тебѣ, Митя, больше всего... въ послѣднее время.

— Зачѣмъ, мама? Не стоитъ! Правда, ты все одна... Надо-же тебѣ излиться хоть самой себѣ.

— Ты это отъ души говоришь, Митя?

— Отъ души. Я вѣдь личины на себя никогда не надѣваю. И не умѣю говорить зря. Да, ты одна. Но что же дѣлать?

Онъ наклонилъ голову и опустилъ руки на колѣни.

Въ голосѣ его дрожали самые искренніе звуки.

И опять безумная надежда пронизала меня: «Нѣтъ, онъ раздумалъ, онъ не уйдетъ».

Нѣсколько секундъ протянулось. Но я начала понимать, что онъ пришелъ не спроста. И ему—хоть онъ и смѣлый—жутко перемѣнить разговоръ. Я это мигомъ почуяла.

И мнѣ было страшно спросить его—съ чѣмъ онъ пришелъ.

Но вѣдь у насъ, женщинъ—особенно у матерей—всегда есть храбрость отчаянія.

— Митя,—чуть слышно начала я,—ты хочешь со мною поговорить?

— Да, мама.

— Значитъ ты...

Сразу я не могла докончить вопроса.

Онъ всталъ, отошелъ къ окну и тамъ присѣлъ лицомъ ко мнѣ.

Голову онъ держалъ уже высоко. Лицо ясное, въ глазахъ тихое возбужденіе.

И замѣтно поблѣднѣлъ.

— Проститься пришелъ?—достало у меня храбрости спросить.

— Вѣдь... ты уже слышала...

Должно-быть и у него не хватило сразу мужества докончить свою фразу.

— Я ждала, Митя... и даже... стала надѣяться.

— На что, мама?

— Это безумно, не правда ли? Почему-то стала надѣяться, что ты... не уѣдешь... что это—такъ... или уѣдешь на мѣсяцъ, на полгода.

И, возбуждаясь, я продолжала уже больше для себя, чѣмъ для него.

— Ну потеряешь семестръ... Что за бѣда! Если тебя куда тянетъ—за границу—вѣдь это не Богъ знаетъ что стоитъ. Средства найдутся. Все это можетъ обойтись.

И съ влажнымъ глазами я выговорила слова нашей прислуги:

— Все *утрясется*? Вѣдь да? Все утрясется... Скажи, Митя! Дитя мое!

Слезы я сдерживала черезъ силу.

XXVII.

Это слово «утрясется» вызвало улыбку на его все еще блѣдномъ лицѣ.

Онъ взялъ стулъ отъ окна, поставилъ его у стола, противъ меня, и сѣлъ.

— Эхъ, мама—грустно заговорилъ онъ, подавшись ко мнѣ впередъ.—Конечно, все перемелется—мука будетъ; но пассивно принимать то, съ чѣмъ мириться нельзя—какъ говоритъ Чацкій—«Есть тьма охотниковъ, я—не изъ ихъ числа».

— И ты... уходишь!—вырвалось у меня.

Это слово такъ сидѣло во мнѣ въ послѣдніе дни, что оно само собою соскочило у меня съ губъ.

— Ты уже знаешь. Но я не хочу, чтобы между нами пробѣжала хоть малѣйшая тѣнь. Не отъ тебя я ухожу, мама! Не отъ тебя лично! Зачѣмъ повторять то, что ты сама знаешь... Какъ мать, ты достойна преклоненія. Какъ личность, ты не существовала. Все уходило на чувство... сначала къ отцу и къ намъ, а потомъ къ намъ троимъ. Можетъ быть, я былъ тебѣ дороже остальныхъ, хотя ты меня никогда въ любимчики свои не производила. Все это такъ! Значитъ, если я ухожу, то не отъ тебя! На обывательскій взглядъ и то жестоко, что я какъ будто бѣгу отъ такой матери, какъ ты.

— На обывательскій?—беззвучно повторила я за нимъ.

— Пожалуй... и на взглядъ очень развитаго интеллигента. Ты можешь очутиться одна... Мой братецъ, я знаю, не пожелалъ жить со мной подъ одной кровлей. Сестра... тоже можетъ выскочить замужъ... или вообще... упорхнуть... И ты одна...

— Одна,—промолвила я упавшимъ голосомъ.

— Бездушно? Безобразно? Да?.. Но вотъ я—не считая себя ни пошлякомъ, ни злодѣемъ... ни великимъ себялюбцемъ—

ухожу. Дѣлаю это, мама, не съ бацу—ты мнѣ повѣришь!—а послѣ долгой и мучительной борьбы...

— Съ какихъ поръ?—спросила я и, поднявъ голову, взглянула на него.

— Съ какихъ поръ? Ты думаешь, что тутъ чье-нибудь внезапное вліяніе... что я тамъ, въ деревнѣ, у товарища, былъ распропагандированъ?

— Я не знаю, Митя, я не знаю.

— Нѣтъ, ничего такого не было! Все въ моемъ душевномъ нутрѣ накапливалось, бродило и кристаллизовалось теперь, если выразиться образнымъ терминомъ.

Онъ положилъ лѣвую руку на столъ, откинулъ голову немного назадъ и полузакрылъ глаза.

Я стала слушать его въ какомъ-то особенномъ нервномъ состояніи, какъ бывало въ дѣтствѣ, когда вамъ стригутъ волосы или чешутъ.

— Да, все кристаллизовалось,—продолжалъ онъ замедленно.—На долго ли, навсегда ли, я не знаю. Все измѣняется, мама, эволюція—великій міровой законъ; но назадъ я уже не пойду. Вѣдь назадъ и въ мірозданіи движенія нѣтъ. Это только въ кинематографѣ показываютъ смѣхотворныя картины—купальщики наоборотъ: сначала нога, потомъ туловище, потомъ голова. И всѣ хохочутъ! А въ жизни вселенной и человѣческаго «я» такъ не бываетъ и не должно быть!

Кажется, я кивнула ему головой, въ знакъ согласія.

— То, съ чѣмъ и ты, и тысячи другихъ хорошихъ и, по своему, развитыхъ людей миритесь, съ тѣмъ такіе, какъ я—а насъ маленькая кучка сравнительно съ милліардомъ населенія земли—не можемъ мириться и взыскуемъ «грядущаго града», только не на небѣ; а здѣсь на землѣ.

— Что же это такое?—спросила я, выходя изъ своего полузабытья,—значитъ ты...

Я остановилась.

— Кто? Скажи!

— Анархистъ?!

XXVIII.

Митя пожалъ плечами и усмѣхнулся.

— Анархистъ! Это только кличка, мама. Жестокое слово! Жупелъ! Для насъ съ тобой не должно быть такихъ жупеловъ!

Называй какъ хочешь мое credo—слово «платформа» слишкомъ опошлилось! Несомнѣнно и въ настоящій моментъ безповоротно для меня то, что я не могу и не хочу даже и пассивно участвовать въ той свалкѣ хищничества, лжи, насилія и взаимнаго истребленія, которая величается жизнью культурныхъ государствъ и обществъ!

— Такъ какъ же это назвать?

— *Никакъ*, мама! Я ни въ какой толкъ, ни въ какую организацію поступать не буду. Разъ есть такое ядро—сейчасъ же въ немъ чинопочитаніе, іерархія, догмы, стоячій катехизисъ. Я—дикій! И былъ имъ всегда, еще съ дѣтства. Ты это прекрасно знаешь и помнишь!

И вѣдь это вѣрно! Внѣшней дикости у него не было, но всегда онъ жилъ своимъ собственнымъ, внутреннимъ міромъ.

— Помню,—подтвердила я вслухъ,

— Поэтому, мама, ты не бойся за меня сверхъ мѣры. И прежде всего я тебѣ сразу объявляю, что ни къ какой подпольной организаціи здѣсь, въ Россіи, я принадлежать не буду. Благодарю покорно!—весело воскликнулъ онъ и весь выпрямился.—Слишкомъ наивно дѣлать изъ себя, по доброй волѣ, дичь, за которой охотятся и явные альгвазилы, и наемные соглядатаи-провокаторы!

Онъ всталъ за свой стулъ и взялся обѣими руками за его спинку.

— На висѣлицу я не попаду, мама. Въ этомъ ты можешь быть увѣрена.

— Да... но ты все равно уходишь... и я не знаю куда.

— Какъ говорится, куда глаза глядятъ. Но только я начну не съ любезнаго отечества. Все у насъ слишкомъ опошлено и загрязнено. *И жизнь, и смерть*! Въ интеллигенцію я изверился, а масса—инертна, дика и, въ концѣ концовъ, враждебна каждому изъ насъ, кто не мирится даже и съ хвалеными европейскими порядками. Обсахариваніемъ народа, мужика я никогда не занимался. И повторяю вмѣстѣ съ Тургеневымъ въ его письмѣ къ Герцену, что въ нашемъ мужикѣ сидитъ прирожденный буржуй. Нѣтъ, на этой мякинѣ насъ не проведешь!

Я продолжала слушать—и точно со мной говорилъ какой-то новый для меня молодой человѣкъ. И не «мальчикъ», не студентъ, еще не кончившій курса, а мужчина. Какая убѣжденность, какъ все это въ немъ сложилось и вылилось въ форму цѣлаго «profession de foi».

И во всемъ этомъ я—мать—себя ни капельки не узнавала.

Я могла внушить ему общія идеи благородства, порядочности, человѣчности; но такихъ *итоговъ* никогда не передавала ему. Они сложилось въ немъ помимо всякаго вліянія, шедшаго отъ меня—«кристаллизовались» какъ онъ сейчасъ назвалъ.

— Значитъ, Митя, — сказала я, точно про себя,—ты уѣдешь... не только отсюда... но и совсѣмъ покинешь родину... сдѣлаешься эмигрантомъ?

— Я этого не сказалъ,—живо возразилъ онъ.—Да, я начну... тамъ... гдѣ все-таки отдѣльной личности можно свободно дышать. И тамъ всего ярче распустились цвѣты махровой культуры, которая дѣлаетъ человѣческое «я» рабомъ своего пчелинаго улья.

— Уѣдешь сейчасъ за границу?—спросила я.—Куда же?

— Не знаю еще, мама. Можетъ, сначала въ старую Европу, а можетъ и переплыву океанъ.

— Въ Америку?—упавшимъ голосомъ подсказала я.—И не вернешься?

— Когда вернусь, и вернусь ли... не могу предсказывать. Вѣдь и въ Европѣ, и въ Новомъ Свѣтѣ можно наскочить на что-нибудь. И не вернуться совсѣмъ. Но вѣдь и здѣсь я могу пойти на площадь и попасть подъ конку. Или быть раздавленнымъ ломовымъ возомъ, какъ въ Парижѣ погибъ ученый, открывшій свойство радія.

XXIX.

Онъ говорилъ уже быстрѣе, все съ возрастающимъ одушевленіемъ.

Я его заслушивалась.

И никогда онъ такъ со мной не бесѣдовалъ.

Отчего?

Неужели оттого, что не считалъ меня способной понять его?

— Нѣтъ, мама, будь увѣрена, что я, по доброй волѣ или по наивности, никому въ лапы не дамся!

— Но все равно, Митя, ты исчезаешь... и...

Дальше я не смогла говорить—у меня дрогнули губы.

— Исчезаю... да... это вѣрно. Но мама, милая, неужели ты думаешь, что это—съ бацу, что я—такой бездушный эгоистъ и хочу только сдѣлать по своему, что я самодуръ и сумасбродъ?

— Ты не любишь... меня... Тебѣ никого не жалко.

Я это выговорила безъ слезъ; но съ опущенной головой.

— Прости, если я причиняю тебѣ боль. Но противъ себя самого я идти не могу.

И вдругъ я, совсѣмъ другимъ тономъ, перебила его вопросомъ:

— На что же ты жить-то будешь?

Онъ тихо разсмѣялся.

— Что-жъ, мама! Мы вѣдь съ тобой—старые друзья? Скажу тебѣ прямо—будь ты другая, я бы отъ тебя никакой денежной поддержки больше не принялъ. Пошелъ бы куда глаза глядятъ—панъ, либо пропалъ. Отъ *тебя*—подчеркнулъ онъ—я приму маленькую субсидію, что ли... что необходимо на проѣздъ.

— Куда?

— Еще не знаю, мама, дорогая. Гдѣ будетъ вольнѣе жить. Вѣдь я только одного и взыскую—воли... Я—прирожденный *свободникъ*.

— Какъ?—не поняла я сразу.

— Ха, ха! Это мое слово «свободникъ»—вольный переводъ съ отличнаго французскаго слова «libertaire». Это куда вѣрнѣе и глубже чѣмъ избитая формула «анархистъ».

— *Свободникъ* — невольно повторила я, точно подпадая опять подъ какой-то гипнозъ.

— Да... Выше ничего нѣтъ, какъ свобода... не для меня одного, а для всего человѣчества. Не продавать своей воли ни за какія золотыя цѣпи культурнаго рабства! Ни за какія!

Онъ вдругъ смолкъ и поднялся.

— Ты уходишь... Митя?

— Я тебя утомилъ... Прости, дорогая.

— Но когда же...

Договорить у меня не достало духа.

— Когда сбираюсь? Сборы мои—короткіе.

— Тебѣ вѣдь нуженъ будетъ заграничный паспортъ? Тебя могутъ не выпустить. Не дадутъ свидѣтельства на выѣздъ.

— Дадутъ! Я вѣдь ни въ чемъ особенномъ не былъ замѣшанъ! Такимъ, какъ я, даже и послѣ кутузки рекомендуютъ на выборъ—или въ мѣста не столь отдаленныя, или за границу... на такой-то срокъ. А я безъ срока.

— Безъ срока, Митя! Какъ тебѣ не грѣхъ! Пощади меня!

Я не выдержала и заплакала.

Онъ близко пододвинулся ко мнѣ, положилъ мнѣ обѣ руки на плечи и горячо обнялъ за шею.

— Мама! Милая! Прости великодушно! Кто знаетъ! Мо-

жетъ, твой блудный сынъ и явится домой послѣ какой-нибудь генеральной осѣчки... Но какъ же я буду тебя звать къ себѣ... неизвѣстно куда?!

— Такъ и не напишешь... Ни одной вѣсточки... годъ... другой! Господи!

Обѣими руками я схватилась за лицо.

Онъ отнялъ одну изъ моихъ рукъ и поцѣловалъ два раза.

— Нѣтъ... Каждый мѣсяцъ—пока я буду живъ—ты станешь получать по открыткѣ... И въ ней только одна строка и четыре слова: «Живъ. Люблю тебя, мама». Право, такъ лучше будетъ. А теперь прощай! Какъ ты сказала: «Все утрясется!» Это лучше чѣмъ избитѣйшее литературное «все образуется»... Ха, ха!

Съ тихимъ смѣхомъ ушелъ онъ отъ меня.

XXX.

Недѣли еще не прошло, а его уже нѣтъ.

Мнѣ все какъ-то не вѣрится. Или лучше: я *не могу* и *не хочу* не вѣрить, что онъ вернется... Когда? Я не знаю. Но безъ такой надежды я совсѣмъ захирѣю.

Только *теперь* я чувствую, всѣмъ моимъ существомъ—какъ мнѣ близокъ былъ всегда мой первенецъ.

Мы могли подолгу не видаться. Мы рѣдко (особенно въ послѣднее время) бывали съ нимъ съ глазу на глазъ; но пока онъ былъ тутъ или хоть и не около меня, но въ Россіи—я жила съ нимъ одной внутренней жизнью, я безпрестанно о немъ думала, я ждала того момента, когда онъ откроетъ мнѣ всю свою душу.

Вотъ онъ и открылъ ее... Но когда? Въ какую минуту?

Все равно, что на духу, передъ уходомъ изъ жизни.

Изъ *своей* жизни онъ не ушелъ, а мечтаетъ о какомъ-то новомъ, желаемомъ царствѣ неограниченной воли.

И половина *моей* жизни отлетѣла съ нимъ.

Всѣ эти шесть дней его проводовъ я провела въ тупомъ напряженіи и точно окаменѣла, не пролила ни одной слезинки, оставляла его въ покоѣ, ни о чемъ лишнемъ не спрашивала.

Онъ взялъ съ меня слово, что я никому не открою того, куда онъ ѣдетъ.

И я ни слова не сказала ни брату, ни сестрѣ. Это было жестоко, но я должна была обѣщать ему и сдержала свое слово.

Какъ же бы онъ сталъ прощаться со Степой?

Митя—не злой, но онъ непримиримый, разъ его братъ упалъ въ его глазахъ.

Простить ему на прощанье—быть можетъ *навсегда*—это повело бы къ такому объясненію, на которое онъ никогда бы не пошелъ съ такой «падшей низостью», какой онъ считалъ брата.

Сестры ему также не жаль.

На нее онъ смотрѣлъ, какъ на «интеллигентную франтиху», и его совсѣмъ не интересуетъ то, что изъ нея выйдетъ.

Врядъ ли бы и она прослезилась, если бы сказать ей, что Митя—надолго—уѣзжаетъ за границу.

Вѣроятно она сказала бы:

— Какой счастливчикъ!

Паспортъ онъ выправилъ въ два дня и не позволилъ даже, чтобы прислуга помогла ему уложить его чемоданчикъ, тотъ самый, съ какимъ онъ ѣздилъ въ деревню, къ товарищу.

Кажется, онъ ни съ кѣмъ въ городѣ не прощался.

Ему не хотѣлось, чтобы я поѣхала проводить его на вокзалъ.

Но я такъ его упрашивала, что онъ долженъ былъ согласиться.

— Дальніе проводы—лишнія слезы!—все повторялъ онъ.

И между нами было условлено такъ, чтобы вмѣстѣ не ѣхать на желѣзную дорогу.

Онъ уѣхалъ, когда ни Степы, ни Шуры дома не было—часа за три до отхода поѣзда. Самъ пріѣхалъ на извозчикѣ, самъ вынесъ чемоданчикъ. И я отворяла ему парадную дверь.

Поднимаясь по ступенькамъ лѣстницы, въ сѣняхъ, я закачалась и должна была схватиться за перила.

Но обморока не было.

Комнаты стояли пустыми. Я нарочно услала куда-то и кухарку, и горничную.

Ѣдкая тоска охватила меня. Я не добралась до своей комнаты и въ гостиной опустилась на кушетку, хотѣла плакать и не могла.

На платформѣ вокзала Митя не допустилъ меня войти за нимъ въ вагонъ, обнялъ меня и сказалъ мнѣ на ухо:

— Прости, мама... твоего закоренѣлаго *свободника*!

Онъ поѣхалъ въ третьемъ классѣ, одѣтый въ тулупчикъ и въ сѣрую смушковую шапку.

XXXI.

Первая, спросила меня Шура:

— Митя опять исчезъ, мама?

— Да, уѣхалъ,—сухо отвѣтила я ей.

— Куда же? Въ деревню? Или куда-нибудь подальше?—добавила она съ улыбкой.

Я не хотѣла лгать и отвѣтила нехотя:

— Онъ долго не вернется.

Она вскинула на меня свои круглые глаза и повела ртомъ.

— Ты что-то хитришь, мамка!.. Арестовали его, что ли? И ты скрываешь это?

— Нѣтъ, не арестовали,—твердо отвѣтила я.

— Значитъ, онъ и тебѣ ничего не сказалъ... Взялъ да и скрылся? Впрочемъ, это на него похоже... Но почему же ты сказала, что онъ скоро не вернется?

— Такъ я думаю.

— Не довѣряешь мнѣ? Что жъ! Я не обижаюсь. Митя такой экземпляръ, который добромъ не можетъ кончить.

— Какъ ты это сказала, Шура!

— А что?

— Вѣдь онъ братъ тебѣ. И никогда ничего дурнаго ты отъ него, кажется, не видала.

— Да и хорошаго также. Онъ на всѣхъ смотритъ какъ на существа низшаго разбора—на пошляковъ, на дуръ, на шалыхъ *дѣвуль*—въ томъ числѣ и на свою сестрицу, Александру Николаевну.

— И ты осталась бы совершенно равнодушной, еслибъ надъ нимъ стряслась какая-нибудь бѣда? Еслибъ онъ никогда уже къ намъ не вернулся?

Мнѣ не слѣдовало этого говорить.

Она прищурилась на меня.

— Ты пугаешь, мама? Развѣ его дѣйствительно схватили? Что жъ! Жаль было бы! Но если я такъ къ нему отношусь—онъ самъ въ этомъ виноватъ. Нечего удивляться, коли и Степка окажется къ нему въ такихъ же чувствахъ. Каковъ бы онъ ни былъ, все-таки, на его мѣстѣ, всякій бы возненавидѣлъ и родного брата.

Я прекратила разговоръ и тотчасъ же ушла.

А въ тотъ же день Степа зашелъ ко мнѣ и тотчасъ же заговорилъ о братѣ.

— Дмитрій Николаевичъ изволилъ скрыться. Это правда, мама?

— Тебѣ, я думаю, это все равно. И я тебя уже предупреждала. Теперь тебѣ не будетъ уже такъ тяжко дома.

— Значитъ онъ больше не вернется?

— Предположимъ, что такъ.

— Мнѣ все равно. Конечно, его отсутствіе дѣлаетъ мое пребываніе въ твоемъ домѣ болѣе удобнымъ. Но ты извини, мама... я уже распорядился... нанялъ себѣ комнату.

— И переѣзжаешь? Зачѣмъ же?

— У меня нѣтъ увѣренности въ томъ, что Дмитрій Николаевичъ не пожалуетъ обратно.

— Этого не будетъ.

— Надѣюсь, не изъ-за того, что онъ можетъ найти меня здѣсь.

Помолчавъ, онъ заговорилъ нѣсколько другимъ тономъ:

— Видишь, мама... Я долженъ... быть совершенно свободнымъ во всемъ.

«И этотъ также «свободникъ»,—подумала я, и спросила:

— А чѣмъ же я тебя стѣсняю?

— Будемъ совершенно откровенны. Ты вѣдь либералка, а я—какъ мой братецъ называетъ—«презрѣнный руссопетъ». Это его кличка для имѣющихъ чувство національнаго достоинства.

— Кажется, я тебя и въ этомъ не обижаю?

— Конечно, конечно... Прости! Но я долженъ дышать другимъ воздухомъ... И многое еще чисто житейское.

Я хотѣла было спросить его еще разъ:

— А на что же ты будешь жить?

Но воздержалась. И невольное подозрѣніе, что онъ будетъ жить насчетъ какой-то особы—кольнуло меня.

Что-то онъ уже очень усиленно избѣгалъ всякаго разговора о томъ, какую поддержку приметъ онъ отъ меня.

XXXII.

Степа еще не выѣзжалъ. Это было вчера, въ дообѣденный часъ.

Въ передней позвонили. Горничной не было, кухарка не дослышала.

Я пошла отпереть и впустила какую-то даму.

Въ нашей полутемной прихожей я не сразу разглядѣла ея

лицо. Но шубка на ней была съ роскошными соболями... и огромная бархатная шляпа съ султаномъ изъ бѣлыхъ перьевъ; а въ рукахъ она придерживала такую же огромную муфту, плоскую, широкую, съ хвостами и звѣриными мордочками.

Отъ нея, вмѣстѣ съ морознымъ воздухомъ, пахнулъ на меня запахъ сильнѣйшихъ духовъ.

— Степанъ Николаевичъ дома?—раздался ея голосъ, низковатый, очень пріятный.

Тутъ только я разглядѣла, что у нея красивое, пышное лицо, но глаза подкрашены, и брови кажутся слишкомъ рѣзкими.

— Его нѣтъ дома.

На мнѣ была моя затрапезная, длинная кацавейка на ватѣ, и голова—какъ всегда—покрыта вязаной сѣрой косынкой.

Гостья вскинула на меня своими густыми рѣсницами.

Я не знаю, за кого она меня сразу приняла—можетъ быть, за экономку.

— Вамъ угодно что-нибудь передать ему?

— Да... записочку... Вы не знаете—онъ завтра переѣзжаетъ или послѣ-завтра?

— Точно не знаю... А вамъ, стало быть, извѣстно, что онъ переѣзжаетъ?

Тутъ только она немножко какъ бы смутилась и спросила вполголоса:

— Вы *будете*... его мамаша?

Эти слова и тонъ, какимъ они были сказаны, сейчасъ заставили меня подумать, что передо мною богатая, простоватая особа... изъ купеческаго міра.

— Да! Его мать,—спокойно выговорила я.

— Ахъ Боже мой! Какъ это вышло! Простите!—она оглянулась,—вы однѣ дома и насъ никто не услышитъ?

— Никто. Прислуги нѣтъ.

— Вотъ это хорошо!

И еще разъ осмотрѣвшись, она протянула мнѣ руку, какъ бы желая пожать мою.

— Простите, пожалуйста! Вы меня вѣдь не знаете...

— Не имѣю удовольствія.

— Сундукова моя фамилія, Ксенія Арефьевна Сундукова.

Подавшись немного въ сторону, она опустила рѣсницы и, спросила:

— Могу я... войти на минутку?

— Вы хотите еще что-нибудь оставить моему сыну?

— Нѣтъ... зачѣмъ же... Записка у меня есть, да это не важно... Мнѣ самой хотѣлось..

Отъ волненія она не докончила, входя въ гостиную.

Я попросила ее сѣсть.

Она показалась мнѣ уже не молода, лѣтъ за тридцать, и весь ея туалетъ, эта шляпка, подведенные брови и глаза—все это отзывалось чѣмъ-то не очень корректнымъ.

Но я сразу распознала, что это не кокотка.

Та бы не попросила сейчасъ же позволеніе войти.

У этой особы было что-то такое, совсѣмъ интимное, о чемъ она желала переговорить со мною.

— Вы добрая знакомая моего сына?—спросила я нарочно въ тонѣ суховатой вѣжливости.

— Да! Но видите... Такъ это случилось, что вы сами впустили меня... А я такъ всѣ эти дни...

И опять не докончила отъ волненія.

«Это она!» подумала я.

Она, т. е. та госпожа, съ которой Степа находится въ интимныхъ отношеніяхъ и пользуется отъ ея щедротъ.

Меня это кольнуло въ сердце, и я вся какъ бы застыла.

XXXIII.

— Я уже много разъ порывалась объявиться къ вамъ,— заговорила она быстрѣе и замигала отъ волненія.

Перебивъ себя, она откинула немного назадъ голову, и лицо ея, изъ-подъ бортовъ чудовищно большой шляпы, стало мнѣ видно.

— Васъ вѣдь Марья Михайловна звать?—спросила она потише.

— Марья Михайловна.

— Да, я рѣшила съ вами видѣться. Но Степа все повторялъ, что успѣется. Это его стѣсняло должно быть... Изъ-за разныхъ подлыхъ слуховъ...

— Какихъ же слуховъ?—переспросила я.

Ея темные глаза блеснули изъ-подъ подведенныхъ бровей.

Но, кажется, она чуть-чуть покраснѣла подъ легкимъ слоемъ пудры.

Щеки ея были безъ румянъ.

— Вотъ... что будто онъ... пользуется отъ меня.

Я было хотѣла остановить ее и сказать:

«Зачѣмъ вы мнѣ все это говорите!»

Но воздержалась.

—Все это гадкія сплетни! Отвратительно! Ничего подобнаго! Вы сами знаете... онъ живетъ при васъ... сытъ, одѣтъ и всегда при деньгахъ, хоть и при маленькихъ... Ну, можетъ, какіе пустяковые подарочки... или билетъ въ театръ... Прокатиться куда... Но развѣ изъ-за этого можно говорить: «онъ у такой-то купчихи на содержаніи».

— Извините меня,—остановила я ее...—Я не понимаю... зачѣмъ вы мнѣ это сообщаете? Вы бы, зная, что я мать его, пощадили меня хоть чуточку.

Глаза ея мгновенно стали влажны. Она вся переполошилась и приложила свободную руку къ груди просительнымъ жестомъ.

— Бога ради... простите меня... Я не хотѣла... огорчить васъ, Марья Михайловна... Вы—мать. Но такъ какъ у насъ со Степой дѣло серьезное...

— Дѣло?

— Я хочу сказать, вся моя судьба рѣшается.

— Я васъ не совсѣмъ понимаю.

— Мы такъ любимъ другъ друга... Меня первую стало тяготить такое наше... незаконное положеніе. Мужу я давно во всемъ призналась.

— Вы замужемъ?

— Замужемъ.

— И дѣти у васъ есть?

— Одна дѣвочка. Изъ-за нея и происходитъ между нами... какъ говорится... драная грамота. А я не оставлю ему дочь. Онъ человѣкъ глупый, да еще пьяный... Своего я добьюсь. Нынче вѣдь нельзя такъ, какъ въ старину... Видъ на жительство и сейчасъ могу имѣть, но мнѣ этого мало. Мнѣ воля нужна.

Она такъ заволновалась, что совсѣмъ точно забыла, кто передъ ней сидитъ—мать того, съ кѣмъ она собралась вѣнчаться или совсѣмъ посторонняя женщина.

— Марья Михайловна! Вы меня простите — умоляю васъ. Вы—мать... Степа, быть можетъ, и не хорошо дѣлалъ, что все скрывалъ отъ васъ... Я объ этомъ судить не могу и не хочу, признаться сказать. Но въ чемъ же наша такая вина? Особенно его, Степы? Я его полюбила, мужу измѣнила—это точно; но если бы вы знали, какой онъ чадушко—вы бы въ меня камнемъ не бросили. Я такъ говорю! Правда, я его постарше. Но и не старуха, мнѣ еще тридцать не стукнуло.

Я молчала.

— По нынѣшнимъ временамъ нельзя быть очень-то строгими. Студентъ, да еще собой смазливый—во что можетъ влопаться? И-и!—протянула она.—Я достаточно и на это присмотрѣлась. Что я купчиха, такъ это нынче не порокъ. Степа полюбилъ меня... я, по крайней мѣрѣ, должна ему вѣрить. Себя онъ не продастъ—коли женится на мнѣ, —оттого только, что у меня есть свой приданый капиталъ и я, и при мужѣ, имъ пользуюсь, какъ мнѣ разсудится. Вотъ и все. Ни отъ чего хорошаго я его оттягивать не буду. Курсъ онъ кончитъ, мѣсто возьметъ, навѣрно и карьеру сдѣлаетъ. Это стоитъ моихъ денегъ... да и деньги-то вѣдь не такія ужъ—не большіе милліоны!

Она опять приложила руку къ груди и просительно, съ влажными глазали, смотрѣла на меня.

XXXIV.

Всѣмъ этимъ я не была поражена; но и радости большой не ощущала.

— Что мнѣ вамъ сказать? —выговорила я, безъ особеннаго волненія.—Сыну я не могу запретить—устраивать свою судьбу. Это не въ моихъ правилахъ.

— О! Я знаю, Марья Михайловна!—воскликнула она.—Вы—либеральная. Мнѣ Степа говорилъ. Самъ-то онъ—прибавила она, улыбнувшись,—считается изъ этихъ... изъ академистовъ... У нихъ кружокъ такой... Иные говорятъ—черносотенный. Да этому я не вѣрю. А что онъ противъ всякихъ забастовокъ, такъ что же тутъ дурного? Вы, и какъ родительница его, должны быть за него спокойны.

Въ эту минуту послышались шаги за дверью, въ корридорикѣ.

Я узнала шаги моего сына. Кажется, и она также.

— Это никакъ онъ?

Она быстро встала, смущенная.

— Да, это его шаги.

— Ужъ вы за меня заступитесь, Марья Михайловна. Ему это очень не понравится, я знаю. Да вѣдь надо же было повиниться матери родной.

Дверь отворилась. Степа заглянулъ и даже немножко подался назадъ, увидѣвъ свою невѣсту.

— Ты... вы,—поправился онъ...—вы здѣсь?

И онъ вопросительно взглянулъ сначала на меня, потомъ на нее.

— Прости, Степа,—заговорила она, подбѣгая къ нему.— Такъ случилось. Мамаша твоя впустила меня, не зная—кто я. Вышелъ разговоръ. Ты не сердись! Марья Михайловна все тебѣ разскажетъ. Я занесла записочку, да это еще не къ спѣху. Не сердись!

Повернувшись ко мнѣ, она быстро нагнулась, взяла мою руку, поцѣловала и поспѣшно двинулась къ двери.

Щеки ея замѣтно покраснѣли.

Я довела ее до двери. Степа, молча, проводилъ ее въ переднюю и тамъ она что-то шепотомъ ему сказала, на что онъ отвѣтилъ:

— Хорошо! Послѣ поговоримъ!

И вернулся ко мнѣ въ гостиную, гдѣ я присѣла къ столу.

Онъ присѣлъ ко мнѣ, немного какъ бы сконфуженный.

— Это твоя невѣста?—спросила я беззвучно.

— Ахъ Боже мой! Я не понимаю, зачѣмъ ей было...

— Она сказала правду. Такъ случилось. И это дѣлаетъ честь ея сердцу.

Глазами онъ улыбнулся.

— Она тебѣ понравилась? Немножко—бытовая женщина. И ее надо доразвить.

— Но она замужемъ... и у нея дочь?

— Что же дѣлать!—онъ пожалъ плечами.—Но если дойдетъ дѣло до развода...

— А можетъ и не дойдетъ?—спросила я.

— Понимаешь, мама... все зависитъ отъ того, какъ поведетъ себя ея супругъ... Это кажется, порядочная дубина... Я его никогда не видалъ.

— Никогда?

— Это—деталь! Но если онъ упрется, не отдастъ дочь, а она обожаетъ свою дѣвочку...

— Такъ что все это еще только гадательно?

— Да... какъ видишь. Она смотритъ на себя, какъ на мою невѣсту... Но я еще не могу объявить всѣмъ и каждому, что я—ея женихъ. Вся эта канитель возьметъ много времени,— пожалуй, годъ цѣлый...

Мой родной сынъ былъ мнѣ, въ эту минуту, въ сто разъ менѣе симпатиченъ, чѣмъ та купчиха, которая такъ влюбилась въ него.

И все-таки я сказала ему:

— Если ты еще не считаешь себя обязаннымъ, и твой бракъ еще за горами, то зачѣмъ тебѣ торопиться: жить одному, уходить изъ дому?

Я могла бы и не сказать этого; но должно быть, материнское чувство взяло верхъ и тутъ.

— Ахъ, мама! Я уже представилъ тебѣ мои доводы. Право, такъ лучше будетъ. Съ какой же стати вамъ видаться. А она, пожалуй, и опять пожалуетъ. Мнѣ надо самому убѣдиться въ томъ, что я могу стать на свои ноги—и до окончанія курса. А что про меня будутъ сплетничать—это мнѣ ganz Pommade!

— И когда же ты съѣзжаешь?

— Въ эту субботу.

И какимъ-то дѣловымъ шагомъ онъ вышелъ изъ гостиной.

XXXV.

Тишина—по вечерамъ—въ нашемъ домѣ стала вызывать во мнѣ тяжкую жуть.

Выѣзжать мнѣ некуда; да и здоровье не позволяетъ вотъ уже третья недѣля, какъ во мнѣ держится простуда.

Я все одна, и сижу цѣлый день у себя въ спальнѣ.

Степа съѣхалъ въ концѣ той недѣли и до сихъ поръ не кажетъ глазъ. Я не знаю, какъ онъ устроился. Меня докторъ, уже болѣе недѣли, не выпускаетъ на улицу, даже днемъ.

Шелъ уже двѣнадцатый часъ.

Чай я пила у себя, въ восьмомъ часу, и въ другія комнаты не выходила. У насъ вездѣ холодно. Домъ—старый.

Я какъ разъ спрашивала себя: буду ли я въ немъ доживать? Къ чему? И для меня съ Шурой онъ слишкомъ великъ—въ немъ до десяти комнатъ.

«Вотъ и дочь — думала я — уйдетъ также какъ оба ея брата... замужъ выйдетъ.., а можетъ и такъ, чтобы жить на полной волѣ. Они теперь всѣ «свободники», какъ Митя.

И мысль о немъ опять засосала мнѣ сердце... Цѣлую недѣлю я ждала отъ него вѣсточки. Депеши никакой не дождалась. Вчера только пришла открытка въ одну строку: «Здоровъ, не безпокойся».

Подпись—двѣ буквы.

Когда горничная Луша подавала мнѣ чай, я спросила ее:

— Александра Николаевна дома?

— Не видала, барыня. Наврядъ ли вернулись.

У Шуры ключъ отъ наружной двери, и она никогда не звонитъ.

Но мнѣ, послѣ того, какъ часы пробили одиннадцать, что-то какъ будто послышалось.

Я не трусиха, но у меня все-таки образовалась привычка—передъ тѣмъ, какъ ложиться спать—обойти весь домъ.

Я взяла свѣчу и пошла.

Комната Шуры— далеко отъ моей спальни, такъ что я не слышу когда она проходитъ къ себѣ.

Только что я повернула изъ столовой въ тотъ закоулочекъ, куда выходитъ дверь ея комнаты, какъ до меня явственно донесся разговоръ—быстрый, отрывочный, точно она съ кѣмъ прощалась и хочетъ кого-то выпустить отъ себя.

Кого же?

Голосъ былъ мужской. Брата Степы? У того голосъ гораздо выше и тише; а это низковатый баритонъ.

Кровь бросилась мнѣ въ лицо.

Неужели?..

Я отошла къ двери въ столовую и стала ждать.

У меня не хватило мужества войти туда.

И вдругъ — поцѣлуй... такой громкій и длинный... Нѣсколько разъ.

Кровь отлила у меня отъ сердца, въ глазахъ промелькнуло облако. Чтобы не упасть, я прислонилась къ стѣнѣ.

Чуть не шатаясь, пошла ждать ихъ. Они должны были пройти гостиной, чтобы попасть въ переднюю.

И дождалась.

Со свѣчей въ рукѣ Шура и за ней мужчина, брюнетъ большого роста, бритый, какъ брѣются актеры, франтовато одѣтый.

Шура остановилась, какъ ни въ чемъ не бывало.

Я ничего не нашла сказать ей, и только въ глазахъ моихъ она могла прочесть мое изумленіе.

— А! Это ты, мама!

Указывая на него рукой, она тѣмъ же тономъ сказала:

— Мой добрый знакомый, Модестъ Петровичъ Аваринъ... артистъ... былъ такъ добръ—проводилъ меня до дому. Я попросила его зайти отогрѣться немножко. Такой сегодня адскій морозъ.

«Артистъ» поклонился мнѣ церемонно и осклабилъ свое бритое, длинное лицо. Зубы его блеснули.

— Не безпокойся! — крикнула мнѣ Шура. — Я выпущу Модеста Петровича.

На меня нашелъ родъ столбняка. Я чуть не выронила подсвѣчникъ, опускаясь на диванъ.

Но тотчасъ же поднялась, прошла къ двери въ переднюю и, какъ только Шура показалась оттуда, я схватила ее за руку и повлекла за собою, въ мою спальню.

XXXVI.

Въ первыя секунды я не могла ничего выговорить—губы у меня вздрагивали, и я вся дрожала.

Шура стояла передо мной, все еще со свѣчей.

— Кто это?—наконецъ глухо выговорила я.

Слезы меня душили. Но я не разрыдалась и точно клубокъ подкатилъ у меня къ горлу.

— Это ужасно! Этому имени нѣтъ!—крикнула я наконецъ.

— Что такое?—все такимъ же тономъ спросила Шура и тутъ только поставила подсвѣчникъ на столикъ.

— И ты еще спрашиваешь! Какой цинизмъ!

— Въ чемъ же? Скажите ради Бога!

Я подошла къ ней, стремительно схватила за обѣ руки и прямо ей въ блѣдное лицо кинула:

— Ты привела мужчину къ себѣ... и цѣлуешься съ нимъ!

— Кто вамъ сказалъ?

— Я слышала.

— То есть подслушивали? Ха, ха! Поздравляю!

Каюсь, я готова была ударить ее по лицу. Но не ударила.

Но я вся тряслась, и она увидала, что въ эту минуту со мной нельзя говорить въ такомъ тонѣ.

Я почти упала на край постели и тутъ только разрыдалась.

Когда рыданія смолкли, я отерла лицо и съ минуту сидѣла съ опущенной головой, тяжело дыша.

— Да полно тебѣ, мама!—начала было она.

— Молчи!—крикнулая.—Вотъ она—послѣдняя капля. Чаша переполнена. Сыновья ушли... А дочь такъ ведетъ себя... Господи!

Опять я зарыдала и упала головой на подушку.

Она сѣла къ изголовью и заговорила безъ всякаго смущенія, какимъ-то дѣловымъ тономъ:

— Ну да, мы любимъ другъ друга. А потомъ что же? Какое-же въ этомъ преступленіе? Что онъ проводилъ меня? Развѣ я не имѣю права принять мужчину? Я думала, что ты уже спишь.

— Да кто же онъ? Актеръ?

— Да. Артистъ! Съ талантомъ. Онъ давалъ мнѣ уроки декламаціи.

— И ты собираешься на сцену?

— Можетъ быть. Это еще не рѣшено. Но этотъ человѣкъ дорогъ мнѣ, мамка, я говорю тебѣ прямо. Если ты не желаешь, чтобы онъ бывалъ у меня, все равно мы будемъ видаться.

— У васъ такъ далеко зашло? Да?

— Пожалуйста, безъ трагедіи! До чего дошло—это дѣло моей совѣсти! Я ее насиловать не позволю!

Меня схватилъ нервный припадокъ. Шура разбудила горничную, и обѣ онѣ раздѣли меня и уложили въ постель.

Тѣмъ это и покончилось въ ту ужасную ночь.

Но когда я проснулась утромъ, съ туманной головой, вся разбитая, я сознала, что если я теперь позову Шуру и у насъ выйдетъ сцена—я уложу себя въ лоскъ. И ничего изъ этого не выйдетъ.

«Но вѣдь дочь моя можетъ погибнуть!»—почти вслухъ воскликнула я, поднялась въ постели и сидѣла съ руками, сложенными на груди.

Что-же дѣлать?

Было уже довольно поздно. Я заснула только къ разсвѣту.

Луша пришла на мой звонокъ и спросила тотчасъ же: не послать ли за докторомъ. Она видѣла, что на мнѣ лица нѣтъ.

— А барышня дома?

— Никакъ нѣтъ... Ушли рано.

Разумѣется куда. Къ нему, къ этому бритому актеру... своему...

Слово «любовникъ» даже внутренно я не произнесла.

Страхъ—почти безумный—овладѣлъ мною: и дочь больше не вернется. Я чуть было не спросила горничную: «не увезла ли барышня съ собою и всѣхъ своихъ вещей?»

Но я не могла больше лежать, хоть и еле-еле держалась на ногахъ. За докторомъ я не послала.

Мнѣ надо было что-то такое сдѣлать, и я боялась, что докторъ уложитъ меня совсѣмъ въ постель и не выпуститъ изъ дому.

XXXVII.

Извозчикъ подвезъ меня къ огромному дому, гдѣ на дворѣ, въ трехъэтажномъ флигелѣ, есть меблированныя комнаты.

Тутъ живетъ «артистъ» Аваринъ.

Къ нему я бросилась.

Почему?

Что-то меня толкало найти его, имѣть съ нимъ объясненіе, предъявить ему мои права матери, усовѣстить... если нужно— пригрозить.

Пригрозить? Но чѣмъ же?

Что я могла ему сдѣлать?

Броситься къ какому-нибудь власть имущему лицу, чтобы оно вмѣшалось и—если иначе нельзя—выслало бы его изъ города?

Но внутри у меня сейчасъ же поднялся протестъ.

«Развѣ ты на это способна? Вѣдь ты либералка! Стыдно было бы тебѣ прибѣгать къ насилію!»

Все равно, я не могла не поѣхать.

Адресъ я выправила и нарочно поѣхала утромъ, пораньше, чтобы захватить актера передъ репетиціей.

Мой разсчетъ былъ вѣренъ. Поднимаясь по лѣстницѣ во второй этажъ, я столкнулась съ нимъ на площадкѣ.

Онъ, кажется, не сразу узналъ меня.

— Я къ вамъ,— остановила я его.

— Что прикажете?

Тонъ—чисто актерскій, на амплуа свѣтскихъ любовниковъ.

— Я мать Шуры.

Тутъ онъ сразу все понялъ.

— Что же собственно...

— Вы должны меня выслушать.

Онъ чуть-чуть повелъ ртомъ и pince-nez слетѣло у него съ крупнаго носа.

— Къ вашимъ услугамъ.

И, не снимая своего пальто съ барашковымъ воротникомъ, онъ пригласилъ меня въ свой номеръ.

Первое, что мнѣ пришло въ голову, когда я вошла и увидала, слѣва, глубокій альковъ съ кроватью—это то, что тутъ Шура была уже не разъ и, быть можетъ, въ этомъ самомъ альковѣ.

Все также актерски-церемонно онъ сказалъ мнѣ:

— Прошу покорно сюда, на диванъ.

Я не знала съ чего начать.

Но говорить надо было, и я, сдерживая слезы, вылила разомъ все, что у меня накопилось на сердцѣ.

Онъ слушалъ, сидя съ опущенной головой; ни разу не перебилъ меня.

— Вы не должны такъ увлекать дѣвушку изъ хорошаго общества!—вырвалось у меня противъ воли.

Тутъ онъ поднялъ голову и повелъ своими бритыми губами.

— Прошу извиненія... Вы напрасно считаете меня... какимъ-то совратителемъ вашей дочери. Да, мы полюбили другъ друга. И если я сблизился съ ней скорѣе, чѣмъ, быть можетъ, самъ ожидалъ того... то вѣдь я считалъ, что Александра Николаевна хотя и живетъ съ матерью, но пользуется полной свободой... Это видно было по всему.

— Вы, стало быть, имѣли серьезные виды на нее?

— Въ какомъ смыслѣ долженъ я понимать ваши слова?.. Желаю ли я вступить съ ней въ бракъ?

Онъ опять повелъ губами.

— Объ этомъ у насъ и рѣчи не было, клянусь вамъ. И я не злоупотреблялъ ея незнаніемъ жизни,—добавилъ онъ, прищурившись и подчеркивая послѣднія слова.

«Вотъ оно что!»—капнуло у меня въ груди точно холодная капля.

— Что-жъ!—продолжалъ онъ, какъ бы поискреннѣе.—Дочь ваша прелестная дѣвушка. Можетъ быть, никто мнѣ такъ не нравился въ моей жизни. Но я женатъ.

— Вы женаты?

— Увы! И весьма неудачно. И моя супруга ни подъ какимъ видомъ не согласилась бы на разводъ. Стало - быть, вы понимаете, сударыня...

О! Я все поняла. И если онъ только по актерски не вралъ, то въ чемъ же ему каяться? Дѣвчонка врѣзалась въ него. А остальное пошло, какъ тому и быть слѣдуетъ.

Еще немного, и онъ могъ бы мнѣ сказать:

— Я готовъ жить съ вашей дочерью... maritalement! Чего же еще отъ меня требовать?

Краска адскаго стыда заливала мои щеки.

Мнѣ больше не о чемъ было говорить съ нимъ.

XXXVIII.

Кончилось такъ, какъ должно было кончиться; но все-таки пошло все гораздо стремительнѣе, чѣмъ я могла ожидать.

Шура, разумѣется узнала, что я кинулась къ ея...

Кому? къ возлюбленному—это теперь ясно для меня; да и актеръ достаточно тонко намекалъ на это.

Она вбѣжала ко мнѣ въ спальню, утромъ, когда я еще лежала, съ новымъ припадкомъ ломоты во всемъ тѣлѣ.

— Зачѣмъ ты это сдѣлала?—кинула она мнѣ, вся блѣдная, съ вздрагивающими ноздрями.

— Ты не понимаешь, зачѣмъ?—чуть слышно откликнулась я.—Кто же я тебѣ? Мать или нѣтъ? Если я была такъ слаба, что допустила тебя до всего этого, то ты хоть теперь пожалѣй себя, посмотри куда ты идешь, по какой наклонной плоскости скользишь...

— Оставь! Не говори, мамка, жалкихъ словъ. Ну что жъ! Я хочу жить не какъ барышня, по кодексу «du comme il faut», а такъ, какъ считаю интереснымъ!

— И вступила въ связь съ актеромъ!—вырвалось у меня.

— Почемъ ты знаешь?—глухо крикнула она.

— А это не правда?—спросила я ее въ упоръ, поднявшись въ постели.—Скажи, что это не правда! Я хотѣла бы повѣрить тебѣ.

Она отвернула голову и процѣдила сквозь зубы:

— Моя такъ называемая честь мнѣ принадлежитъ, и никому другому! Какое же въ этомъ преступленіе? Ну, полюбила... а потомъ что? Да, мы полюбили другъ друга. Онъ бы и женился, но ему нельзя! Ты вѣдь знаешь!..

Подойдя поближе къ кровати, она оперлась однимъ колѣномъ о ея край и спросила, возбужденно глядя на меня:

— Что жъ! Развѣ ты желаешь, чтобы онъ взялъ меня на содержаніе? Я не пойду! И не стала бы жить съ нимъ въ гражданскомъ бракѣ. Это сейчасъ—рабство! Онъ самъ по себѣ, я сама по себѣ. Такъ только и есть правда въ любви!

Уходя, она сказала мнѣ твердо, не моргнувъ бровью:

— Если ты не можешь помириться съ тѣмъ, что есть... какъ тебѣ угодно, я не буду огорчать тебя пребываніемъ въ твоемъ домѣ.

И дня два не показывалась на глаза, уходила съ утра и не являлась домой къ обѣду, а приказывала горничной приготовить ей поѣсть чего-нибудь въ ея комнатѣ.

Мнѣ полегче стало, ломота прошла, голова дѣлалась яснѣе и въ ногахъ не было уже такой слабости.

На третій день — опять утромъ, когда я пила чай — Шура пришла, одѣтая въ мѣховую кофточку и въ мѣховой же шапкѣ— и подсѣла къ столу.

— Мама,—въ первый разъ назвала она меня такъ съ глазу на глазъ,—теперь тебѣ гораздо лучше... Я хочу ѣхать и вернусь не раньше какъ недѣли черезъ три.

— Куда же?—спросила я спокойно.

— Куда? Я не буду ничего выдумывать. Образовалось такое *сосьете*. И на свой счетъ сдѣлаемъ tournée.

— Что такое?—недоумѣвала я.—Развѣ ты актриса?

— Не актриса еще. Но я полгода работала. И Модестъ находитъ у меня талантъ.

— Модестъ,—повторила я за ней, какъ бы машинально.

— Онъ и составилъ мнѣ это сосьете. У меня три чудныя роли... Нора... Гедда Габлеръ... Ты видишь, въ какихъ вещахъ онъ рѣшилъ меня выпустить.

— А курсы?

— Курсы не уйдутъ! Да и не будетъ ихъ въ слѣдующемъ семестрѣ.

— Почему?

— Забастовка, знаешь, затяжная. Какъ студенты, такъ и наши. Все это—я тебѣ скажу—канитель. Идутъ на нихъ, потому что нѣтъ ничего другого... настоящаго.

Она поднялась и, наклоняясь ко мнѣ, продолжала, почти въ шутливомъ тонѣ:

— Ужъ ты не дуйся, мамка! Вѣдь твоя Шура не извергъ какой! Право! А братцы мои—чѣмъ лучше: одинъ къ купчихѣ на иждивеніе поступилъ, а другой и совсѣмъ исчезъ и очутится... кто его знаетъ... въ какихъ-нибудь экспропріаторахъ новѣйшаго фасона.

Все это у ней выходило такъ непринужденно и даже весело, что я сидѣла совсѣмъ подавленная и машинально размѣшивала сахаръ въ моей чашкѣ.

XXXIX.

Одна, совсѣмъ одна я въ своемъ захолодѣломъ особнякѣ.

Сижу въ своей спальнѣ. Инфлуенца не хочетъ меня покинуть. Ни здорова, ни больна!

Не знаю—зачѣмъ и топить другія комнаты.

Шуры нѣтъ уже третій день.

Она улетѣла въ свое турне съ нимъ, съ тѣмъ бритымъ лицедѣемъ.

«И вы это допустили, Марья Михайловна!» — скажетъ мнѣ любая мать, сумѣвшая сохранить свой родительскій авторитетъ.

Допустила. А что мнѣ было дѣлать? Ѣхать вмѣстѣ съ ней? Еслибъ здоровье и позволяло — на дворѣ двадцатиградусный мо-

розъ!—то чего же я бы добилась, чему бы помѣшала, отъ чего бы *спасла* свою дочь?

Ни отъ чего.

Дѣло уже сдѣлано!

Я не умѣла укрыть ее отъ соблазна. Остальное пойдетъ такъ, какъ она хочетъ, а не такъ, какъ хочетъ ея мать.

Вернется изъ своихъ гастролей, на лекціи врядъ ли будетъ ходить—забастовка можетъ еще протянуться. Можетъ быть, возмечтаетъ тамъ, что у нея большой талантъ... и тогда она—*актерка* какъ называла моя мать.

Что же тутъ возмущаться заднимъ числомъ? Нынче и генеральскія дочери, и княжны попадаютъ на сцену. И даромъ это ни одной не дается.

Ужъ что-нибудь да должны сначала утерять: если не физическую, то душевную непорочность.

Такъ раздумывала я, поджидая, все также томительно, второй открытки отъ Мити.

Степа былъ вчера, посидѣлъ съ четверть часа, ёжился или ухмылялся. И я чувствовала, что намъ нечего и не о чемъ говорить другъ съ другомъ.

Тупая тоска и скука стояли во мнѣ, точно какой-то внутренній ломъ. Пробую читать—и меня тотчасъ же начинаетъ разбирать дрема. Шить не могу—глаза раздражены давно.

Что жъ остается?... Раскладывать пасьянсъ?

Мнѣ еще стыдно, а придется прибѣгать къ пасьянсу.

У меня давно уже никто не бываетъ, кромѣ доктора да пары знакомыхъ, еще изъ того времени, когда мы жили съ мужемъ довольно гостепріимно.

Они являются только на праздники. Но въ этомъ году и они не показываются.

И меня чрезвычайно удивило, сегодня, въ сумерки, когда горничная Луша вбѣжала ко мнѣ и доложила:

— Барыня пріѣхала... въ каретѣ, съ лакеемъ. Я ихъ не знаю. Спрашиваютъ—можете ли вы принять ихъ... Вотъ карточку дали.

На карточкѣ я прочла:

«Анна Борисовна Усанина»

«рожденная Неустроева».

Не сразу я вспомнила, что это должна быть Анночка Неустроева, съ которой мы учились въ институтѣ... и потомъ видались, когда она была еще въ дѣвушкахъ.

— Прикажете принять?

Я была въ халатѣ, плохо причесанная.

— Попросите въ гостиную. Тамъ не очень холодно, Луша?

— Топили сегодня.

Этотъ визитъ мгновенно перенесъ меня къ годамъ моей первой молодости, и мнѣ стало и жутко, и почти радостно.

Немножко привела я себя въ болѣе приличный видъ и вышла въ гостиную съ тѣмъ же внезапно налетѣвшимъ на меня двойственнымъ чувствомъ.

На креслѣ сидѣла пожилая дама въ жакетѣ и съ муфтой, въ темномъ шелковомъ дорогомъ платьѣ, отдѣланнымъ кружевами.

Я остановилась въ дверяхъ.

Да, это была ея фигура—небольшого роста, худощавая; когда-то почти хорошенькое, теперь—только худенькое лицо, но съ темными, большими глазами, какъ и прежде. На лбу—накладка съ короткими локонами.

Отъ нея шелъ запахъ духовъ.

Въ гостиной горѣла уже лампа, свѣту было недостаточно; но она сейчасъ же меня узнала и окликнула:

— Мэри! Это ты! Ахъ Боже мой!

Это восклицаніе значило: «да ты совсѣмъ старуха!»

XL.

— Да, милая Мэри... Я благодарю Создателя. И мой мужъ, и дѣти, кромѣ радости, ничего мнѣ не доставляютъ. Такъ было всегда. Такъ будетъ, надѣюсь, и дальше!

Такъ она говорила, съ чувствомъ и толкомъ.

Со мной бесѣдовала сановница. Ея мужъ—изъ начальниковъ губерніи—призванъ теперь на высокій постъ въ Петербургъ. Она переселяется туда и, проѣзжая, случайно узнала обо мнѣ и пожелала навѣстить свою институтскую подругу.

Сдѣлала она это просто, безъ рисовки, и въ тонѣ ея не было ничего спѣсиваго или слащаво-благосклоннаго.

Я ее искренно поблагодарила. Она могла бы и совсѣмъ забыть о моемъ существованіи. Вѣдь насъ раздѣляло пространство болѣе чѣмъ въ четверть вѣка.

Сейчасъ же она стала разсказывать мнѣ о своихъ дѣтяхъ.

Точно по уговору, и у ней ихъ трое—и также точно, какъ у меня: двое сыновей и дочь.

Старшій сынъ—въ «первомъ полку»—она не назвала въ какомъ; но я догадалась, что это или въ кавалергардахъ, или въ

лейбъ-гвардіи конномъ полку. Младшій сынъ кончилъ курсъ въ Петербургскомъ лицеѣ и, разумѣется, пойдетъ по дорогѣ своего папеньки. Дочь уже замужемъ—свадьба была осенью. Какъ дочь губернатора, она сдѣлала самую блестящую партію: вышла за прокурора, который тоже теперь переходитъ въ Петербургъ, въ Кассаціонный Сенатъ. Воспитывалась дочь въ сословномъ институтѣ.

Дошла очередь и до меня. Она знала, что я давно вдовѣю. Мой домикъ показывалъ ей, что я живу на свои средства, не въ такой бѣдности, за которую пришлось бы вѣрно стыдиться.

На ея довольно обстоятельные вопросы о дѣтяхъ—я *формально* говорила какъ будто правду; но о сути умолчала. Не могла я изливаться передъ этой бывшей подругой. Она, кажется, въ самомъ дѣлѣ добрая. Но зачѣмъ мнѣ были ея сѣтованія? Вѣдь она, жалѣя меня, внутренно обвиняла бы, въ первую голову, меня же, какъ мать. Я сказала ей, что старшій сынъ—въ отъѣздѣ, второй—еще студентъ; а дочь уѣхала на святки въ провинцію.

И горькой ироніей звучала ея послѣдняя фраза:

— Ты не одна, Мэри! У тебя трое дѣтей. Они будутъ твоимъ утѣшеніемъ подъ конецъ жизни.

И поцѣловала меня два раза, въ обѣ щеки.

Я долго сидѣла въ опустѣлой гостиной. Медленныя слезы текли по щекамъ. Судьба съ непонятной злобностью приготовила мнѣ такую встрѣчу.

Она, эта Анечка, которую я всегда считала гораздо ординарнѣе себя—вышла такая ликующая и, по всѣмъ признакамъ, авторитетная мать.

А я?

Господи!

Вотъ я сижу у моего письменнаго столика, надъ этой скорбной исповѣдью... И душа болитъ нестерпимо. Болитъ она не за себя только, не за то, что я оказалась такая безталанная, слабая, неумѣлая, а за нихъ—за моихъ дѣтей.

Что готовитъ имъ жизнь?

Митя мой, Митя, тайно любимѣйшій изъ всѣхъ! Куда его броситъ судьба? Что найдетъ онъ *на днѣ* своей вѣры, своего отрицанія теперешнихъ порядковъ, какихъ бы то ни было? И его ждетъ, вѣрнѣе всего, полная утрата всякихъ упованій на свѣтлое будущее человѣчества!

И дѣвочка моя, своенравная, чувственная, помѣшанная на культѣ своего женскаго «я»—чѣмъ она кончитъ, въ лучшемъ

случаѣ? Будетъ «актерка», безумно влюбленная въ себя, безъ крупнаго, вдохновеннаго таланта, жалкая раба своего тщеславія, любовница цѣлаго ряда первыхъ «сюжетовъ», а потомъ и на содержаніи у губернскихъ купчиковъ!

Устроитъ свое будущее Степа—о да! Но во что онъ обратится — этотъ націоналистъ и сторонникъ охранительныхъ традицій?

Но онъ ли одинъ? Такихъ, какъ мои дѣти—сотни, тысячи, если не десятки тысячъ! Вѣдь они—наше *грядущее*, надежда всей страны, всей громадной россійской державы!

Неужели и я—на поворотѣ къ печальному доживанію—приду къ такому выводу, для всѣхъ и для всего:

«Прошлое—безплодное; настоящее—подлое; будущаго—никакого».

Это былъ бы одинъ ужасъ!

П. Боборыкинъ.

СОВРЕМЕННЫЯ ТЕМЫ ВЪ АНТИЧНОЙ ГРЕЦІИ. [1]).

(Окончаніе).

IV.

Вторую половину V в. до Р. Х., говоря о Греціи, не безъ основанія называютъ эпохой «просвѣщенія». Она, дѣйствительно, имѣетъ много общаго съ эпохой «просвѣщенія» во Франціи въ XVIII в.: и ту, и другую характеризуютъ раціонализмъ и скептицизмъ, критическое отношеніе къ традиціи, къ установившимся воззрѣніямъ, къ прежнимъ вѣрованіямъ и морали А греческихъ софистовъ и ихъ роль можно сравнить до нѣкоторой степени съ французскими философами и ихъ положеніемъ въ обществѣ; тѣ собранія, которыя происходили, напр., въ домѣ Перикла и центромъ которыхъ являлась Аспазія, могутъ напомнить намъ французскіе салоны XVIII ст.

Одна изъ характерныхъ чертъ греческаго «просвѣщенія»— *эмансипація личности, развитіе индивидуализма.* Обнаруживается это во многихъ явленіяхъ, въ томъ числѣ—въ *женской эмансипаціи. «Женскій вопросъ»*, несомнѣнно, возникъ и существовалъ еще въ греческомъ мірѣ. Но я не буду здѣсь подробно останавливаться на немъ, такъ какъ ему посвящена особая моя статья [2]). Достаточно указать на тѣ комедіи Аристофана, въ которыхъ героинями являются женщины («Лиси-

1) См. Августъ, стр. 117.

2) Въ юбилейномъ сборникѣ Петерб. Высш. Женск. Курсовъ: «Къ свѣту». Перепечатана отдѣльной брошюрой, а теперь—въ моихъ «Историч. этюдахъ» (Спб., 1912).

страта», «Женщины въ народномъ собраніи») и которыя свидѣтельствуютъ о недовольствѣ женщинъ своимъ приниженнымъ положеніемъ, о притязаніяхъ ихъ на участіе въ государственной и общественной жизни. Или вспомнимъ Аспазію и характерныя слова хора въ Еврипидовой «Медеѣ»,—слова, въ которыхъ греческая женщина заявляетъ о своемъ стремленіи и способности къ умственному развитію, къ высшему образованію:

«*Часто умомъ углубляясь въ рѣшенье*
Слишкомъ мудреныхъ вещей, чаще въ споры вступала,
Чѣмъ подобаетъ нашему полу.
Все-жъ есть и у насъ къ развитію склонность,
Необходимая мудрости спутница,
Коль не у всѣхъ, у немногихъ по крайности.
Музы доступны и женщинамъ» [1]).

Впослѣдствіи мы встрѣчаемъ въ греческомъ мірѣ женщинъ-ученыхъ, философовъ, профессоровъ. Наиболѣе яркимъ примѣромъ является обаятельный образъ знаменитой Ипатіи (въ концѣ IV и въ началѣ V в. по Р. Х.), занимавшей каѳедру въ Александріи и трагически погибшей отъ ярости толпы.

Довольно распространено мнѣніе, будто въ античномъ мірѣ личность была совершенно подавлена государствомъ и всецѣло принесена въ жертву послѣднему. Въ Греціи такъ было не всегда и не вездѣ, и упомянутое ходячее мнѣніе въ своей безусловной формѣ далеко отъ истины: надо различать эпохи и государства. Что можетъ быть вѣрно по отношенію, напр., къ Спартѣ, то оказывается невѣрнымъ по отношенію къ Аѳинамъ. Уже въ гомерическихъ герояхъ есть своего рода индивидуализмъ, свойственный подобнымъ эпохамъ: герои эти проявляютъ подчасъ дикую страстность, слѣдуютъ собственному влеченію, дѣйствуютъ подъ вліяніемъ аффекта, при чемъ готовы ниспровергнуть все, что стоитъ на пути, нарушить всякія соціальныя и религіозныя связи. Въ эпоху тиранніи въ Греціи предъ нами выступаютъ личности съ сильно выраженною индивидуальностью, иногда очень напоминающія итальянскихъ тиранновъ эпохи Возрожденія; напр. Гиппарха, сына аѳинскаго тиранна Писистрата, одинъ новѣйшій историкъ называетъ «Лаврентіемъ Великолѣпнымъ древности». Въ аѳинской демократіи личность далеко не была подавлена. Аѳинянинъ, по выраженію Круазэ [2]), даже въ своей любви къ отечеству всегда оставался «неисправимымъ индивидуалистомъ». Въ этомъ отношеніи характерна и знаме-

---

[1]) Перев. *Е. Ф. Шнейдеръ* (Спб., 1888), съ нѣкоторыми измѣненіями.
[2]) *A. Croiset*, «Les Démocraties antiques». (Парижъ, 1909, стр. 140).

нитая рѣчь Перикла, которой мы уже касались: въ ней именно подчеркивается, какая свобода и какой просторъ предоставляется личности въ Аѳинскомъ государствѣ.

Со времени «Просвѣщенія» индивидуализмъ сталъ развиваться еще сильнѣе. Софисты, въ лицѣ Протагора, провозгласили, что «человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей». Въ концѣ V в. мы видимъ такихъ яркихъ выразителей индивидуализма, какъ Алкивіадъ и Критій. О первомъ недаромъ было сказано, что двухъ Алкивіадовъ не выдержала бы Греція: это—натура, для которой не было удержу. Алкивіадъ готовъ былъ попирать все—законъ, обычай, общественное мнѣніе, интересы государства; онъ зналъ только свое «я», которому и приносилъ въ жертву все остальное, особенно въ пору своей молодости. Къ нему относили слова въ одной изъ Аристофановыхъ пьесъ: «Не слѣдуетъ въ городѣ вскармливать молодого льва, а разъ вскормили, надо подчиняться его нраву...» Критій, извѣстный олигархъ и террористъ, одинъ изъ тридцати «тиранновъ» въ Аѳинахъ, въ то же время является раціоналистомъ и индивидуалистомъ. Подобно нѣкоторымъ французскимъ философамъ XVIII в., на религію онъ смотрѣлъ, какъ на умную выдумку, созданную для обузданія человѣка, для борьбы съ преступностью. «Было время»,—говорится въ его трагедіи «Сизифъ»,—«когда жизнь человѣческая была не устроена, звѣроподобна и покорна одной только грубой силѣ, когда не было ни награды для добраго, ни наказанія для злого. Но со временемъ люди ввели карательные законы, чтобы владычицею надъ людскимъ родомъ была правда, которая бы поработила надменность и наказывала совершившихъ преступленіе. Законы отвращали людей отъ открытаго насилія; но въ тайнѣ дѣлать насиліе люди не переставали. Тогда появился мудрый и изобрѣтательный человѣкъ, нашедшій средство внушать смертнымъ страхъ въ томъ случаѣ, если они будутъ тайно дѣлать, мыслить или говорить что-нибудь дурное. Онъ увѣрилъ людей, что существуетъ божество, цвѣтущее нетлѣнною жизнью, мыслящее, слышащее, видящее, чувствующее и за всѣмъ наблюдающее. Его божественная природа слышитъ все, что говорятъ смертные, и видитъ все, что они дѣлаютъ: если даже человѣкъ молчаливо задумаетъ какое-нибудь зло, то и это тайное намѣреніе не скроется отъ боговъ, которыхъ мысль на стражѣ повсюду. Говоря людямъ такія слова, этотъ человѣкъ ввелъ одно изъ самыхъ пріятныхъ ученій, прикрывъ ложнымъ словомъ истину. Съ цѣлью внушить наибольшій страхъ людямъ, онъ постоянно увѣрялъ, что боги существуютъ тамъ, откуда для

людей происходитъ ужасъ и несчастіе въ ихъ злополучной жизни, — на воздушной высотѣ, гдѣ блистаютъ молніи, раздаются страшные удары грома и гдѣ украшено звѣздами небо, прекрасное произведеніе мудраго зодчаго—времени, откуда падаютъ сіяющія раскаленныя звѣзды и на землю идетъ влажный дождь. Окруживъ людей такими ужасами и поселивъ ради внушенія этихъ ужасовъ бога на подходящемъ мѣстѣ, этотъ человѣкъ потушилъ беззаконіе законами» [1]). Понятно, что съ точки зрѣнія Критія нравственный законъ не обязателенъ: выше всего стоитъ человѣческій разумъ, и по его велѣнію можно нарушить этотъ законъ; избранныя натуры, сильныя, властныя, могутъ отрѣшиться отъ обычной нравственности.

Такимъ образомъ, въ Греціи были свои «*сверхъ-человѣки*». Подобно тому, какъ философія Ницше презираетъ слабаго, превозноситъ силу и сильнаго, провозглашаетъ: «смерть слабому», и признаетъ, что сильная воля по праву порабощаетъ слабую въ борьбѣ за существованіе,—подобно этому въ Платоновомъ діалогѣ «Горгій» высказывается Калликлъ. Человѣческіе законы,—говоритъ онъ,—это путы, коими слабые и ничтожные связываютъ сильныхъ: устанавливая законы, они одно хвалятъ, другое порицаютъ ради самихъ себя и своей выгоды. Страшась, чтобы люди болѣе сильные и способные къ преобладанію не взяли верхъ надъ ними, эти слабые говорятъ, что своекорыстное притязаніе дурно, что стремленіе обладать, бо̀льшимъ, чѣмъ другіе, составляетъ несправедливость. Сами будучи худшими, они дорожатъ равенствомъ. Вслѣдствіе этого законъ признаетъ несправедливымъ и дурнымъ, если одинъ человѣкъ старается имѣть больше, чѣмъ другіе: это, говорятъ, значитъ поступать несправедливо. А между тѣмъ сама природа учитъ, что лучшему справедливо преобладать надъ худшимъ и болѣе сильному надъ менѣе сильнымъ. Для животныхъ, для людей, для цѣлыхъ государствъ и народовъ право заключается въ томъ, чтобы сильнѣйшій властвовалъ и преобладалъ надъ слабѣйшимъ. Поступать такъ, значитъ дѣйствовать по закону природы,—конечно, не по тому, который измышляемъ мы, когда, овладѣвая людьми выдающимися и сильнѣйшими еще въ ихъ молодости, заговаривая и очаровывая ихъ, какъ ручныхъ львовъ, мы порабощаемъ ихъ, говоря: слѣдуетъ держаться равенства, въ этомъ-то и состоитъ прекрасное и справедливое. Если бы нашелся человѣкъ съ сильнымъ характеромъ, то

---

[1]) *А. Н. Гиляровъ*, «Греческіе софисты». М. 1888, стр. 76—77.

онъ бы стряхнулъ и расторгъ все это и, поправъ наши писанія, чары, заклинанія и всѣ противные природѣ законы, возсталъ бы и изъ раба сдѣлался бы господиномъ. Здѣсь-то просіяло бы право природы, — естественное право сильнаго. Сдерживать себя—глупо; по природѣ прекрасное и справедливое состоитъ въ томъ, чтобы безнаказанно удовлетворять свои желанія, служить имъ отвагою и умомъ. Толпа по малодушію хвалитъ скромность и справедливость. Но для людей сильныхъ и властныхъ можетъ ли быть что-нибудь хуже скромности? При полной возможности безпрепятственно наслаждаться благами, нужно ли имъ ставить надъ собою господина—человѣческіе законы, толки и порицанія? «Роскошь, необузданность, свобода отъ всякихъ стѣсненій—вотъ добродѣтель и счастье; все остальное—пустая прикраса, противоестественное соглашеніе, ничего не стоющая людская выдумка!» Въ эпоху «просвѣщенія» и софистовъ происходила, очевидно, *«переоцѣнка всѣхъ цѣнностей»*.

Обыкновенно міровоззрѣніе грековъ представляютъ себѣ особенно жизнерадостнымъ. Вспомнимъ хотя бы слова Шиллера:

«Свѣтлый міръ! о гдѣ ты?
Какъ чудесенъ былъ природы радостный расцвѣтъ!»

Мнѣніе о жизнерадостности Эллады требуетъ, однако, большого ограниченія [1]): черта подчасъ глубокаго *пессимизма* далеко не чужда была эллину.

Уже у Гесіода мы встрѣчаемъ пессимистическое настроеніе. Золотой вѣкъ позади, въ далекомъ прошломъ; чѣмъ дальше отъ него, тѣмъ хуже. Настоящее—мрачно: теперь—«вѣкъ желѣзный», вѣкъ насилія и неправды, заботъ и труда, страданій, вѣкъ преступный. Гесіодъ хотѣлъ бы «позднѣе родиться или раньше умереть», лишь бы не быть современникомъ своего поколѣнія. Но зло въ мірѣ еще усилится, и тогда, «прикрывъ прекрасное тѣло одеждой бѣлоснѣжной, съ земли широкой улетятъ на небо и Стыдъ, и Совѣсть», а смертнымъ людямъ оставятъ тяжкія печали. И не будетъ тогда защиты противъ зла... Современникъ, наиболѣе счастливой, быть можетъ, поры въ исторіи Греціи, когда еще разъѣдающая рефлексія, анализъ и скептицизмъ не достигли своего полнаго развитія, а междоусобныя войны еще не подорвали силы Греціи, Геродотъ, котораго привыкли представлять себѣ большею частью наивнымъ и жизнерадостнымъ разсказчикомъ, съ грустью говоритъ объ измѣнчивости всего человѣческаго,

---

1) *Burckhardt*, «Griechische Kulturgeschichte». Berl., II, 373 сл.

о непостоянствѣ земного счастья и величія [1]). Полнаго счастья не существуетъ для людей; земное счастье скоропреходяще, и нѣтъ человѣка настолько счастливаго, чтобы ему не приходило въ голову не разъ желаніе лучше умереть, чѣмъ жить; жизнь вслѣдствіе несчастій и болѣзней и она можетъ показаться долгою, а самая смерть — явиться желаннымъ пристанищемъ (VII, 49, 46). Такія мысли влагаетъ Геродотъ въ уста перса Артабана. А Солонъ у него говоритъ Крезу: «никто не можетъ назвать себя счастливымъ раньше смерти. Вообще человѣкъ подверженъ превратностямъ, и не только это относится къ отдѣльнымъ лицамъ, но и къ цѣлымъ народамъ» (I, 32). Крезъ приходитъ къ сознанію, что круговращеніе человѣческихъ дѣлъ не дозволяетъ, чтобы постоянно одни и тѣ же лица были счастливы (I, 207).

Въ эпоху «просвѣщенія» пессимизмъ въ Греціи, конечно, долженъ былъ усилиться. Пессимистическія воззрѣнія мы находимъ даже у жизнерадостнаго, уравновѣшеннаго Софокла:

«...Долгая жизнь—только долгая скорбь:
Каждый день приближаетъ къ страданью,
А покоя ни въ чемъ все равно не найдешь,
Если слишкомъ ты многаго хочешь.
Вотъ придетъ, смотри, безъ брака
И безъ лиры, и безъ хоровъ,
Всѣ желанья утоляя,
Парка тихаго Аида—
Утѣшительница-смерть.

Величайшее первое благо—совсѣмъ
Не родиться, второе—родившись,
Умереть поскорѣй, а едва пролетитъ
Неразумная, легкая юность,—
То ужъ кончено,—мукамъ не будетъ конца:
Зависть, гнѣвъ, возмущенья, убійства,
И предѣлъ всему послѣдній—
Одинокая, больная,
Злая, немощная старость,
Ненавистная, проклятье
Изъ проклятій, мука мукъ!» [2])

Но особенно рѣзко пессимизмъ выражается у Продика. Зло міра, говоритъ этотъ софистъ, перевѣшиваетъ его блага. Судьба человѣка злосчастна, начиная съ момента рожденія, когда новорожденный жалобнымъ крикомъ встрѣчаетъ свое вступленіе въ жизнь, и кончая вторымъ дѣтствомъ — глубокой старостью; смерть — жестокосердый кредиторъ, который отбираетъ отъ плохого плательщика одинъ залогъ за другимъ — слухъ, зрѣніе, подвижность членовъ.

---

1) См. мое «Введеніе въ исторію Греціи», стр. 67—68 (2-е изд. 1904).
2) «Эдипъ въ Колонѣ» (пер. Д. С. Мережковскаго).

Съ конца V и начала IV в. вмѣстѣ съ индивидуализмомъ начинаетъ развиваться въ греческомъ мірѣ *космополитизмъ*. Уже у Аристофана есть выраженіе: «отечество—тамъ, гдѣ хорошо» («Богатство», ст. 1150) У Еврипида говорится: «Земля, наша кормилица, вездѣ для насъ отечество». Здѣсь, правда, больше оппортунизма, чѣмъ космополитизма. Но другія выраженія отличаются уже болѣе идейнымъ характеромъ, напр. у того же Еврипида: «Благородный человѣкъ, живи онъ хоть и далеко, въ чужой странѣ, будь онъ недоступенъ моимъ глазамъ, все же онъ—мой другъ». Или: «Весь воздухъ—дорога для орла, вся земля—отчизна для благороднаго мужа». По Демокриту, «мудрецу открыта вся земля, потому что цѣлый міръ—отечество доброй душѣ». Космополитизмъ былъ нечуждъ Сократу, идеалъ котораго въ сущности былъ внѣ Аѳинъ, выше ихъ, вообще внѣ города-государства: Сократъ, по словамъ Ксенофонта, хотѣлъ быть не аѳиняниномъ, не грекомъ, а гражданиномъ вселенной. Софисты, а затѣмъ циники и стоики высказали мысль о братствѣ всѣхъ людей: перегородки между людьми, раздѣляющія ихъ на сословія, національности, государства,—искусственны, результатъ человѣческихъ установленій; слѣдуетъ отрѣшиться отъ подобныхъ дѣленій: всѣ мы—сограждане и соотечественники. Это выразилъ ясно еще софистъ Гиппій [1]). «Мы всѣ здѣсь», говорилъ онъ, «родные, собратья и сограждане по природѣ. Ибо подобное подобному по природѣ сродно, и только законъ, этотъ властелинъ людей, распоряжается нами вопреки природѣ». Уже во времена Исократа, раньше Александра Македонскаго и преемниковъ его, т. е. до эпохи эллинизма, названіе «эллинъ» обозначало не столько происхожденіе, сколько образъ мыслей, культуру: эллинами,—говоритъ Исократъ,—скорѣе называли тѣхъ, кто причастенъ греческой образованности, нежели тѣхъ, кто общаго съ ними происхожденія («Панегирикъ», § 50).

Такъ и съ этой стороны подготовлялась почва для эллинизма, для монархіи Александра Великаго и вообще для эллинистическихъ государствъ. То, что намѣчала программа Исократа, пропагандировавшаго миръ между греками, гегемонію Македоніи, завоеваніе Персидскаго царства или хотя бы части его, основаніе на Востокѣ греческихъ городовъ,—все это въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ выполнилъ Александръ. Въ то же время онъ, какъ замѣтилъ еще Плутархъ, основаніемъ своей державы осуществилъ идеалъ циниковъ, склонявшихся къ «про-

[1]) Въ «Протагорѣ» Платона.

свѣщенному абсолютизму» — если только можно говорить о какомъ-либо государственномъ идеалѣ циниковъ.

Все это, особенно зарожденіе идеи *братства людей и народовъ*, служило, вмѣстѣ съ тѣмъ, и подготовкой къ христіанству.

V.

Обратимся къ научной сферѣ. Здѣсь греки создали, по словамъ Бертело, «раціональную науку, освобожденную отъ тайнъ и магіи,—ту, которою мы занимаемся теперь». И если мы гордимся нашимъ господствомъ надъ природой, нашимъ пониманіемъ ея, если мы познаемъ закономѣрную связь человѣческихъ отношеній то въ этомъ предшественниками нашими были «творцы греческой науки [1]).

Мы не будемъ говорить о столь близкихъ намъ греческой философіи и греческой математикѣ; достаточно назвать имена Платона и Аристотеля въ первой сферѣ, Пиѳагора, Архимеда, Евклида, Діофанта—во второй. Не будемъ останавливаться и на воззрѣніяхъ грековъ въ области астрономіи, географіи, естественныхъ наукъ; вспомнимъ лишь Ѳеофраста, Эратосѳена, Птолемея, а изъ болѣе раннихъ —Демокрита съ его *атомистическою теоріею*, т. е. теоріей, которая имѣла такое значеніе въ новѣйшее время. Демокрита иногда сопоставляютъ съ Галилеемъ. Ему удалось предугадать то, что съ помощью телескопа и спектральнаго анализа открыто впослѣдствіи. Онъ говорилъ о безчисленномъ множествѣ міровыхъ системъ, различныхъ по величинѣ, изъ которыхъ однѣ сопровождаются многочисленными лунами, другія—безъ лунъ и безъ солнца, однѣ—въ періодѣ еще зарожденія, другія—въ періодѣ разрушенія, вслѣдствіе столкновенія, иныя—лишенныя всякой жидкости. «Это какъ будто говоритъ астрономъ нашего времени, наблюдавшій вооруженнымъ глазомъ спутниковъ Юпитера, недостатокъ паровъ вокругъ луны, туманныя пятна и потемнѣвшія звѣзды» [2]).

Ученія грековъ о государствѣ мы уже касались. Къ сказанному добавимъ только, что, кромѣ объясненія происхожденія государства въ силу необходимости удовлетворить насущныя потребности, была тогда сдѣлана попытка объяснить возникновеніе

---

[1]) *Гомперцъ*, «Греческіе мыслители», I, 239; *Таннери*, «Первые шаги древне-греч. науки» (Спб. 1902).

[2]) *Гомперцъ*, I, 315.

государства соглашеніемъ входящихъ въ его составъ лицъ, которыя взаимно обезпечиваютъ другъ другу безопасность и для этого взаимно ограничиваютъ свою свободу,—нѣчто въ родѣ *«общественнаго договора»* Ж. Ж. Руссо! Такая попытка принадлежала Ликофрону, по мнѣнію котораго государство служитъ гарантіей личныхъ правъ. Укажемъ еще на то, что Аристотель отлично сознавалъ тѣсную связь между формой правленія и составомъ населенія, преобладаніемъ въ немъ того или другого класса. Въ аристократіяхъ, по его словамъ, господствуютъ «лучшіе», въ олигархіяхъ—богатые, въ демократіяхъ—бѣдные; тотъ или другой видъ демократіи зависитъ отъ перевѣса того или другого элемента населенія: если перевѣсъ на сторонѣ земледѣльческаго населенія, то будетъ болѣе умѣренная демократія, а если преобладаютъ ремесленники и поденщики—то самая крайняя.

Въ сферѣ *политической экономіи*, въ воззрѣніяхъ на хозяйственную жизнь, у Аристотеля, наряду съ крупными заблужденіями, есть и такія мысли, «передъ которыми съ удивленіемъ останавливаются современные экономисты» [1]). У него въ первый разъ намѣчены нѣкоторыя важныя экономическія понятія—о деньгахъ, богатствѣ, производствѣ, обмѣнѣ, капиталѣ. Его опредѣленіе производства близко къ тому, которое даетъ Д. С. Милль. Встрѣчается у Аристотеля и зародышъ правильной теоріи народонаселенія. Одинъ изъ его поклонниковъ, сопоставляя его экономическія воззрѣнія съ теоріями Карла Маркса и другихъ современныхъ экономистовъ, «склоненъ даже видѣть на сторонѣ Аристотеля преимущество въ точности теоретическаго анализа и правильности методологическихъ пріемовъ»! [2]).

Въ области греческой *исторіографіи* мы, въ видѣ примѣра, коснемся нѣкоторыхъ воззрѣній лишь Ѳукидида и Полибія.

Подобно историко-критической школѣ, господствовавшей въ первой половинѣ XIX в., греческая исторіографія въ лицѣ Ѳукидида ставила своею задачею *отысканіе истины* (I, 20), стремленіе къ *точному знанію* (V, 26); уже онъ намѣтилъ основные пріемы *исторической критики*. Какъ источниками, Ѳукидидъ пользуется, между прочимъ надписями, документами и такъ назыв. *культурными переживаніями*. Когда онъ касается древнѣйшей исторіи Греціи, онъ прибѣгаетъ къ *методу обратнаго заключенія*—отъ настоящаго къ прошлому—и пытается дать реконструкцію этой исторіи, возстановляя прошлое по его

---

[1]) *В. Ф. Левиткій*, «Исторія политич. экономіи въ связи съ исторіей хозяйств. быта», Харьк. 1912 (2-е изд.), вып. I, стр. 58, 62—63.

[2]) *Effert*, «Arbeit und Boden». 1890—1. Ср. *В. Ф. Левитскій*, стр. 63.

остаткамъ. При этомъ Ѳукидидъ прибѣгаетъ и къ аналогіи, къ своего рода *сравнительному методу*. Ему уже не чужда, хотя и въ неясномъ, смутномъ видѣ, идея постепеннаго развитія, *эволюціи*. Съ полною опредѣленностью онъ высказываетъ мысль о *причинности* и *закономѣрности* историческихъ явленій. Обобщенія, которыя мы встрѣчаемъ у Ѳукидида, основываются на убѣжденіи, что одинаковыя причины и условія вызываютъ и одинаковыя слѣдствія: пока не измѣнится человѣческая природа, до тѣхъ поръ будутъ происходить явленія, подобныя имъ описываемымъ (1, 22). Онъ придавалъ значеніе условіямъ экономическимъ (I, 2, 8, 11); напр., накопленіе богатства въ его глазахъ—важный факторъ историческаго развитія.

Подобно Ѳукидиду, и Полибій считалъ необходимою принадлежностью исторіи *правду*. Если исторія,—говоритъ онъ,—уклоняется отъ истины, то она не заслуживаетъ и названія исторіи. «Какъ живое существо, если отнять у него зрѣніе, становится ни на что негоднымъ, такъ и отъ исторіи, если отнять отъ нея истину, останется только безполезный разсказъ». И Ѳукидидъ, и Полибій умѣли различать основныя *причины* событій и ближайшіе *поводы* къ нимъ. Полибій признавалъ планомѣрность историческаго процесса: событія его времени, по его словамъ, направлялись всѣ въ одну сторону, къ одной цѣли—къ господству римлянъ, и онъ старался разумно объяснить фактъ этого міроваго владычества. Излагая свое ученіе о формахъ правленія, Полибій выставляетъ законъ *круговорота* человѣческихъ судебъ: формы правленія мѣняются, переходятъ одна въ другую и снова возвращаются по извѣстному «порядку природы»; перемѣны эти совершаются необходимо и естественно, «согласно природѣ»; все существующее подлежитъ порчѣ и перемѣнамъ; это—естественная необходимость. Всякая форма правленія портится двоякимъ образомъ—или отъ внѣшней, или отъ врожденной язвы.—Пусть этотъ законъ или эта формулировка невѣрны; но интересно признаніе, что историческій процессъ совершается по извѣстнымъ законамъ. Ѳукидидъ, объясняя историческія событія, не допускалъ вмѣшательства сверхъ-естественныхъ силъ. Полибій не разъ упоминаетъ о «судьбѣ» и божествѣ, но довольно неопредѣленно, а въ концѣ своей «Исторіи» нападаетъ на тѣхъ, кто вводитъ судьбу и боговъ при объясненіи историческихъ явленій. Гдѣ человѣку невозможно или трудно распознать причины, тамъ онъ можетъ сваливать на бога или на судьбу,—говоритъ онъ; но гдѣ можно открыть причину, тамъ не слѣдуетъ привлекать боговъ. Такъ напр. въ наше время—поясняетъ Полибій,—во всей

Греціи господствуетъ бездѣтность и малолюдство; города опустѣли, настали неурожаи, хотя и нѣтъ постоянныхъ войнъ и эпидемій. Но обращаться въ этомъ случаѣ къ богамъ за совѣтомъ нѣтъ надобности; причина зла ясна и средство къ устраненію его въ нашей власти: люди впали въ тщеславіе, любостяженіе и изнѣженность, не желаютъ вступать въ бракъ, а если и вступаютъ, то не хотятъ воспитывать дѣтей, съ трудомъ развѣ одного или двухъ, ради того, чтобы оставить ихъ богатыми и воспитать въ роскоши. И вотъ, зло незамѣтно быстро выросло... Итакъ то, что теперь называется Zweikindersystem, было извѣстно уже въ древности.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ Бокль, желая возвести исторію въ рангъ естественныхъ наукъ, выдвинулъ, какъ нѣчто, по его мнѣнію, новое, положеніе о вліяніи природныхъ условій на исторію и цивилизацію народа. Но, не говоря уже о Монтескье, это вліяніе признавали еще древніе, хотя, конечно, не въ такой мѣрѣ. Напр. Геродотъ (III, 106) видѣлъ преимущество Греціи въ «прекраснѣйшемъ сочетаніи временъ года». Өукидидъ отмѣчаетъ, что перемѣнѣ населенія вслѣдствіе нападеній подвергались наиболѣе плодородныя области Эллады, а скудостью почвы обусловливалась безопасность Аттики (I, 2); развитіе морского могущества и богатства Коринөа онъ объясняетъ его положеніемъ на перешейкѣ: Коринөъ—эмпоріумъ Греціи (I, 13). Аристотель географическимъ положеніемъ объяснялъ различіе между жителями сѣверныхъ странъ и греками и преимущество послѣднихъ, занимающихъ въ географическомъ отношеніи какъ бы средину. Полибій усматриваетъ связь между природой данной мѣстности и населеніемъ, его національными особенностями, наружностью, цвѣтомъ кожи, понятіями, нравами: холодный и суровый климатъ вызываетъ и суровость нравовъ, «ибо мы, люди, уподобляемся ему». Онъ даетъ географическое описаніе Италіи, касается ея плодородія, цѣнъ на хлѣбъ и другіе продукты; благосостояніе Тарента онъ объясняетъ его географическимъ положеніемъ. Мало того: въ греческой литературѣ было особое сочиненіе о вліяніи воздуха или климата, воды и мѣстности на физическія и нравственныя свойства жителей—сочиненіе, приписываемое знаменитому врачу Гиппократу.

Здѣсь мы переходимъ къ греческой *медицинѣ*, на которой остановимся нѣсколько подробнѣе [1]).

---

[1]) *Ilberg*, «Aus der antiken Medizin» («Neue Jarhbücher f. das klass. Altertum...», 1904, XIII); *Е. Е. Кагаровъ*, «Классич. филологія и естествен. науки» («Гермесъ», 1910, № 4); *Гомперцъ*, I, 239 сл.

Въ обширномъ собраніи «Исторіи болѣзней», приписываемомъ тоже Гиппократу, предъ нами проходятъ многочисленные паціенты разныхъ классовъ и профессій, одержимые различными недугами или жертвы несчастныхъ случаевъ; описываются съ большою обстоятельностью ихъ болѣзни, ихъ ходъ со дня на день (между ними, напр., судя по симптомамъ, инфлуэнца), или несчастные случаи въ родѣ того, что одного прохожаго переѣхала повозка съ тяжестью, башмачникъ укололъ себя шиломъ повыше колѣна, молодая, «прекрасная собою» дѣвушка получила въ шутку ударъ по головѣ отъ подруги, по возвращеніи домой почувствовала лихорадку, головную боль, на седьмой день изъ праваго уха показался гной, а на девятый день дѣвушка эта умерла. Или вотъ, напр., «*Гигіена*» Діокла, современника Платона. Проснуться надо до восхода солнца, совѣтуетъ Діоклъ; вставши, потереть голову и затылокъ на томъ мѣстѣ, гдѣ надавила подушка (очевидно, подушка предполагается не изъ мягкихъ);—потомъ тихонько, равномѣрно натереть тѣло масломъ, а лицо и глаза омочить чистой холодной водой, десны и зубы почистить тщательно, снаружи и изнутри, сокомъ полея; носъ и уши помазать благовоннымъ масломъ; волосы на головѣ носить покороче и ежедневно маслить. По окончаніи туалета, у кого есть дѣло, тотъ идетъ заниматься имъ, а кто свободенъ, можетъ совершить утреннюю прогулку. Потомъ молодые люди отправляются въ гимназіи для ежедневныхъ гимнастическихъ упражненій, а болѣе пожилые могутъ принимать ванну и дѣлать массажъ. Затѣмъ слѣдуетъ завтракъ—не изъ мясной пищи, а состоящій изъ ячменной похлебки или супа изъ овощей, ячменнаго хлѣба, *не слишкомъ мягкаго*, вареной капусты и огурцовъ; пить надо воду, бѣлое вино съ водой или медъ. Послѣ этого слѣдуетъ отдыхать въ прохладной тѣни, въ защищенномъ отъ вѣтра мѣстѣ, а потомъ—опять тѣ же занятія или прогулка, гимнастическія упражненія и ванна, холодная для молодыхъ, теплая для стариковъ. Вечеромъ, а лѣтомъ—передъ заходомъ солнца, обѣдъ, болѣе питательный, чѣмъ завтракъ; кромѣ хлѣба, овощей или ячменной похлебки рекомендуется рыба, мясо козы, баранина или свинина, или птица, а на дессертъ—фиги, виноградъ и т. под. Діэтетика Аѳинея, современника Нерона, уже болѣе тонкая, нежели діэтетика Діокла. Здѣсь особенно интересны наставленія, какъ избѣжать маляріи: осенью надо остерегаться быстрой перемѣны температуры; нельзя ходить босикомъ рано утромъ или поздно пополудни, входить неосторожно въ холодную воду; нельзя безъ верхняго платья быть на воздухѣ, ища прохлады; слѣдуетъ

избѣгать сна подъ открытымъ небомъ; опасно дышать испареніями, поднимающимися съ рѣкъ и озеръ. Въ античной медицинской литературѣ были наставленія относительно образа жизни всѣхъ возрастовъ, разныхъ положеній и на всякіе случаи. Гинекологъ Соранъ подробно говоритъ о томъ, какъ ухаживать за новорожденнымъ, какимъ условіямъ должна удовлетворять кормилица. У Галена тоже имѣются наставленія относительно того, какъ обращаться съ новорожденнымъ.

Въ одномъ изъ сочиненій «О діэтѣ» говорится, что кто хочетъ правильно писать о діэтѣ, тотъ долженъ знать природу человѣка, долженъ знать составъ всякой пищи и питья; при этомъ указывается на связь между работой и питаніемъ, «ибо работа поглощаетъ имѣющееся въ наличности, а пища и питье имѣютъ цѣлью вновь заполнить потраченное». Требовалось обращать вниманіе на индивидуальность даннаго лица. Основная мысль автора—та, что ненарушенное отправленіе организма обусловливается равновѣсіемъ полученія и отдачи. У древнихъ врачей встрѣчается мнѣніе, что причины болѣзни заключаются въ «излишествѣ» пищи или что люди заболѣваютъ, когда при недостаточномъ движеніи принимаютъ обильную пищу. Замѣчательно сочиненіе «О сочленіяхъ», которое Литтре назвалъ «великимъ хирургическимъ памятникомъ древности и вмѣстѣ образцомъ для всѣхъ временъ». Авторъ этого труда не боится сознаваться въ своихъ ошибкахъ, «ибо полезно знать и неудавшіеся опыты, понимать, отчего эта неудача произошла». Надо, говоритъ онъ, заниматься и случаями неизлѣчимыми; ихъ надо научиться распознавать, чтобы не подвергать больного ненужнымъ страданіямъ. Онъ сравниваетъ строеніе человѣческаго скелета со скелетами другихъ позвоночныхъ и ставитъ изслѣдованіе такъ широко, что его можно назвать самымъ раннимъ представителемъ *сравнительной анатоміи*. Уже онъ выставилъ положеніе о необходимости функціи для поддержанія здоровья органа: «всѣ части тѣла, предназначенныя для какого-нибудь употребленія, остаются здоровыми, хорошо растутъ и долго остаются молодыми, при соотвѣтственномъ употребленіи ихъ и упражненіяхъ, къ которымъ привыкла каждая изъ нихъ; при отсутствіи упражненія онѣ блѣднѣютъ и гибнутъ».

Въ числѣ средствъ для поправленія здоровья уже въ древности рекомендовались воздержаніе въ пищѣ, моціонъ, массажъ, даже хожденіе босикомъ по песку! Признавалось вліяніе не только пищи, но и музыки на человѣческій организмъ. При операціяхъ, случалось, прибѣгали къ наркозу. Есть намеки на

вивисекцію. Уже Гиппократъ пользовался при разпознаваніи болѣзни выслушиваніемъ больного, постукиваніемъ, изслѣдованіемъ характера выдѣленій. Изъ операцій извѣстны были трепанація черепа, проколъ живота, ампутація въ случаѣ гангрены. Эрасистратъ (III в. до Р. Х.) открылъ клапаны сердца, циррозъ печени, предполагалъ существованіе особыхъ желчныхъ ходовъ, которые и были впослѣдствіи открыты при помощи микроскопа. Знаменитый гинекологъ Соранъ, о которомъ выше уже упоминалось, изобрѣлъ зеркало; Галенъ (II в. по Р. Х.) близокъ былъ къ открытію кровообращенія.

«Врачъ»,—говорили въ древности,—«стóитъ нѣсколькихъ другихъ людей». О томъ, какъ онъ долженъ держать себя, есть любопытныя указанія. Ему совѣтуется во всемъ соблюдать педантическую чистоту, въ одеждѣ—изящество, но не доходящее до роскоши; онъ можетъ употреблять благовонія, но умѣренно. Выступленіе передъ публикой въ цѣляхъ рекламы порицается. Въ отношеніи къ страждущимъ врачъ долженъ проявлять гуманность и любовь. «Гдѣ нѣтъ недостатка любви къ людямъ, тамъ не будетъ недостатка и въ любви къ своему призванію»—гласило одно изъ древнихъ изреченій. Не слѣдуетъ поднимать вопросъ о гонорарѣ у постели больного. «Хорошо иногда лѣчить безплатно; благодарная память лучше минутной выгоды. Если представится случай помочь чужеземцу или неимущему, не слѣдуетъ никоимъ образомъ уклоняться...» Знаменитые врачи древности получали иногда громадныя по тому времени суммы: Демокедъ (VI в. до Р. Х.), напр., получалъ отъ 8000 до 10000 и даже до 16400 драхмъ въ годъ [1]). Клятва учениковъ Гиппократа чрезвычайно напоминаетъ присягу современныхъ врачей. Гласитъ она такъ: «Клянусь Аполлономъ, Асклепіемъ, Гигіей, Панакіей и всѣми остальными богами и богинями, призывая ихъ въ свидѣтели того, что буду исполнять по силамъ и по совѣсти свой долгъ. Никому не стану давать смертельнаго средства, хотя бы его у меня и просили; ни одной женщинѣ не стану производить умерщвленія плода... Скромно и благочестиво буду вести я свою жизнь и служить своему искусству... Все, чтò при исполненіи своихъ обязанностей или внѣ врачебной дѣятельности, пришлось бы мнѣ увидѣть, либо услышать такого, чтò не подлежитъ разглашенію, я буду сохранять въ строжайшей тайнѣ»...

Кромѣ свѣтской медицины, были въ Греціи и *врачеванія религіозныя* при храмахъ, въ особенности при святили-

---

[1]) Драхма=франку, ок. 40 к. на наши деньги.

щахъ Асклепія (Эскулапа) [1]). Главное изъ такихъ святилищъ находилось въ Эпидаврѣ, близъ моря, въ холмистой мѣстности, окруженной хвойнымъ лѣсомъ, отъ суровыхъ сѣверныхъ вѣтровъ защищенной высокимъ кряжемъ и снабженной прекрасною водою. Сюда стекались больные, жаждущіе исцѣленія,—слѣпые, хромые, паралитики. Это былъ своего рода древній Лурдъ. Помощи бога старались достичь посредствомъ особыхъ обрядовъ и церемоній, такъ называемой *инкубаціи*. Прежде всего больной, прибѣгающій къ Асклепію, долженъ былъ успокоиться и очиститься; его купали въ источникѣ, вытирали скребницей, онъ постился, затѣмъ на ночь ложился спать, на шкурѣ или одѣялѣ, въ особомъ отдѣленіи храма и повторялъ это до тѣхъ поръ, пока не являлся ему во снѣ богъ, исцѣлявшій его или указывавшій ему средство, при помощи котораго онъ можетъ исцѣлиться. Объ исцѣленіяхъ или «чудесахъ» Асклепія разсказываютъ какъ древніе писатели, такъ и многочисленныя надписи, находившіяся въ святилищѣ. Напр., одна женщина болѣла водянкой. Мать ея пошла въ Эпидавръ и тамъ во снѣ видитъ сонъ: богъ отрѣзалъ голову ея дочери, повѣсилъ тѣло шеею внизъ, вода вытекла въ большомъ количествѣ, и богъ, отвязавъ тѣло, приставилъ голову къ шеѣ. Послѣ этого видѣнія мать возвратилась домой и нашла дочь здоровой. Или больному ракомъ желудка было видѣніе: Асклепій, раскрывъ ему животъ, вырѣзалъ ракъ и потомъ зашилъ животъ. Одному больному богъ вынулъ изъ груди пьявки, которыя тому изъ мести дала въ винѣ теща. Нѣкто Апеллъ или Апеллесъ страдалъ плохимъ пищевареніемъ; ему предписаны были разнообразныя средства, въ томъ числѣ физическія упражненія и нѣчто въ родѣ грязевыхъ ваннъ—натирать тѣло грязью. Вообще физическія упражненія, моціонъ, массажъ, ванны, а особенно покой и діэта занимали видное мѣсто въ религіозномъ врачеваніи въ древности. Больному, у котораго былъ кашель съ кровью, указано было ѣсть между прочимъ яйца и принимать внутрь сырую смолу (ср. современный скипидаръ и дегтярныя пилюли). Въ другомъ подобномъ случаѣ предписывается пить бычачью кровь, больному чахоткой—ѣсть ослиное мясо, страдающему желудкомъ—ѣсть финики.

Если мы примемъ во вниманіе здоровое мѣстоположеніе большинства святилищъ Асклепія, чистый воздухъ, прекрасную воду, гигіеническій образъ жизни, предписываемый больнымъ,

---

[1]) *С. А. Жебелевъ*, «Религіозное врачеваніе въ древней Греціи». Спб. 1893; *Weinreich*, «Antike Heilungswunder» (Гиссенъ, 1909).

то мы поймемъ, что эти святилища служили курортами или санаторіями древности. Съ другой стороны ихъ можно сравнить въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ монастырями. Недаромъ еще среди нынѣшняго греческаго населенія продолжаетъ существовать инкубація и распространено вѣрованіе, что угодники Божіи сходятъ съ неба ночью въ посвященные ихъ имени храмы и подаютъ исцѣленія больнымъ, которые совершаютъ здѣсь инкубацію.

VI.

Мы вошли уже отчасти въ сферу обыденной жизни древнихъ грековъ. И здѣсь мы замѣчаемъ немало аналогій съ современностью, начиная съ жизни дѣтей. «Тѣ же погремушки тогда, что и теперь», говоритъ проф. Э. Р. ф. Штернъ въ интересной статьѣ («Изъ жизни дѣтей»), основанной преимущественно на результатахъ его раскопокъ на мѣстѣ греческихъ поселеній сѣвернаго побережья Чернаго моря; «тѣ же сказки и басни, тѣ же фигурки животныхъ, тѣ же куклы съ подобающей обстановкой, тѣ же повозочки и лошадки, тѣ же игры на свободѣ, тѣ же, наконецъ, пріемы обученія дѣтей азбукѣ, что и теперь». О школьномъ дѣлѣ у грековъ мы говорили въ особой статьѣ («Вѣстн. Евр.», 1911, апр.). Мы видѣли, какъ уже тогда велико было стремленіе къ образованію, какія дѣлались щедрыя пожертвованія на школьное дѣло, какъ выбирались учителя, иногда по своего рода конкурсу, каково было ихъ положеніе, какъ подчасъ роскошно обставлены были гимназіи, какъ иногда совмѣстно обучались мальчики и дѣвочки, какъ, случалось, жаловалась старуха-мать на лѣнтяя сына, разорявшаго ее своими проказами и бездѣльничаньемъ, плохо читающаго по складамъ, обманывающаго ея надежду найти въ немъ опору въ черный день... Мы видѣли, что устраивались состязанія между учениками, существовали награды для отличившихся; ученики дѣлились на разряды или классы; до насъ дошли прописи, и до сихъ поръ на стѣнахъ гимназіи въ Пріэнѣ, Пергамѣ и другихъ городахъ сохранились надписи, сдѣланныя учениками. Уже тогда ученики устраивали иногда собранія или сходки, и Платонъ замѣчалъ: «Гимназіи... полезны городамъ во многихъ отношеніяхъ, но тягостны въ отношеніи смутъ».

Добавимъ еще нѣкоторыя отрывочныя черты изъ жизни взрослыхъ. Изъ найденной недавно надписи II в. до Р. Х. мы узнаемъ, что заключались контракты между товариществами

артистовъ и городами; при этомъ точно устанавливались обязанности и права артистовъ, размѣръ содержанія, дни представленій, штрафы за нарушеніе контракта. Особенно много новыхъ чертъ мы узнаемъ касательно греко-римской жизни въ Египтѣ изъ открываемыхъ теперь въ такомъ множествѣ папирусовъ. Одна домовладѣлица клятвенно увѣряетъ, что въ ея домѣ, «кромѣ ранѣе прописанныхъ лицъ, нѣтъ никого, ни александрійца, ни римлянина, ни египтянина»; повидимому, администрація требовала точныхъ свѣдѣній о жильцахъ. Уже тогда разсылались пригласительныя письма, напр. на свадьбу: «Такая-то проситъ тебя принять участіе въ обѣдѣ по случаю свадьбы ея дѣтей, въ ея домѣ, завтра 5-го, въ 3 часа». Такой билетъ складывался и на оборотѣ писался адресъ съ обозначеніемъ имени приглашаемаго лица. Или вотъ приглашеніе въ иномъ родѣ [1]): Привѣтъ тебѣ дорогая...,—отъ твоего... Обязательно постарайся, милая моя, пріѣхать завтра, 20-го, на празднованіе дня рожденія бога и дай мнѣ знать, будетъ ли тебѣ пріятнѣе пріѣхать на челнѣ или на ослѣ, чтобы они могли быть посланы за тобой. Постарайся не забыть этого, милая моя. Желаю тебѣ оставаться постоянно здоровой». Есть цѣлый рядъ писемъ, въ которыхъ родители выражаютъ трогательную заботу о здоровьѣ отсутствующихъ дѣтей. Высказывались и упреки дѣтямъ по разнообразнымъ поводамъ, напр.: «Я очень сердитъ на тебя», пишетъ отецъ сыну, «за то, что у тебя издохли два поросенка вслѣдствіе переутомленія въ дорогѣ, между тѣмъ какъ у тебя же въ деревнѣ десять вьючныхъ животныхъ». Вотъ письмо «блуднаго сына» къ матери: «Я тебѣ пишу, потому что у меня болѣе ровно ничего нѣтъ. Умоляю тебя, помирись со мною. Все остальное я знаю; я теперь далъ себѣ слово, теперь проученъ горькимъ опытомъ, я знаю, что, какъ бы то ни было, я провинился. Мнѣ разсказываютъ, что кто-то посѣтилъ тебя, поступилъ весьма необдуманно и все разсказалъ тебѣ». Далѣе, среди неразборчиваго текста, еще раза два повторяются слова: «умоляю тебя».—Сынъ-солдатъ проситъ мать прислать ему разныя вещи и денегъ; «но, главнымъ образомъ, дорогая, пришли мнѣ поскорѣе мое ежемѣсячное пособіе... Когда я былъ у тебя, ты мнѣ обѣщала, что пришлешь..., но ты мнѣ ничего не прислала... Ты не сказала, что у тебя ничего нѣтъ, но отослала меня, какъ какую-нибудь собаченку. Отецъ также, когда посѣтилъ меня, ровно ничего мнѣ не далъ. Всѣ смѣются

[1]) Слѣдующія выдержки взяты изъ книжки *А. М. Придика*, «Греческіе папирусы» (Варш. 1907, стр. 58 сл.).

надо мною и говорятъ: твой отецъ вѣдь также солдатъ, а между тѣмъ ничего тебѣ не даетъ. Отецъ мой сказалъ мнѣ, что если онъ вернется на родину, вы мнѣ все пришлете, но вы ничего не прислали. Почему вы такъ поступили? Вотъ мать Валерія, она ему послала пару набрюшниковъ, горшочекъ масла, корзину, наполненную припасами, и 200 драхмъ. Поэтому, прошу тебя, мать, пришли мнѣ посылку!..»

А вотъ напоминаніе о долгѣ: «Такой-то шлетъ привѣтъ своему милѣйшему Г. Тебѣ, собственно говоря, слѣдовало бы и безъ моего письма прислать мнѣ 20 драхмъ, которыя ты мнѣ долженъ; однако ты ждалъ все время, не платя ни гроша. Передай, поэтому, деньги немедленно предъявителю сего письма и избавь меня такимъ образомъ отъ того безвыходнаго положенія, въ которомъ я нахожусь. Сдѣлай это непремѣнно; не доводи дѣла до того, чтобы я самъ былъ принужденъ явиться къ тебѣ съ тѣмъ, чтобы взыскать эти деньги. Я тебя видѣлъ недавно въ П. и хотѣлъ поздороваться съ тобой, но ты не остановился; очевидно, совѣсть твоя была нечиста».

VII.

Намъ знакомо то разочарованіе въ культурѣ и въ ея благахъ, которое является среди ея высшаго развитія и утонченности, когда раздаются голоса, осуждающіе культуру, какъ источникъ неравенства, испорченности и всякихъ золъ,—голоса, призывающіе къ опрощенію, къ жизни, близкой къ природѣ, представляющіе въ идеальномъ видѣ «естественное состояніе» первобытныхъ народовъ. У насъ недавно умолкъ яснополянскій старецъ, съ его проповѣдью «опрощенія». Во Франціи въ XVIII ст., въ вѣкъ «просвѣщенія», былъ Руссо. Идеи, сходныя съ идеями Ж. Ж. Руссо и Л. Толстого, мы встрѣчаемъ и въ античномъ мірѣ. Еще Платонъ склоненъ былъ идеализировать жизнь въ естественномъ состояніи. Философія циниковъ была реакціей противъ современной ей культуры, съ ея утонченностью, изнѣженностью и подчасъ извращенностью; она хотѣла поставить человѣка внѣ зависимости отъ условій этой культуры; она стремилась возвратиться къ естественной простотѣ. Но, быть можетъ, больше всего замѣчается сходства съ идеями Руссо и Л. Толстого у сравнительно мало извѣстнаго Діона Хрисостома («Златоуста»),

сперва ритора-софиста, потомъ философа-циника, I и начала II в. по Р. Х. [1]).

Въ первобытномъ состояніи, говорилъ Діонъ, люди жили счастливо. Многообразныя ухищренія культуры, безчисленныя изобрѣтенія и приспособленія только ухудшили ихъ положеніе и сдѣлали ихъ несчастными, потому что «не на нравственное усовершенствованіе употребляютъ люди свои познанія, а на удовлетвореніе низменныхъ инстинктовъ». Культура изнѣживаетъ человѣка. Бѣдные стоятъ ближе къ природѣ. Богатые, въ сущности, живутъ хуже и несчастнѣе бѣдныхъ. Люди, живущіе среди условій, созданныхъ культурой, проводятъ всю свою жизнь въ постоянномъ смятеніи, въ вѣчныхъ дрязгахъ, среди безчисленныхъ страданій. Они трепещутъ, что у нихъ не хватитъ «средствъ къ жизни», и заняты заботой, чтобы дѣтямъ оставить побольше денегъ. Многіе бросаютъ естественныя занятія—земледѣліе, охоту, скотоводство — и переселяются въ городъ, берутся за ремесла и профессіи, служащія удовлетворенію низкихъ инстинктовъ и ненужныхъ прихотей богачей, вредныя для тѣла и для души. Жизнь въ большихъ городахъ ненормальна, скученность и чрезмѣрное раздѣленіе труда вредны; городской житель не знаетъ настоящаго здороваго труда. Не дурно было бы, если бы городскіе жители стали мужиками... Діонъ рисуетъ простую жизнь двухъ пастуховъ на островѣ Евбеѣ, вдали отъ цивилизаціи, на лонѣ природы. Извращенной культурѣ онъ противополагаетъ счастливую простоту дикихъ народовъ. Варвары, по его мнѣнію, живутъ правильнѣе и лучше, чѣмъ цивилизованные греки и римляне. Культурный человѣкъ исполненъ ложныхъ представленій и самообмана. Сюда относятся государственныя учрежденія, законы и большинство сложившихся нравственныхъ понятій. «Истиннаго, дѣйствительнаго, явнаго закона люди не видятъ и не дѣлаютъ его путеводителемъ своей жизни. Они какъ будто зажигаютъ лучины и головни при полуденномъ сіяніи солнца, оставивъ божественный свѣтъ и идя за дымомъ, показывающимъ ничтожную искру огня. Законъ природы исчезъ у васъ и потерянъ, несчастные; зато вы охраняете скрижали и грамоты, высѣченныя на камнѣ постановленія и безполезныя буквы. Завѣтъ Зевса вы давно нарушили; а чтобы предписанія того или другого человѣка не были нарушены, за этимъ вы наблюдаете». Угорѣвшіе отъ чада страстей люди живутъ, не задумываясь надъ своею жизнью, вѣчно заняты

---

[1]) См. *А. И. Сонни*, «Къ характеристикѣ Діона Хрисостома» («Филолог. Обозрѣніе», 1898, XIV).

ненужными дѣлами, вѣчно мечутся, вѣчно хлопочутъ о чемъ-то, въ суетѣ, не имѣя опредѣленной цѣли жизни.

Этому своего рода рабству противополагается истинная свобода, когда человѣкъ отрѣшается отъ условностей культуры, когда онъ стоитъ выше случайностей и ударовъ судьбы. Для этого, прежде всего, надо познать самого себя, затѣмъ—«*перечеканить монету*» (произвести «переоцѣнку цѣнностей»!), жить согласно съ природой. Только освободившись отъ чада культуры, человѣкъ можетъ сосредоточиться на томъ единомъ, что на потребу, и сдѣлать законъ правды, который есть законъ природы, единственнымъ путеводителемъ своей жизни... Надо «пойти въ народъ»,—опроститься!..

Мы не можемъ останавливаться здѣсь на тѣхъ явленіяхъ въ античномъ язычествѣ, которыя представляютъ аналогію христіанству, напр. на культѣ героевъ, на Гермесѣ «Трижды-Величайшемъ», на мистеріяхъ, на ученіи о Логосѣ и т. д. Это слишкомъ сложные, слишкомъ крупные вопросы, чтобы касаться ихъ слегка. Скажемъ только, что въ настоящее время дѣлается рядъ попытокъ вывести христіанство изъ античныхъ воззрѣній, вообще изъ античной культуры, и новѣйшая наука открываетъ все больше и больше связи между эллинизмомъ и христіанствомъ.

Мы на нѣсколькихъ примѣрахъ, большею частью отрывочныхъ, старались показать, какъ много «современнаго» и живого въ античномъ мірѣ, какъ онъ близокъ и понятенъ намъ. Но для правильнаго пониманія этого міра не слѣдуетъ, конечно, упускать изъ виду и отличій: было бы ошибочно и односторонне видѣть одно только сходство между древностью и современностью, слишкомъ модернизировать первую. Въ исторіи полнаго тождества не бываетъ; есть только аналогія. Всякій историческій фактъ индивидуаленъ. Пусть, какъ говоритъ господствующее теперь въ наукѣ воззрѣніе, представителями котораго являются такіе ученые, какъ Эд. Мейеръ и Пельманъ,—пусть схема развитія древняго міра и міра западноевропейскаго одна и та же; пусть греческій міръ прошелъ чрезъ тѣ же стадіи развитія, что и западно-европейскій, и въ немъ были своя «древность», свое «средневѣковье», свое «новое время». Но каждый періодъ, каждый народъ, наряду съ общими чертами, имѣетъ свои особенности, ему свойственныя; въ христіанскомъ, западно-европейскомъ средневѣковьѣ, напр., наблюдаются такіе элементы и такія черты, какихъ не было въ греческомъ средневѣковьѣ. Кромѣ того, надо имѣть въ виду силу историческаго наслѣдія и исторической традиціи: прошлое не исчезаетъ безслѣдно; оно входитъ, какъ

одинъ изъ могучихъ составныхъ элементовъ, въ новое развитіе; оно существуетъ, оно живетъ вокругъ насъ, начиная съ обломковъ старины и кончая идеями, учрежденіями, культурой вообще.

В. Бузескулъ.

ИЗЪ ШОЛЬЦА.

Въ заглохшемъ паркѣ дремлетъ изваянье:
На сѣромъ камнѣ древній ликъ Маріи.
Зеленый мохъ закрылъ вѣнца сіянье,
Просты и ласковы черты благія.

Когда-то онъ стоялъ на перекресткѣ,
Разубранный, благоговѣйно чтимый—
Теперь его хранятъ орѣшникъ жесткій
И старый плющъ—лѣсные нелюдимы,

Да иногда приходитъ къ изваянью
Мохнатый фавнъ, на край его садится
И, долго слушая вечернее молчанье,
Тихонько дуетъ въ нѣжную цѣвницу...

В. Эльснеръ.

ТѢНЬ УТРЕННЯЯ.

Картинка провинціальной жизни.

I.

Спитъ городокъ С. и не видитъ, какъ свѣтла ночь, какъ мерцаютъ звѣзды въ синемъ небѣ, какъ серебрится снѣгъ...

Не спитъ одинъ Дыбовъ. Такъ какъ-то хорошо въ эту ночь.

Вотъ нѣсколькими полосами улицъ побѣжали низенькіе домики. Деревья, надъ которыми поднялся полный мѣсяцъ, запушены инеемъ. Тихо, не слышно голоса человѣка, и огни давно погашены...

Тихо въ самыхъ домикахъ, какъ всегда. Точно живутъ въ нихъ старики и старушки, которымъ уже не о чемъ говорить, а довольно пошептаться... Конечно, не старики это, не старушки. Дыбовъ знаетъ—какъ не знать своихъ сосѣдей: это—люди большей частью еще полные силъ, но люди, заѣденные глушью родного угла, и всѣ ихъ силы направлены на борьбу за свое глупое существованіе...

Что такое Дыбовъ? Дыбовъ, Семенъ—гимназистъ шестого класса, худой, костляваго сложенія. Инспекторъ то и дѣло воюетъ съ нимъ изъ-за его косматыхъ волосъ, которые онъ таки порядочно отрастилъ себѣ. За острые зубки, которые такъ дерзко вылѣзаютъ на свѣтъ Божій всякій разъ, когда онъ смѣется короткимъ смѣхомъ, товарищи считаютъ его злымъ. Но Дыбовъ—не злой, о нѣтъ! Люди рѣдко смотрятъ человѣку въ душу, а судятъ такъ... по внѣшности. Дыбовъ—вдумчивый, чуткій. Кто передумалъ изъ его одноклассниковъ столько думъ, преждевременныхъ, холодныхъ!.. Такъ ужъ сложилась вся шестнадцатилѣтняя жизнь Семена...

Мѣсяцъ скользнулъ по рѣшеткѣ сада, заглянулъ въ комнату. Она была вся уставлена мебелью, и въ ней спало трое: Дыбовъ и младшіе его братья. Володя, физіономіей смахивавшій на Семена, спалъ спокойно, и дыханіе его, мѣрное, какъ качаніе маятника, навѣвало дрему на нашего мечтателя... Напротивъ, Федя высвистывалъ что-то въ носъ, ворочаясь съ боку на бокъ. Было темно...

Всегда такъ: когда всѣ засыпали послѣ пустого и скучнаго дня, и высокій мѣсяцъ выбѣгалъ на небо, Дыбовъ любилъ сидѣть, облокотившись о столъ, смотрѣть, какъ мерцаютъ звѣзды, какъ дрожатъ силуэты деревьевъ.

У него есть другъ—Сергѣй. Оба шли вмѣстѣ изъ класса въ классъ, оба оставались въ тѣхъ же классахъ, и это связало ихъ привычкой. Но Дыбовъ и Сергѣй—натуры разныя. Философъ какой-то этотъ Сергѣй, разводитъ философію въ стихахъ и прозѣ. Дыбову же философіи не нужно. Онъ—натура практическая, и если и услаждаетъ себя экскурсіями въ область несуществующаго, то лишь потому, что безъ нихъ еще горше была бы тусклая обстановка жизни.

Сергѣй—человѣкъ чувства. Когда его учитель обидитъ, онъ вздохнетъ, стишки напишетъ, но забудетъ. Примирится. Не то Дыбовъ. Чѣмъ больше его бьютъ, тѣмъ онъ дѣлается необщительнѣе, и каждая обида, каждый щипокъ твердой броней опутываютъ его сердце. Онъ не груститъ надъ книгой, и изъ всего класса одинъ ни одного стиха не написалъ. Дыбовъ самъ про себя говоритъ, что его легче просто сломать, чѣмъ переломать въ ту или иную сторону.

— Тебя тремя кипятками обвари, а ты все живъ останешься,— говоритъ онъ своему другу.—Толстокожій ты, Сергѣй!

— Не толстокожій!—возражаетъ маленькій Сергѣй, а про себя думаетъ: «именно толстокожій».

— Не въ словѣ дѣло.

Дыбовъ смѣется. Всегда такъ: когда ему неловко или грустно, и хочется скрыть эти чувства отъ собесѣдника, онъ смѣется.

Дыбовъ хорошо пишетъ сочиненія: коротко, трезво, безъ витіеватыхъ фразъ. Но учителю русскаго языка его сочиненія не по душѣ.

— Дыбовъ,—говоритъ онъ, возвращая ему работу,—слишкомъ все это самостоятельно. Въ сочиненіи прежде всего—форма, содержаніе же вамъ дано.

Дыбовъ еле-еле удерживаетъ ироническую улыбку.

— Подите вонъ изъ класса!

Его тетрадка летитъ въ уголъ. Онъ ничего не говоритъ, вскидываетъ свою узкую голову и выходитъ изъ класса.

Дыбова особенно не любитъ «Пыжъ»: это—математикъ, одна изъ тѣхъ аномалій, безъ которыхъ не обходится ни одна гимназія въ провинціи. Онъ знаетъ свои формулы, недурно умѣетъ ихъ изложить, но прежде всего онъ не совсѣмъ нормаленъ. Какъ истый человѣкъ въ футлярѣ, онъ въ грошъ не ставитъ ученика. Когда же характеръ его причудъ нестерпимо отзывается на судьбѣ дѣтей, нѣтъ руки, которая бы отвела ударъ. Дыбова онъ не любитъ за то же, за что не любитъ его словесникъ: за характеръ, за открытую физіономію, какъ вообще не выноситъ ничего выдающагося—вродѣ той «Жабы» Чехова, которая любила говорить и такъ ревновала всякій разъ, когда въ ея присутствіи говорилъ другой.

Шла третья четверть. Дыбовъ вообще по предметамъ получилъ удовлетворительные баллы. Но «Пыжъ» вывелъ ему двойку изъ алгебры на обѣихъ четвертяхъ. Если то же будетъ въ этой четверти, Дыбову придется плохо. Его уже два раза оставляли въ классѣ—значитъ, не оставятъ еще разъ, а предложатъ выйти изъ гимназіи.

Дыбовъ и въ самомъ дѣлѣ неуспѣшный ученикъ. Онъ приведетъ въ исполненіе какой-нибудь практическій планъ. Когда классъ замышляетъ какую-нибудь шалость, когда затѣвается требующая остроумія игра, когда требуется постоять за товарища, Дыбовъ незамѣнимъ. На лбу его образуются складки, и всѣми своими движеніями, верткими и острыми, онъ напоминаетъ котенка, показавшаго на просторъ когти. Но зубрить, сидѣть за латинскими словами, надъ формулами «Пыжа»... у него прежде всего памяти нѣтъ. Затѣмъ—обстановка ученья...

Нѣтъ у него даже угла своего.

Отецъ, мелкій землемѣръ, человѣкъ опустившійся, вырабатывалъ скудныя средства, и изъ нихъ шло на жизнь только то, что перепадало матери, больной матери съ ребенкомъ на рукахъ. Остальное Гаврила Андреевичъ пропивалъ. Подрядчикъ Евсѣевъ имѣлъ на него векселей на нѣсколько сотъ рублей. Сроки всѣ истекли, платить было нечѣмъ, и Евсѣевъ смягчался только тогда, когда оба съ Гаврилой Андреевичемъ попадали въ ближайшій трактиръ.

Была еще, кромѣ мальчиковъ, дочь—существо тихое, находившееся на иждивеніи у богатой родственницы.

При такихъ условіяхъ Семенъ сталъ давать уроки рано,

съ четвертаго класса. Инспекторъ косо смотрѣлъ на него, и онъ хорошихъ уроковъ не имѣлъ. И давалъ уроки неохотно, спустя рукава. Весь же свой заработокъ безъ остатка отдавалъ матери. Единственное, что онъ позволилъ себѣ купить—это ружье. Лѣтомъ, когда одиночество томило его, Дыбовъ надѣвалъ ружье и отправлялся въ окрестности пострѣлять.

День Дыбовъ проводилъ обычно такъ.

Утромъ, проглотивъ два стакана послащеннаго чаю съ ломтемъ хлѣба, шелъ въ гимназію. Возвращался оттуда въ три часа. Обѣдали молча, въ тѣсной комнатѣ, одинаково служившей и гостиной, и столовой. Гаврила Андреевичъ возился со всякими людьми. А когда приходилъ, то закусывалъ, чѣмъ попало, и отправлялся въ узенькую комнату съ большой иконой, гдѣ почти не провѣтривался воздухъ, на боковую.

Скучно и сѣро начинался вечеръ. Непокрытый столъ, освѣщенный дешевой, неряшливо вправленной лампой. Съ одной стороны мать убаюкивала ребенка, пѣла ему жалобно, съ другой—храпѣлъ отецъ. И Дыбовъ, прислушиваясь къ этому пѣнію и къ этому храпу, думалъ невеселыя думы.

Буквы прыгали передъ глазами. Вмѣсто чиселъ и словъ, въ мозгу откладывались неуловимые какіе-то осадки, которые давали себя знать, какъ только Семенъ переходилъ къ учебной книгѣ. Работа шла механически, и онъ долженъ былъ зубрить то, что обычно усваивается быстро.

Хотѣлось лечь и, пока Володя и Федя пишутъ то, что онъ имъ отмѣтилъ, думать... о чемъ? О, стóитъ только лечь. Думы сами собой придутъ... Раньше Дыбовъ иногда вечера проводилъ надъ Чернышевскимъ и Бѣлинскимъ. Теперь же онъ ихъ бросилъ. Предпочитаетъ время «проводить съ самимъ собой», вмѣсто того чтобы «вычитывать чужія мысли» да «напяливать ихъ на свою, непохожую на другихъ натуру».

Поетъ за стѣной мать, и свѣтитъ уже луна, обливая страницу учебника... Дыбовъ дремлетъ... И мерещится ему, что это не мать поетъ, а вѣтеръ плачетъ, что... мерцаютъ звѣзды въ небѣ.... Нѣтъ, не то... Залъ... актовый залъ. И учителя идутъ на педагогическій совѣтъ...

Зеленый столъ окружили ряды вѣнскихъ стульевъ. Очищенные карандаши, листы бумаги...

— Ученикъ Дыбовъ,—выкликаетъ директоръ сурово,—что мы можемъ сказать о немъ?

Словесникъ, молодой, самодовольный, что-то острітъ на ухо своему сосѣду.

— Слабоватъ, слабоватъ.

— И я не могу похвалить.

— У него образъ мыслей не совсѣмъ естественный.

— Я ему двойку вывелъ, — поднимается «Пыжъ». — Пусть попасетъ свиней.

Дыбовъ дѣлаетъ судорожное движеніе и дышетъ тяжело, напряженно.

— Сеня, голубчикъ!—тормошитъ его Федя.

Дыбовъ сразу раскрываетъ глаза и вскакиваетъ съ постели.

— Что съ тобой?—тревожно спрашиваетъ мальчикъ.

— Кузькина мать привидѣлась,—смѣется Володя.

II.

Потоки солнца лились въ классную комнату съ тремя рядами партъ. Ярче глядѣла голубая краска на стѣнѣ. Даже громоздкая доска съ истрепанной губкой, стоявшая наискось къ высокимъ узкимъ окнамъ, какъ будто сбросила свой непроницаемый холодъ.

На заднихъ скамьяхъ Сергѣй, Дыбовъ, Сѣдовъ, Саша Милевскій. У окна, прислонившись другъ къ другу, Ермолаевъ и Ваня Милевскій. По росписанію шелъ урокъ латинскаго языка, но латинистъ заболѣлъ, и урокъ не могъ состояться.

Саша—коротенькій такой; именуется Пипиномъ Короткимъ. Онъ—подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ «Братьевъ Карамазовыхъ». Книга, запрещенная начальствомъ, какъ и почти весь Достоевскій, попала въ руки Ермолаева и затѣмъ обошла весь гимназическій кружокъ. Прочелъ ее и Дыбовъ. И теперь разговоръ шелъ объ этой книгѣ.

— Хорошая книга,—сказалъ Дыбовъ.

— Да...—отозвался Ваня.—Но глаза его, прозрачные, съ поволокой, говорили другое.

Ваня не любитъ обобщеній. Больше Соловьевымъ и Іегеромъ откармливаетъ его прямой умишко учитель исторіи. И онъ ихъ проглатываетъ съ той же милой аккуратностью, съ какой получаетъ круглое пять изъ всѣхъ предметовъ, съ какой пришиваетъ ленточку къ тетрадкѣ. Въ душѣ Ваня почти согласенъ съ словесникомъ, что этого рода обобщенія... преждевременны въ ихъ возрастѣ.

Но вотъ Сергѣй, который до тѣхъ поръ молчалъ, держитъ слово. Сергѣй хвалитъ «общечеловѣка», знаніе «границъ добра и зла», идею правды Христовой, изъ-подъ власти которой не можетъ выйти человѣкъ, и выраженія его, рѣже свои, чаще за-

имствованныя изъ книгъ, туманно передаютъ его понятія. Но его слушаютъ охотно.

Пипинъ Короткій, по обыкновенію, заложилъ руки въ карманы и уставилъ взглядъ въ крышку.

— Пошелъ писать,—рѣзко прерываетъ Дыбовъ.—Совсѣмъ не то говоришь...

Онъ обтягиваетъ свою сѣрую блузу и продолжаетъ:

— Вотъ это я понимаю: все позволено. Отчего не позволено? Отчего хорошій человѣкъ спивается съ кругу, а какой-нибудь «Пыжъ», жестокій, сумасшедшій «Пыжъ» отлично спитъ, отлично ѣстъ, имѣетъ содержанку? Отчего холуй-словесникъ долженъ гнать меня изъ класса, называть болваномъ, а я—молчать? Гдѣ тутъ добро и зло, гдѣ тутъ «общечеловѣкъ»? Закрой фонтанъ.

Пипинъ дѣлаетъ гримасу. Но спорить Дыбовъ не любитъ. Пипинъ говоритъ Сокулину:

— Точка зрѣнія у тебя широкая. Скажи, Сергѣй, давно въ тебѣ произошелъ этотъ переворотъ? Вѣдь ты же былъ убѣжденный марксистъ?

Дѣйствительно, еще недавно Сергѣй былъ «марксистомъ», развивалъ и комментировалъ статьи Бельтова, бранилъ Михайловскаго, а въ рѣчахъ своихъ проводилъ «ярко-классовую» тенденцію. Теперь онъ «свободомыслящій», держится чего-то средняго между Толстымъ и Достоевскимъ, а Бельтова и другихъ считаетъ «узкоголовыми».

Сергѣй не отвѣчаетъ.

— Точка зрѣнія широкая. Это вѣрно, — смѣется Ермолаевъ,—а только придешь ты съ ней никуда больше, какъ къ о. Иннокентію. Монашество это какое-то, ей Богу!

Когда Ермолаевъ говоритъ, онъ раскачивается всѣмъ своимъ неровнымъ корпусомъ, и Сѣдовъ, который сидитъ сбоку, беретъ его «подъ микитки».

— Ха-ха-ха!—коротко смѣется Дыбовъ.

— Хо-хо-хо!—вторитъ ему Сѣдовъ.

Опять говоритъ Сергѣй.

— Не вѣришь, Ермолаевъ? Хорошо,—говоритъ онъ.—Я всякую идею уважаю. Но идея лишь тогда стоитъ тебя, если ты идею выстрадалъ. Тебѣ же невѣріе далось легко. И ты хочешь меня побить узостью и шаблономъ.

— Правильно,—подтверждаетъ Пипинъ.

— Что ерунду порешь,—опять срывается съ мѣста Дыбовъ.—Къ чему это глубокомысліе всюду и вездѣ? Всюду и вездѣ

видишь не то, что есть. Развѣ Коперника «идею» ты выстрадалъ? А между тѣмъ отлично знаешь, что земля вертится. Чтобы не вѣрить о. Иннокентію, надо собственный умишко слушать, а не говорить по книжкамъ.

— Узость,—смѣется Ермолаевъ,—шаблонъ!

— Хо-хо-хо!—вторитъ ему Сѣдовъ.

Но вотъ и перемѣна.

— Когда же выѣзжаемъ?—волнуется Саша.

— Въ часъ.

— Послѣ-завтра въ часъ.

Дѣло въ томъ, что черезъ день распускаютъ на пасху. И Сергѣевъ «фатеръ», жившій въ сосѣднемъ городкѣ, звалъ на праздники, вмѣстѣ съ сыномъ, Сѣдова и Милевскаго.

Урокъ исторіи прошелъ нудно. Слѣдующій урокъ былъ алгебра, урокъ «Пыжа». Вотъ онъ. Кривыя ножки поддерживаютъ подвижное тѣльце. Носикъ рыхлый. Въ глазахъ и въ складѣ губъ что-то не совсѣмъ нормальное.

Только онъ вошелъ, сейчасъ раскрылъ журналъ и крикнулъ:

— Дыбовъ, пожалуйте къ доскѣ.

Обыкновенно онъ ни на минуту не садился, а начиналъ вертѣться отъ стѣны къ стѣнѣ, какъ заведенная пружинка. Теперь же онъ сидѣлъ въ креслѣ. Это былъ дурной признакъ. Только когда Дыбовъ изобразилъ, что дано, и что требуется доказать, онъ всталъ и посмотрѣлъ на доску.

— Плохо!—раздался возгласъ.

«Пыжъ» сводилъ свою математику къ формѣ. Онъ даже доказывалъ, что между тѣмъ, какъ себя держитъ ученикъ въ классѣ, и его математическими достоинствами есть прямая связь. Различія способностей онъ нивеллировалъ; пріобрѣтала значеніе простая выправка. Когда доказывалось что - нибудь, то, данное, выписывалось впередъ, и подъ нимъ проводилась черта; а то, что требовалось доказать, снабжалось вопросительнымъ знакомъ. Именно этотъ вопросительный знакъ Дыбовъ забылъ занести надъ тѣмъ, что требовалось доказать.

«Пыжъ» прошелся два раза и подошелъ къ журналу. Думка, сдвинувшая колкія черты его лица, исчезла, отчего узенькія глазки его зажглись. Такъ звѣрекъ играетъ передъ часами кормленія, чувствуя близко мясо.

— Дыбовъ, Дыбовъ!—началъ онъ фистулой.

Стало такъ тихо, что можно было слышать, какъ гдѣ-то въ концѣ корридора надзиратели переговариваются.

— Что вы знаете, что вы умѣете?.

Теперь онъ журналъ закрылъ—тоже худой знакъ! Проходитъ нѣкоторое время, въ теченіе котораго онъ шатается отъ стѣны къ стѣнѣ. Это былъ своего рода артистъ: по виду онъ былъ совершенно доволенъ отвѣтомъ Дыбова; и никто ничего со стороны не замѣтилъ бы, кромѣ тѣхъ, кто на собственной спинѣ испыталъ эти вспышки жестокости. Вотъ онъ остановился.

— Что вы знаете, что умѣете?... Сколько дважды два?

Дыбовъ, строгій, замѣтно поблѣднѣвшій, положилъ мѣлъ. И оба, одинъ какъ будто спокойно, ясно, другой съ острой тревогой смотрѣли другъ другу въ глаза.

— Вы и этого не знаете? Дважды два—четыре, Дыбовъ, четыре! Дыбовъ сколько дважды два?

Рыхлая фигурка кипитъ и движется, и вопросъ выходитъ колющимъ звукомъ. Дыбовъ стоитъ, одной рукой касаясь доски, другой потрогивая свой кушакъ. Наконецъ, безсознательно повторяетъ:

— Дважды два—четыре.

Молчаніе. «Пыжъ» опять катится по классу. Лицо его по прежнему спокойно. Только чаще вздрагиваютъ мускулы на немъ.

Катится-катится. Вотъ опять остановился; опять поднимаетъ на Дыбова взглядъ своихъ жесткихъ глазъ.

— Дыбовъ, солнце съ запада восходитъ?—спрашиваетъ онъ.

Въ лицѣ Дыбова ни кровинки.

— Не восходитъ? Неправда, Дыбовъ, восходитъ, можетъ взойти. Дыбовъ, солнце съ запада восходитъ?

Молчаніе.

— Дыбовъ, Дыбовъ! Какой вы самонадѣянный! Какъ мнѣ васъ жалко! Такъ вы не вѣрите мнѣ, не вѣрите? Такъ вы еще юны и не вѣрите? Какой вы самонадѣянный, Дыбовъ!

Опять смотрятъ другъ другу въ глаза.

А веселое солнце свѣтитъ и грѣетъ черезъ оба окна, и ярче кажется голубая краска на стѣнѣ.

Молчаніе. «Пыжъ» катится отъ стѣны къ стѣнѣ.

Когда ударилъ звонокъ, «Пыжъ» подошелъ къ журналу, открылъ его, медленно обмакнулъ перо и вывелъ противъ Семена Дыбова маленькую и круглую, какъ самъ «Пыжъ», двойку.

«Пыжъ» ушелъ.

Нѣсколько учениковъ окружило Дыбова, а онъ стоялъ съ болѣзненно-красными глазами, въ своей блузѣ изъ старой деше-

вой матеріи. Въ первый разъ дрожалъ у Дыбова въ классѣ подбородокъ, и всѣмъ стало грустно отъ Дыбовскаго взгляда.

— Изъ-за одной алгебры не исключатъ,—сказалъ кто-то,

— Все зависитъ отъ послѣдней четверти...

— И отъ педагогическаго совѣта...

— Поѣдемъ съ нами,—просилъ Сергѣй, которому было ясно, что Семена исключатъ.

— О, дьяволъ!—вырвалось у Сѣдова.

Въ это время въ дверяхъ класса показался надзиратель «Вася». Благообразная физіономія и кошачьи ужимки, когда требуется «накрыть» гимназистика. Остановился на порогѣ и сказалъ:

— Ну, кавалеры, что у васъ тамъ? Дыбовъ, Милевскій, Сокулинъ, въ учительскую, къ директору.

Всѣ трое обомлѣли. Но тотчасъ, одинъ за другимъ, обтягивая блузы и оправляя волосы, пошли. Въ дверь, шедшую изъ актовой залы въ учительскую, первымъ вошелъ Дыбовъ, и на лицѣ его было выраженіе, какое бываетъ у дѣтей, когда въ душѣ ихъ зрѣетъ что-то острое.

Въ учительской было накурено. Въ ней было много оконъ; лучи такъ же обильно, какъ въ классѣ, лились на хмурыя физіономіи нѣсколькихъ педагоговъ, вытянувшихъ подъ столомъ свои ноги въ форменныхъ брюкахъ. Видно было, что присутствіе директора стягиваетъ острымъ холодкомъ ихъ учительскіе языки.

Директоръ былъ неваженъ въ тѣлѣ; но, какъ только преступники предстали предъ его очи, заважничалъ мелкой, невзрачной ручкой.

— Дыбовъ?—обратился онъ къ Дыбову.

— Дыбовъ.

Онъ отлично зналъ всѣхъ троихъ, такъ какъ преподавалъ въ ихъ классѣ латинскій языкъ.

— А вы... Сокулинъ?—спросилъ онъ съ запинкой.

— Сокулинъ, Сергѣй.

— Помню. Какъ васъ не помнить,—сдѣлалъ онъ жестъ ручкой.

Оказалось, кабинетъ директора наканунѣ былъ переведенъ и устроенъ рядомъ съ седьмымъ классомъ. Вспомнить объ этомъ никто не догадался, и директоръ прослушалъ часть разговора о «братьяхъ Карамазовыхъ». Къ счастью, онъ не разслышалъ замѣчанія Ермолова. Но директоръ слышалъ кое-что изъ словъ Дыбова, и отпереться отъ разговора было невозможно. И теперь

директоръ читалъ наставленіе, читалъ безсвязно, но съ видомъ небожителя.

— Вы, кажется, изъ мѣщанъ... изъ мѣщанъ?

— Изъ мѣщанъ,—сказалъ Дыбовъ.

— Вотъ... да... вмѣсто того, знаете ли, чтобы слушать наставниковъ, да... питать вѣрноподданическія чувства, вы... проповѣдуете тутъ... развратъ... да... развратъ...

Директоръ потрогалъ манжеты въ рукавахъ своего вицмундира: ему почему-то казалось, что безъ этого жестъ его маленькихъ ручекъ не имѣетъ достаточной важности.

— Васъ пріютили здѣсь... да, знаете ли, съ дѣтьми дворянъ... Здѣсь у насъ всѣ равны, всѣ, и вотъ... Пусть полюбуются на васъ родители... да...

Настала очередь Сергѣя.

— А вы... философъ!..

Мышиный ротъ его скривила усмѣшка. Онъ не хотѣлъ назвать Сокулина философомъ, но другого слова не находилъ. Рты педагоговъ, сидѣвшихъ за столомъ, тоже повела сѣрая усмѣшка.

— Тамъ, знаете ли...—директоръ указалъ куда-то въ ноги,—въ подпольѣ... много ихъ... да! Дешевы, знаете ли, эти идеи...

Вошелъ «Пыжъ» и молча сѣлъ.

Директоръ, съ тѣми же неумѣло разсчитанными тѣлодвиженіями, продолжалъ отечески-назидательно.

— Я, знаете ли... тоже былъ студентомъ... да... Я, знаете ли, не любилъ этихъ идей. Есть часокъ—другой... свободный, знаете ли... я себѣ въ кофейню. Прошу стаканчикъ кофе... да. А за окномъ шарманка играетъ. Я пью себѣ кофе, а за окномъ шарманка, знаете ли, играетъ... играетъ... Да.

Когда пріятели спустились внизъ, Сѣдовъ прежде всего взялся за бока и хохоталъ. Потомъ изобразилъ мартышку, которую водятъ по садамъ и скопировалъ слово въ слово директорскую рѣчь. Но Дыбовъ такъ и застылъ. То новое, что обозначилось у него въ лицѣ, въ складкѣ лба, когда онъ входилъ въ учительскую, такъ и осталось.

Ему было ясно: дни его пребыванія въ гимназіи сочтены.

III.

Городокъ К. лежитъ на склонѣ холма. И когда Сергѣй съ Сѣдовымъ и Пипиномъ подъѣзжали, весь холмъ, казалось, свѣтился огнями: былъ вечеръ.

Городокъ тѣмъ отличался отъ С., что былъ значительно меньше. Онъ славился озеромъ, цѣпью кургановъ, которые бѣжали въ даль, къ высокимъ соснамъ задернутыхъ дымкой лѣсовъ. И пока ѣхали лѣсомъ, въ воздухѣ носился здоровый, бодрящій запахъ смолы.

Старики встрѣтили гостей радушно, но просто. Николай Федоровичъ ушелъ ненадолго по дѣлу. Это былъ владѣлецъ мельницы на озерѣ, и его то и дѣло вызывали изъ дому. Красивая голова съ открытымъ лбомъ, съ серебрящейся гривой волосъ—голова профессора или писателя. И въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ способный человѣкъ, выброшенный случаемъ изъ крупнаго центра съ его общественными запросами въ глушь родного угла и влачившій свою лямку безъ любви, безъ отзвука, въ погонѣ за кускомъ хлѣба.

На всей обстановкѣ Сокулиныхъ лежала эта печать неудавшейся жизни, чего-то недоконченнаго или кончающагося какъ-нибудь. Комнатъ было много, но въ нихъ было неуютно. Хотѣлось присѣсть къ окну и сидѣть безъ думы, смотрѣть на давно не метенный дворъ, на конюшню, у которой толчется только что выпряженная лошадь. День точно не имѣлъ порядка: спали часто и вяло; ѣли, когда захочется.

Когда Николай Федоровичъ уѣзжалъ, становилось еще глуше. Трагизмъ жизни давно ужъ окатилъ его струей холода, и вмѣсто тѣхъ запросовъ, безъ которыхъ онъ въ былое время и жить бы не могъ, теперь въ душѣ его сочились слезы. Невидимыя слезы сочились гдѣ-то глубоко, глубоко...

Выбѣжала мать. Шестнадцатилѣтняя Маня улыбалась, обнаруживая вялую радость.

— Здравствуй, братъ!..

Наташа, яркая брюнетка съ неопредѣленнымъ выраженіемъ въ лицѣ, здоровалась съ Сѣдовымъ, и на губахъ ея дрожали чуть замѣтные черные усики. Распорядились насчетъ чая и закусокъ. Всѣ сидѣли за столомъ: по одну сторону Сергѣя—Маня, по другую—Наташа, которая въ особыхъ случаяхъ расплывалась и была смѣшна.

— Разсказывай, братъ,—начала Маня.

И тотчасъ обратилась къ Сѣдову.

— Какъ вы поживаете?

— Что намъ сдѣлается? — протянулъ тотъ. — Какъ у «Пыжа» за пазухой!

Пипинъ короткій, застѣнчивый, неловкій, уже забился въ уголъ и, пока Сѣдовъ крутилъ папироску, поворачивалъ голову направо и налѣво.

— Саша, придвигайтесь къ намъ,—пригласила Наташа. И сама подвинулась на диванѣ. Но вмѣсто отвѣта Пипинъ подошелъ къ Сергѣю и сказалъ:

— Сокулинъ, пойдемъ гулять.

— Что ты,—удивился тотъ.—Потомъ развѣ.

Предложеніе это было такъ неожиданно, что Маня прыснула со смѣху. Милевскій густо покраснѣлъ и вышелъ. Ни Сергѣй, ни Сѣдовъ его не удерживали. Это былъ чудакъ, который не умѣлъ и не хотѣлъ приспособляться къ обществу людей.

Пришелъ Николай Федоровичъ. Онъ еще разъ всѣмъ дружески тряхнулъ руки и сбросилъ свою «бурку», которая замѣняла ему всѣ роды верхняго платья. Онъ сѣлъ, и то мѣсто, гдѣ онъ сѣлъ, тотчасъ оказалось центромъ маленькаго общества. Такъ отъ него вѣяло до сихъ поръ жизнью и свѣтомъ.

— Ну, покажи-ка, Сергѣй, — любовно потрепалъ онъ сына,—покажи намъ свою премудрость.

Держа въ рукахъ стаканъ крѣпкаго чаю, онъ разсмотрѣлъ «свѣдѣнія» Сергѣя и пожурилъ его за сѣрыя троечки. Сергѣй тотчасъ же нахмурился: въ самомъ дѣлѣ, какъ это такой «мыслящій» человѣкъ, какъ его «фатеръ», журитъ его за сѣрыя троечки!

— Ну, а вы, Мишель, какъ ваше драгоцѣнное? — обратился старикъ къ Сѣдову и его крѣпкую и цѣпкую руку взялъ въ свою пухлую и дрожащую.

— Э!—выпустилъ тотъ струю дыма.

— Что же я Пипина Короткаго не вижу?

— Убѣжалъ. Маня ему соли на хвостъ посыпала.

— Ха-ха-ха!—оживилась Маня и подошла къ брату.

— Ну, братецъ?

— Ну, сестрица?—въ тонъ ей отвѣтилъ Сергѣй и такъ сжалъ тонкую кисть ея руки, что она завертѣлась.

— Ай, Сергѣй! Оставь!

— Ну-ну!—повернулся къ нимъ Николай Федоровичъ.

Онъ ловкимъ движеніемъ привлекъ къ себѣ дѣвушку и сталъ гладить ея волосы.

— И что это, доложу я вамъ, за особа!

Пришелъ Борисъ—юноша худой, старообразный, но добрый и ласковый. Голова опущена къ груди. Это—Сергѣевъ другъ дѣтства.

— Какъ живешь, Сергѣй?

Трижды поцѣловались.

— А, дѣдушка!—подразнила его Маня.

«Дѣдушка» застѣнчиво и робко подошелъ къ Сѣдову.

— Что это, дѣдушка, тебя въ воду опустили?

— Дѣдушка?—удивился Николай Федоровичъ.—Почему же дѣдушка? Чего только у насъ не выдумаютъ.

Онъ пропустилъ стаканъ остывшаго чаю и продолжалъ:

— Хорошо у насъ, неправда ли? Въ рощу пойдете, на озеро, на курганъ—вездѣ, какъ видите: молодо, зелено. «Воздухъ усталыя силы бодритъ»...

— Лѣтомъ—купанье...—поддакнулъ Сергѣй.

— Эхъ, купанье! Не купанье, а восьмое чудо на землѣ. Нигдѣ, ручаюсь вамъ, купанья такого не увидите. Представьте: простое мельничное колесо, подъ нимъ своего рода кабинетикъ. Въ этомъ кабинетѣ сидите, какъ слѣдуетъ быть, по всѣмъ правиламъ, и... разъ-два, разъ-два, по головѣ, да по спинѣ, да по мягкимъ частямъ. Что противъ этого ваши души!

— Лучше всего въ К. въ ноябрѣ,—остритъ Маня.—Пріѣзжайте въ ноябрѣ.

— Пріѣдемъ въ ноябрѣ!—однимъ глазомъ мигаетъ ей Сѣдовъ, и такъ и подпрыгиваетъ отъ смѣха.

— Ну... въ ноябрѣ не совѣтую,—сказалъ Николай Федоровичъ.

Онъ зацѣпилъ съ блюда котлету и нѣкоторое время молчалъ.

— Тѣнь наводите,—поднялся Сѣдовъ.—И что это, доложу я вамъ, за особа! — передразнилъ онъ старика, и всѣ весело разсмѣялись.

Всѣ чувствовали себя легко и тащили куски за кусками на свои тарелки, а Наташа гостепріимно просила:

— Еще кусокъ. Не церемоньтесь, Мишель.

Это, впрочемъ, было излишне, такъ какъ Мишель лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ церемонился. Скоро Наташа и Маня ушли, а когда Наташа вернулась и сказала: «дѣти, спать пора», то Саша Милевскій уже сидѣлъ за столомъ и велъ съ Николаемъ Федоровичемъ какой-то естественно-научный споръ.

Постели были приготовлены въ комнатѣ, которую занимали Наташа съ Маней. Комната эта была просторна, въ три окна, съ изразцовой печкой у дверей. Благодаря свѣтленькимъ обоямъ и своему изолированному положенію, она казалась уютнѣе другихъ. Кожаный диванъ былъ вынесенъ, а вмѣсто него внесли третью кровать, и три друга съ наслажденіемъ стягивали съ себя свои ученическіе доспѣхи, предвкушая сонъ послѣ пятичасовой тряски на лошадяхъ.

Особенно ловко себя чувствовалъ Миша Сѣдовъ. Распрямилъ свое мускулистое тѣло подъ одѣяломъ, закурилъ. Затѣмъ взялъ вполголоса грубоватымъ теноромъ:

Звенитъ звонокъ, и тройка мчится...

Опять пососалъ папироску.

...Вдоль по дорожкѣ столбовой...

— У васъ, братъ, хорошо пахнетъ, ей-ей! — почему-то пришло ему въ голову.—Ты спишь, Сергѣй?

Сергѣй уже дремлетъ, но вопросъ слышитъ. Ему хочется отвѣтить Сѣдову, но онъ забываетъ, что тотъ сказалъ. Или онъ уже отвѣтилъ... только что?

...И колокольчикъ, даръ Валдая,
Звенитъ уныло подъ дугой.

Вошелъ старикъ—справиться, все ли «какъ слѣдуетъ быть», и пожелалъ спокойной ночи. Тише дрожитъ голосъ:

И онъ запѣлъ про ясны ночи,
Про очи дѣвицы-души...

Дремлетъ Сергѣй. И снится ему Сѣдовъ. Держитъ Сѣдовъ папироску въ зубахъ и мурлычитъ грубоватымъ голосомъ:

Ахъ, эти очи голубыя,
Вы погубили молодца...

Громко крикнулъ пѣтухъ три раза. Залаяла собака у подворотни. Уснулъ Сѣдовъ. Спятъ всѣ. Апрѣльская ночь тиха, благодушна. Не спитъ одинъ Дыбовъ Семенъ, плететъ себѣ свой лавровый вѣнецъ...

. . . .

На другой день вечеромъ пришла почта изъ С. и привезла страшное извѣстіе: застрѣлился Дыбовъ. Да еще какъ застрѣлился: изъ простого ружья, въ одной изъ аллей гимназическаго сада.

«Вася» заметалъ слѣды, заметалъ, прежде чѣмъ жуткій слухъ не разошелся по городу. Но слухъ все-таки разошелся съ быстротою молніи.

Николай Федоровичъ сообщилъ дѣтямъ извѣстіе. На лицѣ его было чувство боли. Онъ сосредоточенно смотрѣлъ на сына. А Сергѣй думалъ: что у самого то на душѣ? Извѣдалъ «фатеръ» всю механику жизни, до дна выпилъ ея чашу...

Вѣдь и Дыбовъ, и Николай Федоровичъ, это—тѣ кляксы, безъ которыхъ сѣрая бумага жизни была бы еще болѣе сѣра.

IV.

Вотъ и Сергѣй, и Сѣдовъ, и Пипинъ Короткій вернулись въ колею учебной жизни. Стоятъ въ одномъ изъ угловъ бѣднаго С-скаго кладбища: жители С. и помирали вѣдь, какъ жили, небогато. Стоятъ, подернутые дымкой грусти. Свѣжій бугоръ земли, дешевый вѣнокъ, брошенный чьей-то рукой. Здѣсь нашелъ успокоеніе Дыбовъ.

«Конецъ» Дыбова былъ таковъ.

Вернувшись домой послѣ классной головомойки, онъ засталъ въ столовой отца и Евсѣева. Оба были навеселѣ. Въ углу стояло чье-то ружье, простое крестьянское, а на столѣ лежало его, Семеново, которое Евсѣевъ, то и дѣло, потрагивалъ руками и хвалилъ. Дыбовъ поблѣднѣлъ отъ предчувствія и сталъ слушать безсвязную просьбу отца.

Оказалось, что «малецъ» Евсѣева увидѣлъ ружье Семена: во что бы то ни стало захотѣлъ его. Семенъ, конечно, не откажетъ другу и благодѣтелю дома. Потомъ Иванъ Ивановичъ купитъ ему такое же. А пока оставляетъ свое старое. Семенъ бросилъ прощальный взглядъ на ружье, которое онъ любилъ, и сказалъ:

— Вы знаете, папаша, я все отдавалъ на жизнь... Берите. Только ружья вашего, Иванъ Ивановичъ, мнѣ не надо,—обратился онъ къ Евсѣеву.

— Что вы, что вы, молодой человѣкъ,—притворился Евсѣевъ и подвинулся къ тому краю стола, гдѣ сидѣлъ Гаврила Андреевичъ.—Обижать я васъ не хочу.

Но ружье Семена все-таки взялъ, а свое оставилъ.

На другой день, какъ только распустили на праздники, Дыбовъ надѣлъ старую блузу, поверхъ блузы надѣлъ Евсѣевское ружье и сосредоточеннымъ шагомъ пошелъ за городъ. Въ сумерки его видѣли возвращавшимся. Но домой онъ уже не вернулся, а завернулъ въ гимназическій садъ и скрылся въ одной изъ его аллей.

Рѣчка, огибавшая садъ, весело бурлила весеннимъ разливомъ. Зеленѣла новая трава. И въ саду было тихо и хорошо. Ни души: всѣ готовились къ празднику.

Дыбовъ подождалъ, пока пришла ночь, тихая и благодушная,

когда выбѣжалъ полный мѣсяцъ среди искрящихся звѣздъ,—и выстрѣлилъ себѣ въ сердце...

— Дыбовъ, Дыбовъ!—вспомнилъ Сѣдовъ «Пыжа».

И всѣ трое опустили головы.

— Прощай, Дыбовъ!

Солнце сіяло въ синемъ небѣ, равнодушно озаряя и «толстокожаго» Сергѣя, и погруженнаго въ себя Милевскаго, и сдвинутыя брови Миши Сѣдова, и зеленую могилку Дыбова.

Л. Клейнбортъ.

ЗА ГРАНЬЮ.

I.

Утренній туманъ висѣлъ надъ окрестностью, окутывая какъ бы паутиной деревья по бокамъ шоссе отъ города къ вокзалу и зданіе Затонской мѣщанской богадѣльни, находившееся уже внѣ городской черты, или, какъ говорили, «за гранью». И деревья, и богадѣльня вырисовывались темными силуэтами. Жизнь, несмотря на ранній часъ, начинала пробуждаться. По шоссе тянулись извозчичьи пролетки съ пассажирами, прибывшими на утреннемъ поѣздѣ; по боковымъ тропинкамъ, за деревьями, брели по одиночкѣ и группами пѣшеходы, навьюченные узлами и сундучками съ пожитками. Въ городѣ звонили къ ранней обѣднѣ и медленный, лѣнивый звонъ колоколовъ разстилался по равнинѣ, какъ бы разсѣивая и вытѣсняя туманъ.

Въ богадѣльнѣ, въ женскомъ отдѣленіи, утро, какъ всегда, началось перебранкой. Сгорбленная старушонка Капитоновна, бывшая прачка, съ красными, слезящимися глазами и съ сизымъ носомъ, подмѣнила сосѣдкѣ по койкѣ туфли, оставивъ ей свои никуда негодныя, рваныя. Обиженная товарка, юркая, быстроглазая Сергѣевна, накинулась на Капитоновну съ попреками.

— Пьяница ты, всему свѣту извѣстная!—кричала она,—вотъ вчера шлялась гдѣ-нибудь и обтрепала!.. Смотри, всѣ подошвы въ известкѣ, да въ глинѣ! Какъ же это не твои? Я вчера и за ворота-то не выходила! Кого хочешь спроси, всѣ знаютъ, что у меня новыя туфли, недавно выданы!

— Ужъ какъ тебѣ не выданы! Не за то ли, что къ эконому съ языкомъ ходишь? — уязвила обиженную Капитоновна.

— За что бы ни выданы, да выданы, и ты мнѣ отдай ихъ!— топая ногами, подступала къ ней Сергѣевна.

— На, подавись!—вскрикнула, наконецъ, та и, снявъ туфли, швырнула ихъ сосѣдкѣ.

Въ эту минуту изъ корридора донесся мужской голосъ.

— Что за шумъ, а драки нѣту?

И вслѣдъ за тѣмъ въ палату вошелъ медленной, переваливающейся походкой благообразный, пожилой человѣкъ съ окладистой бородой, въ осеннемъ патьто, съ фуражкой въ рукѣ. Это былъ экономъ Затонской богадѣльни, Онуфрій Филиппович Петровъ, почему-то называвшій себя надзирателемъ и не любившій, когда его величали экономомъ.

Окинувъ зоркимъ взглядомъ палату и замѣтивъ кое-гдѣ на стѣнахъ облупившуюся штукатурку, онъ обратился тихимъ, елейнымъ голосомъ къ богадѣлкамъ:

— Тутъ у васъ, старушки Божьи, ремонтикъ придется сдѣлать... Видите, какъ штукатурочка-то облупилась, а вы мнѣ ничего и не скажете, не хорошо это! Спаси Богъ, кусочекъ оторвется, да кому-нибудь изъ васъ головку и ушибетъ... Вамъ-то все равно отчего ни помирать, а надзирателю отъ начальства выговоръ!

Сдѣлавъ это замѣчаніе, Онуфрій Филиппычъ отдалъ богадѣлкамъ приказаніе:

— Ну-съ, миленькія, отправляйтесь-ка на кухню картошечку чистить. Чья нынче очередь-то? Сегодня вамъ угощеніе... Купчиха Бородулина на поминъ души мужа крупчатки да масла для блиновъ прислала... Ну, такъ живѣе, поворачивайтесь!

Съ этими словами экономъ обычной, медленной походкой съ переваюкой направился было обратно къ корридору, съ цѣлью продолжать утренній обзоръ ввѣреннаго ему учрежденія, какъ къ нему, низко кланяясь, подошла старушка, всего только нѣсколько дней назадъ поступившая въ богадѣльню.

— Ужъ пожалуйста, господинъ надзиратель, будьте милостивы, выдайте мнѣ другіе башмаки! Эти мнѣ малы, вступать нѣтъ мочи, всѣ ноги натерла.

— Откуда же, душа моя, я возьму тебѣ другіе? — нѣжно возразилъ экономъ.—Я не виноватъ, что у твоей предшественницы ноги были меньше твоихъ... Вотъ, погоди, — заключилъ онъ со смѣхомъ—умретъ какая-нибудь изъ старухъ съ большими ногами, и отдадимъ тебѣ ея башмаки!

— У-у, грабитель - разбойникъ! — воскликнула по уходѣ Онуфрія Филиппыча возмущенная его отвѣтомъ Капитоновна. — Ты думаешь, у него вправду нѣтъ другихъ? По правиламъ намъ

двое башмаковъ въ годъ полагается. А онъ, мерзавецъ, какъ исполняетъ это?! Старье чинитъ, а у кого износятся, за новые-то денежки ему, лихоимцу, подай! Въ арестантскихъ ротахъ ему мѣсто-то, а не здѣсь!

— Что вѣрно, то вѣрно!—послышался откуда-то съ койки сочувствующій голосъ. — Взять хотя къ примѣру его домашній расходъ... Развѣ онъ по приходу ведетъ? Шутка ли! Дочку замужъ выдавалъ, тысячу деньгами за ней далъ, да двѣ шубы!

— А ѣдятъ-то какъ? Что твои купцы: сладко да масляно! На чьи все это денежки? Знамо, на наши, на старушечьи! Поди, и вторую дочку станетъ выдавать—не меньше дастъ!..

— А ты считала его капиталы-то?—вступилась за честь эконома Сергѣевна.

Но Капитоновна накинулась на нее:

— Помолчи, помолчи, доносчица! Давно ты у насъ замѣчена!

— Не на тебя ли, пьяницу, доношу?—взвизгнула фаворитка эконома.—Такъ объ этомъ и доносить нечего, стоитъ только на твою рожу взглянуть!

Перебранка продолжалась еще долго. Въ это время другія старухи приносили изъ кухоннаго куба кипятокъ въ чайникахъ и неторопливо приступали къ чаепитію, какъ будто забывъ о приказаніи эконома чистить картошку. Старухи не долюбливали своихъ ежедневныхъ обязанностей—помогать на кухнѣ повару и мыть полы въ богадѣльнѣ. Для этого была заведена очередь, и каждая богадѣлка всѣми правдами и неправдами старалась отлынуть отъ нея, ссылаясь на немощи. Изъ всѣхъ тридцати обитательницъ женскаго отдѣленія богадѣльни отъ этихъ обязанностей были освобождены по дряхлости и слабости всего только пять старухъ. Въ числѣ ихъ находилась одна, которая была освобождена отъ работъ не столько по дряхлости, сколько по своему привилегированному положенію. Звали ее Марья Егоровна. По происхожденію она была дворянка и въ мѣщанской богадѣльнѣ очутилась случайно, за неимѣніемъ въ Затонскѣ соотвѣтствующаго учрежденія. Круглая сирота, Марья Егоровна тотчасъ же по окончаніи института поступила въ гувернантки и такъ и провела всю жизнь по чужимъ домамъ. Послѣ мѣста у купцовъ Самохиныхъ ей уже не посчастливилось найти новаго, и она кое-какъ пробивалась грошевыми уроками, достававшимися ей съ трудомъ, вслѣдствіе ея старости, нездоровья и конкурренціи молодежи. Прожившую всю жизнь въ чужихъ семейныхъ домахъ, на всемъ готовомъ, совершенно непрактичную, ее эксплоатиро-

валъ всякій кто хотѣлъ, начиная съ хозяйки комнаты и кончая прачкой, которая по нѣскольку разъ получала съ нея за одну и ту же стирку бѣлья. Въ три года Марья Егоровна прожила всѣ сбереженія, накопленныя на мѣстахъ, и очутилась въ безвыходномъ положеніи. Она пробовала обращаться за помощью къ тѣмъ, у кого служила прежде гувернанткой, но всѣхъ этихъ незначительныхъ подачекъ хватало, конечно, не надолго. Купецъ Самохинъ, какъ человѣкъ практическій, предложилъ бывшей гувернанткѣ устроить ее въ богадѣльню, попечителемъ которой онъ состоялъ. Приближавшаяся зима ускорила рѣшеніе Марьи Егоровны, и вотъ почти годъ, какъ она находилась въ Затонской богадѣльнѣ, лелѣя надежду перевестись въ дворянскій вдовій домъ въ Москву, куда подала прошеніе.

Марья Егоровна проснулась давно, но не вставала съ койки, чувствуя недомоганіе во всемъ тѣлѣ и головную боль. Она невольно прислушивалась къ перебранкѣ сожительницъ и думала: «Господи, какъ противно это! Только настало утро, какъ уже брань и ссоры, и такъ пойдетъ цѣлый день вплоть до ночи, пока всѣ не заснутъ!»

Богадѣлки, наконецъ, кончили перекоры объ очереди, кому итти на кухню, кому мыть полы, и, напившись чаю, отправились къ исполненію своихъ обязанностей. Большинство изъ тѣхъ, которыя остались въ палатѣ, принялись за обычное занятіе—вязаніе чулокъ. Въ отдѣленіи воцарилась тишина, нарушаемая только тихимъ стукомъ вязальныхъ спицъ, да изрѣдка произнесеннымъ кѣмъ-нибудь словомъ.

Марья Егоровна грустно вздохнула, вспомнивъ заявленіе эконома о томъ, что сегодня, благодаря подаянію купчихи Бородулиной, будетъ угощеніе—блины, чему всегда такъ радовались богадѣлки послѣ надоѣвшихъ щей и каши. Ей тяжелы были эти подаянія, особенно рѣзко напоминавшія ей ея нищенство, съ которымъ она до сихъ поръ не могла еще примириться, вспоминая о прежней жизни въ богатыхъ домахъ. «Вотъ я теперь нищенка»...—думала она всякій разъ въ такихъ случаяхъ.—«И должна поминать неизвѣстныхъ мнѣ покойниковъ».

«Господи, скоро ли удастся мнѣ перевестись въ Москву?—прошептала она, съ тоской оглядывая наскучившія желтыя стѣны палаты.—Хоть и тамъ тѣ же нищіе, но все-таки, мнѣ кажется, тамъ будетъ легче съ людьми своего круга... Однако, попробую встать... Можетъ быть, разгуляюсь, полегче станетъ»?—рѣшила Марья Егоровна и начала одѣваться.

Въ эту минуту къ ней, какъ шаръ, подкатилась маленькая, толстенькая старушка-богадѣлка, Аннушка, съ веселымъ, привѣтливымъ лицомъ и ласково спросила:

— Что это вы нынче какъ долго почивали? Я уже не разъ подходила къ вамъ, смотрю—все не встаете.

— Нездоровится что-то, Аннушка, голова болитъ...—отвѣтила гувернантка.

— Скажите! Съ чего бы это? Пожалуйте-ка мнѣ вашъ чайничекъ-то. Вы пока умываться будете, я вамъ кипяточку принесу...—заботливо предложила свои услуги старушка и успокоительно добавила:—горяченькаго чайку выпьете хорошенько, оно, Богъ дастъ, и полегчаетъ!

— Спасибо, Аннушка, не безпокойтесь, я и сама могла бы принести!—поблагодарила Марья Егоровна.

Однако Аннушка настояла на своемъ и, взявъ гувернанткинъ чайникъ, покатилась съ нимъ въ кухню. Марья Егоровна, захвативъ полотенце, поплелась за ней умываться.

— Ужъ и пройдоха эта Аннушка!—замѣтила одна изъ двухъ сидѣвшихъ у окна богадѣлокъ.—Вотъ посмотри, не даромъ она увивается да ухаживаетъ за барышней: навѣрно пронюхала, что у той какія-нибудь деньжонки есть!

— Не безъ эстаго!—согласилась другая.—Знаю я ихъ съ муженькомъ-то, жидоморы порядочные! Одинъ старичекъ изъ мужскаго отдѣленія мнѣ сказывалъ про ейнаго-то мужа, Акимыча... Онъ, слышь ты, псалтырь ходитъ читать по покойникамъ и въ поминанье записываетъ ихъ по чину: гдѣ дали ему пять рублей за псалтырь, того покойника онъ на первый листокъ запишетъ, гдѣ три—того на второй, гдѣ два—того на третій, а гдѣ рупь, такъ тѣхъ всѣхъ въ одну кучу сваливаетъ!..

Тутъ подошла къ бесѣдовавшимъ еще одна богадѣлка и спросила:

— Это вы про Аннушку съ Акимычемъ? Это еще что! Тамъ, богатыхъ-то, Богъ съ ними! А вотъ какой они лихвой съ насъ, убогихъ старухъ, пользуются, когда кому-нибудь взаймы даютъ! Двугривенный займешь, а отдать ужъ нужно четвертакъ! Вотъ они какіе падкіе на деньги-то! А куда имъ? Все равно умрутъ, въ гробъ съ собой не положатъ.

Въ это время вернулась изъ кухни Аннушка съ Марьей Егоровной, и сплетницы волей-неволей должны были замолчать.

Помолившись Богу, гувернантка заварила чай и пригласила выпить Аннушку.

— Что, видно, все болитъ у васъ голова-то?—заботливо

спросила та, видя, что Марья Егоровна часто сжимаетъ руками виски.

— Ужасно, точно расколоться хочетъ!

— А мы вотъ что сдѣлаемъ: денекъ-то, кажись, проясняется, пойдемте къ воротамъ: лучше будетъ. А ужъ коль и это не поможетъ, я къ эконому схожу, распалевой примочки попрошу...

Гувернантка согласилась и, потеплѣе одѣвшись, обѣ старушки вышли изъ богадѣльни.

II.

Онѣ усѣлись на одну изъ скамеекъ, находившихся за палисадникомъ, разбитымъ у лицевого фасада зданія богадѣльни. Тумана теперь не было, утро было теплое, не по осеннему. Деревья палисадника и по бокамъ шоссе совсѣмъ оголились. Все шоссе и боковыя канавы были сплошь усыпаны листьями и казались покрытыми ярко-желтой чешуей. Облетѣвшіе листья нагнало вѣтромъ и подъ богадѣленскія скамейки. Сквозь шедшія по небу медленнымъ караваномъ кучевыя облака самыхъ причудливыхъ очертаній и красочныхъ оттѣнковъ иногда проглядывало осеннее солнце. Въ эти минуты опавшіе листья дѣлались золотыми, а поблекшая трава какъ будто оживала и зеленѣла по лѣтнему.

Двѣ съежившіяся старушечьи фигуры на скамейкѣ около богадѣльни вполнѣ подтверждали названіе этой мѣстности: «за гранью». Эти отжившіе люди находились уже не только за гранью города, но и за гранью жизни вообще. Жизнь для нихъ кончилась и оставалась лишь въ однихъ только воспоминаніяхъ. Онѣ дотягивали свои послѣдніе дни такъ же покорно, какъ эти опавшіе на землю осенніе листья, засохшіе, жалкіе, ни на что не нужные.

Такія же именно мысли проносились въ головѣ Марьи Егоровны, видѣвшей предъ собою грустную картину осенняго умиранія природы. Никогда еще старая гувернантка не чувствовала себя такой одинокой, никому ненужной и совершенно безполезной.

«Да и была ли я когда-нибудь и кому-нибудь полезна»? — мысленно задала она вопросъ, пристально всматриваясь въ даль, какъ бы ища въ ней отвѣта. — «Что, напримѣръ, сдѣлала я хорошаго для всѣхъ тѣхъ дѣтей, при которыхъ мнѣ пришлось

быть гувернанткой? Одна только внѣшняя благовоспитанность, манеры, французская болтовня—вотъ чѣмъ ограничивалась моя дѣятельность въ качествѣ воспитательницы дѣтей. Помню, какъ на первыхъ порахъ мнѣ хотѣлось и пошалить, и порѣзвиться съ ними, тогда они подружились бы со мной и навѣрно были бы ко мнѣ ближе; но я должна была сдерживать свои искренніе порывы и вырабатывать изъ себя сухую педантичную mademoiselle, чего я въ послѣдствіи и достигла... И вотъ теперь нѣтъ у меня на свѣтѣ ни одной души, которая, хотя бы во имя прошлаго, пожалѣла меня»!

Непрошенныя слезинки покатились изъ глазъ по морщинистому лицу гувернантки, но она, не замѣчая ихъ и не слушая разговора Аннушки, продолжала вспоминать прошлое.

Она боялась всякаго лишняго бантика на своемъ платьѣ, какъ бы не выдѣлиться и не показаться интересной...

Когда подходили къ ней мужчины, она старалась замкнуться и подавить въ себѣ малѣйшій порывъ веселья, чтобы о ней не подумали дурно. А вѣдь, въ молодости она была очень недурна собой и могла нравиться.

Всѣ привязанности къ кому или къ чему бы то ни было она старалась подавлять въ своемъ сердцѣ, наученная горькимъ опытомъ на первомъ своемъ мѣстѣ, съ которымъ ей очень тяжело было разстаться. Съ тѣхъ поръ она рѣшила ни къ кому и ни къ чему не привязываться, такъ какъ все было для нея временное. И вотъ, поборовъ въ себѣ лучшіе порывы сердца, она сдѣлалась только гувернанткой...—И никто, никто, никто теперь не вспомнитъ обо мнѣ!—съ горечью прошептала Марья Егоровна, погруженная въ свои думы, забывъ совсѣмъ про Аннушку.

— А вонъ покойника несутъ,—оживленно воскликнула та, показывая рукой по направленію къ городу.

Въ голосѣ ея прозвучала даже радость, такъ какъ похоронныя процессіи, за отсутствіемъ другихъ впечатлѣній были любимымъ зрѣлищемъ для богадѣленскихъ обитателей, внося въ ихъ хмурую жизнь нѣкоторое разнообразіе. Старикамъ и особенно старушкамъ непремѣнно нужно было знать, кого именно хоронятъ, мужчину или женщину, сколько осталось послѣ покойника сиротъ, кто больше всѣхъ плакалъ, сколько отпѣвало поповъ. Все это давало обильный матеріалъ для разговоровъ на цѣлый день и разгоняло скуку.

Процессія, между тѣмъ, подвигалась все ближе и ближе. Впереди, не разбирая подъ ногами грязи, спѣшной, нестройной гурьбой шли пѣвчіе и лѣниво тянули «вѣчную память». Иногда

какой-нибудь басъ или теноръ, словно очнувшись и вспомнивъ про свою обязанность, бралъ сильную ноту, огласивъ на мгновеніе окрестность, но, не слыша поддержки товарищей, тотчасъ же стушевывался. Несмотря на усталость отъ продолжительной заупокойной обѣдни и длиннаго пути, пѣвчіе, чѣмъ ближе къ кладбищу, тѣмъ больше прибавляли шагу, чтобы только поскорѣе отдѣлаться отъ похоронъ и отдохнуть. Лица ихъ были сумрачны и сосредоточены. На нѣкоторомъ разстояніи отъ пѣвчихъ слѣдовалъ причтъ въ траурномъ облаченіи. Впереди шли, устало переваливаясь, два священника, очень похожіе другъ на друга, одинъ въ скуфьѣ, другой въ камилавкѣ, а за ними два дьякона—рыжій, толстый, и худощавый, черный,—о чемъ-то горячо бесѣдовавшіе, причемъ толстый, правой рукой, занятой кадиломъ, такъ размахивалъ послѣднимъ, что, казалось, кому-то грозился. Отступивъ немного, прихрамывая на одну ногу, плелся старенькій дьячекъ съ подвязанными краснымъ платкомъ ушами и съ злымъ выраженіемъ на сморщенномъ лицѣ. Беззвучно шевеля губами, дьячекъ негодовалъ на то, что священники всю дорогу шли пѣшкомъ, а слѣдовательно и онъ долженъ былъ итти, не осмѣливаясь сѣсть въ одинъ изъ ѣхавшихъ сзади экипажей. Покрытый дорогимъ парчевымъ покровомъ гробъ несли на полотенцахъ какіе-то молодцы приказчичьяго обличія, запыхавшіеся, съ красными, потными лицами. За гробомъ слѣдовали родные и знакомые покойнаго. На колокольнѣ кладбищенской церкви тихо и робко заплакали колокола. Подбодренные близостью кладбища, молодцы, несшіе гробъ, напрягли послѣднія усилія и пошли съ такой поспѣшностью, будто тащили хоронить не своего хозяина, а заклятаго врага. Плачъ колоколовъ дѣлался все настойчивѣе и громче.

Обитатели и обитательницы богадѣльни повысыпали на крыльцо и на скамейки, крестясь, вздыхая и дѣлая всевозможныя предложенія относительно похоронъ. Особенно волновалась Капитоновна, подговаривая товарокъ итти за покойникомъ на кладбище, въ надеждѣ на полученіе милостыни, что̀ строго преслѣдовалось уставомъ богадѣльни.—Купеческія похороны-то, уже навѣрно подавать будутъ!—соблазняя, шептала она то одной, то другой старухѣ, такъ какъ итти въ компаніи все-таки было безопаснѣе.

Увидѣвъ, наконецъ, что желающихъ сопутствовать ей не находится, Капитоновна рѣшительно направилась одна.

— Вотъ насбираетъ и назадъ пьяная вернется!—замѣтила какая-то изъ богадѣлокъ.

Проводивъ похоронную процессію, старики и старухи побрели въ богадѣльню, гдѣ уже звонилъ колоколъ къ обѣду.

Марья Егоровна почти ничего не ѣла за обѣдомъ,—даже не соблазнили ее любимые богадѣлками блины,—и сейчасъ же легла. Не помогла ей и «распалевая» примочка, добытая Аннушкой у эконома. Съ каждымъ часомъ она чувствовала себя все хуже, а къ вечеру у нея открылся сильный жаръ. Хлопотливая Аннушка напоила ее имѣвшеюся въ запасѣ малиной и заботливо покрыла поверхъ одѣяла теплой шалью, чтобы вызвать у больной испарину. Марья Егоровна вскорѣ крѣпко заснула, но черезъ часъ, не больше, ея сонъ былъ нарушенъ необычайнымъ шумомъ и криками. Она открыла глаза и хотѣла приподняться, чтобы посмотрѣть, что случилось, но не смогла этого сдѣлать и стала прислушиваться. Въ общемъ гамѣ только и можно было разобрать: «украла», «обокрали», «воровка» и т. п. Черезъ нѣкоторое время явился экономъ и, на этотъ разъ измѣнивъ обычной елейности, зыкнулъ громкимъ голосомъ:

— Тише, старыя вѣдьмы! Что у васъ тутъ за шабашъ подъ праздникъ-то?

Вдругъ одна изъ богадѣлокъ, высокая, худая старуха, упала ему въ ноги, причитая:

— Батюшка, благодѣтель нашъ, обыщи ты ее, мерзавку, сдѣлай такую милость! Вѣдь семнадцать съ полтиной какъ единую копѣечку украла!

— Врешь, поди?! Кто укралъ-то?

Но старуха, не разслышавъ, по глухотѣ, вопроса эконома, продолжала причитать:

— Какъ единую копѣечку! Какъ единую копѣечку! Въ сундукѣ лежали!..

— А-а, глухая тетеря!—плюнулъ выведенный изъ терпѣнья Онуфрій Филиппычъ.

Тутъ на помощь потерпѣвшей пришла ея сосѣдка и стала обстоятельно объяснять, какъ было дѣло.

— Какъ отпустили вы Степановну-то ко всеночной, прилегла я отдохнуть и таково-то сладко забылась!.. Вдругъ, слышу, подъ Степановниной койкой кто-то сундукомъ: шуркъ, шуркъ. Думаю, такъ себѣ, померещилось, и лежу себѣ... Тутъ опять: шуркъ, шуркъ! Я повернулась и вижу бабка-то Пелагея отъ сундука-то—шмыгъ! Мнѣ и невдомекъ, зачѣмъ это она подходила? А тутъ Степановна-то и бѣжитъ... Въ церкви, значитъ, хватилась, что сундукъ-то не запертый оставила... Подбѣжала, начала рыться, а кошелька-то съ деньгами нѣтъ!

— Какъ единую копѣечку! А? Какъ это покажется?—продолжала причитать потерпѣвшая.—Копила, копила, въ кускѣ себѣ отказывала, и на-те вотъ!

Экономъ подошелъ къ сидѣвшей на койкѣ бабкѣ Пелагеѣ, обвиняемой въ кражѣ, и сказалъ:

— Это ты что же, старушенція, какими дѣлами занимаешься? Кошелекъ стилибонила, а? Отдай-ка лучше по чести, а то вѣдь обыскивать буду, все равно найду!

— Какъ передъ Истиннымъ, къ присягѣ пойду, въ глаза не видала, какой такой кошелекъ!—выкрикнула старушонка и съ какой-то отчаянной рѣшимостью выдвинула изъ-подъ кровати свой сундукъ. — Нате, обыскивайте! — съ оскорбленнымъ достоинствомъ заявила она; затѣмъ, отойдя въ уголъ и, быстро оглянувшись кругомъ, выбросила изъ кармана кошелекъ на полъ.

Свидѣтельницей этого была одна только больная гувернантка, на душѣ которой отъ этой гадости сдѣлалось еще тяжелѣе, еще безпросвѣтнѣе.

Между тѣмъ бабка Пелагея вернулась изъ угла обратно на свое мѣсто и вызывающе глядѣла на эконома, рывшагося въ ея сундукѣ.

Тутъ же скучились и всѣ богадѣлки, для которыхъ всякое мало-мальски выдающееся событіе представляло необычайный интересъ.

Не найдя кошелька въ сундукѣ, Онуфрій Филиппычъ со злостью запихнулъ его подъ кровать и, весь красный потный обратился къ богадѣлкамъ:

— Ну-те-ка, старухи, пошарьте теперь въ ея постели!

Тѣ словно только и ждали этого. Онѣ съ готовностью набросились на товаркину постель, какъ волки на добычу, и живо ее перерыли.

Когда и тутъ ничего не нашлось, экономъ приказалъ обвиняемой:

— А ну-ка, выворачивай карманы да разувайся, я вѣдь знаю, что вы любите деньги въ чулки прятать!

Бабка Пелагея безпрекословно исполнила все, что приказало начальство, и подъ конецъ грубо проговорила:

— Что, много нашли? Вы бы сначала саму-то обокраденную обыскали... Можетъ, куда засунула, да не помнитъ!

— Ты бы въ самомъ дѣлѣ, Степановна, поискала хорошенько у себя, а то что понапрасну поклепъ-то взводить!..—посовѣтовала одна изъ старухъ потерпѣвшей.

— Чего ты съ ней, съ глухой, толкуешь? Поди сама, да поищи!—разрѣшилъ Онуфрій Филиппычъ.

Нѣсколько старухъ съ той же готовностью кинулись теперь къ сундуку Степановны. Но та, понявъ въ чемъ дѣло, почему-то воспротивилась обыску и рѣшительно усѣлась на сундукъ.

— Нѣтъ ужъ, коли меня обыскали, такъ и ее обыскивайте!—настойчиво крикнула бабка Пелагея.

— Пусти, пусти!—приказалъ экономъ, оттаскивая Степановну за руку.—Я долженъ осмотрѣть твой сундукъ. Можетъ ты и впрямь понапрасну безпокоишь начальство?

Какъ та ни сопротивлялась, однако должна была уступить. Онуфрій Филиппычъ открылъ сундукъ и, начавъ разбирать въ немъ старушечьи пожитки, вскорѣ извлекъ завернутые въ кофту бутылку водки и стаканчикъ.

— Э-э, распивочно и на выносъ!—злорадно усмѣхнулся экономъ и громко крикнулъ надъ самымъ ухомъ Степановны: — а по правиламъ богадѣльни можно водку держать?

Та страшно растерялась и начала оправдываться, что держитъ ее для растиранія поясницы.

— Да, да, поясницы!—зло разсмѣялась бабка Пелагея, торжествуя, что врагъ ея посрамленъ.—По пятачку вотъ за этотъ самый стаканчикъ продаетъ!

— Такъ вотъ у васъ, почтеннѣйшая, отчего денежки-то водятся!—хитро подмигнулъ глазомъ Онуфрій Филиппычъ.—А я думаю, откуда это у старухи можетъ быть такая сумма? Тэ-эк-съ. Н-ну-е, а если объ этихъ самыхъ вашихъ операціяхъ доложу кому слѣдуетъ? Какъ вы думаете: можете вы здѣсь оставаться?

Степановна перетрусила и вторично бросилась эконому въ ноги съ плачемъ и причитаніями.

— Ну и богоугодное, заведеніе!..—продолжалъ онъ, не обращая на нее вниманія.—Воровство, пьянство!.. Не достаетъ только, чтобы вы сюда любовниковъ водили!

— Онуфрій Филиппычъ! Онуфрій Филиппычъ!—закричала, вдругъ, издали зоркая Сергѣевна, считавшаяся доносчицей и фавориткой эконома.—Вотъ онъ, кошелекъ-то, въ углу нашла!

Съ этими словами она подскочила къ толпѣ богадѣлокъ, окружавшихъ эконома и торжествующе подала ему пропавшій кошелекъ.

Онуфрій Филиппычъ, сосчитавъ деньги, положилъ находку себѣ въ карманъ и проговорилъ:

— Что и требовалось доказать!

Захвативъ съ собою и конфискованную бутылку водки, онъ направился къ корридору и уже въ самыхъ дверяхъ объявилъ резолюцію:

— Эти предметы по правиламъ богадѣльни я считаю здѣсь излишними, а чтобы не доводить дѣла до высшаго начальства, я самъ накажу виновныхъ: Степановнѣ и бабкѣ Пелагеѣ недѣлю сидѣть на пустыхъ щахъ; порцій говядины онѣ лишаются!

— Ужъ и лихоимецъ только! И деньги, и водку забралъ!— засудачили старухи, лишь только экономъ вышелъ.

— Онъ отдастъ, чай!—сказала недавняя обитательница богадѣльни.

— Отдастъ?! Держи карманъ шире! Это невпервой у насъ!

Степановна сидѣла на койкѣ мрачная и вытирала кончикомъ платка слезы, а бабка Пелагея яростно негодовала на несправедливо полученное наказаніе.

III.

Слѣдующій день былъ воскресный. Большинство богадѣлокъ ходило къ обѣднѣ въ кладбищенскую церковь, послѣ чего, закусивъ праздничнымъ пирогомъ, нѣкоторыя отпросились у эконома въ городъ побывать у родныхъ или знакомыхъ. Оставшихся въ богадѣльнѣ въ свою очередь приходили навѣщать близкіе.

Послѣ малины гувернанткѣ не стало лучше и, сколько она ни перемогалась, къ полдню опять слегла въ постель. Вскорѣ позади нея, со стороны корридора, раздался топотъ быстрыхъ ножекъ и послышались звонкіе дѣтскіе голоса, прозвучавшіе рѣзкимъ контрастомъ въ тишинѣ старческой обители. Марья Егоровна невольно повернула голову и увидѣла подходившихъ къ одной изъ богадѣлокъ, сѣденькой старушкѣ съ трясущеюся головой и слезящимися глазами, трехъ дѣтей: дѣвочку лѣтъ четырнадцати и двухъ мальчиковъ, лѣтъ десяти и пяти. Старушка въ радостномъ волненіи топталась на одномъ мѣстѣ, еще сильнѣе тряся головой и приговаривая:

— Ахъ, вы мои милые! Ахъ, вы мои пташечки! Спасибо вамъ, не забыли старуху! Я и сама все собиралась къ вамъ, да моченьки моей нѣту!

— Здравствуй, нянечка, здравствуй!—хоромъ отвѣтили дѣти, поочередно цѣлуясь со старушкой.

— Вотъ тебѣ, няня, мама прислала чаю, сахару, да варенья!..—стараясь сдерживать звонкій голосъ и сознавая свою

роль взрослой, сказала дѣвочка.—А это вотъ мы на свои деньги купили тебѣ яблочковъ.

— Это я на свои тли копейки купилъ!—хвастливо закричалъ на всю палату меньшой мальчуганъ.

— Ахъ, ты мой радѣлецъ! Спасибо вамъ, кушайте же сами на здоровье!—предложила няня гостямъ.

Меньшой мальчуганъ не заставилъ угощать себя вторично и, выбравъ самое большое яблоко, аппетитно принялся его уничтожать. Сестра укоризненно покачала головой, но братишка не обратилъ на это вниманія. Зато старшій мальчикъ, замѣтивъ недовольство сестры, отдернулъ протянутую къ яблокамъ руку и сконфузился.

— Возьми, возьми, Васенька,—ободряла его няня.

Только тогда онъ рѣшился взять гостинецъ и, еще ближе прижавшись къ сестрѣ, сѣвшей рядомъ со старушкой на кровать, сталъ ѣсть.

Катя солидно, не торопясь, начала разсказывать бывшей нянькѣ, какъ она учится и что дѣлается у нихъ дома.

Старушка слушала, видимо, съ глубокимъ интересомъ всѣ домашнія новости, переспрашивая объ одномъ и томъ же нѣсколько разъ, иногда осуждая и давая совѣты. Не трудно было понять, что жизнь этой семьи была для старушки ея собственной жизнью и что она до сихъ поръ мыслями и чувствами участвовала въ ней.

Катя съ няней до того увлеклись разговоромъ, что не замѣтили, какъ младшій мальчикъ, Петя, покончивъ съ яблокомъ, отошелъ отъ нихъ и давно уже разгуливалъ по палатѣ, раздумывая, что бы такое предпринять отъ скуки. Вдругъ взоръ его случайно привлекли торчавшія изъ-подъ койки старушечьи туфли. Петя заглянулъ подъ другую кровать. Тамъ тоже оказались точь-въ-точь такія же, съ завязками, туфли. Подъ третьей—тоже. Тогда мальчуганъ, не долго думая, собралъ ихъ, привязалъ одни къ другимъ завязками и, изображая локомотивъ, потащилъ за собой импровизированные вагоны, оглашая палату радостнымъ крикомъ: «ку-ку-у! ку-ку-у!»

— Охъ, чтобъ тебя, пострѣленокъ! Какъ напугалъ-то, Господи!—привскакивая съ койки, проворчала какая-то спавшая богадѣлка.

Услыхавъ эти слова, Катя подозвала братишку и усадила рядомъ съ собой, сдѣлавъ надлежащее внушеніе. Съ минуту Петя просидѣлъ покойно, но потомъ началъ выказывать недовольство мимикой и движеніями. Няня, чтобы чѣмъ-нибудь

занять его, выдвинула изъ-подъ кровати свой сундучекъ и, поднявъ крышку, на внутренней сторонѣ которой было наклеено множество картинокъ отъ конфектъ и расписныхъ этикетокъ, сказала:

— Позабавься, посмотри картиночки!

Марья Егоровна лежала съ закрытыми глазами и думала:

«Во сколько разъ счастливѣе меня, гувернантки-барышни, эта простая необразованная старушка!.. У нея есть привязанность къ дѣтямъ, и дѣти любятъ ее... Вонъ принесли гостинцевъ... Значитъ чѣмъ-нибудь съумѣла пріобрѣсти ихъ любовь... А я?»

Но тутъ вниманіе Марьи Егоровны было отвлечено приходомъ новаго посѣтителя. Какъ разъ къ сосѣдкѣ ея, высокой, болѣзненной старухѣ, также пришелъ гость, сынъ-живописецъ. Съ виду это былъ кроткій и какъ будто даже забитый молодой человѣкъ съ грустными, сѣрыми глазами, съ русой бородкой, въ опрятной пиджачной парѣ, въ манишкѣ и галстухѣ. Съ первыхъ же словъ онъ началъ жаловаться матери на жену и вообще на свое тяжелое семейное положеніе. Услыхавъ это, гувернантка изъ деликатности, чтобы не стѣснять своимъ присутствіемъ мать съ сыномъ въ ихъ интимныхъ разговорахъ, хотѣла встать и идти подальше, но не въ состояніи была сдѣлать этого и только накрыла голову платкомъ. Не смотря на такую защиту, до слуха Марьи Егоровны не могли не долетать отрывки бесѣды матери съ сыномъ, изъ которыхъ она поняла, что сынъ расходится съ женой и беретъ мать изъ богадѣльни къ себѣ.

— Дамъ ей отдѣльный видъ на жительство и Богъ съ ней. Ты станешь за ребятами смотрѣть и заживемъ мы по прежнему!..—слышала гувернантка слова молодого человѣка, прерывавшіяся радостными словами старухи-матери.

— Ну, какъ вы себя чувствуете, барышня?—спросила Марью Еlоровну подошедшая Аннушка.

— Совсѣмъ плохо...—слабо отвѣтила та.—За докторомъ бы, что ли, послать?

— Что, матушка, докторъ! Развѣ онъ поможетъ? Да и деньги ему нужно заплатить...

— У меня есть пятьдесятъ рублей... Когда сюда поступала, что у меня было, распродала.

По круглому, привѣтливому лицу Аннушки пробѣжала тѣнь недовѣрія.

— Да что вы! Неужто у васъ всего на всего столько денегъ? По хорошимъ домамъ всю жизнь прожили, а пятьдесятъ рублей только накопили?

— И больше было, да все прожила, когда перестала служить...

Все еще не довѣряя гувернанткѣ, Аннушка сокрушенно покачала головой и сказала:

— Денегъ нѣтъ, а доктора звать! Послѣднія-то пролечите, а потомъ какъ станете жить?

— Охъ, я чувствую, что не поднимусь больше!

— Вотъ видите! Зачѣмъ лечиться? Одинъ только грѣхъ. Передъ смертью похворать нужно, а деньги больше наноминъ души оставить: вѣдь и молиться даромъ никто не станетъ!.. А ужъ коли очень вамъ нехорошо, такъ просите эконома, чтобы въ больницу васъ отправили.

— Ахъ, все равно, въ больницу, такъ въ больницу!—съ отчаяніемъ простонала Марья Егоровна.

— Такъ сказать, что ли эконому-то?—предложила услуги Аннушка.

— Хорошо, скажите...

Та съ озабоченнымъ видомъ вышла изъ палаты. Но, прежде чѣмъ пойти къ эконому, она спустилась въ нижній этажъ, гдѣ находилось мужское отдѣленіе богадѣльни и вызвала въ сѣни мужа.

Акимычъ, маленькій старичекъ, съ длинной, сѣдой бородой и лысиной во всю голову, вышелъ къ женѣ, стуча объ полъ лѣвой деревянной ногой и спросилъ:

— Ты что?

— Съ плохими вѣстями къ тебѣ...—многозначительно отвѣтила Аннушка.

— А что такое?

— Барышня-то наша захворала, въ больницу просится.

— Что ты?! Что ты?! Отговори ее!

— Да не изъ-за чего тутъ хлопотать-то: денегъ всего пятьдесятъ цѣлковыхъ!

— Э-эхъ ты, а говорила! Значитъ, напрасно хлопоты твои пропали?

— Кто ее зналъ! Сказывала, въ богатыхъ домахъ жила, ну, я и думала, что прикопила, и ухаживала всячески за ней... Никого у нея близкихъ-то нѣтъ; думала, за услуги мои не оставитъ меня, вознаградитъ, а тутъ—изъ пятидесяти-то рублей за докторомъ хотѣла посылать! А я ей и говорю: не лучше ли вамъ въ больницу лечь? Ахъ, говоритъ, все равно. Вотъ я и бѣгу теперь для этого къ эконому...

— Ну, и выходишь дура!—стукнулъ Акимычъ въ сердцахъ

своей деревяшкой объ полъ. — Пятьдесятъ рублей развѣ не деньги? А что, она очень плоха?—вдругъ озабоченно спросилъ онъ другимъ тономъ.

— Плоха, по всему видно, что не выживетъ: носъ этакъ заострился, дышитъ таково отрывисто!..

— Ну, вотъ отправятъ ее въ больницу-то, ты съ денежками-то и простишься! Не ходи-ка лучше къ эконому-то!—подумавъ, посовѣтовалъ Акимычъ женѣ.—Скажи, что была, да дома нѣтъ, въ городъ уѣхалъ...—Тутъ онъ опасливо оглянулся вокругъ, не слышитъ ли кто, и закончилъ рѣчь шепотомъ: — а ее уговори, и впрямь, молъ, не лучше ли доктора позвать, а деньги, молъ, мнѣ передайте... Гдѣ де вамъ самой, больной, съ ними, еще утащутъ!..

Аннушка рѣшила поступить по совѣту мужа и, не заходя къ эконому, направилась обратно въ палату, чтобы принять соотвѣтствующія мѣры. Но каково же было ея разочарованіе, когда она, проходя корридоромъ, услыхала долетѣвшій изъ палаты голосъ Онуфрія Филиппыча.

— Ахъ, песъ-те дери!—съ испугомъ прошептала она, прибавляя шагу.—Пожалуй теперь пропадутъ денежки-то, коль отправитъ ее въ больницу!

Когда Аннушка вошла въ палату, то увидѣла, что экономъ, отходя отъ Капитоновны, продолжалъ ей угрожать энергично жестикулируя:

— Изъ отпусковъ возвращаешься пьяная, занимаешься нищенствомъ! Этого нельзя допустить, и какъ только пріѣдетъ попечитель, я сейчасъ же обо всемъ доложу!

Обозленный непріятностью съ Капитоновной, о нищенствѣ которой онъ получилъ свѣдѣнія изъ достовѣрнаго источника, Онуфрій Филиппычъ подошелъ къ гувернанткѣ и грубо спросилъ:

— А ты чего валяешься? Тоже пьяна, что ли?

Слезы горькой обиды клубкомъ подступили къ горлу Марьи Егоровны и, вся дрожа отъ негодованія, она тихо произнесла искривленными губами:

— Это ужъ черезчуръ! Вѣдь, я по происхожденію—дворянка!

— Ну-у, матушка, въ богадѣльнѣ, что въ острогѣ, всѣ равны!—иронически засмѣялся экономъ.—Вы меня просили подойти къ вамъ? Что вамъ угодно?—нарочно утрируя вѣжливость и подчеркивая слова, обратился онъ къ гувернанткѣ, взбѣшенный ея замѣчаніемъ.

— Я очень больна и нуждаюсь въ медицинской помощи!..—

тихо отвѣтила Марья Егоровна, съ трудомъ поднимая руку, чтобы вытереть слезы.

— Очень хорошо-съ. Въ такомъ случаѣ я васъ завтра отправлю въ больницу.

— До завтра Богъ знаетъ что можетъ случиться! Я просила бы васъ сегодня...

— Сегодня мнѣ некогда съ вами возиться, да и притомъ, поздно!—категорически заявилъ экономъ и направился къ выходу.

— Тогда хоть пошлите за докторомъ, вѣдь у меня есть деньги, пятьдесятъ рублей у васъ въ конторѣ лежатъ на храненіи!..—сказала ему вслѣдъ гувернантка.

— До-октора?—какъ-бы изумясь такой прихоти, переспросилъ Онуфрій Филиппычъ и уже въ дверяхъ добавилъ:—хорошо, я подумаю.

IV.

Объясненіе съ экономомъ страшно утомило Марью Егоровну, силы которой падали съ каждымъ часомъ. Закрывъ глаза, она долго лежала неподвижно, блѣдная, съ заострившимися чертами лица и съ слабыми признаками дыханія, такъ что Аннушка не рѣшалась подойти къ ней для приведенія въ исполненіе намѣченнаго плана относительно денегъ. Зорко слѣдя издали, она выжидала удобнаго момента. Лишь только гувернантка подняла отяжелѣвшіе вѣки и беззвучно пошевелила губами, какъ Аннушка уже была около нея и, наклонившись надъ больной, участливо освѣдомилась, не хочется ли ей попить или чего-нибудь покушать. Марья Егоровна отрицательно покачала головой и снова закрыла глаза. Аннушка осторожно поправила больной свѣсившуюся подушку и вкрадчиво спросила:

— Знаете, барышня, что я вамъ посовѣтую? Вамъ бы деньги-то свои изъ конторы заблаговременно взять... Экономъ-то нашъ, сами знаете, какой: всякую копѣйку норовитъ присвоить! А вамъ въ больницѣ деньги-то понадобятся: захотите чѣмъ-нибудь себя побаловать, тамъ вѣдь пища-то какая? Хуже нашей! Взяли бы, да отдали ихъ мнѣ, у меня онѣ были бы цѣлы, а если бы понадобилось что, я бы купила и принесла вамъ!

— Ахъ, до денегъ ли мнѣ теперь, Аннушка?! Не знаю, ничего не знаю... У меня всѣ мысли путаются...—чуть слышно произнесла гувернантка.

— Ну, какъ хотите, я вѣдь не изъ корысти какой-нибудь

совѣтую! Ваши деньги-то,—проговорила Аннушка и, обидчиво поджавъ губы, отошла отъ Марьи Егоровны.

«Дворянка голая!»—мысленно назвала она ее въ безсильной злобѣ на неудачу.

Съ этой минуты Аннушку точно отшибло отъ гувернантки. Во весь вечеръ она ни разу не подошла къ ней, будто той и не было вовсе, а когда Марія Егоровна попросила пить, Аннушка сдѣлала видъ, что не слышитъ, и больную напоила уже сосѣдка по койкѣ, та самая старуха, къ которой приходилъ сынъ-живописецъ.

— А вѣдь плоха наша гувернантка-то!—сказала она, подойдя потомъ къ кучкѣ бесѣдовавшихъ о чемъ-то богадѣлокъ.

— Мы тоже сейчасъ говорили... Надо бы ее причастить...—посовѣтовала одна изъ нихъ.—Да только какъ къ ней подступиться-то? Ужъ очень горда съ нами...

— Аннушка пускай скажетъ, она съ ней чаи-то распивала!..

— Такъ я и пошла!—откликнулась услыхавшая Аннушка.—Что я, крѣпостная ей что ли? Ее завтра въ больницу экономъ хотѣлъ свезти...

— Ужъ и экономъ хорошъ тоже!—возмутилась Капитоновна.—Человѣкъ чуть дышетъ, а онъ «завтра»! Хоть бы фельдшера прислалъ, скотина! Погоди, дай срокъ, я его выведу на свѣжую воду!

— Давно ты грозишься, а все ни коня, ни воза! — разсмѣялась Сергѣевна.

Между тѣмъ у Марьи Егоровны къ ночи опять сдѣлался жаръ, и она все сильнѣе начинала стонать, метаясь по постели. Сосѣдка ея, наконецъ, рѣшилась посовѣтовать ей причаститься и сказала:

— Послушайте меня, Марья Егоровна! Въ смерти и животѣ Богъ воленъ... Человѣкъ вы не молодой... Кто знаетъ? Вамъ бы причаститься не худо...

Больная изумленно открыла мутные глаза и, сообразивъ, о чемъ ей говорятъ, радостно, какъ будто она сама объ этомъ только-что думала, ухватилась за это предложеніе:

— Да, священника мнѣ... Плохо... Душитъ...

— Надо эконому сказать, чтобы за священникомъ послалъ... Ужъ очень она ненадежна, пожалуй и до утра не дотянетъ!—объявила товаркамъ сосѣдка гувернантки.

— Кто же къ нему пойдетъ-то?—стали спрашивать другъ друга старухи, боявшіяся ходить къ эконому, который очень не любилъ, чтобы его безпокоили на дому, да еще не въ урочные часы.

— Да я пойду! Мнѣ хоть бы что! Боюсь я что ли его?— вызвалась всегда подвыпившая Капитоновна.

— Куда тебѣ? Отъ тебя водкой пахнетъ!

— А отъ него чѣмъ пахнетъ?—задорно сказала она и рѣшительно пошла изъ палаты.

Вскорѣ появился Онуфрій Филиппычъ, оторванный Капитоновной отъ собравшихся гостей и, не говоря ни слова, прошелъ прямо къ постели больной. Постоявъ немного и послушавъ ея тяжелое, порывистое дыханіе, онъ направился обратно и по пути сказалъ:

— Въ самомъ дѣлѣ плоха, старушонка-то!.. Пойду пошлю за отцомъ Иринархомъ, а вы тутъ пока приготовьтесь...

Когда Марьѣ Егоровнѣ сообщили, что сейчасъ придетъ батюшка, она попыталась улыбнуться, но улыбка не вышла и изъ глазъ брызнули слезы. Она терпѣливо переносила, пока старухи переодѣвали ее во все чистое, и только повторяла:

— Какъ долго... не успѣю...

Товарки, какъ могли, утѣшали ее.

Наконецъ, около одиннадцати часовъ, въ сопровожденіи эконома въ палату, скудно освѣщенную висячей лампой, вошелъ старенькій, небольшого роста кладбищенскій священникъ, о. Иринархъ. Мгновенно въ палатѣ воцарилась необычайно-торжественная тишина. Каждая изъ старухъ старалась даже не смотрѣть въ ту сторону, но не столько изъ-за величія самаго таинства, сколько изъ боязни, чтобы оно не напоминало о собственномъ послѣднемъ часѣ, который былъ уже не далекъ. Минутами, благодаря присутствію священника, обширная, потонувшая въ полумракѣ богадѣленская палата со множествомъ коекъ, напоминавшихъ могильные холмы, мерещилась имъ ихъ собственнымъ кладбищемъ, гдѣ онѣ были уже погребены заживо. И темные силуэты старухъ, и фигура священника въ эпитрахили среди ночи, и порывистое дыханіе умирающей—все это производило настолько жуткое, таинственное впечатлѣніе, что даже циничному Онуфрію Филипповичу чувствовалось не по себѣ.

О. Иринархъ обратился къ больной съ давно заученными словами:

— Что, видно, домой собралась? Всѣ мы здѣсь временные гости!.. Какъ имя-то?

— Марія...—прохрипѣла гувернантка.

— Ну, такъ вотъ, раба Божія Марія, кайся во грѣхахъ. Какъ Господь нашъ простилъ разбойника на крестѣ, такъ и тебѣ Онъ проститъ!..

Съ этими словами о. Иринархъ присѣлъ къ больной на край постели и началъ исповѣдь.

Послѣ того онъ причастилъ ее св. Тайнъ и сказалъ:

— Ну, поздравляю. Оставайся съ миромъ!

Уложивъ въ деревянный ящикъ запасные дары и снявъ эпитрахиль, о. Иринархъ отошелъ отъ Марьи Егоровны и, подойдя къ эконому, сказалъ:

— Если коли что, такъ хоронить въ среду, а то во вторникъ у меня богатые похороны, у прокурора Бѣляева супруга умерла...

— А какъ по вашему, батюшка, очень она плоха?—полюбопытствовалъ Онуфрій Филиппычъ.

— По моему, до утра не доживетъ...

— За докторомъ что ли послать? За фельдшеромъ посылалъ, да дома его нѣтъ...

— Какой теперь докторъ? Оставьте ужъ ее! Такъ я говорю: хоронить-то бы въ среду...

— Вѣдь вы ее, батюшка, за ранней отпоете,—пояснилъ экономъ.

— А-а! На казенный счетъ, значитъ, похороните?

— Да, одинокая!

— Ну, такъ когда помретъ, скажете...

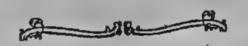
О. Иринархъ попрощался съ Онуфріемъ Филиппычемъ и, торопливо благословивъ подоспѣвшихъ старухъ, покинулъ богадѣльню.

Въ пять часовъ утра въ понедѣльникъ Марья Егоровна умерла, а въ среду послѣ ранней обѣдни ее похоронили за счетъ богадѣльни.

Судьба оставшихся послѣ нея пятидесяти рублей осталась покрытой мракомъ неизвѣстности.

Аннушка нѣсколько дней послѣ смерти Марьи Егоровны ходила злая, раздраженная, да и потомъ еще долго не могла забыть о своей неудачѣ.

В. Подкольскій.

ЭМИЛЬ ВЕРХАРНЪ [1].

(Мотивы его творчества).

(Окончаніе).

V.

Современная литературная критика разсматриваетъ творчество писателя не иначе, какъ въ связи со всѣми условіями окружающей его среды. И, конечно, это единственно правильный путь. Вотъ почему, прежде чѣмъ приступить къ разбору слѣдующихъ по времени трилогій Верхарна, мы должны въ общихъ чертахъ ознакомиться съ положеніемъ Бельгіи—родины и мѣста дѣйствія поэта. Оно оказало на поэта самое существенное вліяніе; Верхарнъ—дитя своего времени, гражданинъ своего отечества, связанный съ нимъ кровными узами.

Остатки сѣдой старины, полной величія и могущества, безчисленные памятники прошлыхъ вѣковъ, мертвые города съ тихими каналами и готическими монастырями, порою сохранившіеся древніе обычаи, одежда и занятія—и рядомъ новая страна, изрѣзанная желѣзными дорогами, туннелями, черная отъ копоти фабричныхъ трубъ, населенная милліонерами и бѣдняками: таковы контрасты, представляемые Бельгіею. Два міра живутъ рядомъ, причудливо перемѣшиваясь тутъ и тамъ. И столь же причудливо перемѣшались характернѣйшія черты двухъ расъ, населяющихъ страну, въ новомъ, среднемъ типѣ бельгійца, соединяющемъ въ себѣ спокойствіе, созерцательность фламандца и

---

[1]) См. Августъ, стр. 165.

экспансивность, впечатлительность, страстность и практическую предпріимчивость валлона.

Такими же противоположностями и крайностями полна и экономическая жизнь страны. Изучая, напримѣръ, формы землевладѣнія, мы найдемъ здѣсь сохранившееся общинное владѣніе (Арденны), съ примитивнымъ хозяйствомъ, съ крестьянами-собственниками, самостоятельными производителями и потребителями. Въ другомъ округѣ господствуетъ крупное землевладѣніе; положеніе крестьянъ хуже, они ищутъ подсобныхъ заработковъ, занимаясь кустарными промыслами. Въ третьемъ округѣ фермерское хозяйство ведется съ помощью наемнаго труда, крестьянинъ переходитъ на положеніе пролетарія: онъ уже работаетъ на сосѣднихъ фабрикахъ и заводахъ. «Съ высоты фламандскихъ колоколенъ вся равнина имѣетъ видъ чуднаго ковра, гдѣ гармонически сливаются желтые вѣнчики кользы, алый цвѣтъ клевера, нѣжно голубые цвѣты льна и пышные фіолетовые лепестки мака». Но земля даетъ обильные плоды не тѣмъ, кто ихъ производитъ. «Sic vos non vobis mellificatis, apes» (такъ вы не для себя собираете медъ, пчелы).

Дѣло въ томъ, что земля, обрабатываемая трудами самого владѣльца, составляетъ во Фландріи едва 15% всей обрабатываемой земли. Крупные землевладѣльцы эксплоатируютъ крестьянъ, вынужденныхъ арендовать землю. Арендная плата достигаетъ здѣсь невѣроятныхъ размѣровъ, что вызываетъ дробленіе земли на мелкіе участки... Мизерные кусочки земли требуютъ громаднаго напряженія труда, чтобы имѣть отъ нихъ соотвѣтствующій урожай. Уплативъ тяжелую ренту, арендаторъ, несмотря на свою бережливость и крайнее стараніе, не можетъ прокормить себя и свою семью на доходъ отъ арендованнаго участка и долженъ искать заработка на сторонѣ. Мужъ, жена, дѣти бродятъ отъ фермы къ фермѣ, нанимаясь на работы. Конкурренція понижаетъ заработную плату, которая спустилась здѣсь до баснословно низкихъ размѣровъ [1]). Крестьяне занимаются кустарными промыслами, не дающими серьезнаго подспорья, наконецъ идутъ на прядильныя и ткацкія фабрики... «Нищета обывателей вызываетъ дрожь ужаса»—говоритъ о нихъ Луи де Брукеръ...

И въ то же время изъ всѣхъ континентальныхъ государствъ Бельгія является самой индустріализованной страной. Изъ 100 занятыхъ лицъ, земледѣльцевъ въ Италіи 62,6, въ Австріи 59,8,

---

1) Заработная плата получающихъ на фермѣ харчи, въ видѣ картофеля и чернаго хлѣба, часто спускается ниже одного франка (37½ коп.) въ день.

въ Германіи 46,7, во Франціи 46,3, а въ Бельгіи только 29,4; нигдѣ центры промышленной городской жизни не оказываются столь многочисленными и столь близко расположенными другъ отъ друга. Фабрики и заводы не довольствуются городскими поселеніями; они забираются въ глубь страны, въ села и деревни. Подъ ихъ вліяніемъ домашняя и ремесленная промышленность падаютъ, крестьяне и самостоятельные ремесленники превращаются въ пролетаріевъ, не имѣющихъ ничего, кромѣ своей мускульной силы. Но промышленность сплачиваетъ людей, учитъ ихъ болѣе точнымъ и сложнымъ работамъ, дисциплинируетъ ихъ сознаніе и даетъ имъ ключъ къ высшей культурѣ. Сплоченность рабочихъ массъ совершенно естественно приводитъ ихъ къ различнымъ профессіонально-экономическимъ, политическимъ и инымъ группировкамъ. Мы уже упомянули объ образованіи бельгійской рабочей партіи и о томъ вліяніи, какое она оказала на современниковъ. Въ 1886-мъ году вспыхнула стачка рабочихъ каменноугольныхъ шахтъ, быстро распространившаяся по цѣлому округу. Неорганизованная, стихійная, она скоро перешла въ разгромы, поджоги фабрикъ и заводовъ, что повлекло за собой стычки съ войсками. Борьба носила чисто экономическій характеръ. Политическія требованія если и выставлялись, то не на первомъ планѣ... Ужасы стачки повергли въ оцѣпенѣніе все бельгійское общество, до тѣхъ поръ мало думавшее о положеніи рабочаго класса. Рабочій вопросъ запылалъ, какъ греческій огонь»,—такъ характеризуетъ Верхарнъ эту эпоху.

Пользуясь этимъ возбужденіемъ и результатами правительственной анкеты, соціалисты вели усиленную агитацію и неутомимо строили партійную организацію. Въ 1893-мъ году, послѣ всеобщей стачки и громадныхъ манифестацій, бельгійскіе рабочіе, подъ руководительствомъ рабочей партіи одержали побѣду: завоевали всеобщее избирательное право. Этотъ крупный успѣхъ привлекъ къ рабочему движенію тысячи новыхъ вѣрующихъ и сочувствующихъ. Соціалистическія тенденціи не остались чужды и искусству, которое «пошло въ народъ», въ нѣдра «четвертаго сословія». Верхарнъ становится поэтическимъ выразителемъ новыхъ идей, пророкомъ свѣтлаго будущаго...

По словамъ Вандервельде и Дестрэ («Соціализмъ въ Бельгіи»), «соціалистическая Бельгія, лежащая въ пунктѣ пересѣченія трехъ великихъ европейскихъ цивилизацій, восприняла извѣстныя черты отъ каждой изъ нихъ. У англичанъ она заимствовала «self-help» (самопомощь), свободную ассоціацію, по преимуществу въ кооперативной формѣ; у нѣмцевъ—политическую тактику и

основныя положенія доктрины, изложенныя впервые въ «Коммунистическомъ Манифестѣ»; у французовъ—ихъ идеалистическія стремленія, ихъ интегральную концепцію соціализма, разсматриваемаго какъ продолженіе революціонной философіи, какъ новая религія, продолжающая и завершающая христіанство и низводящая на землю идеалъ, озаренный небеснымъ свѣтомъ».

Мы увидимъ, что почти этими же словами Эмиль Верхарнъ рисуетъ новый соціалистическій идеалъ.

Теперь перейдемъ къ слѣдующей его трилогіи: «Campagnes hallucinées», «Villes tentaculaires» и «Les Aubes», въ которой такъ сильно отразилось вліяніе рабочаго соціалистическаго движенія въ Бельгіи.

VI.

Современное развитіе капитализма ведетъ съ неумолимою силою къ образованію большихъ городовъ; оно убиваетъ деревни, мирныя, наивныя, съ ихъ неуклюжей, но простой и тихой жизнью, убиваетъ промыслы индивидуалистовъ-кустарей, разоряетъ ихъ и хлѣбопашцевъ и бросаетъ ихъ въ пасть городовъ—этихъ чудовищныхъ скопленій нищеты и богатствъ, труда и праздности,—сгоняетъ ихъ подъ кровли гигантскихъ заводовъ и фабрикъ. Здѣсь, среди ядовитыхъ испареній отравленной почвы и воды, среди нищеты и позора, въ лихорадочной средѣ вѣчно трудящихся массъ, въ ихъ душахъ зарождаются новыя идеи, которымъ суждено обновить міръ. Мимо этого стихійнаго, а потому и безпощадно-сильнаго, процесса не могъ пройти внимательный и чуткій поэтъ съ болящею о людскихъ страданіяхъ душою...

«Всѣ дороги ведутъ къ городу»—такъ начинаетъ поэтъ свою четвертую трилогію. Въ первой ея части онъ набрасываетъ картину «обезумѣвшихъ» отъ страданія деревень. Растянулись безконечныя, томительныя «какъ сплинъ» равнины. Здѣсь отъ пашни до пашни вереницею идутъ люди; имъ отдыха нѣтъ, они стары, какъ ихъ путь. Здѣсь «въ язвахъ земля на участки разбита, межами изрыта; поля такъ печальны и фермы убоги; кровлю гнилую вѣтеръ дырявитъ ударомъ; ни травки зеленой, ни красной люцерны, ни зернышка хлѣба, ни листьевъ, ни льна... Обречена земля и осуждены ея сѣмена; тщетны обѣты и слезы... Пухнутъ гнилые плоды фруктовыхъ деревьевъ, молодые росточки гибнутъ среди почернѣвшей листвы, трава выгораетъ, сѣмена, еще не налившись, внезапно приходятъ въ

броженье. Лжетъ солнце, лгутъ времена года... Здѣсь рождаются бури, и отъ страха трепещетъ природа; распятья отъ страха бѣгутъ туда, гдѣ заходятъ кровавыя зори... Здѣсь ужасъ блуждаетъ, здѣсь—вѣчно кручины, здѣсь шествуетъ бѣдность въ вѣкахъ». Бѣдность, разрушеніе, смерть...

И все это должны пережить непонимающія души простыхъ бѣдняковъ, заброшенныхъ судьбою въ безконечныя равнины. «Здѣшніе люди всего боятся: ихъ пугаетъ и тѣнь, набѣжавшая вдругъ на поля, боятся они и луны, отраженной поверхностью сельскихъ прудовъ, и каждой птицы издохшей; *здѣшніе люди боятся людей.* Они лишены силы, ихъ ничто не оживляетъ, ничто не интересуетъ; даже въ ихъ пальцахъ нѣтъ силы, чтобы себя удавить, не дожидаясь новыхъ ударовъ судьбы или гнѣва смерти».

Мучительна ихъ жизнь; ихъ душу услаждаютъ лишь воспоминанія далекихъ дней, когда небо и земля давали большіе урожаи, радость красокъ и солнца. Недоумѣваютъ они, куда и почему ушли эти дни счастья, почему отвернулся отъ нихъ ихъ Богъ... Молятся ему они усердно, но тщетно. Истомленный страданіями бѣдный мозгъ этихъ людей надѣляетъ природу, болѣзни и горести страшными образами злыхъ безпощадныхъ существъ («Лихорадка», «Смерть»).

Жители деревень безпомощны предъ бѣдами—бѣдностью, болѣзнями и смертью. Судьба ихъ гнететъ и разоряетъ. Они—нищіе и тѣломъ, и душою. «Страданія ихъ безконечны, ихъ мукамъ не будетъ конца»... Вереницею блуждаютъ эти жалкіе бѣдняки, «нищіе съ видомъ безумцевъ».

Верхарнъ поетъ пѣсни этихъ безумцевъ. Одинъ жалуется на черную жабу, овладѣвшую его глазами,—и все поблекло кругомъ, потускнѣло, потеряло смыслъ и цѣль, стало безплодно. Другой встрѣтилъ на дорогѣ своей жизни какія-то соломенныя чучела—они отняли у бѣдняка душу. У третьяго давно разбилось сердце. Въ головѣ ходитъ вѣтеръ сквозной, въ мертвой головѣ черныя крысы. «Перебейте имъ лапки»,—вопитъ безумный. У четвертаго неизвѣстный врагъ отнялъ разумъ. Безумцы рыдаютъ, кричатъ.

Достигнувъ крайняго предѣла бѣдъ, исчерпавъ терпѣніе въ рядѣ потерь и неудачъ, уходятъ люди изъ деревни, бросаютъ ее навѣки и бредутъ въ невѣдомое изгнаніе.

Куда же идутъ эти истощенные судьбой изгнанники?

«Вдали на горизонтѣ, подъ закоптѣлымъ, грязнымъ и тяжелымъ небомъ виднѣется протянувшій свои черныя щупальца,

испаряющій красное дыханіе, манящій и влекущій къ себѣ властными галлюцинаціями, городъ». Смѣлыми мазками Верхарнъ рисуетъ образъ города, гдѣ суета и грохотъ, лихорадочно кипящая работа, гдѣ неисчислимыя толпы безшумными руками, поспѣшными шагами, со злобой въ глазахъ, хватаютъ неудержимо бѣгущее время, и люди давятъ другъ друга, одержимые жаждою фосфорически золотыхъ наслажденій». Городъ вдали надъ равнинами простирается и воздымается колоссальной надеждой; онъ встаетъ, какъ желанье, какъ блескъ и какъ манящее воспоминаніе; свѣтъ его охватилъ все небо заревомъ, миріады газовыхъ огней зажглись золотыми кустами, а рельсы его—смѣлые пути для удачи и силы къ лукавому счастью. Изъ безконечности идутъ къ нему всѣ дороги»... Этихъ дорогъ не миновать изгнанникамъ омертвѣвшей деревни.

Верхарнъ разсказываетъ намъ въ яркихъ, полныхъ драматизма произведеніяхъ прошлое и настоящее города.

Блуждая по городу съ поэтомъ, мы останавливаемся предъ статуями, какъ бы символизирующими разныя эпохи пережитыя городомъ. Вотъ «монахъ»—основатель города, сіяющій далекой славой; онъ умѣлъ «убаюкать сномъ волшебнымъ,

«Склонить къ священной книгѣ книгъ
Его (бѣдняка) усталый, грубый ликъ».

Вотъ «солдатъ» — побѣдитель, съ несокрушимой волею. Равнодушный къ крикамъ, слезамъ и крови, изъ которыхъ дѣлается исторія, онъ грозенъ, какъ смерть, стремителенъ, какъ буря.

Вотъ «буржуа», владѣющій всѣмъ міромъ; ему подвластны всѣ «властители народовъ», судьбы царствъ и участь королей.

...Онъ можетъ ихъ рубежъ
«Расширить иль стѣснить, иль бросить ихъ въ мятежъ,
По прихоти своихъ разсчетовъ потаенныхъ;
Предъ нимъ и та война, что въ городахъ земныхъ
Онъ, какъ король, ведетъ,—безъ выстрѣловъ и дыма,
Зубами мертвыхъ цифръ грызя неутомимо
Кровавые узлы загадокъ роковыхъ»...

Вмѣстѣ съ поэтомъ мы идемъ на биржу, этотъ храмъ новаго Бога—золота, гдѣ рождаются самоубійства и организуются новые тріумфы. Посѣщаемъ спектакли, гдѣ убиваютъ искусство, гдѣ освобождаютъ дурные инстинкты толпы; идемъ на ночныя прогулки въ золотѣ огней. Здѣсь въ темныхъ платьяхъ блуждаютъ

манящія женщины и даютъ утѣшенье людямъ, чья душа у нихъ въ рукахъ. Сердце ихъ глухо бьетъ набатъ; ихъ гложетъ порокъ. Это—созданія города, его лихорадочно безумной жизни.

Вмѣстѣ съ поэтомъ мы посѣщаемъ мрачныя предмѣстья, гдѣ нищета и слезы, гдѣ взаимная ненависть, гдѣ такая бѣдность, что бѣдняки воруютъ у бѣдняковъ же [1]).

Но та же жизнь создала здѣсь могучіе заводы — эти гранитные кубы, тянущіеся на цѣлыя мили вокругъ города. Грохочутъ, задыхаясь, глухо хрипятъ эти симметрично расположившіяся зданія. Дымятся трубы, крыши и навѣсы. Здѣсь царятъ машины... «Машины сверкаютъ. И люди—машины. Сгибаются спины послушно за ними, и пальцы живые рабочихъ сплетаются съ тысячью спицъ механизмовъ... Въ работѣ машины кипятъ плотоядной и гнѣвно на землю бросаютъ свой слѣдъ изъ крови горячей, по каплямъ текущей».

Согнанные жизнью къ машинамъ, люди—люди-механизмы—все же живутъ идеями. Въ нихъ, казалось бы раздавленныхъ тяжелымъ трудомъ, живетъ идея «содружества народовъ», идея гордой личности, идеи всеобщаго счастья. Зажженные ими люди подымаютъ знамя возстанія. «Возстаніе» шедевръ Верхарна. Эти блестящіе клинки ножей, это пламя пожаровъ, крики набата, смерть, улица грозная, властная; это разрушеніе и созиданіе. Это прекрасное стихотвореніе имѣется на русскомъ языкѣ въ переводахъ гг. Брюссова, Чернова, Лукьянова. Беру первый, какъ наилучшій:

«Ярость великая, съ пламеннымъ ликомъ,
«Съ радостнымъ крикомъ,
«Съ кровью, бушующей въ жилахъ,
«Встала на грудѣ камней.
«Все она можетъ. Все она въ силахъ.
«Одно лишь мгновенье
«Дастъ болѣе ей,
«Чѣмъ цѣлыхъ вѣковъ тяготѣнье.
«Все, что мечталось когда-то,
«Что геніи въ пѣснѣ крылатой
«Провидѣли въ темной дали,
«Что въ души, какъ сѣвъ, западало,

---

[1]) «Городъ отравляетъ алкоголь ужасный,
Здѣсь въ союзъ вступили голодъ и развратъ,
Похоти и плоти трепетная пляска.
Продается тѣло, продается ласка.
Точно бури въ городѣ стоятъ.
Вся толпа безуміемъ объята,
Ищетъ только страсти, ищетъ только злата».

«Чѣмъ души, какъ травы, цвѣли,
«Все встало,
«Въ мигѣ, смѣшавшемъ, какъ сплавъ,
«Ненависть, силу, сознаніе правъ»...
«Толпы народа проходятъ за толпами слѣдомъ
«Сквозь ужасъ, подъ сѣнью веселыхъ знаменъ
«Къ началу новыхъ временъ,
«Къ побѣдамъ.
«Убивая,—творить, обновлять...
«Въ великій безуміемъ день
«Пряжу для жизни ликующей прясть,
«Иль жертвой строительной пасть.

Но пронесся мятежъ, затихла буря, пошли года обычной чередой. Обломки стараго нашли пріютъ въ музеяхъ и сокровищницахъ. Вотъ восковая голова былого властителя. Лобъ—нѣкогда грозный, какъ молнія, нынѣ пожелтѣлъ, челюсть отвисла на ослабѣвшей пружинѣ, зубы разжались и выронили славу. Въ увядающемъ золотѣ сіяютъ былыя убійства; кровь, пожары, коварство и измѣна свѣтятся въ драгоцѣнныхъ каменьяхъ. Умираетъ былая слава, затопляетъ ее все возрастающая сила толпы, кипящей жизнью въ глубинахъ улицы... Такъ идетъ непрестанно, не останавливаясь ни на мигъ, жизнь, катится впередъ къ неизвѣстнымъ, но славнымъ временамъ. И смерть не страшна здѣсь, гдѣ пытливые умы занимаются научными изысканіями, побѣждающими смерть, приближающими лучшее будущее. Наука, которой отдано такъ много жизней, самоотверженія, даетъ уже намъ хотя бы немного увѣренности. Ради этой-то увѣренности сонмы мудрецовъ испытали пытки сомнѣній, огни костровъ; ради нея замучены и растерзаны невѣжественною толпою ихъ божественныя тѣла. Здѣсь, въ царствѣ науки, въ этихъ хрустальныхъ дворцахъ-лабораторіяхъ слѣдятъ ученые за созданіемъ и разрушеніемъ атомовъ и міровъ, медленно, методично, въ теченіе долгаго ряда дней и ночей. Но вотъ приходитъ одинъ—свѣтлый, съ огнемъ въ сердцѣ, полный любви и надежды—и дѣлаетъ великое открытіе. Настанетъ минута, когда на такихъ открытіяхъ будетъ возможно построить новый синтезъ міра... Наука спѣшитъ къ единству идей.

«Зная и вѣря въ это лучшее будущее—говоритъ поэтъ,—«сознаешь, что страданія обманутыхъ надеждъ—ничто; ничто—порокъ, живетъ въ которомъ городъ,—вѣдь, изъ тумановъ мрачныхъ къ намъ новый явится Христосъ въ лучахъ блестящихъ, и человѣчество онъ окреститъ огнемъ горящимъ новыхъ звѣздъ»...

Въ третьей части настоящей трилогіи, «Les Aubes» («Зори»),

Верхарнъ пытается представить одинъ изъ радостныхъ моментовъ этого лучшаго будущаго. Дѣйствіе происходитъ во время осады города. Осада ведется долго и упорно. Въ средѣ осаждающихъ— болѣзни, смерти, ропотъ, нежеланіе вести далѣе войну. Но то же нежеланіе войны и въ средѣ осажденныхъ. Рабочіе и солдаты объявляютъ стачку: они не хотятъ болѣе умирать съ голоду, отъ болѣзней, отъ ужаса. Въ ихъ средѣ великій трибунъ, Эреніанъ. Онъ, чьи книги просвѣщаютъ умы, указываютъ путь, ведущій къ благу,—онъ задумалъ въ согласіи со своимъ ученикомъ, начальникомъ вражескихъ войскъ, Ордэномъ, убить войну, это зло міра. Мысль ихъ проста: осаждающіе должны войти въ городъ, побросавъ по дорогѣ свое оружіе; ихъ встрѣтятъ осажденные, сначала изумленно, затѣмъ радостно—ибо муки войны будутъ исчерпаны... Насталъ часъ «убійства войны»; все произошло такъ, какъ того ожидали инициаторы. Народы-враги встрѣтились друзьями. Всемірный праздникъ человѣчества безумствуетъ въ восторгѣ и поетъ... Согласіе и единеніе побѣдило вражду. Борьба людей въ кровавой формѣ отвергнута...

Такова тема этого произведенія, очень сильнаго по изобразительности и оригинальнаго по замыслу и выполненію...

Мы видѣли, какъ поэтъ въ своей настойчивой и мучительной борьбѣ за міросозерцаніе пришелъ къ признанію социалистическаго идеала. Конечно, мы не находимъ у него развитія социалистическаго міропониманія въ ясныхъ, рѣзко опредѣленныхъ чертахъ. Нѣтъ, онъ понимаетъ социализмъ какъ новую религію и въ этомъ сходится съ бельгійской социалистической партіей. Онъ—выраженіе духа своего времени. Промышленная Бельгія наложила свою печать на міропониманіе поэта. Верхарнъ близокъ къ жизни, онъ чутко до болѣзненности отзывается на всѣ впечатлѣнія внѣшняго міра. Вотъ почему въ этой трилогіи мы находимъ могучій откликъ на такія сложныя явленія современности, какъ напримѣръ антагонизмъ города и деревни. Въ одной изъ своихъ статей Верхарнъ пишетъ: «Буржуа не могъ доставить достаточно выразительной жизни для искусства истиннаго, яркаго. Тѣ, которые его рисовали и описывали, никогда не воспѣвали его въ шедеврахъ. Онъ служилъ только для сатиры и для каррикатуры.

Этотъ отрывокъ весьма характеренъ. Верхарнъ любитъ силу и именно въ четвертомъ сословіи онъ нашелъ движущую силу, исторіи, которую прославилъ въ своей трилогіи. Вѣдь и Верхарнъ «въ страданіяхъ міра не видитъ отраженія вѣчной мистеріи міра, а созерцаетъ ихъ во времени и ищетъ ихъ исцѣленія также во

времени. Онъ чувствуетъ динамику жизни, вѣчное ея движеніе къ лучшимъ временамъ.

«Заслуга Верхарна,—говоритъ его біографъ Леонъ Базальжетъ,—въ томъ, что онъ сумѣлъ провести въ искусство ту могучую жизнь, которая сотрясаетъ нашу планету, дымящуюся щетиной покрывающихъ ее заводовъ; онъ сумѣлъ изобразить въ художественныхъ формахъ томленіе и исполинскій порывъ новаго человѣчества, закладывающаго фундаментъ широкому и просторному обиталищу для будущаго человѣка. Онъ—пѣвецъ этого циклопическаго труда: въ немъ нашли себѣ откликъ всѣ его порывы, кризисы, страданія и упованія».

Современность дала Верхарну не только содержаніе, но и форму. Еще Бодлэръ «мечталъ о чудѣ поэтической прозы, музыкальной безъ ритма и риѳмы, достаточно гибкой и чуткой, чтобы примѣниться къ лирическимъ движеніямъ души» [1]), столь сложнымъ и тонкимъ въ условіяхъ современной городской цивилизаціи. «Изъ непосредственнаго знакомства съ жизнью огромныхъ городовъ, изъ постоянныхъ столкновеній съ ея многообразными проявленіями—вотъ откуда возникаетъ главнымъ образомъ, эта неотступная мысль»,—пишетъ Бодлэръ въ предисловіи къ «Стихотвореніямъ въ прозѣ».

Цѣлое поколѣніе французскихъ поэтовъ—такъ называемыхъ символистовъ—было занято выработкою новыхъ формъ стихосложенія. Много силъ и времени отдала этому дѣлу и «Молодая Бельгія», видѣвшая свою главную цѣль въ полной самостоятельности творчества. Изъ французскихъ поэтовъ Густавъ Канъ первый послѣ Бодлэра рѣшительно и опредѣленно формулировалъ задачи новаго стиха, такъ называемаго «vers libre»: «внѣшній ритмъ долженъ быть въ соотношеніи только съ внутреннимъ содержаніемъ стиха». Новый стихъ допускаетъ свободное чередованіе короткихъ и длинныхъ стиховъ и столь же свободное отношеніе къ риѳмѣ. Густавъ Канъ и нѣкоторые другіе дали интересные образцы такого стиха, но ихъ всѣхъ превзошелъ въ данной области могучій художникъ слова—Верхарнъ. Онъ сумѣлъ не только передать самую атмосферу современнаго индустріализма: въ его стихѣ вертится, бьется и дрожитъ машина.

«Тайна его творчества—по словамъ Базальжета,—открывается, когда находишься въ машинномъ отдѣленіи, среди грохота, искръ, ударовъ молота, шипѣнія и тяжелыхъ вздоховъ, когда ощущаешь его запахъ, прислушиваешься къ мощному пыхтѣнію

---

[1]) См. В. Львовъ-Рогачевскій. «Эмиль Верхарнъ».

локомотива, завершающаго свой путь, или когда сирена заатлантическаго гиганта прорѣзываетъ воздухъ своими заунывными жалобами. Неистовство мощи, опьяненіе силой, клокочущія въ нѣкоторыхъ строфахъ Верхарна, чувствуются только въ движеніи машинъ, гордыхъ своей ужасающей стихійностью и неумолимой точностью. Я чувствую себя близко къ Верхарну не въ молчаніи и уединеніи, необходимомъ для приближенія къ другимъ поэтамъ, а тамъ, гдѣ сосредоточена дѣятельность міра и толпы людей».

VII.

Въ послѣдней трилогіи Верхарна: «Les Visages de la vie», «Forces tumultueuses» и «Multiple splendeur», міросозерцаніе поэта предъ нами уже въ законченномъ видѣ.

Въ эпоху «Вечеровъ» Верхарнъ всѣ свои силы направилъ на самоанализъ; онъ былъ занятъ лишь своимъ собственнымъ существованіемъ, себя противопоставлялъ всему міру, который и оцѣнивалъ, исходя изъ своего «я». Позднѣе онъ призналъ себя лишь частью человѣческаго коллектива, слился съ нимъ, растворилъ въ общечеловѣческихъ страданіяхъ свои муки и, воспринявъ его надежды, почувствовалъ себя сильнымъ и бодрымъ. Нынѣ поэтъ дѣлаетъ дальнѣйшій шагъ, придающій его міровоззрѣнію стройный и законченный видъ: онъ объединяетъ жизнь человѣчества, а черезъ него и свою жизнь съ всей вселенной. Въ его послѣдней трилогіи торжествуетъ единство всего космоса, свѣтло и радостно воспѣваемое Верхарномъ въ пантеистическихъ гимнахъ.

Верхарнъ, какъ «путникъ, проходящій черезъ лѣсъ», чувствуетъ біеніе жизни въ каждой травкѣ, подъ корою деревьевъ.

«О, ты, горячій ритмъ природы всей!
«Хочу я чувствовать его въ себѣ,
«Быть имъ проникнутымъ насквозь.
«Хочу переживать я всѣ движенія,
«Разлитыя въ лѣсахъ, землѣ и вѣтрѣ,
«Гремящія на морѣ и въ громахъ;
«Хочу, чтобъ слышалось въ моемъ мозгу
«Все трепетанье міра.
«О, какъ хочу сгустить я въ образахъ горячихъ
«Весь этотъ трепетъ блещущаго міра,
«Любить его, любить»...

Поэтъ опьяненъ со всѣмъ міромъ: оно возвышаетъ его, умножаетъ его силы, даетъ бодрость и вѣру.

Леонъ Базальжетъ приводитъ слѣдующее характерное заявленіе Верхарна. «Въ будущемъ, кажется мнѣ,—пишетъ Верхарнъ,—поэзія придетъ къ ярко выраженному пантеизму. Уже и теперь наиболѣе смѣлые и здоровые умы признаютъ единство міра... Человѣкъ—часть мірового зданія. Онъ живетъ однимъ умомъ и сознаніемъ съ тѣмъ цѣлымъ, часть котораго онъ составляетъ. Человѣкъ покоряется его мощной власти, но въ то же время самъ покоряетъ его и властвуетъ надъ нимъ. Онъ самъ становится, волею чудесъ, тѣмъ личнымъ Богомъ, въ котораго вѣровали его предки. Такъ возможно ли, чтобы лирическое вдохновеніе осталось надолго равнодушнымъ къ такому размаху человѣческаго могущества и не поспѣшило бы прославить это величественное зрѣлище? Поэту достаточно отдаться во власть того, что онъ видитъ, слышитъ, мыслитъ, угадываетъ, чтобы новыя, бьющія жизнью творенія вышли изъ его души и мозга».

Но не въ одномъ сліяніи съ природой видитъ Верхарнъ исцѣленіе отъ прежнихъ мукъ. Мало уйти въ природу, познать радость ея гармоническаго существованія: надо смѣшаться еще съ толпами человѣчества, погрузиться въ радости и горести его, чтобы понять свою собственную мощь.

«Въ этихъ городахъ, гдѣ загораются чудесные огни, мечутся толпы съ ихъ слезами, пѣснями и проклятіями; въ этихъ городахъ, внезапно потрясенныхъ кровавыми возстаніями и ночными ужасами, я чувствую, какъ мое сердце воспламеняется, ростетъ, волнуется и ширится... Въ этихъ городахъ, внезапно потрясенныхъ кровавымъ пиршествомъ и ужасомъ ночнымъ, замкнись, душа моя, чтобъ стать великой и могучей»...

Основные типы историческихъ моментовъ жизни города и человѣчества Верхарнъ уже раньше запечатлѣлъ въ прекрасныхъ статуяхъ «Монаха», «Солдата», «Министра», «Буржуа». Теперь, характеризуя новый періодъ жизни человѣчества, Верхарнъ лѣпитъ новую статую, типичную для этой эпохи: статую «Трибуна».

«Ребенкомъ выросъ онъ на темныхъ троттуарахъ
«Предмѣстья темнаго, изъѣденнаго зломъ,
«Гдѣ каждый человѣкъ съ проклятьемъ былъ рабомъ,
«И жилъ, какъ подъ замкомъ, въ тюрьмѣ укладовъ старыхъ,
«Въ тяжеломъ воздухѣ мертвящаго труда,
«Межъ лбовъ нахмуренныхъ и спинъ, согбенныхъ долей,
«Гдѣ каждый день за столъ садилась и нужда».

Таково прошлое нашего властелина; теперь же онъ «король торжествующихъ безумій».

«Онъ тѣмъ уже великъ, что отдается страсти,
«Не думая, всей дѣйственной душой,
«*Что съ головы до пятъ онъ погруженъ въ народъ*,
«Что цѣленъ и упрямъ, *живетъ его движеньемъ*,
«*И съ нимъ умретъ*...

Понявъ жизнь человѣчества, слившись съ нею, поэтъ видитъ, что оно живетъ въ постоянномъ движеніи. Этому движенію, составляющему самую сущность жизни, Верхарнъ поетъ радостный гимнъ.

«О, дѣйствіе, борьба! Тобою жизнь жива...
«О, жизнь кипучая, о, жизнь могучая...

И когда такъ напряженна жизнь въ восторгахъ изступленій, когда мысль жжетъ горячій мозгъ, когда движеніе радостно овладѣваетъ существомъ, тогда человѣкъ способенъ любить не только природу, не только человѣчество, но и самого себя,— ибо онъ въ эти минуты активный творецъ новой жизни. Восторженно воспѣваетъ поэтъ человѣческое существо, этотъ хрупкій, могучій, сложный и тонкій аппаратъ.

«Люблю свой острый мозгъ, огонь своихъ очей,
«Стукъ сердца своего и кровь своихъ артерій,
«Люблю себя и міръ, хочу природѣ всей
«И человѣчеству отдаться въ полной мѣрѣ.
«Жить: это, взявъ, отдать съ весельемъ жизнь свою.
«О, только бъ, кругозоръ смѣнивъ на кругозоръ,
«Всегда готовымъ быть на новыя исканья.
«Кто ищетъ, кто нашелъ—сливаетъ трепетъ свой
«Съ мятущейся толпой, съ таинственной вселенной;
«Умъ жаждетъ вѣчности, онъ дышитъ широтой,
«И надобно любить, чтобъ мыслить вдохновенно...

Таковы основныя мотивы его послѣдней трилогіи.

Въ центрѣ своего законченнаго міровоззрѣнія Верхарнъ ставитъ человѣка: все для него, все чрезъ него. Человѣкъ, вооруженный всѣми знаніями, побѣдившій всѣ темныя силы прошлаго, вѣрящій лишь въ самого себя, ставшій богомъ, могучій, дѣятельный, этотъ человѣкъ создастъ новый міръ, свѣтлый и радостный, легкій и изящный, гармоническій во всѣхъ его частяхъ. Этотъ новый властелинъ, новый народный вождь— самъ народъ, его мысль, его страсть, его сердце и умъ...

Къ такому полному сліянію съ народомъ и зоветъ поэтъ, творчество котораго является продуктомъ коллективистическихъ потребностей современнаго міра. Здѣсь, въ человѣческомъ обще-

ніи, въ полномъ сліяніи съ толпами, возвышается и получаетъ свое полное развитіе личность человѣка-одиночки. *И только здѣсь.*

Быть можетъ, что и соціализмъ, какъ неизбѣжную и желательную стадію развитія человѣчества, Верхарнъ принимаетъ столь охотно и радостно потому, что лишь при соціалистическомъ строѣ человѣческая личность, отряхнувъ съ себя всѣ путы, получитъ возможность полнаго гармоническаго развитія. Такимъ пониманіемъ соціализма Верхарнъ напоминаетъ намъ, какъ это уже указалъ одинъ изъ критиковъ, Оскара Уайльда, столь противоположнаго, въ общемъ, нашему поэту.

«Соціализмъ—говоритъ Уайльдъ—будетъ имѣть значеніе уже въ силу того, что приведетъ къ развитію индивидуализма. Новый индивидуализмъ, ради котораго волей или неволей работаетъ соціализмъ, будетъ совершенной гармоніей. Онъ будетъ тѣмъ, чего добивались греки, но достигнуть могли только въ области мышленія, ибо у нихъ было рабство и они питались имъ. Онъ будетъ тѣмъ, къ чему стремилась эпоха Возрожденія, но осуществить въ полной мѣрѣ могла лишь въ области искусства, ибо у нея были рабы и она морила ихъ голодомъ... Новый индивидуализмъ—это новый эллинизмъ».

Вотъ почему Верхарнъ не разъ напоминаетъ человѣку о необходимости жить жизнью коллектива, жизнью другихъ людей. Вотъ почему онъ торжественно и громко обновляетъ въ памяти людей великую заповѣдь:

«Обожайте другъ друга, человѣка и вселенную, и вы будете жить пламенно и ясно».

«Люди должны жить только въ себя...
«Вѣрить въ себя—значитъ пересоздавать міръ по своей волѣ».
«Если человѣчество еще нуждается въ богахъ, пусть оно станетъ богомъ для себя...
«Я сталъ бы богомъ лишь затѣмъ, чтобы быть полнѣе человѣкомъ»...

Многоликая красота и сила произведеній Эмиля Верхарна, какъ мнѣ кажется, достаточно вырисовывается даже изъ блѣднаго изложенія его мыслей и образовъ. Я совершенно сознательно ограничилъ свой очеркъ опредѣленными рамками; я хотѣлъ познакомить читателя, главнымъ образомъ, съ эволюціей міропониманія поэта, хотѣлъ указать въ главныхъ чертахъ тѣ вліянія, которыя внесли въ творчество Верхарна современные мотивы, создали изъ него не поэта опредѣленнаго народа, а поэта всего человѣчества [1]).

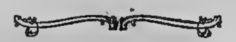
---

[1]) Я оставилъ безъ разсмотрѣнія многочисленныя лирическія произведенія поэта («Les Heures Claires», «Les Heures d'Après-midi»), его драмы

Заканчивая нашъ очеркъ, напомнимъ въ самыхъ общихъ чертахъ эволюцію Верхарна.

Юный поэтъ эпохи «Фламандцевъ» подходилъ къ жизни непосредственно, безъ размышленій, однимъ чувствомъ. Все казалось ему простымъ и естественнымъ. Жизнь природы и людей текла однообразно, стихійно-спокойно. Но ясность міроощущенія скоро была нарушена: пришло внимательное наблюденіе. Верхарнъ увидѣлъ ужасъ въ жизни природы и людей. Началось крушеніе старыхъ понятій, «нравственная деформація», «моральныя катастрофы». Наивность и цѣлостность смѣнились раздвоенностью и самоанализомъ. Въ процессѣ наблюденія и самонаблюденія, въ отчаянныхъ попыткахъ найти новое міропониманіе, поэтъ отмѣтилъ постоянно повторяющіяся, упорныя попытки человѣчества создать лучшее будущее. Это послужило опорнымъ пунктомъ для новаго синтеза. Динамика жизни доказала Верхарну тщету отчаянія. Слившись съ человѣчествомъ въ его движеніи, поэтъ приходитъ къ соціализму, какъ къ новой религіи, какъ къ новому синтезу. Онъ видитъ возможность не только матеріальныхъ благъ, но и полнаго, гармоничнаго развитія человѣческой личности, которую онъ ставитъ въ центръ своего міровоззрѣнія. Онъ сливаетъ жизнь человѣчества съ жизнью всей вселенной, всего космоса. Антропоцентрическій пантеизмъ—вотъ синтезъ поэта. Къ построенію его онъ привлекъ всѣ силы, всѣ явленія современнаго міра—и ростъ большихъ городовъ, и коллективистическіе навыки, и стремленія живущихъ въ нихъ людей, и крушеніе деревень и опредѣленныхъ соціальныхъ группъ, и растущій индивидуализмъ. Все претворилъ поэтъ своею мыслью, своимъ чувствомъ въ одну систему. Столь же могучимъ кузнецомъ онъ оказался и въ чисто литературной области: всѣ вліянія—романтиковъ, натуралистовъ, символистовъ—онъ перековалъ въ свое собственное, лишь ему доступное орудіе выраженія его богатыхъ образовъ и мыслей. Отъ тезиса черезъ антитезу къ новому синтезу—таковъ путь великаго поэта современности.

Мих. Г.

(«Монастырь», «Филиппъ II» и «Елена Спартанская»), циклъ его стихотвореній, посвященныхъ Фландріи («Les Tendresses premières», «La Guirlande des Dunes», «Les Héros» и «Les Villes à Pignons», его монографіи, посвященныя фламандскимъ мастерамъ (Рембрандту, Кнопфу и др.), наконецъ, его новый сборникъ поэмъ подъ названіемъ «Les Rythmes souverains», тѣсно примыкающій по своимъ мотивамъ къ «Мятежнымъ Силамъ» и «Многоцвѣтному Сіянію».

ИЗЪ РИЛЬКЕ.

Надъ снѣжнымъ пустыремъ—высокій замокъ бѣлый,
Гдѣ въ залахъ сумрачныхъ таится жуткій страхъ.
Къ бойницамъ узкимъ плющъ приникъ, оледенѣлый,
Всѣ выходы замелъ сыпучій бѣлый прахъ.

Сѣдыя небеса грозятся облаками,
И, крадучись вдоль стѣнъ, у снѣжной полосы,
Тоска цѣпляется безсильными руками...
Здѣсь время умерло и не стучатъ часы.

В. Эльснеръ.

КЪ ПОСТАНОВКѢ НАЦІОНАЛЬНАГО ВОПРОСА ВЪ РОССІИ[1]).

(Окончаніе).

III.

Одно и то же по относительной величинѣ, меньшинство можетъ имѣть, при различныхъ условіяхъ, совершенно неодинаковое значеніе, совершенно неодинаковый вѣсъ. Недостаточно взять отвлеченное ариѳметическое число; надо присмотрѣться къ его наименованію.

Въ Литвѣ иноплеменное меньшинство образуетъ почти сплошь городское населеніе и помѣщичій классъ; «коренное» большинство почти исчерпывается крестьянствомъ. «Въ мѣстахъ промышленности—пишетъ А. Булатъ въ цитированномъ нами раньше сборникѣ—литовцы принимаютъ очень малое участіе. Въ странѣ нѣтъ крупныхъ промышленныхъ центровъ, но даже и на имѣющихся фабрикахъ и заводахъ литовскіе рабочіе составляютъ лишь небольшой процентъ. Ремеслами, особенно городскими, литовцы также занимаются крайне мало, за исключеніемъ развѣ портняжества... Ни національнаго дворянства, ни мѣщанъ, ни сколько-нибудь крупной буржуазіи у литовцевъ нѣтъ». Въ Виленской и Сувалкской губерніяхъ свыше 95% всѣхъ литовцевъ живетъ въ деревняхъ. На города, вмѣстѣ съ мѣстечками, приходится всего на всего 6 тысячъ литовцевъ, что по сравненію со всѣмъ городскимъ населеніемъ составляетъ ничтожную величину. Въ городахъ литовскаго края литовцы зани-

[1]) См. Августъ, стр. 149.

маютъ по численности четвертое мѣсто. На Литвѣ нѣтъ ни одного литовскаго города, ни одного города, въ которомъ литовцы составляли бы хотя бы замѣтное меньшинство. Аналогично обстоитъ дѣло и съ помѣщичьимъ землевладѣніемъ. При такихъ условіяхъ само собою понятно, что немалые и безъ того 34% инороднаго меньшинства пріобрѣтаютъ удѣльный вѣсъ, способный съ избыткомъ перетянутъ 66-ти процентное деревенское большинство.

Точно такъ же обстоитъ дѣло и въ Бѣлоруссіи. Мы перебираемъ одинъ городъ за другимъ—и тщетно ищемъ въ Бѣлоруссіи бѣлорусскихъ городовъ. Вильна—столица края. Абсолютнаго большинства въ ней не имѣетъ ни одна нація; относительное—принадлежитъ евреямъ (41,4%); потомъ идутъ поляки, великороссы, литовцы, и только послѣ нихъ бѣлоруссы. Въ Минскѣ всѣ христіане—великороссы, бѣлоруссы и поляки, вмѣстѣ взятые—образуютъ меньше половины населенія (47,7%); на долю бѣлоруссовъ приходится незначительное меньшинство. Приблизительно тоже въ Могилевѣ, Гроднѣ, Витебскѣ. Ни одного крупнаго центра, который былъ бы сколько-нибудь бѣлорусскимъ по своему національному составу. Немногимъ лучше обстоитъ дѣло и въ мелкихъ центрахъ, гдѣ большею частью первое мѣсто занимаютъ евреи (въ 39 городахъ изъ 51); лишь въ 12-ти мелкихъ пунктахъ вся сумма жителей-христіанъ превышаетъ половину городского населенія; на долю бѣлоруссовъ и здѣсь приходится скромная часть. Роль, которую играетъ въ краѣ польское помѣщичье землевладѣніе, извѣстна. Получается та же картина, что и на Литвѣ.

Выводы изъ приведенныхъ данныхъ слишкомъ очевидны. Я уже указывалъ на то, что вліяніе города и помѣстья легко можетъ парализовать численный перевѣсъ деревни. Не знаю, способны ли будутъ эти «инородныя» въ національномъ смыслѣ силы навязать коренному крестьянству ихъ собственную національность; это болѣе чѣмъ сомнительно, уже по тому одному, что мы видимъ здѣсь конгломератъ изъ евреевъ, поляковъ и русскихъ. Во всякомъ случаѣ лишить областную автономію Литвы ея литовскаго, областную автономію Бѣлоруссіи ея бѣлорусскаго характера «инородцы» будутъ въ силахъ.

Мнѣ могутъ возразить, что огромное преобладаніе въ городахъ и помѣстьяхъ иноплеменнаго элемента представляетъ собой, быть можетъ, явленіе временное, наблюдавшееся и у иныхъ пробуждающихся націй; у нихъ тоже не было своей буржуазіи, своего дворянства, потому что верхи ушли, асси-

милировались. Проснулись массы—и подъ ихъ воздѣйствіемъ верхи вернулись къ себѣ «домой». Не то же ли происходитъ и здѣсь? Нѣтъ, не то же; или, по крайней мѣрѣ, въ весьма значительной степени не то. Что касается дворянства, то здѣсь весьма видное мѣсто занимаетъ не ополяченное литовское и бѣлорусское, а именно польское по своему происхожденію дворянство; ему возвращаться некуда и незачѣмъ. Что же касается городовъ, то здѣсь первое мѣсто занимаютъ евреи. Можно быть какого угодно мнѣнія о будущности еврейства, но даже и наиболѣе увлекающійся пророкъ еврейской ассимиляціи врядъ ли рѣшится утверждать, что евреямъ предстоитъ поглощеніе такими народами, какъ литовцы или бѣлоруссы. Укажу только на одну характерную мелочь: по даннымъ переписи 1897 г. изъ всего числа евреевъ, живущихъ въ литовской области, признали своимъ роднымъ языкомъ литовскій меньше 0,3 процента, а бѣлорусскій—изъ числа городскихъ евреевъ 288 человѣкъ! Цифры эти достаточно краснорѣчивы.

Неравномѣрность соціальной структуры различныхъ націй замѣчается также и въ другихъ областяхъ: въ Малороссіи, Прибалтійскомъ Краѣ и на Кавказѣ. Въ Малороссіи «коренное» населеніе также сосредоточено по преимуществу въ деревняхъ. Въ городахъ оно представлено гораздо слабѣе, а въ крупныхъ центрахъ—даже очень мало. Филологическая близость между русскимъ (великорусскимъ) и малорусскимъ языками значительно способствуетъ процессу обрусѣнія городскихъ жителей, подвинувшемуся уже очень далеко. Характернымъ показателемъ являются данныя о томъ, на какомъ языкѣ говорятъ въ городахъ Малороссіи евреи. Несмотря на то, что здѣсь ассимилированныхъ евреевъ относительно больше, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ еврейской черты, все же число евреевъ, признавшихъ своимъ роднымъ языкомъ малорусскій до крайности незначительно; всего во всѣхъ городахъ—654 человѣка. Это деталь, въ которой все же отражается степень вліянія даннаго языка; русскій языкъ показало своимъ роднымъ значительно большее число евреевъ.

Въ Прибалтійскомъ краѣ извѣстна специфическая роль нѣмецкаго дворянства; вѣсъ его—исключительный. Въ Курляндіи и Лифляндіи нѣмцамъ принадлежитъ значительно больше половины всей частновладѣльческой земли. Нѣмецкое дворянство «держитъ въ своихъ рукахъ весь край, является хозяиномъ мѣстной администраціи и налагаетъ свою руку на всю общественную жизнь. Въ его рукахъ находятся ландтаги, всякаго рода

конвенты и коллегіи, и лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ участію въ самоуправленіи —и притомъ самому незначительному—допущены города и крестьяне. Уѣздная администрація вся заполнена баронами, губернская—въ значительной мѣрѣ; функціи такъ называемой мызной полиціи исполняются ими же. Дворянамъ принадлежитъ право назначенія проповѣдниковъ въ приходахъ (право патроната), пользуясь которымъ, они оказываютъ огромное вліяніе на всю приходскую жизнь... Пособія, выдаваемыя школамъ, черпаются изъ земскихъ средствъ, но средства эти взимаются и расходуются дворянствомъ совершенно безконтрольно. Въ его же распоряженіи находятся также и кредитныя поземельныя общества» [1]).

Конечно, съ перестройкой мѣстныхъ установленій на демократическихъ началахъ все это измѣнится; но скинуть со счетовъ огромную соціальную—а вмѣстѣ съ тѣмъ и національную—силу не придется. Она лишится нынѣшней полноты власти, но съ нею должно будетъ раздѣлить свою власть латышское населеніе; «національная» автономія области будетъ нарушена. Въ городахъ дѣло обстоитъ если и лучше, чѣмъ въ сѣверо-западномъ краѣ, то все же далеко не благополучно для «господствующей» націи. Въ Ригѣ, напримѣръ, латыши составляютъ лишь 41,64% всего населенія, въ Митавѣ—45,69%, въ Либавѣ—38,64%.

На Кавказѣ отношенія также запутаны. Въ городахъ значительную роль играютъ армяне; въ рядѣ городовъ, лежащихъ въ «чужихъ» областяхъ, они образуютъ абсолютное или относительное большинство. По даннымъ переписи число горожанъ среди грузинской націи менѣе 10%, среди татаръ—около 12%, среди армянъ—болѣе 21%. Зато какъ разъ обратное отношеніе мы находимъ у дворянъ. Напримѣръ въ «армянской» Эриванской губерніи 44% всѣхъ потомственныхъ дворянъ составляютъ татары, армяне же—всего 15% [2]).

Всѣ эти данныя говорятъ намъ одно и то же. Не говоря уже о тѣхъ областяхъ, гдѣ «коренное» населеніе составляетъ какихъ-нибудь 50—60%—даже тамъ, гдѣ коэффиціентъ національнаго единообразія болѣе высокъ, запутанная соціально-національная группировка такова, что, при сравнительной высотѣ формальныхъ процентныхъ цифръ, de facto коэффиціентъ единообразія понижается въ чрезвычайной степени. О «національныхъ» областяхъ не можетъ, въ сущности, быть и рѣчи.

---

[1]) Статья Р. Петерсона въ цитир. сборникѣ.
[2]) По даннымъ статьи «Армяне» въ цит. сборникѣ.

Но это еще не все. Мы исходили все время изъ возможности такой разверстки, которая болѣе или менѣе руководилась бы этнографическими границами—и пришли къ заключенію, что даже и такая разверстка мало помогаетъ. Мы должны добавить къ этому еще нѣчто весьма важное: возможность разверстки представляется болѣе чѣмъ проблематичной. Области съ 77% малоруссовъ, 64% литовцевъ, 79% грузинъ являются, въ послѣднемъ счетѣ, не болѣе какъ теоретическими фикціями. Такихъ фикцій можно было бы скомбинировать сколько угодно и получить при этомъ еще болѣе благопріятную картину; можно было бы раздробить не только губерніи, но и уѣзды, взять за основу волость и получать еще болѣе «сплошныя» территоріи. Но какова была бы реальная цѣна этихъ и имъ подобныхъ географическіхъ упражненій? Мы сейчасъ это увидимъ.

IV.

Представляетъ ли собой населеніе какой-либо части Россіи такую tabula rasa, надъ которой позволительно было бы, не нарушая его интересовъ, производить всякаго рода межевыя манипуляціи, выкраивать тѣ или иныя территоріальныя единицы, соображаясь исключительно съ національнымъ составомъ, съ этнографическими границами? Надо имѣть при этомъ въ виду, о какого рода межеваніи идетъ рѣчь. Рѣчь идетъ объ областной автономіи, о новыхъ самоуправляющихся и административныхъ единицахъ. Вновь выкраиваемые округа, губерніи, уѣзды должны будутъ взять въ свое вѣдѣніе всю совокупность мѣстныхъ дѣлъ—не только дѣла культурно-просвѣтительныя (для нихъ-то этнографическое дѣленіе было бы умѣстно), но и дѣла административныя, и дѣла хозяйственныя. Это была бы вся та сумма дѣлъ, которая входитъ въ настоящее время въ вѣдѣніе губернской, уѣздной и областной администраціи, губернскихъ и уѣздныхъ земствъ, городскихъ думъ, плюсъ еще цѣлый рядъ функцій, которыя должны быть переданы органамъ областной автономіи изъ рукъ центральной власти. Спрашивается, мыслимо ли перекраивать всѣ эти територіальныя единицы, совершенно не считаясь при этомъ съ естественно сложившимися хозяйственными районами, съ природными условіями, со всей той суммой экономическихъ и соціальныхъ интересовъ, которые связаны съ существованіемъ этихъ единицъ?

Весьма поучительныя соображенія находимъ мы по этому

поводу у австрійскихъ теоретиковъ національнаго вопроса. Рудольфъ Шпрингеръ (Карлъ Реннеръ) набрасываетъ, напримѣръ, такую схему естественно сложившихся территоріальныхъ дѣленій, съ которыми должно считаться государство: 1) первичная естественная единица: поселокъ, деревня, городъ; 2) районъ, объединенный однимъ мѣстнымъ рынкомъ или ярмаркой: маленькій городъ, съ прилегающими къ нему поселеніями. Въ этомъ городѣ сходятся дороги, сюда съѣзжаются крестьяне изъ сосѣднихъ деревень для продажи своихъ продуктовъ и закупки необходимыхъ имъ вещей; 3) болѣе крупный округъ, объединенный въ свою очередь общимъ, болѣе значительнымъ рынкомъ. Въ центрѣ—большой провинціальный городъ. Здѣсь сосредоточивается ввозъ продуктовъ изъ другихъ такихъ же округовъ; продукты концентрируются у крупныхъ торговцевъ, перепродаются мелкимъ и затѣмъ развозятся по мелкимъ центрамъ и рынкамъ. Сюда же стекаются товары, вывозимые изъ даннаго округа. Весь округъ, взятый въ цѣломъ, представляетъ собой въ хозяйственномъ отношеніи нѣчто до извѣстной степени единое.

Другой австрійскій марксистъ, О. Бауэръ, не вполнѣ согласенъ съ этой схемой; онъ находитъ, что она нуждается въ извѣстныхъ поправкахъ. Въ промышленныхъ областяхъ, напримѣръ, естественной единицей можетъ быть горнозаводскій районъ или районъ текстильнаго производства. «Но—говоритъ онъ—во всякомъ случаѣ фактъ таковъ, что существуютъ хозяйственные районы, не зависящіе ни отъ какихъ правовыхъ подраздѣленій. И столь же несомнѣнно, что административныя и судебныя подраздѣленія должны приспособляться къ этимъ районамъ. Чешскій крестьянинъ, пріѣзжающій еженедѣльно въ нѣмецкій городъ, такъ какъ здѣсь онъ продаетъ свои товары и закупаетъ нужные ему продукты, требуетъ, чтобы ему была дана возможность здѣсь же уплачивать свои налоги, здѣсь же вести свои тяжбы, наводить справки въ кадастровыхъ книгахъ, жаловаться на постановленія какого-нибудь общиннаго заправилы. А то, что является потребностью населенія, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и потребность государства. Никакое упорядоченное управленіе невозможно, если административныя подраздѣленія разрываютъ соціальныя областныя единицы и сваливаютъ въ одну кучу округа, не имѣющіе ничего общаго между собой». [1]).

Эти соображенія слѣдуетъ очень и очень имѣть въ виду. Конечно, это не значитъ (Бауэръ это тоже оговариваетъ), что

---

[1]) Otto Bauer, «Nationalitätenfrage u. Sozialdemokratie», стр. 287.

существующія нынѣ административныя дѣленія не допускают никакихъ измѣненій. Измѣненія возможны, иногда даже необходимы; весь вопросъ въ томъ, въ какомъ направленіи нужно ихъ дѣлать, чѣмъ руководиться при этомъ. А разъ руководиться приходится въ первую очередь хозяйственными интересами, то вновь произведенныя дѣленія отнюдь не должны непремѣнно совпадать съ дѣленіями этнографическими. Никакой предустановленной гармоніи тутъ нѣтъ и быть не можетъ. Напротивъ, конфликты будутъ на каждомъ шагу. Это относится какъ къ болѣе детальнымъ по-уѣзднымъ и по-губернскимъ дѣленіямъ, такъ и, въ неменьшей степени, къ конфигураціи цѣлыхъ крупныхъ областей, взятыхъ въ цѣломъ. Сколько ни дѣлалось спеціалистами примѣрныхъ попытокъ раздѣленія карты Россіи на области по естественнымъ и экономическимъ признакамъ, мы ни у кого не находимъ дѣленія, хотя бы приблизительно совпадающаго съ этнографическими границами. У П. П. Семенова и у проф. Янсона интересующія насъ области складываются слѣдующимъ образомъ: Литовская область—губерніи Ковенская, Виленская и Гродненская; Бѣлорусская область—губ. Смоленская, Витебская, Могилевская; Прибалтійская область—всѣ три прибалтійскія губерніи; Малороссійская — губ. Харьковская; Полтавская и Черниговская. У Менделѣева Литва и Бѣлоруссія образуютъ одинъ общій сѣверо-западный край.

По-уѣздное дѣленіе имѣется у Д. И. Рихтера. У него въ Литовскій районъ входятъ губерніи Ковенская, Виленская, Гродненская и часть Минской, въ Бѣлорусскій—Витебская, Смоленская, Могилевская и также часть Минской; третья часть Минской губерніи образуетъ Полѣсскій районъ. Отъ Кавказа отдѣляется восточная часть Ставропольской губерніи; остальныя губерніи раздѣляются на четыре района—Сѣверно-Кавказскій, Дагестанскій, Западно-Закавказскій (губ. Черноморская и Кутаисская) и Восточно-Закавказскій.

Можно было бы привести еще и другія дѣленія. Всѣ они рѣзко расходятся съ тѣми этнографическими областями, которыя мы отмѣтили выше, и подогнать ихъ къ этимъ областямъ нельзя.

Областная автономія должна обслуживать такія хозяйственныя нужды населенія, которыя не могутъ быть удовлетворены стараніями центральной власти (слишкомъ велика для этого страна и слишкомъ многообразны нужды), и которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, не подъ силу удовлетворить губернскимъ и уѣзднымъ единицамъ. Областное самоуправленіе порождается необходимостью созданія средней самоуправляющейся инстанціи, охваты-

вающей цѣлый край и располагающей несравненно бо̀льшими силами и средствами, нежели отдѣльное земство. Уже это одно заставляетъ отнестись весьма скептически къ такимъ этнографическимъ округамъ, какъ намѣченные выше Латышскій, Эстонскій, Литовскій, Армянскій, Татарскій, Дагестанскій и пр., съ населеніемъ отъ двухъ милліоновъ до шестисотъ тысячъ и съ пространствомъ одной губерніи. Это была бы не автономія, а простое земство. И надъ этимъ земствомъ пришлось бы построить, въ качествѣ второго этажа, настоящую автономію, которая охватывала бы уже дѣйствительно цѣлый край и являлась бы естественной высшей инстанціей. А насколько было бы пестро по своему національному составу населеніе такой краевой территоріи—мы уже видѣли выше. Вотъ эти-то цифры представляютъ, въ концѣ концовъ, нѣчто несравненно болѣе реальное, чѣмъ искусственно вычерченныя этнографическія территоріи. Автономія Кавказа, или прибалтійскаго, или сѣверо-западнаго края имѣетъ несравненно больше корней въ жизни, чѣмъ автономія Курляндской и половины Лифляндской губерніи или нѣсколькихъ уѣздовъ Кутаисской и Тифлисской губерній. Въ сѣверо-западномъ краѣ, напримѣръ, хозяйственныя задачи, вызываемыя жалкимъ состояніемъ промышленности и земледѣлія, являются общими для всего края. «Промышленность Бѣлоруссіи—пишетъ А. Новина въ неоднократно цитированномъ мной сборникѣ [1])—тѣсно связана съ промышленностью Литвы, страдающей отъ тѣхъ же причинъ; и заслуживаетъ вниманія, что въ лицѣ различныхъ синдикатовъ и союзовъ промышленники стремятся объединить здѣсь производство *всего* сѣверозападнаго края. Таковы союзы пивоваровъ, кожевенниковъ, спичечный синдикатъ, союзъ лѣсопромышленниковъ и т. п.». Это послѣднее соображеніе чрезвычайно важно. Правовыя формы автономіи лишь закрѣпляютъ и фиксируютъ сложившуюся на практикѣ «особность» хозяйственнаго уклада и экономической жизни.

Итакъ, чтобы получить даже тѣ скромныя и неудачныя этнографическія территоріи, которыя мы разсмотрѣли выше, пришлось бы совершить радикальную ломку. Такая ломка не могла бы быть оправдана ни съ какой точки зрѣнія. Ужъ если рвать съ хозяйственной стороной жизни, то разумнѣе сдѣлать еще одинъ шагъ и отказаться совсѣмъ отъ территоріальнаго принципа. Вѣдь и держатся то за него во имя связи съ экономикой;

---

[1]) Стр. 389.

если эту связь нарушить, то зачѣмъ останавливаться на полдорогѣ, на *якобы* національныхъ территоріяхъ, на самомъ дѣлѣ не являющихся національными и никакого выхода не дающихъ; не лучше ли и не проще ли прибѣгнуть къ *чисто* національному самоуправленію? Отвѣтъ, мнѣ кажется, можетъ быть только одинъ.

Итакъ, можно считать установленнымъ, что на этнографическомъ размежеваніи территорій строить ничего нельзя. Областное самоуправленіе нужно; оно необходимо въ интересахъ хозяйственныхъ и административныхъ. Но диктуемое этими интересами межеваніе ни въ какой мѣрѣ не совпадаетъ съ дѣленіями національными. Областная автономія ни въ какой степени не будетъ автономіей національной. Казалось бы, практическій выводъ изъ этого довольно ясенъ. Въ дѣйствительности приходится, однако, встрѣчаться съ самыми неожиданными предложеніями.

V.

Въ польской литературѣ появилась года два-три тому назадъ серія статей по національному вопросу, написанныхъ Розой Люксембургъ. Она также признаетъ невозможность разрѣшенія національнаго вопроса путемъ территоріальной автономіи въ такихъ областяхъ, какими являются разсмотрѣнныя нами окраины Россіи. Но что предлагаетъ она вмѣсто областной автономіи для этихъ областей и для этихъ народовъ? Ничего. Пустое мѣсто. Конечно, нѣтъ правила безъ исключеній. И само собою понятно, что исключеніе дѣлается для Польши. Польша—полагаетъ Роза Люксембургъ—обладаетъ всѣми тѣми условіями, которыя необходимы для автономіи, и прежде всего—сплошнымъ, однообразнымъ по своему національному составу населеніемъ. Естественно сложившаяся хозяйственная область совпадаетъ здѣсь съ этнографической польской чертой. И потому для Польши національно-территоріальная автономія и необходима, и возможна.

Этимъ, въ сущности и исчерпывается вся россійская національная программа Розы Люксембургъ. Автономія для Польши, а для остальныхъ областей и народовъ... мѣстное самоуправленіе. Въ качествѣ корректива, для охраны правъ меньшинства считается достаточнымъ изданіе обще-имперскаго закона, который предпишетъ мѣстнымъ властямъ открывать для національ-

ностей, остающихся въ меньшинствѣ, школы на ихъ родномъ языкѣ и сноситься съ населеніемъ на томъ же языкѣ.

Повидимому, авторъ склоненъ мѣрить двумя мѣрами, и уже это одно обстоятельство, мало располагаетъ къ принятію его выводовъ. Но присмотримся къ этимъ выводамъ поближе.

Не въ примѣръ прочимъ областямъ, Польша единообразна по своему національному составу. Мы часто слышимъ это заявленіе. Я позволю себѣ утверждать, что это не болѣе какъ легенда. Что говорятъ намъ цифры?

Всего населенія въ Польшѣ по даннымъ 1897-го года круглымъ счетомъ 9.402 тыс., въ томъ числѣ поляковъ—6.751 тыс. Поляки образуютъ, такимъ образомъ, на территоріи Царства Польскаго 71,8% всего населенія.

Это значитъ, что въ меньшинствѣ остается немногимъ меньше *трети*, или, въ абсолютныхъ цифрахъ 2.651 тыс., что равняется, примѣрно, численному составу грузинской и армянской націй вмѣстѣ взятыхъ, и даже превышаетъ его.

Кромѣ этихъ $2^1/_2$ милліоновъ обойденныхъ въ самой Польшѣ, областная автономія не распространяется на всѣхъ тѣхъ поляковъ, которые живутъ за предѣлами Польши; такихъ поляковъ въ Россіи (преимущественно въ сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ) имѣется круглымъ счетомъ 1.180 тысячъ или 14,8% всего числа поляковъ въ Россіи. Не думаю, чтобы для націи, насчитывающей въ Россіи всего 8 милліоновъ, цѣлый милліонъ являлся бы quantité négligeable.

Но пойдемъ дальше. Разсмотримъ, какъ мы это дѣлали въ другихъ областяхъ, національный составъ городского и сельскаго населенія. И здѣсь мы также найдемъ крайне неравномѣрное распредѣленіе. Деревни, дѣйствительно, въ огромномъ большинствѣ польскія. Но въ городахъ положеніе рѣзко мѣняется. Въ большей части польскихъ городовъ *поляки составляютъ меньшинство*.

Всего въ Царствѣ Польскомъ числится въ настоящее время (беремъ данныя Варш. Стат. Ком. за 1907 г.) 116 городовъ. Въ томъ числѣ городовъ съ преобладающимъ польскимъ населеніемъ имѣется всего 24—немногимъ больше пятой части. Въ остальныхъ 92 городахъ поляки составляютъ меньшинство. Болѣе того: въ 84 городахъ изъ этихъ 92 поляки находятся въ меньшинствѣ не только абсолютно, но и относительно, т. е. не только не достигаютъ половины населенія, но уступаютъ даже отдѣльно взятымъ не-польскимъ группамъ. Варшава въ число этихъ городовъ не входитъ, но даже здѣсь, въ столицѣ Польши,

поляки составляютъ менѣе 60%; остальныя группы образуютъ огромное—и подчасъ рѣшающее—меньшинство въ 300 тысячъ. Уже въ Лодзи, слѣдующемъ за Варшавою центрѣ, поляки не достигаютъ и половины населенія. Въ четырехъ губернскихъ городахъ они составляютъ абсолютное и относительное меньшинство, и то же самое слѣдуетъ сказать еще о 80-ти болѣе мелкихъ пунктахъ. Если нѣкоторое количество крупныхъ центровъ и находится въ болѣе благопріятномъ положеніи, то все же въ общемъ около 77% провинціальнаго (за вычетомъ Варшавы) городского населенія Царства Польскаго живетъ въ городахъ, гдѣ поляки не достигаютъ половины населенія. Положеніе получается нѣсколько аналогичное тому, какое мы видѣли въ сѣверо-западномъ краѣ.

Правда, и здѣсь можетъ быть приведено обычное возраженіе. Группа населенія, господствующая въ большинствѣ городовъ Польши—евреи. А, какъ извѣстно, «евреи, не нація»; евреи—тѣ же поляки, но только еще не успѣвшіе усвоить себѣ польской культуры; это не нація, а «необразованность». Не слишкомъ ли это простой способъ рѣшенія вопроса? Разговоры о предстоящей ассимиляціи евреевъ съ поляками могутъ быть убѣдительны для однихъ, не убѣдительны для другихъ; но пока что, это во всякомъ случаѣ только разговоры, только гаданія, отнюдь не больше. И въ глазахъ самихъ заинтересованныхъ сторонъ (какъ поляковъ, такъ и евреевъ) эти гаданія съ каждымъ днемъ теряютъ свой кредитъ. Заявленія, будто евреи *уже* ассимилировались въ значительной степени, основаны на простомъ незнакомствѣ съ вопросомъ. О томъ, насколько они отвѣчаютъ дѣйствительности, можно судить уже по тому одному, что число евреевъ, показавшихъ при переписи 1897 г. своимъ роднымъ языкомъ польскій, равняется всего на всего 3,5% еврейскаго населенія Польши, и девять десятыхъ этихъ «поляковъ моисеева закона» приходится на Варшаву. Таковъ ассимиляціонный результатъ шестивѣкового сожительства. Но и предположенія, касающіяся будущаго, болѣе чѣмъ туманны, болѣе чѣмъ спорны; во всякомъ случаѣ они имѣютъ въ виду нѣчто весьма отдаленное, находящееся по ту сторону нашего историческаго горизонта. А между тѣмъ польско-еврейскій вопросъ поставленъ въ Польшѣ уже сейчасъ. И поставленъ, какъ вопросъ *національный*. Маниловы ассимиляціи грезятъ «о временахъ грядущихъ»—а между тѣмъ польскій національзмъ *уже* увидѣлъ въ евреяхъ опасность для себя, уже пошелъ въ атаку и уже натолкнулся на отпоръ еврейскаго національзма, да и не на-

ціонализма только, а всего, что есть живого въ еврействѣ. По ассимиляціонной теоріи евреи—не нація, но въ реальной жизни Польши нація стала противъ націи, и вопросъ нельзя эскамотировать ссылкой на то, что съ теченіемъ времени, молъ, «обомнется». Сейчасъ борьба идетъ во всякомъ случаѣ не на убыль, а на повышеніе. И уже самый фактъ этой борьбы жестоко разрушаетъ не одну ассимиляціонную иллюзію. Одна сторона не хочетъ ассимилировать, другая—не можетъ ассимилироваться, если бы даже и хотѣла.

Съ этимъ весьма резонно считаются борющіяся стороны, а тѣ осколки ассимиляціоннаго движенія, которые сохранились еще понынѣ, вынуждены либо стоять въ сторонѣ, либо выступать въ роли опредѣленныхъ противниковъ еврейскаго (неассимиляторскаго) культурнаго движенія, т. е. лить воду на мельницу польскаго національизма... Но я не хочу отвлекаться отъ темы. Непосредственно связанъ съ ней тотъ вопросъ, вокругъ котораго разгорѣлась теперь польско-еврейская распря: вопросъ о городскомъ самоуправленіи въ Польшѣ. Въ чемъ здѣсь дѣло?

Опираясь на цифры, свидѣтельствующія о преобладаніи евреевъ, польскій національзмъ бьетъ тревогу: мы не можемъ отдать *польское* городское самоуправленіе въ *еврейскія* руки. Нѣтъ ли въ жалобахъ польскихъ націоналистовъ хоть нѣкоторой крупицы истины? На мой взглядъ—несомнѣнно есть. Подчеркиваю: въ жалобахъ, но, конечно, не въ проектахъ.

Поскольку польскій націоналистъ бьетъ въ набатъ изъ-за того, что въ рукахъ евреевъ можетъ оказаться дѣло городского водоснабженія, канализаціи или освѣщенія улицъ,—мотивы и стимулы его вполнѣ ясны: они сводятся къ боязни конкуренціи. Здѣсь ни о какой крупицѣ правоты не можетъ быть рѣчи. Но совершенно иной видъ принимаетъ дѣло, когда мы подходимъ къ вопросамъ *національно-культурнымъ*. Устройство школъ, библіотекъ, субсидированіе театровъ, содѣйствіе всякаго рода культурнымъ начинаніямъ—это уже не нейтральныя въ національномъ смыслѣ функціи. Здѣсь уже рѣчь идетъ объ обслуживанія не внѣнаціональныхъ, не безличныхъ въ національномъ отношеніи нуждъ, а объ удовлетвореніи опредѣленно выраженныхъ національныхъ нуждъ. И здѣсь уже не безразлично, въ чьихъ рукахъ, въ рукахъ какой націи будетъ находиться завѣдываніе даннымъ кругомъ дѣлъ. Трудно осудить поляка, который желаетъ, чтобы его школьное дѣло—этотъ центральный пунктъ національной работы—находилось въ польскихъ же рукахъ. Въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ правъ, точно такъ же, какъ въ свою оче-

редь будетъ правъ еврей, не желающій, чтобы его школы находились въ рукахъ польской націи, какъ будетъ право всякое національное меньшинство, не желающее поручать другой націи работу надъ его культурой. Ни отъ кого нельзя требовать такого національнаго самопожертвованія, и никому оно не нужно. Можно говорить сколько угодно о солидарности націй, но не надо забывать, что мы живемъ въ капиталистическомъ строѣ. При данныхъ условіяхъ эта солидарность есть не болѣе, какъ постулатъ. Этотъ постулатъ осуществляется въ нѣкоторой части современнаго общества—въ рабочемъ классѣ,—но не больше. Надежда на то, что можно заставить буржуазные классы отказаться отъ національной грызни тамъ, гдѣ для нея есть подходящая арена, болѣе чѣмъ слаба. Парализовать грызню можно только устранивъ то положеніе, при которомъ нѣсколькимъ національнымъ группамъ бросается одна общая кость; парализовать грызню можно, создавъ спеціальныя формы національнаго (а не территоріальнаго) размежеванія. Мы коснемся ихъ ниже. Но посадить въ одну общую камеру нѣсколько націй, дать имъ общій бюджетъ, заставить сообща строить школы—значитъ создавать такое положеніе, при которомъ грызня неизбѣжна. А разъ она неизбѣжна, неизбѣжно и ея подавленіе. Нѣтъ ничего удивительнаго, если полякъ не желаетъ, чтобы дирижерская палочка была въ рукахъ еврейскаго большинства; и вполнѣ правъ еврей, не желающій, чтобы его школы были въ польскихъ рукахъ.

Вотъ въ этомъ смыслѣ основательны претензіи польскихъ националистовъ. Мнѣ незачѣмъ заявлять о своей несолидарности съ тѣми *выводами*, которые они изъ этихъ претензій дѣлаютъ. Выводы—достойные чернѣйшей реакціи. Для того, чтобы большинство не было за евреями, они, хотятъ загнать еврейство въ клѣтушку, въ національную курію съ заранѣе фиксированнымъ и притомъ (что самое главное) ничтожнымъ числомъ депутатскихъ мѣстъ. Большинство, такимъ образомъ, превращается въ меньшинство, меньшинство разбухаетъ до состоянія большинства.

Это—фокусы, на которые можетъ пойти только реакція. Для тѣхъ, кто отклоняетъ отъ себя честь числиться въ ея рядахъ, жизнь подсказываетъ иной выходъ: выдѣлить національно-культурныя дѣла, передать ихъ въ завѣдываніе самимъ націямъ, произвести размежеваніе націй. И если этотъ выходъ не рѣшитъ вопроса на-чисто (нѣтъ такого универсальнаго средства, при существующемъ соціальномъ укладѣ), если онъ не устранитъ на-

ціональныхъ треній въ области обще-городскихъ вопросовъ, то во всякомъ случаѣ онъ оградитъ отъ національныхъ распрей культурную работу, а затѣмъ,—что особенно важно,—удовлетворитъ *справедливыя* притязанія, уничтожитъ тотъ ореолъ моральной правды, который они сообщаютъ корыстнымъ претензіямъ зоологическаго національзма, обнажитъ этотъ національзмъ въ его истинномъ видѣ, лишенномъ уже всякой крупицы правоты. Но для этого необходимо эту крупицу извлечь и поступить сообразно съ ея велѣніями.

Я нѣсколько подробнѣе остановился на этомъ частномъ случаѣ, ибо онъ наглядно показываетъ, какъ уже теперь жизненныя отношенія настоятельно толкаютъ въ сторону экстерриторіальнаго рѣшенія національнаго вопроса. И не иронія ли судьбы, что съ наибольшей остротой и злободневностью обнаруживается? это какъ разъ въ Польшѣ, этомъ мнимомъ Эльдорадо территоріальной автономіи?

VI.

Вернемся теперь къ другимъ областямъ и къ національной программѣ (безпрограммности?) Розы Люксембургъ.

О томъ, что въ этихъ областяхъ областная автономія не отвѣчаетъ на національный вопросъ, намъ не приходится спорить; въ этомъ мы согласны. Вопросъ лишь въ томъ, чѣмъ ее замѣнить. Обще-государственнымъ закономъ—говоритъ Роза Люксембургъ. Какой же это законъ?

Рѣчь идетъ объ установленіи извѣстной нормы, на основаніи которой наличность въ данной мѣстности того или иного національнаго меньшинства, достигающаго опредѣленнаго числового минимума, дѣлаетъ обязательнымъ для соотвѣтствующихъ инстанцій созданіе школъ на языкѣ этой націи. Съ другой стороны тотъ же законъ долженъ гарантировать національному меньшинству права его языка въ мѣстныхъ государственныхъ учрежденіяхъ. На этомъ послѣднемъ пунктѣ мы здѣсь останавливаться не станемъ. Вопросъ о языкахъ въ администраціи, судѣ и пр.—вопросъ, неразрывно связанный съ порядкомъ замѣщенія должностей—требуетъ спеціальнаго разсмотрѣнія при *всѣхъ* формахъ рѣшенія національнаго вопроса: ни территоріальная, ни экстерриторіальная автономія *сама по себѣ* его еще не рѣшаетъ.

Какъ же обстоитъ дѣло со школьной нормой? Что она даетъ? Чисто механическое разрѣшеніе вопроса: на такое-то ко-

личество «инородцевъ» должно приходиться такое-то количество низшихъ, такое-то количество среднихъ школъ. Это самое большее, что можетъ дать общегосударственный законъ. Ясно, что такая регламентація является въ высшей степени несовершенной, по цѣлому ряду соображеній.

Во-первыхъ, нормировка числа школъ не можетъ происходить чисто автоматически, на основаніи одной лишь численности населенія. Населеніе населенію рознь. При установленіи числа школъ играетъ роль, кромѣ абсолютной численности, еще цѣлый рядъ факторовъ: степень густоты населенія, распредѣленіе его между городомъ и деревней, соціальный составъ, степень культурности. Установить для всѣхъ этихъ факторовъ, въ порядкѣ обще-государственнаго законодательства, числовые коэффиціенты нѣтъ никакой возможности. Здѣсь совершенно неизбѣженъ извѣстный просторъ для усмотрѣнія мѣстныхъ органовъ. А при наличности усмотрѣнія неизбѣжна маіоризація меньшинства; каждую новую школу придется отвоевывать съ бою.

Во-вторыхъ, что это значитъ—школы на родномъ языкѣ? Какъ будто существуетъ одинъ опредѣленный типъ разрѣшенія языковаго вопроса въ школѣ. Ничего подобнаго нѣтъ. Жизненные интересы требуютъ здѣсь цѣлаго ряда различныхъ типовъ—и именно въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Извѣстное мѣсто должно быть отведено общегосударственному языку—различное въ различныхъ областяхъ; извѣстное мѣсто—языку мѣстнаго большинства, опять-таки въ зависимости отъ его значенія и отъ степени его преобладанія. Ясно, напримѣръ, что для національнаго меньшинства, живущаго, скажемъ, въ Польшѣ, польскій языкъ будетъ играть бóльшую роль, чѣмъ хотя бы татарскій языкъ для меньшинства, живущаго въ татарской области. Далѣе идетъ вопросъ о роли различныхъ языковъ, какъ *предметовъ* преподаванія и какъ *языковъ* преподаванія: ограничиваться ли *обученіемъ* данному языку или вести на немъ преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ? И если вести, то во всѣхъ ли классахъ или только въ нѣкоторыхъ? Все это—вопросы въ высшей степени реальные, стоящіе передъ нами уже сейчасъ. Разрѣшить ихъ единообразно, безотносительно къ мѣстнымъ условіямъ, нѣтъ никакой возможности. Никакой общегосударственный законъ здѣсь не можетъ ничего подѣлать.

Въ третьихъ, вопросомъ о языкѣ отнюдь не исчерпывается національно-спорная сторона школьнаго дѣла. Помимо языка, имѣется еще и вопросъ о характерѣ преподаванія, о программѣ школы, о мѣстѣ, которое отводится въ ней такъ называемымъ

«общимъ» вопросамъ и вопросамъ, специально затрагивающимъ данную націю—изученію исторіи ея, родной литературы и т. п. Возникаетъ, наконецъ, вопросъ о типахъ школъ, необходимыхъ для данной группы населенія—общеобразовательныхъ, спеціальныхъ и т. п. Все это требуетъ индивидуализаціи; механическое рѣшеніе не даетъ ничего.

Въ-четвертыхъ, развѣ однѣми школами исчерпывается культурная работа государства? Устройство библіотекъ, курсовъ для взрослыхъ, учительскихъ институтовъ, выставокъ съ просвѣтительными цѣлями, высшихъ учебныхъ заведеній; далѣе, ученыя учрежденія, академіи, командировки съ научными цѣлями, преміи, музеи; наконецъ, общее объединеніе учебнаго дѣла. Кто будетъ заниматься всѣмъ этимъ? Неужели министерство народнаго просвѣщенія въ Петербургѣ? Объ этомъ и думать нечего. Стало быть—мѣстные органы, и такъ какъ цѣлый рядъ задачъ мѣстнымъ учрежденіямъ абсолютно не подъ силу, то—областныя учрежденія. Стало быть, опять та же областная автономія! Но сама же Роза Люксембургъ признаетъ, что въ національно пестрыхъ областяхъ (какими являются, по ея мнѣнію, всѣ окраины кромѣ Польши) областная автономія не можетъ явиться орудіемъ національно-культурной работы. Получается тупикъ.

Этотъ тупикъ совершенно неизбѣженъ для всѣхъ, кто не можетъ отдѣлаться отъ фетишистическаго преклоненія передъ территоріальнымъ принципомъ, гласящимъ: либо территоріализмъ, либо ничего. Но мы видѣли, что при ближайшемъ разсмотрѣніи это «ничего» сводится къ тому же территоріализму. Дилемма, такимъ образомъ, падаетъ; остается *только* территоріальный отвѣтъ, который, какъ мы видѣли выше и какъ говоритъ сама Р. Люксембургъ, тоже невозможенъ. Выхода нѣтъ.

Конечно, это только кажущаяся безвыходность. У Розы Люксембургъ она создалась потому, что она сразу категорически стала на сторону территоріальной автономіи. Объ иной возможности она не желаетъ даже и думать. Къ сожалѣнію, подобнымъ же образомъ поступаетъ и цѣлый рядъ другихъ публицистовъ. Одѣваютъ шоры на глаза; мудрено ли, что въ результатѣ путешествія—тупой переулокъ?

А между тѣмъ изъ даннаго положенія есть выходъ, напрашивающійся прямо-таки съ принудительной силой. Жизнь требуетъ отвѣта; территоріальныя формы этого отвѣта не даютъ; его надо искать въ формахъ экстерриторіальныхъ.

Экстерриторіальная національная автономія—вотъ тотъ выходъ, который я имѣю въ виду. Я не могу останавливаться на

изображеніи того, что подъ этой автономіей слѣдуетъ понимать. Интересующихся отсылаю къ обстоятельнымъ работамъ Шпрингера и Бауэра, появившихся также и въ русскомъ переводѣ. Сущность ея сводится къ *національному самоуправленію* въ подлинномъ смыслѣ этого слова. Она порываетъ съ фикціей національныхъ территорій; она беретъ націю такою, какая она есть, разбросанною по разнымъ землямъ одного и того же государства, живущею вперемежку съ другими націями, и передаетъ въ ея руки вѣдѣніе ея собственныхъ національныхъ дѣлъ. Если основной ячейкой областной автономіи является все населеніе данной мѣстности, даннаго города, общины, селенія, то основной ячейкой національной автономіи является та сумма жителей данной мѣстности, которая принадлежитъ къ данной націи. Изъ этихъ національныхъ общинъ (возможныхъ, разумѣется, лишь тамъ, гдѣ данная нація образуетъ сколько-нибудь компактную массу) слагается зданіе національной автономіи. Въ его вѣдѣніе переходятъ національныя функціи, выдѣленныя изъ компетенціи общихъ учрежденій. Въ сферѣ этихъ функцій націи размежевываются между собой. Каждая завѣдуетъ своими дѣлами. Нѣтъ захвата, нѣтъ маіоризаціи, нѣтъ борьбы.

Правда,—и я указалъ на это мелькомъ, говоря о городскомъ самоуправленіи въ Польшѣ,—въ національной автономіи тоже нельзя видѣть всеспасающаго средства противъ всѣхъ бѣдствій. Она выдѣляетъ изъ сферы вѣдѣнія «общихъ», т. е. національно-пестрыхъ органовъ, культурныя дѣла; по отношенію къ остальнымъ дѣламъ она безсильна. Но это не доводъ противъ нея, ибо всякое другое рѣшеніе вопроса хуже. Она по крайней мѣрѣ локализуетъ пламя національной вражды. И это все, что можетъ сдѣлать та или иная форма государственнаго устройства; ибо затушить это пламя въ корнѣ она сама по себѣ не въ силахъ. Національная автономія даетъ максимумъ достижимаго въ общихъ условіяхъ современнаго соціальнаго уклада жизни. Бо́льшаго отъ нея требовать нельзя. А то, что она въ силахъ дать, надо осуществить.

В. Медемъ.

ПАНЪ.

(Изъ Іоганна Іоргенсенъ) [1])

Лѣса, угрюмыя моря
И солнечный привѣтъ...
Заря, пурпурная заря...
Мечтательный разсвѣтъ.

Въ колосьяхъ вѣтеръ шелеститъ...
Тоскливый гулъ въ горахъ...
И грустно лунный лучъ блеститъ
На трепетныхъ волнахъ.

Тоска, печаль со всѣхъ сторонъ
Безъ счастья впереди...
Я слышу чей-то мощный стонъ
Изъ раненой груди.

Рыдаетъ хмурый океанъ
Могучимъ языкомъ—
То плачетъ вѣчно-юный Панъ
О радостномъ быломъ...

Анатолій Доброхотовъ.

---

1) Іоргенсенъ—датскій поэтъ; родился въ 1866 г.

ЗА РУБЕЖОМЪ [1].

I.

На разсвѣтѣ прекраснаго іюльскаго дня 1878 г. я и Стефановичъ пріѣхали на пограничную станцію, на которой Зунделевичъ, завѣдывавшій иностраннымъ департаментомъ, долженъ былъ, по условію, ждать насъ, чтобы предоставить намъ возможность перебраться черезъ границу контрабанднымъ путемъ. На всякій случай онъ сообщилъ намъ примѣты знакомаго ему контрабандиста, посовѣтовавъ, чтобы кто-нибудь изъ насъ, по пріѣздѣ на эту станцію, подвязалъ себѣ щеку бѣлымъ платкомъ. Узнавъ насъ по этой примѣтѣ, контрабандистъ, въ случаѣ отсутствія Зунделевича, долженъ былъ первый къ намъ подойти.

«Но въ этомъ не представится никакой надобности,—завѣрялъ насъ нашъ чичероне,—такъ какъ я непремѣнно самъ васъ встрѣчу».

Разговоръ этотъ происходилъ у насъ съ Зунделевичемъ въ Петербургѣ. Чтобы убѣдиться, все ли на границѣ въ порядкѣ, онъ нашелъ необходимымъ отправиться туда предварительно съ однимъ лишь Бохановскимъ, незадолго предъ тѣмъ пріѣхавшимъ въ столицу съ юга, послѣ нашего побѣга втроемъ изъ Кіевскаго тюремнаго замка. Я же со Стефановичемъ долженъ былъ выѣхать съ указаннымъ намъ Зунделевичемъ поѣздомъ черезъ два дня.

Легко, поэтому, представить себѣ наше удивленіе и вмѣстѣ тревогу, когда, оглядываясь кругомъ на пограничной станціи, мы не нашли нашего путеводителя. Это было тѣмъ болѣе странно, что за Зунделевичемъ въ революціонной средѣ установилась вполнѣ заслуженная репутація въ высшей степени аккурат-

---

[1] См. «На рубежѣ», іюль, стр. 155.

наго человѣка. Было очевидно, что съ нимъ произошло нѣчто экстраординарное.

На этой же станціи одновременно съ нами сошелъ съ поѣзда еще одинъ молодой человѣкъ съ подвязанной бѣлымъ платкомъ щекой. Онъ робко осматривался по сторонамъ, очевидно желая обратить на себя чье-то вниманіе. Еще при отъѣздѣ изъ Петербурга мы узнали, что въ одномъ съ нами поѣздѣ отправится за-границу бѣжавшій изъ административной ссылки Исаакъ Павловскій,—одинъ изъ привлекавшихся по процессу 193-хъ. По словамъ нашего товарища, «троглодита» Оболешина, провожавшаго насъ на Варшавскомъ вокзалѣ, Павловскій обнаруживалъ чрезмѣрную боязнь, чѣмъ въ пути легко могъ выдать себя. Поэтому, указавъ намъ вагонъ, куда сѣлъ Павловскій, Оболешинъ посовѣтовалъ намъ, ради осторожности, выбрать другой вагонъ, что мы и сдѣлали.

Ни я, ни Стефановичъ не знали Павловскаго въ лицо, но, увидѣвъ на пограничной станціи молодого человѣка съ подвязанной щекой, намъ не трудно было догадаться, кто онъ. Мы сочли тогда не только излишнимъ, но и не совсѣмъ безопаснымъ, чтобы еще изъ насъ двоихъ кто-нибудь сталъ изображать страдающаго зубами: такое количество больныхъ именно зубами изъ трехъ всего прибывшихъ пассажировъ, къ тому же все молодыхъ людей, легко могло возбудить подозрѣніе станціоннаго жандарма. Поэтому мы со Стефановичемъ рѣшили наблюдать за Павловскимъ, чтобы увидѣть, когда къ нему подойдетъ описанный намъ Зунделевичемъ контрабандистъ. Но, изъ робости ли или по какой другой причинѣ, Павловскій забрался въ отдаленный уголъ, гдѣ усѣлся на скамью, такъ, что кромѣ насъ двоихъ, его никто не замѣчалъ.

Между тѣмъ на этой маленькой станціи, находящейся близъ границы, легко было обратить на себя вниманіе жандарма. Кромѣ троихъ пріѣхавшихъ, тамъ толкалось всего нѣсколько евреевъ, очевидно—мѣстныхъ жителей, явившихся къ приходу поѣзда.

Убѣдившись, наконецъ, въ томъ, что никто изъ публики не намѣревается подойти къ Павловскому, мы рѣшили сами разыскать описаннаго намъ Зунделевичемъ контрабандиста. Вскорѣ Стефановичъ замѣтилъ среди группы бесѣдовавшихъ евреевъ одного, очень походившаго на нужнаго намъ. Смѣло направившись къ нему, мой товарищъ назвалъ его по сообщенному намъ Зунделевичемъ его имени. Рыжебородый высокій еврей встрепенулся, но тотчасъ же догадался, кто мы, такъ какъ

отъ Зунделевича онъ уже зналъ о предстоявшемъ нашемъ прiѣздѣ. Его также крайне удивляло отсутствiе Зунделевича, который, по его словамъ, поѣхалъ намъ на встрѣчу, чтобы вернуться на эту станцiю вмѣстѣ съ нами. Контрабандистъ повелъ насъ къ своей телѣгѣ, находившейся около вокзала, и мы собирались уже отправиться съ нимъ, когда я вспомнилъ объ оставшемся на вокзалѣ Павловскомъ. Если бы мы уѣхали, онъ просидѣлъ бы на опустѣвшемъ маленькомъ полустанкѣ, пока своимъ видомъ не возбудилъ бы въ комъ-либо подозрѣнiя.

Подойдя къ Павловскому, я предложилъ ему послѣдовать за мною во дворъ, гдѣ, какъ я ему объяснилъ, уже ждетъ насъ контрабандистъ. На лицѣ его появилось выраженiе недоумѣнiя или испуга, что было вполнѣ естественно, такъ какъ, вмѣсто пожилого еврея, онъ вдругъ увидѣлъ молодого интеллигентнаго на видъ человѣка, котораго, вѣроятно, принялъ за шпика. Я старался успокоить его, заявивъ, что и я контрабанднымъ путемъ хочу перебраться черезъ границу.

— Но откуда вы меня знаете?—съ изумленiемъ спросилъ онъ.

— Здѣсь не мѣсто объ этомъ разговаривать,—отвѣтилъ я.—Идемте скорѣе, не то вы тутъ останетесь, и васъ арестуютъ!

Нерѣшительной походкой послѣдовалъ онъ за мною. Когда мы всѣ четверо размѣстились въ повозкѣ, и тощая лошадка медленно поплелась, Павловскiй сталъ разспрашивать меня и Стефановича, кто мы, откуда и т. д.?

Намѣреваясь пробыть за-границей короткое время, мы заранѣе рѣшили и тамъ не жить подъ нашими настоящими фамилiями, чтобы не дать возможность заграничнымъ шпiонамъ прослѣдить насъ по пятамъ, когда мы соберемся обратно на родину. Поэтому мы назвались первыми попавшими на языкъ фамилiями, заявивъ Павловскому, что мы — бывшiе студенты Кiевскаго университета, высланные на сѣверъ за мартовскiе безпорядки (1878 г.).

Это сообщенiе, видимо, сразу уронило насъ въ глазахъ Павловскаго, что вскорѣ онъ и обнаружилъ. Но предварительно сообщу, какъ въ то время совершалась переправа контрабанднымъ способомъ черезъ границу.

Когда мы, наконецъ, добрались до деревни, гдѣ лошадь остановилась у невзрачной избушки, еврей предложилъ намъ войти въ его домъ. По дорогѣ въ заднюю, наиболѣе чистую комнату намъ попались худая на видъ женщина и истощенныя

ребятишки. То была семья промышлявшаго столь опаснымъ занятіемъ контрабандиста.

Онъ спросилъ насъ, хотимъ ли мы дожидаться возвращенія неизвѣстно гдѣ замѣшкавшагося Зунделевича или предпочитаемъ немедленно переправиться черезъ границу? Я и Стефановичъ приняли послѣднее предложеніе, Павловскій же предпочелъ остаться. Тогда контрабандистъ заявилъ намъ, что намъ можно будетъ вскорѣ отправиться въ сопровожденіи его жены, послѣ чего ушелъ куда-то. Вслѣдъ за тѣмъ появилась его жена и предложила намъ итти, при чемъ посовѣтовала намъ, слѣдуя за нею по деревнѣ, дѣлать видъ, словно мы прогуливаемся и не имѣемъ съ ней ничего общаго.

Дойдя до окраины деревни, мы увидѣли довольно густой подлѣсокъ или рощу. Наша путеводительница, въ теченіе всего пути не поворачивавшая назадъ головы, вступивъ въ рощу, исчезла изъ виду. Но мы увидѣли передъ собою хорошо протоpенную тропинку, по которой и продолжали идти впередъ. Вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя мы замѣтили солдата, съ ружьемъ на плечѣ. Ясно было, что то былъ часовой пограничной стражи. Это обстоятельство насъ въ сильной степени смутило; но не успѣли мы сообразить, что намъ слѣдуетъ предпринять, какъ солдатъ медленнымъ шагомъ направился въ противоположную отъ насъ сторону и вскорѣ совсѣмъ исчезъ изъ виду.

Мы продолжали нашъ путь впередъ, встрѣчая еще нѣсколько такихъ же охранителей русской границы, которые, при нашемъ приближеніе, молча сворачивали въ сторону. Было что-то торжественное, таинственное и привлекательное въ этой прогулкѣ по лѣсу, въ жаркое іюльское утро, подъ охраной вооруженной стражи.

Вышедши изъ рощи, мы очутились на берегу небольшой рѣчки, которую намъ предстояло перейти въ бродъ. Но лишь только, разувшись, мы собрались это сдѣлать, какъ увидѣли разгуливавшаго на противоположномъ берегу прилично одѣтаго нѣмца, къ которому вскорѣ присоединился еще еврей. Расположившись на пескѣ, мы рѣшили ждать, пока эти лица удалятся. Но они, очевидно, не собирались скоро осуществить наше желаніе. Между тѣмъ, оставаться неопредѣленное время на самой границѣ намъ казалось далеко небезопаснымъ. Прождавъ, поэтому, еще нѣкоторое время, мы на виду у этихъ лицъ рѣшили перейти рѣчку. Но лишь только мы сдѣлали нѣсколько шаговъ по направленію къ ней, какъ позади насъ раздался шепотъ: «Ради

Бога, подождите! Этотъ еврей—мой злѣйшій врагъ; онъ нарочно пришелъ сюда, чтобы выслѣдить васъ и мнѣ потомъ навредить!»

То предостерегалъ насъ тревожнымъ и просящимъ голосомъ нашъ контрабандистъ, спрятавшись въ чащѣ такъ, что его самого не было видно съ берега.

Пришлось подчиниться. Но время шло, а «злѣйшій врагъ» нашего путеводителя, расположившись на камнѣ, вовсе не намѣревался уйти. Потерявъ, наконецъ, терпѣніе, мы рѣшили не сообразоваться болѣе съ интересами нашего контрабандиста и, не смотря на его мольбы, полѣзли въ воду. Минуты двѣ-три спустя, промочивъ ноги лишь до колѣнъ, мы вышли на противоположный, германскій берегъ, гдѣ, понятно, вздохнули съ облегченіемъ.

II.

Въ небольшомъ нѣмецкомъ мѣстечкѣ, чистота и опрятность котораго бросились въ глаза, мы, по данному намъ заранѣе контрабандистомъ адресу, вскорѣ нашли гостинницу, въ которой дня два уже, въ ожиданіи нашего прибытія, жилъ Иванъ Барановскій. Чрезвычайно обрадовавшись встрѣчѣ съ нами, онъ также крайне изумился, узнавъ объ отсутствіи Зунделевича.

Сообща строили мы всевозможныя догадки относительно непонятнаго исчезновенія «управляющаго заграничнымъ департаментомъ», когда вдругъ послышались торопливые шаги по лѣстницѣ и затѣмъ раздался стукъ въ дверь. На наше: «herein» дверь открылась, и на порогѣ номера показался Зунделевичъ, въ сопровожденіи Павловскаго.

Радость наша была, конечно, очень велика. Оказалось, что поѣхавъ намъ на встрѣчу, чтобы присоединиться къ намъ за нѣсколько станцій до границы, Зунделевичъ на узловой станціи прикурнулъ и, утомленный продолжительнымъ пребываніемъ въ разъѣздахъ, проспалъ нашъ поѣздъ. Съ большимъ трудомъ ему удалось затѣмъ получить разрѣшеніе начальника станціи, на занятіе мѣста въ отправлявшемся вскорѣ затѣмъ товарномъ поѣздѣ.

Всѣ были довольны и веселы, что все такъ благополучно кончилось. Вечеромъ пара сытыхъ и бодрыхъ лошадей, запряженныхъ въ удобную и красивую бричку, нѣмца-хозяина гостинницы—который, повидимому, занимался тѣмъ же промысломъ, что и еврей,—повезла всѣхъ насъ пятерыхъ на желѣзнодорожную станцію, находившуюся въ довольно большомъ разстояніи отъ границы.

Какъ и въ теченіе всего дня, у насъ шелъ во время дороги непрерывный споръ съ Зунделевичемъ относительно дѣятельности въ народѣ. Къ немалому нашему удивленію, этотъ выдающійся членъ народнической организаціи высказывалъ взгляды, шедшіе въ разрѣзъ съ ея программой. Зунделевичъ, оказывалось, совершенно не вѣрилъ въ «устои» въ «общину», «артель», «трудовой принципъ» и во все прочее, присущее, по нашимъ тогдашнимъ воззрѣніямъ, исключительно русскому народу. Онъ не вѣрилъ въ возможность «народной революціи» и дѣятельность среди крестьянъ считалъ безполезной тратой времени и силъ. Уже тогда онъ являлся горячимъ сторонникомъ нѣмецкой соціалъ-демократіи, съ которою, благодаря частымъ посѣщеніямъ Германіи, былъ довольно хорошо знакомъ, между тѣмъ какъ мы, не имѣя о ней почти никакого представленія, являлись, конечно, крайними противниками нѣмцевъ вообще и соціалъ-демократовъ—въ особенности.

Несмотря на чрезвычайное оживленіе, споръ нашъ не терялъ самаго корректнаго тона. Въ полемикѣ съ Зунделевичемъ невозможно было выходить изъ должныхъ границъ: въ характерѣ его и въ его обращеніи съ другими было столько искренности, прямоты и задушевности, что онъ сразу располагалъ къ себѣ каждаго. Замѣчу, что такимъ же Зунделевичъ остался и до настоящаго времени.

Происходившій у насъ споръ въ тотъ чудный іюльскій вечеръ прерывалъ Павловскій, сѣвшій рядомъ съ кучеромъ на козлахъ. Онъ обращался къ Зунделевичу съ вопросами, повидимому имѣвшими отношеніе къ его бесѣдѣ съ возницей. Не любя, очевидно, терять даромъ время, Павловскій захотѣлъ узнать отъ нѣмца-кучера его мнѣніе о разныхъ политическихъ вопросахъ, касающихся Германіи. Но, къ его удивленію, кучеръ или вовсе отмалчивался, или отвѣчалъ какими-то странными звуками. Когда Павловскій за разъясненіемъ своего недоумѣнія по этому поводу обратился къ Зунделевичу, тотъ, разсмѣявшись, воскликнулъ:

— Вашъ собесѣдникъ извѣстенъ въ городкѣ какъ полуидіотъ, а вы, принявъ его за соціалъ-демократа, пустились съ нимъ въ обсужденіе политическихъ вопросовъ!

Такая неудача, повидимому, нѣсколько смутила любознательнаго Павловскаго.

По пріѣздѣ на станцію, Зунделевичъ усадилъ насъ въ поѣздъ и, снабдивъ всѣми необходимыми для дальнѣйшаго путе-

шествія свѣдѣніями, попрощался съ нами, намѣреваясь вновь вернуться въ Петербургъ.

По Германіи мы, конечно, ѣхали въ «скотскихъ» вагонахъ, т. е. IV класса, довольствуясь сухояденіемъ. Съ Павловскимъ мы едва обмѣнивались нѣсколькими словами: въ немъ произошла замѣтная перемѣна. На пограничной станціи онъ выглядѣлъ запуганнымъ, и вызывалъ сожалѣніе; но съ того момента, какъ онъ явился къ намъ въ гостинницу вмѣстѣ съ Зунделевичемъ, онъ какъ бы переродился. Казалось, и худоба его исчезла, и большіе глаза на выкатѣ какъ-будто стали меньше, и едва слышный голосъ пріобрѣлъ иной, твердый тембръ. Чѣмъ далѣе мы подвигались по Германіи, тѣмъ болѣе увеличивались его самодовольство и самоувѣренность. Особенно обнаружилось это въ Берлинѣ.

Тамъ мы всѣ разыскали, по данному намъ Зунделевичемъ адресу, нѣсколькихъ русскихъ студентовъ, жившихъ въ одной квартирѣ. Держась принятаго рѣшенія, мы и въ Берлинѣ не хотѣли обнаружить своихъ настоящихъ фамилій; это было вполнѣ умѣстной предосторожностью, такъ какъ то было вскорѣ послѣ покушеній Гёделя и Нобилинга на Вильгельма I, вызвавшихъ въ Германіи сильную реакцію. Но наша конспирація была тотчасъ же раскрыта: между молодыми русскими студентами оказался мой старый товарищъ по Кіеву, Ш. Узнавъ меня, онъ, конечно, догадался, кто мои товарищи и, несмотря на мою просьбу, не преминулъ «по секрету» сообщить объ этомъ своимъ сожителямъ. Такимъ образомъ, одинъ только Павловскій не зналъ нашихъ настоящихъ фамилій. Не безъ удовольствія разстались мы съ Павловскимъ въ Берлинѣ, гдѣ онъ задержался на нѣкоторое время. Впослѣдствіи онъ сдѣлался корреспондентомъ «Новаго Времени»...

III.

Лѣтъ за пять до нашего пріѣзда въ Швейцарію, центромъ русской эмиграціи былъ Цюрихъ. Туда въ началѣ 70-хъ годовъ понаѣхало относительно много молодыхъ русскихъ женщинъ, чтобы учиться въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Тамъ же поселились тогда многіе эмигранты, имѣвшіе большое вліяніе на эту молодежь. Считая, крайне вреднымъ и опаснымъ для государства пребываніе молодежи въ такомъ сосѣдствѣ, правительство издало лѣтомъ 1873 г. извѣстный циркуляръ, въ которомъ, подъ угрозой лишенія права вернуться на родину,

требовало отъ молодежи немедленнаго выѣзда изъ Цюриха и возвращенія въ Россію. За незначительными исключеніями, вся находившаяся въ опасномъ городѣ русская молодежь исполнила указанное требованіе. Эмигранты также покинули Цюрихъ, и этотъ городъ, еще недавно игравшій очень значительную роль въ нашемъ революціонномъ движеніи, совсѣмъ почти лишился русскихъ.

Когда мы пріѣхали въ Швейцарію, то, за исключеніемъ Лаврова и Ткачева, всѣ наиболѣе видные тогда эмигранты сосредоточились въ Женевѣ. Мы также туда направились. Прямо съ вокзала я и Стефановичъ, пріѣхавъ въ Женеву безъ Бохановскаго, пошли къ нашему старому, по Кіеву, пріятелю Павлу Борисовичу Аксельроду.

Членъ кіевской группы чайковцевъ Аксельродъ эмигрировалъ за-границу послѣ начавшихся осенью 1874-го года по всей Россіи многочисленныхъ арестовъ. Въ теченіе четырехъ лѣтъ онъ постоянно стремился вернуться на родину, конечно—нелегально, но семейныя и финансовыя обстоятельства мѣшали ему осуществить это намѣреніе.

Зная уже о предстоящемъ нашемъ пріѣздѣ въ Женеву, Аксельродъ, а также и его жена, урожденная Кашинеръ, съ которой мы были знакомы съ юныхъ лѣтъ, ждали насъ съ нетерпѣніемъ.

— Хорошо сдѣлали, что пріѣхали,—сказалъ Павелъ Борисовичъ послѣ привѣтствій. — Безуміемъ было бы съ вашей стороны, будучи столь скомпрометированными, оставаться въ Россіи, пока не улеглись усиленные розыски.

Аксельродъ былъ все тѣмъ же идеалистомъ, какимъ мы его знали нѣсколько лѣтъ назадъ. Проведенные имъ за-границей годы ни на іоту не ослабили присущаго ему страстнаго отношенія къ общественнымъ вопросамъ, къ судьбамъ Россіи и къ революціонному движенію. Какъ и раньше, несмотря на почти безвыходное матеріальное положеніе, онъ былъ всецѣло занятъ планами о скорѣйшемъ измѣненіи общественнаго строя въ Россіи, да и во всей вселенной. Присущія ему съ юныхъ лѣтъ стремленія съ годами не только не ослабѣвали, но, наоборотъ, все усиливались. Знавшіе Аксельрода по послѣднимъ классамъ гимназіи товарищи говорили, что онъ «не отъ міра сего». Такимъ же идеалистомъ онъ былъ въ университетѣ, затѣмъ въ революціонныхъ кружкахъ; такимъ же нашли мы его и въ эмиграціи, въ качествѣ отца семейства.

Пока шли разспросы о жизни каждаго изъ насъ за истек-

шіе годы, кто-то сходилъ за Крапоткинымъ, выразившимъ Аксельроду желаніе, чтобы ему дали знать, какъ только мы прибудемъ. Вскорѣ затѣмъ онъ явился самъ.

Раньше мы съ нимъ никогда не встрѣчались. Ниже средняго роста, лѣтъ 35-ти на видъ, съ большой свѣтло-русой бородой, совершенно лысый, въ очкахъ, Крапоткинъ нисколько не напоминалъ революціонера-анархиста. Онъ былъ чрезвычайно подвиженъ, говорилъ быстро и плавно и съ перваго раза производилъ очень благопріятное впечатлѣніе своей простотой, очевидной искренностью и добротой.

Встрѣтились мы съ нимъ, какъ хорошіе старые товарищи, что было вполнѣ естественно, такъ какъ въ то время принадлежали къ одному съ нимъ—бакунинскому лагерю.

Завязавшійся общій разговоръ вращался вокругъ событій того времени, при чемъ мы, конечно, являлись главными повѣствователями. Вскорѣ Крапоткинъ предложилъ мнѣ и Стефановичу пройтись съ нимъ по городу; ему, очевидно, хотѣлось поговорить съ нами наединѣ, чтобы ближе узнать насъ.

Когда мы очутились на улицѣ, Крапоткинъ сталъ разспрашивать о чигиринской нашей попыткѣ вызвать возстаніе; при этомъ онъ исключительно обращался съ вопросами ко мнѣ, что меня нѣсколько удивляло, такъ какъ авторомъ этого дѣла былъ Стефановичъ, чего Крапоткинъ не могъ не знать. Странность эта вскорѣ разъяснилась. Оказалось, что Аксельродъ, рекомендуя насъ, не назвалъ каждаго по фамиліи, а произнесъ лишь: «а ну, вотъ они, бѣглецы!» Крапоткинъ, по внѣшнимъ нашимъ чертамъ, самъ рѣшилъ, кто изъ насъ Стефановичъ—и какъ разъ ошибся, все время принимая меня за него и наоборотъ. Только спустя нѣсколько дней онъ узналъ про свою ошибку. Такое же недоразумѣніе случилось и съ нѣкоторыми другими нашими новыми знакомыми въ Женевѣ.

Чигиринское дѣло очень интересовало Крапоткина. Разспрашивая насъ о немъ, онъ рѣшительно ничѣмъ не обнаружилъ отрицательнаго или неодобрительнаго своего отношенія къ употребленному нами въ этой попыткѣ пріему.

Во время первой нашей бесѣды съ Крапоткинымъ, какъ неоднократно и впослѣдствіи, онъ съ чрезвычайнымъ увлеченіемъ разсказывалъ намъ о неимовѣрномъ, по его отзыву, ростѣ и успѣхѣ анархистскаго движенія въ Европѣ вообще и въ Швейцаріи—въ особенности.

Если не ошибаюсь, незадолго до нашего пріѣзда, имъ, вмѣстѣ съ Элизе Реклю, основанъ былъ въ Женевѣ небольшой

листокъ на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ «Le révolté», посвященный пропагандѣ анархическихъ взглядовъ. По сообщенію Крапоткина, листокъ этотъ имѣлъ «значительный успѣхъ», хотя, помнится мнѣ, онъ выходилъ всего разъ въ двѣ недѣли въ количествѣ одной или полутора тысячъ экземпляровъ.

Проходя съ нами, во время первой нашей прогулки, мимо кіосковъ, продававшихъ газеты, Крапоткинъ обязательно спрашивалъ «Le révolté», объяснивъ намъ, что цѣль его — побудить торговцевъ держать и этотъ органъ.

Послѣ перваго знакомства мы довольно часто видѣлись съ Крапоткинымъ, и между нами установились хорошія отношенія. Жилъ онъ довольно скромно, занимая отъ хозяйки одну меблированную комнату, (онъ былъ тогда холостымъ человѣкомъ), столовался въ той же дешевой демократической кухмистерской, какъ и несемейные эмигранты, и одѣвался не лучше, — если не хуже, — любого европейскаго рабочаго.

Крапоткинъ былъ всегда заваленъ работой: писалъ въ разные ученые органы, переводилъ для нашихъ ежемѣсячныхъ журналовъ съ иностранныхъ языковъ, которыхъ зналъ множество; но болѣе всего времени отнимали у него, кромѣ издаваемаго имъ французскаго листка, частыя выступленія на анархическихъ собраніяхъ. Онъ считался выдающимся ораторомъ. Дѣйствительно, Крапоткинъ обладалъ всѣми качествами, необходимыми для вліянія на массы: привлекательной внѣшностью, страстностью и пламенностью, хорошимъ голосомъ и дикціею. По всесторонности развитія онъ несомнѣнно стоялъ значительно выше всѣхъ тогдашнихъ послѣдователей Бакунина, не исключая и Реклю.

Главное его вниманіе посвящено было пропагандѣ анархическихъ взглядовъ среди мѣстнаго населенія французской Швейцаріи. Своимъ соотечественникамъ, какъ жившимъ за-границею, такъ и остававшимся на родинѣ, онъ удѣлялъ мало вниманія, хотя, живя въ Женевѣ, всегда являлся на русскія собранія и принималъ активное участіе въ дебатахъ.

Въ работы на французскомъ языкѣ Крапоткинъ вкладывалъ тогда всю свою душу. О ней онъ готовъ былъ всегда говорить, проявляя при этомъ неимовѣрное, чисто юношеское увлеченіе. Онъ не допускалъ никакихъ сомнѣній относительно чрезвычайнаго, будто бы, роста анархическаго движенія, какого не замѣчали даже лица, цѣликомъ раздѣлявшіе его взгляды. При малѣйшемъ разногласіи Крапоткинъ становился совершенно неузнаваемымъ — начиналъ говорить въ повышенномъ тонѣ, сильно горячился, допускалъ рѣзкости, оскорбительныя для собесѣдника. Одновременно

существовало какъ бы два Крапоткина: одинъ — корректный, простой, добрый товарищъ и интересный собесѣдникъ, другой — пылкій спорщикъ, готовый вцѣпиться въ неодинаково съ нимъ вѣрующаго.

Но въ общемъ первый Крапоткинъ все же бралъ перевѣсъ. Послѣ самаго горячаго спора, когда, казалось, онъ уже никогда не примирится со своимъ противникомъ, Крапоткинъ, какъ ни въ чемъ не бывало, готовъ былъ мирно съ нимъ бесѣдовать, но только на нейтральныя темы. Зная его пылкій темпераментъ, проявлявшійся лишь въ жгучихъ для него вопросахъ, окружающіе нисколько не сердились за его рѣзкости. Рѣшительно всѣ, какъ русскіе, такъ и иностранцы, относились къ нему съ большимъ уваженіемъ. Его признавали искреннимъ, простымъ и добрымъ человѣкомъ и, само собою разумѣется, высоко цѣнили его серьезное отношеніе къ общественнымъ вопросамъ и необыкновенную трудоспособность.

Но, не смотря на общее къ нему расположеніе, а также и на наличность довольно большого числа единомышленниковъ, Крапоткинъ, видимо, чувствовалъ себя одинокимъ: онъ не имѣлъ около себя ни единаго вполнѣ близкаго, дорогого ему лица. Поэтому даже обиліе занятій, поглощавшихъ все его время, не удовлетворяло его... онъ все же искалъ личной связи, личнаго сближенія.

Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда въ Женеву, туда же прибыла чуть ли не изъ Сибири молодая интеллигентная дѣвушка, намѣревавшаяся учиться въ мѣстномъ университетѣ. На нашихъ глазахъ Крапоткинъ познакомился съ нею и, спустя короткое время, она стала его женой. Бракъ этотъ, не смотря на значительную разницу въ лѣтахъ, оказался очень счастливымъ. Мы всѣ отъ души порадовались за Петра Алексѣевича.

IV.

Въ то время, кажется, не принято было дѣлать визиты мѣстнымъ эмигрантамъ. По крайней мѣрѣ мы никого не посѣтили на дому, и все же очень скоро по пріѣздѣ перезнакомились почти со всѣми, встрѣчаясь то въ ресторанѣ, гдѣ многіе столовались, то на собраніяхъ, у Аксельрода и т. д.

Число эмигрантовъ было тогда незначительно; едва ли оно превышало три-четыре десятка человѣкъ. При этомъ существовали разныя историческія формаціи, начиная съ болѣе

или менѣе отдаленныхъ временъ и кончая новѣйшимъ. Среди эмигрантовъ были лица, покинувшія Россію въ началѣ, въ серединѣ и въ концѣ 60-хъ годовъ. Нѣкоторые изъ нихъ принадлежали къ тому отдаленному періоду нашего общественнаго движенія, который связанъ былъ съ освобожденіемъ крестьянъ и вообще съ эпохой крупныхъ реформъ. Намъ такіе эмигранты казались представителями временъ, отошедшихъ въ глубь исторіи.

Съ другой стороны, Аксельродъ, Крапоткинъ и нѣкоторые другіе принадлежали къ одному съ нами поколѣнію, къ тому же, что и мы, революціонному движенію начала 70-хъ годовъ. Къ этимъ молодымъ эмигрантамъ наиболѣе тѣсно примыкали лица, эмигрировавшія въ концѣ 60-хъ или въ самомъ началѣ 70-хъ годовъ, послѣ студенческихъ волненій въ Москвѣ и Петербургѣ, связанныхъ отчасти съ Нечаевскимъ дѣломъ. Такими эмигрантами являлись: Ралли, Эльсницъ, Гольштейнъ и Черкезовъ. Кромѣ этой группы, мы застали въ Женевѣ лицъ, привлекавшихся по разнымъ отдѣльнымъ дѣламъ въ серединѣ 60-хъ годовъ, напр. Зайцева и Соколова. Имѣлись, наконецъ, и бывшіе студенты Казанскаго университета, скомпрометированные вслѣдствіе мѣстныхъ волненій въ началѣ 60-хъ годовъ.

Нѣкоторые изъ «стариковъ»,—хотя самому старшему изъ старожиловъ, Жуковскому, не было еще 45 лѣтъ,—давно потеряли всякую связь съ родиной и жили своими личными или семейными интересами. Всѣ они такъ или иначе устроились за границей и, повидимому, не собирались вернуться на родину, такъ какъ никто изъ нихъ не питалъ надеждъ дождаться того счастливаго времени, когда въ Россіи установятся свободныя учрежденія. Въ большей или меньшей степени всѣмъ старикамъ присуще было скептическое отношеніе къ старой ихъ родинѣ. Наиболѣе эксцентричный и выдававшійся изъ нихъ, Жуковскій, о которомъ ниже скажу подробнѣе, въ своемъ пессимизмѣ относительно Россіи доходилъ до утвержденія, что она въ теченіе многихъ еще лѣтъ останется «полу-варварской страной» и долго будетъ служить тормазомъ общеміроваго прогресса.

Но скептицизмъ и пессимизмъ «стариковъ» нисколько не свидѣтельствовали объ отсутствіи у нихъ любви и привязанности къ ихъ старой родинѣ. Наоборотъ, такіе взгляды вызывались скорѣе ихъ страстнымъ желаніемъ увидѣть ее, наконецъ, счастливой и прогрессивной. Любой изъ нихъ готовъ былъ, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать измѣненію господствовавшаго тогда въ Россіи строя. Не смотря на продолжительное ихъ пребываніе въ Западной Европѣ, никто изъ нихъ не вошелъ цѣли-

номъ въ интересы какой-либо чужой страны, и всѣхъ угнетало сознаніе невозможности вернуться на родину.

«Нѣтъ, видно не бывать мнѣ въ Россіи! Ужъ не увижу, какова-то она теперь!»—говорили они, и въ интонаціи ихъ голоса, и въ выраженіи лица замѣтна бывала «тоска по родинѣ».

При встрѣчѣ съ вновь пріѣхавшими изъ Россіи «старики» подробно разспрашивали ихъ о господствовавшихъ въ ней порядкахъ, о настроеніяхъ общества, о положеніи трудящихся массъ. Слыша сообщенія о всякаго рода злоупотребленіяхъ и насиліяхъ со стороны властей, а также о бѣдствіяхъ народа, они съ грустью покачивали головой, и съ устъ ихъ срывались горькія замѣчанія.

«Куда при *тогмъ* императорѣ было лучше!»—иронически восклицалъ въ такихъ случаяхъ Жуковскій, имѣя въ виду царствованіе Николая I, когда по всей странѣ раздавался свистъ шпицрутеновъ и кнутовъ, сопровождавшійся стонами и воплями тысячъ истязуемыхъ несчастныхъ русскихъ людей.

Если не для всѣхъ, то для большинства стариковъ, «золотой вѣкъ» всего русскаго освободительнаго движенія былъ въ невозвратномъ прошломъ—въ эпоху Герцена, Огарева и Бакунина, въ періодъ существованія международнаго рабочаго движенія, во время наплыва русской молодежи въ Цюрихъ. Тогда, по ихъ мнѣнію, эмиграція имѣла огромное значеніе, роль ея была велика. Отчасти это было вѣрно: начиная съ «Колокола» Герцена и кончая срединой 70-хъ годовъ, эмиграція дѣйствительно имѣла большое вліяніе на наше освободительное движеніе.

Живой лѣтописью прошлаго былъ для насъ, молодыхъ эмигрантовъ, уже упомянутый мною Николай Ивановичъ Жуковскій, одинъ изъ наиболѣе оригинальныхъ и своеобразныхъ типовъ, какихъ мнѣ когда-либо случалось встрѣчать.

Происходилъ Жуковскій, если память мнѣ не измѣняетъ, изъ дворянской семьи Уфимской губерніи и родился въ 1833 г. Воспитаніе онъ получилъ изысканное: съ дѣтства говорилъ свободно по-французски, прекрасно игралъ на фортепіано, мастерски танцовалъ, ѣздилъ верхомъ. Учился въ кадетскомъ корпусѣ и, будучи военнымъ, въ началѣ 60-хъ годовъ за прикосновенность къ польскому возстанію былъ арестованъ въ Польшѣ. Жондъ Народовый далъ ему возможность бѣжать въ Зап. Европу. Онъ прибылъ въ Лондонъ, гдѣ въ то время находилась штабъ-квартира Герцена и Огарева. Благовоспитанный молодой человѣкъ видимо понравился имъ. Но судя по его разсказу, въ особенности отъ него въ восторгъ пришелъ Бакунинъ, что

вполнѣ правдоподобно, такъ какъ въ разныхъ историческихъ документахъ его имя нерѣдко встрѣчается рядомъ съ именемъ Бакунина.

На глазахъ Жуковскаго прошло огромное число событій и фактовъ, а также дрязгъ и ссоръ. Все это очень живо сохранилось въ его памяти, и онъ не прочь былъ безъ конца говорить о прошломъ. Но, по свойству своего сангвиническаго, крайне подвижного характера, Николай Ивановичъ былъ совершенно неспособенъ о чемъ-либо разсказывать связно, систематично. Онъ поминутно перескакивалъ съ предмета на предметъ. Его приходилось постоянно останавливать и возвращать къ первоначальной темѣ.

Для Жуковскаго не особенно важно было, кто именно являлся его слушателемъ; ему необходимо было лишь съ кѣмъ-нибудь сидѣть въ кафé, съ полудня, а то и раньше, и вести рѣчь, по-русски или по-французски, шумно, съ сильнѣйшими жестикуляціями, отъ которыхъ нерѣдко летѣла на полъ стоявшая передъ нимъ на столикѣ посуда.

Однако, было бы ошибочно заключить изъ моихъ словъ, что всѣми уважаемый Николай Ивановичъ злоупотреблялъ крѣпкими напитками. Нисколько! Подобно лишь многимъ, принадлежащимъ на западѣ къ богемѣ, Жуковскій усвоилъ привычку проводить все свое свободное время,—а такимъ были для него цѣлыя сутки—въ кафé, гдѣ наскоро пробѣгаешь газеты, встрѣчаешь знакомыхъ, узнаешь новости и, главное, всегда имѣешь возможность говорить, говорить безъ конца. Каждая узнанная здѣсь новость интересна въ особенности потому, что ею можно тутъ же подѣлиться съ другимъ, вновь пришедшимъ, и отъ него, въ свою очередь, узнать что-нибудь. Смотришь—незамѣтно прошло время, и можно перейти въ другой излюбленный ресторанъ, гдѣ происходятъ новыя встрѣчи и бесѣды. А вечеромъ идешь на французское или русское собраніе, устраиваемое также въ ресторанѣ, и вновь предъ тобою «консомація», разнообразящаяся соотвѣтственно времени дня, погодѣ и настроенію: кофе смѣняется абсентомъ, пивомъ, виномъ, чаемъ и т. д.

На западѣ многіе сотрудники періодической прессы въ кафé изготовляютъ свои статьи, интервью и хроники. Жуковскій въ описываемое мною время числился соредакторомъ русскаго соціалистическаго органа «Общій», выходившаго въ Женевѣ; но онъ нисколько не утруждалъ себя писательствомъ. Недѣлями, а то и мѣсяцами тщетно приставали къ нему товарищи, чтобы онъ далъ имъ обѣщанную статью, и для полученія ея они въ

концѣ концовъ прибѣгали къ такому пріему. Жуковскаго зазывали въ отдѣльную комнату ресторана и, поставивъ на столъ соотвѣтственную консомацію, запирали его снаружи на замокъ.

Когда онъ говорилъ, что статья готова, его выпускали. Нерѣдко оказывалось, однако, что приготовленная для него консомація до дна опорожнена, а ожидаемая статья состояла всего изъ десятка или двухъ мало другъ съ другомъ связанныхъ фразъ. Да и такихъ «статей» на всемъ своемъ вѣку Николай Ивановичъ написалъ немного.

То же почти происходило съ его лекціями или рефератами. Многіе изъ насъ, молодежи, приставали къ нему съ просьбами прочитать лекцію о международномъ обществѣ рабочихъ или о парижской коммунѣ, о чемъ у него, повидимому, имѣлось много личныхъ впечатлѣній. Но Жуковскій совершенно не былъ способенъ сколько-нибудь продолжительное время систематически говорить даже о хорошо извѣстномъ ему вопросѣ. Если, уступая энергичнымъ и общимъ просьбамъ, онъ рѣшался на это, то выходило нѣчто невозможное—безсвязное и комичное.

Такое отсутствіе привычки къ систематическимъ занятіямъ вызывало у многихъ тѣмъ большее сожалѣніе, что Николай Ивановичъ обладалъ блестящими, разнообразными способностями, и значительнымъ природнымъ умомъ. На своемъ сравнительно долгомъ вѣку, —онъ умеръ 62 лѣтъ,—Жуковскій едва ли прочелъ десятокъ-другой книгъ, хотя раскрылъ и перелистать многія. Долгое пребываніе среди выдающихся людей и многочисленныя бесѣды съ разными лицами давали ему достаточный матеріалъ для разговоровъ и споровъ, какъ въ тѣсномъ кругу, такъ и на общихъ собраніяхъ, о чемъ угодно и столь увѣреннымъ, авторитетнымъ тономъ, что слова его нерѣдко покрывались шумными апплодисментами.

Правда, случалось ему дѣлать заявленія, вызывавшія общій смѣхъ. Нисколько не смущаясь этимъ, онъ тутъ же вставлялъ какой-нибудь каламбуръ, который снова вызывалъ рукоплесканія. Помню такой случай. Проф. Драгомановъ на одномъ русскомъ собраніи доказывалъ необходимость вести въ Россіи пропаганду не только на «великорусскомъ», но и на малорусскомъ языкѣ; при этомъ онъ сослался на Австрію, въ которой соціалисты, кромѣ нѣмецкаго, пользуются также языками польскимъ, чешскимъ и украинскимъ. Жуковскій, являвшійся тогда противникомъ автономіи мѣстныхъ языковъ, выступилъ съ возраженіями и, между прочимъ, указалъ на Бельгію, населеніе которой состоитъ изъ

фламандцевъ и валлонцевъ; «однако, никто не требуетъ тамъ, чтобы пропаганда велась и на валлонскомъ языкѣ».

— Да такого языка нѣтъ!—воскликнулъ Драгомановъ.

— Ну вотъ видите,—отвѣтилъ Николай Ивановичъ.— Какъ же вы хотите, чтобы пропаганда велась на языкахъ всѣхъ народовъ, когда у нѣкоторыхъ изъ нихъ не имѣется собственнаго языка?

Гомерическій хохотъ и громъ апплодисментовъ были наградой находчивому оппоненту.

Всюду, куда ни являлся Жуковскій, онъ былъ всегда желаннымъ гостемъ; рѣчамъ его всѣ охотно внимали. Положеніе перваго лица въ обществѣ онъ занималъ даже въ присутствіи неизмѣримо болѣе его образованныхъ людей—напр. Элизе Реклю, Драгоманова, Льва Мечникова,—благодаря его остроумію, живости темперамента, находчивости и богатому прошлому. Значительную роль, несомнѣнно, играло также его умѣнье держать себя съ большимъ достоинствомъ. Малѣйшее непочтительное замѣчаніе съ чьей-либо стороны вызывало съ его стороны самый рѣзкій отпоръ. Онъ всегда готовъ былъ вцѣпиться не только въ противника, но и въ единомышленника за любую не понравившуюся ему фразу. Полемистъ онъ былъ умѣлый, ѣдкій и рѣзкій; поэтому, рѣдко кто рѣшался состязаться съ нимъ.

Вообще Жуковскій былъ незлобивый, веселый и общительный человѣкъ, котораго почти всѣ любили—не только соотечественники, но также и иностранцы, особенно французы, съ которыми у него было много общаго. Въ свою очередь и онъ больше всего любилъ французовъ и, наоборотъ, питалъ чрезвычайное нерасположеніе къ нѣмцамъ, что, главнымъ образомъ, объяснялось извѣстными столкновеніями Бакунина съ Марксомъ въ Интернаціоналѣ.

Сужденія Николая Ивановича о лицахъ всегда отличались большой оригинальностью, хотя далеко не всегда полнотой и опредѣленностью. Помню, кто-то изъ насъ спросилъ его, знаетъ ли онъ Фридриха Энгельса?

— Какъ же, встрѣчались на интернаціональныхъ конгрессахъ: рыжій нѣмецъ въ пиджакѣ!—отвѣтилъ Николай Ивановичъ.

И въ такомъ родѣ были всѣ его «характеристики».

Никакое предпріятіе, большое или незначительное,—конгрессъ, новый органъ печати, банкетъ, товарищескій судъ и т. п.—не обходилось безъ самаго активнаго участія Николая Ивановича. Въ одномъ онъ предсѣдательствовалъ, въ другомъ

былъ секретаремъ и во всякомъ суетился неимовѣрно: отдавалъ распоряженія и, не смотря на всегда изысканный костюмъ, самъ разставлялъ столъ и стулья какъ то казалось ему наиболѣе соотвѣтствовавшимъ данному случаю.

Все это и многое другое Жуковскій дѣлалъ вполнѣ безкорыстно, хотя въ то же время и безъ всякихъ матеріальныхъ жертвъ съ его стороны,—просто изъ любви къ движенію. И всѣ заранѣе мирились съ возможными со стороны Николая Ивановича промахами въ подобныхъ предпріятіяхъ, такъ какъ для него было тяжкой обидой устройство чего-либо безъ его участія. А огорчать его безъ крайней надобности рѣшительно никому не хотѣлось. Къ Николаю Ивановичу обращались со всевозможными просьбами, и онъ всегда выражалъ готовность помочь всякому, какъ въ общественныхъ, такъ въ житейскихъ, личныхъ затруднительныхъ положеніяхъ и обстоятельствахъ. Нужно ли было вновь пріѣхавшему русскому записаться въ префектурѣ, желалъ ли кто поступить въ университетъ при отсутствіи необходимыхъ документовъ, или только получить деньги съ почты,—каждый обязательно разыскивалъ Николая Ивановича и, хотя почти всегда съ безконечными проволочками и, конечно, съ продолжительными совмѣстными засѣданіями въ разныхъ кафé,—все же Жуковскій въ большинствѣ случаевъ оказывалъ нужное содѣйствіе.

Поймать его дома было не легкимъ дѣломъ, такъ какъ туда онъ являлся только послѣ полуночи и далеко не регулярно обѣдалъ съ семьей. Она состояла изъ жены, во многихъ отношеніяхъ замѣчательной женщины, и двухъ прекрасныхъ мальчиковъ.

Принадлежа къ извѣстной въ Россіи семьѣ Зиновьевыхъ, занимавшихъ разные высшіе посты, Аделаида Степановна молодой дѣвушкой проживала съ матерью за границей и гдѣ-то познакомилась съ изящнымъ и краснорѣчивымъ эмигрантомъ. Молодые люди вскорѣ полюбили другъ друга, и къ ужасу матери-аристократки дѣвушка согласилась выйти замужъ за Жуковскаго. Родня, конечно, вознегодовала по поводу такого mésalliance'a, но въ концѣ концовъ всѣ принуждены были примириться съ случившимся.

Аделаида Степановна вошла въ среду своего мужа, политическаго изгнанника. Его русскіе и иностранные товарищи высоко цѣнили природный умъ, разностороннее образованіе, серьезность и, главное, твердый и вмѣстѣ благородный характеръ бывшей аристократки, которая съ большимъ тактомъ умѣла держать себя въ демократической эмигрантской средѣ.

Какъ отчасти можно видѣть изъ опубликованной Драгомановымъ переписки Бакунина, послѣдній ставилъ Аделаиду Степановну во многихъ отношеніяхъ выше ея мужа. Она имѣла на Николая Ивановича самое благотворное вліяніе, удерживая его—на сколько то было возможно,—отъ многихъ промаховъ и ошибокъ.

Получая отъ богатой родни очень ограниченныя средства, Аделаида Степановна, не смотря на изысканное ея воспитаніе, рѣшительно все дѣлала по хозяйству сама. Одними своими усиліями она создала разумную обстановку, стремилась дать мальчикамъ прекрасное воспитаніе, заботилась также о мужѣ, который, благодаря ей, былъ вполнѣ обезпеченъ и могъ цѣликомъ отдаваться своему призванію—всюду и всегда говорить и агитировать.

Моя характеристика Жуковскаго, конечно, далеко неполна, но я далъ то, что могъ. До сихъ поръ, на сколько мнѣ извѣстно, въ нашей печати никто не говорилъ объ этомъ, во всякомъ случаѣ, выдающемся человѣкѣ, въ теченіе многихъ лѣтъ оказывавшемъ значительное вліяніе на длинный рядъ молодыхъ эмигрантовъ. Не смотря на недостаточную теоретическую подготовку, Жуковскій, благодаря богатому запасу воспоминаній, приносилъ пользу молодежи, знакомя ее съ прошлымъ нашего освободительнаго движенія.

V.

Не только революціонная молодежь 70-хъ годовъ, но рѣшительно всѣ русскіе эмигранты, а также и иностранцы, съ которыми намъ приходилось встрѣчаться за-границей, относились къ Бакунину чуть не съ благоговѣніемъ. При разсказахъ о немъ въ глазахъ «стариковъ» замѣтна была столь безпредѣльная преданность, какой намъ до тѣхъ поръ не приходилось наблюдать по отношенію къ кому-либо изъ вожаковъ и учителей молодежи.

Въ свое время мы высоко цѣнили и любили Чернышевскаго, Добролюбова, Писарева, въ особенности перваго, къ которому судьба была такъ жестоко несправедлива. Къ чувствамъ признательности и глубокаго уваженія къ этимъ умственнымъ нашимъ руководителямъ у насъ невольно примѣшивалась скорбь, а то и негодованіе за преждевременную ихъ гибель. Не тѣ ощущенія вызывалъ въ насъ Бакунинъ: въ нашемъ отношеніи

къ нему не было мѣста скорби—его судьба возбуждала восторгъ и изумленіе.

Еще будучи въ Россіи мы знали, въ общихъ чертахъ, объ изумительныхъ перипетіяхъ его жизни: о роли Бакунина въ революціи 1848 г., о присужденіи его дважды къ смертной казни, о томъ, что онъ долго сидѣлъ въ крѣпостяхъ, за границей и въ Россіи, прикованнымъ къ стѣнѣ. Эта полная чрезвычайныхъ приключеній жизнь дѣйствовала на воображеніе многихъ изъ насъ, молодыхъ энтузіастовъ, и не въ малой степени вліяла на успѣхъ среди насъ проповѣдуемыхъ Бакунинымъ взглядовъ. Но живые разсказы лицъ, непосредственно его знавшихъ, въ значительной степени еще усилили удивленіе, которое онъ въ насъ раньше вызывалъ. Подчасъ казалось, что переносишься въ тѣ легендарныя времена, когда подвизались богатыри и титаны. Въ моемъ юномъ воображеніи Бакунинъ, съ его бурной жизнью, представлялся подобнымъ могучему и быстро несущемуся потоку. По словамъ лицъ, знавшихъ его, Бакунинъ всюду, гдѣ онъ появлялся, хотя бы на короткое время, электризовалъ массы и создавалъ тайныя и явныя общества. То онъ въ Швейцаріи на засѣданіяхъ «Лиги мира и свободы» произноситъ пламенныя рѣчи, призывая представителей радикальной буржуазіи къ соціализму, то онъ на конгрессѣ международнаго общества рабочихъ борется съ Марксомъ за вліяніе. Вотъ Бакунинъ во Франціи во время Парижской коммуны, а тамъ мы видимъ его въ Испаніи во время ея революціи. И годы, казалось, не оказывали никакого вліянія на этого неугомоннаго борца; и подъ старость онъ отличался той же удивительной предпріимчивостью и находчивостью, какъ и въ молодые годы.

Съ особеннымъ восторгомъ, помню, всѣ разсказывали о потрясающемъ впечатлѣніи, которое производилъ могучій голосъ Бакунина. Въ связи съ колоссальной фигурой и львиной головой, его страстныя рѣчи на народныхъ собраніяхъ и конгрессахъ дѣйствовали даже на многихъ его противниковъ. Еще сильнѣе было вліяніе Бакунина на собесѣдниковъ въ небольшомъ, интимномъ кругу. Простотой и мягкостью въ обращеніи онъ располагалъ къ себѣ сердца молодыхъ и старыхъ, рабочихъ, ученыхъ и государственныхъ мужей. А благодаря его склонности съ симпатичнымъ ему лицомъ сразу переходить на «ты», какъ бы ни была велика разница въ ихъ лѣтахъ, Бакунинъ всюду пріобрѣталъ не только горячихъ послѣдователей, но и преданнѣйшихъ друзей, готовыхъ по первому его слову пойти, куда онъ ихъ пошлетъ.

Въ противоположность Герцену, Бакунинъ не только не сторонился молодыхъ русскихъ эмигрантовъ, но, наоборотъ, тѣснѣйшимъ образомъ сближался съ ними. Во всю свою жизнь онъ не переставалъ вѣрить въ русскую молодежь, которую ставилъ выше всякой другой. На ней, главнымъ образомъ, онъ строилъ свои надежды и планы относительно соціальнаго переворота въ Россіи. Въ этомъ своемъ пристрастіи Бакунинъ былъ постояненъ, несмотря даже на постигавшія его нерѣдко разочарованія, изъ которыхъ наиболѣе сильнымъ было постигшее его со стороны Нечаева.

Въ теченіе довольно долгаго времени онъ чрезвычайно высоко ставилъ Нечаева, признавалъ его необыкновеннымъ по силѣ воли и энергіи человѣкомъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже подчинился его вліянію. Легко, поэтому, представить себѣ, какъ тяжело долженъ былъ чувствовать себя этотъ старый, безгранично вѣровавшій въ русскую молодежь борецъ, когда онъ, наконецъ, убѣдился, что Нечаевъ—мистификаторъ не останавливающійся ни предъ какими безнравственными пріемами для достиженія намѣченной цѣли. Убѣдившись въ этомъ, Бакунинъ, скрѣпя сердце, долженъ былъ предупреждать своихъ друзей и знакомыхъ, которымъ онъ раньше рекомендовалъ этого «необыкновеннаго молодого человѣка», чтобы они его остерегались, такъ какъ онъ «рѣшительно на все низкое способенъ».

Современники восхищались дарованіями Герцена, его умомъ, публицистическимъ талантомъ, обширными и разнообразными его знаніями. Но рѣшительно никто изъ встрѣчавшихся намъ личныхъ его знакомыхъ не проявлялъ особенно сильной любви и привязанности къ нему, какъ къ человѣку. Это казалось тѣмъ болѣе страннымъ, что еще очень свѣжа была память о Герценѣ: прошло всего восемь лѣтъ со времени его смерти. Наоборотъ, Бакунинъ всюду оставилъ друзей, преданныхъ ему душой и тѣломъ, и не только среди соотечественниковъ, но и между швейцарцами, французами, итальянцами, испанцами и т. д.

Въ то время, какъ Герценъ являлся въ своемъ родѣ неприступнымъ олимпійцемъ, допускавшимъ только оффиціальныя отношенія и сближавшимся лишь съ немногими избранниками, Бакунинъ, наоборотъ, по свойству его натуры, свободно дышалъ только въ пучинѣ людского водоворота, изъ котораго ему легко удавалось вылавливать сотни, а то и тысячи безгранично преданныхъ ему поклонниковъ.

VII.

Восторженное отношеніе къ Бакунину его друзей не исключало, со стороны по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ намъ встрѣчавшихся, признанія кое-какихъ его несовершенствъ и недостатковъ. Случалось, что они приводили эпизоды комическаго характера, рисовавшіе крайнюю непрактичность Бакунина въ житейскихъ вопросахъ, его чрезмѣрныя увлеченія то однимъ, то другимъ человѣкомъ или планомъ, его полное неумѣнье распорядиться средствами, если они, что бывало очень рѣдко, попадали въ его руки. Но ко всѣмъ его промахамъ друзья его относились съ тѣмъ добродушіемъ, какое приходится замѣчать при сообщеніи о маленькихъ дефектахъ у очень близкихъ и горячо любимыхъ людей. Помню, напр., такой разсказъ извѣстнаго итальянскаго анархиста, Карло Кафіерро.

Потомокъ старинной дворянской семьи, получившій хорошее образованіе, Кафіерро, на ряду съ нѣкоторыми другими соотечественниками—Малатеста, Костароно,—сдѣлался преданнѣйприверженцемъ Бакунина. Благодаря полученному наслѣдству, онъ сталъ обладателемъ сравнительно большого состоянія—тысячъ въ полтораста, а то и больше: въ точности не помню. Деньги эти онъ рѣшилъ употребить на осуществленіе проповѣдуемыхъ Бакунинымъ взглядовъ,—на дѣло установленія анархическаго строя въ Италіи. Но кто же въ состояніи былъ придумать наилучшій, наиболѣе практичный и цѣлесообразный планъ для самаго быстраго осуществленія этой задачи? Само собою разумѣется—только безгранично любимый и высокочтимый учитель и другъ, Бакунинъ. Въ полное его распоряженіе Кафіерро и предоставилъ свои значительныя средства.

Сдѣлавшись фактическимъ ихъ владѣльцемъ, Бакунинъ, по обыкновенію, горячо и энергично принялся за осуществленіе желанія своего молодого друга. Сторонникъ «propagande par le fait» (пропаганды дѣйствіемъ), онъ для совершенія «соціальной революціи» въ Италіи—какъ, впрочемъ и въ любой другой странѣ,—считалъ вполнѣ достаточнымъ, чтобы въ мѣстности съ наиболѣе подготовленнымъ къ тому, самымъ отзывчивымъ населеніемъ, вспыхнуло вооруженное возстаніе. А для возбужденія возстанія, по его мнѣнію, необходимо было только одно: чтобы небольшой отрядъ вооруженныхъ анархистовъ внезапно появился въ такой мѣстности и сдѣлалъ призывъ къ нашимъ

роду. При такомъ упрощенномъ взглядѣ, очень нетрудной представлялась задача соціальной революціи: весь вопросъ сводился лишь къ тому, какимъ образомъ доставить на мѣсто сразу вооруженный отрядъ, не возбудивъ предварительными приготовленіями вниманія бдительной полиціи. Находчивый и изобрѣтательный апостолъ анархіи, сдѣлавшись распорядителемъ большихъ матеріальныхъ средствъ, легко обошелъ это затрудненіе: онъ задумалъ купить виллу въ южной части итальянской Швейцаріи, съ тѣмъ, чтобы провести изъ нея подземный ходъ въ Италію. По такому туннелю вооруженный отрядъ въ темную или въ ясную ночь, смотря по желанію главнокомандующаго, могъ внезапно появиться въ Италіи. Предусмотрительность Бакунина простиралась столь далеко, что, для устраненія подозрѣній со стороны сосѣдей, онъ подкопъ изъ виллы рѣшилъ вести подъ видомъ необходимаго, будто бы, ремонта дома.

Выработавъ планъ во всѣхъ деталяхъ, Бакунинъ энергично взялся за его осуществленіе: подходящая вилла вблизи Локарно была вскорѣ пріобрѣтена за довольно высокую цѣну и немедленно приступлено было ко всякимъ сооруженіямъ. Во время всѣхъ этихъ операцій онъ, конечно, проявлялъ необычайную практичность. Въ качествѣ иллюстраціи Кафіерро, между прочимъ, привелъ слѣдующее.

Въ числѣ пріемовъ, необходимыхъ для отвода глазъ, Бакунинъ нашелъ подходящимъ развести возлѣ виллы цвѣтникъ. Онъ обратился, поэтому, къ одному своему пріятелю, профессору ботаники въ Бернскомъ университетѣ, съ просьбой прислать ему разныхъ сѣмянъ, указавъ въ своемъ письмѣ такія количества ихъ, что спеціалистъ пришелъ въ крайнее изумленіе и въ своемъ отвѣтѣ съ ироніей спросилъ Бакунина, не собирается ли онъ покрыть сплошнымъ цвѣтникомъ весь Тессинскій кантонъ?

При «такой практичности» Бакунина, само собою разумѣется, рѣшительно ничего не вышло изъ прекрасно, казалось задуманнаго во всѣхъ деталяхъ грандіознаго плана... Такъ закончилъ Кафіерро свой живой и образный разсказъ. Онъ нисколько не сѣтовалъ на Бакунина за то, что на эту безполезную затѣю истрачена была большая часть его состоянія: когда я познакомился съ Кафіерро, онъ находился въ очень стѣсненныхъ матеріальныхъ условіяхъ.

Но далеко не столь добродушно и снисходительно относился Кафіерро къ другому плану Бакунина, касавшемуся личныхъ чувствъ молодого итальянца.

Подобно Наполеону I, любившему, какъ передаютъ, сва-

тать невѣстъ своимъ генераламъ, Бакунинъ также принималъ иногда очень дѣятельное, хотя и вполнѣ безкорыстное, участіе въ сближеніи своихъ послѣдователей и послѣдовательницъ. По словамъ Кафіерро, Бакунинъ неимовѣрно расхвалилъ ему Олимпіаду Кутузову и тѣмъ сознательно воздѣйствовалъ на чувство и воображеніе его, тогда неопытнаго увлекавшагося юноши. Результатомъ вліянія и даже прямыхъ совѣтовъ обожаемаго учителя было то, что Кафіерро женился на Кутузовой. Но бракъ этотъ оказался крайне неудачнымъ: молодые люди совершенно не подходили другъ къ другу. Испытавъ всякія нравственныя страданія, они вскорѣ должны были разойтись. О роли Бакунина въ этой личной исторіи Кафіерро говорилъ съ большой горечью.

Забѣгая нѣсколько впередъ, сообщу здѣсь о трагической кончинѣ этого въ высшей степени симпатичнаго человѣка.

Участникъ извѣстной беневентской попытки вызвать возстаніе въ Италіи, Кафіерро избѣжалъ казни лишь благодаря неожиданной амнистіи, по случаю восшествія на престолъ короля Гумберта. Поселившись послѣ этого въ Женевѣ, онъ вращался, главнымъ образомъ, среди русскихъ эмигрантовъ. Благодаря мягкому, доброму характеру, Кафіерро очень сблизился съ нѣкоторыми изъ насъ, въ томъ числѣ и со мною. Изъ симпатіи къ русскимъ, а также, вѣроятно, отъ нечего дѣлать, онъ принялся даже за изученіе нашего языка, въ которомъ, помнится, недалеко ушелъ. Работалъ Кафіерро не особенно усердно,—лишь изрѣдка помѣщалъ небольшія статейки въ французскихъ и итальянскихъ анархическихъ газетахъ и, въ общемъ, чувствовалъ себя не важно. Сознаніе ли безпочвенности своего положенія, въ связи со всѣмъ имъ пережитымъ въ послѣдніе годы, было тому причиной—только любимый всѣми нами «Карло» захандрилъ и, года два спустя, заболѣлъ психически. Въ наступавшія у него свѣтлыя минуты онъ пытался покончить съ собою, чему каждый разъ мѣшалъ устроенный за нимъ надзоръ. Но ему все же удалось осуществить свое намѣреніе...

Коснувшись одного изъ итальянскихъ друзей Бакунина, не могу обойти молчаніемъ и другого, съ которымъ мнѣ также пришлось познакомиться въ тѣ времена. Я имѣю въ виду Малатеста, также участника Беневентской попытки.

Совсѣмъ иного склада характера, чѣмъ Кафіерро, былъ этотъ молодой итальянскій приверженецъ Бакунина. Энергичный, настойчивый и чрезвычайно умный,—Кравчинскій даже утверждалъ, что то былъ одинъ изъ самыхъ умныхъ людей, какихъ онъ когда-либо встрѣчалъ,—Малатеста былъ чуждъ колебаній,

сомнѣній и недовольства своей судьбой, хотя ему за свои возрѣнія пришлось вынести не меньше, чѣмъ его другу Кафіерро. Онъ и до настоящаго времени остался ярымъ проповѣдникомъ бакунинскихъ взглядовъ. Когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мы съ нимъ свидѣлись въ Лондонѣ,—во всѣхъ другихъ европейскихъ странахъ ему воспрещено жить,—онъ произвелъ на меня впечатлѣніе такого же убѣжденнаго и твердаго анархиста, какимъ я его зналъ за много-много лѣтъ предъ тѣмъ.

И не только Малатеста, но, за ничтожными исключеніями, почти всѣ иностранные друзья Бакунина остались непоколебимыми въ своихъ убѣжденіяхъ: одни — до послѣднихъ дней жизни, другіе, еще живущіе — до настоящаго момента. Среди первыхъ самое видное мѣсто занимали знаменитый географъ Элизе Реклю и членъ парижской коммуны Лефрансэ, съ которымъ я также познакомился въ то время.

Изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ друзей Бакунина укажу на извѣстнаго швейцарца Гильома, недавно выпустившаго въ свѣтъ обширные мемуары, въ которыхъ онъ много и съ большимъ восторгомъ говоритъ о своемъ учителѣ. [1]) А изъ русскихъ напомню о лицѣ, извѣстномъ подъ псевдонимомъ Росса. По утвержденію многихъ, этотъ русскій эмигрантъ являлся правой рукой Бакунина, особенно въ послѣдніе годы его жизни, преимущественно въ дѣлахъ, касавшихся Россіи. Въ этомъ отношеніи Россъ довольно сильно вліялъ на насъ южанъ, среди которыхъ теоріи Бакунина имѣли большой успѣхъ. Многіе чрезвычайно высоко цѣнили способности Росса, его энергію, практичность и предпріимчивость. Но имѣлись у него и враги, особенно среди лавристовъ, которые не находили достаточно словъ для выраженія своей къ нему ненависти. Повидимому, однако, онъ былъ въ тѣ времена крупнымъ, недюжиннымъ человѣкомъ. Къ сожалѣнію, онъ рано и надолго лишился свободы.

Кажется, осенью 1876 г. Россъ пріѣхалъ на время изъ-за границы на югъ Россіи, чтобы ближе сойтись съ нами, «бунтарями», и помочь намъ въ нашихъ предпріятіяхъ. На обратномъ пути, при переходѣ черезъ границу, Россъ былъ выданъ властямъ. Псевдонимъ его вскорѣ раскрыли, и его привлекли къ суду по процессу 193-хъ, Россъ-Сажинъ былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ. Очутившись въ концѣ 70-хъ годовъ въ Сибири, въ качествѣ ссыльнопоселенца, Сажинъ проявилъ тамъ на разныхъ практическихъ поприщахъ присущія ему выдающіяся способности.

---

[1]) См. James Guillaume, «L'Internationale», (Парижъ, 1905—10, 4 т.т.).

Впослѣдствіи ему дано было право вернуться въ Европ. Россію, гдѣ онъ и до настоящаго времени находится.

Возвратимся, однако, къ иностраннымъ друзьямъ Бакунина. Общей у всѣхъ у нихъ чертой было большое расположеніе къ его русскимъ приверженцамъ, на которыхъ они какъ бы переносили свои къ нему симпатіи. Но и независимо отъ этого, русскіе ученики Бакунина своими личными свойствами, повидимому, вызывали симпатіи иностранныхъ его послѣдователей, нерѣдко высказывавшихъ удивленіе по поводу беззавѣтной преданности русскихъ бакунистовъ революціонному дѣлу, а также ихъ готовности ради него на всевозможныя лишенія и жертвы. Имъ нравилась также прямота, непосредственность и искренность русскихъ ихъ единомышленниковъ. Не удивительно, поэтому, что не смотря на крайнее различіе въ условіяхъ воспитанія, въ характерахъ и привычкахъ, русскіе послѣдователи Бакунина быстро сходились тогда съ его иностранными друзьями.

Когда я пріѣхалъ въ Швейцарію, прошло всего два съ чѣмъ-то года со дня смерти Бакунина: онъ умеръ 30 іюня (н. ст.) 1876 г. У всѣхъ былъ еще совершенно свѣжъ въ памяти образъ апостола всеобщаго разрушенія. Въ Женевѣ и въ другихъ мѣстахъ лица, знавшія Бакунина, указывали вновь пріѣзжавшей молодежи дома, въ которыхъ онъ жилъ, зданія, гдѣ онъ выступалъ на собраніяхъ и въ конгрессахъ.

Тогда же нѣкоторые изъ иностранныхъ послѣдователей и друзей Бакунина носились съ мыслью поставить памятникъ на его могилѣ, путемъ сбора необходимой для того суммы по одному су (2 коп.) съ каждаго его приверженца. Въ то время, это казалось легко осуществимой задачей. Дѣйствительность, однако, не оправдала этого предположенія; «маленькіе су» поступали туго. Затѣмъ планъ этотъ былъ забыть, и на бернскомъ кладбищѣ съ трудомъ можно отыскать мѣсто, гдѣ погребенъ нѣкогда столь любимый многими апостолъ анархіи.

Со временемъ, быть можетъ, мнѣ удастся разсказать, какъ и очень популярная въ 70-хъ годахъ теорія этого апостола послѣ его смерти также быстро стала забываться, уступивъ мѣсто другимъ болѣе выдержаннымъ и послѣдовательнымъ взглядамъ.

Левъ Дейчъ.

ВЪ ВОЛШЕБНЫЙ ЧАСЪ.

Сколько звуковъ принужденныхъ,
Сколько шороховъ живыхъ,
Чьей-то волей зарожденныхъ
Посреди тѣней ночныхъ!

До разсвѣта, не смолкая,
Міръ незримый манитъ насъ.
Даль, загадочно нѣмая,
Ближе къ намъ въ полночный часъ.

Изъ глубинъ несутся зовы
Въ потревоженной тиши.
Ловишь ихъ, какъ будто ковы
Спали съ замкнутой души.

Въ мигъ волшебныхъ просвѣтлѣній
Слухъ острѣе, ярче взоръ.
Явь прядетъ изъ сновидѣній
Предразсвѣтный свой узоръ.

В. Умановъ-Каплуновскій.

Н. И. ПИРОГОВЪ И ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ.

(Историко-біографическая справка).

Общественная дѣятельность Н. И. Пирогова развернулась особенно широко послѣ Крымской войны. Его міровая извѣстность возрастала съ дня на день вмѣстѣ съ ростомъ русскаго общественнаго самосознанія. Къ мнѣнію великаго хирурга по различнымъ вопросамъ государственной жизни страна чутко прислушивалась. Въ его писаніяхъ отразились многія изъ лучшихъ чаяній тогдашняго общества. Цѣль настоящей замѣтки — выяснить отношеніе Н. И. Пирогова къ еврейскому вопросу, по которому онъ высказывался въ бытность попечителемъ одесскаго и кіевскаго военныхъ округовъ. Это не безполезно уже потому, что постановка вопроса о судьбахъ еврейскаго народа въ настоящее время рѣзко отличается отъ способовъ его разрѣшенія, предложенныхъ Пироговымъ.

Позволительно предположить, что до назначенія Пирогова, въ 1856 г., попечителемъ одесскаго учебнаго округа онъ не былъ близко знакомъ съ условіями жизни еврейскаго народа. До этого времени онъ проживалъ въ Москвѣ, Дерптѣ и Петербургѣ, выѣзжая на короткій срокъ за-границу, на Кавказъ и въ Прибалтійскій край. Во время этихъ путешествій онъ, конечно, встрѣчался съ евреями, но едва ли могъ спеціально изучать явленіе, называемое еврейскимъ вопросомъ въ Россіи. Правда, въ одной изъ своихъ рѣчей онъ говоритъ, что многіе изъ его наставниковъ были евреи, многіе изъ евреевъ были его добрыми товарищами, затѣмъ отличными его учениками; но это можетъ служить доказательствомъ лишь

того, что Пироговъ до своего переѣзда на югъ встрѣчалъ хорошихъ и порядочныхъ евреевъ, точно такъ же, какъ онъ встрѣчалъ хорошихъ и порядочныхъ нѣмцевъ, французовъ, итальянцевъ и др.

Среди другихъ свойствъ натуры Пирогова выдѣляется способность быстро вникать въ сущность явленія, къ которому онъ подходилъ, и немедленно охватывать его во всей его цѣлости. Правдивость и искренность его обусловливали истинно-научное безпристрастіе ко всему, съ чѣмъ ему приходилось сталкиваться. Такъ было и съ еврейскимъ вопросомъ, когда Н. И. былъ назначенъ попечителемъ учебнаго округа или, какъ онъ себя называлъ, миссіонеромъ просвѣщенія.

Пробывъ въ Одессѣ около двухъ лѣтъ (1856—1858), Н. И. Пироговъ успѣлъ проявить тамъ разностороннюю и плодотворную дѣятельность. Онъ добился преобразованія Ришельевскаго лицея, сдѣлалъ «Одесскій Вѣстникъ» образцомъ не только для провинціальной, но и для столичной прессы конца 50-хъ годовъ, измѣнилъ школьную систему воспитанія въ ея основѣ, сблизивъ семью и школу и внеся хорошія начала первой въ обиходъ послѣдней; фактически уничтожилъ тѣлесное наказаніе въ учебныхъ заведеніяхъ округа; проводилъ въ сознаніе общества педагогическіе и общечеловѣческіе идеалы; очистилъ преподавательскую среду, поднявъ ея самосознаніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ всесторонне содѣйствовалъ оживленію умственныхъ интересовъ мѣстнаго общества и разбудилъ его жизнеспособные элементы.

Н. И. Пироговъ былъ свободенъ отъ націоналистическихъ предубѣжденій. Въ юбилейной о немъ рѣчи С. П. Боткинъ заявилъ, что въ высшей степени несправедливое обвиненіе Пирогова въ племенномъ пристрастіи поддерживается или людьми не вполнѣ знакомыми съ его дѣятельностью и жизнью, или же его врагами. Замѣчательный умъ Пирогова, его громадныя спеціальныя знанія, въ высшей степени разностороннее образованіе, высокая нравственность устраняютъ возможность такого обвиненія. Боткинъ отмѣчаетъ, что «у Пирогова были хорошія отношенія со многими нѣмцами и евреями, но эти сближенія были не въ силу пристрастія къ той или другой національности, а обусловливались той степенью культуры, при которой племенная ненависть не имѣетъ смысла... Честная и справедливая природа Н. И. не могла сочувствовать презрѣнію, гоненію и ограниченію правъ евреевъ, чего онъ былъ свидѣтелемъ въ бытность свою на югѣ Россіи. Во время попечитель-

ства въ Одесскомъ и Кіевскомъ округахъ, онъ нерѣдко высказывалъ свой взглядъ на еврейскій вопросъ, свидѣтельствовавшій о глубокомъ государственномъ смыслѣ».

Дѣйствительно, глубокій государственный смыслъ проявлялъ Н. И. Пироговъ въ своихъ статьяхъ и оффиціальныхъ запискахъ по еврейскому вопросу. Въ должности попечителя одесскаго округа Пироговъ сталкивался съ разнообразнѣйшими представителями еврейскаго народа. Онъ имѣлъ возможность наблюдать ихъ и въ своей канцеляріи, и въ продолжительныхъ поѣздкахъ по городамъ и мѣстечкамъ четырехъ губерній Новороссійскаго края, и въ своемъ пріемномъ кабинетѣ практическаго врача. Черезъ два года, когда Пироговъ переѣхалъ въ Кіевъ, районъ этихъ наблюденій расширился: онъ ознакомился съ жизнью евреевъ юго-западнаго края, тогда наиболѣе заселенной евреями полосы. Въ письмѣ Н. И. на имя министра народнаго просвѣщенія, при которомъ, 4 февраля 1857 г., была представлена «докладная записка относительно евреевъ», мы читаемъ слѣдующее: «Въ изложеніи моихъ взглядовъ на предметъ столь важный въ глазахъ моихъ и столь близко касающійся до блага цѣлаго племени, я постановилъ себѣ правиломъ, нисколько не стѣсняясь господствующими мнѣніями и постановленіями, высказать прямо и откровенно, по долгу совѣсти и службы, мои внутреннія убѣжденія». Онъ собиралъ мнѣнія, сравнивалъ, «подвергалъ критическому разбору сужденія экспертовъ и старался съ возможнымъ безпристрастіемъ представить состояніе еврейскаго образованія въ настоящемъ его видѣ».

Докладная записка составлена Пироговымъ въ отвѣтъ на присланный его предшественнику запросъ о томъ, «не наступило ли время привести въ дѣйствіе предположенія о примѣненіи къ евреямъ общихъ постановленій о домашнемъ воспитаніи и объявленія обученія ихъ въ казенныхъ, преимущественно же въ реальныхъ и общихъ заведеніяхъ обязательнымъ, съ принятіемъ притомъ надлежащихъ мѣръ къ распространенію между евреями изученія и употребленія русскаго языка, и не надлежитъ ли для бо̀льшаго успѣха казенныхъ еврейскихъ училищъ сдѣлать въ курсѣ ихъ какія-либо измѣненія». Пироговъ предлагаетъ усилить въ еврейскихъ школахъ преподаваніе такъ называемыхъ реальныхъ наукъ, утверждая, что «если при образованіи евреевъ умственныя способности этого племени, вообще отъ природы хорошо развитыя, были бы направлены на изученіе предметовъ, повидимому не имѣющихъ ни малѣйшаго отношенія къ народнымъ религіозно-нравственнымъ предразсудкамъ

и предубѣжденіямъ, то эти предразсудки должны непремѣнно исчезнуть, сами по себѣ и безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ». Онъ высказывается за введеніе всеобщаго и обязательнаго обученія для евреевъ, предостерегая отъ примѣненія въ дѣлѣ воспитанія принудительно-полицейскихъ мѣръ и совѣтуя чрезвычайно осторожно относиться къ религіознымъ воззрѣніямъ еврейскаго народа. «Евреи—говоритъ онъ,—убѣдясь на опытѣ, что образованіе, распространяемое между ними правительствомъ, нисколько не касается ихъ религіи, будутъ сами охотно посылать своихъ дѣтей въ школы, приготовляющія людей къ практической жизни, пользы которой для нихъ слишкомъ очевидны». При такомъ отношеніи къ дѣлу, правительство не встрѣтитъ надобности въ веденіи борьбы, «обыкновенно упорной и, какъ всѣ борьбы противъ нравственныхъ убѣжденій, не всегда успѣшной». Свое мнѣніе Пироговъ подтверждаетъ опытомъ Западной Европы. Затронувъ всѣ стороны еврейской школьной жизни, онъ напоминаетъ, что успѣхъ реформы обусловленъ соотвѣтственными исполнителями, и рекомендуетъ создать кадръ строго испытанныхъ, опытныхъ въ педагогикѣ учителей, знающихъ, сверхъ еврейскаго, русскій или чистый нѣмецкій языкъ. Истинный «миссіонеръ просвѣщенія», Пироговъ протестуетъ противъ назначенія въ руководители еврейскихъ училищъ смотрителей-христіанъ, ибо «въ число этихъ смотрителей избирались люди, не годившіеся, по какой-либо причинѣ, для христіанскихъ школъ, разсматривающіе свою должность, какъ выгодную синекуру». Лишенные нравственныхъ качествъ, но имѣющіе значительное вліяніе на ходъ еврейскаго образованія, «именно эти смотрители, можетъ быть, болѣе чѣмъ самые меламды, поселили недовѣріе евреевъ къ привиллегированнымъ училищамъ». Постоянно стремясь къ претворенію своихъ словъ въ дѣло, Пироговъ первый назначилъ смотрителемъ еврейскаго училища еврея (въ кіевскомъ округѣ), а подъ вліяніемъ попечителя и министерство пришло къ убѣжденію въ необходимости передать дѣло просвѣщенія евреевъ въ ихъ собственныя руки.

6-го сентября 1862 г. (уже послѣ увольненія Пирогова отъ должности попечителя кіевскаго округа) послѣдовалъ указъ, признавшій, что «существовавшее доселѣ правило о назначеніи смотрителями еврейскихъ училищъ только лицъ христіанскаго исповѣданія было одною изъ главныхъ причинъ малаго сочувствія и даже недовѣрія еврейскаго населенія къ симъ училищамъ». Поэтому, комитетъ объ устройствѣ евреевъ нашелъ, что «отмѣна сего ограниченія могла бы служить дѣйствительною мѣрою къ

увеличенію въ училищахъ числа учениковъ, какъ это доказалъ частный опытъ».

Кромѣ просвѣщенныхъ директоровъ или смотрителей, необходимо было, по заявленію Пирогова, поставить во главѣ каждой школы смотрителя, утверждаемаго по выборамъ цѣлымъ (еврейскимъ) обществомъ и пользующагося полнымъ довѣріемъ этого общества. Еврейскіе учителя и школы должны быть уравнены въ правахъ съ христіанскими. Лишь по выполненіи всѣхъ этихъ элементарныхъ требованій справедливости можно ожидать «истинныхъ успѣховъ и распространенія просвѣщенія»—заключаетъ попечитель. Онъ не упустилъ также изъ виду вопроса о еврейскихъ учебникахъ, «изданныхъ отъ департамента», считая ихъ дороговизну одною изъ «важныхъ причинъ замедленія успѣховъ дѣтей въ еврейскихъ училищахъ».

Вопросъ объ учебникахъ имѣетъ свою исторію. Въ 40-хъ и 50-хъ годахъ министерство занялось изданіемъ на казенный счетъ цѣлаго ряда еврейскихъ учебныхъ книгъ и распространяло ихъ среди евреевъ путемъ принудительной продажи меламдамъ и школьникамъ. «Казенный» фондъ для изданія составился изъ спеціальнаго на еврейскую бѣдноту (въ видѣ свѣчного сбора) налога, введеннаго по предложенію извѣстнаго въ 40-хъ и 50-хъ годахъ Л. Мандельштама, который и получилъ значительную часть его въ видѣ стотысячнаго гонорара за переводъ и перепечатку соотвѣтственныхъ нѣмецкихъ изданій. Понятно, что не одна только дороговизна отталкивала еврейскую массу отъ этихъ учебниковъ. Употребленіе въ школахъ библіи съ параллельнымъ нѣмецкимъ переводомъ возмущало религіозное чувство народа; еще враждебнѣе онъ относился къ различнымъ компиляціямъ, составлявшимся по порученію министерства. Собственно отсюда и ведетъ свое начало упоминаемое Пироговымъ недовѣріе еврейской массы къ правительственнымъ мѣрамъ по ея образованію. Съ именемъ Мандельштама историки русско-еврейской культуры связываютъ цѣлый періодъ образованія евреевъ. Извѣстный изслѣдователь «Вопросовъ еврейской жизни», М. Г. Моргулисъ, пишетъ, что Мандельштамовское дѣло въ свое время произвело «много шума, привлекая къ себѣ всеобщее вниманіе не только еврейскихъ обществъ, но и многихъ высшихъ правительственныхъ сферъ». «Мандельштамовскій періодъ» образованія евреевъ характеризуется борьбою ихъ противъ оффиціальныхъ изданій, предпринятыхъ на счетъ суммъ свѣчного сбора. Въ этой борьбѣ, не смотря на то, что многія правительственныя мѣста и лица раздѣляли мнѣнія обвинителей Мандельштама, преодолѣла

сила, и на евреевъ брошена была тѣнь подозрѣнія въ «противодѣйствіи мѣрамъ правительства относительно ихъ образованія». Съ этимъ подозрѣніемъ боролся Н. И. Пироговъ, доказывая въ «запискѣ» неосновательность обвиненія евреевъ въ органической косности и систематическомъ уклоненіи отъ образованія.

«Докладная записка относительно образованія евреевъ» не была напечатана при жизни Пирогова. Она была отослана въ министерство народнаго просвѣщенія съ надписью «секретно», такъ какъ все дѣло о преобразованіи еврейскаго быта въ Россіи велось въ тайнѣ.

Первымъ печатнымъ произведеніемъ Н. И. Пирогова по еврейскому вопросу была статья объ «Одесской Талмудъ-Торѣ», появившаяся въ «Од. Вѣстникѣ» 6 марта 1858 г. Многіе журналы и газеты перепечатали эту статью, какъ и предшествующую ей рѣчь Пирогова о «Новосельѣ Лицея». Радуясь благоустройству школы и ставя христіанскому населенію въ примѣръ «высокое милосердіе нѣсколькихъ просвѣщенныхъ благотворителей» изъ еврейскаго общества», Н. И. Пироговъ говоритъ, что дѣятельность этихъ лицъ не была бы такъ успѣшна, если бы «все еврейское общество не приняло истинно-сердечнаго участія въ этомъ подвигѣ человѣколюбія». «Еврей считаетъ священнѣйшею обязанностью научить грамотѣ своего сына, едва научившагося говорить. Такое отношеніе къ грамотѣ вызывается глубокимъ убѣжденіемъ еврея въ томъ, что она представляетъ собою единственное средство узнать законъ. Высказываясь постоянно за всеобщее обученіе, Пироговъ особенно подчеркиваетъ, что въ понятіи еврея грамота и законъ сливаются въ одно неразрывное цѣлое, и что, по представленію еврея, отвергающій необходимость грамоты является врагомъ закона. «Ихъ Маймонидъ,—говоритъ попечитель округа,—основываясь на устномъ преданіи, утверждаетъ, что слово: сынъ въ Ветхомъ Завѣтѣ законѣ значитъ также и ученикъ; приходская школа евреевъ, или талмудъ-тора, значитъ изученіе закона». Съ сочиненіями Маймонида Н. И. ознакомился, повидимому, немедленно по пріѣздѣ въ Одессу, такъ какъ въ «докладной запискѣ относительно образованія евреевъ» онъ, указывая на трудность для дѣтей изученія этого автора, заявляетъ, что «имѣлъ терпѣніе прочитать нѣкоторыя книги Маймонида въ нѣмецкомъ переводѣ». «Итакъ—заключаетъ Н. И.,—грамота и законъ, сынъ и ученикъ, ученье и воспитаніе сливаются въ одно въ понятіи ветхозавѣтнаго человѣка,—и эта тождественность, въ глазахъ моихъ, есть самая высокая сторона еврея». Успѣхи дѣла воспитанія и обученія въ талмудъ-торахъ Пироговъ припи-

сываетъ ихъ тѣсной связи съ семьей и обществомъ. Поэтому онъ еще въ докладной запискѣ рекомендовалъ правительству не обращать этихъ школъ въ казенныя училища и не препятствовать вліянію самого общества на развитіе учебныхъ учрежденій, которыя пользуются довѣріемъ еврейскаго населенія.

Предвидя нападки за высказанныя имъ въ статьѣ «Одесская Талмудъ-Тора» мысли, Н. И. Пироговъ въ вступительныхъ строкахъ ея оправдываетъ выборъ темы въ слѣдующихъ, характеризующихъ все его міровоззрѣніе словахъ: «Виноватъ ли я, если меня занимаетъ все общечеловѣческое, когда сущность его проистекаетъ изъ вѣчныхъ истинъ Откровенія, будутъ ли онѣ сознательно или безсознательно принимаемы націею?». И дѣйствительно, нѣкоторыя изданія, перепечатавъ статью или выдержки изъ нея, помѣстили рядомъ съ нею и статьи своихъ сотрудниковъ, обвинявшихъ Пирогова въ излишнемъ увлеченіи евреями. Особенно рѣзко это обвиненіе высказалъ Н. Герсевановъ, который въ «Спб. Вѣдомостяхъ» издѣвался надъ расположеніемъ Пирогова къ народу, «любящему лукъ и чеснокъ», и сомнѣвался въ соотвѣтствіи изображаемой попечителемъ картины дѣйствительному состоянію одесской талмудъ-торы. Между тѣмъ, приводимые Н. И. Пироговымъ факты совпадаютъ съ сообщеніями спеціалистовъ. Въ очеркѣ исторіи образованія русскихъ евреевъ М. Г. Моргулисъ приводитъ изъ памятной книги одесскихъ еврейскихъ училищъ слѣдующую запись доктора Лиліенталя, сдѣланную въ 1843 г.: «Объѣзжая по порученію министра нар. просвѣщенія губерніи, обитаемыя евреями, для подготовленія умовъ къ учрежденію современныхъ еврейскихъ училищъ, я стремился къ осуществившемуся уже идеалу надеждъ нашихъ будущихъ поколѣній и думалъ найти его въ Одессѣ; но существующія здѣсь учебныя заведенія для мальчиковъ и дѣвочекъ превзошли всѣ мои ожиданія. Здѣсь процвѣтаютъ заведенія, которыя могутъ служить образцомъ для будущихъ училищъ». Такое же состояніе еврейскихъ школъ въ Одессѣ и другихъ мѣстахъ Новороссіи нашелъ Пироговъ черезъ 14 лѣтъ. За полгода до напечатанія статьи «Одесская Талмудъ-Тора» Н. И. отмѣтилъ въ циркулярѣ, разосланномъ директорамъ училищъ округа послѣ продолжительнаго объѣзда всего края, что еврейскія училища Херсонской губерніи «немного уступаютъ одесскимъ, то-есть лучшимъ въ округѣ» и что «особливо заслуживаютъ одобренія частныя женскія учебныя заведенія». Въ незначительномъ по числу учащихся таганрогскомъ училищѣ Н. И. отмѣтилъ хорошую постановку преподаванія еврейскаго закона. Низшія

училища Таврической губерніи тогда едва только открылись послѣ войны»; тѣмъ не менѣе еврейское училище Симферополя было найдено Пироговымъ «въ довольно удовлетворительномъ, относительно, состояніи».

Понятно, что одесскія школы, по сравненію съ провинціальными, стояли на большой высотѣ. И когда Пироговъ посѣтилъ въ февралѣ 1858 г. одесскую «талмудъ-тору», онъ не могъ не подѣлиться съ читателями преобразованнаго имъ «Одесскаго Вѣстника» своими мыслями, тѣмъ болѣе, что вышеупомянутый «циркуляръ» не былъ тогда напечатанъ. Внутренній обозрѣватель «Современника» отозвался на полемику, вызванную статьей Герсеванова, и благодарилъ Пирогова «за мысль—сказать привѣтное слово еврейскому племени и поощрить его вниманіемъ за стремленіе къ общему образованію». Откликнулась на статью Герсеванова и редакція «Одесскаго Вѣстника», отмѣтившая непривлекательный характеръ его критики и доказывавшая, что статья Н. И. «написана съ глубокимъ убѣжденіемъ, съ воодушевленіемъ къ добру и правдѣ и съ сердечною вѣрою въ возможность ихъ осуществленія». Особенно характерны эти слова въ устахъ редактора газеты, А. И. Георгіевскаго, который позднѣе, будучи главнымъ сотрудникомъ графа Дм. Толстого, Делянова и Каткова, говорилъ противъ допущенія сочиненій Пирогова въ народныя читальни. Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія статья «Одесская Талмудъ-Тора» не прошла незамѣченной; когда возбуждено было дѣло о вредномъ направленіи газеты, руководимой Пироговымъ, ему была поставлена въ вину и эта статья, съ ея слишкомъ благожелательнымъ отношеніемъ къ еврейскому народу. А представители этого народа на торжественномъ прощальномъ обѣдѣ, данномъ Пирогову передъ отъѣздомъ его въ Кіевъ, съ горестью разставались съ человѣкомъ, который, по словамъ одного изъ ораторовъ, постоянно стремился къ соглашенію слова съ дѣломъ и слова котораго были посвящены проповѣди единства и братства. На банкетѣ былъ провозглашенъ тостъ за «истинное сближеніе между русскими и живущими среди нихъ евреями», во имя уваженія и признательности къ Н. И. Пирогову. Этотъ тостъ былъ предложенъ А. И. Георгіевскимъ.

Н. И. Пироговъ былъ иниціаторомъ русско-еврейской прессы, въ видѣ еженедѣльной газеты «Разсвѣтъ» (на русскомъ языкѣ) и газеты «Гамелицъ» (на языкѣ древне-еврейскомъ). О разрѣшеніи этихъ изданій онъ ходатайствовалъ нѣсколько разъ еще во время своего пребыванія въ Одессѣ, но первые номера га-

зетъ вышли въ 1860 г., когда онъ служилъ въ Кіевѣ. Отсюда Н. И. привѣтствовалъ народившіяся по его почину изданія и въ письмѣ къ редактору «Разсвѣта», напечатанномъ въ этомъ журналѣ, скромно сообщалъ, что онъ гордится «содѣйствіемъ осуществленію благой мысли—издавать на русскомъ языкѣ журналъ, который долженъ былъ сдѣлаться органомъ русскихъ евреевъ». Повторяя въ этомъ письмѣ свои любимыя разсужденія о необходимости стремленія къ образованію, Н. И. Пироговъ говоритъ: «Для кого изъ насъ рѣшенъ уже вопросъ: кто мой ближній? Кто изъ насъ научился сочувствовать безпристрастно всему истинно-человѣческому, тѣ должны открыть свои передовые ряды для всѣхъ отягченныхъ борьбою за общечеловѣческое просвѣщеніе и терпимость съ фанатизмомъ и тьмою. Это не заслуга, это долгъ». Лично выполняя этотъ долгъ въ полной мѣрѣ, Н. И. старался внушить тѣмъ, которые въ такомъ внушеніи нуждались, что «сочувствовать образованію евреевъ—долгъ и прямой разсчетъ» коренного населенія. Свое привѣтственное письмо Пироговъ закончилъ пожеланіемъ, чтобы «Разсвѣтъ», «посредствомъ обмѣна мыслей и убѣжденій, послужилъ къ соединенію и взаимодѣйствію всѣхъ образованныхъ евреевъ Россіи». Высказывая редактору «Гамелица» благодарность за присылку журнала, «обнародованію котораго онъ имѣлъ удовольствіе содѣйствовать всѣми зависящими средствами», Н. И. повторяетъ высказанныя имъ въ одесской статьѣ мысли о стремленіи еврейскаго народа къ просвѣщенію и объ его врожденномъ уваженіи къ наукѣ[1]). Одно изъ этихъ писемъ заканчивается слѣдующими словами: «Вмѣсто того, чтобы упорно придерживаться убѣжденій, уже отживающихъ свой вѣкъ, не логичнѣе ли слѣдовать указаніямъ времени и здраваго смысла, и пролагать новый путь? Вотъ мои убѣжденія. Я ихъ провожу на сколько могу».

Когда Н. И. писалъ эти строки, онъ уже былъ обреченъ на потерю возможности проводить въ жизнь свои убѣжденія и пролагать новые пути. Онъ писалъ баронессѣ Э. Ѳ. Раденъ, выдающейся участницѣ кружка великой княгини Елены Павловны и великаго князя Константина Николаевича, что предпочитаетъ уединеніе и деревенскую жизнь всякаго рода столкновеніямъ и непріятностямъ. «Но я не сдѣлаю къ тому перваго шага,—говорилъ

---

[1]) Всѣ упоминаемыя въ этой замѣткѣ статьи и письма Н. И. Пирогова по еврейскому вопросу, а также его рѣчи, включены въ юбилейное изданіе педагогическихъ и публицистическихъ статей его (Сочиненія т. I, 1910 г.).

Н. И.,—потому что я считаю такой образъ дѣйствій слабостью. Я потому буду спокойно ждать, пока со мною простятся или меня заставятъ проститься». Послѣдняго пришлось ждать недолго. Весь юго-западный край такъ тепло и задушевно простился со своимъ попечителемъ, что кіевскіе проводы 1861-го года долго были въ исторіи русской общественности однимъ изъ самыхъ яркихъ примѣровъ демонстративнаго чествованія человѣка, признаннаго «неудобнымъ» за слѣдованіе велѣніямъ логики и требованіямъ здраваго смысла.

Прощаясь съ Н. И. Пироговымъ, представители еврейскаго общества отмѣтили, что онъ подалъ руку помощи образованнымъ евреямъ и тѣмъ поддерживалъ ихъ энергію «въ неравной борьбѣ какъ съ фанатизмомъ своихъ отсталыхъ единовѣрцевъ, такъ и съ предразсудками отсталыхъ христіанъ». Въ прощальной рѣчи къ студентамъ университета св. Владиміра Н. И. Пироговъ выразилъ надежду въ ихъ увѣренности, что для него они всѣ были одинаково равны, безъ различія національностей. Отвѣчая представителямъ бердичевскаго еврейскаго общества, Пироговъ указалъ, что благожелательное отношеніе къ евреямъ исходило изъ требованія его натуры. «Это не заслуга, — говорилъ Н. И., — это лежитъ въ моей натурѣ: я не могъ дѣйствовать противъ самого себя». Излагая въ этой рѣчи свой взглядъ на причины національной вражды, знаменитый гуманистъ отвергалъ мотивъ различія религіозныхъ убѣжденій и указывалъ, что онъ служитъ обыкновенно только предлогомъ для проповѣди недружелюбія и ненависти. Причину національной розни онъ видѣлъ въ сословномъ строѣ человѣческаго общества и заявлялъ, что съ тѣхъ поръ, какъ «выступилъ на поприще гражданственности путемъ науки», ему «всего противнѣе были сословныя предубѣжденія, и онъ невольно перенесъ этотъ взглядъ на различія національныя». Демократъ по происхожденію и убѣжденіямъ, Н. И. торжественно удостовѣрилъ передъ всей грамотной Россіей, что онъ, «какъ въ наукѣ, такъ и въ жизни, какъ между товарищами, такъ и между подчиненными и начальниками, никогда не думалъ дѣлать различія въ духѣ сословной и національной исключительности».

Подводя итоги періоду могучаго духовнаго подъема еврейскаго народа, періоду, къ которому относятся выступленія Н. И. Пирогова по интересующему насъ вопросу, г. Марекъ, въ «Очеркахъ по исторіи просвѣщенія евреевъ въ Россіи», устанавливаетъ, что просвѣщеніе и гражданственность были принципіально признанными русско-еврейской интеллигенціей и лучшей частью

русскаго общества основами обновленныхъ формъ жизни. Эти двѣ основы въ свою очередь должны были вызвать сближеніе евреевъ съ кореннымъ населеніемъ. Такой выводъ дѣлалъ и Пироговъ почти во всѣхъ своихъ рѣчахъ и писаніяхъ по еврейскому вопросу. Но тогда какъ у многихъ христіанъ и евреевъ это понятіе отождествлялось съ идеей обрусенія, авторъ «Вопросовъ жизни» никогда не проявлялъ ассимиляторскихъ тенденцій. Онъ стремился къ уничтоженію оторванности забитой и загнанной еврейской массы отъ культуры и въ словахъ о томъ, что «Европу примиряетъ съ евреями ихъ проникновеніе христіанскими принципами» (въ статьѣ «Одесская Талмудъ-Тора»), выразилъ свое обычное пожеланіе о сближеніи націй. Онъ выяснилъ въ одной изъ своихъ кіевскихъ рѣчей, что «никогда не мечталъ о слитіи въ одно цѣлое» представителей различныхъ національностей, избѣгалъ раздражать національное самолюбіе и навязывать студентамъ такія убѣжденія, которыхъ у нихъ не могло быть, потому что гнушался притворствомъ и двуличіемъ». Всегда подчеркивая общечеловѣческія начала еврейской религіи, Пироговъ еще въ «докладной запискѣ» предостерегалъ правительство отъ посягательствъ въ области народныхъ вѣрованій, а въ первой послѣ «Вопросовъ жизни» статьѣ общепедагогическаго содержанія («Новоселье одесскаго лицея») говорилъ: «Всѣ мы, къ какой бы націи ни принадлежали, можемъ сдѣлаться черезъ воспитаніе настоящими людьми, каждый различно, по врожденному типу и по національному идеалу человѣка, нисколько не переставая быть гражданиномъ своего отечества и еще рельефнѣе выражая, чрезъ воспитаніе, прекрасныя стороны своей національности.»

Духомъ протеста противъ сословности и признаніемъ достоинствъ и правъ отдѣльныхъ національностей проникнуты и другія статьи Пирогова. Такъ, въ статьѣ «Объ уставѣ новой гимназіи, предполагаемой проектомъ преобразованія морскихъ учебныхъ заведеній», онъ горячо доказываетъ ненужность спеціальныхъ школъ для привилегированныхъ сословій и настаиваетъ на созданіи единой общеобразовательной подготовительной школы, говоря, что «гимназія не должна воспитывать будущее поколѣніе въ духѣ касты, не должна развивать отдѣльность и высокомѣріе». Онъ протестуетъ противъ высокой платы за обученіе, заявляя: «мы знаемъ, что въ нашихъ гимназіяхъ именно дѣти бѣдныхъ родителей и дѣти евреевъ принадлежатъ къ числу лучшихъ учениковъ и своимъ примѣромъ распространяютъ наклонность къ труду и уваженіе къ наукѣ».

После кіевскаго попечительства Пирогову не приходилось при жизни высказываться печатно по еврейскому вопросу. Была извѣстная доля банкетнаго увлеченія въ словахъ Н. И. Горнберга, который на кіевскомъ прощальномъ обѣдѣ 1861 г. сказалъ, что «евреи теперь считаютъ свое дѣло задержаннымъ, если не болѣе», именно въ связи съ уходомъ Н. И. Пирогова съ поста попечителя; но по существу ораторъ предугадалъ проявившееся вскорѣ отношеніе правительства къ вопросамъ еврейскаго образованія и еврейской жизни вообще. Увольненіе Пирогова было, конечно, не причиной перемѣны правительственной политики, а симптомомъ новаго направленія, которое особенно ярко проявилось въ концѣ 70-хъ годовъ. Въ автобіографическихъ письмахъ къ д-ру І. В. Бертенсону, положенныхъ послѣднимъ въ основу статьи по поводу 50-лѣтняго юбилея знаменитаго врача-педагога, Н. И. Пироговъ говоритъ о стѣснительныхъ мѣрахъ по отношенію къ евреямъ, какъ о величайшемъ политическомъ абсурдѣ, ведущемъ къ деморализаціи и евреевъ, и окружающаго ихъ населенія. «Для обитателей территоріальной полосы, назначенной для еврейскаго гетто—писалъ онъ,—эта прогрессирующая деморализація проявляется на каждомъ шагу въ ужасающихъ размѣрахъ и видахъ».

Эти слова были опубликованы въ 1881 г., въ эпоху наиболѣе тяжкихъ испытаній, выпавшихъ на долю еврейскаго народа въ до-конституціонной Россіи. Еще раньше М. Г. Моргулисъ, на основаніи личныхъ воспоминаній, говорилъ о томъ, какъ хорошо Н. И. Пироговъ понялъ стремленіе еврейской молодежи къ образованію, какъ горячо призывалъ русское общество, хотя бы изъ чувства патріотизма, содѣйствовать этимъ просвѣтительнымъ порывамъ. Близко знакомый съ Пироговымъ въ кіевскую пору его жизни, г. Моргулисъ утверждаетъ, что Н. И. считалъ преступнымъ оставаться хладнокровнымъ свидѣтелемъ еврейскихъ страданій.

Вскорѣ послѣ торжественно-отпразднованнаго юбилея Н. И. Пироговъ скончался (23 ноября 1881 г.). Въ некрологахъ снова вспоминался его научно-объективный взглядъ на національный вопросъ. Въ одномъ изъ нихъ сообщалось, что незадолго до смерти Н. И. составилъ записку по этому вопросу, «дышащую тѣми же началами высокой любви и справедливости, которыя онъ всегда проповѣдывалъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ, всею своею жизнью». Другихъ сообщеній о такой запискѣ мнѣ не приходилось встрѣчать, но вполнѣ документальнымъ подтвержденіемъ словъ Пирогова о

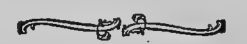
томъ, что убѣжденія, выработанныя образованіемъ и цѣлою жизнью, сдѣлались для него второю натурою и не покинутъ его до конца, можетъ служить опубликованное въ 1910 г. А. И. Шингаревымъ предсмертное письмо Н. И. по еврейскому вопросу. Въ дни тяжкихъ страданій, когда онъ уже не сомнѣвался въ настоящемъ характерѣ своей болѣзни, Пироговъ писалъ: «Тяжелая болѣзнь не даетъ мнѣ возможности сообщить обстоятельно сужденіе на предлагаемый вами вопросъ. Впрочемъ, взглядъ мой на еврейскій вопросъ давно уже высказанъ и, полагаю, достаточно извѣстенъ. Время и современныя событія не измѣнили моихъ убѣжденій. Теперь, какъ и прежде, я убѣжденъ, что средневѣковыя понятія о вредѣ, наносимомъ семитами другимъ народностямъ, неминуемо уступили бы мѣсто другимъ, болѣе гуманнымъ и логичнымъ понятіямъ нашего времени, если бы не служили тому препятствіемъ искусственно и періодично организуемыя антисемитическія агитаціи, причины и мотивы которыхъ, несмотря на придаваемый имъ всегда національный характеръ извнѣ, кроются гораздо глубже... Этотъ взглядъ на современныя антисемитическія волненія заставляетъ думать, что и всѣ мѣропріятія не будутъ успѣшны, пока основаніемъ ихъ будутъ служить предположенія о вредѣ, наносимомъ семитическимъ племенемъ другимъ національностямъ, настоящіе же, въ глубинѣ скрытые мотивы, останутся нетронутыми».

Въ этомъ письмѣ сказался старый «миссіонеръ просвѣщенія», который не могъ не быть самимъ собою во всѣ дни своей долгой и обильной хорошими дѣлами жизни.

Въ одной газетной статьѣ профессора Д. Н. Овсянико-Куликовскаго («Од. Новости», 23 января 1887 г.,) есть характеристика Н. И. Пирогова, точно выясняющая духовный обликъ покойнаго мыслителя и общественнаго дѣятеля. Словами критика-художника я позволю себѣ закончить свою историко-біографическую справку. «Если въ ряду нашихъ великихъ людей мы будемъ искать человѣка, въ которомъ воплотился одинъ реализмъ безъ фантазерства, то, конечно, прежде всего мы остановимся на Н. И. Пироговѣ. Это была натура здоровая, цѣльная, уравновѣшенная. Всѣ духовныя силы этого необыкновеннаго человѣка находились между собою въ полной гармоніи, и надъ всѣми ими не господствовалъ, не владычествовалъ, а сіялъ, какъ свѣточъ, могучій и высшій разумъ. Это не былъ умъ,—умъ, который всегда любитъ властвовать, который стре-

мится подчинить себѣ чувство и другія силы души,—это былъ именно *разумъ*, который ничего не хочетъ подчинить себѣ и только величаво сіяетъ и свѣтитъ, озаряя все, что ни встрѣтитъ на пути своемъ».

С. Штрайхъ.

ФРАУ БЮРГЕЛИНЪ и ЕЯ СЫНОВЬЯ.

Романъ Габріэллы Рейтеръ.

(Продолженіе) [1].

XIII.

— Если хотите, можете сейчасъ взять съ собою эти книги,— сказала Дорисъ молодому фонъ-Кальбу. Она встрѣтила его около часу назадъ въ паркѣ, гдѣ гуляла въ свободный отъ театра вечеръ. Кальбъ, племянникъ почтенной Люцинды, въ противоположность ей и всей бернгардсгаузенской роднѣ пропитанный самыми революціонными идеями и приверженецъ современнѣйшаго модернизма, съ удовольствіемъ присоединился къ фрейлейнъ Дорисъ въ ея прогулкѣ. Прохаживаясь по аллеѣ, они спорили на тему о любви и бракѣ. Дорисъ нравилось бесѣдовать съ нимъ; онъ былъ очень неглупъ. И она попросила его заходить къ ней иногда запросто.

Черезъ пять минутъ ей пришлось уже пожалѣть о своемъ необдуманномъ приглашеніи. Не успѣла она еще зажечь лампу у себя въ комнатѣ, какъ Кальбъ сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ и сталъ такъ неистово цѣловать, что у нея захватило дыханіе. Но она быстро пришла въ себя и сильно оттолкнула Кальба, такъ что онъ пошатнулся и долженъ былъ придержаться за дверь, чтобы не свалиться на полъ.

— Это ужъ слишкомъ,—пробормоталъ онъ смущенно.

— Такъ приходится обращаться съ невоспитанными нахалами,—отвѣтила Дорисъ.

---

[1]) См. августъ стр. 213.

— Простите, почтеннѣйшая,—сказалъ Кальбъ съ достоинствомъ,—но въ нашей сегодняшней бесѣдѣ вы высказали такіе разумные взгляды, что я надѣялся и на разумное поведеніе. А вы поднимаете скандалъ изъ-за невиннаго поцѣлуя. Мнѣ кажется, что у меня останутся синяки.

— И отлично!—воскликнула, смѣясь, Дорисъ.

— Нѣтъ, не зажигайте еще эту дурацкую лампу,—просилъ Кальбъ.—Если хотите, я останусь здѣсь у дверей... Не думалъ я, что вы такъ пугливы... Ну, ладно, зажигайте ужъ... только выслушайте меня. Всѣ знаютъ, что вы вовсе не такъ недоступны, какою кажетесь... Баронъ Пернебергъ...

— Какое вамъ дѣло до барона Пернеберга?—нетерпѣливо закричала она.

— Нехорошо съ вашей стороны... вы, молодая, цвѣтущая, созданная для радости, предпочитаете стараго холостяка молодежи. Не отрицайте, не лгите. Всѣ знаютъ...

— Такъ. Всѣ знаютъ. А что они знаютъ?

— Ахъ, не заставляйте меня быть черезчуръ яснымъ. Если бы вы хоть любили его! Но такого дурного вкуса никто въ васъ не подозрѣваетъ! Значитъ, только изъ честолюбія... только ради того, чтобы играть въ театрѣ первую роль... какъ хотите, Дорисъ, но это грѣхъ противъ природы.

— И отъ этого грѣха вы бы хотѣли спасти меня?—насмѣшливо спросила Дорисъ.

— Да. И вы поблагодарите меня за это.

— Ну, а если у меня настолько хорошій вкусъ, что я и васъ не люблю?

— Вы только не хотите!

Дорисъ приблизилась къ нему. Глаза ея горѣли. Кальбъ смотрѣлъ на нее, съ нетерпѣніемъ ожидая, что она сдѣлаетъ. Можетъ быть, воинственная какъ Брунгильда, она вступитъ съ нимъ въ борьбу. И онъ уже видѣлъ гордую дѣвушку побѣжденную въ своихъ объятіяхъ.

Но она быстро прошла мимо него, отворила дверь и сказала:

— Ну, теперь довольно. Ваши гнусности мнѣ надоѣли. Мама!..

Она закричала рѣзкимъ, грубымъ голосомъ и вовсе не была очаровательна въ эту минуту.

Молодой Кальбъ схватилъ свою шляпу.

— Вы раскаетесь еще! Увидите, что значитъ для артистки, отталкивать отъ себя поклоненіе молодежи!—прошепталъ онъ враждебно.

Онъ сталъ медленно, ощупью пробираться внизъ, по узкой лѣстницѣ, всматриваясь близорукими глазами въ темноту. Не успѣлъ онъ еще сойти внизъ, какъ раздался звонокъ, и онъ столкнулся съ барономъ Пернебергомъ и Діонисомъ. Оба несли цвѣты.

— Вашъ старшій и младшій поклонники сошлись оба въ желаніи принести вамъ дань своего восхищенія,—весело закричалъ Пернебергъ, обращаясь къ Дорисъ. Она вышла на площадку съ лампой, чтобы посвѣтить Кальбу.

— Какое позднее нашествіе! — недовольно воскликнула она.

— Мы только хотѣли передать цвѣты прислугѣ,—проворчалъ баронъ.

— Мама!—раздраженно позвала Дорисъ. Пасторша вышла изъ кухни.—Возьми у барона цвѣты. Онъ знаетъ, что я послѣ театра не принимаю.

— Но, Дорисъ, нельзя же быть такой нелюбезной!—замѣтила пасторша.

— Если фонъ-Кальбъ удостоился, то отчего и намъ не войти,— благодушно сказалъ баронъ и сталъ грузно подниматься по лѣстницѣ.—Идите назадъ, Кальбъ.

— Благодарю васъ, меня ждутъ,—пробормоталъ Кальбъ, коротко разсмѣялся и быстро выбѣжалъ изъ подъѣзда. Баронъ остановился, въ недоумѣніи глядя ему вслѣдъ. Онъ скорчилъ странную кисло-сладкую гримасу и пролепеталъ: «Гм... да... дѣти, дѣти»...

Лицо у него нервно подергивалось.

— Добрый вечеръ, фрау Рюдеръ! Вы опять заглянули къ дочери? Что̀ хорошаго въ Грисбахѣ? А какъ здѣсь обстоитъ хозяйство? Опять Мина согрѣшила?

— Да, баронъ, приходится мнѣ присмотрѣть; всюду хозяйскій глазъ нуженъ. Дорисъ ни о чемъ этомъ не заботится. Помилуйте, платить за гуся шесть марокъ—это прямо грѣхъ.

— Мама! это былъ гигантскій гусь,—закричала сверху Дорисъ.—А сколько жиру онъ далъ!

— Гусиный жиръ?—спросилъ съ интересомъ баронъ Пернебергъ.—Ахъ, какъ это мнѣ напоминаетъ покойную тетушку въ Помераніи!

— Хотите попробовать?

— Еще бы!

Дорисъ, довольная, что удастся загладить свою нелюбезную встрѣчу, побѣжала внизъ въ маленькую кладовую и принесла от-

туда большой кусокъ чернаго хлѣба и коричневый горшочекъ съ вкуснымъ гусинымъ жиромъ. Пернебергъ и Діонисъ ждали ее уже въ гостиной.

— Домашній хлѣбъ, баронъ.. Мама сама его пекла...

— Ну, слава Богу, узнаю васъ опять.. А то когда мы пришли, право, можно было испугаться.

И онъ смѣялся про себя, такъ какъ догадывался, что̀ могло произойти между его молодой пріятельницей и Кальбомъ.

Онъ весело похлопалъ Діониса по плечу и сказалъ:

— За дѣло, юноша! Вы еще въ томъ возрастѣ, когда человѣкъ готовъ отдать многое за хлѣбъ съ гусинымъ саломъ!

Но юный иностранецъ не безъ страха поглядывалъ на коричневый горшочекъ, стоявшій на рѣзномъ столикѣ между «Крейцеровой Сонатой» Толстого и вазочкой съ визитными карточками.

— Оно въ самомъ дѣлѣ вкусно?—спросилъ Діонисъ серьезно.

— Вы не ѣдали гусинаго сала? Ну, тогда вы не знаете, что̀ такое наслажденіе!—восторженно воскликнулъ баронъ.— Впрочемъ, вашъ опытъ въ сферѣ жизненныхъ радостей вообще, вѣроятно невеликъ? не правда ли?

— О, я наверстаю все, когда покончу съ гимназіей,— сказалъ Діонисъ, со спокойной ясной улыбкой на красивомъ мальчишескомъ лицѣ.

— Все во̀ время, аккуратно и не спѣша,—насмѣшливо проговорила Дорисъ.

Діонисъ не замѣтилъ ироніи. Онъ привѣтливо кивнулъ ей и пошелъ въ сосѣднюю комнату къ роялю. Сначала онъ взялъ нѣсколько тихихъ мелодическихъ аккордовъ, а затѣмъ заигралъ одну изъ своихъ любимыхъ шотландскихъ народныхъ пѣсенъ. Діонисъ бывалъ здѣсь почти ежедневно: мать постоянно посылала его къ Дорисъ съ разными порученіями. Иногда онъ приходилъ утромъ, когда пѣвица была еще въ постели, иногда въ пять часовъ, къ чаю, и онъ же былъ единственный гость, допускавшійся вечеромъ, послѣ театра.

Діонису было уже семнадцать лѣтъ, но длинные кудри, бархатная куртка, короткіе, до колѣнъ, панталоны и вся его юная, цвѣтущая красота производили на всѣхъ впечатлѣніе чего-то дѣтски-юнаго. Даже строгій педагогическій персоналъ городка не видѣлъ ничего худого въ его дружбѣ съ красивой пѣвицей. Они только находили нѣсколько неудобнымъ, что онъ часто встрѣчался тамъ съ барономъ Пернебергомъ.

А между тѣмъ Діонисъ не обнаруживалъ никакого любопытства къ пикантнымъ тайнамъ. Онъ почти не замѣчалъ влюбленнаго томленія барона и поддразниваній Дорисъ. Въ худшемъ случаѣ они иногда надоѣдали ему. Когда онъ оставался наединѣ съ Дорисъ, онъ не зналъ, о чемъ говорить. Она такая милая, и пѣніе ея онъ цѣнилъ высоко, но она стояла настолько выше его...

— Съ какой душой играетъ этотъ мальчикъ,—сказала Дорисъ.—А въ жизни онъ рыба, настоящая рыба! Какъ я ни стараюсь вдохнуть въ него немного энтузіазма—напрасно!

— Въ самомъ дѣлѣ? Вы стараетесь... Такой юный Адонисъ... ахъ, Дорисъ, Дорисъ!,—лепеталъ баронъ, глядя на нее жалобно молящимъ взглядомъ.

— А Кальбъ?—прошепталъ онъ, нагибаясь къ ней и стараясь глазами проникнуть въ ея душу,—что у васъ съ нимъ произошло? Скажите мнѣ, дѣтка, скажите: будьте же милосердны! Не мучьте меня безъ основаній.

— Этотъ Кальбъ—безстыдная обезьяна!—вспылила Дорисъ.—Съ вами, мужчинами, слова нельзя сказать по-человѣчески: сейчасъ же перетолкуете Богъ знаетъ какъ!

— Вы сегодня въ скверномъ настроеніи. И все-таки вы жалѣете, что не можете лишить спокойствія этого кудряваго мальчика?..

— Не для себя, конечно. О, нѣтъ! Но подумайте! Музыкантъ безъ темперамента!?.. Это досадно! Это меня злитъ!

— Темпераментъ придетъ,—баронъ цинично улыбнулся.— Онъ не былъ бы сыномъ своей матери, если бы...

— О, да, это—женщина съ темпераментомъ! Она васъ всѣхъ за поясъ заткнетъ!

— Вы опять увлечены! Знаете, я положительно чувствую ревность къ фрау Бюргелинъ.

— Я очень многимъ обязана ей,—сказала Дорисъ серьезно.— Почти столькимъ же, сколько...

— Какъ кому? Отчего вы не доканчиваете, Дорисъ?

— Своимъ родителямъ.

— Это жестоко,—сказалъ Пернебергъ страдающимъ голосомъ.—Вы не то думали. Вы огорчили меня.

Дорисъ презрительно пожала плечами.

— Діонисъ!—закричала она въ сосѣднюю комнату.—Тебѣ пора домой—мама вѣрно ждетъ уже тебя.

Діонисъ вскочилъ и тотчасъ же прибѣжалъ на зовъ. Дорисъ, не говоря ни слова, взяла лампу и пошла посвѣтить ухо-

дящимъ гостямъ. Когда баронъ хотѣлъ, по своему обыкновенію, поцѣловать ее на прощанье въ лобъ, она рѣзко отдернула голову въ сторону.

Онъ покорно побрелъ внизъ по лѣстницѣ; на его добродушномъ бульдожьемъ лицѣ было выраженіе, какъ у побитой собаки.

Когда гости ушли, пасторша вышла изъ кухни.

— Что станутъ люди говорить, когда увидятъ, что они вышли отъ тебя въ половинѣ одиннадцатаго?—заворчала она.

— Отчего же ты не оставалась въ комнатѣ, мама?—рѣзко сказала Дорисъ.—Сколько разъ я просила тебя не исчезать, когда приходитъ кто-нибудь. Зачѣмъ же ты все время торчала въ кухнѣ?

— Что жъ? когда баронъ здѣсь, я вѣдь только мѣшаю,—жалобно тянула пасторша, поднимаясь по лѣстницѣ. — Что за мученіе, Господи прости! Сколькихъ слезъ мнѣ стоила уже эта исторія! Осталась бы ты дома, какъ приличная дѣвушка... А тутъ только и слышишь, что говорятъ дурное... даже у насъ въ деревнѣ уже поговариваютъ, что...

— Мама!—громко закричала Дорисъ, вся дрожа отъ гнѣва; лампу она, къ счастью, успѣла поставить раньше.—Не выводи меня изъ терпѣнія, слышишь? Будь осторожна! Ты знаешь отлично, что между мной и барономъ ничего нѣтъ...

— Но я видѣла въ щелку, какъ онъ прощаясь, нашептывалъ тебѣ что-то и хотѣлъ опять поцѣловать тебя... Стыдно и грѣшно...

— Молчи... ради Бога замолчи,—закричала Дорисъ.—Довольно съ меня на сегодня. Вы меня съ ума сведете, каждый по своему!

Она порывисто бросилась къ шкафу, вынула изъ него шарфъ и укуталась.

— Куда ты?

— На воздухъ. Подышать. Тутъ задохнуться можно.

И она стремительно убѣжала, не слушая воркотню матери по поводу «сумасшедшихъ актерскихъ замашекъ».

Дорисъ пробѣжала по улицѣ мимо нѣсколькихъ домовъ и позвонила у одного изъ нихъ. Она вызвала свою пріятельницу, слѣпо преданную ей бернгардсгаузенскую дѣвицу, живущую дома, при родителяхъ. Та была уже въ ночной кофточкѣ, но, послушная зову своей обожаемой пріятельницы, быстро одѣлась. Дорисъ, ничего не разсказывая Фридѣ, поспѣшно шла, направляясь за городъ, въ поле. Сильная роса лежала на травѣ. До-

рисъ высоко подняла юбку, какъ это дѣлаютъ крестьянки, и неслась впередъ безъ цѣли, только бы успокоить ходьбой клокотавшее въ ней возбужденіе. Полевая дорога поднималась вверхъ по мягкому холму. Наверху Дорисъ остановилась и глубокими глотками стала пить прохладный ночной воздухъ, лившійся на нее съ высокаго, звѣзднаго неба. Она оглянулась назадъ. Въ долинѣ лежалъ городъ, и сквозь дымку, окутывавшую его, свѣтились огни.

Щеки Дорисъ горѣли; кровь стучала, лихорадочно пульсируя.

— Ахъ, какъ хорошо!—воскликнула она, срывая съ головы шарфъ, чтобы ночной вѣтеръ прошелся по ея волосамъ.— Чистый воздухъ... совсѣмъ, совсѣмъ чистый воздухъ! Фрида, мужчины отвратительны. Какая у нихъ натура!.. А мы еще стараемся внести въ свою жизнь смыслъ и значеніе. Зачѣмъ? Къ чему?.. Они не хотятъ никакого смысла... ничего... У нихъ на умѣ всегда только одно—только одно!.. Или же это такія скучныя деревяшки, какъ красивый Діонисъ, котораго мать мнѣ вѣчно навязываетъ...

— Опять что-то съ барономъ произошло?—скромно спросила Фрида.

— Ахъ... и да, и нѣтъ... Все то же самое! И этотъ оселъ Кальбъ!.. А мама къ тому же опять бранилась... Развѣ она понимаетъ, зачѣмъ я держу барона?.. Можетъ ли она чувствовать, что для меня этотъ человѣкъ? Они говорятъ: директоръ, директоръ; но развѣ они понимаютъ его вкусъ, его тонкую критику, его энтузіазмъ? Господи! Родная мать—и не имѣетъ объ этомъ ни малѣйшаго понятія... Вѣдь артистъ не можетъ вѣчно черпать только изъ себя. Я знаю, Фрида, вы тоже его терпѣть не можете... Но онъ мнѣ нуженъ... понимаете ли, нуженъ! Всѣмъ намъ, артистамъ, необходимы эти умные, опытные, образованные люди, взгляды которыхъ значительно шире нашихъ... Право, иногда мнѣ жаль, что я не такая, какъ Батаки и другія пѣвицы, которыя каждый сезонъ мѣняютъ любовника!

— О фрейлейнъ Рюдеръ!—испуганно забормотала Фрида. Что-то въ ея существѣ какъ бы пришло въ колебаніе при этихъ словахъ пѣвицы: какъ будто отвалился первый камень съ того храма, который она возвела для поклоненія своей пріятельницѣ.

— Да, Фрида, я устала отъ вѣчной борьбы!

Дорисъ закинула голову назадъ и заложила руки за спину. Такъ она долго стояла молча и глядѣла вверхъ, на звѣзды. Затѣмъ задумчиво побрела дальше.

— Откуда, собственно, у меня это высокомѣріе? Откуда брезгливость? Если бы я могла понять...

— Многое зависитъ отъ воспитанія,—осмѣлилась вставить Фрида.

— Да, кое-что. Но не все. Я вѣдь воспитана по-христіански, какъ истая пасторская дочь, а между тѣмъ я совершенно нерелигіозна, настоящая язычница, и привожу этимъ въ ужасъ барона. Даже онъ иногда ходитъ въ церковь и исповѣдуется въ своихъ грѣхахъ... Можетъ быть, если бы во мнѣ сидѣла христіанская закваска,—воскликнула она вдругъ со смѣхомъ,—и я бы вѣрила въ отпущеніе, можно было бы и легче относиться ко всему... Я не рождена быть артисткой, Фрида... я слишкомъ много раздумываю надъ всѣмъ...

— И слава Богу!—вырвалось у Фриды отъ души.

— Кто знаетъ,—проговорила Дорисъ,—благодарить ли за это... Но... все-таки, чувствуешь себя иначе... Свободнѣе... Только женщина, которая не любитъ, свободна, Фрида. Не слѣдовало бы любить никого—ни отца, ни матери, ни мужа, ни ребенка. Не прилостать сердцемъ ни къ кому—вотъ это свобода. Я бы не могла быть матерью и оставаться въ то же время артисткой. И то, и другое было бы въ половину.

Дорисъ выдала себя. Вотъ что оберегало ее, несмотря на пылкій темпераментъ: страхъ имѣть ребенка. Вѣчно бодрствующій, не засыпающій страхъ материнства, который въ наше время владѣетъ столькими женщинами, энергическими и полными творческихъ стремленій. Этотъ страхъ такъ силенъ, такъ могучъ въ нихъ, что можно было бы повѣрить въ темный, слѣпой инстинктъ, который, однако, какъ всѣ противоестественные инстинкты, рожденъ жестокими условіями жизни и ими поддерживается. Какой-то тайный голосъ изъ глубины существа подсказываетъ этимъ женщинамъ, что, заплативъ дань своему полу, онѣ утеряютъ силу, блескъ и остроту духа—все то, что подняло ихъ выше другихъ женщинъ. И, можетъ быть, многія изъ женщинъ и правы въ этомъ страхѣ.

Дорисъ не принадлежала къ талантамъ наивнымъ, къ тѣмъ, которые не вѣдаютъ, что творятъ. Сила ея была, кромѣ чисто физическаго богатства голосовыхъ средствъ, въ трудѣ и въ энергіи, воспламененныхъ и согрѣтыхъ ея нерастраченной, жадной жаждой жизни.

И несмотря на все, ей все-таки хотѣлось быть любимой. Въ воображеніи этой сильной, умной, уже опытной артистки носилась дѣвическая греза нѣжной, вѣрной, самоотверженной и

нетребовательной мужской любви. Она оберегала эту милую, блѣдную, чувствительную картину въ небесно-голубой съ золотомъ рамѣ отъ жестоко-прозаическаго дневного свѣта, но никогда не разставалась съ ней.

И потому ей было обидно, что Діонисъ такъ безусловно равнодушенъ къ ней.

Дорисъ часто вспоминался потомъ этотъ вечеръ. Какихъ-нибудь три недѣли спустя баронъ Пернебергъ умеръ, отъ послѣдствій операціи, казавшейся несерьезною. Только на его похоронахъ обнаружилось явно, какъ далеко простиралось вліяніе этого легкомысленнаго идеалиста, сколькимъ людямъ онъ помогалъ своимъ непосредственнымъ сочувствіемъ, своей искренней теплотой. Назначенъ былъ новый директоръ театра—человѣкъ, который только и думалъ о томъ, какъ бы не выйти изъ рамокъ бюджета. Вмѣсто радостнаго дерзновенія духъ узкой скаредности овладѣлъ театромъ. Положеніе Дорисъ на сценѣ тоже измѣнилось. Она потеряла друга. Правда, онъ часто огорчалъ ее, съ нимъ приходилось нерѣдко вступать въ борьбу; за то онъ обезпечилъ ей выдающееся и прочное положеніе въ закулисномъ мірѣ.

Новый директоръ принялъ въ труппу новую молодую пѣвицу, и Дорисъ пришлось уступить ей нѣсколько хорошихъ ролей. Публика интересовалась новымъ явленіемъ. Стали поговаривать, что послѣ смерти барона Дорисъ играетъ хуже прежняго. И правда: ей недоставало атмосферы теплоты, которою окутывало ее его поклоненіе. Да, ей недоставало даже борьбы съ его любовью и ежедневнаго наслажденія быть жестокой. Веселая, бодрая дѣвушка отдалась печали объ умершемъ; порывы ея скорби были такъ сильны, точно она въ самомъ дѣлѣ потеряла возлюбленнаго. Она терзала себя упреками. Здоровье ея стало страдать отъ вѣчно-печальнаго настроенія, голосъ потерялъ блескъ и звучность, игра—мягкость, гармонію и спокойное благородство. И все это произошло такъ быстро, такъ неожиданно. Въ характерѣ Дорисъ стала рѣзче проявляться склонность къ господству, въ которой ея завистники часто упрекали ее и раньше. Когда люди несчастны, они рѣдко бываютъ особенно любезны. Даже друзьямъ Дорисъ стало тяжело поддерживать съ ней прежнія отношенія.

XIV.

Ужъ нѣсколько лѣтъ домъ въ Дамбахгрундѣ принадлежалъ фрау Бюргелинъ и съ каждымъ лѣтомъ онъ все больше принималъ видъ англійскаго коттеджа.

Если въ обстановкѣ виллы «Эдина» преобладали густые, теплые тона, если въ противоположность хмурой нѣмецкой зимѣ тамъ блестѣлъ пурпуръ шелка, матовымъ отливомъ сверкала бронза мебели и радужно искрилось венеціанское стекло хрустальной посуды, то здѣсь, въ маленькихъ комнатахъ дачи, все было свѣтлое и простенькое.

Молодыя дѣвушки, которыхъ фрау Бюргелинъ пригласила къ себѣ погостить нѣсколько недѣль, пришли въ восхищеніе при видѣ этихъ изящныхъ комнатокъ, гдѣ по стѣнамъ, казалось, порхали ласточки и мотыльки и колосья колыхались на кроткомъ небесно-голубомъ фонѣ, а приготовленная гостямъ бумага для писемъ была разрисована еловыми вѣтками и бѣлочка держала наготовѣ чернила въ орѣховой скорлупѣ. Молодымъ людямъ наоборотъ становилось не по себѣ: какъ имъ тутъ двигаться, не испортивъ чего-нибудь изъ всѣхъ этихъ хрупкихъ бездѣлушекъ! И, собственно говоря, одинъ только лордъ Мальтенъ умѣлъ настоящимъ образомъ и притомъ элегантно располагаться въ низкихъ плетеныхъ креслахъ. Впрочемъ, молодая компанія немного времени проводила въ полныхъ опасности комнаткахъ: фрау Бюргелинъ была не только гостепріимна—она предоставляла гостямъ и полную свободу.

Ей самой очень часто теперь приходилось сидѣть въ комнатѣ не выходя: отъ каждаго сквозного вѣтра или даже просто прохладнаго дуновенія у нея опухала щека и начиналась боль. Это невольное заточеніе давалось ей нелегко.

Когда она узнала, что Дорисъ Рюдеръ въ это лѣто не пріѣдетъ къ ней, а послѣ морскихъ купаній собирается съѣздить въ Норвегію, фрау Бюргелинъ серьезно разсердилась. M-lle Оберъ тайкомъ послала измѣнницѣ телеграмму: если она дорожитъ дружбой фрау Бюргелинъ, то пусть пожертвуетъ норвежскимъ путешествіемъ и поживетъ, какъ каждое лѣто, въ Дамбахгрундѣ. Дорисъ пріѣхала и въ знакъ благодарности за умно оказанную услугу подарила m-lle оригинальный серебряный браслетъ. Но ей было тяжело: ей такъ хотѣлось въ этомъ году освѣжить свою наболѣвшую душу новыми яркими впечатлѣніями. И впервые теперь дружба фрау Бюргелинъ ощущалась ею какъ гнетъ, а изящная миніатюрность ея веселенькой дачки—узкой и ограниченной. Даже предупредительное исполненіе всѣхъ ея желаній было ей въ тягость. Бываютъ времена, когда человѣкъ не любитъ, чтобы за нимъ наблюдали глазами заботливой любви.

Изъ Берглинговъ и Велеровъ въ это лѣто никто не пріѣхалъ въ Дамбахгрундъ. Съ Берглингами произошли нелады. Ева Велеръ весной стала невѣстой. А Мія... О Міѣ въ Бернгардсгаузенѣ теперь говорили не иначе, какъ торжественно-таинственнымъ тономъ и съ трагическимъ взглядомъ... И заканчивали обыкновенно словами: «Бѣдные родители!» А по существу никто не зналъ о Міѣ ничего достовѣрнаго съ тѣхъ поръ какъ она покинула городъ.

Фрау Бюргелинъ, изъ желанія угодить Дорисъ, пригласила въ Дамбахгрундъ ея вѣрную наперсницу Фриду. У нея гостили еще дочери одного камергера и молодой англичанинъ, по старой традиціи изучавшій въ Бернгардсгаузенѣ нѣмецкій языкъ и литературу. Карла и его друга Филиппа ожидали домой къ концу университетскаго семестра.

Впрочемъ, молодыхъ людей задерживали на Рейнѣ не столько занятія, сколько приготовленія къ большому празднеству и участіе въ немъ: это былъ пятисотлѣтній юбилей ихъ Alma mater. Присутствовалъ германскій кронпринцъ, наслѣдный принцъ Бернгардсгаузена и много другихъ высокихъ особъ. Самыя блестящія имена нѣмецкаго ученаго міра фигурировали въ газетныхъ описаніяхъ торжествъ.

Карлъ былъ сильно занятъ. Онъ участвовалъ, къ качествѣ представителя своей корпораціи, въ подготовленіи большого торжественнаго историческаго шествія. Ежедневно его открытки въ прозѣ и въ стихахъ, съ картинками и безъ картинокъ, приносили домой описаніе веселой суеты у нихъ на Рейнѣ. Фрау Бюргелинъ съ счастливымъ лицомъ прочитывала за столомъ эти извѣщенія. Всѣ стали бредить студенческими исторіями, такъ какъ въ сущности общихъ интересовъ не было и пріятно было ухватиться за новое увлеченіе. Дорисъ поддерживала его смѣшными разсказами изъ студенческихъ временъ своего отца; камергерскія дочери, прежде обожавшія типъ лейтенанта, стали распѣвать пѣсни буршей, и въ концѣ концовъ имъ удалось заразить даже молчаливаго лорда Мальтена.

Однажды, въ яркій, солнечный день, всѣ собрались къ столу. Молодыя дѣвушки появились въ легкихъ бѣлыхъ платьяхъ. Фрау Бюргелинъ, обыкновенно замѣчавшая такого рода вещи, на этотъ разъ не замѣтила ничего: она была не въ духѣ. Карла ждали еще утромъ, но онъ до сихъ поръ не пріѣхалъ. Обѣдъ былъ оконченъ, и фрау Бюргелинъ со своего дивана побранила немного неаккуратность нынѣшнихъ молодыхъ людей—какъ вдругъ Діонисъ вскочилъ съ мѣста, побѣжалъ къ роялю и, какъ будто чтобы задобрить ее, заигралъ Gaudeamus.

Барышни подхватили хоромъ, дверь распахнулась и въ ней появились рука объ руку два студента въ парадномъ одѣяніи, съ развѣвающимися перьями на беретахъ, въ бѣлыхъ кожаныхъ рейтузахъ, при оружіи, и ихъ сильные мужскіе голоса слились съ звонкимъ хоромъ дѣвушекъ.

Фрау Бюргелинъ съ радостнымъ крикомъ вскочила съ дивана, восторженно захлопала въ ладоши и допѣла вмѣстѣ съ другими пѣсню до конца.

Въ маленькой комнатѣ стонъ стоялъ отъ привѣтствій и восклицаній. Фрау Бюргелинъ съ восхищеніемъ смотрѣла на сына. Какъ Карлъ похорошѣлъ! Какимъ стройнымъ и ловкимъ казался онъ въ эффектномъ костюмѣ, рядомъ съ черезчуръ длиннымъ и тощимъ пріятелемъ! Какъ задорно были подкручены вверхъ его усики какъ тонки и интеллигентны стали черты его лица!

Нѣтъ, положительно—это не прежній неуклюжій медвѣженокъ: это молодой человѣкъ, которому не стыдно нигдѣ показаться. Сердце матери трепетало отъ счастья.

Появилась Паулина съ подносомъ.

На немъ было нѣсколько бутылокъ рюдесгеймера и зеленые бокалы.

— Это идея Діониса, — шепнула mademoiselle Оберъ своей госпожѣ, и та кивнула ей съ сіяющимъ лицомъ. Въ бокалахъ заискрилось золотое вино. Пѣсни, смѣхъ, разговоры продолжались долго.

Когда фрау Бюргелинъ въ этотъ вечеръ поднималась по маленькой, свѣтло-зеленой лѣстницѣ въ свою спальню и потомъ стояла у окна, глядя на окутанныя ночной дымкой горы, она была довольна своей жизнью, довольна собою и своей судьбой.

Филиппъ немедленно затѣялъ флиртъ съ камергерскими дочками, и онѣ были очень рады этому развлеченію среди бабьяго царства дачной жизни.

Карлъ сразу сталъ уклоняться отъ прогулокъ въ компаніи и сталъ, по старой привычкѣ, въ одиночествѣ уходить въ горы. Друзьямъ, повидимому, надоѣло быть вмѣстѣ.

Когда, на слѣдующій день послѣ пріѣзда студентовъ, mademoiselle вошла днемъ въ гостиную со свѣжими цвѣтами для вазъ, она увидала въ углу Карла. У него не было съ собой книги, и онъ не курилъ, чего, впрочемъ мать его въ гостиной не разрѣшала. Онъ сидѣлъ тихо, глубоко задумавшись. Made-

moiselle замѣтила, что видъ у него измученный и апатичный: ни слѣда веселаго щеголя-студента, какимъ онъ казался накануне. Когда она подошла къ нему, онъ поднялъ глаза, не стараясь даже улыбнуться. Усы, лихо подкрученные вверхъ, удивительно не подходили къ его истомленному лицу.

— Празднества васъ сильно утомили, Карлъ?—сказала озабоченно mademoiselle.

— Да. Не по мнѣ все это. И еще изволь разсказывать обо всемъ этомъ пошломъ маскарадѣ, который хотѣлось бы поскорѣе забыть! И дома играть ту же отвратительную комедію!... Ахъ, эта нѣмецкая студенческая жизнь... Фу, какая гадость!

— Не говорите этого мамѣ. Она приноситъ жертвы ради васъ и хотѣла бы видѣть васъ счастливымъ.

— Я потребую отъ нея еще много жертвъ... На то она и мать мнѣ и навязала мнѣ эту жалкую жизнь... Я не просилъ о ней...

— Мнѣ больно, что вы такъ говорите.

— Ахъ, гдѣ-нибудь надо же высказать все, что имѣешь на душѣ!

— Ну, тогда говорите, Карлъ,—сказала кротко m-elle Оберъ.

Карлъ поднялся и обнялъ рукой шею швейцарки. Онъ не прижалъ ее къ себѣ а, положилъ голову къ ней на плечо съ печальной, трепетной нѣжностью. Сердце молодой компаньонки почти перестало биться отъ радостнаго испуга. Но она чувствовала ясно, что не любовь привлекала къ ней Карла въ этотъ моментъ. Она не вырывалась и спокойно переносила его тихіе, мягкіе поцѣлуи въ щеку. Но она не цѣловала его. Впрочемъ, Карлъ скоро выпустилъ ее изъ своихъ объятій.

Онъ глубоко вздохнулъ и отошелъ отъ нея.

— Пожалуйста, возьмите себя въ руки, Карлъ,—взмолилась испуганно m-elle. Щеки ея горѣли. — Мама не должна видѣть васъ такимъ.

— Не волнуйтесь. Я теперь лучше умѣю притворяться, чѣмъ прежде.

Онъ взялъ ея руку и крѣпко пожалъ ее.

— Итакъ вы—моя союзница?—спросилъ онъ съ печальной улыбкой.—Да?..

Она кивнула головой. Слезы блестѣли въ ея красивыхъ карихъ глазахъ.

Они услышали шуршанье шлейфа фрау Бюргелинъ по лѣстницѣ. Mademoiselle взялась за цвѣты и стала распредѣлять ихъ въ вазы на этажеркахъ и столахъ.

— Какъ идутъ лиловыя скабіозы къ коричневому стеклу,— сказалъ Карлъ, когда вошла его мать.—Правда, мама, mademoiselle—настоящая художница въ подбираніи цвѣтовъ?

— Да. И она ежедневно придумываетъ новыя сочетанія,— отвѣтила фрау Бюргелинъ, посылая швейцаркѣ одобрительный взглядъ.

— Я буду стараться залучить васъ въ директрисы, когда буду садовникомъ, — сказалъ Карлъ. — Вы и не знаете еще, какіе у меня планы.

— Но ты вѣдь собирался быть врачемъ?—спросила его мать.

— Отъ этого я отказался. Нервы отказываются.

— Видишь? Для чего же были эти сцены передъ отъѣздомъ? Ты могъ бы избавить меня отъ нихъ.

— Конечно, могъ бы, если бы сразу имѣлъ тотъ опытъ, который пріобрѣлъ потомъ.

Фрау Бюргелинъ сдвинула свои тонкія выразительныя брови.

— Ты видѣлъ, какъ непріятно поразило меня твое желаніе избрать профессію твоего отца. Уже одно это могло заставить отказаться отъ своего плана.

— Мама, при выборѣ профессіи ничто не должно вліять на рѣшеніе человѣка—даже воля матери!

— Да? — сказала холодно фрау Бюргелинъ, — ничто не должно вліять, даже если этотъ человѣкъ матеріально зависимъ? Это для меня новость.

— Настоящая мать не дастъ сыну почувствовать, что онъ находится въ зависимости отъ нея.

— Ей придется это сдѣлать если сынъ хочетъ итти путемъ, который она никакъ не можетъ признать разумнымъ.

Несмотря на всю рѣзкость этого объясненія, фрау Бюргелинъ не чувствовала особаго раздраженія. Она вполнѣ сознательно, съ намѣреніемъ, посылала ему щедрыя суммы на жизнь и на участіе въ празднествахъ. Она хотѣла, чтобы онъ развлекался. Это все выбьетъ у него изъ головы желаніе быть врачемъ,— думала она. И для нея было удовлетвореніемъ узнать, что Карлъ отказался отъ ненавистнаго ей плана.

Она привѣтливо подошла къ нему, погладила его по волосамъ и спросила:

— У тебя сегодня нехорошій видъ. Тебѣ нездоровится?

— Нездоровится?—отвѣтилъ онъ мрачно.—Я прямо изнемогаю. Совсѣмъ измотался.

— Карлъ!—испуганно зашептала mademoiselle.

— Что это значитъ?—спросила мать.

— Это значитъ, что моя натура не могла вынести двухъ лѣтъ нѣмецкой студенческой жизни подрядъ... Я весь развинтился.

И онъ жестко, цинично разсмѣялся. Мать смотрѣла на него широко раскрытыми глазами.

— И ты говоришь мнѣ это такъ... такъ неожиданно... такъ грубо... прямо въ лицо?.. Какая безвкусная шутка!

Карлъ еще громче разсмѣялся.

— Нѣтъ, это правда... ужасная, отталкивающая правда!.. Сегодня, взбираясь наверхъ, на Циммербергъ, я задыхался, какъ старикъ. Весь былъ въ поту. Даже на траву пришлось лечь, чтобы отдышаться.

Онъ прижалъ рукой бокъ.

— И днемъ, и ночью эти боли тутъ и въ головѣ. Безсонница... Съ ума можно сойти...

— Отчего же ты не вернулся раньше домой? — спросила его мать, растерянная, совсѣмъ тихо.—Зачѣмъ ты продѣлалъ всѣ эти утомительвыя юбилейныя празднества?

— Разъ человѣкъ далъ слово, надо его сдержать. Я обязанъ былъ выступать отъ корпораціи.

— И сколько денегъ это стоило! Знаешь ли ты, собственно говоря, сколько?

— Нѣтъ... Но, вѣдь это все равно.

— Карлъ, я вовсе не богата. Такъ дѣло не можетъ продолжаться.

Онъ пожалъ плечами, постукивая костянымъ ножомъ по столу.

— И въ благодарность ты привозишь мнѣ домой больное тѣло и отвратительное настроеніе! — воскликнула съ горечью фрау Бюргелинъ.

Карлъ взглянулъ на мать.

— Да, мама... такова жизнь!

Фрау Бюргелинъ повернулась и вышла изъ комнаты. Она не сошла внизъ къ обѣду.

— Ахъ, Charles, вы, вѣдь, обѣщали мнѣ...—печально проговорила mademoiselle.

— Ну что же дѣлать, такъ вышло.

— У васъ сильно нервы расшатались.

— Да, въ этомъ вы правы.

— Погодите, здѣсь вы скоро поправитесь. Черезъ недѣлю или двѣ станете опять нашимъ прежнимъ Карломъ!..

Карлъ кивнулъ головой въ знакъ согласія. Но онъ думалъ: «Прежнимъ Карломъ я не буду ужъ никогда, никогда».

И ему хотѣлось кричать отъ душевной боли.

XV.

Карлъ ѣхалъ въ университетъ, опьяненный радостью. Уйти изъ тонкихъ шелковистыхъ сѣтей домашней опеки, которыя его неукротимая натура была готова разорвать—вонъ изъ клѣтки, изъ искусственной жизни въ настоящую!

И несмотря на горячую жажду правды и неподкрашенной дѣйствительности, все-таки какой въ немъ сидѣлъ мечтательный идеалистъ. Вѣдь онъ позволилъ разыграть надъ собой эту недостойную комедію... невинно, въ простотѣ душевной взялъ на себя навязанную ему роль и честно выполнилъ ее до конца—другимъ на пользу, себѣ во вредъ!..

Припоминая все пережитое за годъ, онъ чувствовалъ, что вся его гордость поднимается на дыбы, точно взбѣсившаяся лошадь. Онъ блѣднѣлъ отъ злобы. И въ вискахъ у него начинало стучать, точно молотомъ, жуткое непріятное чувство, которое онъ ощущалъ со страхомъ, какъ подстерегающую въ темнотѣ опасность.

Когда Карлъ выдержалъ экзаменъ, мать выписала ему Клазена. Это былъ первый ложный шагъ... Впрочемъ, думалъ Карлъ съ грустной ироніей, существуетъ, должно быть, законъ природы, по которому матери дѣлаютъ ложный шагъ каждый разъ, когда хотятъ дѣйствовать для блага своихъ дѣтей.

Да, этотъ Клазенъ... Карлъ всегда восхищался имъ—издали, какъ любуются страннымъ животнымъ чуждой породы. Онъ часто дома разсказывалъ о немъ. Лично онъ не былъ въ близкихъ съ нимъ отношеніяхъ. Клазенъ былъ однимъ классомъ старше Карла, и на годъ раньше его поступилъ въ университетъ. По силѣ и сложенію это былъ настоящій быкъ; въ работѣ онъ былъ такъ же неутомимъ какъ въ развлеченіяхъ. Одаренъ онъ былъ удивительно, и грубость его облагораживалась ѣдкимъ юморомъ.

Карлъ никогда бы не повѣрилъ, что его мать въ состояніи оцѣнить по достоинству такой экземпляръ нѣмецкаго крестьянства. Но онъ не угадалъ. Фрау Бергелинъ нравилось все настоящее, непосредственное—даже приводило ее въ восторгъ. Клазена Карлъ тоже недостаточно узналъ: онъ не замѣтилъ въ

немъ благодушнаго юмора тюрингенца, умѣющаго завоевать себѣ всѣ сердца.

Клазенъ съ величайшимъ уваженіемъ отзывался о проницательности фрау Бюргелинъ въ ея пониманіи сыновей. Ея желаніемъ было, чтобы Клазенъ взялъ Карла подъ свое крыло на первыхъ порахъ его университетской жизни, ввелъ бы его въ студенческую среду. Клазенъ долженъ былъ помѣшать Карлу слишкомъ углубляться въ свои мечты и скитанія въ одиночествѣ, онъ не долженъ былъ допускать также, чтобы Карлъ слишкомъ заработался и соперничалъ въ этомъ отношеніи со своимъ другомъ Филиппомъ. Филиппъ былъ бѣдный юноша, и ему приходилось торопиться, чтобы поскорѣе получить дипломъ и начать зарабатывать свой хлѣбъ. Этого Карлу не нужно было. Ему не предстояла также и военная служба.

Клазенъ обѣщалъ слѣдить за Карломъ и быть ему вѣрнымъ менторомъ. Онъ подалъ надежду, что ему удастся ввести Карла въ свою корпорацію «Нибелунговъ». Правда, они очень строги, особенно къ иностранцамъ... Но онъ постарается. Участіе въ такой корпораціи — надежная опора на всю жизнь, — объяснялъ онъ фрау Бюргелинъ. Тамъ всѣ за одного и одинъ за всѣхъ.

Карлъ былъ радушно встрѣченъ Нибелунгами. Сначала, какъ и опасался Клазенъ, формальный пріемъ его встрѣтилъ затрудненія: Нибелунги были такой истинно-нѣмецкой корпораціей. А Карла, къ его огорченію, не хотѣли признавать настоящимъ нѣмцемъ.

Тѣмъ не менѣе Нибелунги пригласили его, въ качествѣ гостя, принять участіе въ увеселительной прогулкѣ по Рейну. Молодая компанія пила дивное вино, пѣла, дурачилась и была безконечно весела. При всемъ томъ дурачества и веселье не выходили за предѣлы приличія. Карлъ въ восторженныхъ выраженіяхъ написалъ домой объ этой поѣздкѣ. На берегу Рейна, въ маленькомъ кабачкѣ, сплошь увитомъ виноградомъ, имъ прислуживала молоденькая дѣвушка, съ косами, золотистыми и сверкающими какъ рейнское вино, привѣтливая и веселая. Она сразу завладѣла сердцемъ Карла.

Черезъ три дня она стала его возлюбленной.

Благодаря энергичному заступничеству Клазена, Нибелунги приняли Карла. Нѣкоторое время спустя ему даже довѣрена была почетная обязанность кассира корпораціи. Много труда стоило Карлу сводить концы съ концами. Чтобы внести порядокъ въ запутанныя денежныя дѣла, онъ не разъ вносилъ значительныя суммы. Ему хотѣлось показать, что онъ достоинъ

оказаннаго ему довѣрія. На послѣдовавшихъ за прогулкой по Рейну вечеринкахъ и собраніяхъ въ ресторанахъ тонъ, сталъ замѣтно развязнѣе, но все-таки Карлу доставляло большое удовольствіе общеніе съ способными и веселыми молодыми людьми.

Его академическія занятія сложились менѣе удачно. Для анатомическаго театра онъ оказался совершенно непригоднымъ. Его организмъ каждый разъ протестовалъ такъ энергично, что ему пришлось отказаться отъ посѣщенія курса. Съ горькимъ разочарованіемъ Карлъ убѣдился въ томъ, что дѣятельность практическаго врача—не для него. А онъ такъ мечталъ быть полезнымъ людямъ!

Онъ сталъ приглядываться къ профессорамъ - естественникамъ. Среди нихъ было нѣсколько яркихъ звѣздъ ученаго міра. Это были люди, которые большой затратой духовныхъ и матеріальныхъ средствъ создали нѣчто крупное. Но всѣ прочіе? Каждый обрабатываетъ свой клочекъ съ терпѣливымъ, упорнымъ прилежаніемъ рабочей пчелы, такъ свойственнымъ нѣмцу. Узкая посредственность, ограниченное высокомѣріе и безпрерывное боязливое оглядываніе, въ какую сторону дуетъ вѣтеръ, чтобы тотчасъ же поспѣшно повернуть и свой флажокъ въ ту же сторону...

Гдѣ свободный, философски - ясный взглядъ на жизнь, гдѣ великія идеи - руководительницы, которыя Карлъ надѣялся найти у старыхъ и молодыхъ профессоровъ высшей школы?..

Карлъ лично не смѣлъ и мечтать о томъ, чтобы стать однимъ изъ избранныхъ. У него не было средствъ ни на большія путешествія, ни на дорогіе многолѣтніе опыты, необходимые для серьезной научной дѣятельности.

Значитъ, записаться въ ученый муравейникъ? Изъ года въ годъ неутомимо производить соединенія такой - то кислоты съ такой-то... Или провести значительную часть жизни за микроскопомъ, чтобы прослѣдить ошибку, допущенную однимъ коллегой при описаніи мерцательныхъ волосковъ инфузоріи?

Карлъ чувствовалъ себя совершенно неприспособленнымъ къ этой кропотливой работѣ, которая, конечно, должна дѣлаться кѣмъ-нибудь. И при этомъ необходимо еще ловко обхаживать вліятельныхъ профессорскихъ женъ, чтобы жениться на одной изъ ихъ дочерей и въ свое время занять въ этомъ почтенномъ и интеллигентномъ кругу возможно выгодное положеніе... Карлу это претило.

Онъ всегда въ жизни былъ исключеніемъ и вездѣ оставался чужимъ, иностранцемъ.

По своему обыкновенію онъ продолжалъ и теперь брать изъ научнаго запаса то, къ чему его влекло. Правда, онъ ощущалъ, что отсутствіе системы вноситъ въ его мысль безпокойную безпорядочность. Онъ чувствовалъ опасность хаотическаго нагроможденія знаній, такъ какъ и безъ того былъ склоненъ къ анализу и не зналъ примирительнаго синтеза.

Часто завидовалъ онъ своему другу Филиппу: тотъ такъ твердо шелъ къ намѣченной цѣли.

А между тѣмъ Филиппъ и по уму, и по внѣшнимъ даннымъ могъ разсчитывать на болѣе выигрышную роль въ жизни, чѣмъ та, которую онъ себѣ избралъ. Карлъ старался пробудить въ немъ честолюбіе. Но это не удавалось, и тогда Карлъ пришелъ къ мысли, что, пожалуй, Филиппъ избралъ правильный путь. И онъ сталъ помогать ему чѣмъ могъ. Кромѣ Филиппа, у Карла было два-три пріятеля изъ корпораціи. Но на общихъ вечерахъ, за выпивкой, онъ чувствовалъ вокругъ себя атмосферу равнодушія, даже тайной враждебности, и не зналъ, чѣмъ объяснить ее. Неопредѣленная печаль наполняла его.

Вмѣстѣ съ Клазеномъ Карлъ сталъ усердно работать надъ тѣмъ, чтобы доставить корпораціи Нибелунговъ вліятельную позицію на торжествахъ. Ихъ группа въ историческомъ шествіи должна быть художественно-выдающейся, и Карлъ день и ночь бился надъ составленіемъ ея. Онъ старался побороть въ себѣ смущеніе, которое вызывала въ немъ все сильнѣе проявлявшаяся грубость Клазена, и мирно трудиться рядомъ съ нимъ. Приходилось вести переговоры съ другими корпораціями и съ властями, съ университетскимъ начальствомъ, съ художниками, ремесленниками и просто обывателями. Это было тяжело для лишенной гибкости натуры Карла, и онъ часто чувствовалъ себя смѣшнымъ; но онъ не отказывался, считая это средствомъ дисциплинированья себя. Многія огорченія и непріятности онъ переносилъ храбро.

Но однажды, будучи на веселѣ, двое коллегъ признались, какимъ, собственно говоря, путемъ ввелъ его Клазенъ къ Нибелунгамъ...

Дѣло въ томъ, что рѣшено было использовать большія средства англійскаго богача для задолженной корпораціи. Ради этого хитрый Клазенъ выработалъ цѣлый планъ кампаніи. Надѣялись что юноша «клюнетъ», и подготовляли цѣлую комедію. Клазенъ объяснилъ своимъ собратьямъ по корпораціи, что англичанинъ «клюетъ» на нѣмецкій идеализмъ. Онъ—нѣжный, чувствительный маменькинъ сынокъ, и надо съ нимъ обращаться

умѣючи. Компанія выволокла изъ забвенія пѣсенникъ съ самыми сентиментальными народными пѣснями и стала ихъ репетировать подъ одобрительный рёвъ товарищей. Предписано было строго воздерживаться отъ двусмысленностей. Всѣ прочіе аксессуары для уловленія золотой рыбки были тоже умѣло подобраны: поѣздка по Рейну при лунномъ свѣтѣ, обвитый виноградомъ кабачекъ, милая дѣвушка съ золотыми косами—ловкая обольстительница, хорошо знакомая Клазену и слѣпо подчинявшаяся ему...

Бѣдный Карлъ принялъ все за настоящую монету: высокій полетъ духа и благородную корректность Нибелунговъ, сердечность, съ какой его приняли, невинную веселость бѣлокурой дочери Рейна.

Что̀ оставалось дѣлать Карлу, узнавъ про обманъ? Оставалось единственное средство—не показывать бывшимъ друзьямъ своего униженія: онъ хохоталъ, хохоталъ до коликъ надъ остроумной шуткой, сыгранной съ нимъ. И въ тотъ же вечеръ онъ напился до безчувствія.

Не вызывать же къ барьеру Клазена и еще съ полдюжины Нибелунговъ?

Задавъ себѣ этотъ вопросъ, Карлъ понялъ, какъ ему въ сущности чужды общепринятыя въ студенческой средѣ понятія о чести, какъ они не привились къ нему, не вошли въ его плоть и кровь.

Рана, нанесенная ему, была глубока и опасна. Безсонными ночами, съ горечью анализируя свое положеніе и вспоминая всѣ свои слова и поступки, онъ приходилъ къ заключенію, что, какъ и мать, онъ любилъ изображать царька и благодѣтеля. Да... въ этомъ его слабость. И потому онъ такъ больно задѣтъ! Но если съ нимъ поступили гнусно, то онъ хотѣлъ дѣйствовать тѣмъ лойяльнѣе. Онъ хотѣлъ доказать Нибелунгамъ—или если не имъ, то себѣ самому,—что его во всѣхъ отношеніяхъ слишкомъ низко оцѣнили. Ему хотѣлось показать, что не его деньги, а именно онъ самъ—цѣнное пріобрѣтеніе для корпораціи, а потомъ, когда празднество кончится, швырнуть имъ знаки своихъ почетныхъ обязанностей прямо въ лицо и постараться забыть все это непріятное происшествіе.

Но при этомъ Карлъ не принялъ въ разсчетъ своихъ нервовъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, здоровье которыхъ нарушается, какъ только нарушено душевное спокойствіе.

Крайнимъ напряженіемъ силъ онъ бодро продержался до празднества. Шумное ликованіе, успѣхъ и поздравленія, которыя вызвала группа Нибелунговъ, громовое ура, которымъ чество-

вали его коллеги по корпораціи—все это пронеслось въ его сознаніи точно спутанный сонъ.

По дорогѣ домой, въ купэ, Филиппъ заявилъ ему, что не можетъ больше ладить съ такимъ высокомѣрнымъ, раздражительнымъ и тяжелымъ человѣкомъ, какъ онъ. Онъ намѣренъ перейти въ другой университетъ и разстаться съ нимъ. Карлъ принялъ это холодно и односложно. Онъ слишкомъ усталъ, чтобы дать другу какое-либо объясненіе; слишкомъ глубоко былъ уязвленъ, чтобы просить о пощадѣ.

Домой онъ вернулся въ состояніи полнаго упадка духа. Тутъ Діонисъ и mademoiselle навязали ему еще вступительную комедію. Стиснувъ зубы, онъ продѣлалъ и ее. Затѣмъ все въ немъ точно оборвалось.

XVI.

Барышни и Діонисъ нашли въ лѣсу молодую козочку. Она стояла на камнѣ у ручья и вся дрожала отъ страха.

Діонисъ тихо, осторожно подошелъ къ ней: она не двигагалась съ мѣста и только жалобно глядѣла на него. Діонисъ замѣтилъ на гладкой коричневой головкѣ бѣдняжки два кровавыхъ пятна. Вѣроятно, дикая птица напала на нее и безжалостно изранила.

Но гдѣ же мать этой козочки? Діонисъ предложилъ отойти немножко, спрятаться въ кустахъ и наблюдать издали, не вернется ли старая коза къ своему дѣтенышу. Отошли, затѣмъ продолжали прогулку, а когда черезъ часъ вернулись къ тому же мѣсту, бѣдное животное все также стояло на камнѣ у ручья и дрожало. Старшіе, повидимому, покинули его.

Одна изъ камергерскихъ дочекъ заплакала отъ жалости. Діонисъ взялъ козочку на руки. Дорисъ обмыла ей раны холодной водой,—это паціенткѣ очень понравилось,—и она съ жадностью сосала мокрый платокъ, который Дорисъ приложила къ ея миленькой мордочкѣ. Затѣмъ козочка трогательно-довѣрчиво, какъ больной ребенокъ, положила головку на широкое плечо Діониса и закрыла глаза.

— Возьмемъ ее домой и будемъ лѣчить, а когда она выздоровѣетъ, выпустимъ на свободу!—рѣшила компанія, и Діонисъ несъ больное животное на рукахъ всю дорогу до Дамбахгрунда.

— Вы совсѣмъ, какъ добрый пастырь,—сказала Дорисъ,

улыбаясь.—Какъ ласково онъ смотритъ на бѣднаго звѣрька,—думала она.—Онъ все-таки милый...

Даже кухарка Трина, вѣчно находившаяся въ состояніи сильнаго раздраженія, почувствовала къ раненому животному материнское сожалѣніе.

Она принесла корзину, сѣна и старый пушистый платокъ, чтобы уложить козочку. Толстая Паулина благосклонно наблюдала, какъ Дорисъ поитъ гостью молокомъ съ серебряной ложки и какъ та глотаетъ и облизывается.

Все общество высыпало на кухню.

Фрау Бюргелинъ нашла столовую пустой, когда сошла къ ужину. Она съ удивленіемъ вышла въ корридоръ и спросила, что случилось.

Въ перебивку ей стали разсказывать о находкѣ. Она бросила взглядъ на козочку, которая теперь лежала, тихо вздрагивая въ своей корзинѣ. Брови ея хмуро сдвинулись.

— Она еще ночью умретъ,—сказала она рѣзко.—Уберите ее прочь... это жалкое зрѣлище.

— О, фрау Бюргелинъ!..—воскликнули дѣвушки въ испугѣ.

— Что ты, мама... видишь, она пила... она можетъ поправиться,—сталъ просить Діонисъ.—Ей такъ хорошо въ корзинѣ! Пусть и останется тутъ, въ тепломъ углу.

— Я приказываю тебѣ убрать это животное... Куда — мнѣ все равно, — строго сказала фрау Бюргелинъ. — Я не хочу, чтобы въ моемъ домѣ живое существо страдало и умирало. Я не могу этого видѣть... Уберите ее,—закричала она еще разъ.

И шлейфъ ея зашуршалъ, какъ сухой осенній листъ, когда она вышла за порогъ.

Въ тонѣ ея звучало повелѣніе, противъ котораго нельзя было возражать. Всѣ эти молодые, самоувѣренные люди боялись ея. Всѣ молча сѣли за ужинъ. Фрау Бюргелинъ говорила много и оживленно, но за столомъ не было обычнаго веселья. Діонисъ ушелъ послѣ ѣды и вернулся поздно, когда мать уже ушла къ себѣ. Онъ сообщилъ, что отнесъ козочку къ лѣснику. Присутствіе его и Карла удерживало барышень отъ выраженія негодованія. Но когда все стихло, камергерскія дочки пробрались въ комнату Дорисъ. Здѣсь имъ пришлось столкнуться съ такимъ гнѣвомъ, съ такимъ горькимъ протестомъ противъ фрау Бюргелинъ, что онѣ были поражены не меньше, чѣмъ прежде жестокимъ приказомъ выбросить раненую козочку.

XVII.

— Ну, а чѣмъ ты думаешъ теперь заняться?—спросила фрау Бюргелинъ сына. Она позвала его въ свою комнату для переговоровъ.

Карлъ пощипывалъ свои усы.

— Не знаю,—сказалъ онъ.—Прежде всего, думаю поправиться, отдохнуть... Да... Позволь мнѣ взять другой стулъ! На этомъ здравомыслящему человѣку положительно невозможно сидѣть.

Фрау Бюргелинъ нервно зашевелила пальцами. Нѣтъ, Карлъ вернулся совершенно такимъ же, какъ уѣхалъ. Все тотъ же старый, невыносимый духъ противорѣчія!

— Но вѣдь надо же составить себѣ какое-нибудь представленіе о будущемъ. Вчера ты сказалъ, что не хочешь возвращаться на Рейнъ. Не хочешь быть и врачемъ. Это я предвидѣла. Твой отецъ тоже не любилъ своей профессіи. Онъ оставилъ ее, когда мы поженились...

— Я думаю, что въ этомъ и было его несчастье,—задумчиво сказалъ Карлъ.

— Что ты хочешь этимъ сказать?—спросила мать строго.

— Что мужчина, вынужденный быть только мужемъ своей жены, всегда несчастенъ...

— Карлъ, ты позволяешь себѣ критиковать мои отношенія съ твоимъ отцомъ... Понимаешь ли ты, какъ это оскорбительно для меня?..

— Да, мама. Но что же дѣлать? Разъ вышелъ изъ дѣтскаго возраста, приходится задумываться и надъ такими вопросами.

— Ты когда-нибудь чувствовалъ себя счастливымъ, когда бывалъ съ отцомъ?

— Нѣтъ... охотно сознаюсь. Онъ человѣкъ, не умѣвшій понять дѣтей.

— И женщину тоже. Я очень несчастна была съ нимъ, Карлъ.

Карлъ серьезно-утвердительно кивнулъ головой.

— Я знаю это,—сказалъ онъ.—Онъ, вообще, не созданъ былъ для семейныхъ узъ. Мнѣ кажется, что онъ былъ, по натурѣ, одинокій человѣкъ, можетъ быть философъ.

— Просто неуживчивый чудакъ,—воскликнула запальчиво фрау Бюргелинъ.—Если онъ зналъ свою натуру, отчего онъ поставилъ на карту все, чтобы стать моимъ мужемъ?..

— Оттого, что иначе онъ не могъ назвать тебя своей. Оттого, что онъ желалъ тебя...

— Карлъ, это ужасно... Что ты говоришь?

— Во всякомъ случаѣ, онъ былъ въ тебя страстно влюбленъ... затѣмъ послѣ обладанія наступилъ dégoût, какъ всегда бываетъ.

— Но тогда это не любовь.

— Ахъ, мама! Какія у васъ, женщинъ, понятія о любви?

— Ты, повидимому, накопилъ не особенно удачные опыты по этой части?

— Гдѣ мнѣ?—горько возразилъ Карлъ.—Отпустите меня, мама; наша бесѣда ни къ чему не приведетъ.

— Но развѣ ты не обязанъ объяснить матери, какимъ образомъ ты дошелъ до этого жалкаго состоянія? Вѣдь ты портишь намъ всѣмъ хорошее лѣтнее настроеніе!

— Ахъ, мама, что̀ объяснять? Все равно ты не поймешь.

— Значитъ, ты упрекаешь меня въ глупости?

Карлъ въ отчаяніи заломилъ руки.

— Оставь меня только въ покоѣ. Я ужъ выкарабкаюсь какъ-нибудь самъ. Я вѣдь живучъ, какъ кошка. А отчетъ въ своихъ поступкахъ въ концѣ концовъ человѣкъ обязанъ отдавать только самому себѣ.

— Человѣкъ обязанъ отдавать отчетъ тому, отъ кого онъ получаетъ все. Не забывай, Карлъ, что ты вполнѣ зависишь отъ меня...

— Увы, къ сожалѣнію!—отвѣтилъ онъ.

Какъ ему теперь нужна была мать, которая умѣла бы молчать, которая дала бы ему время придти въ себя, мягкой, любящей рукой отстраняя отъ него внѣшній міръ... Взамѣнъ этого ежедневное терзаніе его больныхъ нервовъ... многорѣчивыя разсужденія объ его страданіи... перечисленія всякихъ возможныхъ и невозможныхъ его причинъ... затѣмъ явное, нескрываемое разочарованіе въ его особѣ, проявлявшееся наружу въ тысячѣ мелочей повседневной жизни.

Дошло до того, что Карлъ ощущалъ холодную дрожь въ тѣлѣ и усиленіе боли въ вискахъ, какъ только слышалось шуршанье шлейфа его матери, какъ только ухо его ловило за дверью ея мягкіе, тихіе шаги. Ея духи стали ему противны. Звукъ ея голоса раздражалъ его.

То же испытывала и она по отношенію къ нему. Этотъ сынъ приводилъ ее въ отчаяніе. Неужели всѣ ея заботы о благѣ дѣтей были напрасны? Неужели ея обдуманные, строго

взвѣшенные планы рухнули? Теперь въ домѣ у нея жилъ болѣзненный, неработоспособный, изнервничавшійся субъектъ. Онъ портилъ ей жизнь, такъ заботливо устроенную, и разстраивалъ ее совершенно...

Какъ рану свою на щекѣ фрау Бюргелинъ укутывала тонкими, бѣлыми шарфами, такъ она старалась прикрыть и свою душевную рану. На это уходило много энергіи, и ее глубоко возмущало, что приходится и тутъ страдать.

Фрау Бюргелинъ никогда не жила такой яркой и полной жизнью, чтобы быть способной на тихую покорность судьбѣ: ея сильная натура протестовала. Она чувствовала себя еще способной повелѣвать надъ толпою осчастливленныхъ или трепещущихъ подданныхъ, собирать вокругъ себя новыхъ адептовъ.

Можетъ быть, она была бы способна быть одной изъ тѣхъ лучезарныхъ возлюбленныхъ великаго человѣка, которыя яркими звѣздами озаряютъ эротическую исторію человѣчества.

А чѣмъ стала ея жизнь? Ни полнаго счастья, ни большого страданія, которымъ могла бы питаться ея жадная къ жизни душа.

Дѣвушкой она была заперта въ узкую клѣтку пуританской ортодоксіи. По-дѣтски пыталась рвать оковы старыхъ вѣковыхъ традицій. Тоскливо томилась по красотѣ и свободѣ. Затѣмъ наступила мечтательная влюбленность въ учителя пѣнія, нѣмца, который съ кроткимъ благородствомъ указалъ молодому порыву путь добродѣтели: любовь эта вылилась вся въ одномъ мимолетномъ поцѣлуѣ. Это была греза, открывавшая ей дорогу къ сценѣ... но всѣ дерзкія упованія разбились о требованія неумолимыхъ семейныхъ традицій и обычаевъ. А потомъ годы жизни въ аристократическомъ обществѣ, честолюбивые помыслы хоть здѣсь добиться путемъ брака выдающагося положенія. И сколько разъ эта цѣль не была достигнута лишь въ силу пустыхъ случайностей!

Ахъ, эти путешествія по континенту съ papa, и maman, и гувернантками, съ камеристкой и лакеемъ, когда знакомиться съ свѣтомъ приходилось изъ окна купэ или изъ экипажа и узнавать то, что полагалось знать благородной молодой лэди: немножко искусства, немножко космополитической свѣтскости. Къ знакомству съ англійскими молодыми лэди прибавилось еще знакомство съ нѣсколькими французскими, нѣмецкими и итальянскими дамами и мужчинами.

Какъ безплодна, какъ пуста и безцѣльна была эта жизнь! И въ результатѣ коварный обманъ, когда жажда свободы, жи-

зни и дѣятельности приняли форму любви къ молодому даровитому швейцарцу и вовлекли ее въ такую тяжкую ошибку—въ бракъ съ нимъ!

Если бы онъ былъ только дитя природы, какимъ онъ казался,—тогда, можетъ быть, онъ бы слѣпо преклонялся передъ изящной, высокой душой, ставшей ему близкою... Тогда, можетъ быть, она нашла бы сладостное удовлетвореніе своей страсти къ господству. Но и это не удалось! Д-ръ Бюргелинъ былъ только по внѣшности такимъ простымъ. Онъ тоже былъ разочарованный, скептическій, изнервничавшійся сынъ девятнадцатаго вѣка. И онъ, подобно ей, тоже стремился, посредствомъ женитьбы, вырваться на свободу изъ филистерской тѣсноты изъ скуднаго убожества своей семьи. Оба—и мужъ и жена—желали брака не ради соединенія другъ съ другомъ, а изъ тысячи разсчетовъ, иллюзій, фантазій и надеждъ, которыя по своей сущности не имѣли ничего общаго съ самимъ бракомъ.

Нѣтъ ничего ужаснѣе для женщины, какъ рѣшиться на все ради любви—и быть обманутой этой самой любовью и чувствовать себя, жертву великой страсти, покинутою и этой страстью.

Нѣсколько лѣтъ спустя, послѣ смерти своей маленькой дочурки, которую она любила, какъ нельзя не любить прелестный весенній цвѣтокъ, она поняла, что дѣти могутъ спасти ее отъ безрадостной душевной пустоты. Материнское чувство заговорило въ ней. Оба мальчика стали ея достояніемъ, матеріаломъ, надъ которымъ она хотѣла работать. Они были мягкимъ воскомъ, и ей хотѣлось лѣпить изъ него то, что ей по вкусу.

Какъ могла она на этомъ пути дойти до того материнскаго отреченія, которое одно только способно мудро и кратко охранять дѣтей, которое ничего не требуетъ и все богатство своихъ душевныхъ силъ радостно отдаетъ грядущему, а затѣмъ раскрываетъ передъ нимъ дверь на свободу и отпускаетъ его, ничего отъ него не требуя—ни благодарности, ни похвалъ.

Этой нравственной высоты, которой простыя женщины часто достигаютъ благодаря инстинкту, переутомленію отъ тяжелой работы и жизненныхъ лишеній,—богато одаренная женщина не могла достигнуть. Слишкомъ много еще было въ ней неизжитыхъ силъ и слишкомъ громко говорилъ могучій голосъ честолюбивыхъ желаній.

Она продолжала строить всякіе планы и комбинаціи будущности Карла и Діониса—подобно тому, какъ пылкій изобрѣтатель съ ярымъ фанатизмомъ работаетъ надъ улучшеніемъ и распространеніемъ своего творенія.

Она рѣшила что Карлъ долженъ теперь оставить студенческую жизнь, которая, очевидно оказалась полнымъ банкротствомъ. Занятія онъ могъ продолжать въ Берлинѣ и вмѣстѣ съ этимъ бывать въ свѣтскомъ обществѣ. А весной онъ поѣдетъ къ сезону въ Лондонъ.

Когда подростали ея сыновья, она всегда мечтала черезъ нихъ сблизиться снова со своими братьями. Благодаря сэру Аллавдайсу Карлъ могъ получить доступъ ко двору.

Цѣлый годъ салонной жизни долженъ же былъ отшлифовать его наконецъ въ джентльмена. Фрау Бюргелинъ рисовалась при этомъ и перспектива богатой женитьбы. Только при такой карьерѣ онъ можетъ удовлетворить своимъ научнымъ склонностямъ, щадя вмѣстѣ съ тѣмъ свое некрѣпкое здоровье. Фрау Бюргелинъ съ ужасомъ думала, что призракъ нервной болѣзни, который она такъ долго и заботливо устраняла, снова стучится въ ея дверь... Затѣмъ она любила Діониса больше, чѣмъ Карла и не хотѣла потратить на Карла тѣхъ средствъ, которые должны были создать Діонису богатую, радостную жизнь художника-творца. Но она находила справедливымъ сначала устроить старшаго сына. Исключительнаго, конечно, изъ него ничего не выйдетъ. Значитъ, подходящій бракъ тутъ самое лучшее. Она изложила Карлу свой планъ, холодно, ясно, умно, разсудительно, и все же съ подкладкой фантастики и самообольщенія, сразу бросившихся ему въ глаза.

— Мама,—сказалъ онъ, улыбаясь своей тонкой, иронической улыбкой,—чтобы играть роль среди великосвѣтскаго общества надо быть чѣмъ-нибудь, а не студентомъ.

— Надо быть личностью,—отвѣтила она рѣшительно и гордо.

— Но этого пока нѣтъ, это, надо надѣяться, придетъ со временемъ,—печально возразилъ онъ.

XVIII.

Карлъ не былъ пріученъ къ тому, чтобы работой преодолѣвать физическое недомоганіе. Онъ оставался вялымъ и апатичнымъ, словно ребенокъ, который черезчуръ шалилъ и рѣзвился и потомъ раздражителенъ, сонливъ и не хочетъ играть съ другими дѣтьми.

Карлу казалось смѣшнымъ и неподходящимъ, чтобы онъ, такой некрасивый и жалкій, какимъ онъ считалъ себя теперь

и съ внѣшней, и съ внутренней стороны, облачился во фракъ и сталъ завоевывать сердце какой-нибудь проницательной еврейки, лондонской или берлинской...

Безпрестанно вспоминался ему отецъ... Какъ тотъ отказался отъ борьбы... Какъ онъ молча оставилъ жену и дѣтей... И сталъ жить одиноко... Его отецъ былъ философъ.

И вдругъ передъ нимъ всплылъ идеальный образъ простой, тихой жизни: маленькій деревенскій домикъ, съ садикомъ и скамьей у входа. А въ качествѣ его жены—здоровая дѣвушка изъ народа, которая ничего не будетъ отъ него требовать и не помѣшаетъ ему въ его грезахъ. Эта картина представлялась ему такъ ясно; онъ видѣлъ даже, какъ онъ держитъ на рукахъ своего маленькаго мальчика и тотъ срываетъ яблоки съ яблони, растущей передъ домомъ.

А его грезы, его сны, которые никто не будетъ нарушать?

Странное что-то происходило съ Карломъ. Онъ чувствовалъ себя слабымъ, обезсиленнымъ и не лазилъ, какъ бывало прежде, по горамъ. Онъ усаживался въ какомъ-нибудь красивомъ мѣстечкѣ и просиживалъ часами, глядя въ даль, или медленно бродилъ по лугу. И при этомъ въ мозгу его рождались образы, слѣдить за которыми было безконечно пріятно.

Ему ясно помнился день и даже часъ, когда эта новая радость расцвѣла въ немъ. Онъ тогда держалъ въ рукѣ бѣлый цвѣтокъ и тщательно изучалъ тонкое развѣтвленіе зеленоватыхъ жилокъ, окружавшее словно изящной металлической сѣтью красновато-сѣрую чашечку. Онъ весь ушелъ въ созерцаніе прелести причудливо изломанныхъ линій, въ которыхъ бархатисто-бѣлые лепестки поднимались изъ чашечки. И наслаждаясь совершенной красотой маленькаго цвѣтка, онъ замѣтилъ вдругъ, что формы его мѣняются въ его воображеніи: онѣ стали больше, опредѣленнѣе, строже, изящнѣе. Цвѣтокъ обратился въ вазу изъ красновато-сѣраго стекла, увитаго тонкими металлическими нитями... Это былъ прелестный бокалъ совсѣмъ новой формы, не имѣющей ничего общаго по стилю съ прежними и только слегка напоминающей свой оригиналъ—скромный полевой цвѣтокъ. Таинственное созданіе воображенія!

Съ этого часа, къ тайному блаженству Карла, у него сталъ развиваться даръ—видѣть въ воображеніи новые, прекрасные, чарующіе предметы, какихъ нигдѣ не было на землѣ. Рѣдкія сочетанія красокъ, образующія мягкую, тихую гармонію, еще и раньше слагались у него въ головѣ, подъ звуки странныхъ мелодій. Онъ нѣсколько разъ говорилъ съ матерью, стараясь

поколебать ея пристрастіе къ возбуждающему красному цвѣту, къ властному пыланію пурпура.

Онъ никакъ не могъ заставить ее понять, что этотъ цвѣтъ оскорбляетъ его, что нервамъ его больно отъ него, какъ бываетъ больно отъ нѣкоторыхъ звуковъ. Во всемъ существѣ, во всей натурѣ матери былъ этотъ яркій тонъ, рѣзавшій его по нервамъ, вызывавшій въ немъ постоянное раздраженіе въ ея присутствіи и разгонявшій его видѣнія.

Но когда Карла мягко окружала темная зелень сосновой рощи, когда его взглядъ радостно скользилъ по блѣдному золоту овсовъ или лиловой лѣсной опушкѣ, когда прохладный воздухъ сѣренькаго дождливаго дня освѣжалъ его наболѣвшую голову—тогда вся жизненная сила какъ-будто оставляла его тѣло и переселялась въ мозгъ. Красочные образы сгущались передъ его глазами. Словно изъ переливчатыхъ, мѣняющихся морскихъ волнъ вставали передъ нимъ формы и фигуры самаго разнообразнаго вида: ярко и отчетливо стояли онѣ передъ его внутреннимъ зрѣніемъ, озаренныя солнцемъ радостнаго творчества.

Фрау Бюргелинъ вернулась въ этомъ году въ городъ раньше обыкновеннаго. Сынъ испортилъ ей дачное пребываніе. Когда занятія у Діониса должны были начаться вновь, она переѣхала съ нимъ въ виллу «Эдина». Карлъ остался одинъ въ Дамбахгрундѣ, чтобы поправиться.

— Я надѣюсь и требую, чтобы послѣ этого ты вернулся любезнымъ и пріятнымъ въ обществѣ человѣкомъ,— сказала ему мать въ послѣдній день передъ отъѣздомъ.—При настоящемъ положеніи дѣлъ для меня мука—переносить твое присутствіе. Постарайся измѣниться. Работай надъ собой. Поправляйся! Недостатка у тебя ни въ чемъ не будетъ. Я хочу, чтобы ты сталъ человѣкомъ, которымъ я бы могла гордиться. Слышишь ли—я хочу!..

И ея синіе, отливающіе сталью глаза повелительно глядѣли на сына.

Карлъ молча поникъ головой.

Да... работы ему предстояло много... Но такой работы, о которой мать и не подозрѣвала... работы, которой онъ побаивался.

«Она неизмѣнно считаетъ себя центромъ вселенной,— думалъ онъ почти съ сожалѣніемъ.—А судьба такъ мало обращаетъ на это вниманія... и такъ равнодушно пройдетъ по ней... Ахъ, еслибъ у меня была такая мать, чтобы можно было положить голову къ ней на колѣни, и молчать, и грезить!..»

Когда Карлъ остался на дачѣ одинъ, его лихорадочно-творящую фантазію стало мучить стремленіе къ настоящимъ осязательнымъ образамъ.

Онъ боялся этого.

Тайный инстинктъ предостерегалъ его. Цѣлыя недѣли онъ жилъ такъ, въ оживленномъ одиночествѣ, надѣясь, ожидая чего-то, боясь самого себя. Онъ переживалъ странныя, блаженно-мучительныя настроенія беременной женщины. Его умъ, душа, нервы непрерывно боролись съ чѣмъ-то, зародившимся внутри его, зрѣющимъ, но еще не готовымъ для жизни. Онъ чувствовалъ, какъ это странно-чужое, но желанное, растетъ и крѣпнетъ въ немъ. Новая воля овладѣвала имъ, и въ ней онъ предчувствовалъ осуществленіе своей настоящей жизненной цѣли, надежду и упованіе будущаго...

Однажды, во время прогулки, влеченіе заговорило такъ сильно, что его нельзя было сдержать... Карлъ помчался домой, ворвался въ свою комнату и схватился за бумагу и карандашъ.

Передъ нимъ отчетливо рисовался узоръ стѣнного ковра: причудливыя растенія, сплетающіяся между собой и увѣнчанныя большими диковинными цвѣтами. Онъ видѣлъ, видѣлъ до мельчайшихъ подробностей, какъ стебли и цвѣты соединяются и сплетаются въ гармоническомъ сочетаніи.

И Карлъ сидѣлъ и рисовалъ, весь дрожа, горя и едва дыша. Онъ сидѣлъ надъ своей работой, не отрываясь, не видя и не слыша ничего вокругъ. Онъ не пошелъ ѣсть. Когда его стали звать, онъ вскочилъ и заперся на ключъ. Дальше, дальше. Черезъ нѣсколько часовъ, когда золотистый закатный свѣтъ заструился въ окно и сталъ слѣпить ему глаза, онъ поднялся, шатаясь и уронилъ доску на полъ. Не поднимая ее, онъ повалился на кровать, зарылся головой въ подушку и долго, долго плакалъ.

Было уже почти темно, когда Карлъ всталъ, усталый, съ растрепанными волосами и стекляннымъ взглядомъ. Онъ поднялъ доску съ рисункомъ, подошелъ къ окну. Онъ сталъ смотрѣть на свой рисунокъ: хаосъ невѣрныхъ дрожащихъ штриховъ и линій.

—Ерунда! ребячество!—пробормоталъ онъ.—Неудачно.

Онъ отложилъ листъ въ сторону и сѣлъ, упершись одной рукой въ колѣно, а другой теребя свои волосы. Такъ сжавшись, онъ долго сидѣлъ и старался вернуть ясность своей головѣ. Исчезли, разсѣялись ясные отчетливые образы его фантазіи. Пропали... не найти ихъ больше.

И онъ безутѣшно смотрѣлъ на жалкіе остатки своихъ грезъ. Съ отчаяніемъ, съ болью душевной.

Но, чортъ побери! вѣдь, прежде онъ умѣлъ рисовать!

Можетъ быть, только это проклятое нервное состояніе лишило его руку увѣренности?

Вѣдь мальчишкой онъ въ состояніи былъ передавать опредѣленные, размашистые контуры рисунковъ Карстенса! И хорошо воспроизводилъ ихъ. Куда же дѣвалась эта способность смѣлаго штриха, увѣреннаго набрасыванія линій?

Неужели онъ потерялъ ее?

Да... Карлъ, не колеблясь, признавался самому себѣ, что потерялъ эту способность, потому что не упражнялъ ее въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, стремясь къ инымъ цѣлямъ и увлекаясь другими задачами. А ее надо было развивать систематическимъ, спокойнымъ трудомъ.

Значитъ, теперь надо начинать сначала! Надо пройти длинный, утомительный путь ученія.

Это, конечно, не въ его вкусѣ. Хотѣлось бы сразу взяться за крупное.

Но если иначе нельзя... тогда что же? Надо начинать съ совсѣмъ скромнаго, съ маленькаго.

Поступить въ какую-нибудь школу художественной промышленности, чтобы дать разлѣнившейся рукѣ техническую подготовку, а также ознакомиться со всѣмъ полемъ дѣятельности, по которому его фантазія такъ рьяно носилась и которое хотѣла покорить своей высшей власти.

И онъ улыбался, вспоминая о томъ, какіе планы строила мать для его будущности.

XIX.

Карлъ стоялъ передъ большимъ зеркаломъ въ вестибюлѣ виллы «Эдина». Онъ только что пріѣхалъ изъ Дамбахгрунда, и чувство у него было такое, какъ будто ему надо идти сейчасъ въ сраженіе, а не въ гостиную матери. Онъ не пополнѣлъ; все въ его фигурѣ было костляво и угловато. Волосы были коротко подстрижены и жесткимъ ежикомъ торчали вверхъ. Кончики усовъ онъ подкрутилъ вверхъ и принялъ воинственное выраженіе. Все-таки ротъ оставался мягкимъ, женственнымъ. «Какъ-будто меня зацѣловали! Фу, чортъ!—подумалъ Карлъ. Ну... это перемѣнится». Онъ хлопнулъ себя въ грудь и обернулся, услы-

шавъ тихіе шаги mademoiselle, спускавшейся по лѣстницѣ. Въ головѣ у него мелькнула мысль, что его вызывающее поведеніе, въ сущности, ребячество. Тѣмъ не менѣе такіе символическіе знаки, какъ коротко, по-мужскому подстриженные волосы имѣютъ все-таки внутреннее оправданіе... Карлъ протянулъ руку навстрѣчу mademoiselle. Она съ испугомъ глядѣла на него.

— Ah! mais, Charles!

— Что? я вамъ не нравлюсь?

— Pourquoi est-ce que vous avez fait cela?.. Madame ne l'aimera pas...

— Madame привыкнетъ.

— Eh, eh, Charles.. развѣ вы не знаете свою мать?

— А вы сами? Какъ я вамъ нравлюсь такъ?

Привѣтливая швейцарка боязливо покачала головой.

— Vous avez l'air brutal.

— Да, да,—согласился Карлъ.—Совершенно вѣрно. Это ничего.

Дверь изъ гостиной пріотворилась, и Паулина просунула голову.

— Барыня просятъ васъ къ себѣ. Имъ нездоровится. Онѣ прилегли.

Карлъ зналъ, что мать переодѣвалась для него. Она приняла его, сидя на кровати, опираясь на вышитыя подушки. Она выжидательно смотрѣла ему на встрѣчу, но когда увидѣла его, громко вскрикнула и протянула впередъ обѣ руки, какъ бы отстраняя его.

Онъ самодовольно улыбнулся, потому что ему стало очень не по себѣ.

— Ты съ ума сошелъ?—закричала фрау Бюргелинъ.—Какъ смѣлъ ты такъ изуродовать себя?.. Дикій человѣкъ... Что ты опять надѣлалъ?.. Уйди, уйди!

Она кричала неистовымъ голосомъ, рѣзко размахивала руками и, вообще, вела себя, какъ безумная.

Карлъ безуспѣшно пытался подойти ближе и успокоить ее; она не давала ему говорить.

Вбѣжала Паулина, въ ужасѣ.

— Боже милостивый, что случилось, барыня?

— Вонъ! вонъ!,—повторяла фрау Бюргелинъ, вся блѣдная, съ перекошеннымъ лицомъ склоняясь на подушки.

Карлъ ушелъ и заперся въ рабочей комнатѣ—своей и Діониса. Онъ сдѣлалъ большую глупость; это теперь ему было ясно. Но надо было бороться до конца.

Истерическій приступъ ярости у фрау Бюргелинъ завершился слезами, долго не прекращавшимися. Когда mademoiselle вошла къ ней въ спальню черезъ часъ, она нашла ее блѣдной, въ полномъ изнеможеніи.

Она взяла швейцарку за руку и притянула близко къ себѣ.

— Скажите ему, чтобы онъ ѣхалъ назадъ въ Дамбахгрундъ. Я не хочу видѣть его съ этой остриженной головой. И никакихъ возраженій. Пусть выучится слушаться меня.

— Mais, Madame.. Карлъ уже не ребенокъ. Я боюсь, что...

— А, вы тоже? Вы, значитъ, на его сторонѣ? Такъ выбирайте, пожалуйста! Онъ или я? Понимаете, моя милая? Я еще, слава Богу, хозяйка въ собственномъ домѣ и думаю и дальше ею оставаться... Такъ вотъ, передайте моему сыну, чтобы онъ уѣзжалъ сегодня вечеромъ. Когда волосы у него отрастутъ, онъ можетъ вернуться.

— Ну-у, мама, ты слишкомъ серьезно отнеслась къ этому,— воскликнулъ Діонисъ весело. Онъ въ этотъ моментъ вошелъ въ спальню матери и присѣлъ къ ней на кровать.—Просто Карлъ опять сдѣлалъ глупость и уже самъ отлично сознаетъ это.

Фрау Бюргелинъ закрыла глаза.

— Хорошо,—пробормотала она,—я прощу его. Но видѣть его такимъ—нѣтъ, это невозможно.

— Мама, онъ хочетъ переговорить съ тобой обо многихъ важныхъ вещахъ.

— Такъ пусть подождетъ съ этимъ до тѣхъ поръ, пока у него отрастутъ волосы,—твердо сказала фрау Бюргелинъ.— Когда онъ вошелъ, мнѣ показалось, что я вижу твоего отца,— прибавила она шепотомъ, съ дрожью.

Діонисъ вздохнулъ и понялъ, что тутъ больше ничего не сдѣлаешь. И онъ пошелъ наверхъ передать брату непріятное извѣстіе.

Карлъ уѣхалъ.

Діонисъ и mademoiselle уговорили его написать матери письмо, съ просьбой извинить его. Вѣдь, правда, онъ зависѣлъ отъ нея. Его будущее, счастье его жизни, всѣ его пламенныя стремленія зависѣли отъ капризовъ женщины, которую случай или судьба дали ему въ матери. Да, надо было считаться съ ней, щадить ее. И надо было итти на униженіе.

Черезъ двѣ недѣли Карлъ снова вернулся въ городъ. Разумѣется, волосы не успѣли еще превратиться въ мягкую артистическую шевелюру—излюбленную фрау Бюргелинъ для своихъ

сыновей. Но mademoiselle сообщила ему, что теперь положеніе иное и Богъ не безъ милости.

Карлъ все обдумывалъ, какъ ему сказать матери, что онъ не хочетъ ѣхать въ Берлинъ для уловленія невѣсты и такимъ путемъ устроить себѣ удобную жизнь, а напротивъ, долженъ просить ее поддерживать его весьма значительно еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Онъ зналъ заранѣе, что въ объясненіяхъ съ матерью ему всегда не везетъ, что онъ опять выберетъ такіе аргументы, которые оскорбятъ ее. И не воинственный видъ былъ на этотъ разъ у Карла, а очень жалкій и пришибленный.

Фрау Бюргелинъ встрѣтила Карла тепло и сердечно—слишкомъ сердечно, подумалъ онъ, для того чтобы это могло быть искреннимъ. «Она хочетъ показать себя великодушной чтобы я чувствовалъ себя чудовищемъ, идущимъ наперекоръ такой любвеобильной матери.

Мать и сынъ сидѣли по обѣ стороны низенькаго англійскаго чайнаго столика. Фрау Бюргелинъ, разсказывала Карлу, сколько хорошихъ рекомендацій она раздобыла ему отъ герцога, фрейленъ ф. Кальбъ и фрейлейнъ ф. Клингенбергъ въ лучшіе дома берлинскаго общества.

Затѣмъ она перешла къ вопросу объ его гардеробѣ.

— Ты закажешь себѣ два или три вечернихъ костюма у одного изъ лучшихъ берлинскихъ портныхъ. Каждый городъ имѣетъ вѣдь свои особыя требованія. Женщина можетъ одѣваться фантастически, если только она дѣлаетъ это со вкусомъ, но мужчина долженъ слѣдовать принятымъ обычаямъ. Кое-что мнѣ бы хотѣлось дать тебѣ для твоего личнаго украшенія.

Она взяла кожаный футлярчикъ, раскрыла его и, улыбаясь, вручила сыну жемчужную гарнитуру запонокъ для манишки.

Карлъ, растерянный и смущенный, взялъ футляръ. На лицѣ его читалось недоумѣніе.

— Что же... тебѣ не нравится? Развѣ это не изящная вещь?

— Конечно, прелестная... Но... но... я вовсе не намѣренъ ѣхать въ Берлинъ.

— Что это опять? А я думала, что ты сталъ благоразуменъ.

— Такъ ты ошиблась,—сказалъ Карлъ.

— Нѣтъ, пожалуйста, Карлъ! я не хочу теперь слышать ничего другого. Мы должны обсудить, какъ ты устроишься въ Берлинѣ.

— Позвольте, милостивая государыня!..

Карлъ, внутренне волнуясь, попытался пошутить. Но это у него никогда не выходило удачно.

У фрау Бюргелинъ сдѣлалось страдальческое выраженіе лица.

— Будь такъ любезенъ, выскажись.

— Для этого я и явился.

— Ну? Мнѣ интересно, что ты можешь возразить противъ моихъ плановъ.

— Они превосходны въ своемъ родѣ. Каждый сынъ былъ бы счастливъ, что имѣетъ такую заботливую мать. Но для меня это все не подходитъ.

— Отчего?

— Оттого, что я не гожусь для роли свѣтскаго дипломата. И не созданъ для того, чтобы поступить на содержаніе къ богатой женѣ. Для твоихъ прекрасныхъ плановъ тебѣ слѣдовало найти себѣ другого сына.

— Это, къ сожалѣнію, невозможно. Приходится брать тебя такимъ, каковъ ты есть. Опытъ показалъ, что для усиленныхъ занятій у тебя не хватаетъ силъ. Это печально, но съ этимъ ничего нельзя сдѣлать.

— Кто знаетъ?

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— До такого состоянія, какъ ты себѣ представляешь, я еще не дошелъ. Во мнѣ есть такія способности, которыя удивятъ васъ всѣхъ. Хочешь выслушать меня? Не прерывая? Тогда, я думаю, мнѣ удастся уяснить тебѣ, что̀ я думаю дѣлать.

— Говори!

Карлъ въ длинной, обдуманной рѣчи изложилъ матери свои планы на будущее.

Онъ хотѣлъ нѣсколько лѣтъ посѣщать школу художественной промышленности, чтобы пріобрѣсти необходимыя познанія въ различныхъ отрасляхъ прикладного искусства и добиться такого умѣнья въ рисованіи, лѣпкѣ и рѣзьбѣ, какое нужно было для дальнѣйшей самостоятельной работы и для осуществленія его идей. Затѣмъ поѣхать въ Парижъ и въ Италію и хорошенько поработать надъ натурой, чтобы овладѣть и этой стороной.

— Видишь ли,—сказалъ онъ голосомъ почти беззвучнымъ отъ душившаго его внутренняго волненія,—въ головѣ у меня такъ и кишатъ образы, идеи, картины. Тамъ подготовляется что-то новое. Я не думаю идти по старому пути. Я чувствую—во мнѣ живетъ цѣлый міръ красоты. Эта красота мнѣ принадлежитъ, мнѣ и никому больше. Мнѣ, Карлу Бюргелину.

Мать слушала его молча. Изрѣдка она вставляла короткій, дѣловой вопросъ. Она сидѣла спокойно, вся уйдя въ глубокое

кресло. Пальцы ея красивой руки изрѣдка нервно перебирали бахрому обивки.

Когда Карлъ кончилъ, она еще долго сидѣла молча, въ раздумьѣ.

— Надо сознаться, ты любишь неожиданности,—сказала она наконецъ.—Но на какомъ основаніи я должна вѣрить тебѣ и считать этотъ даръ какимъ-то творческимъ, а не просто порожденіемъ твоей фантазіи? Ты до сихъ поръ никогда не проявлялъ художественныхъ склонностей, и тѣмъ меньше еще талантовъ. На счетъ вкуса твоего послѣдній экспериментъ тоже сказалъ мало утѣшительнаго.

— Я знаю. Но я былъ тогда полонъ другихъ мыслей.

— А сколько времени должна длиться подготовка, какъ ты ее изображаешь?

— Этого я не могу тебѣ сказать. Пожалуй, лѣтъ пять.

— Это долго.

— Да. И я долженъ сказать сразу, что на этомъ исторія не кончится. Приготовься къ большимъ жертвамъ. Я хочу внести въ искусство новое. А это люди не принимаютъ сразу. Ихъ надо либо завлечь, либо взять силой.

Карлъ слишкомъ долго былъ осторожнымъ и дипломатичнымъ. Теперь онъ отбросилъ всякое принужденіе и заговорилъ стремительно и страстно.

— Не сразу найдется фабрикантъ, промышленникъ или даже публика и станетъ покупать у меня мои эскизы. Я вижу уже, какъ меня будутъ встрѣчать—пожиманіемъ плечъ, насмѣшками. Нѣтъ, надо устроиться иначе. Я на собственныя средства долженъ создать первыя вещи по своимъ эскизамъ. Нѣсколько лѣтъ подрядъ надо будетъ работать въ полной тишинѣ. И вдругъ въ одинъ прекрасный день «le grand coup». Открывается выставка произведеній Карла Бюргелина! Одного только Карла Бюргелина. Тамъ будутъ мраморные фонтаны, и вазы, и канделябры новыхъ формъ и цвѣтовъ, и ковры, и занавѣси, и шкафы, и кресла, и великолѣпныя вышивки, и драгоцѣнныя украшенія и... я ужъ не знаю что еще!.. И все будетъ носить имя: Карлъ Бюргелинъ. И, видишь ли, тогда люди должны будутъ сказать: Да! это художникъ!

Карлъ стоялъ передъ матерью и говорилъ почти спокойно, безъ жестовъ, безъ паѳоса и вдохновенныхъ позъ.

Но ея синіе глаза засвѣтились. Тѣнь заботы сошла съ ея лица, и радость окрасила ея щеки румянцемъ.

— О, Карлъ!—воскликнула она и подняла руки,—какъ

это все чудесно!.. Чувствуешь ты въ самомъ дѣлѣ въ себѣ силу достигнуть всего этого?

— Да, мама.

Она положила руки ему на плечи и глядѣла на него съ восхищеніемъ.

— О, Карлъ, какъ я была бы счастлива!

Онъ радостно улыбался.

— Все очень хорошо сошло,—разсказывалъ Карлъ полчаса спустя Діонису и mademoiselle. Они были наверху, въ своемъ убѣжищѣ, гдѣ отдыхали отъ роскоши и тона, царившихъ внизу, въ комнатахъ матери.

— Кажется, я выигралъ сраженіе,—продолжалъ Карлъ, потягиваясь; затѣмъ отъ восторга схватилъ стулъ и перепрыгнулъ черезъ него.

— Ну, теперь смотри въ оба, чтобы не напортить опять какъ-нибудь,—сказалъ Діонисъ.

— Въ концѣ концовъ, вѣроятно, я научусь обращаться съ мамой такъ, какъ это надо.

— Да, это было бы счастье!—разсѣянно сказалъ Діонисъ.— Но, пожалуйста, Карлъ, у меня сегодня еще пропасть работы. Еслибъ ты...

— Ты прогоняешь меня? Ладно. Сейчасъ уйду! Но, пёсикъ мой, не усердствуй такъ въ зубрежкѣ. Посмотри, ты вѣдь совсѣмъ похудѣлъ. А лицо-то! лицо! на немъ печать заботы, какъ у почтеннаго отца семейства.

— Хорошо тебѣ шутить! завтра греческій экстемпорале.

— Такъ что жъ? Скатай и все!

— Что ты, Карлъ?

— Онъ такой добросовѣстный,—сказала mademoiselle.

— Мнѣ не хватаетъ настоящей, серьезной основы,—сказалъ Діонисъ серьезно.—Видишь ли, мама, конечно, хотѣла устроить все къ лучшему для насъ... Разумѣется... Но все же получилось бы нѣчто гораздо болѣе цѣльное, если бы начать съ младшихъ классовъ.

— Послушай,—вскрикнулъ Карлъ, озадаченный,—неужели ты сожалѣешь, что не претерпѣлъ всю гимназическую муштровку?

— Я не хочу, конечно, дѣлать мамѣ упрековъ. Но только... мнѣ приходится работать больше, чѣмъ другимъ ученикамъ. Вотъ и все.

— Да, но послушай: зачѣмъ тебѣ, музыканту, надо быть классикомъ?

— Ахъ, эта музыка!..

— Ты такъ рѣдко упражняешься теперь... А фантазировать и совсѣмъ пересталъ.

— Для этого не хватаетъ времени,—сказалъ Діонисъ нѣсколько раздраженно.—Это все будетъ потомъ.

— Да, если только оно вернется!—проворчалъ Карлъ.—Такое драгоцѣнное время пропадаетъ!

Діонисъ прижалъ обѣ руки къ ушамъ и нагнулся надъ своимъ учебникомъ.

Карлъ взялъ свою шапку, странную мягкую шапочку зеленаго цвѣта, которую онъ любилъ, и вышелъ, тихонько насвистывая, изъ комнаты.

Mademoiselle подошла къ окну и стала смотрѣть вслѣдъ Карлу.

— Какъ онъ счастливъ!.. Ахъ, Діонисъ... хорошій у васъ все-таки братъ!.. Я думаю, что теперь у него съ матерью пойдутъ хорошія отношенія...

Діонисъ не отвѣчалъ. Онъ тихо шепталъ про себя греческія правила.

Фрау Бюргелинъ весь этотъ вечеръ оставалась въ радужномъ настроеніи духа. Карлъ взволновалъ ея воображеніе картиной своихъ будущихъ художественныхъ подвиговъ, и теперь ея фантазія работала неудержимо, дорисовывая то, что онъ только едва намѣтилъ.

Она оживленно болтала съ Карломъ и почти съ благоговѣніемъ слушала его объясненія: всѣ, молъ стремленія поднять прикладное искусство до болѣе высокаго уровня неизбѣжно должны приводить только къ еще бо̀льшей неурядицѣ, пока ограничиваются копированіемъ старыхъ формъ, созданныхъ старыми жизненными условіями и непригодныхъ для современныхъ людей.

— Мало того,—говорилъ Карлъ.—Дѣлаютъ еще такъ! Соединяютъ нѣсколько различныхъ стилей, происшедшихъ отъ разныхъ культуръ, въ одно варварское цѣлое, переносятъ ихъ на матеріалъ, къ которому они явно не идутъ, и называютъ все это «новымъ нѣмецкимъ ренессансомъ». Вотъ тутъ-то и нужны новшества! Надо опять усвоить себѣ ту простую истину, что украшенія предмета не должны мѣшать удобному пользованію имъ, а наоборотъ, помогать. Надо вернуть утерянное нами чутье и пониманіе матеріала и прежде всего надо проникнуться сознаніемъ, что мы насыщены всякой стилизаціей. Въ природѣ, среди

цвѣтовъ и растеній художественный геній и долженъ черпать разнообразные, оригинальнѣйшіе мотивы! Да что я говорю? Только ли цвѣты и растенія? А движеніе воды, когда вѣтеръ пробѣжитъ по озеру, а игра тѣней на листьяхъ, а форма кристалловъ, раковинъ, камней, сплетенія корней и изломы скалъ... все, все должно давать новые образцы, изъ всего мы станемъ въ будущемъ черпать плодотворныя идеи.

— Это все очень интересно, Карлъ,—сказала фрау Бюргелинъ.—Тутъ есть многое, надъ чѣмъ стоитъ подумать, и видно, что ты не мало думалъ уже... Но...—она запнулась,—знаешь ли, вѣдь для осуществленія твоихъ прекрасныхъ плановъ потребуются колоссальныя средства? Я боюсь...

— Только не бойся! Ради Бога, не надо пессимизма!—воскликнулъ Карлъ страстно и поднялъ къ матери руки наивно-просящимъ жестомъ ребенка.—Пока мнѣ придется, конечно, учиться... долго еще учиться... А потомъ... потомъ мы понемножку такъ ловко будемъ выманивать у тебя деньги, что ты и замѣчать не будешь...

Діонисъ нахмурилъ брови и кинулъ Карлу многозначительный взглядъ.

Въ этотъ критическій моментъ раздался звонокъ. Фрау Бюргелинъ стала прислушиваться: кто это могъ быть въ такой поздній часъ?

Оказалось, что это Дорисъ.

Фрау Бюргелинъ приняла пѣвицу съ радостнымъ ликованіемъ. Діонисъ подумалъ: «Мама не слыхала послѣднихъ словъ Карла, слава Богу!»

— Ахъ, милая, какъ славно, что вы пришли!—воскликнула фрау Бюргелинъ, встрѣчая Дорисъ.—Намъ нужно сочувствіе въ нашей радости. Здѣсь произошли удивительныя вещи!

Ея фантазія съ наивной смѣлостью перескочила черезъ ученическіе годы, предстоявшіе Карлу, черезъ все неопредѣленное и неясное въ его планахъ. Она видѣла его уже побѣдителемъ и изображала его произведенія такъ, какъ будто видѣла ихъ въ полной коллекціи, собранными на выставкѣ Карла Бюргелина.

— Вы вѣдь понимаете меня!—воскликнула она стремительно, точно молодая дѣвушка, воспѣвающая хвалу своему возлюбленному.—Вы, вѣдь, понимаете, какой это важный вопросъ!

Дорисъ была ошеломлена и растеряна. Такое воодушевленіе—а всего нѣсколько дней тому назадъ она была свидѣтельницей

глубочайшаго унынія и безнадежнаго отношенія къ тому же вопросу. И она, въ самомъ дѣлѣ, не понимала.

— Да,—начала она, смущенно улыбаясь,—значитъ, Карлъ хочетъ быть чѣмъ-то вродѣ гончара или литейщика? Или открыть магазинъ вышивокъ?

— Вотъ тебѣ сразу и примѣръ, мама,—весело воскликнулъ Карлъ.—Что-то вродѣ гончара или магазинъ вышивокъ!.. это часто еще придется слышать! Если желаете знать—и то и другое, почтеннѣйшая. И то, и другое, и еще многое.

— Да, еще многое,—сказала фрау Бюргелинъ.—Переплеты книгъ и кольца, памятники и статуи, платья и мебель... Развѣ вы не понимаете, онъ хочетъ создать новыя формы для всего окружающаго насъ... О, его планы такъ грандіозны, такъ упоительны и ярки!

— Значитъ, своего рода новый стиль?

— Да, это такъ. Новый стиль,—сказалъ Карлъ, глядя на Дорисъ, съ выраженіемъ тихаго торжества и едва замѣтной насмѣшкой надъ самимъ собой.

«Господи! какъ она изумлена и озадачена. А, вѣдь, не глупая дѣвушка»!

— Милый Карлъ, не сердитесь за мою откровенность, но, право, довольно ужъ съ насъ всякихъ стилей. Имѣемъ античный, и готику, и ренессансъ, и рококо. Ахъ, да и ампиръ, а теперь еще японскій. Я думаю, этого довольно!

— Старое отходитъ въ вѣчность! Новое идетъ ему на смѣну!—торжественно продекламировалъ Карлъ.

— Значитъ, міръ вовсе не существовалъ, прежде чѣмъ мы въ него вступили?—воскликнула, поддразнивая, Дорисъ.

— Дорисъ, вы мнѣ не нравитесь сегодня,—сказала фрау Бюргелинъ.—Вы ни на что не смотрите серьезно.

Дорисъ повернулась къ Карлу своимъ смѣющимся лицомъ.

— Обѣщаю вамъ относиться къ вамъ вполнѣ серьезно, когда... когда я своими глазами увижу дѣло. Вамъ этого довольно?

— Довольно.

— Нѣтъ,—закричала фрау Бюргелинъ,—этого мало! Художнику нужно довѣріе. Вѣра, воодушевленіе, надежды—изъ нихъ онъ черпаетъ мужество къ работѣ и силы!

Карлъ поцѣловалъ руку матери.

Она ласково провела по его волосамъ. Онъ взглянулъ на нее: ея глаза глядѣли на него довѣрчиво и серьезно.

XX.

По дорогѣ, провожая Дорисъ домой, Карлъ разсказалъ ей, какъ она во время пришла въ этотъ вечеръ. Онъ всегда отлично сознавалъ заднимъ числомъ свои тактическія ошибки въ разговорахъ съ матерью.

Фрау Бюргелинъ просила mademoiselle зайти еще къ ней на минутку въ спальню. Она была слишкомъ возбуждена и не могла еще спать.

Паулина сняла со своей барыни платье и распустила ей волосы. Точно мягкій серебряный шарфъ они спадали ей на спину. Фрау Бюргелинъ укуталась въ платокъ и нервно ходила по комнатѣ.

Когда какой-нибудь вопросъ сильно занималъ ее, она любила обсуждать его съ mademoiselle. Швейцарка такъ любезно и хорошо слушала, такъ рѣдко и всегда во время вставляла свое слово, что это помогало ей самой разобраться въ своихъ мысляхъ. Вотъ и сегодня она завела длинный разговоръ по поводу неожиданнаго заявленія Карла. Она стала вспоминать различные случаи изъ его дѣтства и видѣла теперь во всемъ проявленія таланта.

Mademoiselle напомнила ей странное убранство комнаты, которое тогда вызвало съ ея стороны такое раздраженіе.

— Да, вы правы, милая! Сейчасъ, конечно, можно смотрѣть на дѣло съ иной точки зрѣнія.

И прибавила шутливо:

— Надѣюсь все-таки, что его новое искусство будетъ лучше пахнуть.

— Ахъ! — воскликнула она, нетерпѣливо топнувъ ногой и сжимая руки, — если бы я была богата! Но я хочу не того, что называется здѣсь, въ Германіи, богатствомъ: просто достаточныя средства для человѣческаго существованія. Нѣтъ, я бы хотѣла имѣть теперь въ своемъ распоряженіи солидное англійское состояніе! Чтобы можно было предоставить Карлу милліонъ! Чего бы онъ не сдѣлалъ на эти деньги! Съ сегодняшняго дня я вѣрю, что въ немъ что-то есть — въ этомъ странномъ, недисциплинированномъ мальчикѣ! Буду ли я еще вознаграждена за безконечное терпѣніе, которое надо было имѣть съ нимъ. Ахъ, голубушка! что это за своевольный былъ ребенокъ!

— Но, madame, онъ, хорошій въ душѣ! У Карла такая благородная натура...

— Можетъ быть! Надѣюсь, что онъ станетъ благороднымъ человѣкомъ. Вѣдь нелегко назвать благороднымъ человѣка, который доставилъ своей матери столько огорченій, столько безсонныхъ ночей! Даже и теперь... какъ ни красивы, какъ ни умны его планы,—не находите ли вы все-таки, что, если вдуматься, въ нихъ сказывается безконечный, откровенный эгоизмъ?

— Развѣ великіе художники не были всегда эгоистами?

— Да, да... но отъ этого они не становились болѣе великими. И печально, что они были такими.

— Я не знаю,—нерѣшительно начала mademoiselle,—нѣкоторые думаютъ, что не поступай они...

— Посмотрите на Діониса, милая!—восторженно прервала ее фрау Бюргелинъ.—Онъ будетъ большимъ артистомъ, но какая при этомъ деликатность, какая заботливость, какое забвеніе себя!

— Да, madame, вы правы!—согласилась mademoiselle.

— Но какъ Карлъ представляетъ себѣ положеніе вещей практически?—спросила фрау Бюргелинъ. Она знала, что сыновья часто избираютъ mademoiselle въ осторожныя посредницы. Она и сама охотно прибѣгала къ этой системѣ. Такимъ путемъ можно отклонить желаніе, не оскорбивъ и не задѣвъ прямо.—Та сумма, которую я до сихъ поръ высылала Карлу въ университетъ, останется за нимъ и дальше. Но ея не хватало, не будетъ хватать и теперь... Да, если бъ я могла свободно распоряжаться своимъ имуществомъ! Но Карлъ знаетъ, что по англійскимъ законамъ я нахожусь подъ опекой братьевъ... И они никогда не разрѣшали мнѣ тронуть капиталъ.

— Карлъ думаетъ, что для этой цѣли они, можетъ быть, разрѣшатъ.

— Попытаюсь воздѣйствовать на нихъ. Но я не думаю, чтобы могла добиться успѣха... Признаться, милая, мнѣ не нравится въ планахъ Карла именно то, что онъ требуетъ такихъ большихъ жертвъ отъ матери, которая стара и не особенно здорова... Неужели онъ разсчитываетъ на то, чтобы я измѣнила свою жизнь и отказалась отъ разныхъ своихъ привычекъ ради того, чтобы помочь ему осуществить свои—какъ ни какъ—фантастическія идеи?

— Не думаю, madame, чтобы Карлу приходило это въ голову... Но есть, вѣдь, матери...

— Ахъ, — нетерпѣливо закричала фрау Бюргелинъ, — не напоминайте мнѣ объ этихъ самоотверженныхъ матеряхъ. Я не чувствую въ себѣ ни іоты этого героизма... его можно называть

и слабостью. Да и кто можетъ гарантировать мнѣ, что дарованіе Карла настолько сильно и многосторонне, какъ онъ самъ думаетъ? У него всегда было это свойство: имѣть преувеличенное мнѣніе о своемъ значеніи, и онъ всегда самъ же страдалъ отъ этого.

Тонъ фрау Бюргелинъ сталъ замѣтно рѣзче при послѣднихъ словахъ. Она прервала рѣчь и долго ходила молча по своей большой спальнѣ. Mademoiselle съ тревогой наблюдала, какъ лицо ея становилось съ минуты на минуту все серьезнѣе и строже. Она хорошо знала madame и теперь съ грустью замѣчала, что готовится внезапная смѣна настроенія, которую ей не разъ уже приходилось наблюдать.

Швейцарка безуспѣшно раздумывала, какъ бы помочь «á ce pauvre Charles». Ахъ, еслибъ у нея была хоть доля того умѣнья говорить убѣдительно, которую фрау Бюргелинъ нерѣдко тратила на то, чтобы настроить себя, воодушевить или, наоборотъ, вооружить противъ чего-нибудь! Какое плодотворное употребленіе она сумѣла бы сдѣлать изъ него,—думала эта тихая душа. За весь вечеръ она въ общій оживленный разговоръ внесла не больше трехъ фразъ. Но она вѣрила въ Карла и его талантъ. Впрочемъ, если бы онъ сказалъ, что намѣренъ сдѣлаться генераломъ и реорганизовать англійскую армію, она бы и въ это повѣрила.

Карлъ сидѣлъ съ матерью за чаемъ. Mademoiselle и Діонисъ все утро толковали ему, чего не слѣдуетъ дѣлать и, главное, говорить, чтобы не испортить своей позиціи. Онъ внимательно выслушалъ всѣ наставленія и старался слѣдовать имъ. Но это сбивало его съ толку. Въ сущности, пора бы уже рѣшить вопросъ и уѣхать. Въ красивой гостиной у матери онъ точно задыхался среди шелка и подушекъ.

На дворѣ стоялъ теплый, солнечный осенній день. Садъ такъ и пылалъ кроваво-красными гроздями дикаго винограду, обвивавшаго стволы деревьевъ. Но несмотря на всѣ просьбы Карла, фрау Бюргелинъ не отважилась выйти изъ комнаты на воздухъ. Она теперь все больше пряталась отъ солнца, воздуха и внѣшняго міра. Укутанная платками и шарфами, она сидѣла въ своихъ чрезмѣрно теплыхъ комнатахъ и все больше изнѣживалась въ этой обстановкѣ... Теперь, въ октябрѣ, она уже сидѣла, поставивъ ноги на грѣлку и укутанная въ бѣлое мѣховое манто. Она совершенно перестала бывать гдѣ бы то ни было, и видѣла только людей, которые приходили къ ней. Все это происходило отъ страха схватить простуду и тѣмъ ухудшить

свое состояніе. Но все же она тосковала по людямъ и обществу и не подозрѣвала, что тѣ, кого она приглашала къ себѣ, являются иногда только изъ состраданія къ больной женщинѣ.

Карлъ зналъ это, и его это злило. Онъ видѣлъ, какъ мать изъ страха передъ болѣзнью и смертью положительно губитъ свой крѣпкій организмъ. Ему хотѣлось смѣло и откровенно высказаться на этотъ счетъ, сказать ей, какъ онъ самъ оправился и окрѣпъ благодаря продолжительнымъ скитаніямъ во всякую погоду по полю и лѣсу... Но вѣдь этимъ дѣлу не поможешь... Да и опасно начинать.

Послѣ чаю фрау Бюргелинъ просила Діониса сыграть ей изъ «Парсифаля».

Когда онъ окончилъ и сталъ вертѣться на табуретѣ, Карлъ сказалъ:

— Замѣтно, что ты послѣднее время мало упражнялся.

— Да, пальцы немножко одеревенѣли. Но это пустяки— вернется!

— Нѣтъ, и въ ударѣ у тебя чувствуется какая-то сухость, жесткость. Раньше ея не было. Да и въ исполненіи, въ внутреннемъ пониманіи ты тоже не сдѣлалъ успѣховъ. Ты отбарабаниваешь это такъ ровно и четко... Для Парсифаля это вовсе не подходитъ!

— Во всемъ виновата эта противная гимназія!—жалобно воскликнула фрау Бюргелинъ.—Съ тѣхъ поръ, какъ онъ поступилъ туда, онъ вѣчно заваленъ работой.

— Да, мама,—поспѣшно возразилъ Діонисъ, — иначе и быть не можетъ.. Разъ я дѣлаю что-нибудь, то долженъ дѣлать какъ слѣдуетъ.

— Ты прими во вниманіе, Карлъ,—сказала мать, — ему бепремѣнно хочется быть образцовымъ ученикомъ.

— Я нахожу въ этомъ мало утѣшительнаго.

— Позволь, однако!—воскликнулъ Діонисъ.

— Да, да,—закричалъ Карлъ, — это не утѣшительно, это даже печально въ высшей степени! Что же, ты хочешь сдѣлаться ученымъ филологомъ или богословомъ? Что общаго у всей этой рухляди съ твоей музыкой?

— Черёдъ музыки настанетъ потомъ, послѣ гимназіи, — сказалъ Діонисъ полу-обиженно, полу-устало.

— А если тогда будетъ слишкомъ поздно? Что ты сочинилъ за этотъ послѣдній годъ? Гдѣ твои новыя музыкальныя идеи—вѣдь онѣ дюжинами являлись у тебя, когда ты былъ

совсѣмъ мальчишкой. И какія прелестныя, оригинальныя идеи! Покажи мнѣ только одну, и я успокоюсь.

— Все совмѣщать невозможно,—сказалъ Діонисъ. — Подожди... все будетъ въ свое время. Музыкантъ, вѣдь, тоже долженъ быть образованнымъ человѣкомъ!

— Конечно... если онъ не крупный художникъ!.. Но я слыхалъ, что ты хочешь идти въ университетъ, получить степень доктора... къ чему это все?

— Развѣ не хорошо, когда капельмейстеръ къ тому же докторъ?

— Ахъ ты, дитя! Изъ-за этого ты губишь время! Развѣ ты знаешь, вернутся ли потомъ твои музыкальныя фантазіи и замыслы? Я не вѣрю въ это. Идя тѣмъ путемъ, по которому ты пошелъ, ты, вѣроятно, сдѣлаешься образованнымъ, почтеннымъ капельмейстеромъ... но геніальнымъ композиторомъ? Нѣтъ, никогда! Для этого, вообще, уже поздно.

— Ну, Карлъ, ты довольно наговорилъ! — воскликнула мать съ негодованіемъ.—Не хочу больше слышать ничего... ни слова!

— Но, мама, очень важно обсудить такія вещи. Вѣдь, подумай, какой удивительный случай: ребенокъ, у котораго голова полна звуковъ и мелодій, а въ игрѣ его столько свѣжести, столько молодого очарованія! Ребенокъ растетъ, становится юношей, а тоны и мелодіи превращаются въ латинскія и греческія правила... Мнѣ кажется, что Діонисъ погубилъ свое музыкальное дарованіе.

Фрау Бюргелинъ вскочила со своего кресла. Въ ея рѣзкомъ, порывистомъ движеніи была ярость тигрицы, у которой хотятъ отнять добычу.

— Какой стыдъ! Какой позоръ!—закричала она Карлу.— Какъ ты можешь сомнѣваться въ талантѣ Діониса? А-а! Ты хочешь подорвать мою вѣру въ него! Ты хочешь, чтобы тебя одного считали необыкновеннымъ и геніальнымъ! Для тебя и твоихъ нелѣпыхъ плановъ всѣ средства должны быть пущены въ оборотъ, а младшій братъ? Ну что же? Онъ можетъ стать учителемъ гимназіи. Не такъ ли? Но это я называю низостью. Ты понимаешь меня?

Карлъ стоялъ, совершенно безоружный передъ этимъ приступомъ гнѣва, котораго онъ вовсе не ожидалъ.

Діонисъ схватился обѣими руками за волосы и забѣгалъ по комнатѣ.

— Мама, ты неправильно толкуешь слова Карла!

— Нѣтъ, правильно! Я лучше тебя знаю его безграничное себялюбіе. Я вижу его планы насквозь. Его гнусные, недостойные планы. И я разъ навсегда объявляю ему и даю свое слово въ томъ, что онъ не получитъ отъ меня ни одного пфеннига... Уйди! Я не могу видѣть тебя больше...

— Мама, — сказалъ Карлъ, блѣдный, какъ смерть, — ты оскорбляешь меня очень больно и совершенно незаслуженно. Вѣдь, не можешь же ты серьезно думать, что...

Но она не слышала его, не видѣла ничего больше. Цѣлый потокъ безсмысленныхъ упрековъ изливался съ ея губъ. Все, въ чемъ Карлъ когда-либо провинился, всѣ его дѣтскія шалости, всѣ юношескіе промахи—все было ему теперь поставлено на видъ. Фрау Бюргелинъ все сильнѣе раздувала свое возбужденіе, въ которомъ долго сдерживаемая страсть нашла, наконецъ, безудержное проявленіе.

Сыновья молча слушали, какъ ни тяжело было имъ видѣть мать въ подобномъ состояніи.

Когда Карлъ хотѣлъ выйти изъ комнаты, она съ яростной энергіей схватила его за руку и снова втащила назадъ.

Въ корридорѣ, куда доносился громкій голосъ madame, стояла Паулина, ломая руки. Наверху лѣстницы прислушивалась къ сценѣ mademoiselle, вся блѣдная и дрожащая.

— Опять пойдутъ скверные дни,—шептала Паулина.—И никогда онъ не умѣетъ сдержаться! Господи! что́ онъ опять натворилъ?

Наконецъ, Карлъ вышелъ, шатаясь, весь блѣдный, разбитый, точно приговоренный. Онъ пробрался мимо mademoiselle. Она ни о чемъ его не спросила. Она видѣла, что онъ не въ состояніи говорить.

Придя наверхъ, онъ сѣлъ на стулъ у окна и сталъ глядѣть въ садъ, пылавшій осеннимъ великолѣпіемъ.

Діонисъ тихонько разсказалъ m-elle о происшедшемъ.

Внизу рѣзкій звонокъ призывалъ Паулину.

Три дня спустя на окнахъ нижняго этажа виллы «Эдина» были спущены занавѣси. У подъѣзда стоялъ экипажъ, въ которомъ пріѣхали два врача: они совѣщались у постели больной фрау Бюргелинъ. Съ того дня, какъ произошла описанная сцена, она отказывалась отъ пищи и выпила только нѣсколько глотковъ шампанскаго. Ее сильно лихорадило; обнаружилась значитель-

ная слабость сердца. Врачи не вполнѣ понимали, въ чемъ дѣло, но признавали состоянie во всякомъ случаѣ серьезнымъ.

Дionисъ побѣжалъ къ Дорисъ Рюдеръ и умолялъ ее помочь, уговорить, успокоить мать... Напрасно Дорисъ тратила все свое молодое благодушie, чтобы убѣдить фрау Бюргелинъ и настроить ее мягче къ Карлу. Напрасно Карлъ разыскалъ и купилъ самый отборный виноградъ, надѣясь возбудить аппетитъ матери. Ему удалось даже раздобыть свѣжихъ фигъ—это была большая рѣдкость въ суровомъ Бернгардсгаузенѣ; онъ зналъ, что мать особенно любитъ ихъ, какъ воспоминанie о югѣ. Онъ послалъ ихъ ей въ зеленой вазѣ изящнѣйшей формы. Mademoiselle выдала, что это онъ придумалъ — и она отослала фрукты назадъ, не притронувшись къ нимъ.

Дорисъ она сказала, что проститъ Карла только въ такомъ случаѣ, если онъ откажется отъ своихъ дикихъ плановъ и послѣдуетъ ея желанiямъ, какъ хорошiй сынъ. Дорисъ напомнила ей о томъ воодушевленiи, съ какимъ она сама такъ недавно говорила объ его планахъ. Но теперь она и слышать о нихъ не хотѣла. У Карла скверный, низкiй характеръ, и онъ не достоинъ чистаго служенiя искусству. Съ этого пункта ее невозможно было сбить.

Въ этотъ день она, была такъ слаба, что никто не рѣшался при ней произнести даже имя Карла.

Наверху mademoiselle и Дionисъ, перепуганные, не зная, что дѣлать, уговаривали Карла уступить пока. Потомъ, когда онъ уѣдетъ, они будутъ работать въ его пользу.

— Вѣдь ты же не можешь допустить, чтобы она умерла,— сказалъ Дionисъ серьезно.—Сегодня вечеромъ она должна успокоиться и съѣсть что-нибудь. Это послѣднiй срокъ, сказалъ профессоръ Вейландъ.

И Карлъ написалъ письмо, котораго отъ него требовали. Онъ объяснилъ, что дѣйствовалъ необдуманно, но теперь хочетъ быть хорошимъ сыномъ и отказывается отъ своихъ проектовъ. Дionисъ составилъ проектъ письма; онъ самъ только скопировалъ его и подписался. Онъ чувствовалъ себя изнемогшимъ отъ безсонныхъ ночей и внутренней борьбы. Страшные это были для него дни. Онъ видѣлъ, что и Дionисъ сильно страдаетъ. Его братъ былъ единственный человѣкъ, котораго онъ дѣйствительно и неизмѣнно любилъ. И суровость его предупрежденiй проистекала отъ заботы о немъ. А мать рѣшилась обвинить его въ такой гнусности.

Когда фрау Бюргелинъ прочла письмо Карла, она съѣла

кусочекъ бифштекса и проспала нѣсколько часовъ. На слѣдующій день она стала оправляться.

Карлъ съ большимъ количествомъ рекомендательныхъ писемъ уѣхалъ въ Берлинъ.

Съ нѣм. пер. М. Славинская.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПОЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ ПРИБАЛТІЙСКОМЪ КРАѢ.

Аграрное движеніе въ Прибалтійскомъ краѣ показало, что мѣстный поземельный вопросъ развился въ земельный кризисъ, разрѣшеніе котораго стало государственной необходимостью, непремѣннымъ условіемъ сохраненія гражданскаго мира на этой окраинѣ.

Земельный кризисъ подготовленъ всей исторіей землевладѣнія въ Прибалтійскомъ краѣ. Поэтому установить правильный взглядъ на задачи, подлежащія разрѣшенію въ области мѣстныхъ поземельныхъ отношеній, возможно лишь въ связи съ краткимъ обзоромъ исторіи освобожденія прибалтійскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

То, что не сдѣлано было тогда, должно быть сдѣлано теперь.

I.

Исходнымъ историческимъ моментомъ въ вопросѣ землевладѣнія въ Прибалтійскомъ краѣ является начало XIII столѣтія, когда ливонскій епископъ Альбрехтъ, для утвержденія пріобрѣтенной силою оружія власти, началъ раздавать завоеванныя земли нѣмецкимъ крестоносцамъ. Послѣдніе, въ свою очередь, сами стали отдавать въ своихъ областяхъ земли нѣмецкимъ выходцамъ, на ленномъ правѣ. Съ этого времени начался процессъ обезземеливанія мѣстныхъ крестьянъ и образованія помѣщичьяго класса. Лучшія земли, преимущественно около замковъ, помѣщики сохранили въ своемъ собственномъ распоряженіи, обрабатывая ихъ трудомъ крѣпостныхъ крестьянъ. Крестьянамъ, для добыванія средствъ къ существованію, были предоставлены въ пользованіе остальныя поля.

Отсюда пошло имѣющее значеніе и понынѣ раздѣленіе земель на *мызныя* (Hofesland), находящіяся въ непосредственномъ распоряженіи помѣщика, и *крестьянскія* (Bauerland), предоставленныя природнымъ жителямъ страны за извѣстное съ ихъ стороны вознагражденіе, въ видѣ исполненія разныхъ работъ, повинностей, натуральныхъ поставокъ или, позднѣе, въ видѣ денежной аренды. Такъ какъ на крестьянскую землю легли всѣ повинности, то она съ тѣхъ поръ извѣстна еще подъ названіемъ «податной», «повинностной» земли.

Къ XVI-му вѣку вся масса разнообразнѣйшихъ повинностей, возложенныхъ на крестьянъ, была настолько тяжела, что аграрные порядки прибалтійскаго края сдѣлались въ глазахъ западно-европейскихъ сосѣдей «притчей во языцѣхъ», какъ говоритъ профессоръ Лучицкій. Временное улучшеніе въ этомъ отношеніи наступило въ Эстляндіи, а затѣмъ и въ Лифляндіи, во время шведскаго владычества, когда была нормирована аренда [1]) и установлено выселеніе крестьянина съ участка и лишеніе его аренды лишь съ разрѣшенія правительственной власти. Существовало и предположеніе объ уничтоженіи крѣпостного состоянія. Время это незабвенно въ памяти народа и сравнивается имъ съ взошедшимъ краснымъ солнышкомъ; но оно было не продолжительно.

По вступленіи Лифляндіи и Эстляндіи въ подданство Россіи Петръ I, утвердившій за нѣмецкимъ дворянствомъ цѣлый рядъ правъ и привилегій, отмѣнилъ обязательство владѣльцевъ леновъ испрашивать подтвержденіе своихъ правъ при перемѣнѣ владѣнія. Временное пользованіе на ленномъ правѣ было обращено, такимъ образомъ, въ постоянное, на правѣ вотчинномъ. Кромѣ того Петръ возвратилъ дворянамъ тѣ имѣнія, которыя были при шведскомъ владычествѣ отобраны въ казну или проданы лицамъ другихъ сословій.

Всѣ эти права и вольности неоднократно подтверждались преемниками Петра I, что упрочивало и безъ того полное господство нѣмцевъ надъ краемъ. Положеніе края было таково, что уже Екатерина II считала поземельныя отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ подрывающими авторитетъ государственной власти.

Лишь при Александрѣ I, правда—не надолго, былъ фактически

---

[1]) Въ 1688 г. шведскимъ правительствомъ были отправлены во всѣ помѣстья ревизіонныя комиссіи, которыя, повѣряя повинности крестьянъ съ доходностью крестьянскихъ участковъ, составили подробныя описи (т. наз. вакенбухи), точно опредѣлявшія какія могутъ быть требуемы помѣщикомъ подати съ крестьянской земли.

улучшенъ быть крестьянъ. 20 февраля 1804 г. для Лифляндской губ. и въ 1805 г. для Эстляндской[1]) были изданы Положенія, которыя хотя и не возвратили крестьянамъ родной земли, но все же обезпечили за ними неотъемлемое потомственное пользованіе ею на условіяхъ нормированной аренды, право безвозмезднаго пользованія необходимымъ лѣсомъ и правительственную защиту отъ произвола и насилій.

Въ 1816 г. въ Эстляндской губерніи, въ 1817 г. въ Курляндской и въ 1819 г. въ Лифляндской дворянство объявило своихъ крестьянъ свободными отъ крѣпостной зависимости, но въ то же время признало ихъ свободными и «отъ земли». Дана была личная свобода, но отмѣнены положенія 1804 и 1805 гг., т. е. отмѣнено наслѣдственное право крестьянъ на землю, отмѣнены всѣ ограниченія помѣщичьяго произвола въ требованіи вознагражденія за пользованіе необходимой крестьянину землей. Право собственности на землю осталось во всѣхъ трехъ прибалтійскихъ губерніяхъ за дворянствомъ. Крестьяне могли пріобрѣтать землю въ собственность лишь путемъ выкупа у помѣщиковъ по добровольному съ ними соглашенію, или снимать ее, также по соглашенію, въ аренду на неопредѣленное число лѣтъ. За отсутствіемъ наличныхъ на то и другое средствъ, отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ опредѣлились, главнымъ образомъ, въ видѣ барщины. Освобожденіе крестьянъ оказалось лишь призракомъ свободы.

Не помогали крестьянамъ и разныя позднѣйшія законодательныя новеллы и желанія русскаго правительства помочь ихъ горю. Уложеніе 1849 г. о крестьянахъ Лифляндской губ. не возстановило основныхъ принциповъ положенія 1804 г.; возстановлена была лишь т. наз. «красная черта» между мызной и крестьянской землей (права помѣщиковъ на крестьянскую землю были ограничены: они могли только продавать или отдавать въ аренду крестьянскіе участки). За то помѣщикамъ предоставлено было право на присоединеніе земли, находившейся въ пользованіи крестьянъ, къ мызной землѣ. Эта присоединенная площадь получила названіе въ Лифляндской губ.— *квотной* земли (Quote).

Подобное же присоединеніе части крестьянской земли къ мызной было произведено и въ Эстляндской губерніи положеніемъ о крестьянахъ 5 іюля 1856 г., дополненнымъ правилами 1859 г. Въ положеніи опредѣленно было указано на право помѣщика отдѣлить шестую часть крестьянской земли (отсюда получилось названіе

[1]) Въ Курляндской губерніи до 1863 г. никакихъ попытокъ улучшенія положенія крестьянъ правительствомъ не предпринималось.

шестидольной земли) въ неограниченное свое распоряженіе. Дополнительныя правила обязали помѣщика указать, до извѣстнаго срока, тѣ крестьянскіе участки, относительно которыхъ онъ удерживаетъ за собою право безусловнаго распоряженія.

Изданное 13 ноября 1860 г., полугодомъ ранѣе историческаго акта 19 февраля 1861 г., положеніе о крестьянахъ Лифляндской губерніи въ поземельное ихъ устройство ничего новаго не внесло, по крайней мѣрѣ въ существенныхъ частяхъ своихъ, сохранившихъ силу до настоящаго времени. Какъ въ положеніи о крестьянахъ въ Эстляндской губ. 1856 г., такъ и въ положеніи 1860 г., всѣ мѣры, имѣющія цѣлью устройство быта крестьянъ-земледѣльцевъ, сводились лишь къ установленію межевой линіи между землей крестьянской и землей мызной, къ формальному ограниченію правъ помѣщика на крестьянскіе участки («крестьянской землей помѣщикъ можетъ пользоваться не иначе, какъ посредствомъ отдачи ея въ арендное содержаніе или продажи членамъ крестьянскихъ волостныхъ обществъ») и къ регулированію аренды (контракты должны быть письменные и долгосрочные, причемъ аренда допускается только денежная или натуральная, продуктами, но не издѣльная аренда т. е. барщина). Главнаго же размѣра выкупной платы, срока совершенія купчихъ, высоты арендныхъ цѣнъ—опредѣлено не было. Если прибавить къ этому неудачную редакцію положеній, оставлявшую для помѣщика лазейки къ обходу закона, то становится вполнѣ понятнымъ, что положеніе крестьянъ ничуть не улучшилось; de jure помѣщики могли выгнать ихъ всѣхъ съ отцовскихъ земель [1]).

Что касается Курляндской губерніи, то сословно-крестьянской земли, по отношенію къ которой права помѣщиковъ были бы хоть формально ограничены, вплоть до изданія аграрныхъ правилъ 6 сентября 1863 г. не существовало. Крестьяне, поселенные на помѣщичьей землѣ въ отдѣльныхъ, разбросанныхъ дворахъ, не только обрабатывали прирѣзанныя къ этимъ хозяйствамъ угодья, но и отбывали барщину. Помѣщики были властны отдавать или не отдавать части своихъ имѣній въ аренду крестьянамъ, присоединять участки, состоявшіе въ арендѣ у крестьянъ, къ своимъ мызнымъ угодьямъ, и продавать такіе участки.

---

1) Положенія 1856 и 1860 гг., не предусматривая никакого преслѣдованія за нарушеніе закона, дали помѣщикамъ возможность пользоваться крестьянской землей самовольно, не продавая и не отдавая ее въ законную аренду членамъ крестьянскихъ обществъ; они могли безпрепятственно отдавать крестьянскіе участки въ краткосрочную аренду, по словеснымъ договорамъ, налагая на арендаторовъ, при желаніи, и барщину.

Такое неограниченное право помѣщиковъ было урѣзано аграрными правилами 1863 г., на основаніи которыхъ могутъ быть пріобрѣтаемы крестьянами въ собственность участки помѣщичьей земли (Gesinde) и заключаемы арендные договоры въ Курляндской губерніи.

Не вполнѣ точную редакцію правилъ 1863 г. и возникшія изъ-за этого злоупотребленія со стороны помѣщиковъ (повторилась та же исторія, какъ въ Лифляндской и Эстляндской губ.: по окончаніи арендныхъ контрактовъ помѣщики не продавали крестьянскихъ участковъ, а оставляли ихъ за собою) устранили дополнительныя правила 1867 и 1868 гг. [1]). По этимъ правиламъ срокомъ для непосредственнаго пользованія помѣщиковъ участками (Gesinde) устанавливалось три года, послѣ чего участки должны были продаваться или сдаваться въ аренду. Если же лицъ, желающихъ купить или взять въ аренду по добровольному съ помѣщикомъ соглашенію, не находилось, то участки должны были по закону продаваться съ торговъ.

Но и эти «разъясненія» помѣщики съумѣли обойти [2]), точно также какъ, несмотря на запрещеніе, до настоящаго времени въ Курляндской губерніи процвѣтаетъ барщина (для Лифл. и Эстл. губ. есть въ этомъ отношеніи ограничительныя статьи въ положеніяхъ о крестьянахъ 1856 и 1860 гг.; барщину замѣняютъ здѣсь издѣльныя повинности земельныхъ батраковъ въ пользу помѣщика).

Такимъ образомъ положенія 1856, 60 и 63 гг., и понынѣ дѣйствующія, почти не улучшили крестьянскаго быта. Самъ Александръ II, въ своей рѣчи по поводу реформы 19 февраля 1861 г., указывалъ на нихъ, какъ на примѣръ безземельнаго освобожденія крестьянъ, которое сдѣлало изъ прибалтійскаго крестьянства «весьма жалкое населеніе».

Даже реформы Александра III, изъявшія, въ 80-хъ годахъ,

---

[1]) Въ циркулярномъ предписаніи прибалтійскаго генералъ-губернатора отъ 4 марта 1867 г. сказано, между прочимъ, что ограниченіе помѣщичьихъ правъ на крестьянскіе участки — Gesinde — установлено только въ видахъ наибольшаго развитія мелкаго землевладѣнія, такъ какъ въ Курляндской губ. не только *по закону не существуетъ крестьянской земли но и введеніе ея отнюдь не предполагается.*

[2]) Въ 80-хъ гг. прошлаго вѣка совершена была масса продажъ Gesinde крестьянамъ по весьма высокимъ цѣнамъ, но въ 90-хъ гг. очень большое число проданныхъ хуторовъ съ торговъ вернулось къ помѣщикамъ. Крестьянскія учрежденія (всегда здѣсь нѣмецкія) стали толковать, что на такіе (разъ уже проданные) хутора не распространяются ограниченія помѣщика въ пользованіи ими, и много крестьянскихъ земель присоединено было къ мызнымъ.

изъ рукъ привиллегированнаго нѣмечества полицію, образованіе, суды, администрацію, вовсе не коснулись аграрныхъ отношеній. Были лишь учреждены въ 1889 г. комиссары по крестьянскимъ дѣламъ для наблюденія за правильностью, съ формальной только стороны, арендныхъ и купчихъ договоровъ на крестьянскую землю.

Фактически крестьянство и волостныя учрежденія и теперь находятся въ полной зависимости отъ помѣщиковъ—почти исключительно нѣмецкихъ дворянъ; арендаторы—подъ страхомъ лишенія насиженной земли, крестьяне-собственники, изъ которыхъ многіе не заплатили еще слѣдующихъ за покупку земли денегъ — подъ страхомъ публичной продажи ихъ хуторовъ, должны безпрекословно повиноваться имъ.

Таковы въ общихъ чертахъ ненормальныя условія развитія поземельныхъ отношеній въ Прибалтійскомъ краѣ представляющихъ единственный уцѣлѣвшій въ Европѣ остатокъ феодальнаго средневѣковья.

II.

Имѣнія въ Прибалтійскомъ краѣ дѣлятся на четыре категоріи: 1) дворянскія вотчины, 2) пастораты, 3) казенныя и государственныя имущества и 4) т. наз. «патримоніальныя» (городскія) имѣнія. Каждая изъ этихъ категорій характеризуется особымъ земельнымъ строемъ и разнаго рода правовыми особенностями, совершенно отличными отъ дѣйствующихъ во внутренней Россіи. По числу и по количеству занимаемой земли первое мѣсто принадлежитъ *дворянскимъ вотчинамъ*, т. е. тѣмъ земскимъ имѣніямъ, которыя внесены въ мѣстные земскіе списки и въ ипотечныя книги подъ названіемъ «имѣній» вообще, а также «земскихъ и дворянскихъ имѣній».

Всѣ земли дворянскихъ вотчинъ въ Лифляндской и Эстляндской губерніяхъ, по различію правъ пользованія ими, раздѣляются на три части: мызныя, квотныя (въ Эстляндской губ. т. наз. «шестидольныя») и крестьянскія земли.

Мызной землей собственникъ пользуется всецѣло по своему личному усмотрѣнію; точно такъ же неограниченно распоряжается онъ и присоединенной квотной землей, хотя вопросъ о назначеніи ея въ настоящее время является весьма спорнымъ [1]). Въ Кур-

[1]) Т. наз. «квотный вопросъ состоитъ въ томъ, что законъ 18 февр. 1893 г., сократившій въ значительной мѣрѣ вообще продажу квотной земли, допускаетъ продажу небольшихъ квотныхъ участковъ, менѣе 10 талеровъ (ок. 20 дес.), лишь безземельнымъ крестьянамъ и этимъ какъ бы подтвер-

ляндской губерніи нѣтъ понятія «квоты»; земли дворянскихъ вотчинъ раздѣляются лишь на мызныя и крестьянскія или т. наз. «арендные участки» (Gesinde). Права на мызнук землю—такія же, какъ и въ двухъ другихъ прибалтійскихъ губерніяхъ.

Что касается крестьянской земли, то ею во всемъ Прибалтійскомъ краѣ является юридически та часть дворянскихъ вотчинъ, которою помѣщикъ въ правѣ пользоваться не иначе, какъ посредствомъ отдачи крестьянамъ въ аренду или продажи по добровольному соглашенію. Продавать крестьянскія земли можно, однако, не только крестьянамъ, но и постороннимъ лицамъ. Даже самъ помѣщикъ не только можетъ обратно купить проданную имъ крестьянскую землю, но и въ правѣ пользоваться ею, если вступитъ въ волостной союзъ.

Кромѣ того, дѣйствующими положеніями о прибалтійскихъ крестьянахъ установлены минимумы и максимумы для продаваемыхъ крестьянскихъ участковъ, а для дворянскихъ вотчинъ только минимумы, [1]) хотя опредѣленіе максимальнаго размѣра дворянскихъ вот-

---

ждаетъ распространенное среди мѣстнаго крестьянства убѣжденіе, что квотная земля присоединена была къ мызной для надѣленія ею батраковъ Это убѣжденіе основывается, между прочимъ, на мнѣніи Государственнаго Совѣта 1860 г., гдѣ сказано слѣдующее: «Предоставить генералъ-губернатору Остзейскихъ губ. обратить вниманіе лифляндскаго дворянства на мѣры, принимаемыя министерствомъ государственныхъ имуществъ для обезпеченія работниковъ въ казенныхъ имѣніяхъ, предложивъ ему *ту часть земли, которая прирѣзана отъ податной (т. е. крестьянской) къ мызной, употребить въ теченіе пятилѣтняго срока для обезпеченія по возможности участи всѣхъ вообще работниковъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ*».

Помѣщики же отстаиваютъ свое право распоряжаться квотной землей по своему усмотрѣнію и въ подтвержденіе этого права приводятъ слѣдующее извлеченіе изъ крестьянскаго положенія 1860 г.: «Все пространство мызной земли, какъ та часть оной, которая принадлежитъ къ сему разряду, *такъ и другая часть, которая прирѣзана къ ней отъ прежнихъ крестьянскихъ дачъ при обозначеніи повинностной земли, предоставляется сполна, во всѣхъ отношеніяхъ, въ свободное и безусловное распоряженіе помѣщика*».

Вообще вопросъ о квотной землѣ является однимъ изъ наиболѣе сложныхъ и запутанныхъ, требующихъ немедленнаго разрѣшенія, но, понятно, не въ томъ смыслѣ, какой, повидимому, имѣлся въ виду при изданіи закона 1893 г. Разрѣшая продавать эту землю лишь безземельному крестьянству, у большинства котораго нѣтъ наличныхъ средствъ для покупки, и запрещая продавать квотные участки собственникамъ и арендаторамъ крестьянскихъ хуторовъ, законъ 1893 г. лишь тормозитъ развитіе хозяйства и переходъ земли отъ крупныхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ.

[1]) Для Лифляндской и Эстляндской губ. минимумъ крестьянскаго участка—10 талеровъ (ок. 20 дес.), максимумъ—1 гакъ (80 талеровъ) въ предѣлахъ волостного округа. Для Курляндской губ. минимумъ и макси-

чинъ имѣло бы несравненно большее значеніе, чѣмъ установленіе ограничительныхъ размѣровъ крестьянскаго землевладѣнія: этимъ путемъ предотвращалось бы скопленіе въ однѣхъ рукахъ слишкомъ обширныхъ пространствъ земли, что всегда наноситъ вредъ интересамъ трудового населенія и ведетъ къ обезлюденію края.

Неравенство между крестьянами и владѣльцами дворянскихъ вотчинъ установлено и въ другихъ отношеніяхъ. Только за собственниками дворянскихъ вотчинъ признается право винокуренія и продажи напитковъ (въ настоящее время выкупленное правительствомъ за изрядную сумму), право вотчинной полиціи, смягченное только въ послѣднее время, право открывать рынки, ярмарки, мѣста продажи съѣстныхъ припасовъ, право рыбной ловли, охоты и проч. [1]). Установлена нераздробляемость дворянскихъ вотчинъ.

Собственниками дворянскихъ вотчинъ являются не только единичныя лица, но также и дворянскія общества, которымъ были въ разное время пожалованы помѣстья (напр. т. наз. «имѣнія Лифляндскаго дворянства», обнимающія 35.728 дес. земли, были пожалованы Александромъ I).

Имѣнія, пожалованныя дворянскимъ обществамъ, по своему экономическому строю походятъ на частныя дворянскія вотчины и пользуются одинаковыми съ ними правами и привилегіями, съ тѣмъ лишь различіемъ, что Высочайшимъ указомъ 3 марта 1886 г. продажа крестьянскихъ земель ихъ запрещена впредь до особаго разсмотрѣнія этого вопроса. Съ тѣхъ поръ прошло уже четверть вѣка, но вопросъ стоитъ «и нынѣ тамъ».

Сколько же земли занимаютъ всѣ дворянскія вотчины въ Прибалтійскомъ краѣ?

По послѣднимъ статистическимъ даннымъ количество земли какъ единовладѣльческихъ дворянскихъ вотчинъ (безъ проданной крестьянамъ земли), такъ и пожалованныхъ дворянству, обнимаетъ [2]):

мумъ меньше. Дворянская вотчина должна обнимать не менѣе 900 лофштелей (306 дес.) удобной земли, изъ коихъ 300 лофштелей должны быть подъ пашней.

[1]) Для Лифляндской губ. право рыбной ловли и охоты, бывшее прежде вещнымъ правомъ дворянской вотчины, въ настоящее время предоставляется всякому поземельному собственнику, исключая владѣльцевъ крестьянскихъ земель, что въ концѣ концовъ опять таки сводится къ привиллегіи нѣмецкому дворянству, т. к. почти вся остальная земля находится въ его рукахъ.

[2]) Статистическія данныя, какъ въ настоящей, такъ и въ послѣдующихъ таблицахъ заимствованы изъ трудовъ А. Э. Тобина, «Аграрный строй материковой части Лифляндской губ.», Рига, 1906; М. Н. Степанова, «Земле-

Губерніи.	Число двор. вотч.	Десятины. (мызныя, квотныя и не проданныя крестьянскія земли). Удобн. земли.	Неуд. земли.	Всего.
Лифляндская (безъ острововъ)	729	1.677.361	383.464	2.060.825
Курляндская	569	916.759	112.617	1.029.377
Эстляндская	502	1.084.740	254.214	1.338.954
Итого:	1.800	3.678.860	750.295	4.429.156

Такимъ образомъ, считая общее количество земли въ Прибалтійскомъ краѣ въ 8.143.771 дес., на долю дворянскихъ вотчинъ приходится 54,4% всей земельной площади. Почти всѣ дворянскія вотчины находятся въ нѣмецкихъ рукахъ. Такъ напр., въ Лифляндской губерніи изъ 729 дворянскихъ вотчинъ лишь около 90 принадлежатъ не нѣмцамъ. Въ остальныхъ губерніяхъ края еще меньше не нѣмецкихъ помѣстій.

Къ этому количеству земли, сосредоточенному непосредственно въ рукахъ нѣмецкаго дворянства, необходимо прибавить земли пасторатовъ, такъ какъ послѣднія и по своему строю, и по аграрнымъ законамъ почти вполнѣ соотвѣтствуютъ дворянскимъ вотчинамъ.

Пасторатами называются имѣнія, отведенныя на содержаніе мѣстныхъ пасторовъ во время исполненія ими этой должности. Большая часть пасторатовъ дѣлятся на мызныя, квотныя и крестьянскія земли (въ Курляндской губерніи—только на мызныя и крестьянскія земли). Пастораты пользуются привилегіями дворянскихъ вотчинъ, за исключеніемъ лишь права содержать корчмы, шинки и заниматься винокуреніемъ. Пастораты юридически составляютъ имущество церкви, при чемъ право собственности принадлежитъ не евангелическо-лютеранской церкви вообще, а исключительно соотвѣтственному церковному приходу, что при т. наз. «патронатѣ» т. е. правѣ помѣщика выбирать пастора по своему усмотрѣнію, сводится de facto къ преобладающей роли помѣщика, вмѣшивающагося не только въ церковную жизнь, но и въ сферу хозяйничанья на пасторатскихъ земляхъ. Этимъ объясняется, между прочимъ, упорное откладыванье вопроса о продажѣ пасторатскихъ крестьянскихъ участковъ, который начиная съ 60-хъ годовъ неоднократно поднимался, но еще не разрѣшенъ окончательно. Крестьянская земля пасторатовъ до сихъ

владѣніе и землепользованіе въ Курляндской губ.», Митава, 1909; E. v. Bodisco, «Bauerland-Verkauf in Estland und Materialien zur Agrar-Statistik Estlands», Ревель, 1902; С. Закъ, «Соціально-политическія таблицы», 1909—1910.

поръ остается непроданной, якобы изъ-за того соображенія, что земельная собственность обезпечиваетъ церковь болѣе, чѣмъ денежный капиталъ, вырученный отъ продажи крестьянскихъ участковъ.

Всѣ пастораты въ Прибалтійскомъ краѣ (считая непроданную крестьянскую землю) занимаютъ:

		Десятины.		
Губерніи.	Число пастор.	Удобн. земли.	Неудобн. земли.	Всего.
Лифлянд.	106	44.888	4.777	49.665
Курлянд.	79	27.592	1.114	28.668
Эстлянд.	50	5.873	791	6.664
Итого:	225	78.353	6.687	84.997

Если земли пасторатовъ (84.997 дес.) прибавить къ общей земельной площади, состоящей въ собственности дворянскихъ вотчинниковъ (4.429.156 дес.), а также принять въ расчетъ и крупные хутора (свыше 160 дес. на хуторъ) большинства онѣмеченныхъ собственниковъ-крестьянъ или, какъ ихъ называютъ въ Прибалтійскомъ краѣ, «хозяевъ», представляющихъ изъ себя нѣчто въ родѣ русскаго мелко-помѣстнаго дворянства, то окажется, что около 2/3 (двухъ третей) прибалтійскаго земельнаго пространства находится въ рукахъ нѣмцевъ.

Между тѣмъ, занимая столь господствующее положеніе въ земельномъ вопросѣ и являясь, притомъ, привиллегированной народностью въ краѣ, нѣмцы, въ отношеніи численности, не только не занимаютъ перваго мѣста, но значительно уступаютъ въ этомъ отношеніи латышамъ и эстамъ. Нѣмцевъ въ Прибалтійскомъ краѣ всего до 160.400, изъ $2^1/_2$ милліоновъ населенія.

Но именно потому, что въ ихъ рукахъ находится около 2/3 всей земли, они имѣютъ возможность держать въ зависимости всѣ другія земледѣльческія народности окраины.

Потомственное нѣмецкое дворянство, владѣющее громадными землями, представляетъ лишь 0,21% всего сельскаго населенія края, тогда какъ крестьянъ—95%.

Подобный контрастъ, но только въ обратномъ отношеніи наблюдается и между современнымъ нѣмецко-дворянскимъ землевладѣніемъ и крестьянскимъ. На долю мѣстнаго крестьянства, состоящаго почти исключительно изъ латышей и эстовъ, земельной собственности приходится немного. Дворянство, старается елико возможно тормозить переходъ земли отъ помѣщиковъ къ крестьянамъ, или, какъ выражаются нѣмцы «переходъ земли отъ аристократовъ

къ пролетаріямъ» (выраженіе одной мѣстной ультра-реакціонной нѣмецкой газеты).

Въ настоящее время въ собственности крестьянъ (земли, пріобрѣтенныя крестьянами отъ дворянскихъ вотчинъ и казенныхъ имѣній) состоитъ:

Губерніи.	Число. хуторовъ.	Десятины. Удобн. земли.	Неудобн. земли.	Всего.
Лифлянд.	31.858	1.243.099	246.704	1.489.803
Курлянд.	28.281	877.329	34.701	912.010
Эстлянд.	16.104	394.836	17.642	412.478
Итого	76.243	2.515.264	299.047	2.814.291

т. е. *почти вдвое меньше* земельной площади, занимаемой дворянскими вотчинами и пасторатами.

Совершенно ясно, что 1.682.000 крестьянскихъ душъ, приписанныхъ къ сельскому населенію Прибалтійскаго края, не могутъ жить не голодая на 2.814.291 десятинахъ земли. Между тѣмъ въ объемистыхъ сочиненіяхъ мѣстныхъ нѣмецкихъ аграріевъ мы находимъ картинныя описанія благоденствія сидящаго на собственной землѣ крестьянства. И въ этихъ описаніяхъ, какъ это ни странно съ перваго взгляда, есть доля правды. Дѣйствительно, кто проѣзжалъ по остзейской окраинѣ, тотъ, вѣроятно, видѣлъ зажиточные крестьянскіе хутора съ образцовымъ хозяйствомъ. Это кажущееся противорѣчіе разрѣшается очень просто: *изъ общаго числа прибалтійскихъ крестьянъ въ 1.682.000 душъ лишь одна шестая часть, а именно 280.340 крестьянъ, владѣютъ собственностью, остальные же пять шестыхъ приписаннаго къ волостямъ сельскаго населенія (1.401.660 душъ) принадлежатъ къ безземельнымъ* [1]). Изъ нихъ приблизительно 382.600 человѣкъ проживаютъ внѣ волостей. Безземельные крестьяне ютятся, «ради хлѣба насущнаго», частью въ батракахъ разнаго рода земскихъ имѣній, главнымъ образомъ необъятныхъ дворянскихъ помѣстій, частью же «на чужой землѣ», арендуя ее по весьма высокимъ цѣнамъ. Въ арендномъ пользованіи у крестьянъ прибалтійскихъ губерній находится около 46% общаго пространства дворянскихъ вотчинъ; въ другихъ земскихъ имѣніяхъ процентъ этотъ значительно ниже.

Всю горечь отсутствія родного очага понимаетъ тотъ, кто 23 апрѣля, въ Юрьевъ день (срокъ найма сельско-хозяйственныхъ рабочихъ), ежегодно наблюдаетъ безконечные ряды повозокъ со скуд-

[1]) См. «Труды Особаго Совѣщанія, при врем. прибалтійскомъ генералъ-губернаторѣ». (Рига, 1906, стр. 243).

нымъ скарбомъ безземельныхъ переселенцевъ-батраковъ и бобылей —этихъ «цыганъ Юрьева дня», по выраженію одного мѣстнаго общественнаго дѣятеля.

Мѣстное нѣмецкое поземельное дворянство, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ все земское хозяйство въ краѣ [1]), подчиненное лишь номинальному надзору администраціи, переложило большую часть повинностей и сборовъ съ мызныхъ земель на крестьянскія. Такъ напр., дорожная повинность, составляющая въ одной лишь Лифляндской губерніи 1.106.393 руб., почти всецѣло лежитъ на крестьянскихъ земляхъ: крестьяне несутъ 96.3%, а помѣщики—только 3,7%.

Земельный голодъ массы сельскаго люда, неправильное распредѣленіе какъ повинностей, такъ и земскаго представительства между дворянствомъ и крестьянствомъ—вотъ наиболѣе характерныя особенности современныхъ поземельныхъ отношеній въ Прибалтійскомъ краѣ.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о казенныхъ земляхъ и городскихъ имѣніяхъ.

Земли *казенныхъ имѣній* постепенно распродаются участками крестьянамъ; въ Лифляндской губ. изъ 436.118 дес. удобной казенной земли уже продано крестьянамъ 246.879 дес., т. е. 53%. Въ остальныхъ губерніяхъ края количество проданной крестьянамъ казенной земли значительно меньше.

Въ собственности казны въ настоящее время находится:

	Десятины.		
Губерніи.	Удобныя земли.	Неудобныя земли.	Всего.
Лифлянд.	189.127	94.957	284.085
Курлянд.	342.055	112.143	454.198
Эстлянд.	2.100	681	2.781
Итого:	533.282	207.781	741.064

[1]) Въ Лифляндской и Эстляндской губерніяхъ центромъ земскаго самоуправленія являются т. наз. ландтаги, на которые имѣютъ право собираться лишь записанные въ мѣстные матрикулы дворяне, владѣющіе дворянскими вотчинами. Распорядительными же органами являются въ Лифл. губ. т. наз. «конвентъ», въ Эстляндской—«комитетъ», состоящіе изъ ландратскихъ коллегій, предводителей дворянства и нѣсколькихъ уѣздныхъ депутатовъ, избираемыхъ ландтагами. Въ Курляндской губ. земскимъ дѣломъ вѣдаютъ губернское и уѣздные распорядительные комитеты, состоящіе изъ назначенныхъ правительствомъ чиновниковъ (преимущественно нѣмцевъ), безъ участія мѣстнаго населенія. Насколько сосредоточено въ рукахъ дворянства все земское хозяйство Прибалтійскаго края—показываетъ тотъ фактъ, что даже такой сборъ, какъ государственный поземельный налогъ, вѣдается мѣстными дворянскими учрежденіями.

Въ послѣдніе годы былъ сдѣланъ робкій почннъ надѣленія безземельныхъ крестьянъ казенной землей въ Прибалтійскомъ краѣ. Главное управленіе землеустройства и земледѣлія приступило, съ этой цѣлью, къ размежеванію части казенныхъ оброчныхъ статей и образованію крестьянскихъ участковъ въ размѣрѣ отъ 6 до 10 десятинъ, но эти работы производятся пока въ крайне незначительномъ масштабѣ и не достигаютъ желаемыхъ результатовъ. Поселенцы на новообразованныхъ участкахъ казенныхъ земель не въ состояніи, безъ помощи дешеваго кредита, обзавестись сколько-нибудь удовлетворительнымъ хозяйствомъ и, въ общемъ, находятся въ бѣдственномъ положеніи.

Что касается городскихъ, главнымъ образомъ т. наз. *«патримоніальныхъ» имѣній* (такъ называются принадлежащія городамъ имѣнія, не прилегающія непосредственно къ городскимъ границамъ), то значительная часть ихъ сдана за поземельный оброкъ городскимъ обывателямъ и тѣмъ самымъ изъята изъ сельско-хозяйственной обработки.

Земельная площадь, занятая городскими имѣніями, по губерніямъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

	Десятины.		
Губерніи.	Удобн. земли.	Неудобн. земли.	Всего.
Лифлянд.	33.255	20.897	54.151
Курлянд.	5.664	778	6.442
Эстлянд.	11.452	2.218	13.670.
Итого:	50.371	23.893	74.263

Въ отношеніи управленія и платы податей «патримоніальныя» имѣнія составляютъ особую категорію: они освобождены отъ платы земскихъ сборовъ, но подлежатъ государственному поземельному налогу.

Итакъ, распредѣленіе земельной собственности и поземельныя отношенія въ Прибалтійскомъ краѣ находятся въ анормальномъ положеніи.

Съ одной стороны господство привиллегированныхъ дворянъ-помѣщиковъ, составляющихъ лишь маленькую группу въ общей численности населенія, но сосредоточивающихъ въ своихъ рукахъ львиную долю земельныхъ угодій; съ другой стороны отягощенное повинностями крестьянство, остро испытывающее земельный голодъ—вотъ два полюса современнаго аграрнаго строя Прибалтійскаго края.

III.

Въ указѣ отъ 28 ноября 1905 г. сказано, что «улучшеніе быта крестьянъ является однимъ изъ тѣхъ мѣстныхъ вопросовъ, оставленіе коихъ безъ удовлетворительнаго разрѣшенія содѣйствуетъ распространенію смуты». Такимъ образомъ, правительство признало необходимость «удовлетворительнаго разрѣшенія» аграрнаго вопроса въ Прибалтійскомъ краѣ, за которое въ свое время такъ усердно ратовали Юрій Самаринъ и сенаторъ Манассеинъ.

Однако, со времени изданія этого указа прошло уже болѣе шести лѣтъ, а для улучшенія положенія мѣстнаго крестьянства еще ничего не сдѣлано.

Если теперь во внутренней Россіи, гдѣ всѣ крестьяне были надѣлены землею по обязательному выкупу, уже по прошествіи полустолѣтія, вслѣдствіе незначительности надѣла и увеличенія населенія, сталъ грозный вопросъ о необходимости дальнѣйшаго надѣла, то въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ не было произведено никакого надѣла или обязательнаго выкупа, гдѣ нѣкоторые крестьяне если и владѣютъ землею, то въ качествѣ простыхъ покупщиковъ (такихъ счастливцевъ очень немного!), весь же остальной сельскій людъ отброшенъ отъ земли, этотъ вопросъ съ еще большей настойчивостью требуетъ разрѣшенія, въ видахъ обезпеченія краю спокойнаго будущаго.

Частныя поправки, какъ-то допущеніе дѣлимости хуторовъ, обезпеченіе долгосрочнаго кредита, урегулированіе арендныхъ отношеній и переселенія, уничтоженіе привиллегій дворянскихъ вотчинъ, устройство сельско-хозяйственныхъ и ремесленныхъ школъ, которыхъ почти совершенно нѣтъ въ краѣ, и другія, сами по себѣ полезныя мѣры—должны быть осуществлены возможно скорѣе; но онѣ не измѣнятъ положенія дѣла и не устранятъ тревоги за ближайшее будущее.

Необходимо прежде всего осуществить завѣтную мечту каждаго земледѣльца: имѣть свой уголъ и клочекъ земли на родинѣ. Нужно обезпечить безземельныхъ и малоземельныхъ за счетъ слишкомъ разросшагося и, въ большинствѣ случаевъ, запущеннаго крупнаго землевладѣнія.

Средній размѣръ дворянскихъ вотчинъ въ Прибалтійскомъ краѣ непомѣрно высокъ—около 2.500 дес. Между тѣмъ, формы крупнаго прибалтійскаго земельнаго хозяйства уже отжили свой вѣкъ. Онѣ имѣли значеніе при болѣе благопріятныхъ соціальныхъ и экономическихъ условіяхъ, но въ настоящее время, когда боль-

шая часть крупныхъ имѣній заложена и даже банковый кредитъ исчерпанъ, прибалтійскій помѣщикъ можетъ существовать безъ долговъ лишь въ томъ случаѣ, когда онъ лично хозяйничаетъ и отъ крупнаго землевладѣнія переходитъ къ болѣе интенсивному среднему такого объема, за какимъ можетъ усмотрѣть одинъ человѣкъ [1]. Что свыше, слѣдуетъ продавать крестьянамъ.

Дѣйствительно, лишь установленіе извѣстнаго maximum'а (хотя бы даже 1000 дес.) для мѣстныхъ крупныхъ помѣстій дало бы возможность разрѣшить прибалтійскій земельный вопросъ.

Но обезпеченіемъ крестьянъ землею еще не исчерпывается задача. Необходимо еще ввести равномѣрное обложеніе земли, справедливо распредѣлить повинности, которыя въ настоящее время почти всецѣло лежатъ на крестьянскихъ земляхъ.

Для этого нужна новая оцѣнка земли въ Прибалтійскомъ краѣ, такъ какъ существующая оцѣнка на талеры въ Лифл. губ. и на гаки въ Курлянд. и Эстляндской губерніяхъ пристрастна и не удовлетворяетъ даже элементарнымъ принципамъ обложенія.

Насколько крупны недостатки существующей оцѣнки земли, указываетъ между прочимъ то обстоятельство, что даже Лифляндское дворянство почувствовало себя вынужденными предпринять шаги для оцѣнки земли по новой системѣ [2]. Но, начавъ оцѣнку въ 1904 г., оно до сихъ поръ еще не закончило ее, окутавъ покрываломъ тайны всѣ свои изслѣдованія въ этомъ направленіи.

---

[1]) Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ мѣстнаго крупнаго землевладѣнія, Эмиль фонъ Вольфъ-Вальде, въ «Baltische Wochenschrift», № 7—8 за 1910 г.), устанавливаетъ этотъ объемъ въ 150 лофштелей (ок. 50 дес.) пахотной земли, плюсъ столько же луговой, плюсъ 40—50 лофштелей (ок. 18 дес.) хорошаго лѣса.

[2]) Законодательныя предположенія о новой оцѣнкѣ въ 1899 г. поступили въ министерство внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. 4 іюня 1901 г. были утверждены «правила оцѣнки недвижимыхъ имуществъ Лифл. губ. для обложенія земскими сборами», вошедшія въ IV т. Свода Законовъ, въ видѣ приложенія къ ст. 328, прим. 4. По этому закону оцѣнкѣ подлежатъ не только всѣхъ родовъ и видовъ земли, но и прочія недвижимости,— зданія, фабрики и т. п. Оцѣночная комиссія, совмѣстно съ ландратской коллегіей на основаніи этихъ «правилъ» выработала инструкцію для ближайшаго руководства при оцѣнкѣ. Уже здѣсь были допущены явныя неправильности, вызвавшія пространный и весьма обоснованный протестъ управляющаго казенной палатой. Инструкція, съ измѣненіями, была утверждена въ январѣ 1904 г. Весною того же года начались работы по классификаціи земли, для чего лифляндской ландратской коллегіи казною заимообразно было отпущено 650.000 рублей (законъ 18 февраля 1903 г.). Въ Эстляндской Курляндской губерніяхъ никакихъ попытокъ исправленія системы оцѣнки земли не предпринималось.

Насколько эта оцѣнка окажется объективной, судить сейчасъ преждевременно; но работаетъ надъ собираніемъ необходимыхъ статистическихъ данныхъ исключительно нѣмецкій элементъ, едва ли забывающій о своихъ собственныхъ земельныхъ интересахъ.

Во всякомъ случаѣ новая оцѣнка необходима не только въ Лифляндской, но и въ другихъ губерніяхъ края, и за производство ея слѣдуетъ приняться открыто, при участіи всего мѣстнаго населенія.

На основаніи новой оцѣнки необходимо будетъ ввести въ равное обложеніе не только всѣ земли, но и лѣса, лучшіе изъ которыхъ составляютъ непремѣнную принадлежность баронскихъ имѣній [1]).

Для исполненія всѣхъ этихъ, лишь вкратцѣ намѣченныхъ нами сложныхъ задачъ *необходимо образовать особыя землеустроительныя комиссіи* на мѣстахъ, составленныя изъ представителей административной власти и представителей всего населенія съ участіемъ научныхъ и интеллигентныхъ силъ.

Въ виду того, что устройство мѣстныхъ крестьянъ на изложенныхъ основаніяхъ потребуетъ по меньшей мѣрѣ нѣсколькихъ лѣтъ, слѣдуетъ теперь же безотлагательно организовать доступный для крестьянъ кредитъ, ввести регламентацію арендныхъ отношеній, расширить весьма полезную дѣятельность Крестьянскаго Поземельнаго Банка, улучшить условія сельскаго труда, тѣмъ болѣе, что мѣстныя земельныя отношенія въ послѣднее время осложнились конкуренціей искусственно привлекаемыхъ въ край, для поддержки и развитія «нѣмецкаго дѣла», нѣмецкихъ колонистовъ изъ внутреннихъ губерній Россіи.

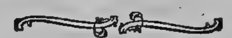
Только съ обезпеченіемъ землею массы безземельнаго прибалтійскаго крестьянства, въ связи съ справедливымъ распредѣленіемъ всѣхъ налоговъ и повинностей, отмѣной дворянскихъ привилегій и установленіемъ максимума частнаго землевладѣнія теперешнее тяжелое положеніе было бы устранено и смягчены были бы враждебныя чувства неимущихъ къ имущимъ. Часть естественнаго прироста населенія, вслѣдствіе улучшенія земли, обусловленнаго широкимъ развитіемъ сельско-хозяйственнаго образованія и общедоступнаго меліоративнаго кредита, имѣла бы возможность оставаться на

---

[1]) Такъ напр., въ Лифляндской губ. во владѣніи помѣщиковъ числилось въ 1900 году 739.598 дес. лѣсу, а у крестьянъ—лишь 42.226 дес. т. е. въ 18 разъ меньше.

родинѣ, а излишекъ направлялся бы посредствомъ правильнаго переселенія въ города и другія мѣстности имперіи.

Владиміръ Троицкій.

ТРЕТІЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КООПЕРАТИВНЫЙ КОНГРЕССЪ ВЪ БАДЕНѢ.

(Письмо изъ Германіи).

Первый Международный Кооперативный Конгресъ происходилъ въ Вѣнѣ въ 1907-мъ году. На немъ было положено основаніе Международному Союзу сельско-хозяйственныхъ товариществъ, выработанъ уставъ Союза и избрано исполнительное бюро, предсѣдателемъ котораго до сихъ поръ состоитъ глава сельско-хозяйственныхъ товариществъ Германіи,—Гаазъ. Своей задачей Союзъ поставилъ путемъ съѣздовъ, изданій литературы и другими способами устанавливать взаимное общеніе между кооперативными организаціями въ области сельскаго хозяйства разныхъ странъ и вырабатывать общіе планы и методы кооперативной дѣятельности.

За четыре года составъ Союза сильно увеличился и дѣятельность его разрослась. Въ первомъ конгрессѣ принимали участіе только представители отъ кооперативныхъ организацій Германіи, Австріи, Швейцаріи и Италіи, а на 1 января 1911 года въ Союзъ входили въ качествѣ членовъ центральныя кооперативныя организаціи 11 странъ, объединяющія около 40.000 товариществъ. Послѣдній конгрессъ былъ особенно многолюденъ; въ засѣданіяхъ его принимали участіе около 70 представителей отъ кооперативныхъ организацій Германіи, Австріи, Италіи, Швейцаріи, Даніи, Франціи, Россіи, Венгріи, Англіи, Финляндіи, Норвегіи, Швеціи, Сербіи и Болгаріи.

На съѣздѣ въ числѣ делегатовъ было много профессоровъ, общественныхъ дѣятелей, теоретиковъ и практиковъ сельско-хозяйственной кооапераціи. Изъ Россіи пріѣхалъ профессоръ Харьковскаго университета А. И. Анцыферовъ и В. Ф. Тотоміанцъ.

Въ привѣтственной рѣчи предсѣдателя и въ докладѣ генеральнаго секретаря Германскаго Имперскаго Союза Геннеса были сообщены результаты дѣятельности Союза за истекшій періодъ.

На первыхъ двухъ конгрессахъ главное вниманіе было удѣлено организаціоннымъ вопросамъ, имѣющимъ въ жизни кооперативовъ громадное значеніе: о центральныхъ учрежденіяхъ, о ревизіи товариществъ, о сбытѣ и закупкѣ продуктовъ, о выработкѣ единообразныхъ пріемовъ и методовъ обслѣдованія кооперативовъ и т. д. По всѣмъ этимъ вопросамъ, а также по многимъ другимъ исполнительное бюро Союза вело оживленный обмѣнъ мнѣній съ кооперативными организаціями различныхъ странъ, какъ входящими въ составъ членовъ Международнаго Союза, такъ и находящимися внѣ его.

Въ программѣ засѣданій 3-го конгресса главное мѣсто занимали слѣдующіе вопросы: 1. О ревизіяхъ кооперативовъ въ отдѣльныхъ странахъ. 2. О центральныхъ союзахъ кредитныхъ товариществъ. 3. О значеніи арендныхъ товариществъ въ сельскомъ хозяйствѣ. 4. О товариществахъ по использованію электрической энергіи. 5. Объ освобожденіи отъ задолженности земельной собственности при помощи кооперативовъ. 6. О холодильномъ дѣлѣ и его примѣненіи въ интересахъ мелкихъ производителей. 7. Объ учебныхъ и образовательныхъ кооперативныхъ курсахъ въ различныхъ странахъ.

Перемѣщеніе центра тяжести съ вопросовъ организаціонныхъ на вопросы, затрагивающіе внутреннюю сторону дѣятельности кооперативовъ, не было случайнымъ. На Западѣ первая стадія кооперативнаго строительства уже закончена: для наиболѣе простыхъ видовъ коопераціи выроботаны опредѣленныя, прочно установившіяся формы, въ которыхъ они и развиваются. Ближайшая задача — *углубить* кооперативное движеніе и охватить тѣ отрасли производства, которыя до сихъ поръ остались незатронутыми имъ.

По неполнымъ подсчетамъ въ семнадцати государствахъ въ 1911-мъ году было свыше 100 тысячъ различныхъ товариществъ. Изъ этого количества на долю кредитныхъ товариществъ приходилось около 35.000; закупочныхъ—24.000 и молочныхъ—17.000.

По отдѣльнымъ странамъ они распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

	Общее число кооперативовъ.	На какое количество занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ лицъ приходилось 1 товарищество.
1. Германія	24.486	403
2. Америка	17.724	593
3. Франція.	12.156	729

	Общее число кооперативовъ.	На какое количество занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ лицъ приходилось 1 товарищество.
4. Австро-Венгрія	9.723	1.466
5. Японія	5.149	—
6. Бельгія	3.844	181
7. Швейцарія	3.287	146
8. Голландія	2.779	213
9. Швеція.	2.622	375
11. Британская Индія	1.766	—
12. Данія.	1.756	302
13. Великобританія и Англія .	1.394	1.708
14. Сербія	853	—
15. Норвегія	700	514
16. Финляндія	596	—
17. Румынія	103	—

Классическими странами по сельско-хозяйственной коопераціи по праву признаются Германія и Данія: первая главнымъ образомъ, славится своими кредитными товариществами, вторая—маслодѣльными.

Въ Германіи на 1 января 1912 г. изъ 25.262 сельско-хозяйственныхъ товариществъ было центральныхъ организацій 98, кредитныхъ и ссудосберегательныхъ—16.243, молочныхъ—3427, по закупкѣ и продажѣ — 2321, другихъ — 3173. Во всѣхъ сельско-хозяйств. кооперативныхъ организаціяхъ Германіи насчитывалось въ 1911-мъ году около $2^1/_2$ милліон. членовъ. Общій оборотъ центральныхъ кассъ въ 1911-мъ году достигъ 5.933 милліоновъ марокъ. Сумма оборотнаго капитала 15.517 кредитныхъ и ссудосберегательныхъ товариществъ на 1 іюня 1910 года равнялась приблизительно $2^1/_4$ милліардамъ марокъ. Вкладовъ въ кредитныхъ товариществахъ, принадлежащихъ къ Имперскому Союзу, состояло къ концу 1909-го года на сумму 1.644 милліоновъ марокъ. Было выдано ссудъ въ 1909-мъ году приблизительно около 2 милліардовъ марокъ. Число лицъ, пользующихся кредитомъ въ товариществахъ равнялось $1^1/_4$ милліоновъ.

Товариществами по закупкѣ и продажѣ въ 1911 г. было закуплено продуктовъ и отправлено въ продажу на сумму около 318 милліоновъ марокъ. Въ нѣкоторыхъ государствахъ Германіи, напримѣръ въ Баденѣ, закупки искусственныхъ удобреній, кормо-

выхъ средствъ, машинъ, и проч. составляютъ $^4/_5$ общей суммы закупокъ такихъ продуктовъ въ странѣ.

Въ маленькой Даніи, которая по своей территоріи не превышаетъ одной русской губерніи средней величины, въ 1910-мъ году насчитывалось всего 1756 товариществъ. Молочныхъ товариществъ было 1164, съ общимъ числомъ членовъ около 184.000. Въ 1910 г. на товарищескихъ маслодѣльняхъ было переработано 2910 милліоновъ литровъ молока, стоимостью около 200 милліоновъ кронъ. Датское молоко, за самыми ничтожными исключеніями, перерабатывается на товарищескихъ маслодѣльняхъ. Въ числѣ хозяйствъ, объединенныхъ маслодѣльными товариществами, хозяйства, занимающія площадь не болѣе 60 гектаровъ, составляютъ 88%. На 37 товарищескихъ скотобойняхъ были заколоты въ 1910 г. 1.396.593 свиньи. Скотобойныя товарищества имѣютъ въ Лондонѣ собственныя отдѣленія и склады для мясныхъ продуктовъ. Мелкія и среднія хозяйства, входящія въ составъ членовъ товарищескихъ скотобоенъ, составляютъ не менѣе 60—70% общаго числа хозяйствъ, объединенныхъ этими товариществами. По собиранію и экспорту яицъ въ Даніи функціонировало около 600 товариществъ, при чемъ черезъ одно только центральное товарищество по сбыту яицъ въ 1910-мъ году было вывезено товару на 4,6 милліона кронъ.

Кромѣ того большое распространеніе получили въ Даніи потребительныя общества, товарищества по закупкѣ искусственныхъ удобреній, сѣмянъ, кормовыхъ средствъ и контрольныя товарищества.

Интересно выяснить, какимъ темпомъ развиваются сельскохозяйственныя товарищества въ такихъ странахъ, какъ Ирландія, Финляндія, Японія, Румынія, Болгарія, гдѣ кооперативное движеніе началось сравнительно недавно. Приведемъ краткія свѣдѣнія хотя бы о первыхъ двухъ странахъ.

Въ Ирландіи на 1 января 1912 года было 924 товарищества, съ общимъ числомъ членовъ около 100.000. Изъ 905 товариществъ, дѣйствовавшихъ къ началу 1912-го года, насчитывалось молочныхъ 320, закупочныхъ—168, кредитныхъ— 237, другихъ—180. Число членовъ молочныхъ товариществъ за 15 лѣтъ возрасло болѣе чѣмъ въ 20 разъ, цѣнность проданныхъ продуктовъ—въ пять разъ. Товариществъ по закупкѣ и продажѣ продуктовъ въ 1895 г. было 6, съ 661 членомъ, а въ 1910 г.—158, съ 21.890 членовъ. Въ 1895 г. было продано продуктовъ на 5288 фунт. стерлинг., а въ 1910 г., только двумя центральными организаціями былъ совершенъ оборотъ на сумму въ 280.906 фунт. стерлинг. Въ такомъ же приблизительно размѣрѣ развили свою дѣятельность кредитныя товарищества. Успѣшно дѣйствуютъ товарищества по улучшенію свиноводства и птицеводства.

Поразительный ростъ кооперативовъ замѣчается въ Финляндіи. При населеніи всего въ 3.000.000 чел. въ Финляндіи насчитывалось въ 1911 г. свыше 2.000 товариществъ; членовъ въ нихъ было болѣе 200.000. Ежегодный оборотъ финляндскихъ товариществъ превышалъ 100 милліоновъ финскихъ марокъ ($37^1/_2$ милліон. рублей). И такое сильное движеніе создалось за какихъ-нибудь десять послѣднихъ лѣтъ: до 1901-го года въ Финляндіи кооперативныхъ организацій въ настоящемъ смыслѣ этого слова не существовало. Изъ общаго числа кооперативовъ, дѣйствовавшихъ въ 1911 г., молочныхъ товариществъ было 370, кредитныхъ 441, потребительныхъ—506, центральныхъ организацій 4 другихъ кооперативовъ—683. 362 молочными товариществами въ 1910 г. было продано масла на 29 милліон. финскихъ марокъ, при чемъ масло финляндскихъ маслодѣленъ составляло 92% общаго вывоза масла всей страны. 416 кредитными товариществами было выдано въ кредитъ 4,1 милліона марокъ, потребительными обществами отпущено товаровъ на 47 милліоновъ марокъ. Большія операціи вели товарищества по закупкѣ удобреній, кормовъ, машинъ. Цѣнность товара купленнаго въ 1910-мъ году этими товариществами, равнялась 8 милліоновъ марокъ. Далѣе дѣйствовали 201 кооперативъ по использованію паровыхъ молотилокъ, 98—по добыванію торфа, большое число товариществъ — по сбыту лѣсныхъ матеріаловъ, яицъ. Въ послѣднее время организуется кооперативный сбытъ хлѣба.

По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ съѣзду профессоромъ Анцыферовымъ, въ Россіи на 1 января 1912 года было кооперативовъ въ сельскомъ хозяйствѣ, за исключеніемъ потребительныхъ обществъ, около 12.000. Изъ этого числа кредитныхъ товариществъ было 8033, съ общимъ числомъ членовъ не менѣе 4.168.000 и при годовой суммѣ баланса около 604 милліон. рублей. Сбытомъ продуктовъ и закупкой занимались сельско-хозяйственныя общества и сельско-хозяйственныя товарищества малаго размѣра, которыхъ въ 1911-мъ году насчитывалось приблизительно 3.000; но въ большинствѣ случаевъ эти товарищества задачу свою ограничивали просвѣтительной дѣятельностью. Въ западной Сибири въ 1911-мъ году функціонировало около 2000 молочныхъ артелей, продавшихъ въ томъ же году масла на 30 милліоновъ рублей. Въ организаціонномъ отношеніи русское кооперативное движеніе страдаетъ громадными недостатками. Отдѣльныя кооперативныя организаціи не объединены центральными учрежденіями, какъ на Западѣ. Мѣстныхъ областныхъ союзовъ въ Россіи очень немного, да и тѣ находятся на первоначальной ступени развитія. Только въ мартѣ 1912 года открылъ свою дѣятельность

Московскій Народный банкъ, поставившій себѣ цѣлью объединить дѣятельность кредитныхъ товариществъ всей Россіи.

У насъ нѣтъ кооперативнаго закона, соотвѣтствующаго кооперативному законодательству другихъ западно-европейскихъ государствъ.

По вопросу о значеніи арендныхъ товариществъ въ сельскомъ хозяйствѣ на конгрессѣ были прочтены два доклада—итальянскимъ профессоромъ Арриго Серріери и другой— директоромъ союза сельскохозяйственныхъ товариществъ въ Венгріи Бенратомъ.

Въ Италіи по послѣднимъ даннымъ число арендныхъ товариществъ равняется 140. Они возникли тамъ всего нѣсколько лѣтъ назадъ. Особенность нѣкоторыхъ изъ нихъ заключается въ томъ, что члены ихъ не ограничиваютъ своей дѣятельности совмѣстной арендой, но сообща обрабатываютъ арендованную землю и дѣлятъ между собою полученные продукты. Наиболѣе распространены товарищества, въ которыхъ арендованная земля обрабатывается каждымъ участникомъ самостоятельно. И здѣсь однако, сообща производятся различныя улучшенія, совмѣстно закупаются машины, орудія и удобренія.

Въ послѣдніе годы арендныя товарищества стали распространяться и въ Румыніи. Почти при каждомъ арендномъ товариществѣ имѣется здѣсь особое лицо съ агрономическимъ образованіемъ, на обязанности котораго лежитъ давать членамъ товарищества совѣты и указанія. Въ 1903-мъ году въ Румыніи было 8 товариществъ, съ общимъ количествомъ арендованной земли въ 4940 гектаровъ, а въ 1911-мъ году ихъ уже насчитывалось 387, занимавшихъ 283.381 гектаровъ.

Конгрессомъ единогласно была принята резолюція, въ которой рекомендуется всѣмъ странамъ удѣлять особенное вниманіе арендныхъ товариществамъ, имѣющимъ громадное соціальное и хозяйственное значеніе.

Много вниманія было удѣлено конгрессомъ вопросу «о товариществахъ по использованію электрической энергіи. Это еще совсѣмъ новый видъ коопераціи, получившій распространеніе въ Германіи въ самые послѣдніе годы. На 1-ое апрѣля 1911 г. здѣсь дѣйствовало около 2700 электрическихъ станцій, снабжающихъ по меньшей мѣрѣ 11.000 селеній электрической энергіей. Въ кооперативной средѣ возникла мысль устраивать электрическія станціи за собственный счетъ, или по крайней мѣрѣ получать энергію отъ частныхъ предпріятій черезъ особыя товарищества, пользуясь при этомъ цѣлымъ рядомъ льготныхъ условій. Устройство собственныхъ

электрическихъ станцій стоитъ очень дорого. Этимъ объясняется то, что изъ 236 товариществъ по использованію электр. энергіи, функціонировавшихъ въ Германіи въ 1910 г., только 57 имѣли собственныя станціи, а 179 получали энергію отъ частныхъ и общественныхъ учрежденій.

Первый докладчикъ по данному вопросу, президентъ баденскаго союза сельско-хозяйственныхъ товариществъ Зенгеръ, представилъ конгрессу свѣдѣнія о дѣятельности Баденскаго Союза и о снабженіи его членовъ, электрической энергіей. Союзомъ баденскихъ товариществъ только въ 1911-мъ году были выработаны начала организаціи такихъ товариществъ; 3 товарищества въ 1911-мъ году, два—въ началѣ 1912-го. Главнымъ образомъ Баденскій Союзъ обращалъ вниманіе на агитацію среди деревенскаго населенія въ пользу устройства электрическихъ станцій за счетъ общинъ и коммунальныхъ управленій. Агитація эта имѣла успѣхъ: въ 1909-мъ году электричествомъ пользовались 15 общинъ, а въ 1911 г.—41. На средства союза содержатся 4 инженера и 1 техникъ, обязанность которыхъ—давать отвѣты и указанія по организаціи товариществъ, составлять планы смѣты при постройкѣ и т. п.

Другой докладчикъ—директоръ Саксонскаго Союза сельско-хозяйственныхъ товариществъ Рабе—познакомилъ конгрессъ съ постановкой этого дѣла въ Саксоніи. Тамъ уже дѣйствовало 30 электрическихъ станцій, 4 находились въ постройкѣ и 2 въ проектѣ. Изъ этого числа 18 принадлежало 15 товариществамъ, 8 акціонернымъ компаніямъ и обществамъ съ ограниченной отвѣтственностью, 4—частнымъ предпринимателямъ. При Саксонскомъ союзѣ сельско-хозяйственныхъ товариществъ на постоянной службѣ находятся 10 человѣкъ инженеровъ, подъ наблюденіемъ которыхъ строятся и дѣйствуютъ электрическія станціи. Особенное вниманіе при постройкѣ электрическихъ станцій было обращено на финансовую сторону дѣла; печальные опыты съ постройкой кооперативныхъ зернохранилищъ еще не изгладились въ памяти, и были опасенія, что и электрическія станціи можетъ постигнуть такая же участь. Въ настоящее время электрическія станціи въ финансовомъ отношеніи поставлены вполнѣ прочно. Тѣмъ не менѣе докладчикъ склоняется къ тому, чтобы въ дальнѣйшемъ устройство станцій было возлагаемо на общины или на государство.

Вопросъ объ освобожденіи земельной собственности отъ задолженности является новымъ для кооперативныхъ товариществъ. До сихъ поръ кредитныя товарищества практиковали только краткосрочный личный кредитъ, и эта форма кредитованія дала уже положительные результаты. Выдача долгосрочныхъ ссудъ подъ

залогъ земельныхъ имуществъ не входила въ ихъ задачи. Выступавшіе по этому поводу ораторы высказывались въ пользу того, чтобы кредитныя товарищества приходили на помощь сельскимъ хозяевамъ оказаніемъ имъ долгосрочнаго кредита, но при этомъ отмѣчалось и то, что, вслѣдствіе различія условій въ отдѣльныхъ странахъ и даже мѣстностяхъ, очень трудно выработать одинаковыя формы кредитованія. По словамъ президента правительственной кассы мелкаго кредита г. Гейлигенштадта, самостоятельно дѣйствующія кооперативныя организаціи сами съумѣютъ установить въ какихъ случаяхъ и до какихъ предѣловъ допустима выдача ссудъ подъ залогъ земельной собственности.

Въ принятой конгрессомъ резолюціи было признано желательнымъ изученіе этого вопроса въ разныхъ странахъ.

Кооперативныя организаціи, насчитывающія свыше десяти милліоновъ членовъ, совершающія ежегодно милліардные обороты, охватывающія самыя разнообразныя стороны производства нуждаются въ громадной арміи интеллигентныхъ и опытныхъ лицъ, которыя могли бы занимать различныя должности въ кооперативныхъ предпріятіяхъ и быть руководителями ихъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ интеллигенція на первыхъ порахъ почти цѣликомъ выноситъ на своихъ плечахъ работу по организаціи кооперативовъ. Такъ, напр., было въ Финляндіи, гдѣ въ такой короткій срокъ интеллигенціи удалось создать сильное кооперативное движеніе. Отсутствіе надлежащаго кадра интеллигентныхъ работниковъ въ народной средѣ очень неблагопріятно отзывается на ходѣ дѣла. Поэтому съ самаго же начала главное вниманіе должно быть обращено на подготовку массы къ кооперативной дѣятельности.

Докладчикъ по данному вопросу, генеральный секретарь имперскаго союза Грабейнъ, предлагалъ ввести курсы по кооперации во всѣхъ школахъ низшихъ, среднихъ и высшихъ, особенно въ спеціальныхъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а также привлекать учащуюся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ молодежь къ изученію коопераціи путемъ устройства особыхъ семинаріевъ при университетахъ. Въ Германіи уже имѣются въ двухъ университетахъ такіе семинаріи: въ Галле подъ руководствомъ профессора Конрада, и въ Берлинѣ, подъ руководствомъ профессора Крюгера.

Для обученія счетоводовъ, кассировъ, членовъ правленій необходимо устройство краткосрочныхъ курсовъ по счетоводству, дѣлопроизводству и вообще практикѣ кооперативнаго строительства. При центральныхъ союзахъ слѣдуетъ устраивать особыя школы или курсы для будущихъ ревизоровъ, инструкторовъ и секретарей

кооперативныхъ учрежденій. Въ Германіи при Имперскомъ Союзѣ имѣется такая школа, основанная въ 1910-11 г., въ которой ежегодно обучается отъ 30 до 40 человѣкъ.

Послѣ ряда рѣчей, освѣтившихъ распространеніе кооперативныхъ знаній въ различныхъ странахъ,—особенно интересны опыты въ этой области въ Финляндіи,—всѣ положенія докладчика были приняты конгрессомъ.

Таковы, въ самыхъ общихъ чертахъ, результаты работъ третьяго международнаго кооперативнаго конгресса.

Конгрессомъ постановлено, что членами Союза могутъ быть и центральныя кооперативныя организаціи *внѣевропейскихъ* странъ, чего до сихъ поръ не было. Въ число членовъ Союза приняты двѣ центральныя кооперативныя организаціи Россіи—С.-Петербургское Отдѣленіе Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ и Московскій Народный банкъ. Такимъ образомъ отнынѣ и русскія кооперативныя организаціи формально пріобщены къ Международному Кооперативному Союзу.

Г. М—шинъ.

ПРАВИТЕЛЬСТВО И ЧАСТНЫЯ БОГАТСТВА ВЪ РОССІИ.

Въ новѣйшей исторіи Западной Европы процессъ зарожденія и роста крупныхъ состояній и капиталовъ нерасторжимо переплетенъ съ процессомъ энергичной и неустанной борьбы третьяго сословія за права капиталиста и гражданина.

Въ этой неустанной борьбѣ, наполнившей своимъ шумомъ всю новую исторію Европы, опредѣлившей ея основной драматическій репертуаръ, вырабатывалось и закалялось чувство личности.

Ростъ личности горожанина, становившагося гражданиномъ, какъ кислота, разъѣдалъ старые хозяйственные устои феодальнаго общества, и онъ же, какъ дрожжи, поднималъ промышленныя силы страны. Приливъ новыхъ могучихъ производительныхъ силъ бился въ старыхъ и тѣсныхъ феодальныхъ рамкахъ и по всей странѣ поднималъ и разливалъ чувство личнаго достоинства и недовольства

политическимъ строемъ. Города стягивали къ себѣ всѣхъ соціальныхъ протестантовъ, какъ въ фокусѣ ярко концентрировали ихъ сознаніе и поднимали знамя борьбы со старымъ порядкомъ. Личность горожанина, оторванная отъ феодальныхъ узъ и завѣтовъ, явилась живою носительницею пробуждавшагося буржуазнаго духа.

На Западѣ сосредоточеніе капиталовъ въ опредѣленныхъ рукахъ совершалось въ атмосферѣ суровой экономической борьбы представителей новыхъ экономическихъ силъ съ носителями старой политической власти. Для того, чтобы въ этой борьбѣ устоять и восторжествовать, нужны были извѣстныя личныя способности, — настойчивость, энергичность, безцеремонность, жажда личныхъ благъ.

Западно-европейскій горожанинъ обрѣталъ свои капиталистическія права и округлялъ свои капиталы въ борьбѣ со старымъ порядкомъ, развивая какъ разъ тѣ качества личности и хозяйственной психики, которыя нужны были ему для побѣды надъ старою властью.

Онъ закладывалъ въ поры стараго феодальнаго общества, точно порохъ, свои частные капиталы, пріобрѣтенные личною борьбою, личною удачливостью, личною ловкостью—и старое сословное зданіе было взорвано. Въ борьбѣ съ сословнымъ строемъ европейскій горожанинъ поднялъ знамя личныхъ правъ, личнаго достоинства, личной годности.

Существенно иной характеръ носитъ процессъ роста частныхъ богатствъ у насъ въ Россіи. Русское правительство самымъ энергичнымъ и непосредственнымъ образомъ участвуетъ въ процессѣ образованія частныхъ богатствъ. Не только дворянство, но и буржуазія дѣлаетъ свои первыя экономическія завоеванія и наживаетъ свои крупные капиталы съ разрѣшенія, а то и повелѣнія власти.

Принципъ личной годности, выдвинутый европейскою буржуазіей въ борьбѣ съ властью, въ Россіи впервые провозглашается Петромъ Великимъ и кладется въ основу знаменитой бюрократической табели о рангахъ.

И по отношенію къ дворянству, и по отношенію къ буржуазіи русское правительство выступало какъ единственный источникъ экономической благодати, припадая къ которому только и можно нажить крупное состояніе. Правительство усердно вселяло и дворянству, и буржуазіи убѣжденіе, что всякое частное благосостояніе— отъ правительства: правительство его дало, правительство можетъ и отнять.

Частное богатство появлялось и разсматривалось какъ слѣдствіе милости правительства, какъ правительственная награда.

Смиреніемъ, а не въ борьбѣ пріобрѣтались частныя крупныя богатства и дворянъ, и буржуазіи. Цѣною полнаго политическаго обезличиванія поднимались и дворяне, и промышленники къ вершинѣ богатства.

Эти своеобразныя историческія особенности процесса зарожденія и роста частныхъ богатствъ въ Россіи наложили яркую печать на весь ходъ развитія нашей буржуазіи, на ея хозяйственный бытъ и политическую психологію. И не только буржуазіи: частныя богатства русскаго дворянства росли и распадались подъ непосредственнымъ давленіемъ и при активнѣйшемъ участіи правительства.

«Исторія нашихъ частныхъ богатствъ — основательно замѣчаетъ Е. Карновичъ,—чрезвычайно разнится отъ исторіи такихъ же богатствъ въ государствахъ Зап. Европы. Тамошняя аристократическая, а не только служилая знать являлась ко двору государей для того, чтобы, поддерживая его блескъ, проживать наслѣдственное свое достояніе. Такимъ образомъ, при пышномъ дворѣ Людовика XIV разорились самыя знатныя фамиліи Франціи. У насъ же, наоборотъ, близость ко двору внушала пріятныя надежды на разживу, и надежды эти осуществлялись очень часто» [1]).

При крѣпостномъ строѣ и слабо развитой промышленности, основнымъ способомъ обогащенія, экономической благодати, являлось, конечно, обладаніе землею и «крещеною собственностью», т. е. крѣпостными. Въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ шла широкая и щедрая раздача дворянамъ земель и крѣпостныхъ. Въ періодъ 1682—1711 гг. правительство жалуетъ разнымъ лицамъ 43½ тысячи дворовъ, 506 тысячъ десятинъ пашни, а въ общей сложности—болѣе милліона десятинъ. При Екатеринѣ I земли раздаются въ скромныхъ размѣрахъ: было пожаловано всего 9 тысячъ десятинъ. При Петрѣ II-мъ однимъ Долгорукимъ жалуется 44 тыс. душъ, кн. Черкасскому—40 тысячъ десятинъ. При Елизаветѣ военные, содѣйствовавшіе дворцовому перевороту, получаютъ 14 тыс. душъ. При Петрѣ III-мъ раздача крѣпостныхъ и земель получаетъ еще болѣе широкій характеръ. По подсчету кн. Васильчикова, до восшествія на престолъ Екатерины II-й путемъ пожалованій знатные дворяне пріобрѣли 389 тысячъ душъ. При Екатеринѣ II-й эта раздача крѣпостныхъ и земель, въ видѣ подарковъ ловкимъ и льстивымъ любимцамъ, принимаетъ особенно широкій характеръ. Орловъ получаетъ въ даръ отъ императрицы 45.000 крестьянскихъ душъ; Зу-

---

[1]) «Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи» (Спб., 1885, стр. 11).

бову жалуются два населенныхъ уѣзда, Васильчикову—7.000 душъ, кн. Вяземскому—23.000 душъ, Зоричу—14.000 душъ и т. д. Въ общемъ за время царствованія Екатерины II-й частнымъ лицамъ было роздано 800 тысячъ ревизскихъ душъ. Какъ только восходитъ на престолъ Павелъ Петровичъ, гр. Куракинъ составляетъ списокъ лицъ, которыхъ признано необходимымъ «одарить». Такихъ лицъ внесено было въ списокъ 105, и имъ было роздано 82.330 крестьянъ. Послѣ этого непрерывно идетъ новая раздача земель и крестьянъ. Камердинеръ Павла, Кутайсовъ, получаетъ въ Моршанскомъ уѣздѣ 24.606 десятинъ, въ Курляндіи—36.000 десятинъ, въ Тамбовской губ. — 5.000 душъ и на Волгѣ рыбныя ловли, приносившія 500.000 р. доходу. «Близкіе къ государю люди—разсказываетъ Державинъ—вскорѣ по вступленіи на престолъ Павла Петровича, выпросили себѣ у него великое количество на выборъ лучшихъ казенныхъ земель, и для удовлетворенія ихъ правительство отбирало у казенныхъ крестьянъ всѣ лишнія земли сверхъ 8 десятинъ на душу». Эти отобранныя у крестьянъ земли знатные дворяне сплошь и рядомъ вновь продавали тѣмъ же крестьянамъ, наживая на этомъ барышничествѣ крупныя состоянія. «По свѣдѣніямъ, которыя мы могли собрать—говоритъ кн. Васильчиковъ,—пріобрѣтено было высочайшими пожалованіями въ царствованіе Павла 114.896 душъ» [1]. Эта статистика, конечно, неполна. Отъ ея учета ускользнули тысячи десятинъ и десятки тысячъ «душъ». Но и тѣ цифры пожалованій, которыя ею зарегистрированы, показываютъ, какой глубокій и неисчерпаемый источникъ богатства заключался въ рукахъ правительства и какъ щедро оно черпало оттуда для всѣхъ, съумѣвшихъ пріобрѣсти его милость и вниманіе. Всѣ располагавшіе крупными политическими связями могли быть увѣрены, что личное богатство имъ обезпечено.

Иногда земли и крестьяне раздавались по самымъ ничтожнымъ часто анектодическимъ поводамъ. Павелъ I-й отдаетъ Каннабиху приказаніе. Каннабихъ стремглавъ, съ раболѣпнымъ видомъ, мчится исполнить его; по дорогѣ онъ теряетъ треуголку.—Голова тутъ, Ваше Импер. Величество! — кричитъ Каннабихъ, продолжая скакать. — Дать ему тысячу душъ крестьянъ,—приказываетъ Павелъ I-й [2]. Г-жа Н. выпросила у государя 2000 душъ для герцога Шуазель-Гуфье за то, что онъ сочинялъ въ ея честь нотные стихи и рисунки [3]. Такихъ фактовъ въ русской исторіи восемнадцатаго вѣка можно найти множество.

---

[1]) Кн. *А. Васильчиковъ*, «Землевладѣніе и земледѣліе», т. I (Спб., 1876, стр. 452).

[2]) *«Рус. Стар.»*, 1870 г., Апрѣль.

[3]) Архивъ кн. Воронцова, т. VIII, стр. 183.

Единичные счастливцы, попавшіе въ число фаворитовъ, составили себѣ въ самое короткое время несмѣтныя богатства. За 16 лѣтъ своего владычества Биронъ нажилъ 16.000.000 руб., сумма, по тогдашнимъ цѣнамъ, колоссальная. Когда онъ впалъ въ немилость, у его жены было конфисковано платьевъ на 400 тыс., брилліантовъ на 800.000 руб. и деньгами 3.000.000 руб. Въ манифестѣ по поводу устраненія Бирона откровенно указывалось, что этотъ бывшій конюхъ прибылъ въ Россію въ «мизерномъ состояніи», а теперь «его богатство всему свѣту явно». Биронъ—читаемъ мы тамъ же,—«похищалъ несказанное число казенныхъ денегъ и прочихъ вещей» и «сильными своими нападеніями у россійскихъ нѣкоторыхъ людей забралъ нѣсколько сотъ тысячъ рублей, черезъ что оныхъ въ раззореніе привелъ». «Сколько милліоновъ истрачено было—восклицаетъ въ своихъ запискахъ Минихъ—на покупку драгоцѣнностей для семейства Бирона! Во всей Европѣ ни одна королева не была такъ богата ими, какъ герцогиня Курляндская». Потемкинъ за два года пребыванія въ милости получилъ отъ Екатерины II-й 37.000 душъ и 9.000.000 руб. деньгами.

Съ вступленіемъ на престолъ Александра I-го эра расточительной раздачи земель какъ будто прекращается. Когда къ Александру I-му обратились съ просьбою о пожалованіи имѣній, онъ отвѣтилъ: «Русскіе крестьяне большею частью принадлежатъ помѣщикамъ. Считаю излишнимъ доказывать униженіе и безсиліе такого состоянія, а потому я далъ обѣтъ не увеличивать числа этихъ несчастныхъ и принялъ за правило не давать никому въ собственность крестьянъ». Но если раздачѣ крестьянъ рѣшено было положить конецъ, то это не означало конца раздачи земель. Императоръ поспѣшилъ успокоить знатныхъ просителей: «имѣніе, о которомъ вы просите, будетъ пожаловано въ аренду вамъ и вашимъ наслѣдникамъ; слѣдовательно, вы получите желаемое, но только съ тѣмъ, чтобы крестьяне не могли быть продаваемы подобно безсловеснымъ животнымъ».

Раздача населенныхъ имѣній приняла форму раздачи земель въ аренду. Еще большую экономическую роль продолжаетъ играть раздача земель ненаселенныхъ. Въ періодъ 1796—1856 гг. было пожаловано 2,4 мил. десятинъ, т. е. по 40 тыс. десятинъ въ годъ. Въ послѣдующее время эта раздача земель не прекращается, захватывая преимущественно окраины, но въ экстренныхъ случаяхъ распространяясь и на центральныя области. По даннымъ «Историческаго обзора 50-лѣтней дѣятельности министерства государственныхъ имуществъ» (Спб., 1888), въ періодъ 1857 — 1887 гг. въ Европейской Россіи было пожаловано разнымъ лицамъ 982.000 де-

сятинъ земли. Земли щедро раздавались въ Сибири, на Кавказѣ, на побережьяхъ Чернаго моря. Послѣ польскаго возстанія 1863-го года безъ торговъ, по анекдотически низкимъ цѣнамъ, было продано въ Польскомъ краѣ болѣе полмилліона десятинъ земли разнымъ лицамъ, заслужившимъ милость правительства. Въ Уфимской и Оренбургской губерніяхъ за десятилѣтіе 1871 — 1881 г. правительство распродало чиновникамъ, по средней цѣнѣ 7 руб. 88 коп. за десятину, 451.300 десятинъ [1]). Земли въ оренбургскомъ краѣ раздавались съ изумительной расточительностью. Чиновники, прослужившіе тамъ два-три года, получали, 2—3 тысячи десятинъ въ самомъ центрѣ лѣсной Башкиріи, на судоходныхъ рѣкахъ. Попечитель учебнаго округа прослуживъ въ оренбургскомъ краѣ, четыре года (1875 — 1879), получаетъ плодородный участокъ земли въ нѣсколько тысячъ десятинъ. Учитель гимнастики получаетъ за 2000 руб., съ разсрочкой уплаты на 37 лѣтъ, 1000 десятинъ земли, приносящей 900 руб. годового дохода [2]). Въ оренбургскомъ краѣ лицо со связями пріобрѣтаетъ участокъ за 500 руб. и черезъ нѣсколько дней перепродаетъ его крестьянамъ за 15.000 р. Эта эпопея расхищенія башкирскихъ земель показала, что и въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія пріобрѣтеніе земельныхъ богатствъ находилась въ тѣсной и неразрывной связи съ политическимъ вѣсомъ лица, съ его положеніемъ въ «сферахъ», съ его политическимъ формуляромъ. «Лица, служившія въ составѣ губернскаго правленія,— писало даже «Нов. Вр.»,—пользуясь вѣсомъ у губернатора, а черезъ него вліяніемъ на полицію, склоняли башкиръ къ составленію приговоровъ о продажѣ земли разнымъ покупателямъ и сами по дешевой цѣнѣ скупили до 30.000 десятинъ съ корабельнымъ лѣсомъ».

Земли щедро раздавались не только въ дикой Башкиріи. Съ 1860 г. въ Самарской губерніи въ общей сложности было пожаловано высокопоставленнымъ лицамъ до 700.000 десятинъ. На Кавказѣ въ 1866 — 1875 гг. 26.000 десятинъ были пожалованы различнымъ выслужившимся лицамъ, а 50.248 десятинъ были проданы за безцѣнокъ различнымъ чиновникамъ. Въ концѣ 1880 г., по сообщенію «Рус. Курьера», были розданы чрезвычайно цѣнные участки нефтеносныхъ земель, несмотря на то, что въ 1873 г. эти земли были причислены къ неприкосновеннымъ, неотчуждаемымъ, и частныя лица не могли пріобрѣсти ихъ даже за очень большія деньги. Квадратная сажень нефтеносной земли стоила отъ 10 до 25 руб., а десятина—отъ 25 до 60 тысячъ.

---

[1]) *В. Святловскій*, «Мобилизація земельной собственности въ Россіи». (Спб., 1911, стр. 107).

[2]) *С. Кривенко*, «Собр. соч.» (Спб., 1911, стр. 140).

И вотъ эти-то золотыя розсыпи раздавались щедро. Генералъ Старосельскій, кн. Амиларвали, кн. Витгенштейнъ получаютъ въ подарокъ по 10 десятинъ, т. е. на деньги по 250—600 тысячъ. Княгиня Гагарина, супруга бывшаго кутаисскаго губернатора, получаетъ въ подарокъ 5 десятинъ нефтеносной земли и обмѣниваетъ ихъ на 7.000 десятинъ земли въ Ставропольской губ. [1]). Безконечная раздача земель кавказскимъ чиновникамъ заставила «Голосъ» воскликнуть: «Мы рѣшительно не знаемъ, когда же наконецъ государство выплатитъ всѣ свои долги кавказскому чиновничеству за его заслуги отечеству, чтобы положить конецъ столь хищнической системѣ эксплуатаціи государственныхъ имуществъ. Давно ли, всего нѣсколько недѣль назадъ этому чиновничеству пожаловано 45 десятинъ нефтеносныхъ источниковъ!»

Новѣйшій изслѣдователь земельныхъ отношеній, г. Огановскій, показываетъ, какъ пожалованія населенныхъ и ненаселенныхъ земель вели къ концентраціи земельной собственности и отклоняли процессъ хозяйственной эволюціи Россіи въ сторону сильнаго, искусственно вызваннаго роста крупнаго землевладѣнія [2]).

Перейдемъ къ другому ряду фактовъ, относящихся къ области денежныхъ капиталовъ и промышленныхъ предпріятій. И здѣсь правительственная власть являлась источникомъ личнаго благополучія. При Петрѣ Великомъ фабрикантамъ и промышленникамъ щедро раздаются земли, деньги и даже крѣпостные рабочіе. Фабрикантъ Тамесъ получаетъ село Кохму съ 641 крестьянскимъ дворомъ. Къ заводамъ Демидова на Уралѣ приписываются многолюдныя слободы, при чемъ Демидову милостиво разрѣшается отдаваемыхъ ему крестьянъ «бить батогами и плетьми, желѣзами только въ той мѣрѣ, чтобы чрезмѣрной жестокостью ихъ не разогнать». Крупныхъ промышленныхъ награждаютъ всякими монополіями и привилегіями. Фабриканты, купцы и промышленники стараются обратить на себя милостивое вниманіе правительства. Тѣ, которымъ это удается, становятся баловнями судьбы. Ихъ осыпаютъ золотымъ дождемъ всяческихъ подарковъ, монополій, субсидій. По всякому поводу они обращаются за помощью къ правительству и не встрѣчаютъ отказа. Въ особенности идутъ въ гору тѣ промышленники, которыхъ случай или связи вывели «въ люди» и поставили на виду у правительства. Они получаютъ крѣпостныхъ, земли, заказы, деньги. Еще больше и въ этомъ отношеніи счастливится фаворитамъ. Екате-

---

[1]) *С. Кривенко*, «Сочиненія», стр. 142, 147, 148.

[2]) *Н. Огановскій*, «Очерки по исторіи земельныхъ отношеній въ Россіи» (1911).

рина пишетъ о дѣятельности извѣстнаго «мѣднаго банка»: «Щедрость сената доходила до того, что мѣднаго банка трехъ милліонный капиталъ почти весь роздали заводчикамъ, кои, уничтожая заводскихъ крестьянъ работы, платили либо безпорядочно, либо вовсе ничего, проматывая взятыя изъ казны деньги въ столицѣ».

Съ другой стороны, со всякимъ провинившимся передъ нимъ промышленникомъ русское правительство при Петрѣ и его преемникахъ поступали также рѣшительно и круто, какъ и съ впавшими въ немилость высокопоставленными лицами. У нихъ отбирали фабрики и заводы, ихъ лишали всего ихъ состоянія, ихъ «отрѣшали» отъ званія фабриканта, какъ отрѣшаютъ чиновника за служебный проступокъ. Подобно тому, какъ помѣщикъ разсматривалъ все личное состояніе крѣпостного какъ свое добро, которое въ любую минуту можно отобрать, такъ и правительство въ восемнадцатомъ вѣкѣ смотрѣло на частныя богатства дворянъ и промышленниковъ какъ на сдѣланные имъ подарки, которые, въ наказаніе за неблагодарность или плохое поведеніе, отбираются обратно. Чтобы достигнуть богатства, чтобы удержать его въ своихъ рукахъ, и помѣщики, и промышленники прежде всего уповаютъ на милость правительства, стараются эту милость заслужить, завести политическія связи. Князь Потемкинъ устраиваетъ стеклянный заводъ, чтобы устранить иностранную конкурренцію его повѣренный, Гарновскій, подаетъ на высочайшее имя просьбу запретить въ Россію ввозъ стекла. «Если указъ состоится,—пишетъ Гарновскій,—то отъ этого будетъ его свѣтлости доходъ больше нежели отъ 50.000 душъ крестьянъ, въ лучшихъ мѣстахъ находящихся».

При наличности связей или при умѣньѣ найти «ходъ», именитымъ промышленникамъ удавалось устранять своихъ экономическихъ конкурентовъ. Баронъ Сиверсъ устраиваетъ при Елизаветѣ крупную бумажную фабрику. Едва устроивъ ее, онъ начинаетъ хлопотать въ Сенатѣ, чтобы «запретили» бумажную фабрику его конкурента Ольхина, такъ какъ-де онъ, Сиверсъ, дѣлаетъ бумагу лучшаго качества. Эти хлопоты, благодаря связямъ барона, увѣнчиваются полнымъ успѣхомъ. Въ 1754 г. Сенатъ дѣлаетъ распоряженіе о запрещеніи писчебумажной фабрики Ольхина, какъ «безполезной». И фабрика была закрыта [1]).

Теперь, конечно, не «отрѣшаютъ» впавшихъ въ немилость фабрикантовъ отъ фабрикъ, не жалуютъ крѣпостныхъ рабочихъ, но далеко не исчезло смѣшеніе законовъ экономическаго развитія съ законами, выработываемыми министерствомъ финансовъ; далеко не исчезла

---

[1]) *Соловьевъ*, «Исторія Россіи», т. XXIII, стр. 288.

и практика воздаянія экономическими благами за политическую благонадежность. Въ этомъ отношеніи особенно знаменательны послѣдніе годы крѣпнущей реакціи. Закрытіе для иностранцевъ и даже для людей «не русскаго происхожденія» цѣлыхъ отраслей экономической дѣятельности, попытки націонализаціи кредита и торговли, государственное кормленіе патріотовъ, широкая раздача имъ подрядовъ, поставокъ, субсидій—таковы новыя формы вмѣшательства власти въ процессъ зарожденія и роста частныхъ богатствъ. Примѣры этому можно найти въ извѣстной книгѣ проф. И. Озерова.

У насъ существуетъ Государственный Банкъ. По своей задачѣ онъ долженъ былъ бы регулировать денежное обращеніе страны, играть чисто финансовую роль. На самомъ дѣлѣ ему присвоиваютъ политическія функціи, заставляя его оказывать экономическую поддержку цѣлому ряду предпріятій и лицъ, которые не по экономикѣ хороши, а по политикѣ милы. Банкъ этотъ выдаетъ внѣуставныя ссуды. По подсчету проф. И. Озерова, къ 1905-му году такихъ внѣуставныхъ ссудъ Государ. Банкъ выдалъ на 100 милліоновъ руб.! Онѣ выдавались лицамъ, обладающимъ очень большимъ политическимъ кредитомъ и полнымъ отсутствіемъ кредита экономическаго. Совѣтъ Банка высказывался рѣшительно противъ нѣкоторыхъ ссудъ, какъ безнадежныхъ. Тогда прибѣгали къ «внѣуставнымъ ссудамъ» и выдавали ихъ вопреки мнѣнію совѣта. Датскій консулъ Пализенъ нѣсколько разъ обращался за ссудой. Каждый разъ совѣтъ Банка находилъ невозможнымъ выдать эту ссуду, въ виду явной безпочвенности предпріятій Пализена. Но у датскаго консула оказываются очень большія связи, и онъ получаетъ нѣсколько разъ милліонныя ссуды изъ Госуд. Банка. «Съ легкимъ сердцемъ—пишетъ проф. И. Озеровъ—испрашивались многомилліонныя ссуды всеподданнѣйшими докладами для предпріятій, безнадежность которыхъ завѣдомо извѣстна, и въ то же время не хватало десятковъ рублей, чтобы дать несчастную ссуду какому-нибудь мелкому кустарю, бьющемуся какъ рыба объ ледъ» [1]). По подсчету, сдѣланному года два тому назадъ въ «Рус. Вѣдмостяхъ», наши винокуренные заводчики получаютъ отъ казны взамѣнъ безакцизныхъ отчисленій 14 мил. руб., при виноградно-водочномъ производствѣ—72 тыс. руб., премій за очистку спирта—1.285 тыс. руб., при вывозѣ его за границу—954 тыс. руб. При разверсткѣ сырого спирта казна переплачиваетъ за ведро спирта по меньшей мѣрѣ 10 коп.; при 91 мил. ведеръ сырого спирта, покупаемаго казной, это соста-

[1]) Ср. «Рус. Вѣд.» отъ 14-го марта 1910 г.

витъ 9,1 мил. руб. Если сюда прибавить переплату казны за ректификацію спирта на частныхъ заводахъ (76 мил. ведеръ по 1 коп. за ведро), то это составитъ еще 760 тыс. руб. Итого спиртозаводчики получаютъ отъ казны свыше 26 мил. руб. Въ столь же привилегированномъ положеніи находятся и сахарозаводчики. Благодаря нормировкѣ, сахарозаводчики ежегодно кладутъ въ карманъ 12—14 мил. руб., переплачиваемыхъ потребителями.

До 17 мил. руб. въ годъ получаютъ отъ казны акціонеры жел. дорогъ, въ видѣ приплатъ, пособій и др. выдачъ. Сплошь и рядомъ долги жел. дорогъ казнѣ «прощаются». При Александрѣ III-мъ желѣзно-дорожные заправилы выхлопотали прощеніе долговъ на колоссальную сумму въ 706 мил. руб.! Комитетъ по распредѣленію казенныхъ заказовъ ежегодно одариваетъ желѣзозаводчиковъ на десятки милліоновъ [1].

Какъ щедро поддерживаются у насъ имѣющія связи экономическія предпріятія, показываетъ примѣръ пресловутаго «Русскаго общества пароходства и торговли». Въ свое время были опубликованы фамиліи блестящаго состава участниковъ общества. И этотъ блестящій составъ вызвалъ непрестанный золотой дождь надъ обществомъ. Ему, въ общей сложности, было выдано на 64 мил. руб. всяческихъ воспособленій.

Въ 1910-мъ году октябристскій депутатъ Думы г. Эргардъ напечаталъ любопытную записку о десятимилліонномъ фондѣ. Тутъ были раскрыты прелюбопытные расходы: 251 тыс. руб. на леченіе и погребеніе членовъ Госуд. Совѣта, 10 тыс. руб. на обстановку вице-адмиралу Авелану, 10 тыс. руб. на переѣздъ и обзаведеніе адмиралу Бирилеву, 15 тыс. руб. тайному совѣтнику Муханову. Въ одномъ мѣстѣ числится «различнымъ лицамъ» 967.250 руб., въ другомъ мѣстѣ эта сумма достигаетъ уже 1.619.611 руб. Художнику Борисову для поѣздки на Дальній Сѣверъ выдано 29 тыс. руб. Демчинскій на опыты и работы по предсказанію погоды получаетъ двѣ ссуды въ 25 и 29 тыс. руб. и затѣмъ для изданія своихъ трудовъ— 12 тыс. руб. Ген. Богдановичъ для изданія своихъ брошюръ получаетъ 20 тыс. руб.

Извѣстно, какъ строго у насъ охраняется китайская стѣна промышленнаго протекціонизма. Расплачиваться за нее приходится не только потребителямъ, но иногда и заводчикамъ. Имъ приходится выписывать изъ-за границы машины, инструменты и. т. д., и за все это переплачивая. И тутъ-то выступаютъ на сцену связи, съ

---

[1]) И. Озеровъ. «Какъ расходуются въ Россіи народныя деньги?» (М., 1907, стр. 9).

помощью которыхъ получаются изъятія и льготы. Для отдѣльныхъ фабрикантовъ, приподнимаются шлюзы промышленнаго протекціонизма и безпошлинно пропускаются заграничные товары. Въ 1869 г. новороссійское общество каменноугольнаго, желѣзнаго и рельсоваго производства получаетъ разрѣшеніе на безпошлинный ввозъ изъ-за границы всѣхъ предметовъ, нужныхъ ему для устройства заводовъ и копей. Въ томъ же году Азовскій рельсовый заводъ богатаго фабриканта Пастухова получаетъ разрѣшеніе на безпошлинный пропускъ всего нужнаго ему для оборудованія завода и копей. Въ слѣдующемъ году Пастуховъ возбуждаетъ новое ходатайство. На этотъ разъ за него хлопочетъ наказной атаманъ Донского войска. Разрѣшеніе вновь дается. Черезъ два года Пастуховъ возбуждаетъ новое ходатайство. При этомъ каждый разъ дѣло идетъ о многихъ десяткахъ и даже сотняхъ тыс. пудовъ. Министръ финансовъ находитъ, что это уже границъ не имѣетъ. Но наказный атаманъ войска Донского вновь хлопочетъ о Пастуховѣ—и вновь дается разрѣшеніе. Такія же разрѣшенія неоднократно получалъ для своихъ заводовъ князь Бѣлосельскій-Бѣлозерскій. Заводчикъ Голубевъ обращается къ министру финансовъ съ просьбою о разрѣшеніи ему безпошлинаго провоза матеріаловъ и машинъ для вагоностроительнаго завода. Къ этой оффиціальной бумагѣ заводчикъ прилагаетъ частное рекомендательное письмо къ министру финансовъ отъ нѣкоей Елизаветы Петрищевой, которая любезно проситъ министра исходатайствовать Высочайшее разрѣшеніе. И министръ финансовъ это разрѣшеніе испросилъ [1]).

Возможность разбогатѣть съ правительственною помощью заставляла многихъ русскихъ предпринимателей переносить центръ своего вниманія не столько на экономическіе успѣхи, сколько на политическое благонравіе. Этимъ путемъ устанавливался своеобразный искусственный подборъ. Процессъ роста личныхъ богатствъ сплошь и рядомъ зависѣлъ не отъ высокой степени личной годности, личнаго умѣнья, личной ловкости, а отъ большей способности къ угодливости или отъ родственныхъ и другихъ связей. Внѣ этого процесса оставался лишь тотъ слой богатыхъ людей, который постепенно выдѣлялся и обособлялся изъ низшихъ народныхъ слоевъ и составлялъ себѣ состояніе главнымъ образомъ путемъ эксплоатаціи мелкаго люда; но среди крупныхъ предпринимателей, которымъ волей-неволей приходилось имѣть дѣло съ казною, какъ источни-

---

[1]) *М. Соболевъ.* «Таможенная политика Россіи» (Томскъ, 1911, стр. 542, 344, 346).

комъ экономическихъ благъ, сильно сказывалось вліяніе искусственнаго правительственнаго подбора.

Если мы опять обратимся къ старинѣ, то столкнемся прежде всего съ тѣмъ любопытнымъ явленіемъ, что лично пріобрѣтенныя богатства отличались въ Россіи чрезвычайною недолговѣчностью; въ ближайшихъ уже поколѣніяхъ они часто таяли. На это явленіе обратилъ вниманіе извѣстный дворянскій публицистъ екатерининской эпохи, кн. Щербатовъ. Онъ подчеркнулъ существующее въ этомъ отношеніи различіе между Европою и Россіей. «Воззримъ мы на нашихъ купцовъ,—писалъ онъ:—они похожи на листья древесные, которые и отъ жару, и отъ вѣтру, и отъ осени обваливаются. Журавлевы, Истомины, Лузины, Затрапезные упали, а Пеясы въ Голландіи уже многіе роды пребываютъ» [1]. На Западѣ складывались цѣлыя династіи крупныхъ предпринимателей, изъ рода въ родъ переходили крупные торговые дома, все раздвигавшіе рамки своей промышленной дѣятельности. Въ Россіи, за единичными исключеніями, крупныя состоянія и предпріятія быстро разрушались и растрачивались. Это и понятно. На Западѣ ростъ частныхъ богатствъ совершался въ зависимости отъ выработки и подбора извѣстныхъ личныхъ качествъ, необходимыхъ для побѣды въ экономической борьбѣ, и эти личныя качества передавались и укрѣплялись изъ рода въ родъ. Такъ складывались и крѣпли цѣлыя промышленныя династіи въ родѣ знаменитыхъ Фуггеровъ, совершавшихъ переворотъ въ хозяйственной жизни. У насъ мѣсто этого естественнаго экономическаго подбора въ значительной степени было занято искусственнымъ подборомъ. Процессъ образованія личныхъ богатствъ сплошь и рядомъ былъ оторванъ отъ процесса выработки соотвѣтствующихъ личныхъ качествъ, съ которымъ онъ неразрывно сросся на Западѣ. Лица, разбогатѣвшія на Руси съ правительственною помощью, далеко не всегда обладали личными качествами, которыя обусловливали бы ихъ побѣду въ суровой экономической борьбѣ— и часто въ ней погибали, иногда сами, иногда во второмъ или третьемъ поколѣніи. Если просмотрѣть біографіи русскихъ богачей восемнадцатаго, а частью и девятнадцатаго вѣка, то мы увидимъ, что многіе изъ нихъ, разбогатѣвшіе на политической, а не на экономической почвѣ, не были способны къ той стойкой, упрямой и жестокой экономической борьбѣ, которую вели западно-европейскіе горожане или русскіе богатѣи, вышедшіе изъ народа и проложившіе себѣ дорогу къ богатству собственными крѣпкими кулаками.

---

[1] Кн. Щербатовъ, Сочиненія, т. I (Спб., 1896, стр. 628).

И. Сиговъ сообщаетъ интересныя данныя о родословной нѣкоторыхъ крупныхъ уральскихъ горнозаводчиковъ. Савва Яковлевъ былъ раньше разносчикомъ мяса. Звонкимъ и сладкимъ голосомъ онъ привлекъ къ себѣ вниманіе императрицы Елизаветы, которая и сдѣлала его поставщикомъ императорской кухни и кухонь крупныхъ вельможъ. На этомъ поприщѣ онъ наживаетъ большіе капиталы, становится поставщикомъ арміи, затѣмъ питейнымъ откупщикомъ. Во второй половинѣ XVIII в. онъ уже уральскій горнопромышленникъ. Л. Лазаревъ—армянинъ по происхожденію. При Петрѣ I-мъ онъ былъ скромнымъ переводчикомъ. При Екатеринѣ начинаетъ торговать шелковыми тканями. На него падаетъ лучъ вниманія одного изъ всесильныхъ вельможъ, назначившаго его придворнымъ ювелиромъ. Онъ подноситъ императрицѣ крупный алмазъ и сразу попадаетъ на стезю богатства. Ему отдаютъ въ управленіе огромныя имѣнія, и скоро онъ становится богатымъ уральскимъ заводчикомъ. Бар. Шембергъ сдѣлался владѣльцемъ громадныхъ Гороблагодатскихъ заводовъ исключительно благодаря покровительству всесильнаго Бирона, привезшаго его съ собою изъ Саксоніи. На Уралѣ онъ произвелъ такія хищенія, что даже многотерпѣливое тогдашнее правительство должно было попросить его вернуться въ Саксонію. Саломірскій разбогатѣлъ исключительно благодаря тому, что его бабушка счастливо ворожила Аракчееву. Пріобрѣтя власть, Аракчеевъ вспомнилъ о бабушкѣ и блестяще устроилъ на Уралѣ внука [1]). Родословныя уральскихъ богачей не обнаруживаютъ, такимъ образомъ, блестящихъ личныхъ талантовъ. Большинство сдѣлалось богачами благодаря помощи сильныхъ міра сего.

Подобными путями складывались состоянія множества богатыхъ русскихъ людей.

На ряду съ этимъ, конечно, шло образованіе и разростаніе того слоя буржуазіи, который выдѣлился изъ народа и добывалъ свои богатства изъ народной почвы.

И когда мы теперь встрѣчаемся съ фактами и утопіями экономическаго націонализма, когда проекты новыхъ желѣзнодорожныхъ линій разсматриваются съ точки зрѣнія партійнаго состава пайщиковъ, когда на страницахъ «Нов. Времени» доказывается необходимость «отрѣшить» московскихъ купцовъ и промышленниковъ отъ фабрикъ и заводовъ за ихъ протестъ противъ разгрома московскаго

---

[1]) И. Сиговъ, «Народъ и поссесіонное владѣніе на Уралѣ» («Рус. Бог.» 1899 г., кн. 3).

университета, то это націоналистическая улица домогается повторенія тѣхъ историческихъ явленій, которымъ посвящена настоящая статья.

П. Берлинъ.

ПЯТЫЙ ЮБИЛЕЙ „НОВОЙ ФИЛОСОФІИ.“

Nullius in Verba.

Въ Лондонѣ, 16 іюля, праздновалась 250-лѣтняя годовщина основанія *Королевскаго Общества* «для содѣйствія успѣхамъ естествознанія», какъ опредѣлялась задача его дѣятельности въ помѣченной 15-мъ іюля 1662 г. первой его хартіи. Одно изъ древнѣйшихъ обществъ этого рода, [1]) возникнувъ для борьбы съ метафизикой и схоластикой, оно всей своей дѣятельностью, прошлой и современной, оказалось несомнѣнно наиболѣе выдающимся. Помянуть эту славную дѣятельность, отражающую одно изъ важнѣйшихъ движеній человѣческой мысли за послѣдніе три вѣка, тѣмъ болѣе умѣстно, что въ настоящее время подъ лозунгомъ «возврата къ философіи» и нерѣдко съ приставкою *нео* (вплоть до фигурировавшаго на послѣднемъ философскомъ съѣздѣ *нео-схоластицизма*), обнаруживаются новыя теченія, которыя удобно характеризовать общимъ собирательнымъ прозвищемъ *нео-обскурантизма*. Всѣ они имѣютъ своей безнадежной задачей — сообщить обратный ходъ трехвѣковому поступательному движенію научной мысли.

---

[1]) Королевское Общество занимаетъ положеніе, соотвѣтствующее академіямъ другихъ странъ. Гёксли однажды выразился такъ: «По счастію, Англія никогда не имѣла академіи». Изъ обществъ, посвятившихъ свою дѣятельность естествознанію, ранѣе всего появившихся въ Италіи, первымъ была основанная Джалобатистой Порта въ Неаполѣ Academia Secretorum Naturae, членомъ которой могъ быть только сдѣлавшій какое-нибудь научное открытіе. Она на цѣлое столѣтіе опередила Королевское Общество и Парижскую Академію, но вскорѣ была закрыта папой Павломъ V. Черезъ полъ-вѣка возникла въ Римѣ Academia dei Lincei и во Флоренціи основана Academia del Cimento. Флоренція только на нѣсколько лѣтъ опередила Парижъ и Лондонъ. Неоффиціально Парижская академія появилась ранѣе Королевскаго Общества, но оффиціально возникла четырьмя годами позже.

Первое извѣстіе [1]) о возникновеніи кружка или клуба, послужившаго ядромъ для будущаго Королевскаго Общества, гласитъ: «Около 1645-го года, проживая въ Лондонѣ (въ то время академическія занятія, вслѣдствіе междуусобной войны, почти прекратились въ обоихъ университетахъ), я имѣлъ случай познакомиться съ кружкомъ почтенныхъ людей, интересовавшихся различными отраслями человѣческаго знанія, особенно тѣмъ, что теперь называютъ *Новой или Экспериментальной Философіей*. «Эта *Новая Философія* со времени *Галилея* во *Флоренціи* и *сэра Франсиса Бэкона* (*лорда Верулама*) въ *Англіи* много изучается въ *Италіи, Франціи, Германіи*, равно какъ и у насъ въ *Англіи*».

Собирался этотъ кружокъ у различныхъ частныхъ лицъ и занимался «*Физикой, Анатоміей, Геометріей, Астрономіей, Навигаціей, Статистикой, Магнетикой, Химикой, Механикой* и вообще естественными *экспериментами*», для чего выбиралось помѣщеніе такихъ лицъ, которыя имѣли въ своемъ распоряженіи точильщиковъ стеколъ для телескоповъ и микроскоповъ, или въ аптекахъ, представлявшихъ особыя для того удобства. Въ частности вопросы, занимавшіе этотъ кружокъ были слѣдующіе: *Кровеобращеніе и венные клапаны. Коперникова система. Природа кометъ и новыхъ звѣздъ. Овальная форма Сатурна. Солнечныя пятна. Усовершенствованіе телескопа и шлифовка стеколъ. Вѣсъ воздуха и ртутный опытъ Торичелли. Паденіе и ускореніе твердыхъ тѣлъ*. Кружокъ, названный Бойлемъ «Невидимой коллегіей», продолжалъ собираться разъ или два въ недѣлю, обложивъ своихъ участниковъ сборомъ по шиллингу въ недѣлю для покрытія расходовъ на опыты, вплоть до 1658 г., когда военныя событія (коллегія Грешама, гдѣ происходили собранія, была наводнена солдатчиной) вынудили его прекратить свои засѣданія. Съ реставраціей, въ 1660 г., онъ снова возобновился, и въ 1662 г. кружку удалось добиться признанія его, какъ узаконенной корпораціи. Первая хартія, утверждавшая права общества, издана 15-го іюля 1662 года. Съ этого времени общество ведетъ свое существованіе, хотя вслѣдъ за первой послѣдовали двѣ новыя хартіи, еще болѣе расширявшія его права. Утвержденный ими уставъ общества съ небольшими измѣненіями дѣйствуетъ и до сихъ поръ.

Карлъ II до сихъ поръ носитъ названіе основателя общества,

---

[1]) Оно сохранилось въ письмахъ Дж. Уоллиса, математика (род. въ 1616 г., ум. въ 1682 г.). Всѣ сообщаемыя здѣсь свѣдѣнія заимствованы мною изъ «Record of the Royal Society», 1901 г.; «The Royal Society, by sir William Huggins», 1906 г.; «Year-book of the Royal Society», 1912 г.; «Proceedings of the Royal Society, 1912 г. Свѣдѣнія о празднествѣ взяты изъ Times Nature, Morning Post и другихъ газетъ.

и его имя поминается съ благодарностью. «Двѣсти пятьдесятъ лѣтъ—такой срокъ»,—иронически замѣчаетъ Times,—«который позволяетъ относиться снисходительно даже къ реакціонному монарху». Лѣнивый, развратный, безпринципный, продававшій жизненные интересы родной страны ради пенсіи, получаемой отъ Людовика XIV, онъ обладалъ двумя качествами, если не искупавшими его пороковъ, то значительно смягчавшими отношеніе къ нему. Онъ умѣлъ очаровывать всѣхъ, приходившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе, своею изящною простотою и привѣтливостью. «Его отказы доставляли болѣе удовольствія, чѣмъ награды его отца и его брата Іакова», замѣчалъ одинъ современникъ. Не лишенъ онъ былъ и нѣкоторой доли остроумія; однажды на укоръ, что онъ прекрасно говоритъ, но дурно поступаетъ, онъ находчиво отвѣтилъ: «очень просто: мои слова принадлежатъ мнѣ, а мои поступки—моимъ министрамъ». Тѣмъ болѣе долженъ былъ онъ очаровывать людей, не просившихъ у него денегъ, которыхъ у него никогда не было, и къ тому же занимавшихся дѣломъ, которому онъ искренне сочувствовалъ: это была его вторая похвальная сторона. Какъ истинный сынъ своего вѣка, онъ глубоко интересовался экспериментальной наукой, особенно химіей, а имя его достойнаго друга Букингама даже постоянно встрѣчалось рядомъ съ именемъ Бойля. По счастію, всѣ милости короля ограничились простымъ фактомъ регистраціи устава и нѣкоторыми внѣшними знаками почета—правомъ на гербъ, съ его знаменитымъ девизомъ *Nullius in Verba* и серебряный жезлъ (mace), въ отсутствіи котораго до сихъ поръ ни одно засѣданіе не считается законнымъ [1]. Изъ болѣе существенныхъ для того времени правъ можно указать развѣ на право пользоваться для анатомическихъ изслѣдованій трупами казненныхъ преступниковъ. Карлъ, впрочемъ, имѣлъ намѣреніе и матеріально помочь обществу, предоставивъ ему долю въ расхищеніи Ирландіи или какую-то монополію по выдачѣ привилегій на изобрѣтенія. По счастію, эти задуманныя благодѣянія не состоялись, и вѣчной гордостью общества остался тотъ фактъ, что за все свое существованіе оно не получило отъ правительства ни одного пенса. Какъ смотрѣло основанное общество на свои задачи и на встрѣченную у Карла II поддержку, видно изъ оцѣнки его дѣятельности первымъ историкомъ общества (черезъ пять лѣтъ его существованія, въ 1667-мъ году). «Основаніе общества и покровительство ему можетъ быть приравнено къ самымъ виднымъ подвигамъ просвѣ-

[1] Существуетъ преданіе, будто онъ передѣланъ изъ прежняго парламентскаго жезла, относительно котораго Кромвель когда-то распорядился: «Уберите вонъ эту шутовскую погремушку (this bauble)». Повидимому эта легенда не имѣетъ основанія.

щенныхъ государей. Увеличивать власть человѣка надъ природой и освобождать его отъ рабства предразсудку—поступки болѣе славные, чѣмъ порабощеніе цѣлыхъ имперій и наложеніе цѣпей на выи народовъ».

Съ первыхъ своихъ шаговъ общество ясно опредѣлило свою задачу—«совершенствовать познаніе природы путемъ опыта», во всемъ, начиная съ своего девиза, подчеркивая враждебное отношеніе къ чисто словесному, силлогистическому направленію философіи схоластической. Опытамъ отводилось въ засѣданіяхъ совсѣмъ независимое значеніе, а не только какъ дополненіямъ словесныхъ сообщеній. Второй задачей было установленіе сношеній съ другими родственными обществами. Первое письмо, записанное въ протоколахъ общества, было адресовано нѣкоему M-r Monmort, въ домѣ котораго, въ Парижѣ, собирался кружокъ ученыхъ, превратившійся затѣмъ въ Академію наукъ. Такъ какъ опыты играли главную роль въ дѣятельности общества (на нихъ приглашали самого основателя, Карла II), то однимъ изъ первыхъ дѣлъ было учрежденіе «кураторовъ», на обязанности которыхъ лежало заботиться о лучшей обстановкѣ опытовъ. Первымъ кураторомъ былъ знаменитый Гукъ, авторъ Micrographia—первой книги, гдѣ излагались основы микроскопическаго изслѣдованія, а черезъ нѣсколько лѣтъ—Грю, основатель анатоміи растеній вмѣстѣ съ Мальпиги. Гуку вскорѣ былъ данъ въ помощники не менѣе извѣстный Дени Папенъ, бѣжавшій изъ Франціи изобрѣтатель паровой машины, еще болѣе извѣстный своимъ «котломъ», т. е. дигесторомъ, при помощи котораго онъ угощалъ на одномъ изъ засѣданій всѣхъ присутствующихъ «превосходнымъ желе, приготовленнымъ изъ костей». Вотъ протоколъ одного изъ первыхъ засѣданій общества въ 1662 г.

«Куратору—мистеру Круну [1]) поручено, справившись въ сочиненіяхъ Галилея, произвести опытъ надъ разрывомъ проволокъ различныхъ металловъ.

Докторъ Годардъ показалъ опыты надъ измѣреніемъ сжатія воздуха.

Докторъ Ренъ [2]) (Wren) говорилъ о движеніяхъ спутниковъ Юпитера.

Докторъ Годардъ производилъ надъ присутствующими опытъ измѣренія емкости легкихъ.

---

1) Учредившему позднѣе знаменитую до сихъ поръ существующую Круніанскую лекцію.

2) Онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ англійскаго Да-Винчи. Великій художникъ (строитель собора св. Павла), астрономъ, физіологъ, химикъ, онъ первый обнаружилъ присутствіе углекислоты въ атмосферномъ воздухѣ.

Мистеръ Эвелинъ показывалъ результатъ опытовъ надъ прививкою органовъ у животныхъ (напримѣръ шпоръ на головѣ пѣтуха) [1]).

Послѣдовало обсужденіе вопроса о существованіи половъ у растеній.

Мистеръ Бойль познакомилъ присутствующихъ съ жидкостью для сохраненія животныхъ препаратовъ (цѣлаго щенка)».

Изъ этого протокола видно, какъ широка и разнообразна была программа занятій общества, съ первыхъ же шаговъ насчитывавшаго въ своихъ рядахъ такихъ выдающихся людей, какъ Бойль и Ренъ. Это разнообразіе предметовъ уже черезъ два года (1664 г.) побудило создать нѣсколько постоянныхъ комитетовъ: 1) Механическій, 2) Астрономическій и оптическій, 3) Анатомическій, 4) Химическій, 5) Географическій, 6) Исторіи ремеслъ, 7) Для регистраціи всѣхъ явленій природы и опытовъ, когда-либо произведенныхъ или упоминаемыхъ, 8) Для корреспонденціи. Послѣдній отдѣлъ указываетъ, что общество сознавало необходимость привлечь къ своей дѣятельности и постороннихъ ученыхъ. Первымъ былъ выбранъ въ 1663-мъ году Гейгенсъ—знаменитый голландскій физикъ, будущій соперникъ Ньютона [2]). Вслѣдъ за тѣмъ оно озаботилось о сохраненіи плодовъ своей дѣятельности въ болѣе прочной формѣ, чѣмъ протоколы засѣданій и переписка съ иностранными учеными: оно приступило къ печатанію вскорѣ ставшихъ всемірно извѣстными Philosophical Transactions и наконецъ стало выпускать самые выдающіеся труды отдѣльными изданіями. Первыя изданія связаны съ возникшимъ въ то время примѣненіемъ микроскопа къ изученію организмовъ: это были *Micrographia* Гука (1665 г.); *Anatome plantarum* Марчелло Мальпиги (1675 г.) и *Anatomy of Plants* Грю (1682 г.). Черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ основанія общества оно издало *Philosophiae naturalis principia mathematica*, Исаака Ньютона. Съ этого момента міровая роль общества была установлена: его дальнѣйшая исторія совпадаетъ съ исторіей науки, съ исторіей человѣческой мысли. Просматривая списки его членовъ (болѣе десяти тысячъ), встрѣчаешь всѣ славныя имена, отмѣтившія развитіе человѣчества въ направленіи «Новой философіи», представляющее въ теченіе трехъ вѣковъ побѣдное шествіе той (по пророческому выраженію Роджера Бэкона) *Scientia scientiarum*, которая окончательно вытѣснила метафизическую философію, когда-то гордив-

[1]) Опыты, и теперь еще занимающіе ученыхъ.

[2]) Россія дала: въ XVIII вѣкѣ Меншикова, Разумовскаго, Чернышева, Голицына и Мусина-Пушкина, въ XIX-мъ и XX-мъ Бэра, Струве, Чебышева, Менделѣева, Ковалевскаго (А.), Мечникова, Павлова, Баклунда и Тимирязева.

шуюся своей ролью Ancillae Theologiae и на развалинахъ обѣихъ водворила философію науки, философію положительную. Перебирая списки членовъ, мы встрѣчаемся съ различными теченіями научной мысли поочередно смѣнявшими одно другое и почти поглощавшими наличныя силы еще немногочисленной арміи ученыхъ. Вотъ Гукъ, Мальпиги, Грю, Левенгукъ—это первое пробужденіе микроскопическихъ изслѣдованій, вскорѣ заглохнувшее чуть не на цѣлое столѣтіе. Вотъ Бойль, Ренъ, Мэйо [1]) и первый проблескъ химіи, которой тоже суждено замереть на цѣлое столѣтіе. Вотъ, во второй половинѣ XVII и первой половинѣ XVIII вв., съ Ньютономъ во главѣ, блестящій расцвѣтъ физики, математики и астрономіи (Фламстедъ, Галлей, Кассини, Лейбницъ, Бернули и др.). Въ срединѣ XVII вѣка Линней, Бюфонъ, Добантонъ, Жюсьё и другіе отмѣчаютъ развитіе систематическаго естествознанія. Конецъ XVIII вѣка и начало XIX-го знаменуются рожденіемъ химіи и новымъ развитіемъ физики, механики и астрономіи (Кавендишъ, Пристлей, Лавуазье, Бертоле, Вольта, Румфордъ [Томсонъ], Лагранжъ, Лапласъ, Гершель и др.). Съ девятнадцатымъ вѣкомъ почти всѣ отрасли естествознанія начинаютъ двигаться фронтомъ; появляются и новыя его отрасли и новыя теченія (Дэви, Долтонъ, Берцеліусъ, Либихъ, Бунзенъ, Бертло, Юнгъ, Френель, Джоуль, Киргофъ, Гельмгольтцъ, Гёггинсъ, Кювье, Броньяръ, Бэръ, Лайель, Мюллеръ (I.) Клодъ Бернаръ, Дарвинъ и др.) и наконецъ исходъ XIX и начало XX вв. отмѣчается небывалымъ развитіемъ физики, преимущественно трудами англійскихъ ученыхъ: Кельвинъ (Томсонъ), Стоксъ, Максуэль, Рэллей, Круксъ, Дж. Томсонъ и др. Можно сказать, что за все время существованія К. О. не было того движенія въ наукѣ, которому оно черезъ своихъ членовъ (англійскихъ или иностранныхъ) не было бы причастно или не стояло бы во главѣ его.

Блестящій составъ членовъ какъ національныхъ, такъ и иностранныхъ, обезпечивался независимымъ характеромъ общества и строгой процедурой выборовъ, оберегающей отъ внѣшняго давленія, а равно и отъ небрежности и кумовства, столь обычныхъ въ оффиціальныхъ академіяхъ [2]). Членами могли быть почти исключи-

---

[1]) Геніальный, рано умершій, опередившій свой вѣкъ, теперь всѣми признанный предтеча Лавуазье и Роберта Майера.

[2]) Такъ напримѣръ, для выбора иностранныхъ членовъ существуетъ такая процедура. Ведется книга, въ которой каждый членъ общества можетъ вносить мотивированное предложеніе иностраннаго ученаго «изъ особенно извѣстныхъ своими научными открытіями». Записи эти препровождаются всѣмъ членамъ совѣта общества, съ указаніемъ дня засѣданія совѣта для ихъ обсужденія. По обсужденіи заслугъ этихъ ученыхъ составляются списки, изъ которыхъ въ послѣдующемъ засѣданіи совѣта дѣлается выборка лицъ, предлагаемыхъ къ избранію въ текущемъ году. Въ этомъ вторичномъ за-

тельно занимающіеся наукой, но иногда допускались исключенія для иного рода извѣстностей. Такъ напримѣръ, членами общества были Вольтеръ, Байронъ, Веллингтонъ, Маколей, Гладстонъ. Такъ же осмотрительно было общество и въ выборѣ своихъ президентовъ. Самымъ славнымъ изъ нихъ былъ конечно Ньютонъ, занимавшій этотъ постъ въ теченіе 25 лѣтъ. Онъ не только отбросилъ на общество блескъ своего имени, но, повидимому, заботился обо всемъ, вплоть до мелочей. На сдѣланный заемъ, онъ купилъ обществу домъ, гдѣ и происходили нѣкоторое время засѣданія. Сохранилось его распоряженіе о вывѣшиваніи фонаря у входа съ Канонъ-стрита въ тѣ вечера, когда бывали засѣданія общества—это напоминаетъ намъ, что въ то время Лондонъ, какъ и всѣ города Европы, по ночамъ былъ еще погруженъ въ непроглядный мракъ. Другимъ президентомъ, занимавшимъ свою должность еще долѣе—цѣлыхъ 41 годъ, былъ Банксъ, прославившійся какъ натуралистъ, сопутствовавшій Куку въ его первомъ путешествіи. Это призидентство (1778 — 1820) отличалось заботами о матеріальномъ процвѣтаніи общества. Стараніями Банкса общество переселилось изъ своего, купленнаго Ньютономъ дома въ извѣстный Сомерсетъ-Гаузъ [1]), соединявшій въ себѣ самыя разнообразныя правительственныя учрежденія. Оттуда оно въ 1859 г. перебралось въ не менѣе извѣстный Бурлингтонъ-Гаузъ, вмѣщающій чуть не всѣ главныя культурныя учрежденія страны. Кромѣ Королевскаго общества, въ немъ помѣщается Королевская Академія Художествъ, Линнеевское, Астрономическое Географическое, Геологическое, Химическое, Физическое и др. ученыя общества. О Банксѣ сохранилось воспоминаніе какъ о почти деспотическомъ правителѣ. Мало по малу, во второй половинѣ XIX вѣка состоялось, какъ нерѣдко въ Англіи, неписанное соглашеніе, чтобы ни одинъ президентъ не оставался на своемъ посту болѣе пяти лѣтъ, благодаря чему за послѣдніе годы на президентскомъ креслѣ успѣлъ перебывать цѣлый рядъ выдающихся ученыхъ: Эри, Гукеръ, Гексли, Стоксъ, Кельвинъ, Листеръ, Гёггинсъ, Рэлей и нынѣшній президентъ Гики.

сѣданіи совѣта кандидаты баллотируются и получившіе $^2/_3$ голосовъ предлагаются въ ближайшее очередное засѣданіе общества, списокъ вывѣшивается до слѣдующаго засѣданія, когда производятся выборы. Таковы гарантіи, которыми обставленъ доступъ въ это единственное въ своемъ родѣ учрежденіе.

[1]) И это помѣщеніе не было даромъ правительства, такъ какъ въ обмѣнъ оно получило цѣнныя коллекціи К. О., поступившія въ Британскій Музей и въ College of Surgeons.

Одинъ изъ послѣднихъ президентовъ общества, извѣстный астрономъ, основатель современной астро-физики сэръ Вильямъ Гёггинсъ, покидая въ 1906-мъ году свой постъ, издалъ, подъ заглавіемъ The Royal Society, изящно иллюстрированный томъ, въ которомъ собралъ свои ежегодныя президентскія рѣчи, представляющія не только краткій очеркъ исторіи, но блестящее изложеніе заслугъ и современныхъ задачъ общества. Этотъ сборникъ доставилъ богатый и готовый матеріалъ и для тѣхъ рѣчей и статей, которыми былъ отмѣченъ недавній юбилей.

Соглашаясь, что хотя общество и возникло, такъ сказать, подъ наитіемъ идей Франциска Бэкона, если не творца то, по его собственнымъ словамъ, глашатая, герольда (buccinator), возвѣщавшаго наступленіе царства человѣка (Imperium hominis), т. е. побѣду надъ природой не путемъ словесныхъ, діалектическихъ ухищреній, а путемъ опыта и наблюденія — Гёггинсъ указываетъ, что осуществило оно свои задачи не въ тѣхъ условіяхъ, какія представлялись Бэкону, а въ совершенно иныхъ, особенно въ послѣдніе полъ-вѣка своего наиболѣе плодотворнаго существованія. «Конечно»— говоритъ онъ—«ни одинъ изъ основателей общества въ самыхъ смѣлыхъ своихъ мечтахъ не могъ бы предсказать тѣхъ изумительныхъ «усовершенствованій естествознанія», которыя осуществились при содѣйствіи методовъ опыта и индукціи. Едва ли не еще болѣе поразили бы ихъ тѣ условія, при которыхъ осуществилось это великое дѣло. Даже самые передовые люди того времени еще находились подъ вліяніемъ идей, навѣянныхъ монастырской кельей. Имъ все еще представлялась академія, члены которой живутъ, отгородившись отъ общаго теченія жизни, свободные отъ ея заботъ, чуждые ея интересамъ. Мы встрѣчаемъ это и въ Соломоновомъ домѣ Бэкона, и въ его классической «Новой Атлантидѣ», а, можетъ быть, еще опредѣленнѣе въ томъ проектѣ научной коллегіи, который благородный Эвелинъ [1]) передалъ на разсмотрѣніе Бойля, или въ проектѣ коллегіи для «*Экспериментальной философіи*», придуманномъ поэтомъ Коули. А въ дѣйствительности великое дѣло, осуществленное обществомъ, создалось не въ отшельничествѣ монастыря или академіи, а, такъ сказать, на міру. Его члены не поддерживались на средства общества въ атмосферѣ ученаго досужества, а несли каждый свою долю участія въ мірскихъ дѣлахъ и сами жертвовали свои средства на поддержку общества. При такихъ условіяхъ не было и надобности ограничивать ихъ число 27 отцами «Соломонова дома» или 20 философами, какъ

---

1) Одинъ изъ главныхъ учредителей К. О.

у Коули. Четыреста пятьдесятъ членовъ общества, всѣ участвующіе въ общей жизни народа—великая сила; каждый изъ нихъ оказываетъ воздѣйствіе на окружающихъ его, и Общество, подобно дрожжамъ, вноситъ въ умы всего народа живительный ферментъ естествознанія. Я думаю, что и обратно на самихъ членовъ Общества это непрерывное соприкосновеніе съ дѣятельностью и нуждами общей всѣмъ жизни служитъ стимуломъ, будящимъ ту живость ума, которая такъ благопріятствуетъ успѣхамъ научныхъ открытій. И тѣмъ не менѣе, въ сущности, можетъ быть, эти отдаленные предки наши были не совсѣмъ неправы, отстаивая мысль, лежащую въ основѣ ихъ стремленій къ садамъ академіи и къ монашеской кельѣ,—мысль, что простота жизни и безраздѣльное посвященіе себя поискамъ за истиной, неотвлекаемымъ погонею за мишурнымъ блескомъ соціальныхъ отличій и внѣшняго успѣха—дѣйствительно самыя существенныя условія, при которыхъ человѣкъ всего успѣшнѣе проникаетъ въ тайники природы. Право же, человѣкъ, исключительно предающійся изученію природы, создаетъ себѣ одно изъ лучшихъ положеній, какое только можетъ доставить жизнь». Эти слова, дышащія такимъ здоровымъ энтузіазмомъ къ наукѣ, произносилъ на девятомъ десяткѣ своей жизни человѣкъ, самъ создавшій цѣлую новую науку—астро-физику [1].

Обращаясь къ оцѣнкѣ дѣятельности Общества, Гёггинсъ прежде всего останавливается на томъ, что наука, развитію которой оно служило со дня дарованія ему первой хартіи, совершила переворотъ въ основномъ складѣ современной жизни и мысли. «Какъ великъ переворотъ въ сферѣ матеріальной, мы это ощущаемъ каждый день съ утра и до вечера—утромъ, когда беремъ въ руки газету, которая, побѣждая пространство, приноситъ намъ вчерашнія вѣсти со всѣхъ концовъ міра; вечеромъ, когда надвигающійся мракъ ночи споритъ въ яркости со свѣтомъ дня». (Невольно вспоминается убогій фонарь, освѣщавшій при Ньютонѣ входъ въ Общество). «Но едва ли не болѣе громаденъ переворотъ въ томъ, что мы думаемъ и какъ мы думаемъ, — переворотъ въ основномъ складѣ мышленія современнаго человѣчества».

«Переворотъ, совершившійся въ общемъ охватѣ и складѣ мышленія англійской націи, особенно за послѣднее полъ-столѣтіе, выразился двояко: въ разрушеніи унаслѣдованныхъ предразсудковъ и традиціонныхъ мнѣній—какъ результатѣ научныхъ открытій, и въ установленіи болѣе свободнаго, непосредственнаго склада мышленія, какъ послѣдствіи экспериментальнаго изученія природы. Королев-

---

[1] См. воспоминаніе о немъ въ моей статьѣ: «*Годъ итоговъ и поминокъ*» (В. Е., 1910).

ское Общество явилось порожденіемъ того новаго вѣянія, которое отмѣтило начало семнадцатаго вѣка и выразилось въ борьбѣ съ схоластицизмомъ и его чисто силлогистическимъ методомъ изученія естественныхъ явленій, и въ постепенно нароставшемъ убѣжденіи, что изученіе природы возможно только путемъ прямого обращенія къ ней самой, черезъ посредство опыта. Самымъ оригинальнымъ и плодотворнымъ представителемъ этого умственнаго броженія былъ конечно этотъ «крутобровый Веруламъ» «Instaurator Artium», какъ величаетъ его фронтисписъ, украшающій первую исторію общества. Но не забудемъ и его одноименнаго предшественника, Роджера Бэкона [1]). Съ убѣдительною аргументаціей, которая сдѣлала бы честь и вчерашнему дню, гонимый монахъ отринулъ философію, гордившуюся своимъ титуломъ Ancilla Theologiae, и отвелъ высшее мѣсто экспериментальной наукѣ, назвавъ ее *Domina omnium Scientiarum*. Но прошло много времени, а между человѣкомъ науки и человѣкомъ средняго образованія не могло установиться дѣйствительнаго умственнаго общенія. Умъ, пріученный къ безпрекословному подчиненію внушеніямъ традиціонныхъ авторитетовъ, и умъ, жадно стремившійся самъ открывать новыя истины въ духѣ девиза общества: *Nullius in Verba*—эти два ума почти не имѣли точекъ соприкосновенія, даже отталкивали другъ друга. Да иначе и быть не могло: не существовало популярной литературы, а въ школахъ раздавалась монотонная долбня освященныхъ временемъ авторитетовъ, ни на минуту не прерывавшаяся ликующимъ «эврика», вызываемымъ хотя бы самымъ простымъ опытомъ или личнымъ наблюденіемъ природы».

«Въ мірѣ мысли ощущалась потребность въ чемъ-то подобномъ удару грома или подземному удару землетрясенія—и онъ раздался. Около средины девятнадцатаго вѣка накопившееся высокое давленіе научнаго прогресса нашло себѣ исходъ во взрывѣ, отразившемся въ умахъ всей націи, а затѣмъ и всего мыслящаго міра».

«Внезапность и потрясающая сила взрыва были таковы, что никакія метафоры не были бы достаточно сильны, чтобы ихъ изобразить. Два раза падали перуны, и два раза съ безпримѣрной въ исторіи быстротой, можно сказать—въ одинъ день, человѣчество измѣняло свои коренныя убѣжденія. Мѣняло оно ихъ не по какому-нибудь неважному и одиноко стоящему пункту, но каждый разъ теряло основную позицію, лишалось ключа свода, покоившагося на издавна взлелѣянныхъ идеяхъ и предразсудкахъ. То, что случилось,

---

[1]) Семисотлѣтіе со дня рожденія Р. Бэкона міръ, конечно, отмѣтитъ черезъ два года (1914).

не было со стороны всего человѣчества только простымъ допущеніемъ новыхъ мнѣній; нѣтъ, это было полнымъ извращеніемъ былыхъ вѣрованій, отказомъ отъ воззрѣній, ставшихъ святыней, благодаря долгой, наслѣдственной ихъ передачѣ».

«Едва ли нужно пояснять, что я имѣю въ виду два открытія, послѣдовавшихъ на незначительномъ одно за другимъ разстояніи, около средины прошлаго вѣка. Первымъ изъ нихъ было установленіе геологіей громадной древности земли и глубокой давности появленія на ней человѣка, шедшее въ разрѣзъ съ почти всеобщимъ вѣрованіемъ въ противное. Вторымъ открытіемъ, не менѣе революціоннаго характера, было ученіе объ органической эволюціи, путэмъ естественнаго отбора, приведшее къ полному измѣненію воззрѣній относительно положенія самого человѣка въ природѣ».

«Я прибѣгаю къ сильнымъ выраженіямъ потому, что самъ пережилъ весь этотъ періодъ и помню ту безумную злобу, съ которой была поведена атака противъ этихъ двухъ новаторскихъ идей. Мнѣ кажется, что эти двѣ побѣды новаго знанія, одержанныя опытнымъ методомъ надъ воззрѣніями, въ которыхъ человѣческій умъ въ теченіе вѣковъ былъ скованъ преданіемъ и авторитетомъ—что эти двѣ побѣды впервые поставили естествознаніе въ его истинное положеніе непререкаемаго авторитета, передъ которымъ, въ принадлежащей ему сферѣ, все должно склоняться. До того времени наука была въ загонѣ: ее только снисходительно терпѣли, порой, пожалуй, снисходительно привѣтствовали, когда она удовлетворяла матеріальнымъ запросамъ человѣка, какъ напримѣръ въ изобрѣтеніи паровой машины или желѣзной дороги; съ ней заигрывали, даже улыбались ей въ тѣхъ случаяхъ, когда ея выводы не сталкивались съ тѣмъ, что въ школахъ признавалось за исключительную истину. Но ее съ презрѣніемъ отбрасывали, ея пророковъ покрывали позоромъ, осыпали эпитетами, заимствованными у самыхъ мрачныхъ эпохъ средневѣковья, каждый разъ, когда, вѣрная девизу Общества, она осмѣливалась произносить слова, несогласныя съ унаслѣдованными вѣрованіями. Только въ указанную эпоху за естествознаніемъ было признано принадлежащее ему по праву положеніе и авторитетъ; только съ этой поры оно стало, выражаясь словами Роджера Бэкона—«Domina omnium Scientarum».

«Съ той поры, не смотря на раздававшіяся то тутъ, то тамъ придирки, эхо которыхъ еще долетаетъ до насъ, естествознаніе заняло истинное положеніе по отношенію къ общей мысли вѣка. Его положеніе верховнаго авторитета было признано и росло съ каждымъ годомъ, подкрѣпляемое безконечнымъ рядомъ блестящихъ открытій, отмѣтившихъ послѣдніе полъ-вѣка и тѣмъ болѣе по-

вліявшихъ на умы, что они сопровождались изобрѣтеніями и практическими приложеніями, увеличивавшими, въ размѣрахъ, превышавшихъ всякую оцѣнку, силу, богатство и счастіе человѣчества».

Набросавъ картину эволюціи міра вплоть до ея заключительнаго акта, когда разумъ занялъ мѣсто, прежде исключительно принадлежавшее грубой силѣ, и человѣкъ внесъ въ міровую драму болѣе мягкій Leitmotiv жалости, милосердія и любви, Гёггинсъ заключаетъ: «Отнынѣ господствующей міровой силой является человѣческій мозгъ, смягченный движеніями сердца, и высоко развитый разумъ является главнымъ факторомъ во всѣхъ отрасляхъ индивидуальной и національной дѣятельности».

Не менѣе важно, по мнѣнію Гёггинса, и другое вліяніе, которое оказало развитіе современнаго естествознанія на человѣческую мысль. «Оно выразилось въ развитіи духа терпимости. Однимъ изъ важнѣйшихъ и плодотворнѣйшихъ результатовъ умственнаго подъема, послѣдовавшаго за тѣми двумя научными открытіями, о которыхъ шла рѣчь, явилась та почти неограниченная свобода убѣжденія, которою мы пользуемся теперь. Старѣйшіе изъ членовъ Общества, которые, подобно мнѣ, пережили знаменательную эпоху, конечно, помнятъ узкое и ханжеское настроеніе умовъ, ей предшествовавшее. Не нося прежняго названія и не пуская въ ходъ ужасовъ пытки и костра, инквизиція на дѣлѣ была въ полной силѣ. Обвиненія въ ереси пускались въ ходъ безъ всякаго стѣсненія, а тѣмъ, кто осмѣливался думать за свой счетъ, руководиться собственными сужденіями, уклоняясь отъ ходячихъ мнѣній, освященныхъ ихъ давностью, давали почувствовать, какъ тяжелъ можетъ быть общественный гнетъ, налагаемый духомъ преслѣдованія» [1]).

«Экспериментальная наука явилась освободительницей человѣческой совѣсти; она освободила человѣческій духъ изъ темницы условныхъ вѣрованій, гдѣ поколѣнія томились вѣками, скованныя догматами отдаленныхъ временъ. Мало по малу люди свыкались съ мыслью, что произвольный авторитетъ именъ и системъ, какъ бы передъ ними ни преклонялись, долженъ уступить передъ голосомъ науки, когда она говоритъ отъ имени опыта и наблюденія. Эта новая форма авторитета, которой люди мало по малу привыкли подчиняться, тѣмъ отличается отъ догматическаго авторитета прежнихъ учителей, у ногъ которыхъ они привыкли сидѣть, что она не выдаетъ своихъ сужденій за окончательныя. Къ чести и славѣ экспериментальной науки должно признать, что она постоянно ищетъ истину, все въ новыхъ напра-

---

[1]) Какъ напоминаютъ эти воспоминанія стараго ученаго нѣкоторыя мѣста изъ «On Liberty» Джона Стюарта Милля.

вленіяхъ, и всегда готова измѣнить свои мнѣнія, приводя ихъ въ согласіе съ новыми знаніями, куда бы они ее ни приводили, лишь бы только они были исторгнуты у самой природы путемъ опыта. За примѣрами ходить недалеко: вспомнимъ хотя бы неожиданно раскрывшіяся передъ нами явленія радіоактивности».

«Этимъ путемъ, за истекшіе полъ-вѣка, при значительной свободѣ, проникшей въ общій обиходъ человѣческой мысли благодаря естествознанію, люди стали привыкать къ глубокому разногласію въ личныхъ мнѣніяхъ и перестали пугаться его. Мало помалу сложился тотъ современный духъ терпимости, то признаніе за каждымъ человѣкомъ права быть единственнымъ судьей своихъ убѣжденій, т. е. дозволять себѣ руководиться собственнымъ разумомъ, требующимъ достаточныхъ основаній, чтобы вѣрить. Удивительная перемѣна уже обнаруживается во всѣхъ областяхъ мысли. Въ размѣрахъ, до сихъ поръ невиданныхъ, каждый человѣкъ думаетъ самъ за себя и не довольствуется тѣмъ, чтобы лѣниво и нехотя принимать ходячія воззрѣнія своего времени; онъ стремится все испытывать на пробномъ камнѣ опыта и наблюденія».

«Но, можетъ быть, я говорю это нѣсколько преждевременно, изображаю настоящее въ лучезарномъ сіяніи зари болѣе свободнаго будущаго, такъ какъ и теперь отъ времени до времени печать сообщаетъ намъ, что духъ преслѣдованія за убѣжденія еще не совсѣмъ исчезъ».

«Другое направленіе, въ которомъ открытія и методы естествознанія повліяли на складъ мышленія всего общества, во всѣхъ областяхъ проявленія общественнаго мнѣнія, заключалось въ измѣненіи отношенія къ истинѣ. Истина сама въ себѣ стала предметомъ поисковъ. Я не хочу этимъ сказать, чтобы, отъ времени до времени, стремленіе къ истинѣ не занимало перваго мѣста во всѣхъ честныхъ сердцахъ. Но всѣ другія стороны человѣческой дѣятельности—политика, экономика, теологія, философія дѣлятся—на школы, въ которыхъ различіе мнѣній обостряется партійною завистью и нетерпимостью. Чаще всего люди, вслѣдствіе случайности рожденія или первоначальнаго воспитанія, оказываются сторонниками той или иной партіи и почти всегда безсознательно отождествляютъ интересы этой партіи съ самой истиной. При самыхъ честныхъ намѣреніяхъ говорящихъ, аргументація, которую приходится слышать въ парламентѣ или съ платформы, почти всегда страдаетъ односторонностью, навѣянною партійными интересами и связями».

«Въ прямой противоположности съ этой узкостью мысли, видящей все сквозь миражъ партійныхъ предразсудковъ, выступаетъ абсолютная свобода ума человѣка науки, который не вѣдаетъ, или

не долженъ вѣдать, никакого духа партіи и съ распростертыми объятіями встрѣчаетъ истину, въ какой бы странной или неожиданной оболочкѣ она ни являлась ему. Въ своихъ произведеніяхъ, человѣкъ науки не знаетъ иной цѣли, кромѣ распространенія истины, насколько она извѣстна, и никогда не увлекается желаніемъ пріобрѣтать сторонниковъ для какой-нибудь партіи, какого-нибудь толка. Складъ ума человѣка науки является, можно сказать, прямой антитезой складу ума обыкновеннаго человѣка партіи».

«Свобода личнаго мнѣнія и стремленіе къ истинѣ, а не къ партійнымъ интересамъ, породили большую смѣлость въ высказываніи и въ принятіи новыхъ воззрѣній,—явленіи столь характеристичномъ для нашего времени и столь отличномъ отъ той условной осторожности, которая господствовала еще полъ-вѣка тому назадъ. Постоянная готовность къ перемѣнѣ воззрѣній, требуемая экспериментальной наукой, не грозитъ опасностью, такъ какъ она уравновѣшивается неизмѣннымъ требованіемъ ея достаточнаго обоснованія наблюденіемъ и опытомъ».

«Въ итогѣ, вліяніе науки за послѣдніе полъ-вѣка сводится къ развитію свободной личности, руководимой стимуломъ великихъ идей. Стать всѣмъ тѣмъ, чѣмъ мы только можемъ стать, какъ личности—самое славное изъ нашихъ прирожденныхъ правъ, и только осуществляя его, пріобрѣтаемъ мы наибольшую цѣнность и для общества. Въ индивидуальныхъ умахъ зарождаются величайшія открытія и революціи въ области мысли. Новыя идеи могутъ носиться въ воздухѣ и витать во многихъ умахъ, но всегда, въ концѣ концовъ, единичная личность осуществляетъ тотъ творческій актъ, который обогащаетъ человѣчество новымъ зародышемъ мысли, только позднѣе подхватываемой общественнымъ мнѣніемъ».

«Таковы тѣ глубокія измѣненія, которыя наука вызвала въ складѣ мышленія цѣлаго общества, даже не обладающаго непосредственнымъ знакомствомъ съ ея методомъ,—измѣненія, вызвавшія переворотъ почти во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности человѣческаго ума».

Каково же будетъ это вліяніе, когда естествознаніе займетъ должное мѣсто въ общей системѣ воспитанія? Этому вопросу Гёггинсъ отводитъ мѣсто въ другой своей годичной президентской рѣчи и однимъ изъ ея результатовъ было то движеніе, которое принимаетъ въ Англіи все болѣе и болѣе широкіе размѣры—движеніе въ пользу развитія болѣе широкаго преподаванія естествознанія, начиная съ

университетовъ и кончая начальной школой [1]). Движеніе это въ значительной мѣрѣ исходитъ изъ Королевскаго Общества. Здѣсь не мѣсто останавливаться на этой темѣ, талантливо развитой президентомъ Королевскаго Общества и доказывающей, что ученый, занятый своими спеціальными изслѣдованіями, создавшій новую науку, находитъ время отзываться на самые насущные вопросы жизни.

Указавъ на необходимость сближенія современной техники съ наукой и подкрѣпивъ эту мысль примѣромъ Германіи и Соединенныхъ Штатовъ, Гёггинсъ показываетъ, что никакіе успѣхи техники и школы немыслимы, пока управлять страною будутъ люди, воспитанные въ средневѣковой классической школѣ. Онъ указываетъ, что изученіе естествознанія необходимо не для однихъ спеціалистовъ, и останавливается на вліяніи, которое оказываетъ непосредственное изученіе природы на самый складъ мышленія человѣка. Какъ широко смотритъ онъ на это воспитательное значеніе естествознанія, видно изъ слѣдующихъ словъ: «Главнымъ образомъ должно заботиться о томъ практическомъ изученіи природы, которое развиваетъ благороднѣйшую изъ нашихъ способностей, состоящую въ умѣніи вызывать умственные образы, и въ своей высшей и наиболѣе плодотворной формѣ проявляющуюся не въ воспроизведеніи уже извѣстныхъ старыхъ опытовъ, а въ тѣхъ новыхъ ихъ комбинаціяхъ, той чудесной умственной алхиміи, которая вызываетъ ихъ превращенія, творитъ новые образы. Эта творческая роль воображенія—не только источникъ всякаго вдохновенія въ искусствѣ и въ поэзіи, но и родникъ научныхъ открытій, а въ жизни даетъ первый толчекъ всякому развитію, всякому прогрессу. Эта творческая сила воображенія всегда вдохновляла великихъ ученыхъ и руководила ими въ ихъ открытіяхъ».

Въ конечномъ выводѣ Гёггинсъ приходитъ къ слѣдующему заключенію.

«Придерживаясь преданій, наша высшая національная школа пріучаетъ только обращаться со словами, а не съ предметами и явленіями; она зиждется исключительно на памяти, на заучиваніи того,

[1]) Послѣдствіемъ этой рѣчи было воззваніе, съ которымъ К. О. обратилось къ университетамъ, призывая ихъ занять подобающее имъ положеніе въ этомъ движеніи. Образовалось, между прочимъ, общество учителей естествознанія въ средней школѣ, выбирающее ежегодно въ предсѣдатели выдающихся ученыхъ, по большей части F. R. S-овъ (членовъ К. О.). Этимъ устраняется закорузло-педагогическое настроеніе этого сословія, нерѣдко ставящее его въ прямо враждебное отношеніе къ представителямъ науки.

что уже извѣстно, и слишкомъ мало или вовсе не учитъ личному наблюденію и разсужденію».

«Коренною и настоятельною потребностью страны является проведеніе науки въ ея школу. Не для того только, чтобы наилучше заучивать факты, что взятое въ отдѣльности мало приноситъ пользы, но для того, чтобы воспитать свой умъ на строгихъ научныхъ методахъ и началахъ».

«Въ настоящемъ вѣкѣ успѣхъ будетъ обезпеченъ не за націей атлетовъ и классиковъ [1]), но за страной тѣхъ людей, кто, получивъ воспитаніе въ строгихъ методахъ науки, будутъ обладать знаніемъ и, что еще важнѣе, живостью ума, необходимой для того, чтобы черпать изъ всѣмъ доступной неистощимой сокровищницы природы».

«Scientia vinces»—былъ послѣдній завѣтъ родной странѣ престарѣлаго ученаго, покидавшаго постъ президента такъ горячо любимаго имъ Общества. Два года не дожилъ онъ до пятаго юбилея [2]), но отголоски его рѣчей слышались во всемъ, что говорилось на этомъ торжественномъ признаніи всѣмъ ученымъ міромъ вѣковыхъ заслугъ Королевскаго Общества.

Торжества, которыми Королевское Общество отмѣтило 250-лѣтнюю годовщину своего существованія, происходили 16 іюля; 17-ое и 18-ое были назначены для различныхъ экскурсій и пріемовъ, да сверхъ того, по обычаю всѣхъ подобныхъ многочисленныхъ собраній, вечеромъ 15-го былъ особый предварительный пріемъ пріѣзжихъ гостей, чтобы дать возможность почти 300 делегатамъ, британскимъ, колоніальнымъ и иностраннымъ, познакомиться съ хозяевами и между собою и распредѣлить роли, такъ какъ о чтеніи всѣхъ присланныхъ адресовъ не могло быть и рѣчи и было постановлено, что слово будетъ предоставлено только одному представителю отъ каждой страны или національности.

Торжество 16-го іюля началось церковной службой въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, этой усыпальницѣ стольких великихъ и славныхъ людей, которыми справедливо гордится англійскій народъ. Для настоящаго случая это было особенно знаменательно. Здѣсь похоронены нѣкоторые изъ учредителей общества, свидѣтели его возникновенія; здѣсь рядомъ находятся могилы величайшихъ его

---

1) Какъ назидательно это читать въ странѣ, готовящей себѣ поколѣнія потѣшныхъ, воспитанныхъ на департаментскомъ классицизмѣ.

2) Въ тоже время и перваго, такъ какъ первыхъ четырехъ Общество несправляло.

представителей, Ньютона и Дарвина, и многихъ другихъ членовъ Общества, за все время его существованія. Историческіе костюмы, эти мантіи и береты большей части присутствующихъ особенно гармонировали съ чудной готикой и цѣлымъ населеніемъ статуй, напоминающихъ о вѣкахъ, протекшихъ подъ этими сводами. Изобрѣтательность и тактичность, которыя при случаѣ умѣетъ показать англійское духовенство, обнаружились на этотъ разъ во всемъ своемъ блескѣ. Вся служба была придумана ad hoc. Въ гимнѣ, на слова Драйдена (одного изъ первыхъ членовъ Общества), воспѣвалось и звѣздное небо, и неутомимое солнце (послѣднее, по словамъ одной газеты, было особенно кстати, такъ какъ солнце пекло весь день неумолимо). Изъ библіи была подобрана глава книги премудрости сына Сирахова: «Воздадимъ хвалу преславнымъ людямъ». Наконецъ, деканъ Вестминстера, епископъ Раиль, произнесъ замѣчательную проповѣдь на текстъ: «Истина преизобилуетъ и пребываетъ во вѣки». Онъ смѣло напомнилъ присутствующимъ о той смутѣ, которая въ половинѣ прошлаго столѣтія возникла по поводу новыхъ открытій науки о природѣ, смутѣ, нерѣдко сопровождавшейся проявленіями страха, нетерпѣнія, негодованія. Теперь уже не тѣ времена,—заявилъ онъ. Цѣлая пропасть раздѣляетъ тѣхъ изъ насъ, кто не отставалъ отъ науки, слѣдя за ея изумительными успѣхами, отъ тѣхъ, кто не двинулся съ мѣста съ тридцатыхъ годовъ. [1]) Наука является дѣйствительнымъ откровеніемъ, дающимъ намъ вмѣсто семи дней безконечную перспективу временъ и непрерывное развитіе, вмѣсто отрывочныхъ творческихъ актовъ [2]). Мы должны быть благодарны Королевскому обществу, такъ какъ въ значительной мѣрѣ ему мы обязаны тѣмъ, что умственная жизнь народа ушла такъ далеко отъ мрака средневѣковья. Мы радуемся случаю, такъ рѣдко представляющемуся или, вѣрнѣе сказать, почти не представляющемуся представителямъ церкви—принести благодарность тѣмъ, кто въ теченіе 250 и особенно послѣднихъ 80 лѣтъ, такъ обогатили науку о природѣ, такъ расширили область человѣческой мысли» [3]).

Какъ благородно звучатъ эти слова опредѣленнаго и настойчиваго признанія, что борьба между церковью и наукой разрѣшилась полной побѣдой этой послѣдней и что этому должно только радоваться. И какъ рѣзко отличаются они отъ тѣхъ чувствъ, которыя въ тайнѣ лелѣютъ философы — *нео-обскуранты.* На прошло-

---

[1]) Очевидно—намекъ на появленіе книги Лайеля.

[2]) Намекъ на Лайеля и Дарвина. Эти слова въ устахъ духовнаго лица являются наглядной иллюстраціей того кореннаго переворота, о которомъ говоритъ Гёггинсъ.

[3]) Привожу эти мѣста проповѣди по Times и Morning Post.

тоднемъ международномъ конгрессѣ философіи его предсѣдатель, профессоръ Энрикесъ, въ рѣчи, въ которой онъ пытался отстаивать философскую равноправность представителей науки и вѣры, онъ такъ формулировалъ надежды послѣднихъ на сближеніе двухъ борющихся лагерей. «Искренно вѣрующій никогда не враждебенъ наукѣ—онъ только любитъ *спасаться въ область таинственнаго, вызывая темныя тѣни неизвѣстнаго* [1], гдѣ, по его глубокому убѣжденію, кажущіяся противорѣчія примиряются». У французовъ и нѣмцевъ есть поговорка: «ночью всѣ кошки сѣрыя». Современные метафизики надѣются, что въ сгущающихся сумеркахъ *нео-обскурантизма* и человѣкъ науки, смѣло стремящійся къ свѣту, и люди, бросающіе завистливые взгляды назадъ во мракъ средневѣковья, окажутся безразлично сѣрыми [2].

Закончилось торжество въ Вестминстерскомъ соборѣ нарочно на случай сочиненной молитвой: «Воздадимъ хвалу пославшему намъ всѣхъ тѣхъ, кто во всѣ вѣка, во всѣхъ странахъ, увеличивали сокровища земного знанія своими открытіями въ области науки о природѣ, а своею жизнью и своими трудами помогли намъ въ нашихъ поискахъ за истиной». Самый слогъ этого произведенія, не говоря уже о его содержаніи, конечно, представляетъ нѣчто совершенно новое, необычное.

Главнымъ актомъ торжества былъ пріемъ делегатовъ въ помѣщеніи общества, занимающемъ правое надворное крыло величественнаго зданія Burlington house. Такъ какъ зала обычныхъ засѣданій оказалась тѣсной для такого многочисленнаго собранія, то засѣданіе пришлось перевести въ большой двухсвѣтный залъ библіотеки, куда былъ перенесенъ и знаменитый серебряный жезлъ, безъ котораго засѣданія считаются недѣйствительными. Собраніе также отличалось обычнымъ преобладаніемъ университетскихъ мантій и беретовъ. Парижская академія, представленная цѣлой депутаціей, съ президентомъ Липманомъ во главѣ, выдѣлялась, какъ всегда, своими фраками стараго покроя, скромно расшитыми

---

[1]) Курсивъ мой.

[2]) Однимъ изъ героевъ того же Болонскаго съѣзда былъ Бергсонъ, затѣявшій свой хитроумный походъ противъ эволюціи и приглашающій своихъ адептовъ отказаться отъ разума въ пользу инстинкта—очевидно, въ ожиданіи болѣе благопріятнаго времени, когда этотъ инстинктъ можно будетъ успѣшнѣе замѣнить вѣрою, подобно тому, какъ его предшественникъ Гартманъ долго морочилъ своихъ адептовъ своимъ «безсознательнымъ», чтобы потомъ разъяснить, что подъ безсознательнымъ нужно разумѣть «сверхъ сознательное».

зеленымъ шелкомъ [1]). Поразилъ всѣхъ ректоръ Будапештскаго университета, въ красномъ, отороченномъ мѣхомъ мундирѣ и въ ботфортахъ со шпорами, вѣроятно у многихъ присутствующихъ вызвавшихъ болѣзненное воспоминаніе о недавнихъ сценахъ въ венгерскомъ парламентѣ. Депутаціи были рѣшительно со всѣхъ концовъ свѣта: изъ Европы, Америки, Азіи, Африки и Австраліи. Русская наука была достойно представлена профессоромъ И. П. Павловымъ. Самымъ выдающимся эпизодомъ пріема делегатовъ былъ тотъ моментъ, когда ректоръ Гёттингенскаго университета, профессоръ Фойгтъ, послѣ нѣсколькихъ привѣтственныхъ словъ, совершенно неожиданно раскрылъ бронзовую доску съ привѣтомъ отъ имени всѣхъ нѣмецкихъ университетовъ и просилъ прибить ее гдѣ-нибудь на историческихъ стѣнахъ помѣщенія Общества, какъ памятникъ дружескихъ отношеній между представителями германской и англійской науки.

Президентъ Общества, извѣстный геологъ Гики, привѣтствовалъ собравшихся и особенно пріѣзжихъ гостей рѣчью, въ которой прежде всего подчеркнулъ ту мысль, что настоящее собраніе является нагляднымъ и реальнымъ доказательствомъ той искренней и честной солидарности, которая соединяетъ въ одну республику знанія, въ одно международное братство всѣхъ занимающихся наукой, къ какой бы національности они ни принадлежали, на какой бы точкѣ земного шара они ни обитали. Два съ половиною вѣка—небольшой промежутокъ времени для исторіи, но въ исторіи науки тѣ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ, которыя мысль сегодня невольно пробѣгаетъ, имѣли громадное значеніе, полны подвиговъ по истинѣ колоссальныхъ. Коснувшись въ краткомъ очеркѣ основанія Общества и его славной исторіи, упомянувъ путеводныя имена Ньютона и Дарвина, онъ долѣе остановился на его блестящемъ настоящемъ. «Кажется, что только вчера еще раздавался здѣсь голосъ Максуэля, а сегодня мы съ радостью привѣтствуемъ лорда Рэли, сэра Вильяма Крукса, сэра Джозефа Томсона, сэра Джозефа Лармора и многихъ другихъ. Біологія тоже движется въ направленіи, данномъ ей Дарвиномъ, Гукеромъ, Гексли, а также и въ другомъ направленіи сообщенномъ Листеромъ, котораго мы еще такъ недавно оплакивали».

Вторымъ выдающимся актомъ торжества былъ банкетъ съ обычными рѣчами въ «Гильдголѣ», который Лондонское Сити любезно предоставило въ распоряженіе Общества.

---

[1]) На дняхъ одинъ нашъ газетный корреспондентъ описывалъ этотъ костюмъ французскихъ академиковъ, какъ мундиръ расшитый серебромъ—очевидная галлюцинація зрѣнія, привыкшаго къ отечественнымъ картинамъ.

Послѣ традиціоннаго тоста «за короля», къ слову сказать, еще принцемъ Уэльскимъ бывшаго дѣятельнымъ членомъ общества, и о которомъ «Nature» какъ-то замѣтила: «Едва ли найдется на землѣ человѣкъ, который на основаніи личныхъ наблюденій такъ хорошо зналъ бы свою планету»,—тостъ за Королевское Общество, предшествуемый блестящей рѣчью, предложилъ премьеръ Асквитъ. Рѣчь, какъ подобаетъ англійскимъ банкетнымъ рѣчамъ, не разъ прерывалась смѣхомъ и аплодисментами.

Началъ онъ съ историческаго очерка основанія Общества, возникшаго изъ совершенно частнаго кружка или клуба людей, охваченныхъ энтузіазмомъ къ тому теченію мысли, которое въ то время принято было называть «*Новой философіей*», и которое конечно обязано своимъ началомъ Бэкону, чье краснорѣчивое слово создало умственную атмосферу, благопріятную для возникновенія и процвѣтанія научныхъ изслѣдованій. Идеи, развитыя въ Novum Organum, благодаря Королевскому Обществу, осуществились въ дѣйствительности, и его гордый девизъ: *Nullius in verba* резюмируетъ все, что было лучшаго въ философіи Бэкона. Отдалъ Асквитъ справедливость и Карлу II. «Основаніе Королевскаго Общества оказалось самымъ жизненнымъ, если и не было самымъ характеристическимъ изъ дѣлъ этого монарха (смѣхъ и аплодисменты). Но таковъ уже былъ вѣкъ: увлеченіе наукой охватывало не только такихъ людей, какъ Бойль и Ренъ, этотъ англійскій Да-Винчи, но и самъ король искренно интересовался химіей, а его другъ Букингамъ, «химикъ, скрипачъ, сановникъ и шутъ», когда попалъ въ немилость и очутился въ Тоуэрѣ, просилъ, чтобы ему устроили тамъ лабораторію—доказательство, что порою людямъ полезнѣе сидѣть въ Тоуэрѣ, чѣмъ въ Вестминстерѣ или Уайтголѣ (смѣхъ). На первыхъ порахъ Общество допускало въ свою среду не только ученыхъ, но, по словамъ одного современника, и «совершенно свободныхъ и ничѣмъ не занятыхъ джентельменовъ». Впрочемъ и теперь оно порою допускаетъ въ свои ряды такихъ безработныхъ (unemployed), какъ я (смѣхъ). И тѣмъ не менѣе оно достигло того, что право приставить къ своему имени эти три буквы F. R. S. [1]) составляетъ высшую гордость англичанина (слушайте! слушайте!).

«За все время своего существованія, Общество ни разу не пользовалось финансовой поддержкой государства. Государство можно, пожалуй, за это осудить, но Общество, смѣю думать, съ этимъ можно только поздравить (смѣхъ). Не подобаетъ наукѣ быть попрошайкой у государства. При этомъ я не упускаю изъ вида, что Общество

---

[1]) Fellow of the Royal Society.

распоряжается суммами, отпускаемыми государствомъ на поддержку научныхъ изслѣдованій, но въ этомъ я вижу не благодѣяніе государства Обществу, а помощь, благосклонно оказываемую (conferred) Обществомъ государству (апплодисменты). Конечно здѣсь не мѣсто перечислять всѣ заслуги Общества, труды его членовъ. Это значило бы излагать исторію англійской науки. Почти каждый годъ его списокъ обогащается именами людей, которые приняли свою долю участія въ медленномъ, но вѣрномъ процессѣ подчиненія природы разуму человѣка, о которомъ Бэконъ сказалъ: Natura non nisi perendo vincitur. Перечисляя имена Ньютона, Локка [1]) Фламстеда, Галлея, Адама Смита, Грота, Вульстена, Уатта, Дэви, Юнга, Фарадэя, или ближе къ намъ Дарвина, Гёксли, Гукера, Гершеля, Гёггинса, Кельвина и еще недавно оплаканнаго великаго благодѣтеля человѣчества Листера, мы поминаемъ достойнѣйшихъ сыновъ Англіи, подвизавшихся на томъ широкомъ полѣ дѣятельности, которое отмежевало себѣ Общество. Общество, ихъ почтившее, само почтено ими; ихъ общая слава неразлучна. Оно росло съ ростомъ Англіи; оно двигалось съ движеніемъ науки, и вотъ теперь, послѣ 250-лѣтняго существованія, оно стоитъ незыблемо, сильное довѣріемъ къ нему всей страны, уваженіемъ къ нему всего міра, неизмѣнно вѣрное своей задачѣ—служить прогрессу и просвѣщенію человѣчества». (апплодисменты).

Президентъ Общества, отвѣчая на тостъ, указалъ, что ему было особенно пріятно слышать изъ устъ перваго министра заявленіе о полномъ безкорыстіи, съ какимъ члены общества никогда не отказывали правительству и странѣ въ научной помощи, участвуя въ завѣдываніи національной физической лабораторіей и въ цѣломъ рядѣ комиссій, особенно въ той, которая уже много лѣтъ изучаетъ тропическія болѣзни (сонную и др.). Кромѣ того Общество организовало два громадныя предпріятія, хотя и не строго научнаго содержанія, но важнаго значенія для всего ученаго міра: оно издало *Каталогъ научной литературы* всего міра въ XIX столѣтіи и позднѣе предприняло, въ связи съ учеными обществами другихъ странъ, еще более громадное изданіе начавшагося съ текущаго столѣтія подобнаго же ежегоднаго *Интернаціональнаго каталога.* Въ теченіе всего своего существованія Общество избирало своими членами самыхъ выдающихся ученыхъ всего міра, и вотъ

[1]) Кажется почтенный ораторъ ошибся. Великій мыслитель столь сродный по духу съ дѣятельностью Королевскаго Общества, повидимому, не былъ его членомъ. Въ спискахъ членовъ значится Джонъ Локкъ, избранный въ 1741-мъ году, знаменитый Локкъ умеръ въ 1704 г.

теперь оно получаетъ привѣтъ со всѣхъ концовъ земли» (апплодисменты).

Слѣдующій тостъ былъ предложенъ лордомъ Морли «за университеты, наши и другихъ странъ. Бóльшая часть собранныхъ сюда делегатовъ, представляетъ университеты. Исторія университетовъ за семь вѣковъ, отъ основанія Болонскаго и Парижскаго университетовъ и до основанія Манчестерскаго, который я имѣю честь представлять, одна изъ самыхъ славныхъ главъ исторіи цивилизаціи. Какъ понимали и цѣнили въ былое время значеніе университетовъ всего лучше поясняетъ исторія основанія Лейденскаго университета [1]). Принцъ Оранскій въ награду за услуги, оказанныя городомъ странѣ въ войнѣ за независимость, предложилъ Лейдену на выборъ—отмѣну налоговъ или основаніе университета. Боюсь, устоялъ ли бы мой Манчестеръ отъ такого соблазна (смѣхъ). Но Лейденъ гордо отвѣтилъ: «Не заботьтесь о налогахъ, давайте университетъ». Какъ бы ни опредѣляли, что такое университетъ, не подлежитъ сомнѣнію, что это *главная пружина цивилизаціи* [2]). Едва ли когда-нибудь эти историческія стѣны видали подобное собраніе, свидѣтельствующее о международномъ братствѣ всѣхъ ищущихъ истину» (апплодисменты).

Заключительный тостъ былъ предложенъ «за ученыя общества стараго и новаго свѣта». Произнесъ его архіепископъ Кентерберійскій. Онъ указалъ на знаменательность того факта, что этотъ тостъ былъ предоставленъ духовному лицу; но нельзя сказать, чтобы онъ удачно справился съ своей задачей. Началъ онъ съ темнаго намека, что не нужно забираться въ даль вѣковъ, чтобы встрѣтить такой порядокъ вещей, когда духовные и «ученые изъ крайнихъ» (advanced students по однимъ газетамъ, adventurons students of science по другимъ) встрѣчались не такъ, какъ сегодня, а какъ въ Смитфильдѣ [3]). За-

---

[1]) Того самаго, о которомъ Ломоносовъ говорилъ, что Московскій университетъ долженъ взять за образецъ университетъ свободной Голландской республики.

[2]) Не такъ смотрятъ на нихъ въ несчастной странѣ, гдѣ погромъ университетовъ признается за «*Ars gubernandi*».

[3]) Безтактный, среди мирнаго праздника науки, намекъ на довольно таки отдаленное (1381) кровавое столкновеніе, окончившееся убійствомъ ненавистнаго народу архіепископа Кентерберійскаго и народнаго вождя Уота Тайлера. Сомнительно остроумно также называть «учеными изъ крайнихъ» народъ, возставшій противъ злоупотребленій крѣпостнаго права главнымъ образомъ магнатами изъ духовныхъ. Возстаніе Уота Тайлера было началомъ конца крѣпостнаго права въ Англіи; не наводитъ ли это почтеннаго оратора на тревожную мысль, что та демократическая волна, которая растетъ на нашихъ глазахъ, унесетъ и баснословные оклады, которыми пользуются до сихъ поръ англиканскіе князья церкви?

тѣмъ онъ пустилъ въ ходъ заѣзженное разсужденіе о различныхъ источникахъ истины и различныхъ путяхъ къ ней. Напомнилъ, что учителемъ Ньютона былъ Барро, не только ученый, но и теологъ; привелъ въ доказательство своего сочувствія наукѣ, что будетъ на дняхъ служить молебенъ на какомъ-то авіаторскомъ торжествѣ; привѣтствовалъ всѣхъ присутствующихъ сомнительно лестнымъ и совершенно несогласнымъ съ тѣмъ, что только что говорилось, эпитетомъ «*торговцевъ свѣтомъ*», вычитаннымъ имъ будто бы тоже у Бэкона, и заключилъ рѣчь призывомъ сохранить Англіи ея классическую школу [1]).

Этимъ собственно закончилось торжество юбилея; остальные два дня были посвящены экскурсіямъ по научнымъ и другимъ достопримѣчательностямъ Лондона и его окрестностей, Conversazione въ Королевскомъ Обществѣ и двумя garden-parties—у герцога Нортумберландскаго въ Sion House и у короля и королевы въ Виндзорѣ. Послѣдній пріемъ, по словамъ газетъ, отличался небывалымъ до тѣхъ поръ многолюдствомъ; разослано было 10000 приглашеній. Желали ли этимъ подчеркнуть то выдающееся положеніе, которое занимаетъ Королевское Общество въ жизни страны?

Послѣдній день празднествъ былъ посвященъ поѣздкѣ, двумя группами, въ Кембриджъ и Оксфордъ. Университеты, какъ водится, возвели самыхъ выдающихся своими научными трудами гостей въ званіе почетныхъ докторовъ. Газеты отмѣтили слѣдующій эпизодъ. Когда въ Кэмбриджѣ процессія университетскаго сената, со вновь избранными докторами во главѣ, тронулась въ обратное шествіе, студенты поднесли профессору Павлову игрушечную собаку, какъ нѣкогда Дарвину—такую же обезьяну, желая этимъ выразить что знакомы съ его классическими трудами: «Почтенный профессоръ, добавляютъ газеты, съ тріумфомъ вынесъ свой трофей».

Какъ же отнеслись къ этому международному празднику не сами заинтересованные и ихъ гости? Наибольшій интересъ представляетъ мнѣніе старушки Times [2]). Она привѣтствовала бойкой статьей «*Двухсотъ-пятидесятилѣтніе итоги*» старое Общество, неизмѣнно стоящее во главѣ научнаго движенія страны, и слова ея тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что въ нихъ слышится голосъ уже конечно не какого-нибудь меньшинства «ученыхъ изъ крайнихъ», а широкаго здравомыслящаго большинства сознательно

---

[1]) Эти двѣ рѣчи—декана Вестминстера и архіепископа-примаса,—не доказываютъ ли онѣ, какъ глубока та дифференціація, та независимость мнѣній, о которой упоминаетъ въ своей выше приведенной рѣчи Гёггинсъ?

[2]) Bloody old Times — какъ не совсѣмъ почтительно, но любовно отозвался о ней какъ-то Дарвинъ.

сдающагося передъ необходимостью коренныхъ реформъ въ самыхъ основахъ умственнаго строя страны. Въ бѣгломъ очеркѣ исторіи Общества, представляющемъ въ то же время и очеркъ развитія науки за это время, газета такъ характеризуетъ современную его дѣятельность. «Оно охватываетъ всѣ стороны естествознанія и привлекаетъ къ себѣ представителей всѣхъ отраслей научнаго изслѣдованія, отъ спектроскопическаго изученія звѣздныхъ міровъ до физіологіи растеній, являющейся на помощь земледѣлію, и до проявленія жизни бактерій и простѣйшихъ животныхъ формъ, дающихъ ключъ къ уразумѣнію стольких болѣзней». «Но мало отдавать справедливую дань славному прошлому Общества, цѣнить его настоящую дѣятельность», продолжаетъ газета; «возникаетъ вопросъ, не существуетъ ли средства еще болѣе поднять его дѣятельность, увеличить ея плодотворность»,—и въ заключеніе приходитъ къ слѣдующему выводу: «Наши дѣти родились въ такое время, когда наука перестала быть простой забавой: она стала или быстро становится главнымъ факторомъ въ человѣческихъ дѣлахъ, она опредѣляетъ, за какой изъ націй останется первенство—и не смотря на то, она еще не заняла соотвѣтствующаго ей мѣста въ умственномъ багажѣ, въ системѣ воспитанія тѣхъ, которые стремятся быть управляющими классами въ нашей странѣ. Человѣческій мозгъ въ этомъ двадцатомъ вѣкѣ и въ нашихъ широтахъ обнаруживаетъ ясныя указанія на то, что для постоянно возрастающаго числа людей занимается заря такой высшей стадіи эволюціи, какая никогда и нигдѣ еще не была достигнута. И было бы однимъ изъ самыхъ трагическихъ событій въ исторіи, если бы плоды этой эволюцій погибли подъ давленіемъ равнодушія и даже враждебнаго къ ней отношенія нашей націи. Королевское Общество, выступившее главнымъ защитникомъ прогресса науки въ прошломъ, сыграло бы наиболѣе достойную его роль, принявъ на себя разработку вопроса, какимъ образомъ этотъ прогрессъ могъ бы привиться въ сознаніи всѣхъ классовъ народа и провести къ общему признанію, что обученіе *«опровергнутымъ заблужденіямъ на вымершихъ языкахъ»* [1]) не составляетъ подходящаго умственнаго багажа не только для правящихъ великой имперіей, но и для всѣхъ тѣхъ, кто, занимая болѣе скромное положеніе въ жизни, своимъ голосованіемъ возноситъ этихъ правящихъ на ихъ вліятельный и отвѣтственный постъ» [2]).

---

[1]) Курсивъ мой.

[2]) Выше мы видѣли, что, по иниціативѣ Гёггинса, Королевское Общество уже и ранѣе выступило на указанный путь.

Таковъ, по мнѣнію газеты, которую можно укорить въ чемъ угодно, только не въ недостаткѣ извѣстной житейской мудрости,—таковъ основной урокъ, который вытекаетъ для великой націи изъ юбилейнаго праздника 16-го іюля.

К. Тимирязевъ.

ПАМЯТИ Д. А. МИЛЮТИНА [1]).

I.

Сѣрые сумерки нашего существованія все болѣе и болѣе сгущаются; тучами покрытъ весь горизонтъ, и ничто не приноситъ очищенія атмосферы, не разрываетъ темной завѣсы. И если отъ времени до времени раздаются глухіе удары, то отъ нихъ становится еще хуже, ибо это удары глубокой скорби.

Немало было этихъ ударовъ. Одинъ за другимъ сходятъ въ могилу принадлежавшіе къ старому поколѣнію лучшіе люди Россіи, люди, имена которыхъ иногда являются знаменемъ цѣлой эпохи, яркой ея характеристикой.

Послѣдней, по времени, тяжкой утратой является кончина ближайшаго сподвижника императора Александра II, одного изъ крупнѣйшихъ дѣятелей «эпохи великихъ реформъ», графа Дмитрія Алексѣевича Милютина.

И хотя въ могилу сошелъ онъ на склонѣ лѣтъ, въ возрастѣ, до котораго рѣдко доживаютъ въ наши дни, хотя давно уже стоялъ онъ въ сторонѣ отъ активной политической дѣятельности, однако это мало смягчаетъ тяжесть утраты: слишкомъ крупной фигурой былъ почившій, слишкомъ много съ его именемъ связано заслугъ передъ родиной и незабываемыхъ воспоминаній.

Мы не претендуемъ на то, чтобы теперь дать полную характеристику почившаго. Да она сейчасъ и невозможна. Лишь будущій историкъ, когда сдѣлается доступнымъ тотъ безцѣнный мате-

---

1) Въ основу этой статьи положена рѣчь, произнесенная авторомъ въ послѣднемъ годичномъ собраніи С.-Петербургскаго юридическаго общества.

ріалъ, какимъ являются мемуары Д. А. и его дневникъ за много лѣтъ, сможетъ во весь ростъ изобразить этотъ скромный и въ то же время величественный образъ, сможетъ дать правдивую и вѣрную оцѣнку заслугъ человѣка, волею судебъ въ расцвѣтѣ силъ покинувшаго свой вліятельный постъ и ушедшаго въ частную жизнь, замкнутую и уединенную, на далекомъ берегу Чернаго моря.

Сейчасъ мы хотѣли бы только намѣтить нѣсколько важнѣйшихъ штриховъ и напомнить нѣсколько важнѣйшихъ моментовъ.

Длиненъ списокъ титуловъ и званій почившаго, и въ этомъ спискѣ имѣются сочетанія не только не совсѣмъ обычныя, но иногда прямо исключительныя.

Съ одной стороны графъ, членъ государственнаго совѣта, бывшій военный министръ, генералъ-фельдмаршалъ россійской арміи и почетный членъ нѣсколькихъ военныхъ академій. Съ другой стороны онъ же—докторъ русской исторіи, почетный членъ и членъ-корреспондентъ императорской академіи наукъ, почетный членъ московскаго и харьковскаго университетовъ, императорскаго русскаго географическаго общества, общества исторіи и древностей россійскихъ и т. д., и т. д. Сквозь абрисъ высокопоставленнаго сановника проступаютъ другія черты, говорящія о разнообразныхъ заслугахъ и о ихъ широкомъ признаніи и въ наукѣ, и въ обществѣ.

И дѣйствительно глубоко разнообразной и многогранной была жизнь и дѣятельность почившаго.

Біографическія о немъ данныя могутъ быть сведены къ слѣдующему. Д. А. Милютинъ былъ старшимъ изъ четырехъ братьевъ Милютиныхъ, изъ которыхъ каждый оставилъ болѣе или менѣе яркій слѣдъ въ исторіи русской мысли и русской общественности. Онъ родился въ 1816-мъ году, двумя годами раньше знаменитаго своего брата Николая, въ небогатой дворянской семьѣ. Съ материнской стороны онъ приходился племянникомъ извѣстному дѣятелю по крестьянскому вопросу при императорѣ Николаѣ I, графу П. Д. Киселеву. По окончаніи курса т. наз. благороднаго пансіона при московскомъ университетѣ, гдѣ онъ учился вмѣстѣ съ братомъ своимъ Николаемъ, Дмитрій Алексѣевичъ идетъ по призванію въ военную службу и уже 17-ти лѣтъ отъ роду производится въ офицеры гвардейской артиллеріи, затѣмъ поступаетъ въ военную академію, оканчиваетъ блестяще въ 1839 г. ея курсъ и отправляется прямо па Кавказъ, гдѣ въ теченіе пяти лѣтъ участвуетъ во многихъ дѣлахъ противъ горцевъ и получаетъ рану пулей навылетъ въ правое плечо, съ поврежденіемъ кости.

Въ то же время, начиная почти съ юности, развертывается

научная и литературная дѣятельность Д. А. Онъ печатаетъ переводныя работы, сотрудничаетъ въ лексиконахъ Плюшара и Зеддедлера по математическимъ и военнымъ наукамъ, и въ годъ окончанія академіи печатаетъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» большую оригинальную статью: «Суворовъ, какъ полководецъ».

Эти труды въ 1845 г. даютъ ему назначеніе въ военную академію на каѳедру военной географіи. Свой предметъ Д. А. ставитъ широко и интересно, включая въ него цѣлый отдѣлъ военной статистики, и издаетъ цѣлый рядъ работъ по занимаемой имъ каѳедрѣ. Но его главный трудъ былъ еще впереди: по Высочайшему повелѣнію Д. А. долженъ былъ явиться преемникомъ въ работѣ скончавшагося военнаго историка Михайловскаго-Данилевскаго, который собиралъ матеріалы для исторіи походовъ Суворова.

Здѣсь ярко сказалась не только исключительная талантливость, но и поразительная трудоспособность Д. А. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ доводитъ до конца и выпускаетъ въ свѣтъ пятитомное изслѣдованіе—«Исторія войны 1799 г. между Россіей и Франціей въ царствованіе императора Павла I». Рѣдкій успѣхъ выпалъ на долю этого труда. Черезъ четыре года онъ появляется уже въ переводѣ на нѣмецкій языкъ и въ Россіи быстро расходится до послѣдняго экземпляра, не смотря на свой объемъ, такъ что въ свѣтъ выходитъ второе изданіе. Академія наукъ присуждаетъ автору полную демидовскую премію и избираетъ его своимъ членомъ-корреспондентомъ. Корифей исторической науки того времени, Грановскій, въ своемъ отзывѣ объ этой книгѣ утверждаетъ, что она «необходима каждому образованному русскому и займетъ весьма почетное мѣсто въ общеевропейской исторической литературѣ», а въ своихъ письмахъ называетъ этотъ трудъ «превосходнымъ» и «истинно-достойнымъ уваженія и благодарности». Другіе историки присоединяются къ этой лестной оцѣнкѣ, а новѣйшій изъ нихъ, Петрушевскій, указываетъ, что даже въ наши дни трудъ Д. А. не утратилъ ни свѣжести, ни цѣнности.

Понятно, что, занимая каѳедру въ военной академіи, Д. А. становится самымъ выдающимся изъ ея профессоровъ. По свидѣтельству Бильдерлинга, онъ создаетъ цѣлую школу: Обручевъ, Драгоміровъ и много другихъ, впослѣдствіи видныхъ военныхъ дѣятелей, выдвинувшихся боевыми заслугами, военно-административными работами или учеными трудами, гордятся тѣмъ, что они—ученики Милютина.

Одиннадцать лѣтъ длился этотъ періодъ жизни Д. А., посвященый исключительно преподаванію и ученымъ трудамъ. Въ 1856 г. ему снова приходится вернуться въ боевую обстановку.

По выбору новаго кавказскаго намѣстника, кн. Барятинскаго, его назначаютъ начальникомъ штаба кавказской арміи; здѣсь онъ принимаетъ участіе въ рядѣ дѣлъ и, въ частности, въ важнѣйшемъ изъ нихъ—взятіи Гуниба, при которомъ сдался въ плѣнъ вождь горцевъ Шамиль.

Въ 1859 г. Милютинъ назначается генералъ-адъютантомъ; въ 1860 г. его призываютъ на постъ товарища министра, при чемъ, въ виду длительныхъ дипломатическихъ командировокъ министра Сухозанета, Д. А. часто исполняетъ его должность. Въ 1861 г. онъ получаетъ назначеніе военнымъ министромъ и въ теченіе двадцати лѣтъ, до конца царствованія императора Александра II, безсмѣнно остается на этомъ посту. До конца своей активной служебной дѣятельности онъ, и какъ членъ комитета министровъ, и какъ членъ государственнаго совѣта, является ближайшимъ сотрудникомъ государя, убѣжденнымъ и твердымъ сторонникомъ обновленія России, для котораго онъ работалъ, не покладая рукъ.

Конецъ этой работѣ положенъ былъ политическимъ курсомъ, взятымъ, послѣ недолгихъ колебаній, въ началѣ царствованія императора Александра III. Когда этотъ курсъ окончательно опредѣлился, когда восторжествовало вліяніе Побѣдоносцева, Строганова, Каткова и другихъ ихъ единомышленниковъ и, видимо, безповоротно сказалось въ манифестѣ 29 апрѣля 1881 г., Д. А. подалъ въ отставку и удалился въ Крымъ, въ свое имѣніе близъ Симеиза. Тамъ, по слухамъ, исходившихъ отъ многихъ знавшихъ его и имѣвшихъ съ нимъ сношенія, онъ до конца жизни работалъ надъ матеріалами для исторіи «своего государя», велъ записки и писалъ мемуары, которые со временемъ должны будутъ бросить яркій свѣтъ на многія до сихъ поръ неясныя событія прошлаго [1]).

Таковъ краткій очеркъ внѣшнихъ событій жизни Милютина. Всѣ послѣдніе годы жизни онъ почти безвыѣздно прожилъ въ своемъ крымскомъ уединеніи, числясь членомъ государственнаго совѣта, но не присутствуя на его засѣданіяхъ. За это время на политическомъ горизонтѣ онъ являлся лишь дважды, на коронаціяхъ Александра III и нынѣ царствующаго Государя. За прошлыя выдающіяся заслуги онъ былъ произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы, но сейчасъ же послѣ вызова онъ снова возвращался къ себѣ

---

[1]) Эти слухи оправдались: послѣ покойнаго оказались цѣлый историческій архивъ и обширная переписка; эти богатства завѣщаны усопшимъ родной ему академіи генеральнаго штаба, представители которой уже занялись разборомъ и изученіемъ перевезеннаго въ академію цѣннаго наслѣдія.

въ Симеизъ, гдѣ и скончался въ январѣ текущаго года, почти 96-ти лѣтъ отъ роду и почти въ одинъ день со своей супругой.

II.

Попытаемся теперь дать очеркъ важнѣйшихъ трудовъ Д. А. на государственномъ поприщѣ.

Конечно на первомъ планѣ здѣсь не можетъ не стоять то, что прямо входило въ сферу его обязанностей военнаго министра и его прямого призванія. Не вдаваясь подробно въ эту спеціальную область, мы отмѣтимъ здѣсь лишь пункты, затрогивающіе основныя вопросы государственной жизни или имѣющіе выдающееся общественное значеніе.

Въ тотъ моментъ, когда Д. А. Милютинъ сталъ во главѣ министерства, крымская кампанія и въ особенности примѣръ Севастополя, павшаго не смотря на геройскую оборону, вскрыли и воочію показали язвы строя крѣпостной Россіи и, въ томъ числѣ, дезорганизацію всего военнаго дѣла. Наша армія, численностью доходившая до милліона, оказалась на дѣлѣ слабой: отсутствіе желѣзныхъ дорогъ, плохое вооруженіе и плохая постановка всей интендантской части мѣшали подвижности арміи, уменьшали ея мощь и сопровождались картиной вопіющихъ хищеній. Армія терпѣла лишенія, не получала необходимыхъ боевыхъ припасовъ, а когда получала, то мало, не во время и часто невысокаго качества. Къ этому присоединялось отсутствіе твердыхъ правовыхъ началъ въ жизни арміи, плохая постановка военнаго образованія, тяжесть рекрутской повинности, всецѣло ложившейся на непривилегированные классы, господство усмотрѣнія и произвола въ отношеніяхъ высшихъ къ низшимъ и цѣлый рядъ другихъ дефектовъ, неизбѣжныхъ при старомъ крѣпостномъ строѣ, по справедливому выраженію современника на все въ Россіи налагавшемъ свой губительный отпечатокъ.

Освобожденіе крестьянъ, проложившее путь цѣлому ряду крупныхъ реформъ, открыло возможность реформы военной. Свѣтлый умъ Д. А. сразу учелъ это, и мы видимъ, что въ первый же годъ своего пребыванія на посту военнаго министра онъ представляетъ государю подробно разработанный планъ реорганизаціи всего военнаго дѣла. Когда основныя положенія доклада были одобрены, началась огромная работа по подготовкѣ почвы для реформы и по выработкѣ отдѣльныхъ детальныхъ проектовъ. Работа заняла болѣе 12 лѣтъ, но за то къ 1874-му году закончилась съ такой полнотой, при которой приходится говорить не о реформированіи, а о пол-

номъ пересозданіи всего нашего военнаго строя. До наступленія его примѣнены были такіе важные палліативы, какъ сокращеніе на десять лѣтъ двадцатипятилѣтняго срока службы, и рядъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью поднять и охранить личность солдата, позаботиться объ улучшеніи его быта и содержанія, о его образованіи и вывести тѣ старые патріархальные порядки, при которыхъ командиры могли извлекать доходы изъ ввѣренныхъ имъ частей, какъ изъ своего рода вотчинъ.

Кромѣ реформированія самого министерства и всего строя военнаго управленія (сюда вошло, между прочимъ, уничтоженіе отдѣльныхъ армій и корпусовъ съ ихъ штабами, установленіе военныхъ округовъ и въ каждомъ изъ нихъ военно-окружныхъ совѣтовъ и управленій), необходимо подробно отмѣтить введеніе новаго устава о воинской повинности, реформу системы военнаго образованія и воспитанія, изданіе дисциплинарнаго устава, реформу всего военно-суднаго дѣла и отмѣну тягчайшихъ тѣлесныхъ наказаній. Мы начнемъ съ послѣдней.

Вопросъ объ отмѣнѣ всѣхъ вообще важнѣйшихъ тѣлесныхъ наказаній возникъ еще въ 1861 г. Государю былъ представленъ проектъ, по которому были затребованы отзывы вѣдомствъ, и такимъ образомъ Милютину, только что появившемуся на посту военнаго министра, пришлось сыграть дѣятельную роль въ рѣшеніи указаннаго вопроса.

Единодушія между вѣдомствами не оказалось. Духовная власть, въ лицѣ митрополита Филарета, уклончиво говорила, что если государство сохранитъ тѣлесныя наказанія, то «церковь не осудитъ сей строгости», и если тѣлесныя наказанія будутъ отмѣнены, «церковь порадуется сей кротости. Та же власть, рядомъ съ приведенными афоризмами, выставляла рядъ доводовъ *въ пользу* тѣлесныхъ наказаній и видимо тяготѣла къ ихъ сохраненію, а рука объ руку съ ней шелъ и энергично отстаивалъ тѣлесныя наказанія тогдашній глава министерства юстиціи графъ Панинъ, врагъ всякихъ реформъ и, по удачной характеристикѣ современника (академика А. В. Никитенка), «одинъ изъ первыхъ на поприщѣ тьмы и безправія». Совершенно иную позицію занялъ Д. А. Милютинъ. Онъ горячо возсталъ противъ сохраненія тѣлесныхъ наказаній вообще и въ арміи въ частности, энергично поддерживая великаго князя Константина Николаевича, который, какъ генералъ-адмиралъ, требовалъ аналогичной реформы для флота.

Такимъ образомъ въ безсмертномъ указѣ 17 апрѣля 1863 г., создавшемъ новую эру русскаго правосудія, Д. А. сыгралъ видную и почетную роль, войдя въ число тѣхъ, благодаря трудамъ и энер-

гіи которыхъ, какъ образно отмѣтилъ одинъ изъ корифеевъ судебной реформы (сенаторъ Ровинскій), «царство наше, какъ въ сказкѣ какой, сразу небитымъ изъ битаго стало».

Въ частности особую заслугу Д. А. составило полное уничтоженіе въ арміи шпицрутеновъ и уничтоженіе розогъ для всѣхъ, кромѣ разряда штрафованныхъ. Въ область прошлаго отошла знаменитая «зеленая улица», анахронизмомъ стало звучать грозное «сквозь строй», вымерла горькая и еще недавно столь живучая пѣсня о томъ, какъ «только трупъ окровавленный на телѣжкѣ отвезутъ».

Если мы прибавимъ, что въ силу своихъ возвышенныхъ взглядовъ на армію и ея задачи въ государствѣ, Милютинъ также энергично настаивалъ на томъ, чтобы войска не употреблялись для экзекуцій, то мы думаемъ, что аккордъ получится достаточно стройный и законченный.

Въ декабрѣ 1870 г. государь утверждаетъ основныя начала реформы воинской повинности и вслѣдъ за тѣмъ развивается и приводится къ благополучному концу громадная работа по составленію новаго устава объ этой повинности.

Обязанность служить дѣлу защиты родины объявляется долгомъ каждаго гражданина, независимо отъ его званія и состоянія. Напрасными оказались хлопоты купечества, которое предлагало ежегодныя громадныя денежныя пожертвованія за свое освобожденіе отъ воинской повинности. Напраснымъ осталось и брюзжаніе особо закоренѣлыхъ крѣпостниковъ, которые не могли примириться съ мыслью, что ихъ дѣти должны будутъ идти на призывъ рядомъ съ «хамами». Реформа совершилась. Прежній порядокъ, при которомъ зачастую сдавали въ солдаты въ видѣ кары за буйство, развратную жизнь, пьянство, кражи, т. е. нерѣдко сплавляли въ армію отбросы населенія; прежній порядокъ, когда рекрутъ въ большинствѣ случаевъ уходилъ изъ семьи на всю жизнь, когда его везли подъ стражей, въ кандалахъ, и забривали ему лобъ, когда его оплакивали какъ покойника; прежній порядокъ, когда солдатъ разсматривался, какъ нѣчто безправное, а при благодушномъ настроеніи именовался «сѣрой скотинкой»,—этотъ порядокъ, вмѣстѣ съ шпицрутенами, ушелъ навсегда изъ русской жизни, и зазвучалъ новый лозунгъ: «солдатъ есть званіе почетное».

Естественно, что на новыхъ началахъ были построены и всякія льготы и отсрочки по отбыванію воинской повинности: семейное положеніе и образовательный цензъ—вотъ двѣ единственныя учтенныя причины.

Особенно внимательно отнесся Д. А. къ потребности въ Россіи

образованія. Въ своей запискѣ онъ ярко подчеркнулъ свое убѣжденіе, что «военная повинность не только не должна вредить развитію просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ, а напротивъ, насколько возможно, способствовать его распространенію». Поэтому комиссія Милютина единогласно признала необходимымъ оградить интересы образованія на всѣхъ его ступеняхъ даже для лицъ, поступающихъ въ армію по жребію. Отсюда—освобожденіе отъ службы профессоровъ и учителей, включая учителей народной школы; отсюда и сокращеніе срока службы, тѣмъ большее, чѣмъ выше полученное образованіе, начиная съ окончившихъ начальное училище.

Государственный Совѣтъ и въ департаментахъ, и въ общемъ собраніи громаднымъ большинствомъ поддержалъ военнаго министра; мы имѣемъ здѣсь даже тотъ рѣдкій случай, что въ журналѣ отмѣчено «въ высшей степени отрадное впечатлѣніе, произведенное на совѣтъ проектомъ Милютина», признаніе, что намѣченные законы послужатъ «могущественнымъ орудіемъ къ распространенію просвѣщенія», и что за это нужно принести автору проекта «справедливую долю признательности».

Недаромъ въ манифестѣ, которымъ сопровождалось опубликованіе новаго устава о воинской повинности, мы находимъ такое знаменательное признаніе: «Новѣйшія событія доказали, что сила государства не въ одной численности войска, но преимущественно въ нравственныхъ и умственныхъ его качествахъ, достигающихъ высшаго развитія лишь тогда, когда дѣло защиты отечества становится общимъ дѣломъ народа, когда всѣ безъ различія званій и состояній соединяются на это святое дѣло». Недаромъ также въ рескриптѣ отъ 11 января того же 1874 г. на имя Милютина разработка и завершеніе военной реформы прямо приписываются его «просвѣщенному рвенію и неутомимой дѣятельности». «Проникнутый»—говорится въ рескриптѣ,—«горячей заботливостью о пользахъ арміи и общемъ благѣ государства, вы стремились во внесенномъ вами въ Государственный Совѣтъ проектѣ къ пріумноженію не только матеріальной, но преимущественно нравственной силы войска, и въ то же время не упустили изъ виду необходимости огражденія другихъ важныхъ интересовъ: быта семейнаго, промышленности, торговли, искусствъ и въ особенности просвѣщенія во всѣхъ его ступеняхъ... Законъ, нынѣ обнародованный, да будетъ при вашемъ содѣйствіи приводиться въ исполненіе въ томъ же духѣ, въ какомъ онъ составленъ».

Если мы прибавимъ, что Милютинъ за все время управленія министерствомъ энергично заботился о распространеніи въ арміи грамотности и вообще объ увеличеніи знаній и развитія въ

солдатской средѣ, то станетъ ясно, какимъ громаднымъ толчкомъ впередъ явилась для Россіи реформа, которую Милютинъ имѣлъ счастье не только создать, но и провести подъ своимъ руководствомъ въ жизнь, и мы поймемъ то горячее слово, которое недавно было сказано однимъ изъ шестидесятниковъ, княземъ А. Д. Оболенскимъ: Д. А. Милютинъ «былъ единственный, первый дѣйствительный министръ народнаго просвѣщенія; ему обязана неграмотная въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія Россія тѣмъ, что она стала грамотной. Воинская реформа заставила народъ учиться тогда, когда графъ Д. А. Толстой тормозилъ развитіе грамотности. Кто помнитъ дореформенную Россію, какъ пишущій эти строки,—на яву видитъ, что было и что стало».

Измѣняя способы комплектованія арміи и обращая серьезное вниманіе на подготовку нижнихъ чиновъ, Д. А., конечно, не могъ оставить безъ вниманія постановку образованія и воспитанія офицерскаго состава. Исходя изъ убѣжденія, что во всякой спеціальности, въ томъ числѣ и въ военной, человѣкъ окажется тѣмъ пригоднѣе и полезнѣе, чѣмъ шире его развитіе и выше образованіе, Д. А. превратилъ кадетскіе корпуса въ военныя гимназіи, которыя и по полученнымъ ими программамъ, и по всей постановкѣ учебновоспитательнаго дѣла, сдѣлались полузакрытыми средними заведеніями, приближающимися къ общему типу. И такъ какъ въ это же время гимназіи министерства народнаго просвѣщенія стали падать, подъ гнетомъ круто насаждаемаго классицизма (со знаменитыми extemporalia и безконечнымъ зубреніемъ грамматики) и водворяемыхъ при графѣ Д. А. Толстомъ бездушно-формалистическихъ порядковъ, то преобразованныя военно-учебныя заведенія оказались тѣмъ мѣстомъ, гдѣ высоко и разумно поставлено было воспитаніе и преподаваніе и часто находили пріютъ лучшіе изъ учителей, не желавшіе мириться съ рутиной или не удержавшіеся въ гимназіяхъ при толстовскомъ «курсѣ».

Спеціально военная подготовка должна была получаться въ отдѣленныхъ отъ военныхъ гимназій военныхъ училищахъ, и такъ какъ Милютинъ, основываясь на своемъ солидномъ боевомъ опытѣ, видимо, не полагалъ, что для приготовленія хорошаго офицера нужно съ дѣтства держать его въ военной обстановкѣ, то въ военныя училища разрѣшено было поступать не только изъ военныхъ гимназій, но и изъ другихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Обратимся теперь къ произведенной Д. А. военно-судебной реформѣ. Она была поставлена на очередь сейчасъ же послѣ того, какъ были утверждены и опубликованы основныя начала судебныхъ

уставовъ. Въ основу реформы положена была новая и смѣлая идея сближенія военно-судебнаго порядка съ общимъ судебнымъ.

Въ комиссію, которой была поручена выработка реформы, Д. А. привлекъ и такія силы, какъ Буцковскій, Спасовичъ, Зарудный. Работа началась съ 1862 г. При дальнѣйшей разработкѣ проекта, вслѣдствіе той страстной и горячей оппозиціи, которую встрѣтили предположенія комиссіи въ весьма вліятельныхъ сферахъ, пришлось кое въ чемъ отступить отъ первоначальной, весьма широкой и вполнѣ самостоятельной постановки военныхъ судовъ; но въ общемъ реформа все же была осуществлена удачно, и выработанный къ 1865 г. текстъ закона прошелъ благодаря содѣйствію такихъ лицъ, какъ в. к. Константинъ Николаевичъ и его просвѣщенный сотрудникъ Глѣбовъ.

И если въ будущемъ, уже послѣ Милютина, судьба военно-судебныхъ уставовъ является столь же грустной, какъ и судьба общей судебной реформы въ Россіи, если мы видимъ, напримѣръ, такіе позднѣйшіе новые пласты, какъ распространеніе компетенціи военнаго суда на дѣла политическія, то усопшій Д. А. не является ни вдохновителемъ, ни иниціаторомъ этого порядка.

Завершилась военно-судебная реформа созданіемъ Александровской военно-юридической академіи, которая должна было готовить изъ офицеровъ образованныхъ юристовъ для военно-судебныхъ учрежденій.

Чтобы оцѣнить по достоинству значеніе этого созданія, необходимо имѣть въ виду, во-первыхъ, что подобнаго спеціальнаго заведенія нѣтъ и не было никогда въ Европѣ, а во-вторыхъ, что прежнее военное правосудіе, осуществляемое аудиторіатомъ и строевымъ начальствомъ, было ниже всякой критики. Аудиторское училище давало очень слабую общую и юридическую подготовку. Въ царствованіе Николая I не разъ предполагались проекты реформированія училища, но, по свидѣтельству профессора Никитенка, который долгое время близко стоялъ къ училищу, эти проекты обычно выдвигались по соображеніямъ карьернымъ и ничего изъ нихъ не выходило, да и средствами училище располагало недостаточными. Питомцевъ училища не хватало, при томъ, для нуждъ военно-судебныхъ. Приходилось особымъ циркулярнымъ посланіемъ по вѣдомствамъ приглашать въ аудиторы всякихъ чиновниковъ и брать даже негодныхъ къ службѣ, ибо при нищенскихъ окладахъ хорошіе чиновники въ аудиторы не шли. Немудрено, при такихъ условіяхъ, что, какъ указалъ въ «Военной Энциклопедіи» проф. Плетневъ, среди аудиторовъ попадались даже *малограмотные*. Дѣло созданія академіи шло далеко не гладко, и сохраненіе ея далось не безъ труда.

Проектъ преобразованія аудиторскаго училища въ академію возникаетъ въ 1867 г. по личной инціативѣ Милютина, который покрываетъ его многими собственноручными помѣтками. Академія создается въ 1868 г. бокъ о бокъ съ училищемъ, и уже въ 1875 г. главное военно-судное управленіе изготовляетъ проекты о упраздненіи академіи и о развитіи на новыхъ началахъ аудиторскаго училища. Д. А. подвергаетъ этотъ проектъ обсужденію въ особомъ совѣщаніи подъ его личнымъ предсѣдательствомъ, запрашиваетъ конференцію академіи — и въ результатѣ училище окончательно упраздняется, и съ 1878 г. бытіе академіи упрочивается.

Въ теченіе всей своей жизни Д. А., создатель академіи, относился къ ней особенно тепло. Прежде всего, онъ содѣйствовалъ привлеченію къ профессорской службѣ въ академіи такихъ людей, какъ напримѣръ Кавелинъ, для котораго не находилось мѣста въ университетѣ. Въ письмѣ къ Д. А., написанномъ въ 1882 г., Кавелинъ горячо благодаритъ его за предоставленіе ему нѣсколькихъ спокойныхъ лѣтъ жизни и работы въ аудиторіи, которой онъ давно былъ лишенъ. Д. А. всегда (даже изъ Крыма) поздравлялъ академію съ днемъ ея годичнаго праздника, часто являлся на экзамены и даже лично прочитывалъ письменные отвѣты офицеровъ. Неудивительно, что при столь сердечномъ отношеніи и вниманіи власти и при прекрасномъ уставѣ, дававшемъ академіи довольно широкую автономію, академія процвѣтала, и работа въ ней кипѣла.

Кавелинъ пишетъ, напримѣръ, Д. А., что во время экзаменовъ онъ, какъ и другіе профессора, «таялъ и млѣлъ» отъ отвѣтовъ слушателей-офицеровъ; онъ прямо утверждаетъ, что въ университетѣ подобные отвѣты онъ слышалъ лишь въ единичныхъ и сравнительно рѣдкихъ случаяхъ. Когда, въ отвѣтъ на ходатайство конференціи академіи о назначеніи Д. А. почетнымъ членомъ академіи, онъ былъ назначенъ ея почетнымъ президентомъ, это было не болѣе, какъ актомъ справедливости и признанія дѣйствительно крупныхъ заслугъ Д. А.

Натискъ на академію былъ сдѣланъ уже послѣ отставки Д. А., но тогда ее, по свидѣтельству Кавелина, не безъ труда, но все же удалось отстоять.

Таковы пережитыя академіей перипетіи. Картина, въ общемъ, остается свѣтлой и становится особенно поучительной, если вспомнить, что тихо и безъ шума, въ наши дни «обновленнаго строя», академію «реформировали» (въ 1911 г.), проведя черезъ военный совѣтъ такія измѣненія устава, которыя не оставили отъ него камня на камнѣ, уничтоживъ и обязательное выборное начало при

замѣщеніи каѳедръ, и самостоятельность конференціи, и многое другое, созданное и взлелѣянное Д. А. Милютинымъ и уцѣлѣвшее даже въ пору суровой реакціи восьмидесятыхъ годовъ.

Въ заключеніе очерка военныхъ реформъ Милютина мы не можемъ не остановиться на его отношеніи къ военной прессѣ. Почннъ новаго пониманія задачъ этой прессы былъ сдѣланъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, при которомъ «Морской Сборникъ» сталъ почти общимъ журналомъ и долго сохранялъ большое общественное значеніе.

Аналогичную роль игралъ «Русскій Инвалидъ» при Милютинѣ. Въ число его сотрудниковъ, кромѣ Н. А. Милютина, входилъ рядъ выдающихся писателей и журналистовъ. Благодаря имъ «Инвалидъ» сдѣлался солидной публицистической силой, которая воздѣйствовала не только на армію, но и на все русское общество, отстаивая въ шестидесятыхъ годахъ идею военной реформы и многія другія преобразованія императора Александра II.

Противъ такой широкой постановки «Инвалида» возстали Шуваловъ, Валуевъ и др.; они указывали на неумѣстность въ военномъ изданіи постояннаго трактованія политическихъ вопросовъ—и ихъ точка зрѣнія восторжествовала. «Инвалидъ» выцвѣлъ. Для поддержки правительственныхъ начинаній стали издавать сперва «Сѣверную Почту», съ Никитенкомъ во главѣ, затѣмъ «Правительственный Вѣстникъ», но въ литературномъ и политическомъ отношеніи здѣсь было уже не то, да и находились эти изданія подъ кровомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, такъ что вліятельнаго военнаго органа фактически не стало.

III.

Такова картина реформаторской дѣятельности Милютина, главная заслуга котораго заключается въ томъ, что онъ радикально обновилъ военную жизнь Россіи, основалъ эту жизнь на правовой почвѣ и открылъ ей пути для всесторонняго развитія.

Онъ исходилъ изъ убѣжденія, которое выразилъ еще въ 1839 г. въ статьѣ о Суворовѣ. «Въ военномъ искусствѣ», писалъ онъ, «есть двѣ стороны: матеріальная и моральная. Войско не есть только физическая сила, масса, составляющая орудіе военныхъ дѣйствій, но вмѣстѣ съ тѣмъ соединеніе людей, одаренныхъ умомъ и сердцемъ». Этому взгляду Д. А. слѣдовалъ всю жизнь; онъ проводилъ его съ энергіей и неустанно, памятуя и о моральной сторонѣ, имъ указанной, и о необходимости способствовать въ арміи развитію ума и сердца.

Не слѣдуетъ думать, что легко было выполнить эту работу, что обезпеченный расположеніемъ и довѣріемъ императора, Д. А. могъ трудиться безпрепятственно, не встрѣчая терній на своемъ пути. Напротивъ, рядъ фактовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что тяжелыя усилія понадобились Д. А. для осуществленія его реформъ. Чрезвычайно вліятельный при дворѣ кн. Барятинскій, при которомъ Д. А. служилъ на Кавказѣ, долгое время любилъ и цѣнилъ его. Онъ выставилъ его кандидатомъ въ товарищи военнаго министра и затѣмъ, по свидѣтельству современника, радовался, когда назначеніе Д. А. послѣдовало, особенно потому, что «въ Петербургѣ такъ мало честныхъ людей». Но когда Д. А. выработалъ основныя начала своей военной реформы, Барятинскій многаго въ нихъ не одобрилъ; онъ сталъ противникомъ Д. А. и многократно выступалъ противъ него. Да и вообще нападокъ было много. Въ ноябрѣ 1868 г. Никитенко, отмѣчая, въ своемъ «Дневникѣ», что «Правительственный Вѣстникъ» производитъ немало толковъ», добавляетъ для поясненія: «Тутъ былъ веденъ подкопъ противъ Милютина, военнаго министра». Ожесточенная кампанія противъ Д. А. велась въ высшихъ сферахъ также графомъ Шуваловымъ и, что особенно характерно, при содѣйствіи германскаго посла, находившагося въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Бисмаркомъ и получавшаго отъ него инспираціи.

Не разъ полемика переходила и въ печать, въ общіе журналы и газеты, изъ которыхъ нѣкоторые вдохновлялись врагами Д. А., обвинявшими его въ нарушеніи традицій, въ развитіи бюрократизма, въ стремленіи сосредоточить въ своихъ рукахъ какъ можно больше власти и т. п.

Въ февралѣ 1873 г. ждали пріѣзда германскаго императора. Враги Д. А. пожелали воспользоваться этимъ, выдвинувъ стремленіе Д. А. къ реформѣ по французскимъ образцамъ, яко бы несостоятельное въ виду превосходства военной организаціи Германіи, доказаннаго побѣдоносной войной. И вотъ Никитенко снова записываетъ въ свой дневникъ: «Противъ Милютина сильно ратуетъ партія, осуждающая его управленіе. Наряжена комиссія для изслѣдованія нѣкоторыхъ вопросовъ по арміи, подъ предсѣдательствомъ кн. Барятинскаго. Милютинъ, говорятъ, подавалъ въ отставку, но ея не приняли».

По указанію другого, болѣе освѣдомленнаго современника, Милютинъ въ это время дѣйствительно подавалъ въ отставку, ибо ему показалось, что государь поколебался въ своихъ реформаторскихъ стремленіяхъ. Но Александръ II разорвалъ прошеніе и сказалъ: «Мы съ тобой вмѣстѣ работали, вмѣстѣ и выйдемъ въ отставку».

И Никитенко отмѣчаетъ: «Военный министръ, къ общему удовольствію, остается на своемъ посту».

Но и позднѣе нападки и подкопы противъ Милютина не прекращались. Особенно ожесточеннымъ и непримиримымъ врагомъ Д. А. былъ министръ народнаго просвѣщенія графъ Д. А. Толстой, который и по убѣжденіямъ, и по характеру своей дѣятельности, являлся полнымъ антиподомъ Милютина. При прохожденіи въ Государственномъ Совѣтѣ устава о воинской повинности, какъ въ департаментахъ, такъ и въ общемъ собраніи, графъ Толстой, которому противенъ былъ либеральный и демократическій духъ реформы, рѣзко выступилъ противъ расширенія льготъ по образованію. Онъ рѣшительно возражалъ противъ уравненія въ льготахъ окончившихъ прогимназію и окончившихъ уѣздное училище. Такъ какъ въ уѣздныхъ училищахъ классицизма не было, Толстой стоялъ за приравненіе ихъ къ школамъ грамотности; относительно же классическихъ прогимназій онъ утверждалъ, что тамъ дается «предварительное научное образованіе». Онъ высказывался противъ особаго сокращенія сроковъ службы для лицъ, получившихъ законченное высшее и среднее образованіе, и желалъ, чтобы они были приравнены къ лицамъ, окончившимъ шесть классовъ. Онъ разсчитывалъ, что, благодаря такому уравненію, многіе, закончивъ шесть классовъ, будутъ уходить въ военную службу въ виду «отсутствія средствъ или способностей учиться». Онъ не смущался тѣмъ, что такимъ путемъ уменьшится число лицъ, ищущихъ высшаго образованія; онъ понималъ, что главнымъ образомъ эта участь постигнетъ дѣтей менѣе обезпеченныхъ классовъ, а потому находилъ «предпочтительнымъ, чтобы такія лица не наполняли собой безъ всякой пользы для науки, а иногда и съ вредомъ для серьезнаго ученія, аудиторіи высшихъ учебныхъ заведеній».

Милютину передъ этимъ пришлось горячо сражаться съ министромъ юстиціи графомъ Паленомъ, который выступилъ съ требованіемъ нѣкоторыхъ льготъ по отбыванію воинской повинности для привиллегированныхъ классовъ и съ протестомъ противъ подчиненія суду присяжныхъ нарушеній устава о воинской повинности. Добившись отклоненія Государственнымъ Совѣтомъ этихъ домогательствъ и защитивъ, такимъ образомъ, противъ министра юстиціи принципъ равенства всѣхъ передъ закономъ и достоинство суда присяжныхъ, Д. А., по ироніи русской дѣйствительности, долженъ былъ затѣмъ выступить противъ министра народнаго просвѣщенія на защиту интересовъ науки и образованія. Это сраженіе также было выиграно: Государственный Совѣтъ громаднымъ большинствомъ голосовъ поддержалъ Милютина—но борьба, какъ мы видѣли, была

долгой и упорной и потребовала отъ Д. А. затраты массы силъ и энергіи.

Но и затѣмъ не было недостатка въ различныхъ выпадахъ. Напримѣръ, въ январѣ 1874 г. Никитенко отмѣчаетъ, какъ разными инспираціями въ газетахъ по поводу военно-медицинской академіи снова начался походъ противъ Милютина. «Министръ народнаго просвѣщенія», поясняетъ Никитенко, «употребляетъ всѣ свои усилія, чтобы медицинскую академію снова взять въ свои руки». И лишь полтора года спустя мы читаемъ отмѣтку: «Дѣло о медицинской академіи окончательно рѣшено; она остается за военнымъ министромъ. Принято съ всеобщимъ удовольствіемъ».

Характерно, что при всѣхъ указанныхъ подкопахъ и нападкахъ Д. А., пока оставался на министерскомъ посту, не вступалъ въ печатную полемику. Послѣ его отставки въ «Вѣстникѣ Европы» (въ январѣ 1882 г.) появляется статья: «Военныя реформы императора Александра II». Изъ опубликованнаго на дняхъ письма Головнина къ Стасюлевичу мы узнаемъ, что эта статья была написана самимъ Милютинымъ и должна была начать собою рядъ дальнѣйшихъ статей. Въ ней графъ Д. А. даетъ своимъ противникамъ сдержанный, достойный и благородный по тону отвѣтъ. Массой цифръ и фактовъ онъ доказываетъ, что въ военномъ вѣдомствѣ болѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ, необходимы единство направленія и стройность организаціи; онъ выясняетъ важность сліянія однородныхъ частей и уничтоженія случайныхъ, лишнихъ наростовъ; онъ защищаетъ созданную имъ военноокружную систему и показываетъ наглядно, сколь ложны направленныя противъ него обвиненія въ развитіи бюрократизма и канцеляризма, и сколь стройной является вся новая организація военныхъ учрежденій, гдѣ каждая часть, каждый комитетъ являются необходимымъ звеномъ одного общаго цѣлаго и гдѣ нѣтъ ничего лишняго и безполезнаго.

Разсматривая приведенную имъ реформу лишь какъ часть цѣлаго, Д. А. отмѣчаетъ, что «великія преобразованія, совершившіяся въ царствованіе императора Александра II во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія, останутся въ исторіи такими свѣтлыми, такими славными страницами, что никакія несправедливыя и пристрастныя толкованія не могутъ ихъ затемнить».

Съ сожалѣніемъ говоритъ далѣе Д. А. о томъ, что самыя благотворныя нововведенія иногда «возбуждаютъ не только осужденіе, ропотъ, но даже противодѣйствіе». А между тѣмъ съ чувствомъ справедливаго удовлетворенія можно отмѣтить, что въ теченіе двадцатипятилѣтія происходило (по мнѣнію Д. А.—даже безостановочное

движеніе отъ одной реформы къ другой, при чемъ «измѣнилось въ самыхъ основаніяхъ сверху до низу и все военное законодательство и во многомъ приходилось измѣнять даже старыя привычки и нравы». Эта громадная работа произведена «систематически, по опредѣленному плану»; преобразованія не были «слѣдствіемъ какихъ-либо предвзятыхъ личныхъ идей», насильно навязанныхъ; они были выработаны съ крайней осторожностью, по зрѣломъ и всестороннемъ обсужденіи, на основаніи мнѣній большого числа лицъ компетентныхъ», и дали «очевидно благопріятные результаты».

Откуда же не только критика, но даже злоба? Ихъ Д. А. объясняетъ «частью личными политическими побужденіями», частью привычкой къ прежнему порядку и непониманіемъ общаго поступательнаго хода человѣчества. *Защитники старины, подъ знаменемъ консерватизма, отстаиваютъ порядки отжившіе, несовмѣстимые съ современными условіями жизни»* [1]). Д. А. вѣрилъ въ нелицепріятный судъ исторіи—и онъ имѣлъ утѣшеніе дождаться этого суда при жизни.

Закончить свою работу въ «Вѣстникѣ Европы» Милютину не пришлось. Истинная причина этого до сихъ поръ неизвѣстна. 26 декабря 1881 г. А. В. Головнинъ (членъ Государственнаго Совѣта, бывшій министръ народнаго просвѣщенія, близкій къ Д. А. человѣкъ) пишетъ Стасюлевичу: «Кажется, что рѣшеніе Д. А. (не продолжать работы) непоколебимо. Резонами онъ приводитъ недостатки матерьяловъ и говоритъ: «Мнѣ какъ-то не по нутру заниматься такой работой, которая, какое ни давай ей заглавіе, все-таки имѣла бы въ глазахъ публики значеніе или защитительной рѣчи обвиняемаго, или самовосхваленія. Ни того, ни другого мнѣ не хотѣлось бы».

Но едва ли здѣсь кроется истинная и главная причина. Тотъ же Головнинъ тремя недѣлями раньше въ письмѣ къ Стасюлевичу проситъ прислать ему корректурный оттискъ статьи Милютина для передачи вел. кн. Константину Николаевичу и сообщаетъ, что Д. А., «*получивъ новыя свѣдѣнія по предмету своей статьи, такъ возмущенъ*, что рѣшился не продолжать свою работу. Поэтому (его) статья будетъ первой и послѣдней».

Дошли ли до графа Д. А. слухи о замышляемыхъ контръ-реформахъ, могущихъ уничтожить или по крайней мѣрѣ исказить дѣло всей его жизни, случилось ли что-либо иное,—мы не знаемъ; но при уравновѣшенности и твердости Д. А., очевидно, нужно было что-либо чрезвычайное, чтобы заставить его умолкнуть...

Впрочемъ, по нашему мнѣнію, особой бѣды отъ этого не про-

---

[1]) Курсивъ вездѣ нашъ.

изошло: вся дѣятельность Милютина была настолько серьезной, яркой и чистой, что, какъ ясно даже для неспеціалиста, она не нуждается ни въ объясненіяхъ, ни въ оправданіяхъ. Правоту его доказала сама жизнь: успѣхи преобразованной имъ арміи въ войну 1877—78 г.г.

Во время этой войны, когда бывшій военнымъ корреспондентомъ В. И. Немировичъ-Данченко однажды прискакалъ изъ сферы огня и сообщилъ, что батальонъ орловцевъ стойко держится и удачно маневрируетъ, хотя перебиты всѣ офицеры, Д. А. воскликнулъ: «Прежде солдаты умѣли лишь умирать. Это душа новаго солдата; мы на счастливой дорогѣ».

И вообще Д. А. стойко вѣрилъ въ эту новую душу и въ нашу счастливую дорогу. Какъ сообщаетъ кн. Оболенскій, послѣ второй Плевны, въ іюлѣ 1877 г., положеніе русской арміи оказалось критическимъ; если бы турки пошли прямо къ Дунаю и сожгли бы мостъ, мы очутились бы въ положеніи, близкомъ къ положенію Петра I подъ Прутомъ. Была даже получена отъ перепуганнаго телеграфиста телеграмма, что турки атакуютъ дунайскій мостъ. Былъ созванъ военный совѣтъ, на которомъ главнокомандующій высказался за полную невозможность продолжать войну при наличности имѣющихся у него войскъ и требовалъ, чтобы немедленно армія перешла обратно черезъ Дунай въ Румынію. Штабъ великаго князя подтвердилъ это положеніе. Тогда Д. А. Милютинъ въ энергичной и сильной доводами рѣчи заявилъ, что такое отступленіе невозможно, что этого не допускаетъ честь арміи и Россіи и что положеніе совсѣмъ не такъ опасно. Главнокомандующій настолько разсердился, что сказалъ Милютину: «Ну такъ и командуйте тогда сами арміей!» На это Милютинъ весьма рѣзко отвѣтилъ: «Если Государю угодно, такъ и буду командовать!»

Какъ справедливо указываетъ тотъ же Оболенскій, послѣдствія оправдали слова Милютина. Пришла гвардія; дѣла поправились и, когда Плевна была взята, Александръ II тутъ же, на позиціяхъ, наградилъ Милютина орденомъ Георгія 2-й степени. Когда растроганный Д. А. спросилъ: «За что такая великая милость?»— Государь при всѣхъ сказалъ: «Ты самъ знаешь, за что!» Онъ подразумѣвалъ іюльскій военный совѣтъ и знаменательную рѣчь на немъ Милютина.

Прошли годы—и теперь, оглядываясь на прошлое, историкъ смѣло можетъ утверждать, что окончательный успѣхъ русско-турецкой войны доказалъ правильность и глубину военной реформы Милютина. Рѣдко и высокая военная награда, и графскій титулъ, и впослѣдствіи высшій чинъ генералъ-фельдмаршала выпадали на

долю болѣе достойному, чѣмъ Д. А., которому государи не разъ выражали уваженіе и «глубокую признательность» за «многочисленныя и важныя заслуги».

И если по прошествіи многихъ лѣтъ мы все же встрѣчаемся съ отрицательными сторонами военнаго быта, если недавно Россія потерпѣла тяжкое пораженіе въ войнѣ на Дальнемъ Востокѣ, то вина въ этомъ, очевидно, не можетъ падать на Милютина. За это время и въ дѣлѣ управленія арміей, и въ дѣлѣ военнаго образованія, и во всѣхъ почти отрасляхъ военнаго быта былъ проведенъ рядъ такихъ контръ-реформъ, которыя, по словамъ самого Д. А., являлись «наложеніемъ рукъ» на все имъ сдѣланное и многое уничтожили. Недаромъ, по свидѣтельству уже цитированнаго нами кн. Оболенскаго, такой выдающійся военный авторитетъ, какъ М. Д. Скобелевъ, возвратясь изъ акалъ-текинской экспедиціи и услышавъ на аудіенціи о задуманныхъ крупныхъ реформахъ по арміи, сказалъ: «Дай Богъ намъ удержать армію на той высотѣ, на которую ее поставили государь Александръ Николаевичъ и графъ Д. А. Милютинъ».

IV.

Очеркъ, посвященный памяти Д. А. Милютина, могъ бы быть здѣсь законченъ, если бы недавно почившій дѣятель былъ только военнымъ министромъ. Но онъ одновременно такъ много и плодотворно потрудился на другихъ поприщахъ, что не указать на эти труды—значило бы погрѣшить молчаніемъ и умалить крупный историческій образъ.

Человѣкъ твердыхъ и яркихъ либеральныхъ убѣжденій, съ видимой окраской демократизма, Д. А. выработалъ ихъ въ себѣ въ ту пору, когда они находились въ полномъ контрастѣ со всей русской дѣйствительностью. И эти убѣжденія онъ пронесъ стойко черезъ всю свою жизнь, стараясь проводить ихъ вездѣ, гдѣ могъ, было ли то въ его вѣдомствѣ, или въ комитетѣ министровъ, или въ Государственномъ Совѣтѣ. Смѣло можно сказать, что онъ приложилъ руку ко всѣмъ реформамъ, обновлявшимъ Россію, и дѣйствовалъ при этомъ всегда съ присущей ему энергіей, прямотой и настойчивостью, то одинъ, то рука объ руку съ своимъ братомъ Николаемъ Алексѣевичемъ.

Какъ справедливо отмѣтили, характеризуя Д. А., Джаншіевъ и Корниловъ, въ своей государственной дѣятельности Д. А. выступалъ какъ убѣжденный сторонникъ и защитникъ возможно полной

демократизаціи русскаго государственнаго и общественнаго строя и освобожденія русскаго общества и русской мысли отъ той всепроникающей правительственной опеки, которая составляла сущность правительственной системы въ дореформенную эпоху. На этой почвѣ не разъ Д. А. приходилось вступать въ столкновенія съ оппортунистами разнаго типа, не говоря уже о прямыхъ реакціонерахъ и крѣпостникахъ.

Такъ, при обсужденіи земской реформы Д. А. энергично поддерживаетъ барона Корфа, требуя дѣйствительной самостоятельности земскихъ учрежденій; онъ настаиваетъ на томъ, чтобы въ самой организаціи этихъ учрежденій выразилось полное къ нимъ довѣріе и чтобы были безусловно исключены начала сословности и какихъ бы то ни было привиллегій. Когда земскія учрежденія были введены и вслѣдъ за тѣмъ министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ выступилъ съ проектомъ о расширеніи власти губернаторовъ вообще и по отношеніи къ земству въ особенности, то, по свидѣтельству Никитенка, въ числѣ лицъ, «сильно побивавшихъ въ комитетѣ министровъ это уродливое дѣтище Валуева» (къ сожалѣнію, впослѣдствіи ставшее закономъ) опять оказывается Д. А. Милютинъ.

При обсужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ судебной реформы онъ отстаиваетъ послѣдовательное проведеніе принятыхъ основныхъ началъ реформы и энергично возстаетъ противъ ихъ искаженій и ограниченій.

Тамъ же выступаетъ онъ съ глубокой и содержательной критикой выработанныхъ Валуевымъ въ 1865-мъ году правилъ о печати. Этотъ законопроектъ, по мнѣнію Д. А., «не удовлетворяетъ требованіямъ, заявляемымъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе литературой и публикой, а между тѣмъ создаетъ новыя затрудненія». Въ частности Д. А. признаетъ нецѣлесообразнымъ одновременное допущеніе изданій, изъятыхъ отъ цензуры, и изданій, ей подлежащихъ; онъ предвидитъ возможность произвола и опасность съ этической точки зрѣнія, ибо, «рѣшаясь съ какой-либо части литературы снять узду, правительство тѣмъ самымъ открываетъ борьбу мнѣній, а при этомъ, очевидно, необходимо поставить борцовъ въ равныя условія; нельзя пускать въ бой человѣка связаннаго противъ вооруженнаго».

Д. А. желаетъ, чтобы цензура была изъята изъ вѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ, чтобы судьба печати вообще находилась не въ рукахъ министра, а въ рукахъ самостоятельнаго и коллегіальнаго учрежденія. Словомъ, онъ выступаетъ такъ, что едва ли его замѣчанія не являются самыми вѣскими и полными изъ всѣхъ

возраженій, сдѣланныхъ въ Государственномъ Совѣтѣ противъ проекта Валуева.

Особенно энергично, твердо и сильно выступалъ Д. А. Милютинъ въ борьбѣ съ Д. А. Толстымъ. Здѣсь мы находимъ много яркаго и интереснаго.

Вдохновляемый Катковымъ гр. Толстой наложилъ съ семидесятыхъ годовъ тяжелую руку на русское просвѣщеніе и двинулъ въ ходъ проекты классицизма, сведеннаго къ самымъ мертвящимъ формамъ. Въ Государственномъ Совѣтѣ проектъ Толстого дать доступъ въ университетъ только классикамъ, а реальныя училища организовать такъ, чтобы курсъ наукъ въ нихъ былъ пониженъ и они получили характеръ техническо-ремесленныхъ заведеній,—вызвалъ «страшную бурю». Прежде всѣхъ противъ Толстого возсталъ Д. А. и въ двухъ засѣданіяхъ произнесъ блистательныя рѣчи, въ результатѣ которыхъ—къ радости общества, съ нетерпѣніемъ, по свидѣтельству Никитенка, ждавшаго, чѣмъ все это кончится,—противъ толстовскихъ проектовъ высказалось большинство двухъ третей голосовъ.

Протесты Государственнаго Совѣта не помогли; закономъ стало мнѣніе меньшинства, и русской школѣ пришлось пройти черезъ горнило долгихъ и тяжкихъ испытаній. Противъ крайностей классицизма—гласитъ преданіе—Д. А. говорилъ столь сильно и убѣдительно, что въ концѣ засѣданія одинъ изъ членовъ Совѣта сказалъ въ присутствіи Толстого: «А теперь, господа, намъ остается только поблагодарить военнаго министра за его энергичную и талантливую защиту дѣла отечественнаго просвѣщенія».

Нельзя, затѣмъ, пройти мимо знаменательнаго факта, отмѣченнаго у Никитенка. Когда министру народнаго просвѣщенія была подана просьба тремя представительницами отъ общества петербургскихъ дамъ, съ 400 подписями, объ открытіи женскихъ врачебныхъ курсовъ, то онъ обошелся съ делегатками грубо и сказалъ: «Всѣ эти четыреста дамъ—четыреста барановъ и половина изъ нихъ записана въ третьемъ отдѣленіи». На просьбу послѣдовалъ категорическій отказъ. Тогда делегатки обратились къ Милютину, и Д. А. немедленно пошелъ на встрѣчу новому начинанію, изъявивъ согласіе на учрежденіе курсовъ при военно-медицинской академіи. Въ войну съ Турціей курсы оправдали возлагавшіяся на нихъ надежды; женщины-врачи заслужили общее уваженіе. Этимъ первымъ шагомъ къ допущенію женскаго высшаго образованія русское общество, какъ видимъ, обязано все тому же Д. А.

Наконецъ, нельзя пройти молчаніемъ и того, что, когда въ концѣ царствованія императора Александра II, съ призваніемъ Ло-

рисъ-Меликова, была сдѣлана попытка возвращенія къ либеральнымъ реформамъ, Д. А. стойко поддерживалъ новый курсъ и остался ему вѣренъ до конца.

Въ журналѣ «Былое» (1906 г., № 1) и въ недавно напечатанной въ «Рѣчи» статьѣ о Милютинѣ А. А. Корнилова подробно описано засѣданіе совѣта министровъ, состоявшееся, 8 марта 1881 г. подъ личнымъ предсѣдательствомъ императора Александра III. Въ этомъ засѣданіи Лорисъ-Меликовъ выступилъ съ докладомъ о необходимости опубликовать манифестъ, одобренный усопшимъ государемъ и возвѣщавшій призывъ выборныхъ отъ земствъ къ участію въ предварительномъ обсужденіи законопроектовъ, вносимыхъ въ Государственный Совѣтъ.

Д. А. Милютинъ твердо и опредѣленно высказался въ смыслѣ своей солидарности съ Лорисъ-Меликовымъ. Указавъ, въ отвѣтъ на опасенія, выраженныя въ засѣданіи, что въ манифестѣ нѣтъ никакой конституціи, Д. А. настаивалъ на его опубликованіи. Усматривая въ немъ возможную цѣлую программу новаго царствованія, онъ указалъ, что поднятъ вопросъ, безотлагательное разрѣшеніе котораго озабочиваетъ всю Россію и представляется въ высшей степени необходимымъ. «Покойный государь»—сказалъ Милютинъ,—«предпринялъ по вступленіи на престолъ цѣлый рядъ великихъ дѣлъ. Начатыя имъ преобразованія должны были обновить весь строй нашего отечества. Къ несчастью, выстрѣлъ Каракозова остановилъ исполненіе многихъ благихъ предначертаній великодушнаго монарха. Кромѣ святого дѣла освобожденія крестьянъ, которому покойный государь былъ преданъ всей душой, всѣ остальныя преобразованія исполнялись вяло, съ недовѣріемъ къ пользѣ ихъ, при чемъ нерѣдко принимались даже мѣры, несогласныя съ основной мыслью изданныхъ новыхъ законовъ. Понятно, что при такомъ образѣ дѣйствій нельзя было ожидать добрыхъ плодовъ отъ наилучшихъ даже предначертаній. И дѣйствительно, въ Россіи все затормозилось, почти замерло; повсюду стало развиваться глухое недовольство... Въ самое послѣднее только время общество ожило; всѣмъ стало легче дышать, дѣйствія правительства стали напоминать первые, лучшіе годы минувшаго царствованія. Передъ самой кончиной императора Александра Николаевича возникли предположенія, разсматриваемыя нами теперь. Слухъ о нихъ проникъ въ общество, и всѣ благомыслящіе люди имъ отъ души сочувствовали. Вѣсть о предполагаемыхъ новыхъ мѣрахъ проникла и за-границу». И вотъ, взвѣшивая всѣ эти условія, Д. А. предложилъ и далѣе слѣдовать по пути начатаго новаго курса.

Но въ этотъ моментъ колесо нашей исторіи поворачивалось

въ другую сторону. Насталъ часъ торжества Побѣдоносцева и идей, защищаемыхъ имъ и его единомышленниками. Д. А., какъ и другіе наиболѣе близкіе къ нему государственные люди, удалился съ активнаго политическаго поприща и, какъ мы знаемъ, удалился навсегда.

V.

Рѣдко кого такъ цѣнили и любили, какъ Д. А. Милютина.

Мы уже отмѣчали нѣкоторые моменты отношенія къ нему верховной власти и общества. Намъ остается только сдѣлать небольшія дополненія, чтобы доказать, что на самыхъ разнообразныхъ людей—конечно, кромѣ крѣпостниковъ и реакціонеровъ,—онъ дѣйствовалъ обаятельно.

Познакомясь съ нимъ въ 1855 г., Никитенко записываетъ: «Меня совсѣмъ плѣнилъ генералъ Д. А. Милютинъ. Это человѣкъ съ благороднымъ образомъ мыслей, свѣтлымъ умомъ и широкимъ образованіемъ».

Грановскій отмѣчаетъ: «Чѣмъ больше знаю я этого человѣка, тѣмъ больше питаю къ нему уваженія и любви. Благороднѣйшій типъ воина-гражданина».

Кавелинъ въ перепискѣ и въ личныхъ сношеніяхъ съ Д. А. относится къ нему съ любовью и благоговѣйнымъ уваженіемъ. Вел. князь Константинъ Николаевичъ даетъ Головнину отзывъ о Милютинѣ, въ которомъ свидѣтельствуетъ о своемъ душевномъ къ нему уваженіи и признаетъ его человѣкомъ, передъ которымъ нельзя не преклониться. Въ кружкѣ вел. княгини Елены Павловны Д. А. являлся желаннымъ и уважаемымъ гостемъ. При баллотировкѣ въ 1866 г. въ почетные члены академіи наукъ онъ получаетъ только два черныхъ шара, въ тотъ самый день, когда Валуевъ оказывается забаллотированнымъ огромнымъ большинствомъ.

Подобное отношеніе къ Д. А. проявляется не только со стороны отдѣльныхъ лицъ и учрежденій, но и въ широкихъ общественныхъ кругахъ. Особенно ярко сказалось, насколько популяренъ и любимъ былъ Д. А., въ записи у Никитенка о томъ днѣ, когда за свои выдающіеся военно-историческіе труды на годичномъ актѣ С.-Петербургскаго университета Д. А. былъ провозглашенъ докторомъ русской исторіи. Залъ загремѣлъ отъ рукоплесканій. Въ привѣтствіяхъ слились и профессора, и публика, и студенчество. Насколько бурной была овація, видно изъ того, что Д. А. пришлось два раза вставать и кланяться.

Какъ ярко свѣтитъ эта картина теперь, когда трудно себѣ представить даже подобіе такихъ гармоническихъ отношеній, да и самые университетскіе акты, вслѣдствіе разныхъ небезосновательныхъ опасеній, отходятъ въ область преданій...

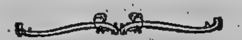
Коротка человѣческая память. Дѣятели на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ, сходя со сцены, быстро впадаютъ въ забвеніе.

Съ Д. А. Милютинымъ этого не случилось. Тридцать лѣтъ провелъ онъ вдали отъ дѣлъ, но его не забыли. По образному, прекрасному выраженію А. Ф. Кони, «въ далекомъ уединеніи лампада его жизни мерцала тихимъ свѣтомъ далекихъ и возвышенныхъ воспоминаній».

На огонекъ этой лампады тянулись взоры народной совѣсти. Среди шума жизни, пошедшей не по тому пути, который Д. А. Милютинъ могъ бы признать праведнымъ, среди торжества современныхъ побѣдителей и крушенія разнообразныхъ моральныхъ цѣнностей, мысль невольно неслась къ тому, кто стойко и твердо прошелъ свой жизненный путь и вложилъ въ свою государственную дѣятельность столько сердца и ума, столько благороднаго воодушевленія, столько чистой, безкорыстной и смѣлой любви къ родинѣ.

Въ ожиданіи тѣхъ лучшихъ дней, когда торжественно и всенародно память почившаго будетъ увѣковѣчена сообразно съ его великими заслугами, русское общество можетъ ограничиться простыми словами: «Спи спокойно, благородный и стойкій слуга родины. Вѣчная тебѣ память!»

М. Чубинскій.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Лѣтнія поѣздки по Волгѣ, — Рыбинскъ и его предвыборныя настроенія.— Разговоръ съ капитаномъ о Волгѣ.—Запуганный Нижній-Новгородъ.—Увядающая Казань.—Лѣтнее затишье въ Самарѣ.—Крупныя измѣненія уѣздной жизни.—Мѣщанская избирательная платформа жителей г. Вольска.— «Столица Поволжья»—Саратовъ.

Хотя Волга, какъ извѣстно изъ учебниковъ начальной школы, протекаетъ почти черезъ всю Европейскую Россію на протяженіи трехъ съ половиной тысячъ верстъ, въ Петербургѣ нерѣдко встрѣчаемъ пожилыхъ, интеллигентныхъ и довольно состоятельныхъ въ матеріальномъ смыслѣ людей, которые со вздохомъ говорятъ:

— Никогда не бывалъ на Волгѣ, не привелось. Все заграницу либо въ Крымъ ѣдешь.

И, повздыхавъ, снова, когда приходитъ лѣтній отдыхъ, ѣдутъ заграницу.

Это недовѣріе къ своему, къ русскому, конечно, основано на довольно солидныхъ причинахъ. Столичный житель,—больной или переутомленный,—по личному и чужому опыту знаетъ, что заграницей почти всюду онъ найдетъ налаженный, обдуманный комфортъ, обходящійся, притомъ, не особенно дорого. Въ Россіи, наоборотъ, въ этомъ отношеніи все случайно, хаотично, неряшливо. Почти вездѣ стараются съ туриста «драть» въ тридорога и оставлять его безъ элементарныхъ удобствъ.

Такое пессимистическое представленіе о Россіи,—во многихъ случаяхъ, разумѣется, преувеличенное,—заставляетъ иныхъ столичныхъ людей и на Волгу смотрѣть какъ на интересную, но небезопасную рѣку, протекающую гдѣ-то въ полуазіатскихъ некультурныхъ мѣстахъ.

Недавно среди разговора, въ которомъ долго и много расхваливали Волгу, одинъ петербуржецъ спросилъ меня съ нѣкоторымъ недовѣріемъ:

— А вы бывали на Волгѣ?—И сказано это было такъ, какъ будто онъ спрашивалъ: «А вы бывали въ Центральной Африкѣ?»

— Да, — сказалъ я съ маленькой запинкой, — былъ разъ и прожилъ двадцать пять лѣтъ.

Прирожденныхъ волжанъ изумляетъ и обижаетъ недовѣрчивое отношеніе къ Волгѣ. Имъ,—какъ и всѣмъ родившимся въ богато одаренной природою мѣстности,—кажется, что краше ихъ родины на свѣтѣ мѣста нѣтъ, и что Волга прекраснѣйшая рѣка въ мірѣ.

Въ нынѣшнюю поѣздку по Волгѣ,—какъ и прежде,—неоднократно выслушивалъ я отъ волжанъ умиленныя рѣчи такого приблизительно содержанія:

— Ну вотъ, бывалъ я и заграницей, бывалъ въ Италіи, бывалъ въ Швейцаріи, а лучше нашей Волги нигдѣ нѣтъ. Красота! Наша, русская, мягкая, задумчивая, успокаивающая красота!

И увлажненными глазами глядѣлъ патріотъ Волги на плавное, широкое теченіе спокойной рѣки, на зеленые холмы праваго берега, на убѣгающій просторъ лѣвобережнаго, лугового Заволжья.

— Размахъ, мощь, тишина!—съ гордостью прибавлялъ собесѣдникъ, указывая на мерцающую даль и, видимо, уже не зная, какими еще сильными словами восхвалить рѣку.

И въ окончательное негодованіе приходитъ волжанинъ, когда

узнаетъ, что существуютъ люди, которые боятся неудобствъ путешествія по Волгѣ.

— Это на волжскихъ-то пароходахъ неудобства!—съ возмущеніемъ говоритъ онъ.—Ну, ужъ это извините! Ни на морскихъ пароходахъ, ни на Днѣпрѣ, ни на какихъ другихъ рѣкахъ не найдете такихъ пароходовъ. Это—красавцы. Это—пловучіе отели со всѣми удобствами, съ отдѣльными комнатами-каютами, съ салонами, съ рестораннымъ буфетомъ, со всѣмъ, что пожелаешь. Ни качки, ни тѣсноты. Миръ, тишина, комфортъ.

И если въ восхваленіи красотъ Волги мѣстный житель впадаетъ въ простительное поэтическое преувеличеніе, то въ перечисленіи достоинствъ волжскихъ пароходовъ онъ не очень далекъ отъ истины. Это, дѣйствительно, удобные пловучіе отели или, скорѣе, пловучіе санаторіи, такъ какъ они непрерывно обвѣваются бодрящимъ, цѣлебнымъ волжскимъ воздухомъ.

И, кажется, за послѣдніе два-три года привлекательность путешествія по Волгѣ начинаетъ оказывать дѣйствіе. На Волгу хлынули туристы. Волга стала входить въ моду.

Когда я записывалъ себѣ предварительно билетъ на волжскій пароходъ въ петербургской конторѣ одной пароходной компаніи, кассирша съ любезнымъ ободреніемъ говорила мнѣ:

— Хорошо сдѣлали, что заблаговременно пришли. Ну, теперь, впрочемъ, свободныя каюты навѣрное найдутся. А вотъ въ іюнѣ что было!.. За нѣсколько недѣль записывались. На расхватъ! Пароходы были такъ переполнены столичной публикой изъ Петербурга и Москвы, что изъ Нижняго-Новгорода, напримѣръ, мѣстные жители по три, по четыре дня не могли выѣхать! Все было переполнено биткомъ, въ столовыхъ койки съ постелями ставили.

Волга, слѣдовательно, столицами открыта и въ нѣкоторой степени уже оцѣнена.

Всѣ, кто желаетъ полностью насладиться Волгой, поѣздку начинаютъ съ Рыбинска.

За нѣсколько верстъ до Рыбинска имѣется желѣзнодорожная станція «Волга». За ней поѣздъ идетъ по мосту черезъ тихую, ясную, неширокую рѣку.

— Это какая же рѣка?—спрашиваютъ другъ друга пассажиры, высовываясь изъ оконъ.

— Да это же Волга и есть!

— Волга!—разочарованно говорятъ пассажиры, готовившіе свой энтузіазмъ къ первой встрѣчѣ съ величавой Волгой, и съ не-

доумѣніемъ смотрятъ на скромную, узкую рѣку, на которой не видно ни парохода, ни баржи, ни одной лодки.

Это Волга верхняго плеса. Какъ большая сила, длительно и постепенно развертывающая свою мощь, Волга здѣсь, такъ сказать, только начинаетъ свою карьеру. И уже къ Рыбинску она готовитъ свой первый эффектъ: пока поѣздъ быстро пробѣгаетъ по прямой линіи нѣсколько верстъ, Волга дѣлаетъ обходную дугу, успѣваетъ принять два большихъ притока, двѣ судоходныхъ рѣки—Мологу и Шексну,—и у Рыбинска зритель видитъ большую рѣку съ гаванью, переполненной пароходами, баржами, всякаго размѣра судами, лодками. Отсюда начинается средній плесъ Волги, и здѣсь уже явственно чувствуется мощный пульсъ торговой жизни, которая льется отъ Рыбинска, вмѣстѣ съ волнами Волги, до Каспія, переплетаясь дальше съ торговыми нервами Кавказа, Закавказья, Закаспійскаго края и Персіи.

Рыбинскъ издавна успѣшно торгуетъ хлѣбомъ. Мѣстные граждане любятъ называть свой городъ «пшеничной столицей». Поэтому главные люди здѣсь—купцы.

Завтракая съ однимъ старожиломъ, а потомъ объѣзжая съ нимъ городъ, распрашивалъ я о настроеніи мѣстнаго купечества.

— Что же, живемъ потихоньку. Начальство у насъ «еще не пришло»,—скаламбурилъ онъ, намекая на книгу Розанова «Когда начальство ушло».—Живемъ безъ давленія начальства, потому что уѣздную административную мелкоту считать нечего. Чиновниковъ крупныхъ нѣтъ. Интеллигенціи мало. Во главѣ всей жизни купцы. А купцы—народъ осторожный, издревле напуганный. По правдѣ сказать, всѣ они, или почти всѣ, по настроенію кадеты. А, осторожности ради, именуютъ себя прогрессистами. Отлично понимаютъ они, что отъ стараго порядка добра ждать нечего. Да и воспоминанія не сладкія. Помыкали ими, пріучали къ холопству. Прогрессивные купцы, тѣ, которые впереди другихъ, понимаютъ, до чего гибельно этотъ вѣковой духъ хамства отражается вообще на всемъ бытѣ купечества. Привыкли кланяться начальству, испрашивать подачекъ, обходовъ закона, привыкли хитрить, подхалимничать. И, съ другой стороны, среди своихъ служащихъ развели тотъ же духъ. Плохо въ этомъ отношеніи, до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ фирмахъ плохо. Процвѣтаетъ холопство. Ну, передовымь купцамъ уже стыдновато за такіе порядки. Они видятъ, что жизнь надвигается иная. На старый режимъ надеждъ никакихъ не можетъ быть. Обновленье страны должно произойти. А путь одинъ. Нужно присоединиться къ кадетамъ или прогрессистамъ, то есть къ среднему, наиболѣе сильному теченію.

— А какъ выборы у васъ? Готовитесь?

— Нѣтъ, не готовимся. Чего готовиться? Дѣло ясное. А впередъ афишировать вредно. Кандидатовъ «разъяснятъ», уберутъ, подвергнутъ гоненьямъ. Подойдетъ время, выберемъ кого слѣдуетъ. Кромѣ прогрессистовъ, у насъ никто въ выборщики не можетъ пройти. Пошлемъ ихъ въ Ярославль, на губернскій съѣздъ, а тамъ—что будетъ.

И, подумавъ, онъ добавилъ:

— Людей-то у насъ маловато, это вѣрно, какъ и вездѣ ихъ мало. Главное, народъ у насъ все торговый, обремененный личными дѣлами. Не хочется, разумѣется, бросать свое дѣло и пугаться въ политику. Къ тому же и побаиваются. Солоно у насъ обходится политика. Ну, все-таки найдемъ кое-кого.

По своей дѣятельности мой собесѣдникъ былъ тѣсно связанъ не только съ городомъ, но и съ уѣздомъ. Поэтому я спросилъ его о настроеніи деревни.

— О, деревня!—улыбался онъ,—деревня много лѣвѣе насъ. Деревня вся лѣвая. Мужики измѣнились, узнать нельзя. Понимать стали. Именно теперь только начали понимать. Когда была первая Дума, а потомъ и вторая, они въ туманѣ были, ни въ чемъ не могли разобраться. Какъ никакъ, политика вѣдь дѣло сложное, трудное. И мы-то, интеллигенція, не сразу уразумѣли. А за эти годы деревня поразобралась кое въ чемъ. Да, теперь ужъ по деревнѣ ясно видно, что къ старому поворота нѣтъ. Путь одинъ.

На среднемъ плесѣ не ходятъ тѣ гиганты-пароходы, которые дѣлаютъ рейсы отъ Нижняго до Астрахани. Но и здѣшніе, средняго размѣра, пароходы приводятъ петербуржцевъ въ умиленіе и восторгъ. Послѣ вагонной тѣсноты, духоты и тряски каюта кажется уютной, привѣтливой комнатой. И нѣтъ вагоннаго плѣна. По широкой террасѣ вокругъ парохода гуляешь, какъ по бульвару. Въ рубкѣ перваго класса уже звучитъ піанино, и женскій голосъ нерѣшительно пробуетъ выразить пряную страстность какого-то романса. Въ рубкѣ второго класса тоже бренчитъ піанино. Изъ третьяго класса доносятся лихіе звуки балалаекъ и звонкій смѣхъ молодежи; тамъ, кажется, интереснѣе и веселѣе всего. И даже снизу, гдѣ тѣснятся среди ящиковъ и бочекъ пассажиры четвертаго класса, слышны аккорды гармоники и заунывный тенорокъ, напѣвающій тягучую народную пѣсню. Бродишь вокругъ парохода, и кажется, что находишься на пловучемъ праздничномъ курортикѣ. Всѣ, забравшись на пароходъ, какъ бы забыли о береговыхъ заботахъ и томленіяхъ духа.

Можетъ быть, впрочемъ, главная суть въ волжскомъ воздухѣ, который съ первой минуты, послѣ городской духоты, пьянитъ и празднично будоражитъ нервы. Особенно замѣтно это на петербуржцахъ. Вчера еще дышали столичной гарью, ночь провели въ духотѣ вагона, и вотъ волнами окатываетъ ихъ волжскій воздухъ, напоенный свѣжестью и запахами Волги, луговыхъ просторовъ и нагорныхъ лѣсовъ. Послѣ долгаго лишенія въ свѣжемъ воздухѣ всегда чувствуется тонкій, пьянящій вкусъ—и пассажиры пьютъ волжскій воздухъ, какъ напитокъ, о которомъ долго мечтали.

На носу, снявъ шляпу и подставивъ подъ вѣтеръ развѣвающіеся волосы и бороду, стоитъ въ экстазѣ сѣдоватый господинъ. Жена его жмется возлѣ на креслѣ; вѣтеръ рветъ съ ея головы бѣлый шелковый платокъ, и она упрашиваетъ мужа:

— Да уйдемъ же съ вѣтра. Невозможно!

— Нѣтъ, воздухъ-то, воздухъ-то какой!—говоритъ тотъ восторженно, не оборачиваясь.

— Да ужъ вѣтеръ-то очень...

— А что вѣтеръ! Ты воздухомъ-то дыши. Ахъ, какой воздухъ! Дыши!..

И сѣдые волосы на головѣ и въ бородѣ вдохновенно развѣваются, какъ у Моисея на горѣ Синайской.

Культурнаго вида армянинъ, съ тщательно подстриженной клинышкомъ черной бородкой и сизыми, гладкими щеками, самодовольно объясняетъ какому-то пассажиру:

— О, волжскій воздухъ лучше лѣкарства. У насъ въ Астрахани доктора прописываютъ: «поѣзжай на пароходѣ». Съѣздитъ вверхъ, съѣздитъ внизъ, туда и обратно, возвращается здоровый. Очень хорошій воздухъ.

И онъ съ благосклоннымъ самодовольствомъ смотритъ черными, ласково-масляными глазами на струящійся надъ пароходомъ воздухъ.

Мѣрно стуча колесами, пароходъ бѣжитъ мимо кудрявыхъ лѣсистыхъ береговъ. Берега Волги здѣсь близки другъ къ другу. Оба они вьются невысокими холмами, задрапированными зеленымъ ковромъ лѣсовъ и кустарника. Пейзажъ ласковый, близкій для глаза, видимый съ мелкими подробностями. Онъ успокоиваетъ душу зрителя, заслоняя далекіе горизонты зеленой рамкой береговъ, въ которыхъ не спѣша льется спокойная, тихая, неширокая рѣка. Эту часть Волги, отъ Рыбинска до Нижняго, считаютъ, за ея зеленую уютность пейзажа, самой красивой. Но дальше, за Нижнимъ, начинается особая красота: холмы праваго берега отходятъ далеко вглубь, слѣва широко развертываются волнистыя низины луговъ,

и пейзажъ пріобрѣтаетъ грандіозные, расплывчатые размѣры. Особенно въ половодье, когда уровень воды поднимается саженъ на восемь выше обычнаго, когда всѣ низины на далекія версты вширь заливаются водой и когда съ приподнятой мощной глади рѣки виднѣется черезъ ближайшіе холмы синяя кайма далекихъ лѣсовъ и убѣгающая, безконечная даль луговъ, усѣянныхъ, какъ зеркалами въ зеленыхъ рамахъ, заливами и озерами. Глазъ не въ состояніи охватить и вобрать въ себя эту безпредѣльную ширину, тающую въ маревѣ далекаго, мглистаго горизонта.

И этотъ пейзажъ, хотя и ширитъ душу, увлекая ее мощью и красотой размаха, но въ то же время волнуетъ ее и тревожитъ. Убѣгающая даль, мерцающій горизонтъ не даютъ сосредоточиться на близкихъ контурахъ. Передъ глазами туманные, неясные намеки безбрежнаго дальняго міра. Они бередятъ душу смутной тоской, они толкаютъ на какія-то безпокойныя исканія. Въ больной или обиженной душѣ, можетъ быть, зажигаются здѣсь искорки гнѣвнаго протеста на судьбу, какъ бы въ отвѣтъ тѣмъ зарницамъ, которыя часто съ нѣмой угрозой сверкаютъ лѣтними ночами въ черной дали Заволжья...

Такъ, по крайней мѣрѣ, мерещится воображенью, когда смотришь на необъятную ширь волжскаго бассейна и когда вспоминаешь, что именно въ низовьяхъ Волги зарождалась нѣкогда дикая вольница, восхищавшая населеніе мрачной поэзіей удалого молодечества и ужасавшая своими издѣвательскими, мстительными злодѣяніями...

А пока плывемъ среднимъ плесомъ среди близкихъ, мирныхъ береговъ. Въ рамкахъ зелени открываются и медленно развертываются села съ наивными колокольнями, скромные города съ двумя-тремя главами стройныхъ церквей. Иные изъ этихъ городковъ такъ мило и кокетливо расположились на склонахъ кудрявыхъ холмовъ, что публика, еще не остывшая отъ перваго дня впечатлѣній, ахаетъ и восклицаетъ отъ восхищенія.

— Ну, смотрите!—умиленно говоритъ господинъ среднихъ лѣтъ въ одной группѣ,—развѣ не красиво? Воспѣваютъ тамъ разные Генуи да Неаполи, а это, ей Богу, не хуже!

Видимо, господинъ въ горячности хватилъ немножко черезъ край, но съ нимъ не спорятъ; всѣ ласково смотрятъ на пріятный городокъ.

Красиво, очень красиво. Грустно только, когда пароходъ пристаетъ къ пристани, видѣть вблизи кривыя, темныя улицы городка, съ покосившимися хибарками. Покорной бѣдностью вѣетъ отъ сѣ-

рыхъ, обветшалыхъ крышъ. При такой бѣдности видитъ ли себя, утѣшается ли собой эта красота?

Съ пристани усталыми, кроткими глазами поглядываютъ на пароходную нарядную, праздничную публику мужики въ лаптяхъ, съ тонкими, черными шеями, или мѣщане въ нахлобученныхъ, промасленныхъ картузахъ.

А мы на пароходѣ, среди комфорта двадцатаго столѣтія, отъѣзжаемъ и ѣдемъ мимо этой жизни, отставшей по бѣдности отъ общей культуры на нѣсколько столѣтій, и продолжаемъ, издалека глядя на нее, восхищаться.

Сѣдой господинъ съ развѣвающимися по вѣтру волосами не утерпѣлъ и сталъ дѣлиться со мной впечатлѣніями.

— Нѣтъ!—прочувственно говорилъ онъ, убѣдительно прижимая руку къ груди,—въ Россіи всего красивѣе Волга. Развѣ еще Крымъ. Волга да Крымъ, лучше не найдешь.

И онъ пространно сталъ разсказывать, что, живя въ Петербургѣ, онъ каждое лѣто путешествуетъ по Россіи, и Волга привлекательнѣе и дороже всего для него.

Ночью стояли мы съ капитаномъ на верхней палубѣ. Въ будкѣ, напряженно вглядываясь сквозь стекло въ темную даль, стояли, держась руками за колесо, лоцманъ и штурвальный. Капитанъ, разговаривая, тоже не отрываясь глядѣлъ впередъ. На этой пустынной крышѣ ихъ было трое, и въ ихъ рукахъ была судьба парохода. Снизу, вмѣстѣ съ боковыми отсвѣтами электричества, глухо долетаютъ всплески разговора, взрывы смѣха, звуки музыки. Тамъ обычная беззаботность, которая забываетъ, что на волоскѣ разстоянія стережетъ опасность. Здѣсь, на крышѣ парохода, молчаніе, темнота, серьезность. И когда всматриваешься въ черную мглу ночи, куда стремительно несется пароходъ, чувствуешь, какъ необходима здѣсь неослабная бдительность. Берега и вода сливаются въ темнотѣ. Только высокіе холмы призрачно чернѣются на фонѣ ночнаго неба. Впереди и по бокамъ, вдали и вблизи разсыпаны красные и желтые огоньки. Гдѣ они—на водѣ или по берегамъ? Временами неожиданно, совсѣмъ вблизи, выплыветъ изъ темноты черная тѣнь баржи и, тускло мигая двумя-тремя фонариками, проползетъ мимо борта парохода. Какъ легко въ такой тьмѣ столкнуться со встрѣчнымъ пароходомъ, налетѣть на плотъ, на баржу, въѣхать на мель? И тогда тамъ внизу беззаботность быстро переломится въ стадный, преувеличенный страхъ. Могутъ побросаться въ паникѣ въ воду и потопить другъ друга даже на мелкомъ мѣстѣ. Печальные примѣры бывали.

И все же сейчасъ хоть и темная, но лѣтняя, тихая, теплая

ночь. А каково на этой крышѣ парохода въ осеннія ночи, когда вѣтеръ и ледяной дождь слѣпятъ глаза и прохватываютъ стужей тѣло, когда въ темнотѣ хлещутъ волны и яростный вѣтеръ гонитъ суда и баржи другъ на друга?

Съ невольнымъ уваженіемъ смотришь на этихъ людей, съ молчаливой простотой несущихъ свою напряженную дѣятельность.

Капитанъ, девятнадцать лѣтъ выстоявшій здѣсь на верху, мягко и тепло говорилъ о Волгѣ:

— Золотая рѣка. Сколько бы ни строили желѣзныхъ дорогъ, а Волга останется Волгой. Сколько людей кормитъ! Сколько судовъ, пароходовъ, баржей тянутся вверхъ и внизъ! Тысячи, десятки тысячъ.

И онъ замолчалъ, видимо пробуя обнять воображеніемъ эту громадную водную дорогу, съ ея несчетными промыслами и торговлей по берегамъ, съ мельницами, фабриками, торговыми городами, складами, караванами судовъ, пристанями, съ милліонами копошащагося около рѣки трудового люда...

— Золотая рѣка, — задумчиво повторилъ онъ, пристально вглядываясь впередъ въ далекую тьму и, помолчавъ, продолжалъ:— А сколько еще добра не использовано! Посмотрите днемъ на берега: по обѣимъ сторонамъ лѣсные пустыри. Иногда часами ѣдешь, никакого жилья. Какихъ бы тутъ, на этихъ холмахъ, иностранцы дачъ понастроили, какіе бы курорты и санаторіи открыли, какіе бы сады и огороды развели! У насъ все еще по старинѣ, кое-какъ, въ чернотѣ живутъ. Вотъ повалила теперь на Волгу публика изъ столицъ. Многіе восхищаются и очень желаютъ устроиться гдѣ-нибудь здѣсь на дачѣ. Но у насъ ничего не приспособлено. Одинъ господинъ на дняхъ ѣхалъ съ нами, восхитился красотой одного села и побѣжалъ искать въ немъ дачу. Все село обѣжалъ—не только дачи, свободной чистой избы не нашелъ. Всѣ живутъ для себя, кое-какъ, въ тѣснотѣ, въ навозѣ, съ телятами и курами. Своей пользы еще не научились понимать.

И, воодушевившись, мы немножко позлословили относительно собственной національной халатности.

— На богатствѣ въ бѣдности живемъ.

— Именно. Какіе лѣса, какіе просторы полей и луговъ, какія рѣки, какія нѣдра земли, горы, моря. А мы—въ нищетѣ.

— Отъ собственнаго богатства бѣдны. Пространство чрезмѣрное. Народъ разбросанъ. Примѣра другъ отъ друга не видятъ, конкурренціи, подталкиванья мало.

И, послѣ новаго молчанья, мечтательно звучитъ въ темнотѣ голосъ капитана:

— Вотъ на Рейнѣ всякій вершокъ земли использованъ. Самъ-то я заграницей не бывалъ, пассажиры разсказывали. Этакъ же и на Волгѣ будетъ. Скоро не скоро, но поумнѣемъ, научимся.

— Вотъ и пароходы тоже,—говоритъ онъ потомъ,—они, конечно, много удобствъ даютъ пассажирамъ, а немало еще надо улучшить.

— Что же именно?

Онъ минутку колеблется, затѣмъ съ откровенностью отвѣчаетъ:

— Многое нужно. Вамъ-то, можетъ быть, незамѣтно, а мы знаемъ. Надо устроить медицинскую помощь, надо устроить ванны,— у насъ сейчасъ одна для перваго класса, а нужно и для второго, и для третьяго. Необходимо устроить лифтъ изъ кухни. Вы, вѣроятно, не видите, какъ носятъ вамъ кушанья черезъ весь пароходъ мимо всякихъ тюковъ внизу, черезъ толпу нижнихъ пассажировъ. Не гигіенично: и пыль, и грязь залетаетъ. Необходимо койки въ каютахъ замѣнить кроватями. Койку нельзя передвинуть,—а больному, можетъ быть, дуетъ изъ окна; койку нельзя вынести и провѣтрить. На «Бородинѣ» теперь ввели кровати. Очень удобно. Вообще много найдется такихъ мелочей. Надо окружить пассажировъ полнымъ удобствомъ. Можно дѣйствительно основать настоящія пловучія санаторіи, въ которыхъ будутъ лѣчиться воздухомъ или получать прекрасный отдыхъ.

Я припомнилъ, что когда-то, лѣтъ двадцать назадъ, волжскіе пароходы довольно пренебрежительно относились къ пассажирамъ, считая, что главный доходъ у нихъ отъ перевозки грузовъ. Я сказалъ объ этомъ капитану. Онъ засмѣялся.

— Ну, нѣтъ! Пассажиръ для насъ теперь самый идеальный грузъ. Товаръ нужно погрузить, нужно выгрузить, нужно снимать мѣста по берегу для складовъ, нужно покупать брезенты для укрыванья. Сколько хлопотъ, безпокойства, труда, денегъ, времени. А пассажиръ самъ войдетъ, самъ выйдетъ. Весь расходъ на него— полкопейки на билетъ.

Мнѣ стало понятнымъ, почему за послѣдніе годы всѣ крупныя пароходныя компаніи на Волгѣ выпускаютъ въ плаваніе новые пароходы, одинъ роскошнѣе другого, съ прекрасными каютами, съ удобными столовыми и нарядными салонами, съ кожаной мягкой мебелью, съ креслами, лонгшезами и диванами, разбросанными по широкой террасѣ. Пассажира оцѣнили на Волгѣ. А такъ какъ волна туристовъ на Волгѣ съ каждымъ годомъ гуще, то всякая пароходная кампанія старается привлечь пассажировъ на свои пароходы, создавая разныя приманки въ видѣ изысканнаго комфорта. Такимъ

образомъ предложеніе и спросъ взаимно подогрѣваютъ другъ друга— лучшее условіе для развитія дѣла.

Пароходъ, озабоченно стуча колесами, бѣжитъ въ темнотѣ къ далекимъ, мерцающимъ огонькамъ, а мы съ капитаномъ мечтаемъ о пріятномъ будущемъ для Волги, когда и въ ней уничтожатъ мели и перекаты, когда пароходы-санаторіи будутъ удивлять даже европейцевъ обдуманнымъ комфортомъ и когда хилыя деревеньки на приволжскихъ берегахъ преобразятся въ культурныя поселенія, а на пустынныхъ холмахъ забѣлѣютъ виллы, замелькаютъ нарядныя дачи, зацвѣтутъ сады...

Въ Нижнемъ-Новгородѣ, съ Кремля, можетъ быть лучшій видъ на Волгѣ. Слѣва блеститъ серебромъ Ока, опоясанная мостомъ. Прямо внизу Волга, мощная, широкая, обогащенная водами щедраго притока. Флотилія пароходовъ, баржей, косоушекъ, лодокъ бороздятъ водную гладь обѣихъ рѣкъ. А за Волгой на десятки верстъ раскидывается лѣсистая гладь съ отблесками крестовъ въ далекихъ селахъ. Широкій, бодрящій видъ, и, вѣроятно, отъ него крѣпла душа у древнихъ нижегородцевъ.

А нынѣшніе упали духомъ. По крайней мѣрѣ интеллигенція показалась мнѣ сильно напуганной.

— Какъ у васъ выборы?—спрашивалъ я у одного мѣстнаго виднаго общественнаго дѣятеля, прикосновеннаго также къ здѣшней прогрессивной прессѣ.

— Никакъ,—отрывисто сказалъ онъ и мрачно мотнулъ головой.

— То-есть какъ никакъ?

— Никакъ. Собраній нѣтъ и, вѣроятно, не будетъ.

— А газеты?

— Газеты ничего не пишутъ.

— И не будутъ?

— И не будутъ. То-есть краткія, безобидныя, фактическія свѣдѣнія станутъ давать. А чтобы руководящія статьи—ни-ни.

— Отчего же у васъ такъ?

— Отчего?—онъ посмотрѣлъ на меня, серьезно поморгалъ глазами и съ убѣжденной запуганностью сказалъ: — Губернаторъ Хвостовъ—не шутка.

Разговорившись, онъ долго и подробно разсказывалъ о сократительной дѣятельности мѣстнаго губернатора. Газеты запуганы и доведены до безсильнаго шепота. Лучшіе мѣстные дѣятели (какъ напримѣръ члены третьей Гос. Думы А. А. Савельевъ и Г. Р. Килевейнъ) отданы подъ слѣдствіе и судъ за старую земскую работу, чѣмъ удалены отъ государственныхъ выборовъ. Среди чиновниковъ подслуживанье. Въ городѣ процвѣтаютъ сыскъ и доноси-

тельство. Губернаторъ перевелъ съ собою изъ Вологды дружину соратниковъ, и они стараются. Побѣдоносно цвѣтетъ чернымъ цвѣткомъ союзъ русскаго народа. Губернаторъ—убѣжденный черносотенецъ и самъ сѣбя неоднократно, публично, даже съ гордостью таковымъ именовалъ.

— Нашъ губернаторъ, знаете ли,—съ волненіемъ говорилъ собесѣдникъ,—не считается съ вѣяньями правительства. Онъ ведетъ свою линію. Ему все равно.

— А какая же цѣль?

— Какая?—собесѣдникъ съ нѣкоторой растерянностью посмотрѣлъ на меня,—какая?—Гмъ... А вотъ какая: сдѣлаться министромъ. Да, да, министромъ. Онъ уже былъ одинъ день министромъ. Былъ назначенъ послѣ смерти Столыпина, а потомъ замѣненъ. Но день—все-таки былъ. У насъ за вѣрное передаютъ. И теперь, конечно, въ этомъ главная цѣль. У него большія связи въ сферахъ.

Мнѣ уже начинало казаться, что въ лицѣ мѣстнаго губернатора наростаетъ крупная сила, желѣзной рукой подчинившая строптивый Нижній-Новгородъ и протягивающая ту же руку къ браздамъ правленія. И съ удивленіемъ услышалъ:

— И дай Богъ, пусть поскорѣе сдѣлается министромъ.

— Почему же?

— А тамъ его карьерѣ и конецъ.

— Какимъ образомъ?—съ недоумѣньемъ спросилъ я.

— Непремѣнно конецъ. Помилуйте, какой же это министръ, если нѣтъ ни государственнаго разумѣнія, ни подготовки, ни административнаго такта. Административное безсиліе достаточно проявлено имъ въ Нижнемъ. Ничего не сдѣлано для укрѣпленія авторитета власти; наоборотъ, всѣ классы общества возстановлены противъ губернатора. Даже умѣренное купечество отошло въ оппозицію. Безтактныя рѣчи губернатора всѣхъ отолкнули. Въ обществѣ у него совершенно никакой опоры. Только ничтожная кучка союзниковъ. Да и это какая опора: десятка два подозрительнаго сброда. А всѣ остальные такъ возстановлены, что если бы Савельевъ и Килевейнъ избавились до выборовъ отъ суда, то ихъ бы въ первую голову выбрали, изъ одного протеста противъ режима губернатора.

И, помолчавъ со злорадной улыбкой, онъ убѣжденно заключилъ:

— Нѣтъ, пусть сдѣлается министромъ. Тамъ его карьерѣ конецъ.

На предстоящіе выборы мой собесѣдникъ смотрѣлъ довольно оптимистично.

— Для правыхъ никакихъ шансовъ нѣтъ. Они малочисленны и совершенно безсильны. Націоналистовъ у насъ нѣтъ. То-есть такихъ псевдо-націоналистовъ, которые желательны правительству. Намѣчаются, пожалуй, особаго рода націоналисты: прогрессистъ съ маленькимъ уклономъ къ національному духу. Но и они примыкаютъ къ оппозиціи. Въ общемъ настроеніе спутанное, не яркое. Людей мало—такъ наиболѣе видныхъ стараются отбрасывать отъ выборовъ. Но все же, думается, Нижегородская губернія никакой радости правительству не доставитъ Выборы по уѣздамъ, надо полагать, дадутъ сносные результаты. А въ самомъ Нижнемъ и говорить нечего: весь городъ возстановленъ противъ губернатора.

На примѣрѣ Нижняго-Новгорода ясно, до чего труднѣе стала роль губернскаго властителя. Раньше молчаливой запуганности города достаточно было, чтобы и самъ губернаторъ вѣрилъ, и верхнее начальство вѣрило въ преданность и спокойствіе населенія. А теперь при каждыхъ выборахъ въ Госуд. Думу администрація изумляется и огорчается, видя, что населеніе даетъ довѣріе своимъ избранникамъ, а не лицамъ, зарекомендованнымъ и обласканнымъ начальствомъ.

Не даромъ многіе губернаторы смотрятъ теперь на выборы, какъ на личный, весьма трудный административный экзаменъ, и стараются, стараются...

Странный, заброшенный городъ—Казань. Въ немъ университетъ, въ немъ управленія различныхъ округовъ (учебнаго, военнаго, судоходнаго); ему бы, казалось, быть центромъ жизни огромнаго района, а городъ производитъ впечатлѣнье унылаго захолустья. Самое положеніе Казани у Волги странное и обидное: отъ рѣки до города семь верстъ плоской, болотистой равнины. Ѣдешь на трамваѣ, и хлещетъ вѣтеръ въ окна, засыпаетъ глаза пыль...

Городъ на одну треть татарскій. У татаръ свои мечети, школы, газеты, театръ. Со временъ Іоанна Грознаго живутъ здѣсь татары, покоренные физически, но непокоренные духовно, сохраняя свой языкъ, религію, бытъ. Въ этой двойственности, можетъ быть, заключается одна изъ причинъ хилости здѣшней общественной жизни.

Здѣсь случайно оказался мой старый пріятель, занимающій въ городѣ такое общественное положеніе, которое даетъ ему возможность хорошо знать и наблюдать мѣстную жизнь.

— Какъ у васъ предвыборныя настроенія?—спросилъ я между прочимъ.

— У насъ настроенія нѣтъ! — сказалъ онъ, весело осклабляя зубы.

— А среди интеллигенціи?

— У насъ интеллигенціи нѣтъ!—также весело отозвался онъ.

Замѣтя мою недовѣрчивость къ его шутливому тону, онъ уже серьезно продолжалъ:

— Въ самомъ дѣлѣ, у насъ интеллигенціи почти не имѣется. Все чиновники. Въ городѣ внѣдрились разные округа, а въ нихъ чиновники. Учителя—тѣ же чиновники. Въ университетѣ—тоже чиновники. Правда, правда. Профессора получаютъ свое жалованье, и больше ничего. Никакихъ общественныхъ лекцій, никакихъ общественныхъ выступленій. Сидятъ по домамъ. Весьма странный народъ. Изо всѣхъ профессоровъ, можетъ быть, наберется два-три живыхъ человѣка, а то все какіе-то затворники и молчальники. Газеты у насъ на предварительной цензурѣ. Сами попросили ее возстановить. Да, конечно, это странно и непохвально. По робости и по бѣдности. Боятся штрафовъ. Газеты хилыя. Ужъ лучше впередъ знать, что̀ начальство допускаетъ и чего не допускаетъ. По старому носятъ гранки къ цензору, а онъ вычеркиваетъ краснымъ карандашемъ.

Собесѣдникъ насмѣшливо почесалъ пальцемъ високъ и продолжалъ:

— Предвыборныхъ собраній нѣтъ и, вѣроятно, не будетъ. Начальство косится, а обыватель боится. Да и партій никакихъ нѣтъ. Есть человѣка по два, по три. Ну, вдвоемъ или втроемъ соберутся иногда за чайнымъ столомъ, пошушукаются, озираясь,— вотъ и вся политическая агитація.

— А правые?

— И правыхъ нѣтъ. Ни правыхъ, ни лѣвыхъ. Горсточка союзниковъ есть; пьютъ чай въ чайной, вотъ и вся армія.

Казань соединена съ центромъ Россіи желѣзной дорогой. Но и желѣзная дорога для Казани выпала странная: мѣстные жители неохотно по ней ѣздятъ, а лѣтомъ совсѣмъ избѣгаютъ ея, предпочитая ѣхать на пароходѣ до Нижняго, а оттуда на поѣздѣ въ Москву. Казанцы утверждаютъ — и, кажется, не безъ основанія, — что ихъ желѣзная дорога пріобрѣла извѣстность на всю Россію своими неудобствами, медленностью и неаккуратностью поѣздовъ.

И вся вообще Казань представляется тихой заводью, въ которой жизнь не то дремлетъ, не то изсякаетъ.

Отъ Ставрополя до Самары тянутся знаменитыя Жигули, одна изъ главныхъ красотъ Волги. Глядѣлъ я на эти кудрявыя, лѣси-

стыя горы, нетронутыя, пустынныя почти на всемъ многоверстномъ протяженіи, и вспоминалъ разговоръ съ капитаномъ. Да, въ двадцатомъ вѣкѣ, практическомъ, жадномъ и примѣтливомъ, странно видѣть небрежность къ такому очевидному богатству природы. Стоятъ Жигули въ такомъ же точно зеленомъ, нетронутомъ и дикомъ видѣ, въ какомъ, вѣроятно, стояли двѣсти-триста лѣтъ назадъ, когда съ трепетомъ проѣзжали здѣсь купеческія суда, ежеминутно ожидая зычнаго, грознаго крика: «Сарынь на кичку!..»

Теперь-то Жигулямъ недолго, надо полагать, остается жить прежней полудикой жизнью. Среди растущей толпы туристовъ, навѣрное, уже сотни практическихъ глазъ примѣриваются къ разнымъ мѣстамъ Волги, намѣреваясь основать гдѣ дачу, гдѣ фабрику, гдѣ иное предпріятіе.

Вблизи Самары лѣсистые склоны крутыхъ холмовъ уже усѣяны дачами. А сама Самара въ жаркіе, сухіе дни встрѣчаетъ проѣзжихъ такой густой, известковой пылью, которая поражаетъ и ошеломляетъ.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ были и мои разговоры съ мѣстными гражданами. На вопросъ о предвыборномъ настроеніи одинъ изъ собесѣдниковъ кратко отвѣтилъ:

— Дачное.

И, отеревъ затѣмъ платкомъ разгоряченное зноемъ лицо, сталъ пояснять:

— Настроеніе дачное. Видите, какова Самара: сплошной камень. Всѣ на дачахъ. Не до политики. О выборахъ пока мало думаютъ. Собраній, конечно, нѣтъ.

Потомъ стали вспоминать, перечислять.

— Какія у насъ партіи? Правыхъ можно не считать. Есть союзъ русскаго народа Дубровинскій и есть «палата» Пуришкевича. Въ каждомъ отдѣлѣ человѣкъ по восьми, торговцы съ толкучки. На выборы, конечно, никакого вліянія оказать они не могутъ. Октябристы тоже слабоваты. У нихъ рознь. Главный лидеръ Челышевъ даже по Самарѣ и кандидатуру не рѣшается выставлять. Въ другой губерніи крестьянскій цензъ пріобрѣлъ.

— Челышевъ—не совсѣмъ заурядный человѣкъ,— заступился другой собесѣдникъ.—Побужденія у него иной разъ добрыя и энергія значительная. Но возстановилъ онъ противъ себя почти всѣхъ обывателей своей несдержанностью. Такта общественнаго въ немъ мало.

— Среди кадетовъ тоже не лады, — продолжалъ первый изъ собесѣдниковъ,—намѣчаютъ въ депутаты извѣстнаго здѣсь дѣятеля N. А кое-кто противъ него. Да не просто противъ, а, напримѣръ, издатель прогрессивной газеты готовъ содѣйствовать кадетамъ на

выборахъ, но только съ условіемъ, чтобы отнюдь кандидатомъ не выставляли г-на N. Сами себя ослабляютъ междуусобными ссорами.

— А въ уѣздахъ какое настроеніе? Не слышно?

— Въ уѣздахъ тишь. Глухо. Но, напримѣръ, напрасно думаютъ, что священники всѣ въ пользу реакціи будутъ дѣйствовать. Мнѣ въ послѣднее время пришлось по своимъ дѣламъ довольно много поѣздить по уѣздамъ. Я разговаривалъ съ сельскими священниками; они довольно оппозиціонно настроены. Конечно, въ открытую проявляться имъ нельзя. А когда дѣло дойдетъ до закрытой баллотировки, то вѣдь своя рука владыка, — вѣроятно, многіе изъ нихъ будутъ класть шары за прогрессивныхъ кандидатовъ. И вообще по нашей губерніи правымъ или націоналистамъ не удастся пройти. Выборы будутъ сѣренькіе, всячески обкромсанные администраціей, но все-таки пройдетъ, надо надѣяться, кое-кто изъ прогрессистовъ.

Самара,—въ противовѣсъ Казани, — городъ быстро растущій, богатѣющій. Рельсовый путь черезъ Самару соединяетъ центральную Россію (и Западную Европу) съ Сибирью и Закаспійскимъ краемъ. Это дѣлаетъ Самару центромъ большой торгово-промышленной жизни.

А въ то время, какъ въ городѣ расцвѣтаетъ капиталъ, любопытный процессъ совершается съ обширнымъ земельнымъ богатствомъ Самарской губерніи. Какъ нигдѣ, кажется, земля здѣсь быстро утекаетъ изъ дворянскихъ рукъ и почти уже утекла совсѣмъ. Одинъ изъ моихъ собесѣдниковъ по своей дѣятельности близокъ къ одному изъ земельныхъ банковъ. Я спросилъ его:

— Что же, дворянскія земли переходятъ въ руки купцовъ?

— Нѣтъ, главнымъ образомъ въ руки крестьянъ.

Итакъ, въ богатѣйшемъ, органически растущемъ городѣ власть жизни переходитъ главнымъ образомъ къ купцу, а на землѣ—къ крестьянину.

Не служитъ ли Самара со своей губерніей живымъ символомъ будущаго Россіи?

Чуточку пристальнѣе вглядѣться въ приволжскую жизнь удалось въ Вольскѣ, гдѣ я жилъ свыше полмѣсяца и гдѣ къ тому же наблюденіе облегчается старой пріязнью.

На жизни Вольска ясно видно, какія неслышныя, но громадныя измѣненія вносятъ послѣдніе годы даже въ тихіе, захолустные городки.

Сначала наиболѣе замѣтная сторона—промышленная. Съ испоконъ вѣковъ стояли выше и ниже Вольска бѣлыя, безлѣсныя, без-

плодныя горы. Конечно, никто не обращалъ на нихъ вниманія. Развѣ иной хозяйственный мужикъ, взглянувъ, машинально думалъ: «Эхъ, напрасно мѣсто занимаютъ».

Лѣтъ восемнадцать назадъ пришли чужіе люди и попросили у общественнаго управленія разрѣшенія построить повыше города, на безплодномъ мѣстѣ, цементный заводъ, за что обѣщали платить городу по три тысячи въ годъ. Гласные были изумлены, почти сконфужены; сдѣлку съ благодарностью заключили. Три тысячи казались подаркомъ, упавшимъ въ городской бюджетъ съ вершины ненужной горы. Послѣ узнали, что вокругъ города залегли несмѣтные, богатѣйшіе запасы первосортнаго мѣла, который для цементнаго дѣла истинный кладъ. Со второго цементнаго завода, возникшаго ниже города, цѣну взяли подороже—полкопѣйки съ пуда вырабатываемаго цемента. На такія же условія перешли затѣмъ и съ первымъ заводомъ. Сейчасъ «мѣловой» доходъ города возросъ тысячъ до 50-ти. Но такъ какъ производство цемента на этихъ двухъ заводахъ быстро расширяется, то эта цифра вскорѣ можетъ удвоиться. Кромѣ того сейчасъ строится третій цементный заводъ, ведутся переговоры о четвертомъ и есть слухи о пятомъ и шестомъ...

И вотъ, тихій, старообрядческій, полуземледѣльческій Вольскъ незамѣтно превращается въ заводскій городъ, въ неожиданный центръ цементнаго производства. Въ скромный бюджетъ города станутъ притекать новые и новые десятки тысячъ рублей, а надъ городомъ будутъ густѣть тучи заводской пыли и дыма. Замутнится вѣковая ясность неба, замутнится полудачный воздухъ города, замутнится, можетъ быть, и тихій бытъ отъ неспокойныхъ заводскихъ нравовъ,—но ничего не подѣлаешь: двадцатый вѣкъ идетъ на Волгу...

Другое измѣненіе жизни Вольска менѣе замѣтно, но, несомнѣнно, еще болѣе значительно, болѣе глубоко по своимъ естественнымъ послѣдствіямъ. Въ городѣ давно уже имѣются реальное училище и женская гимназія. Но лѣтъ пятнадцать-двадцать назадъ, на моей памяти, оба учебныхъ заведенія имѣли довольно выморочный характеръ. Учащихся въ нихъ имѣлась горсточка, несмотря на то, что въ ближайшихъ уѣздныхъ городахъ не было среднихъ учебныхъ заведеній, и кое-кто сюда привозилъ своихъ дѣтей. Теперь во всѣхъ ближайшихъ уѣздныхъ городахъ (Хвалынскѣ, Кузнецкѣ, Петровскѣ, Новоузенскѣ) имѣются свои среднія учебныя заведенія, а вольское реальное училище и женская гимназія задыхаются отъ напора учащихся. Въ реальномъ училищѣ не только переполнены основные классы,—открыты и переполнены параллельные. Принимаютъ со строгимъ экзаменомъ, почти по конкурсу; много дѣтей

остается за бортомъ. Учащихся свыше пятисотъ. Для женской гимназіи выстроено великолѣпное, громадное зданіе (на лучшемъ, высокомъ мѣстѣ города, на Покровской площади). Въ гимназіи переполнены основные и параллельные классы. Учащихся свыше шестисотъ.

Откуда такая волна? Городъ численно почти не выросъ (въ немъ насчитывается около 35-ти тысячъ жителей). Извнѣ притокъ учащихся долженъ былъ уменьшиться, а не увеличиться, въ виду открывшихся въ сосѣднихъ городахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Этотъ штурмъ дѣтьми училищъ объясняется тѣмъ, что чуть ли не всякая мѣщанская семья стремится теперь обучить своихъ сыновей и дочерей въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а затѣмъ, по возможности, и въ высшихъ. Въ Вольскѣ, напримѣръ, обычное сейчасъ явленіе: дѣдъ—безграмотный или полуграмотный, отецъ—еле тронутый начальной школой, а дѣти—студенты или курсистки. Самая же густая волна образованія только еще начинаетъ все выше и выше поднимать свой свѣтлый гребень въ реальномъ училищѣ и въ гимназіи...

Въ сущности на это знаменіе времени нельзя смотрѣть безъ волненія и серьезной надежды. Особенно потому, что Вольскъ не единиченъ: это явленіе всероссійское, общенародное. Когда три года назадъ мнѣ пришлось объѣхать восемнадцать губерній для наблюденія (конечно, очень бѣглаго) новыхъ побѣговъ жизни,—помню, больше всего взволновало меня и обрадовало повсемѣстное, повальное, стихійное стремленіе къ образованію. Деревни и села переполняютъ начальныя школы; большія села, слободы и уѣздные города организуютъ среднія учебныя заведенія и стремительно ихъ заполняютъ учащимися; губернскіе города напряженно хлопочутъ объ открытіи высшихъ учебныхъ заведеній.

Какъ будто незримый, благодѣтельный духъ шепнулъ Россіи: «Вотъ двери»... И Россія, инстинктомъ понявъ спасительный намекъ, направила сюда потокъ дѣтскихъ и юношескихъ силъ, подготовляя и совершая истинную, неслышную революцію духовной жизни страны.

И теперь уже, когда во многихъ селахъ и городкахъ, во многихъ домахъ можно увидѣть за однимъ столомъ неграмотнаго дѣда и внука-врача, инженера или студента, добрыми, любопытными глазами разсматривающихъ другъ друга,—начинаешь чувствовать, какой громадный шагъ впередъ сдѣлала Россія въ лицѣ одного-двухъ поколѣній. А новые шаги уже заносятся, все тверже и увѣреннѣе...

Наконецъ, тоже для бѣглаго взгляда непримѣтный, но значительный по существу переворотъ произвели послѣдніе годы въ гра-

жданскомъ самосознаніи жителей Вольска. На быстромъ огнѣ событій переплавились и перевоспитались не только юношескія, но и кремневыя, установившіяся, казалось, на вѣкъ воззрѣнія пожилыхъ людей.

Вотъ какія, напримѣръ, рѣчи повелъ со мной въ длинной дружеской бесѣдѣ за самоваромъ мѣстный интеллигентный мѣщанинъ, до сѣдыхъ волосъ прожившій безвыѣздно въ Вольскѣ.

— Недовольны мы депутатами второй куріи,—говорилъ онъ, съ добродушной хитрецой поглядывая на меня,—что это они, а? Ни одного слова о нашемъ братѣ, о мѣщанахъ. Совсѣмъ забыли о насъ. Не годится. Наша платформа на выборахъ будетъ теперь такая: мѣщанская. Пусть-ка ѣдетъ да защищаетъ насъ.

Я хотѣлъ было возразить.

— Погоди!—внушительно поднялъ онъ руку, видимо, готовясь развернуть какія-то тщательно обдуманныя мысли.

— Что такое мѣщане?- продолжалъ онъ, эффектно хмуря косматыя брови.—Первое сословіе въ Россіи. Самое передовое. Главный двигатель культуры. Да-съ, на нашихъ плечахъ, на мѣщанскихъ, создается новая культура. Гдѣ возникаютъ школы? гдѣ главнымъ образомъ возращаютъ образованіе, науку, искусства? Въ городахъ. А кѣмъ города населены? Мѣщанами. Да, мѣщанами, потому что купцы—тѣ же мѣщане. Платишь сегодня гильдію—купецъ, пересталъ платить—мѣщанинъ. И вотъ мы, мѣщане, кряхтимъ, несемъ всяческіе налоги, спина трещитъ, а тащимъ эту самую культуру, оплачиваемъ, содержимъ всѣ эти школы и разсадники прогресса. Да мало того: сами еще дальше лѣземъ въ хомутъ, просимъ все больше и больше школъ; давай намъ и гимназіи, и реальныя, давай намъ, пожалуйста, и университеты,—какъ вонъ въ Саратовѣ,—и политехникумы, и агрономическіе институты. Все взвалимъ на хребетъ и потащимъ. Удивительно! И за все это платимъ, выворачиваемъ до нитки карманы! И какъ это соковъ хватаетъ? Вотъ какъ мы, мѣщане, для культуры стараемся!

Онъ въ гордомъ изумленіи покачалъ головой и съ восхищеньемъ разсказалъ нѣсколько примѣровъ. За Волгой молодые сыновья мѣстнаго купца, получившіе высшее образованіе, примѣнили на своемъ участкѣ поливку полей отводомъ воды изъ р. Иргиза (притокъ Волги противъ Вольска). Результаты получились изумительные: рядомъ съ чахлыми, истощенными полями сосѣдей на ихъ поляхъ получился баснословный урожай. Разсказалъ о нѣсколькихъ садовладѣльцахъ, которые догадались, наконецъ, пріобрѣсти двигатели и устроить поливку своихъ садовъ изъ Волги. Сады ихъ процвѣли, какъ подъ ударомъ волшебнаго жезла.

При упоминаніи о садахъ я сталъ одобрительно кивать головой, потому что наканунѣ самъ побывалъ въ одномъ саду на берегу Волги около города—и подивился. На этомъ крутомъ берегу было когда-то много фруктовыхъ садовъ, но значительная часть ихъ посохла, и хозяева безсильны были сохранить ихъ. Тотъ, кого я посѣтилъ, выстроилъ дачу на голомъ, безплодномъ, казалось, мѣстѣ. Самъ онъ съ головой занятъ своей интеллигентной профессіей, весьма далекой отъ садоводнаго искусства. Однако, въ нѣсколько лѣтъ на плоскомъ, безжизненномъ мѣстѣ онъ развелъ великолѣпный садъ. У него уже созрѣваютъ превосходные персики,—вещь, неслыханная въ Вольскѣ,—и въ прошломъ году, напримѣръ, онъ сдалъ свой небольшой, сравнительно, фруктовый садъ для снятія плодовъ за 1100 рублей въ лѣто. Секретъ чудеснаго возрощенія сада главнымъ образомъ состоялъ въ томъ, что былъ поставленъ къ Волгѣ маленькій двигатель, который вгонялъ воду на трехсаженный обрывъ и щедро орошалъ садъ.

Возвращаясь изъ этого сада, я съ уваженіемъ покосился на маленькій пофыркивающій двигатель, который стоялъ на берегу и вгонялъ по узкой трубкѣ воду въ сосѣдній садъ. Примѣръ, оказывается, уже началъ вызывать подражаніе.

Поэтому я не очень возражалъ, когда пожилой, сѣдоватый энтузіастъ восклицалъ, сверкая глазами изъ-подъ лохматыхъ бровей:

— Будетъ, будетъ вдоль всей Волги сплошной садъ!

Саратовъ показался мнѣ—какъ и въ прежніе наѣзды,—по общественному настроенію гораздо бодрѣе другихъ городовъ. Демократическій духъ здѣсь крѣпокъ и неискоренимъ. Мѣстные интеллигенты пробуютъ объяснить это тѣмъ, что за послѣднія десятилѣтія въ Саратовѣ княжили сравнительно сносные губернаторы. Но, кажется, это объясненіе не совсѣмъ справедливо. Въ Саратовѣ, очевидно, съ давнихъ поръ не изсякалъ хорошій подборъ людей на разныхъ общественныхъ позиціяхъ, и рядомъ съ этимъ сложились добрыя, крѣпкія культурныя традиціи, при которыхъ легче и бодрѣе переносились разныя временныя невзгоды. Не даромъ саратовцы съ добродушной ироніей называютъ свой городъ съ легкой руки одного стараго мѣстнаго публициста, «городомъ добрыхъ демократовъ».

Поэтому, хотя предвыборная дѣятельность здѣсь такъ же стѣснена, какъ и вездѣ, саратовцы съ умѣренной лѣнцой говорили мнѣ:

— На себя вотъ посмотрю: какъ это силъ хватаетъ ворочать-то все это? Вотъ зиму протянулъ, а ей-Богу, не знаю какъ!

Я слушалъ сочувственно. Мой собесѣдникъ скромнымъ, упор-

нымъ трудомъ зарабатывалъ рублей 700-800 въ годъ, а у него старшій сынъ учился въ политехникумѣ, дочь—въ Москвѣ на курсахъ, вторая дочь—въ здѣшней гимназіи, сынишка—въ начальной школѣ, да еще былъ мальчуганъ, который не сегодня-завтра тоже протянетъ рученку къ огоньку науки. И, конечно, отецъ имѣлъ право съ изумленіемъ озираться, ощупывать себя и спрашивать: «Да какъ же это я справляюсь»?.. Конечно, уже съ головой запутанъ онъ въ тенета долговъ, обязательствъ, одолженій,—и все запутывается, подкрѣпляясь надеждой, что когда-либо культура, въ лицѣ сына или дочери, дастъ, наконецъ, и матеріальное утѣшеніе.

— Вотъ мы и думаемъ,—продолжалъ между тѣмъ собесѣдникъ,—вотъ мы и думаемъ: пора ужъ! Пора вспомнить о мѣщанахъ. А коли забыли, мы сами напомнимъ о себѣ. Будетъ у насъ теперь на выборахъ мѣщанская платформа. Выберемъ такого,—и пусть этакъ же въ другихъ городахъ,—чтобы въ Думѣ выставилъ наши интересы. А нужно намъ...

Онъ передохнулъ и, развернувъ пальцы, сталъ съ воодушевленіемъ перечислять:

— Во-первыхъ, нужны намъ права. У мѣщанъ долженъ быть полный голосъ и въ государственномъ, и въ городскомъ хозяйствѣ. Въ Государственной Думѣ и въ нашей вонъ городской сидятъ сытые люди. Они плохо чуютъ, гдѣ правда-то лежитъ. Спина у бѣднаго плательщика давно уже трещитъ, давно уже хрустнула, а они по своимъ комиссіямъ все сидятъ да голову ломаютъ: какъ бы новый налогъ придумать?.. А во-вторыхъ: какую мы культуру дѣлаемъ? Общегосударственную. Такъ пусть и расходы на культуру съ нашихъ хребтовъ снимутъ на государственный хребетъ. Довольно ужъ. Пора ужъ всѣ эти школы, гимназіи, университеты, политехникумы содержать главнымъ образомъ на общегосударственныя средства. А въ-третьихъ...

И онъ долго высчитывалъ, какія реформы требуетъ себѣ мѣщанство. И были, конечно, эти требованія общеизвѣстнаго, широко-демократическаго характера, но поднесены были имъ не въ сухомъ, отвлеченномъ видѣ, а въ оригинальномъ закрѣпленіи мѣстными, живыми доводами.

Изливъ свой политическій паѳосъ, онъ смягчился и размечтался:

— А сколько нужно сейчасъ Россіи ученыхъ, энергичныхъ людей, Боже мой, сколько нужно! Ну вотъ, посмотришь напримѣръ, на берега Волги: тянется десятками верстъ выжженная, голая пустыня. Сады, видите ли, не растутъ, а если и были, такъ сохнутъ. Это возлѣ Волги-то, въ которой благодѣтельной влаги неисчерпаемый запасъ. А вотъ пустить бы вдоль Волги нѣсколько тысячъ техни-

ковъ—они бы вамъ показали, что пустякъ поднять воду на берегъ въ двѣ-три сажени, они бы вамъ покрыли береговую пустыню изумительными садами, огородами, полями. А то у иного и деньги есть, да не понимаетъ, не видитъ, не знаетъ, за что взяться. Но я убѣжденъ: будетъ. Покроется вся Волга садами. Сплошной садъ будетъ. И уже понемножку начинается.

— Ну, Саратовъ себя не осрамитъ. Какъ въ прежніе выборы проходили отъ города выборщиками на половину трудовики, на половину кадеты, такъ и теперь будетъ.

Союзники здѣсь (вдохновляемые долгое время епископомъ Гермогеномъ) чуть ли не самые боевые по Волгѣ. Но ихъ счетомъ два-три десятка, и выходки ихъ служатъ только предметомъ забавы.

— По уѣздамъ,—сообщали дальше мѣстные люди,—по условіямъ выборовъ, конечно, большого успѣха нельзя ожидать. Но все же, судя по недавнимъ земскимъ выборамъ, колебанье есть скорѣе влѣво, чѣмъ вправо.

О губернскомъ земствѣ, попавшемъ нѣкогда изъ прогрессивныхъ въ ретроградныя руки, земскіе работники удовлетворенно разъяснили:

— Ничего, обошлось. Сначала спиной пятились по прежнему пути, а теперь и лицомъ повернулись. Съ открытыми глазами дѣйствуютъ.

Дѣйствительно, въ земствѣ сохранились и статистика, и санитарная организація, и другія начинанія прогрессивнаго земства. Сохранились—и спокойно работаютъ въ составѣ тѣхъ же лицъ прежняго элемента, которыя были раньше. Въ прошломъ и нынѣшнемъ годахъ губернское земство организовало для народныхъ учителей превосходные мѣстные курсы, съ обширной общеобразовательной программой, со столичными лекторами и профессорами мѣстнаго университета. Курсы были многолюдны и прошли съ большимъ подъемомъ духа.

О нынѣшнемъ губернаторѣ мѣстные дѣятели снисходительно говорятъ:

— Человѣкообразенъ. Ничего.

А когда я засмѣялся, мнѣ серьезно сказали:

— Что вы думаете? По нынѣшнимъ временамъ «человѣкообразенъ» — большая похвала для администратора. Можно дышать. А вотъ до него былъ—мундиръ, набитый циркулярами. Труднѣе было. Не сговоришь.

Однако, снисходительность нынѣшней администраціи тоже, оказывается, довольно сомнительная. Мѣстные журнальные работники говорили:

— Трудненько писать. О томъ боимся, о семъ боимся. Пока не штрафуютъ, но во всякую минуту могутъ. Редакторамъ дается внушеніе: «Вотъ, смотрите, объ этомъ нельзя и вотъ этого лучше бы вамъ не касаться. Видите, мы васъ не штрафуемъ, такъ и вы ужъ того-съ»... Ну, мы и стараемся: хвостъ подвернули, лапки спрятали, уши прижали...

Саратовъ съ давнихъ поръ присваиваетъ себѣ названіе «столицы Поволжья». Раньше претензія эта, сравнительно съ другими городами (Казань, Нижній-Новгородъ, Самара), была довольно преувеличенной. Теперь Саратовъ по праву завоевываетъ на Волгѣ первенство. Въ Саратовѣ уже имѣется университетъ. Съ нынѣшняго года откроется консерваторія (первая и единственная пока для провинціи, третья послѣ петербургской и московской).

Конечно, высшія учебныя заведенія могутъ и не свидѣтельствовать о ростѣ и процвѣтаніи города. Но это только тогда, когда они приходятъ извнѣ, по размѣткѣ правительства. Если же ихъ добиваются сами города и приносятъ большія денежныя жертвы для нихъ (какъ въ Саратовѣ), то они являются своего рода признакомъ цвѣтущей, развивающейся жизни.

Саратовъ быстро растетъ. Въ немъ уже насчитываютъ около 240 тысячъ жителей. Мѣстные патріоты надѣются, что онъ сдѣлается центромъ всего юго-востока, торговля и промышленность котораго уже льнетъ къ нему. Кромѣ существующихъ желѣзнодорожныхъ линій къ Москвѣ, къ Уралу и къ Астрахани, кромѣ великаго волжскаго пути, отъ Саратова намѣчена желѣзная дорога къ Западной Сибири. А такъ какъ эта дорога пересѣчетъ Самаро—Ташкентскую дорогу, то открывается путь и въ Закаспійскій край. Такимъ образомъ, дѣйствительно, Саратову суждено сдѣлаться значительнымъ торгово-промышленнымъ центромъ огромнаго района.

— Саратовъ будетъ расти,—утверждаютъ мѣстные люди,—съ такой же быстротой, какъ Кіевъ. Въ Кіевѣ скрестились нѣсколько главныхъ торговыхъ линій, и онъ выросъ до полумилліона жителей. Столько же будетъ въ недалекомъ будущемъ въ Саратовѣ.

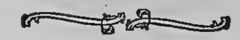
Близкой, но ускользающей мечтой является для Саратова желѣзнодорожный мостъ черезъ Волгу. Мостъ въ сущности будетъ, но едва ли тамъ, гдѣ мечтается саратовцамъ.

На лѣвомъ берегу Волги расположена богатая, многолюдная слобода Покровская, которая административно принадлежитъ къ Самарской губерніи, а всей своей жизнью тяготѣетъ къ Саратову. Мечта саратовцевъ—соединить городъ со слободой двухъяруснымъ мостомъ, по которому шла бы желѣзная дорога, бѣгалъ трамвай, ѣздили экипажи и шли пѣшеходы. Вышелъ бы одинъ слитный,

громадный городъ, вліяющій на оба побережья. Но этотъ проектъ требуетъ громадныхъ расходовъ, такъ какъ надо произвести отчужденіе частныхъ мѣстъ поперекъ всего города, засыпать Глѣбучевъ оврагъ (что, между прочимъ, чрезвычайно оздоровило бы городъ) и воздвигнуть дорогія желѣзнодорожныя сооруженія, которыя у желѣзной дороги давно уже имѣются въ другомъ мѣстѣ. Въ этомъ мѣстѣ (около Увека, 12 верстъ ниже Саратова) и будетъ, вѣроятно, построенъ мостъ.

Горестно будетъ для саратовцевъ разстаться съ красивой мечтой о грандіозномъ городѣ, раскинувшемся на двухъ берегахъ величественной рѣки. Зрѣлище было бы единственное для Россіи (если не считать Петербурга).

И. Жилкинъ.

ЖЕНЩИНЫ ВЪ РУССКИХЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.

Послѣ 45-лѣтняго запрета, событія 1905-го года снова открыли женщинамъ доступъ въ высшія правительственныя учебныя заведенія. Съ осени 1907-го года учебная работа вольнослушательницъ пошла полнымъ, спокойнымъ ходомъ. Но уже крѣпла реакція, вскорѣ министерство объявило противозаконнымъ присутствіе вольнослушательницъ въ университетахъ и строго осудило провѣрку ихъ знаній и выдачу имъ зачетовъ. Весной 1908-го года вольнослушательницамъ предстояло покинуть университеты. Энергичная ихъ кампанія при участіи профессоровъ, закончилась Высочайшимъ разрѣшеніемъ наличному числу вольнослушательницъ окончить начатый ими курсъ наукъ.

Въ самый разгаръ этой борьбы группа представительницъ разныхъ университетовъ обратилась ко всѣмъ вольнослушательницамъ съ анкетой, желая выяснить число ихъ по заведеніямъ и факультетамъ, ходъ ихъ занятій, пройденные семестры, число экзаменовъ и зачетовъ, отношеніе къ нимъ профессоровъ и студентовъ. Анкетный листокъ былъ составленъ по правиламъ статистической техники съ 86-ю вопросами, въ томъ числѣ такими жгучими и интимными, какъ принадлежность къ политической партіи, отношеніе къ религіи, характеръ міровоззрѣнія; не забыты были и свѣдѣнія о

національности, семейномъ положеніи, о средствахъ родителей или мужа, о числѣ дѣтей.

Анкета потерпѣла неудачу уже потому, что отвѣты собирались крайне медленно: за два года получено обратно 178 листковъ; изъ харьковскаго университета ничего не было прислано. Запретительные циркуляры министерства вызвали мѣстами такія колебанія въ числѣ посѣщавшихъ аудиторіи, что въ петербургскомъ университетѣ вовсе не установили числа вольнослушательницъ, въ новороссійскомъ—указали только приблизительный итогъ. Многія вольнослушательницы съ недовѣріемъ, даже предубѣжденіемъ, встрѣтили анкетные листки; высказывались даже подозрѣнія, что ихъ разослали съ провокаціонными цѣлями. Особенно смущала группа вопросовъ относительно политическихъ партій. Результаты анкеты не могутъ, поэтому, служить статистическимъ матеріаломъ, но все же они говорятъ о совершенно новомъ явленіи въ нашей академической жизни, необычномъ и для общества, и для администраціи. Уже по одному этому интересующійся ходомъ женскаго образованія въ Россіи можетъ принять къ свѣдѣнію иныя соотношенія бѣдныхъ количествомъ цифръ. Всего любопытнѣе въ отвѣтныхъ листкахъ мелькающія въ нихъ черты внутренняго быта нашихъ университетовъ и отраженія душевныхъ настроеній учащейся молодежи, женской и мужской. Вотъ почему не безполезно ознакомить съ анкетой и болѣе широкую публику.

Въ шести университетахъ, двухъ политехническихъ институтахъ и одномъ учрежденіи, котораго учащіяся не пожелали назвать, въ 1909-мъ году состояло не менѣе 640 вольнослушательницъ: въ Юрьевскомъ университетѣ — 95 (64 отвѣта), Новороссійскомъ—около 95 (34 отвѣта), Московскомъ—136 (13 отвѣт.), Томскомъ—175 (15 отвѣт.), Казанскомъ—35 (3 отвѣта), въ Кіевскомъ политехническомъ институтѣ — 30 (6 отвѣтовъ), Петербургскомъ — 28 (2 отвѣта). С.-Петербургскій университетъ далъ 20 отвѣтовъ, анонимное заведеніе—21.

Для поступленія въ С.-Петербургскій университетъ требовалось свидѣтельство объ окончаніи 8-го класса, съ четверкой въ среднемъ за 7-ой классъ; позже для окончанія курса съ правами на государственный экзаменъ назначены были дополнительные экзамены по латинскому языку, математикѣ и еще нѣкоторымъ предметамъ. Въ политехническій институтъ принимали съ дополнительными экзаменами по математикѣ и физикѣ. Условія пріема въ Московскій университетъ не указаны. Матрикулы выдавались только медичкамъ, какъ и въ Томскомъ университетѣ. Въ послѣднемъ, при пріемѣ на медицинскій факультетъ, требовался дополнительный экзаменъ по латин-

скому языку. Здѣсь иные профессора еще съ 1906 г. допускали вольнослушательницъ только къ коллоквіумамъ.

Въ Одесскій и Юрьевскій университеты принимали очень легко со свидѣтельствами семиклассныхъ среднеучебныхъ заведеній, а въ Юрьевѣ—даже епархіальныхъ училищъ. Въ Одессѣ многіе профессора съ перваго года отказывались экзаменовать женщинъ, а совѣтъ не отвѣчалъ ни на какія обращенія вольнослушательницъ. Въ Кіевскій политехникумъ принимали по конкурсу на ряду со студентами; затѣмъ вольнослушательницъ во всемъ сравняли съ ними.

Что касается національности, то большая часть отвѣтовъ (100) прислана представительницами инородческаго населенія, въ томъ числѣ 76-еврейками; русскія доставили всего 76 отвѣтныхъ листковъ; очевидно, онѣ особенно опасливо отнеслись къ анкетѣ.

Въ университетахъ Европейской Россіи замѣтенъ значительный процентъ вольнослушательницъ, окончившихъ высшіе женскіе курсы, учившихся за-границей, на курсахъ Лесгафта, зубоврачебныхъ и другихъ. Но перебѣжчицы съ высшихъ общеобразовательныхъ курсовъ нашлись только въ Одессѣ, гдѣ особенно привлекали юридическій и медицинскій факультеты. Въ Томскій университетъ поступали, повидимому, лица, знакомыя только со среднеучебными заведеніями.

Первый изъ вопросовъ, представляющихъ общій интересъ, слѣдующій: «что привело васъ въ мужское высшее учебное заведеніе. Большинство отвѣтовъ указываютъ нѣсколько причинъ. У томскихъ вольнослушательницъ мотивы сравнительно однообразные: въ Сибири не существовало высшихъ курсовъ, и сибирячки, желавшія учиться на родинѣ, могли поступить только въ университетъ. Кое-кто изъ нихъ, впрочемъ, ссылается и на лучшую постановку учебнаго дѣла. Одна замужняя, вполнѣ обезпеченная особа особенно подчеркнула свое желаніе доказать, что женщины могутъ работать вмѣстѣ со студентами и не хуже ихъ.

Вольнослушательницы столичныхъ университетовъ, болѣе опытныя и разборчивыя, выдвигаютъ на первый планъ лучшую постановку дѣла въ университетѣ, сравнительно съ высшими женскими курсами. Другой важный мотивъ—принципъ совмѣстнаго обученія, который онѣ желаютъ провести въ жизнь, использовавъ возможность работать среди студентовъ. Онъ особенно занимаетъ петербургскихъ вольнослушательницъ. Указывается и надежда на полученіе связанныхъ съ университетскимъ образованіемъ правъ. Были и случайныя обстоятельства, побудившія выбрать университетъ.

Лучшая постановка учебнаго дѣла стоитъ на первомъ планѣ

и въ отвѣтахъ одесситокъ, причемъ много встрѣчается указаній на отсутствіе медицинскаго и юридическаго факультетовъ на мѣстныхъ высшихъ курсахъ. Среди одесситокъ много сторонницъ принципа совмѣстнаго обученія. Есть конечно, и расчетъ на большія права. «Считаю изолированное обученіе женщинъ пережиткомъ особаго къ нимъ отношенія», заявляетъ одна; а другая даетъ лаконическій отвѣтъ: «Все, кромѣ принципа». Одна медичка, знакомая съ медицинскими курсами Россіи, пишетъ: «При поступленіи въ университетъ не думала о лучшей постановкѣ занятій; но поступивъ въ университетъ, нахожу, что хотя она и здѣсь, на дорого стоющемъ факультетѣ неудовлетворительна, но все-таки лучше, чѣмъ на курсахъ для женщинъ».

Въ отвѣтахъ юрьевскихъ вольнослушательницъ чаще встрѣчаются ссылки на случайности, семейныя условія, невозможность поступить въ женское высшее учебное заведеніе. У нихъ меньше увѣренности въ преимуществахъ университетскаго преподаванія, но проглядываетъ и недовѣріе къ женскимъ курсамъ. Одна вольнослушательница «возможность заниматься не съ женщинами» выставляетъ единственной причиной своего предпочтенія университета курсамъ. Другая также говоритъ о нежеланіи находиться по преимуществу въ кругу женщинъ.

Рубрику отвѣтовъ относительно числа пройденныхъ семестровъ, сданныхъ экзаменовъ, полученныхъ зачетовъ, можно отложить въ сторону; отвѣты писались въ разное время, при весьма различныхъ условіяхъ академической жизни, среди которыхъ работали вольнослушательницы, и не даютъ никакихъ новыхъ данныхъ для пониманія этой жизни. Что вольнослушательницамъ приходилось много работать—это само собой понятно. Несравненно любопытнѣе отвѣты на самые боевые, можно сказать, вопросы анкеты: отношеніе къ вольнослушательницамъ профессоровъ и студентовъ, хозяевъ той обстановки, среди которой очутились новые элементы русской академической жизни.

Относительно профессоровъ былъ предложенъ очень простой вопросъ: «Какимъ вы находите отношеніе большинства профессоровъ къ вольнослушательницамъ? Огромное большинство отвѣтившихъ вольнослушательницъ, даже Одесскаго университета, гдѣ положеніе и составъ профессоровъ очень измѣнились съ 1906 года, признало отношеніе профессоровъ, въ общемъ, доброжелательнымъ. Немногія вдавались въ подробности этого деликатнаго вопроса. Едва ли не лучшіе отзывы о профессорахъ даютъ московскія вольнослушательницы. «За немногими исключеніями — очень доброжелательно», пишетъ одна; другая сообщаетъ: «Большинство (профессоровъ)

относится съ большимъ интересомъ и вниманіемъ, что особенно сказывается во время экзаменовъ и зачетовъ; экзаменуютъ всесторонне и спрашиваютъ больше, чѣмъ со студентовъ. Такъ напримѣръ, меня лично профессоръ экзаменовалъ около $1^1/_2$ часа, до усталости; и все-таки насъ всегда стараются обособить въ исключительную группу, смотрятъ на насъ, какъ на явленіе случайное въ стѣнахъ университета» [1]).

Отъ петербургскихъ вольнослушательницъ, среди хора вполнѣ удовлетворительныхъ отзывовъ, получены указанія на безразличное отношеніе къ нимъ профессоровъ. «Доброжелательное, болѣе чѣмъ внимательное»—аттестуетъ выдающаяся лингвистка, знающая 8-мь языковъ. Другая находитъ такое отношеніе «обидно снисходительнымъ», вѣроятно, какъ женщина, готовая на строгія испытанія. Имѣется и такое замѣчаніе: «Доброжелательное, съ отклоненіемъ въ сторону вѣтра изъ министерства».

Въ Томскѣ многіе профессора едва ли не впервые имѣли случай ознакомиться съ женщинами, добивающимися научнаго образованія и университетскихъ степеней; поэтому въ ихъ отношеніи къ вольнослушательницамъ замѣчались колебанія, нетвердость. «Отношеніе самое разнообразное—говоритъ одна учащаяся;—теперь оно улучшается». Въ первый годъ ея пребыванія въ университетѣ профессоръ, послѣ неудачнаго отвѣта, заявилъ, что у дамъ замѣчается узость кругозора, отсутствіе перспективы, непривычка къ юридическому языку.—«Доброжелательное,—отмѣчаетъ другая». Думаю, что на экзаменахъ къ намъ предъявляютъ одинаковыя со студентами требованія, хотя студенты это отрицаютъ».—«Доброжелательное, большею частью безразличное, смѣняющееся за послѣднее время нѣкоторымъ уваженіемъ къ женской трудоспособности».—Двѣ скептически настроенныя или раздраженныя пережитыми репрессіями вольнослушательницы отвѣтили: «Въ общемъ доброжелательны; но это не идетъ дальше словъ»...—«Мнѣ кажется, что большинство профессоровъ относится къ намъ недоброжелательно».

Для юрьевскаго университета учащіяся женщины тоже являлись новинкой; къ нимъ какъ бы присматривались, относились сдержанно, но дѣловито, съ нѣкоторыми исключеніями. Отношеніе профессоровъ — «слишкомъ доброжелательное и предупредительное», аттестуетъ особенно удовлетворенная вольнослушательница. «Цѣльнаго впечатлѣнія не получила»,—отзываются другія. — «Довольно равнодушное, съ оттѣнкомъ доброжелательства у нѣкоторыхъ»... —

---

1) Факты, подтверждающіе отзывы о благожелательности профессоровъ немногихъ москвичекъ, приславшихъ отвѣты, къ сожалѣнію, еще не могутъ быть оглашены въ печати.

«Любопытно-подозрительное, такъ какъ у насъ они въ первый разъ видятъ учащуюся женщину». Кое-кому отношеніе профессоровъ кажется «безразличнымъ», только «терпимымъ». Двѣ вольнослушательницы признаютъ его доброжелательнымъ и недоброжелательнымъ, третья — «въ общемъ доброжелательнымъ и даже симпатичнымъ», но въ отдѣльности находитъ «ужаснѣйшіе типы, правда, единичные, которые насъ, пожалуй, и презираютъ».

Вольнослушательницы много испытавшаго Одесскаго университета прислали очень хорошіе, въ общемъ, отзывы и съ большими, сравнительно, подробностями. Медичка пишетъ: «Я бы выразилась—сочувственное и очень милое». Словесница: «Со стороны профессоровъ никогда не получала отказа; они были въ высшей степени корректны», напримѣръ, сами согласились экзаменовать. «Доброжелательное, хотя иногда оскорбляюще дѣйствуетъ недовѣріе къ нашимъ силамъ», замѣчаетъ другая. Еще одна прибавляетъ, что были отдѣльные профессора, оттѣнявшіе «свое специфическое отношеніе къ намъ». Двѣ вольнослушательницы проявляютъ скептическое отношеніе: «Внѣшне корректное, а что они (профессора) думаютъ—Аллахъ вѣдаетъ».—«Смотря по вѣтру».—Иныя замѣчаютъ различное отношеніе по факультетамъ, времени, партіямъ.—«Доброжелательное» на физико-математическомъ, «безразличное» — на другихъ»... «Доброжелательное на всѣхъ, кромѣ юридическаго»... Другая юристка разъясняетъ: «Отношеніе, пожалуй, хорошее, но сильно тормозится, въ зависимости отъ факультета. Мы съ большимъ трудомъ добились частныхъ экзаменовъ даже въ 1907-мъ году, потому что профессора боялись декана, мотивировали, что не хотятъ попасть подъ судъ за незаконные экзамены; деканъ разрѣшитъ, и мы съ вами охотно побесѣдуемъ». Одна вольнослушательница размышляетъ: «Трудно отвѣтить однимъ словомъ; въ разное время отношеніе было различнымъ; иные профессора по личнымъ убѣжденіямъ, по свойствамъ характера плохо относились къ вольнослушательницамъ и ранѣе запретительныхъ циркуляровъ. Въ последнее время отношеніе стало какъ-то лучше».

Вопросы, касающіеся отношенія студенчества, формулированы съ большими подробностями. «Какимъ вы находите отношеніе студенчества къ вольнослушательницамъ? товарищескимъ, безразличнымъ, враждебнымъ, корректнымъ? — «Были ли лично у васъ случаи столкновенія со студентами?»—«Если были, въ чемъ они состояли?» Въ особомъ примѣчаніи составительницы вопросовъ просятъ иллюстрировать отвѣты «описаніями» изъ различныхъ сферъ академической жизни. Онѣ знали, что этотъ отдѣлъ представляетъ особый, животрепещущій интересъ для учащихся женщинъ; вѣдь во-

просы касались условій совмѣстной учебной работы со своими ближайшими современниками, представителями того поколѣнія, съ которымъ доводилось проходить весь путь своей жизни. И дѣйствительно, явилось немало подробныхъ отвѣтовъ, съ указаніями, что отношенія студенчества довольно сложны, и не укладываются въ простыя формулы анкеты. Отзывы вольнослушательницъ довольно разнообразны, часто субъективны, отражая индивидуальность авторовъ; многіе признаютъ доброжелательное и корректное отношеніе мужской молодежи, но часто съ оговорками, съ примиряющими разъясненіями, если не все оказывалось благополучнымъ. Иныя вольнослушательницы, слишкомъ скоро разочаровавшіяся въ идеальныхъ свойствахъ русскихъ студентовъ, при первой же встрѣчѣ лицомъ къ лицу, раздраженныя борьбой за свои права, написали отвѣты на отдѣльныхъ листкахъ, размѣромъ съ газетную статейку. Но къ картинѣ, которая рисуется подробными отвѣтами, нужно относиться очень осторожно, не обобщая сообщаемыхъ данныхъ; благодаря самой постановкѣ вопроса о «случаяхъ столкновеній», подробности обыкновенно касаются непріятныхъ и тяжелыхъ эпизодовъ перваго опыта совмѣстной студенческой жизни.

Начнемъ съ отзывовъ представительницъ петербургскаго университета (къ нимъ приложены два, ничѣмъ не выдающіеся листка изъ политехническаго института). Въ Петербургѣ съ 60-хъ годовъ цѣлыя поколѣнія учащейся молодежи имѣли достаточно времени узнать другъ друга, привыкнуть къ совмѣстной работѣ въ общественныхъ организаціяхъ и частныхъ кружкахъ, часто встрѣчаясь на равной ногѣ на дѣловой почвѣ. Однако и здѣсь только 10 отвѣтовъ изъ 22-хъ признаютъ отношеніе студентовъ къ вольнослушательницамъ, товарищескимъ, безъ оговорокъ. 12 называютъ его безразличнымъ съ уклоненіями какъ къ товарищескому тону, такъ и въ сторону недовѣрія, даже враждебности. Немолодая учительница, полуиностранка, живущая своимъ трудомъ, съ большой подготовкой по языкамъ, не можетъ нахвалиться отношеніемъ русскихъ студентовъ, его дѣловитостью; оно хорошо всюду—на экзаменахъ, при практическихъ занятіяхъ, въ библіотекѣ. Молодая женщина, обезпеченная мать семейства, знающая 8 языковъ, считаетъ отношеніе студентовъ товарищескимъ и корректнымъ, при полной готовности всегда помочь въ занятіяхъ. Выше она же называла отношеніе профессоровъ болѣе чѣмъ внимательнымъ. Очень состоятельная молоденькая дѣвушка считаетъ его товарищескимъ; «въ стѣнахъ университета и внѣ его отношеніе молодыхъ людей и дѣвушекъ одинаковое, очень простое, скорѣе товарищеское». Одна говоритъ кратко: «Товарищеское, но вообще учесть трудно». Инородка изъ бѣдной семьи, не знающая

иностранныхъ языковъ, замѣчаетъ то товарищескій тонъ, то враждебность; «первое—въ лабораторіяхъ, а въ жизни (?) очень разнообразно, всѣ оттѣнки. Болѣе интеллигентные слои студенчества относятся безразлично, многіе скептически. Студенческая толпа—хорошо. Но за 1—2 года, когда женщинамъ пришлось обивать пороги, просить за себя—отношенія стали хуже». Другая находитъ, что «студенты, въ общемъ, чувствуютъ себя несвободно съ женщинами, не привыкли къ ихъ присутствію въ университетѣ». «Отношенія вообще безразличныя; въ отдѣльности, въ личныхъ отношеніяхъ студенты корректны; они интересуются вольнослушательницами; всякій отвѣтъ на экзаменѣ, всякій шагъ ихъ становится извѣстнымъ всему университету; но, при обычной неточности передачи, эта неточность толкуется не въ пользу женщинъ. Когда вышелъ циркуляръ объ исключеніи вольнослушательницъ, студенты отнеслись не по товарищески къ ихъ бѣдѣ».

Отвѣты изъ Москвы спокойнѣе, какъ бы теплѣе, хотя при наличности многолюднаго медицинскаго факультета слѣдовало бы ожидать немало поводовъ къ столкновеніямъ на почвѣ практическихъ работъ. «Отношеніе вполнѣ товарищеское; даже странно вопросъ о возможности столкновеній»,—отвѣчаетъ молоденькая вольнослушательница, вступившая въ университетъ въ самомъ радужномъ настроеніи, «ради выработки философскаго и общественнаго міровоззрѣнія». Экзамены и зачеты для нея «пріятное развлеченіе». Съ ранней юности она принимала участіе въ воскресныхъ школахъ; теперь работаетъ въ студенческой столовой и другихъ организаціяхъ на пользу товарищей. На дополнительномъ листкѣ она съ благодарностью иллюстрируетъ отношеніе студентовъ; когда она впервые, вступивъ въ университетъ, оказалась какъ въ темномъ лѣсу: отъ всякаго, къ кому обращалась со словомъ «товарищъ», она получала указанія и разъясненія. Въ громадномъ большинствѣ студенты относились къ вольнослушательницамъ «сознательно, старательно, товарищески». Когда ей, слабо подготовленной по латинскому языку, довелось готовить рефератъ по матеріаламъ на этомъ языкѣ, девять товарищей вызвались помогать, иные—съ большой для себя тратой времени.

Вотъ еще нѣсколько отвѣтовъ москвичекъ: «Безразличное, корректное, съ товарищескимъ оттѣнкомъ».—«Разные студенты по разному относятся, больше товарищески».—«Безразлично, но всегда корректно; по особому постановленію всѣхъ членовъ принимали вольнослушательницъ въ кружки спеціалистовъ изъ дѣйствительныхъ студентовъ». «Въ 1906-мъ году отношеніе большинства на юридическомъ факультетѣ не было вполнѣ корректнымъ. Признаки материнства вызывали пошлые взгляды и замѣчанія. Теперь оно вполнѣ

корректно; замѣчается больше довѣрія къ силамъ женщинъ». «Преимущественно безразличныя. Бывали столкновенія на почвѣ практическихъ работъ».

Уже по этимъ немногимъ отвѣтамъ замѣтно, какую роль играли индивидуальныя свойства самихъ вольнослушательницъ въ установленіи тѣхъ или иныхъ оттѣнковъ отношеній къ нимъ студентовъ и, конечно, профессоровъ. Наиболѣе подготовленныя къ научнымъ занятіямъ или проникнутыя сильнымъ чувствомъ общественности какъ бы импонировали окружающимъ и скоро овладѣвали своимъ положеніемъ. Личности менѣе счастливаго склада, или слишкомъ требовательныя, замѣчаютъ больше критическихъ взглядовъ, болѣе чувствительны къ скептицизму, скорѣе разочаровываются въ товариществѣ.

Изъ 15-ти отвѣтовъ вольнослушательницъ Томскаго университета семь отмѣчаютъ отношеніе товарищеское и корректное, восемь — колебанія и двойственность. «Въ общемъ отношеніе (студентовъ) хорошее, хотя раньше было, кажется, лучше». У другихъ иное впечатлѣніе. «Товарищеское: когда была выставлена моя кандидатура въ члены правленія землячества, одинъ студентъ заявилъ о желательности присутствія женщины въ правленіи» —и она получила наибольшее число голосовъ. «Товарищеское, отчасти безразличное. Въ оффиціальныхъ выступленіяхъ, научныхъ кружкахъ и т. д. вполнѣ товарищеское. Несочувствующіе не рѣшаются выступать съ протестомъ». «Въ общей массѣ студенчества нѣтъ товарищескаго отношенія». Рѣдко безразличное, чаще любопытно-насмѣшливое; часто со стороны студентовъ замѣчается недовѣріе къ нашимъ занятіямъ», пишетъ вольнослушательница, поступившая въ университетъ, чтобы доказать, что женщина можетъ работать наравнѣ съ мужчиной. Съ нею согласны двѣ другія: отношеніе «рѣдко — товарищеское, большею частью любопытно-враждебное», или «корректное, рѣдко товарищеское». Въ огромномъ большинствѣ случаевъ—безразличное, съ оттѣнкомъ насмѣшки и нетоварищескаго любопытства.

Три отвѣта изъ Казани называютъ отношеніе студентовъ безразличнымъ. Нужно сознаться, что этотъ терминъ часто грѣшитъ неясностью. Сама анкета устанавливаетъ, напримѣръ, что казанскіе студенты встрѣтили циркуляръ Шварца дружной забастовкой; значитъ къ судьбѣ вольнослушательницъ они не были безразличны. Нужно догадываться, что они заявляли себя не товарищами въ личныхъ отношеніяхъ.

Въ отвѣтахъ одесскихъ вольнослушательницъ не мало подробностей; иногда прорываются нервность въ тонѣ, чувство обиды и

разочарованія. Десять вольнослушательницъ признаютъ отношеніе студентовъ товарищескимъ, тринадцать—безразличнымъ, со многими колебаніями въ лучшую и худшую сторону; семеро—корректнымъ; одна—просто враждебнымъ. Трое изложили свои впечатлѣнія на особыхъ листкахъ. «Ни разу—заявляетъ одна—не было случая, чтобы студенты отнеслись невнимательно къ вольнослушательницамъ на занятіяхъ или экскурсіяхъ». Другая ей вторитъ, но третья оговаривается: «Товарищеское и корректное на физико-математическомъ факультетѣ. На другихъ—не знаю». Дѣловито звучатъ такіе отвѣты: «Студенты часто жаловались на недостатокъ мѣста въ аудиторіяхъ медицинскаго факультета. Заявляли, что изъ-за насъ должны поздно оканчивать занятія. На курсовыхъ собраніяхъ говорили, что практическія занятія можно предоставлять вольнослушательницамъ, лишь если останутся свободныя мѣста, такъ какъ для нихъ эти занятія имѣютъ меньше значенія, чѣмъ для студентовъ». Это подтверждаютъ и другіе отвѣты. Интересенъ отвѣтъ: «Вообще на историческомъ факультетѣ студенты безразличны другъ къ другу». «Обобщать нельзя», отвѣчаетъ одна одесситка. «Первое время мы были встрѣчены, какъ достойные товарищи; намъ обѣщали поддержку на всемъ пути; все осталось на словахъ». Такую же перемѣну отмѣчаютъ и другія. Студенты относились крайне равнодушно къ обрушившимся на вольнослушательницъ репрессіямъ. «Съ 1907 г.—пишетъ одна изъ нихъ,—не безъ вліянія репрессій со стороны администраціи университета, произошло полное разъединеніе между студентами и нами; мы сохранили свою отдѣльную организацію и не имѣемъ съ ними никакихъ общихъ дѣлъ. «Два отвѣта иначе оттѣняютъ причину разъединенія: «однимъ словомъ не сказать; скорѣе безразличное en masse. Самомнѣніе и свое превосходство, какъ мужчинъ, студенчество всегда старается поставить на видъ; если не видно враждебности, во всякомъ случаѣ рады зубоскалить и злорадствовать».—А другая: «отношеніе корректное. Презрѣніе къ женщинѣ, внушенное жизнью и воспитаніемъ, приходится чувствовать, и вслѣдствіе этого никакой связи со студентами не чувствуешь».

Въ особой запискѣ медичка сообщаетъ, съ какимъ восторгомъ уѣхала она отъ непріятнаго швейцарскаго студенчества, разсчитывая на родинѣ поработать среди дружеской семьи русскихъ товарищей. Все пошло было хорошо. Но вотъ изъ духа товарищества вольнослушательницы согласились поддержать требованія студентовъ объ отсрочкѣ полулекарскаго экзамена, получивъ обѣщаніе въ поддержкѣ и своихъ интересовъ. Правые профессора возмутились выступленіемъ безправныхъ посѣтительницъ, и наотрѣзъ отказались

экзаменовать ихъ. Студенты не оказали никакой поддержки. Наступилъ тяжелый разладъ.—«Собственно, зачѣмъ имъ учиться, разъ никакихъ правъ у нихъ нѣтъ и не будетъ? Или ищутъ жениховъ, или убиваютъ праздное время»,—слышались голоса студентовъ и нѣкоторыхъ профессоровъ. А тутъ мучительная борьба съ министерскими репрессіями, отстаиваніе своего мѣста на университетской скамьѣ. Настроеніе упало; работать стало трудно; вольнослушательницы отставали отъ студентовъ. И вдругъ явилось разрѣшеніе окончить курсъ. Тотчасъ послышались негодующіе возгласы:—«Какъ, онѣ не работали, не держали полулекарскаго, и будутъ допущены вмѣстѣ съ ними къ государственному экзамену»? Вокругъ скопилось столько тяготы, что было отъ чего съ ума сойти. Оказалось, что правые профессора стали держать себя корректнѣе лѣвыхъ относительно вольнослушательницъ, а большинство прогрессивныхъ студентовъ—противъ высшаго образованія женщинъ! Что говорилось въ 1905 г.—вспоминали только для парадныхъ оказій. Пишущую охватило тяжелое разочарованіе въ людяхъ.

Другое письмо «дѣтища обновленной Россіи»,—такъ иронизируютъ надъ собой нервно измученныя вольнослушательницы,—повѣствуетъ, какъ съ наступленіемъ будней, когда университетъ начали подтягивать, стали суживаться интересы студенчества; студенты понемногу вытѣснили вольнослушательницъ, изъ-за своихъ дѣловыхъ соображеній. Женщины обособились отдѣльной группой для обсужденія своихъ дѣлъ. Студенты равнодушно признавали это обособленіе, пока дѣло не коснулось выдѣленія общестуденческихъ средствъ въ особую кассу вольнослушательницъ. Тогда только раздались протесты мужчинъ. «Нѣтъ здѣсь студенчества—скорбно восклицаетъ одесситка,—а есть только отдѣльные студенты. У подавляющаго большинства одно желаніе—самому выкарабкаться, а тамъ хоть потопъ». Слѣдуетъ отмѣтить, что изъ Одессы только одна русская откликнулась на анкету; 32 отвѣта написаны еврейками. Значитъ и евреи-студенты оказались равнодушными къ судьбѣ вольнослушательницъ своей среды.

Если не легко работалось въ Одессѣ въ пору подтягиванья, то и въ тихомъ Юрьевѣ, городѣ студентовъ, нѣкоторыя группы вольнослушательницъ пережили тяжелыя испытанія. Изъ 64 вольнослушательницъ, приславшихъ отвѣтъ, всего десять признаютъ отношеніе студентовъ товарищескимъ; девять—безразличнымъ, съ оттѣнкомъ враждебности, шестеро—враждебнымъ, восемь—корректнымъ. Прочія дали болѣе сложные отвѣты. Медички — еврейки, русскія, польки, эстонки — плохо ладили со студентами. Однако, когда вышелъ циркуляръ объ исключеніи вольнослуша-

тельницъ, большинство студентовъ высказалось за поддержку женщинъ-товарищей, хотя слышались голоса и противъ. Тяжелыя отношенія между студентами и вольнослушательницами вызвалъ главнымъ образомъ наплывъ въ университетъ семинаристовъ—питомцевъ закрытыхъ заведеній устарѣвшаго типа, чуждыхъ проникшимъ въ университетъ новымъ вѣяніямъ. То были, къ тому же, бѣдняки, всѣми силами добивавшіеся образовательнаго ценза ради хлѣба насущнаго.

Вольнослушательница, поступившая въ университетъ отчасти изъ желанія «спокойно заниматься подальше отъ женскихъ дрязгъ», свидѣтельствуетъ: «У болѣе выдержанныхъ (студентовъ) корректность; у семинаристовъ—грубость и враждебность. Столкновенія на почвѣ непризнаванія моихъ человѣческихъ правъ». Семинаристы отмѣчаются въ отзывахъ, какъ некультурный элементъ университета. Нѣсколько вольнослушательницъ называютъ отношеніе студентовъ «подстерегающимъ, со старательнымъ подчеркиваньемъ ихъ промаховъ; по одной учащейся судятъ о другихъ».

Студенты не уважаютъ вольнослушательницъ и высказываютъ это: грубятъ и насмѣхаются, особенно на 4-мъ курсѣ (медицинскаго факультета), гдѣ столпилось много семинаристовъ. На 5-мъ курсѣ, гдѣ лучшій составъ студентовъ, очень хорошія отношенія.

— Студенты вообще безразличны, — говоритъ молоденькая русская медичка;—не реагировали на несправедливости относительно вольнослушательницъ, но ни въ чемъ не ограничивали ихъ; во всѣ кружки доступъ былъ открытый. Позже въ студенческой средѣ появились трещины; сложилась группа, недовольная вольнослушательницами (когда имъ обѣщали права), обвиняющая ихъ въ неподготовленности къ работамъ въ клиникѣ и лабораторіи, въ зубрежкѣ конспектовъ, а главное—не сдавали полукурсовки. Возникаетъ все это на почвѣ конкурренціи; понемногу выдвигается шкурный вопросъ, борьба за существованіе». Еврейка дополняетъ болѣе рѣзкими чертами: «Первый годъ мы зажили новой, болѣе одухотворенной жизнью равноправности въ общественной и товарищеской средѣ. Но общее одушевленіе, желаніе выказать лучшія стороны человѣческой натуры,—все это, какъ сонъ, исчезло вмѣстѣ съ воцареніемъ реакціи. Мы оказались лицомъ къ лицу со всѣми недостатками, тщательно затушевываемыми раньше, недостатками, которые семинаристы выносили изъ стѣнъ закрытаго заведенія—съ предразсудками, узостью и скудостью мысли и развитія, нетерпимостью, отсутствіемъ высшихъ интересовъ (зубрежка ихъ одолѣла); и при всемъ томъ сознаніе своего могущества въ данный моментъ». Началась открытая травля вольнослушательницъ, въ большин-

ствѣ — евреекъ (на 4-мъ курсѣ медицинскаго факультета 210 студентовъ, среди нихъ 30 евреекъ и 4—5 христіанокъ). Однако, студенты отрицаютъ эту причину и, не стѣсняясь, объясняютъ рознь между ними и вольнослушательницами конкурренціей, которая создастся по окончаніи курса. Эту причину они считаютъ почему-то болѣе приличной. По ея словамъ, женщины чувствуютъ себя въ лагерѣ побѣдителей. Около клиникъ борьба не на жизнь, а на смерть. Въ дѣтскую клинику только со скандаломъ удалось провести субъ-ассистентку; помогла благожелательность профессоровъ. На собраніи, по случаю пріѣзда г. Сватикова, студенты осыпали вольнослушательницъ обвиненіями въ ношеніи причудливыхъ шляпокъ и прическъ; наѣдаются пирожнымъ, а потомъ любуются кровавыми зрѣлищами въ хирургической клиникѣ; забираются всюду на первыя мѣста, несерьезно относятся къ наукѣ, между тѣмъ какъ профессора высказываютъ совсѣмъ иное. «Беззубый вздоръ, мелкая злоба, которой хотѣли приковать насъ къ позорному столбу». Все это испортило писавшей годы ея студенчества и заставило ждать, какъ освобожденія, счастливаго дня окончанія курса.

Русская медичка жалуется на дурное отношеніе вообще къ женщинѣ. Студенты-гимназисты лучше семинаристовъ; они выше ставятъ русскую женщину, уважаютъ въ ней равную себѣ личность. Женщинамъ, учащимся въ мужскомъ учебномъ заведеніи, приходится вести упорную борьбу противъ нелѣпыхъ, ни на чемъ не основанныхъ мнѣній мужчинъ-товарищей; можетъ быть это потому, что въ Россіи еще слишкомъ мало уважаютъ женщину, не привыкли къ ней, какъ къ свободной гражданкѣ; къ тому же, видя въ ней конкуррентку, стараются тѣснить. Обвиняя вольнослушательницъ, товарищи говорятъ, будто за нихъ все дѣлаютъ студенты, даже отрабатываютъ трупы. Особенно раздражало студентовъ полученіе вольнослушательницами правъ на окончаніе курса; это признавали несправедливымъ, такъ какъ онѣ сдавали меньше экзаменовъ, пользовались большей свободой.

Любопытно, что всѣ указанія на враждебныя отношенія касаются русскихъ студентовъ; о нѣмецкихъ нѣтъ и помину въ перечнѣ столкновеній. Русская фельдшерица, хорошо подготовленная, довольна своимъ курсомъ (повидимому, 3-мъ), работаетъ на трупахъ вмѣстѣ съ нѣмцами-корпорантами и встрѣчаетъ только вѣжливость и предупредительность. Можно отмѣтить еще одинъ отвѣтъ: «На нашемъ факультетѣ (юридическомъ) замѣчала отношеніе естественное, то есть не то товарищеское, не то безразличное». Должно быть авторъ отзыва, какъ піонеръ своего дѣла, ничего особеннаго и не ожидалъ отъ студентовъ.

На вопросы: удовлетворяютъ ли постановка дѣла на факультетѣ и личныя занятія? не встрѣчалось ли трудностей?—огромное большинство отвѣтило болѣе или менѣе отрицательно; удовлетворенность являлась единичнымъ явленіемъ. Иныя указываютъ на неудобное распредѣленіе предметовъ по отдѣламъ; другія недовольны малымъ числомъ практическихъ занятій. Вольнослушательницы изъ провинціи жалуются на обиліе слабыхъ лекторовъ и руководителей, на пустоту важныхъ каѳедръ. По поводу послѣдняго вопроса высказывается и недовольство собой, плохой подготовкой въ среднемъ учебномъ заведеніи. «Отсутствуетъ привычка работать систематически, изучать одну отрасль наукъ, не разбрасываясь».—«Трудно работать вслѣдствіе: 1) неумѣнья распредѣлять занятія, траты на мелочи; 2) недостатка усидчивости; быстро отвлекаешься, почему и мало вникаешь въ предметъ...

Несравненно важнѣе отвѣты на вопросы: «Признаете ли вы желательнымъ совмѣстное обученіе въ высшемъ учебномъ заведеніи. Не испытывали ли лично неудобствъ за время вашего пребыванія въ такомъ заведеніи?» Можно бы ожидать отъ отвѣтовъ полнаго соотвѣтствія приведенной выше характеристикѣ отношеній студентовъ къ вольнослушательницамъ; на дѣлѣ, въ общемъ подсчетѣ, эта группа отзывовъ имѣетъ вполнѣ самостоятельное значеніе. Очевидно, отвѣчая на принципіальный вопросъ громадной важности для слѣдующихъ поколѣній учащихся—о совмѣстномъ образованіи, вольнослушательницы отодвинули въ сторону всѣ временныя недоразумѣнія и непріятности, испытанныя при первомъ опытѣ совмѣстной работы со студентами въ учебныхъ заведеніяхъ, и получилась иная группировка цифръ: 158 вольнослушательницъ высказались за совмѣстное обученіе, тринадцать, кто категорически, кто условно, съ указаніями на современную неподготовленность и др. причины, высказались противъ; три вольнослушательницы полагаютъ, что можно хорошо учиться и врозь, и вмѣстѣ, 142 отрицаютъ какія-либо неудобства отъ совмѣстнаго обученія даже сейчасъ; 28 признаютъ неудобства, изъ нихъ тринадцать—тѣ же, которыя дали вообще отрицательный отвѣтъ; другія видятъ въ нихъ явленіе временное, не имѣющее значенія для общаго хода дѣла. Даже представительницы Юрьевскаго университета, охотно распространявшіяся о тяжелыхъ эпизодахъ своей академической жизни, дали 49-ть голосовъ за совмѣстное образованіе и только 10-ть противъ, по различнымъ мотивамъ. Среди послѣднихъ нашлись 2 русскія: одна—епархіалка, принципіальная противница; другая высказалась условно, ссылаясь на некультурность общества.

Петербургскія вольнослушательницы, избравшія мужское высшее

учебное заведеніе, всѣ стоятъ за совмѣстное образованіе, и съ ними согласны представительницы московскаго университета. Занятія въ университетѣ, по ихъ мнѣнію, имѣютъ много преимуществъ, хотя бы вслѣдствіе общенія съ людьми болѣе основательно подготовленными. Неудобство испытывается только потому, что женщинъ еще слишкомъ мало среди массы студентовъ; къ нимъ еще мало привыкли и отъ нихъ больше требуютъ. Одесситка говоритъ: «При совмѣстномъ обученіи дѣло идетъ интенсивнѣе и разнообразнѣе. Большое неудобство—это современное безправіе женщинъ въ университетѣ, принижающее ихъ передъ студентами». Одна юрьевская вольнослушательница признаетъ совмѣстное обученіе необходимымъ и въ средней школѣ; вырабатывается уваженіе къ женщинѣ, какъ равному товарищу и работнику. «Мнѣ кажется, наше присутствіе въ университетѣ смягчило и скрасило студенческіе нравы. Меньше предаются пьянству. Въ чужомъ нѣмецкомъ городкѣ жизнь течетъ скучно; развлеченія—ресторанъ или игра въ карты. Съ появленіемъ насъ, совмѣстныя чтенія иногда, или такъ, шутливая бесѣда за чашкой чая. Вечеръ прошелъ, и трезвый товарищъ возвратился домой. Это взглядъ самихъ нѣкоторыхъ товарищей. Нѣтъ ругани отборной; нѣкоторая сдержанность въ аудиторіяхъ во время практическихъ работъ. Соревнованіе въ работахъ заставляетъ и студентовъ изъ самолюбія больше учиться, чтобы не отвѣтить хуже дѣвицы»...

Ея подруга по университету признаетъ совмѣстное обученіе желательнымъ, хотя женщинамъ теперь не особенно сладко. «Неудобства были, мы еще слишкомъ некультурны»... «Нѣтъ неудобствъ— говоритъ медичка,—если не считать невозможности участвовать въ нѣкоторыхъ приватныхъ занятіяхъ, какъ напр. курсъ массажа. Вслѣдствіе дурной постановки дѣла не хватаетъ матеріала, поэтому приходится упражняться другъ на другѣ, что, конечно, невозможно при совмѣстныхъ занятіяхъ со студентами. Другая медичка сообщаетъ, что одинъ профессоръ своимъ отношеніемъ къ смѣшанной аудиторіи самъ ставилъ женщинъ въ неловкое положеніе. Только двѣ вольнослушательницы указали на врожденную конфузливость, какъ большое неудобство при совмѣстномъ обученіи.

На безправное положеніе женщинъ въ университетѣ и непривычку обѣихъ сторонъ къ совмѣстному обученію, какъ на главныя неудобства, указываютъ многія. Одесситка прибавляетъ: «Студенты въ массѣ до сихъ поръ видятъ въ тебѣ «барышню» или «синій чулокъ»;—или ухаживаютъ, или презираютъ. Это въ первое время особенно ярко проявлялось. Въ послѣднее же время какъ будто обжились. Отношенія стали ровнѣе, проще и лучше. Про-

изошелъ какъ бы небольшой переломъ въ психикѣ... Жизнь довершитъ перемѣну. «Вначалѣ чувствовалась неловкость при работѣ на трупахъ, и то вслѣдствіе отрицательнаго отношенія студенчества, не выросшаго еще духовно до того, чтобы видѣть рядомъ съ собой за работой женщину, не утратившую своей женской духовной красоты. Со временемъ и студенты, и мы привыкли; и теперь эта неловкость отсутствуетъ».

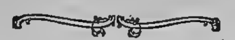
Таковы отзывы «дѣтищъ обновленной Россіи» о первыхъ годахъ совмѣстной со студентами работы въ университетахъ. Свобода дружескаго взаимнаго обращенія среди нашей молодежи обоего пола установилась давно, съ 60-хъ годовъ, и во многихъ кругахъ ее привыкли считать вполнѣ товарищеской. Что подъ свободнымъ товариществомъ таилось глубокое различіе въ условіяхъ личнаго и гражданскаго положенія, этого какъ-то не замѣчали, пожалуй—не желали или не умѣли замѣчать. Это товарищество было особаго идеалистическаго характера; въ немъ сильно сказывались элементы высшаго альтруизма—готовность на самопожертвованіе среди общественно-политической борьбы. Оно многіе годы не подвергалось искусамъ практической жизни. Только въ 1906-мъ году учащіяся женщины и студенты впервые встрѣтились въ учебныхъ заведеніяхъ, созданныхъ государствомъ для подготовленія дѣятелей-мужчинъ различныхъ профессій, при общихъ обязанностяхъ, за одной и той же работой, ради пріобрѣтенія знаній и правъ. И тѣ, и другія почувствовали себя въ новой обстановкѣ, на иной почвѣ; вмѣсто личнаго самопожертвованія ради высшихъ общихъ идеаловъ выдвинулись личные интересы, личное самоусовершенствованіе, добываніе личныхъ правъ.

Первые моменты промчались въ чаду побѣды надъ ветхимъ міромъ. Но и тогда кое-кто изъ самыхъ благожелательныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдательныхъ профессоровъ скептически покачивали головами. Это восторженное товарищество—думали они—неестественно и недолговѣчно; это смѣсь весьма различныхъ импульсовъ; во что-то она выльется? Вѣдь наша молодежь еще сама себя не знаетъ. Дѣйствительно, слишкомъ приподнятый, по неопытности, тонъ товарищества среди лицъ не равныхъ по правовому положенію, тысячелѣтіями воспитанныхъ въ разныхъ традиціяхъ, не могъ выдержать всѣхъ житейскихъ испытаній, особенно при столкновеніи личныхъ интересовъ. Однако, его лучшая, глубоко жизненная основа искони скрашивавшая бытъ учащейся молодежи, не исчезла; она проявлялась ярко, какъ свидѣтельствуютъ многія вольнослушательницы. Энергично отстоявъ свои права, онѣ какъ бы съ удивленіемъ замѣчаютъ, что сами профессора, даже послѣ запрети-

тельныхъ циркуляровъ министерства, стали, безъ различія партійной окраски, лучше относиться къ нимъ. Отразившаяся на многихъ отзывахъ тяжелая для женщинъ обстановка создавалась специфическими причинами: въ Одессѣ—репрессіями, деморализовавшими студенчество, въ Юрьевѣ—наплывомъ семинаристовъ на медицинскій факультетъ. При болѣе обычныхъ условіяхъ академической жизни неловкости порождались непривычкой къ совмѣстному обученію, безправнымъ положеніемъ вольнослушательницъ въ университетахъ, причемъ всплывало старое, слишкомъ привычное отношеніе къ женщинамъ. Но выдержка женщинъ понемногу создавала новыя привычки; на 4-мъ году совмѣстной работы, отношенія со студентами становились глаже, проще. Происходилъ «переломъ въ психикѣ». Ничего нѣтъ удивительнаго въ возникновеніи отдѣльныхъ товарищескихъ организацій взаимопомощи учащихся женщинъ; намъ приходилось слышать, что это обычное явленіе въ иностранныхъ университетахъ.

Въ смыслѣ признанія способностей женщинъ, первый опытъ совмѣстнаго обученія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ былъ вполнѣ удаченъ; это доказываетъ назначеніе государственныхъ экзаменовъ для оканчивающихъ высшіе женскіе курсы. Дальнѣйшія задержки въ допущеніи женщинъ въ университеты можно считать результатомъ печальнаго положенія самихъ университетовъ.

Е. Щепкина.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Общее положеніе дѣлъ передъ выборами.—Больныя мѣста современной жизни.—Характерное опредѣленіе Сената.—Историческая параллель.—«Необходимыя свободы».—Отношеніе къ университетамъ за границей и у насъ.—Пограничные финляндскіе приходы.

Въ теченіе первой половины текущаго года приведено въ исполненіе *пятьдесятъ шесть* смертныхъ приговоровъ. Отношеніе къ этой цифрѣ можетъ быть весьма различно. *Мало* — могутъ сказать, повторяя восклицаніе, такъ часто раздававшееся на правыхъ скамьяхъ Думы, искренніе и неискренніе поклонники «желѣзной руки». *Не особенно много*—могутъ замѣтить дряблые оптимисты, вспоминая о сотняхъ и тысячахъ казней, совершавшихся три-четыре

года тому назадъ. *Ужасающе много*—такимъ должно быть заключеніе не только принципіальныхъ противниковъ смертной казни, но и тѣхъ, кто видитъ въ ней послѣднее, крайнее средство государственной самозащиты. И дѣйствительно, трудно повѣрить, что въ странѣ, еще недавно гордившейся исключеніемъ смертной казни изъ ряда обычныхъ наказаній, еще недавно насчитывавшей лишь единичные случаи ея въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій, она опять, вопреки закону, вопреки простѣйшимъ требованіямъ разума и чувства, вошла въ обиходъ, отодвигая Россію назадъ на два или два съ половиною вѣка... Не будемъ повторять всѣмъ извѣстныхъ, не опровергнутыхъ—и неопровержимыхъ—аргументовъ противъ смертной казни; остановимся лишь на вопросѣ о ея цѣлесообразности, насколько его освѣщаютъ событія послѣднихъ лѣтъ.

Устрашающее дѣйствіе смертной казни—единственная или, по меньшей мѣрѣ, главная ея основа, главное ея оправданіе. Замѣтно ли оно въ настоящее время? Въ области политическихъ преступленій на этотъ вопросъ даютъ отвѣтъ военный бунтъ въ Ташкентѣ, тайныя организаціи въ балтійскомъ и черноморскомъ флотѣ; въ области общихъ преступленій—такіе факты, какъ продолжительная дѣятельность шайки, на дняхъ захваченной въ Москвѣ. Восемнадцать разбоевъ, изъ которыхъ многіе сопровождались убійствами—это ли доказательство «спасительнаго страха», исходящаго отъ висѣлицы? И московское дѣло—далеко не единственное въ своемъ родѣ: не говоря уже о Кавказѣ, давно ли свирѣпствовали разбойничьи шайки въ губерніяхъ пермской, черниговской, могилевской, даже петербургской? Прекратились ли экспропріаціи, нападенія на артельщиковъ, на казначеевъ, на почту?.. Или, быть можетъ, за дѣйствительность смертной казни, какъ орудія устрашенія, говоритъ уменьшеніе числа террористическихъ убійствъ? Чтобы убѣдиться въ противномъ, стоитъ только припомнить, что никогда ихъ не было такъ много, никогда они не достигали такихъ крупныхъ размѣровъ, какъ именно въ періодъ существованія военно-полевыхъ судовъ, т. е. наибольшаго количества постановленныхъ и исполненныхъ смертныхъ приговоровъ. Терроръ, по самому своему существу, не принадлежитъ къ числу длительныхъ явленій; онъ прекращается или слабѣетъ, какъ только обнаруживается его безцѣльность. Чего не могла предупредить боязнь смерти, то исчезаетъ само собою, какъ нѣчто осужденное жизнью. Пора, давно пора исчезнуть и контръ-террору. Политической ошибкой онъ является всегда, потому что для правительства, сколько-нибудь сильнаго, онъ даже въ самыя критическія минуты не бываетъ безусловно необходимымъ; по минованіи этихъ минутъ

онъ теряетъ и ту кажущуюся raison d'être, которая выводилась изъ неизбѣжности оборонительныхъ мѣропріятій.

Юридической точкой опоры для распространенія смертной казни далеко за тѣ тѣсные предѣлы, въ которые она поставлена уложеніемъ о наказаніяхъ и уголовнымъ уложеніемъ 1903-го года, служитъ, какъ извѣстно, положеніе о чрезвычайной и усиленной охранѣ. Крайняя слабость этой опоры давно уже не подлежитъ никакому сомнѣнію. Если даже допустить правомѣрность дѣйствія правилъ, изданныхъ при существенно иныхъ обстоятельствахъ, при другомъ политическомъ порядкѣ, то все же нельзя не признать, что нѣтъ на лицо главнаго условія ихъ примѣнимости: нѣтъ, нѣтъ уже давно, «нарушенія общественнаго спокойствія преступными посягательствами противъ существующаго государственнаго строя или безопасности частныхъ лицъ». И здѣсь, впрочемъ, въ нашихъ глазахъ всего важнѣе вопросъ о цѣлесообразности экстраординарной охраны. Существуя, до движенія 1905-го года, почти четверть вѣка, она не только ничего не предупредила, но способствовала многому, противъ чего была направлена. Административная ссылка, никого не устрашая и ничего, за рѣдкими исключеніями, въ образѣ мыслей ссылаемыхъ не измѣняя, сдѣлалась средствомъ распространенія такъ называемыхъ вредныхъ ученій—распространенія ихъ и въ ширину, и въ глубину. Дѣятельность министерства внутреннихъ дѣлъ оказалась, въ этомъ отношеніи, столь же безплодной, какою была раньше дѣятельность третьяго отдѣленія: она сѣяла раздраженіе и недовѣріе, мѣшала мирной работѣ, приводила, стѣсненіемъ легальныхъ способовъ выраженія мнѣній, къ усиленію подпольной пропаганды. Одно время можно было думать, что раскрыта роковая ошибка; указъ 12-го декабря 1904-го года призналъ необходимость ограничить административное усмотрѣніе. Появясь слишкомъ поздно и остановясь на полъ-дорогѣ, онъ не предупредилъ взрыва—а затѣмъ указанія опыта были вновь забыты, и съ обновленнымъ строемъ переплелись старыя традиціи, не имѣющія съ нимъ ничего общаго. Примѣненіе правилъ объ охранѣ достигло небывалыхъ размѣровъ и не прекращается до сихъ поръ, свидѣтельствуя тѣмъ самымъ о ихъ ненужности. Въ самомъ дѣлѣ, кого, въ послѣднее время, постигаетъ всего чаще административная высылка? Мы едва ли ошибемся, если скажемъ: рабочихъ—и учащихся въ высшихъ школахъ. И что же, произошелъ ли поворотъ въ настроеніи этихъ сферъ? Водворяющаяся, отъ времени до времени, наружная тишина можетъ ли быть разсматриваема какъ признакъ внутренняго спокойствія? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ отношеніе власти къ рабочимъ союзамъ, къ студенческимъ собраніямъ... Ни къ чему реальному,

прочному не привели и привести не могутъ проявленія произвола, запечатлѣнныя элементомъ случайности, скользящія по поверхности, заключающія въ себѣ источникъ новыхъ усложненій.

На зыбкой почвѣ «усмотрѣнія» дѣйствуетъ—или вынужденно бездѣйствуетъ—и наша періодическая печать. Какихъ только гоненій она ни претерпѣла въ продолженіе послѣднихъ десятилѣтій—и чему они воспрепятствовали, что предупредили? Безцѣльность ограниченій и преслѣдованій была, повидимому, сознана властью—но не надолго. Только что отмѣненныя формы гнета уступили мѣсто новымъ. Полномочія, выпавшія изъ рукъ центральной администраціи, были распредѣлены между ея мѣстными органами, опять-таки подъ покровомъ положенія объ охранѣ, увѣковѣчивающаго безправіе. Статистика взысканій, которымъ въ этомъ порядкѣ подвергаются органы печати, не такъ страшна, какъ статистика смертныхъ приговоровъ, но не менѣе характерна. За первые семь мѣсяцевъ текущаго года на редакторовъ періодическихъ изданій наложено *сто девяносто восемь* штрафовъ, на сумму свыше шестидесяти одной тысячи рублей. Нѣкоторыя газеты подвергались штрафамъ по 4, по 5, даже по 8 разъ. Для газетъ начинающихъ или мало распространенныхъ наложеніе штрафа нерѣдко равносильно запрещенію; такихъ случаевъ «Рѣчь», откуда мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, насчитываетъ, за тотъ же періодъ времени, четыре. Редакторовъ, арестованныхъ за неуплатой штрафа—а иногда и прямо подвергнутыхъ аресту,—та же газета называетъ *пятнадцать*. Никакого общаго плана, никакой системы въ разрозненныхъ дѣйствіяхъ мѣстныхъ властей нѣтъ и быть не можетъ; предвидѣть и предотвратить наложеніе штрафа еще труднѣе, чѣмъ было въ прежнее время ограждение газеты или журнала отъ предостереженій со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ. Беззащитность печати достигаетъ повидимому, крайнихъ предѣловъ—но въ ближайшемъ будущемъ ей предстоятъ, быть можетъ, еще болѣе тяжкія испытанія: готовится новый законъ о печати, конечно—не съ цѣлью расширенія ея правъ и обезпеченія ея свободы.

Неутѣшительна и картина, представляемая другою областью «свободъ». За первые семь мѣсяцевъ нынѣшняго года закрытію или отказу въ легализаціи подверглись свыше *пятидесяти* профессіональныхъ и просвѣтительныхъ обществъ. Чтобы судить о характерѣ этихъ мѣръ, достаточно одного яркаго примѣра. Въ Москвѣ существовалъ «клубъ общедоступныхъ развлеченій». Полиціи показалось подозрительнымъ несоотвѣтствіе между скудными доходами клуба (игра въ карты въ немъ, очевидно, не допускалась, а входная плата на лекціи и семейные вечера была установлена очень низкая) и расходами его, доходившими до двухъ тысячъ рублей въ годъ

(какая, въ самомъ дѣлѣ, колоссальная цифра!). Отсюда, а также изъ восторга, съ которымъ встрѣчалось чтеніе произведеній Чехова (!), Андреева и Горькаго, было выведено заключеніе, что деньги на содержаніе клуба даются соціалъ-демократами. Это было признано достаточнымъ для закрытія клуба, какъ «угрожающаго общественному спокойствію и безопасности». Сенатъ, разсмотрѣвъ жалобу на это постановленіе, оставилъ ее безъ послѣдствій, найдя доказаннымъ фактъ соціалъ-демократической пропаганды и усмотрѣвъ въ немъ опасность, о которой говоритъ законъ. Образовавшемуся затѣмъ «обществу разумныхъ развлеченій» было отказано въ регистраціи на томъ основаніи, что учредители его—между которыми оказались нѣкоторые члены закрытаго клуба,—принадлежатъ по своей профессіи къ категоріи рабочихъ, и потому уставъ общества долженъ соотвѣтствовать требованіямъ закона о профессіональныхъ обществахъ. Несостоятельность этого мотива была на столько очевидна, что съ нимъ не согласился даже Сенатъ: не подлежитъ сомнѣнію, что характеръ общества опредѣляется его задачами и цѣлями, а отнюдь не общественнымъ положеніемъ его учредителей и членовъ. Въ концѣ концовъ, однако, жалоба и на этотъ разъ была отклонена: московскій градоначальникъ донесъ Сенату, что отказъ въ регистраціи былъ основанъ, между прочимъ, на не вошедшихъ въ постановленіе присутствія свѣдѣніяхъ о *намѣреніи* учредителей возстановить дѣятельность закрытаго клуба—и Сенатъ, въ виду такого *намѣренія*, нашелъ постановленіе присутствія «въ конечномъ выводѣ правильнымъ». До сихъ поръ намъ не случалось слышать о такомъ рѣшеніи высшей инстанціи, основаніемъ котораго послужили не мотивы, изложенные въ обжалованномъ опредѣленіи, а совершенно другіе въ опредѣленіи не упомянутые и, слѣдовательно, жалобщику неизвѣстные. Неправильность, допущенная московскимъ присутствіемъ, была на столько велика, что послѣдствіемъ ея необходимо должно было быть, по меньшей мѣрѣ, новое разсмотрѣніе дѣла. Но и помимо этого, развѣ возможно установить чьи-нибудь *намѣренія*, пока они ничѣмъ не выразились въ дѣйствительности? Развѣ допустимо угадыванье будущаго, путемъ чтенія въ сердцахъ? Вѣдь даже щедринскій становой приставъ не рѣшался дѣйствовать на основаніи однихъ предположеній, а считалъ нужнымъ «ожидать поступковъ».

Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ основаніи сенатскаго рѣшенія по дѣлу общества разумныхъ развлеченій лежитъ глубокая аномалія, безпрестанно отражающаяся на разныхъ сторонахъ общественной жизни. Съ новымъ положеніемъ, созданнымъ 17-го октября 1905-го года, не согласованъ оффиціальный взглядъ на политическія партіи. Представительный строй, какъ бы далекъ

онъ ни былъ отъ совершенства, предполагаетъ свободную борьбу мнѣній—свободную до тѣхъ поръ, пока она ведется мирными средствами. Болѣе чѣмъ нелогично допускать ее въ законодательномъ собраніи—и преслѣдовать или подавлять проявленія ея въ другихъ областяхъ, въ другихъ формахъ. Легализація *партій* противорѣчитъ самому существу конституціоннаго государства; всѣ партіи въ немъ законны, потому что всѣ порождены теченіями мысли, существующими въ странѣ. Если законна партія, то законно и выраженіе ея взглядовъ, пока въ немъ нѣтъ призыва къ преступнымъ дѣйствіямъ. Законна, слѣдовательно, и пропаганда, всегда неизбѣжная, разъ что имѣется на лицо твердо усвоенный и сколько-нибудь распространенный циклъ убѣжденій. При невозможности пропаганды открытой всегда растетъ пропаганда тайная, едва ли менѣе опасная для господствующаго порядка. Доказательства этому не трудно найти въ исторіи послѣднихъ лѣтъ, предшествовавшихъ освободительному движенію... Недостаточнымъ поводомъ къ закрытію общества является, поэтому, не только предположеніе, что оно занимается или *намѣрено* заниматься соціалъ-демократической пропагандой, но и несомнѣнно подтвердившееся веденіе такой пропаганды.

Если въ послѣднее время чаще обращаетъ на себя вниманіе неправильное примѣненіе закона объ обществахъ, чѣмъ закона о собраніяхъ, то объясненіе этому слѣдуетъ искать въ укоренившемся сознаніи, что административная практика благопріятствуетъ лишь собраніямъ, желательнымъ для власти или, по меньшей мѣрѣ, для нея безразличнымъ. Только этому и можно приписать тотъ странный, съ перваго взгляда, фактъ, что не смотря на близость выборовъ въ четвертую Думу собранія устраиваются почти исключительно правыми партіями. На сколько растутъ, благодаря этому, шансы послѣднихъ, безъ того уже столь значительные въ силу правилъ 3-го іюня—это ясно само собою. Не здѣсь ли, отчасти, источникъ равнодушія избирателей, о которомъ такъ много говорится въ нашей печати? Если это равнодушіе дѣйствительное, то немалую роль въ его возникновеніи съиграли препятствія, встрѣчаемыя предвыборнымъ обмѣномъ мыслей, столь важнымъ для возбужденія и поддержанія интереса къ выборамъ. Если оно только кажущееся, то какъ учесть ошибки, всегда возможныя при недостаткѣ согласованности въ веденіи избирательной кампаніи? Наша избирательная система, рѣзко наклоняя вѣсы въ одну сторону, открываетъ широкій просторъ случайнымъ вліяніямъ—и эти вліянія тѣмъ сильнѣе, чѣмъ гуще мракъ, среди котораго подготовлялись выборы.

Итакъ, господство охранъ, уничтожающихъ неприкосновенность личности, обезцѣнивающихъ не только свободу, но и жизнь; безпра-

віе печати, отданной во власть мѣстныхъ администраторовъ; трудно преодолимыя преграды на пути образованія обществъ и, еще болѣе, устройства собраній—вотъ обстановка, при которой будутъ происходить выборы въ Государственную Думу. Можно сказать, не обинуясь, что она еще хуже той, при которой была выбрана третья Дума. Тогда еще были свѣжи воспоминанія о только что пережитомъ періодѣ надеждъ и волненій—теперь они уступили мѣсто воспоминаніямъ о долгихъ годахъ реакціи и застоя. Тогда правительственное воздѣйствіе на выборы только искало наиболѣе удобныхъ формъ и способовъ проявленія—теперь оно ихъ нашло и усовершенствовало. Тогда начиналась, теперь—закончилась организація духовенства, какъ выборной силы. Тогда обузданіе печати шло изъ центра—теперь оно передвинулось на периферію и облеклось въ удобопримѣнимыя формы... Чтобы найти что-нибудь подобное въ исторіи Западной Европы, нужно перенестись мыслью очень далеко назадъ, къ полузабытой новыми поколѣніями эпохѣ. Вотъ что мы читаемъ у одного изъ историковъ второй французской имперіи: «Кто былъ достаточно смѣлъ, чтобы стремиться къ избранію въ депутаты внѣ разсчета на оффиціальную поддержку, тому нужно было преодолѣть рядъ препятствій, съ устраненіемъ которыхъ возникали новыя испытанія. Нужно было найти типографію—а это было нелегко, такъ какъ нельзя было владѣть типографіей безъ административнаго разрѣшенія, во всякое время отмѣнимаго. Когда, наконецъ, были готовы избирательные бюллетени и циркуляры, нужно было пріискать людей для ихъ раздачи. Отсюда новыя затрудненія: осадное положеніе еще не было снято, смѣшанныя комиссіи продолжали свою дѣятельность; кто принадлежалъ къ числу заподозрѣнныхъ, тотъ желалъ только одного—быть забытымъ. Но если раздаватели и были найдены, самая раздача не была еще обезпечена; въ деревняхъ многіе мэры, распространительно толкуя предписанія префектовъ, запрещали ее собственною властью. Если раздачу, за невозможностью устроить ее путемъ найма, брали на себя вѣрные друзья кандидата, противъ нихъ иногда возбуждались преслѣдованія, основанныя на неправильномъ толкованіи закона о продажѣ въ разносъ. При безсиліи прессы, невозможно было опроверженіе ложныхъ извѣстій, невозможно обсужденіе избирательныхъ программъ. Что касается до собраній, публичныхъ или частныхъ, то о нихъ никто и не думалъ... А оффиціозы находили, что строгости все еще мало» [1].

Такъ подготовлялись, весной 1852-го года, первые выборы во

---

[1] Pierre de la Gorce, «Histoire du second empire», т. I, (Парижъ, 1895, стр. 55—56.

французскій законодательный корпусъ. Если бы не двѣ-три черты, обусловленныя разницею мѣста и времени, можно было бы подумать, что въ приведенной нами цитатѣ рѣчь идетъ о происходящемъ теперь въ Россіи. Но вѣдь во Франціи только что совершился тогда декабрьскій переворотъ, упразднившій республику, вызвавшій возстанія въ Парижѣ и въ провинціяхъ; принцъ-президентъ, разсчитывая на испугъ состоятельныхъ классовъ и на инертность сельскаго населенія, но сознавая, вмѣстѣ съ тѣмъ, всю шаткость права, пріобрѣтеннаго насиліемъ и клятвопреступленіемъ, видѣлъ въ выборахъ какъ бы продолженіе борьбы, начатой на улицахъ Парижа,—борьбы, которую онъ рѣшился довести до конца во что бы то ни стало. Отсюда неразборчивость въ избраніи средствъ и несдержанность въ ихъ употребленіи. Въ глазахъ правительства Людовика-Наполеона представители «старыхъ партій» (les anciens partis, какъ ихъ тогда называли) были непримиримыми врагами, пораженіе которыхъ на выборахъ—необходимое условіе окончательнаго успѣха. Передъ нимъ была завоеванная страна, и оно пользовалось прерогативами завоевателя. Оно имѣло дѣло, притомъ, съ милліонами избирателей, не расщепленныхъ на искусственно сформированныя группы, не разставленныхъ по различнымъ ступенямъ избирательной лѣстницы, а складывавшихся въ компактныя массы. Ничего подобнаго не представляетъ положеніе дѣлъ въ современной Россіи; все у насъ совершенно другое—и прошлое власти, и составъ оппозиціи, и настроеніе минуты, и дѣйствующая избирательная система. «Успокоенная»—хотя бы и плохо успокоенная—Россія 1912-го года имѣетъ очень мало общаго съ Франціей половины прошлаго вѣка. Больше точекъ соприкосновенія у нея съ Пруссіей начала пятидесятыхъ годовъ. Здѣсь, послѣ короткаго и неполнаго торжества революціонныхъ элементовъ, также была дана и затѣмъ передѣлана конституція, также былъ измѣненъ избирательный законъ, также стремились къ преобладанію—и отчасти его достигали—темныя силы, расцвѣтъ надеждъ также уступилъ мѣсто упадку духа, и, въ довершеніе сходства, также испытаны были тяжелыя неудачи въ области внѣшней политики. И что же? Какъ ни мало привлекательна исторія Пруссіи въ послѣдніе годы правленія Фридриха-Вильгельма IV-го, все же мы не находимъ въ ней ни эшафота en permanence, ни массовыхъ ссылокъ, ни административнаго всевластія надъ печатью, ни «разъясненій», равносильныхъ измѣненію или отмѣнѣ закона... Въ наполеоновской Франціи кто-то изъ оппозиціонныхъ журналистовъ (кажется—Пелльтанъ) написалъ статью, озаглавленную: «La liberté comme en Autriche», хотя отъ истинной свободы тогдашняя Австрія была весьма далека, и ставить ее въ примѣръ можно было только

странѣ, очень сильно отставшей отъ вѣка. Въ томъ же смыслѣ мы можемъ сказать, что для русскихъ гражданъ шагомъ впередъ была бы теперь даже та степень обезпеченности права, какою пользовались пруссаки временъ Мантейфеля и Вестфалена.

Когда въ императорской Франціи, послѣ двѣнадцати лѣтъ болѣе или менѣе полнаго молчанія, оппозиція, подкрѣпленная, на выборахъ 1863-го года, новыми силами, получила возможность сколько-нибудь откровенной оцѣнки правительственной системы, Тьеръ, только что возвратившійся на политическое поприще, произнесъ знаменитую въ свое время рѣчь о необходимыхъ свободахъ (libertés nécessaires). Рядомъ съ свободой личности и свободой печати онъ поставилъ здѣсь двѣ свободы, обыкновенно не включаемыя въ подобные перечни—не включаемыя не потому, чтобы онѣ были лишены существеннаго значенія, а потому что въ конституціонномъ государствѣ онѣ разумѣются сами собою. Это—*свобода избирателя*, т. е. возможность голосовать, ни съ чьей стороны не испытывая принужденія или гнета, и *свобода избраннаго*, т. е. возможность руководиться исключительно собственнымъ убѣжденіемъ. Неудивительно, что и ту, и другую пришлось выдвинуть на первый планъ, говоря, въ 1864 г. передъ законодательнымъ корпусомъ. Свобода избирателя была въ то время почти сведена на нѣтъ системой оффиціальныхъ кандидатуръ, свобода избраннаго, кромѣ того—тѣми многочисленными и разнообразными нитями, которыми большинство депутатовъ было связано съ правительственными сферами. А что мы видимъ теперь у насъ? Не будемъ говорить о тѣхъ формахъ давленія на избирателей и депутатовъ, которыя всѣми чувствуются и сознаются, но не могутъ быть подтверждены наглядными доказательствами: возьмемъ только, то, что не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Если не во всѣхъ, то во многихъ, очень многихъ епархіяхъ духовенство, при предстоящихъ выборахъ, будетъ лишено возможности дѣйствовать по собственному побужденію и усмотрѣнію. Фактовъ, свидѣтельствующихъ объ этомъ, въ печати приведено немало; для нашей цѣли достаточно напомнить объ одномъ изъ нихъ, какъ нельзя болѣе характерномъ. Воронежской духовной консисторіей разосланъ благочиннымъ епархіи циркуляръ, въ которомъ сказано, между прочимъ, слѣдующее: «Активное выступленіе духовенства на предстоящихъ выборахъ безусловно обязательно... Благочинные епархіи незамедлительно должны собрать благочинническіе съѣзды изъ настоятелей церквей и намѣтить кандидатовъ въ уполномоченные, чуждыхъ колебанія въ своихъ правыхъ убѣжденіяхъ... Списки намѣченныхъ кандидатовъ должны быть представлены въ губернскій епархіальный комитетъ *по извѣстному адресу*. За достоинство избираемыхъ ручаются благочинные, какъ ихъ

ближайшіе начальники... Колеблющимся и неустойчивымъ въ своихъ взглядахъ іереямъ рекомендуется совѣтовать или безпрекословно подчиниться общей для всего духовенства предвыборной дисциплинѣ, или передать уполномочіе другому лицу, или не являться на выборы; лучше изъ двухъ золъ избрать меньшее, т. е. потерю части земельнаго ценза. Если же, паче чаянія, явятся явные и злонамѣренные протестанты, то о таковыхъ доносить особо его высокопреосвященству. Одобренный губернскимъ комитетомъ списокъ кандидатовъ въ уполномоченные дѣлается обязательнымъ для всѣхъ участниковъ въ выборахъ, и они всѣ, какъ одинъ человѣкъ, должны подавать свои голоса только за нихъ. Если же кто изъ духовенства измѣнитъ этому требованію, то тотъ подлежитъ пастырскому суду чести» [1]). Въ одномъ только достоинствѣ нельзя отказать этому документу: въ достоинствѣ откровенности. На выборахъ въ четвертую Думу создается едва ли гдѣ-либо и когда-либо существовавшій классъ избирателей—избирателей искусственно подобранныхъ и дѣйствующихъ по обязательной для нихъ командѣ. Само собою разумѣется, что столь же зависимыми явятся и избранные изъ среды этого класса депутаты. Если уже въ третьей Думѣ самостоятельность священниковъ-депутатовъ, подчиненныхъ строгому надзору, возбуждала серьезныя сомнѣнія, то что же придется сказать о священникахъ - членахъ четвертой Думы, численность которыхъ, на почвѣ правилъ 3-го іюня и административныхъ къ нимъ разъясненій, можетъ оказаться весьма значительной и тяжело лечь на вѣсы думскихъ рѣшеній? Не ясно ли, что въ современной Россіи, какъ и въ наполеоновской Франціи, къ числу «необходимыхъ свободъ» должны быть отнесены свобода избирателя и свобода избраннаго?

Изъ всего сказаннаго нами до сихъ поръ вытекаетъ самъ собою нашъ взглядъ на значеніе предстоящихъ выборовъ. Правильное развитіе страны невозможно, пока не устранены преграды, нагроможденныя на ея пути вѣками гнета и произвола и укрѣпленныя реакціей послѣднихъ лѣтъ. Невозможна нормальная государственная и общественная жизнь при дѣйствіи экстраординарныхъ положеній, называемыхъ исключительными, но на самомъ дѣлѣ длящихся безконечно. Невозможенъ миръ народной души, пока степень наказуемости преступленій обусловливается не общимъ, постояннымъ закономъ, а распоряженіемъ власти, измѣняющимъ подсудность дѣла и ставящимъ на карту, тѣмъ самымъ, человѣческую жизнь. Невозможна увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, пока суще-

[1]) См. № 182 «Русскихъ Вѣдомостей».

ствуетъ опасность очутиться, безъ слѣдствія и суда, въ туруханскомъ или нарымскомъ краѣ. Невозможна вѣрность печати своему истинному призванію, пока судьба газетъ и журналовъ зависитъ отъ ничѣмъ не ограниченнаго усмотрѣнія быстро смѣняющихся и зависимыхъ должностныхъ лицъ. Невозможна дружная работа организованныхъ силъ, пока не соблюдаются или прямо нарушаются даже узкія, крайне несовершенныя правила объ обществахъ и собраніяхъ. Невозможно полное раскрытіе и свободное выраженіе народныхъ чаяній и стремленій, пока дѣйствуетъ положеніе 3-го іюня 1907-го года. Этимъ опредѣляется ближайшая цѣль, общая для всѣхъ тѣхъ, кто видитъ народное благо въ рѣшительномъ движеніи впередъ, а не въ топтаніи на мѣстѣ и не въ поворотѣ назадъ, къ прошлому, богатому только потерями и бѣдствіями. Можно предъявлять самыя различныя требованія къ будущему—и сходиться во взглядѣ на то, что необходимо въ данную минуту. Понятно, поэтому, что въ широкихъ кругахъ все болѣе и болѣе крѣпнетъ мысль о предвыборномъ единеніи всѣхъ оппозиціонныхъ партій всѣхъ прогрессивно-настроенныхъ избирателей. Къ побѣдѣ, при дѣйствіи нынѣшнихъ избирательныхъ правилъ и порядковъ, оно привести едва ли можетъ, но цѣннымъ результатомъ будетъ и умаленіе торжества противниковъ. Смыслъ выборовъ будетъ ясенъ и при пораженіи, если ему не будетъ предшествовать разладъ въ средѣ оппозиціи.

Наиболѣе яркое выраженіе господствующія теченія находили еще недавно въ области двухъ вѣдомствъ: министерства внутреннихъ дѣлъ и министерства юстиціи. Съ нѣкоторыхъ поръ къ нимъ присоединилось еще третье: министерство народнаго просвѣщенія. Во всѣхъ культурныхъ странахъ предметомъ особой заботливости правительства, особой гордости населенія служитъ высшая школа, главнымъ образомъ—та, съ именемъ которой соединено всего больше славныхъ воспоминаній. Университетъ, какъ источникъ общаго образованія, всегда былъ окруженъ блестящимъ ореоломъ; уваженіе къ наукѣ, сознаніе роли, которую она играетъ въ жизни народа, отражалось и отражается на отношеніи къ ея носителямъ. Въ Германіи, странѣ университетской по преимуществу, свобода преподаванія ограничивалась только въ рѣдкія, сравнительно короткія минуты общаго регресса (при Велльнерѣ, въ эпоху карлсбадскихъ конференцій, послѣ торжества реакціи въ 1849 г.). Даже на богословскихъ факультетахъ безпрепятственно преподавали, въ началѣ XIX-го вѣка, проповѣдники раціонализма позднѣе—представители новой тюбингенской школы. Когда Эрнстъ-

Августъ, при вступленіи на ганноверскій престолъ, уволилъ профессоровъ, протестовавшихъ противъ нарушенія конституціи (die Göttinger Sieben), передъ ними тотчасъ же гостепріимно раскрылись двери другихъ нѣмецкихъ университетовъ. Даже у насъ въ Россіи Грановскій могъ сохранять свою каѳедру въ самые мрачные годы царствованія Николая I; даже гр. Д. А. Толстой не изгонялъ профессоровъ, открыто противившихся задуманной имъ университетской реформѣ. Случаи увольненія профессоровъ встрѣчались въ 80-хъ и 90-хъ годахъ, но были спорадическими и совпадали съ такими моментами, какъ ломка «великихъ реформъ» и отдача непокорныхъ студентовъ въ военную службу. Систематичнымъ разгонъ профессоровъ становится только въ послѣдніе годы, сначала облекаясь въ форму судебныхъ преслѣдованій, потомъ откровенно переходя на почву административнаго произвола. Это — цѣлая система, идущая прямо въ разрѣзъ съ значеніемъ и призваніемъ университетовъ. На Западѣ они признаются «главной пружиной цивилизаціи» [1]); у насъ ихъ хотятъ низвести на степень орудія въ рукахъ министра. Съ легкимъ сердцемъ удаляются люди, имена которыхъ пользуются широкою, иногда всемірною извѣстностью — удаляются не смотря на то, что это можетъ вести и дѣйствительно ведетъ за собою дезорганизацію цѣлыхъ факультетовъ. Цѣнится не ученость, а благонамѣренность; господствуетъ, очевидно, мысль, что лучше посредственность, соединенная съ послушаніемъ, чѣмъ даровитость, идущая рука объ руку съ неуступчивостью. И здѣсь, какъ въ другихъ областяхъ административной расправы, нарушается мудрое правило объ «ожиданіи поступковъ»; опала постигаетъ не только профессоровъ, прямо обнаружившихъ свое «мятежное» настроеніе, но и такихъ, въ которыхъ оно лишь предполагается. Въ подобныхъ случаяхъ пускается въ ходъ пріемъ перевода въ другой университетъ, за которымъ, при данныхъ условіяхъ, неотвратимо должна слѣдовать просьба объ отставкѣ. Потеря крупныхъ силъ, которую въ другихъ государствахъ старались бы во что бы то ни стало предупредить, у насъ принимается съ легкимъ сердцемъ или привѣтствуется какъ нѣчто желательное. Отъ профессоровъ, какъ отъ музыкантовъ въ баснѣ Крылова, требуется прежде всего «прекрасное поведенье». Если при этомъ дѣйствуетъ разсчетъ—разсчетъ на укрѣпленіе «здравыхъ началъ» среди учащихся, — то онъ несомнѣнно окажется ошибочнымъ: рѣшающій толчекъ студенчество получаетъ не съ высоты каѳедры, а отъ того, что французы называютъ circonstances ambian-

---

[1]) См. рѣчь лорда Морли на банкетѣ англійскаго Королевскаго Общества въ помѣщенной выше статьѣ К. А. Тимирязева.

tes. Мѣропріятія г. Кассо пройдутъ такъ же безслѣдно, какъ прошли, въ свое время, мѣропріятія кн. Ширинскаго-Шихматова и гр. Д. Толстого—безслѣдно, конечно, по отношенію къ «направленію» молодежи, но не безслѣдно по отношенію къ росту образованія и уровня знаній. Опредѣлить и взвѣсить ихъ вліяніе въ этомъ послѣднемъ смыслѣ теперь еще нельзя, но уже теперь есть данныя, наводящія на серьезное раздумье. По истинѣ поразительны цифры, показывающія уменьшеніе наплыва слушателей въ университеты. Число поданныхъ вновь прошеній, сравнительно съ числомъ вакансій, вездѣ клонится къ пониженію, но нигдѣ эта тенденція не обнаруживается такъ ясно, какъ въ университетахъ петербургскомъ и въ особенности новороссійскомъ, больше всего потерпѣвшемъ отъ систематической очистки: при тысячѣ вакансій къ тому времени, къ которому относятся сообщенныя въ печати свѣдѣнія [1]) въ Одессѣ поступило только *шестьдесятъ два* прошенія! Эта цифра краснорѣчивѣе всякихъ разсужденій. И если, съ извѣстной точки зрѣнія, общее уменьшеніе числа студентовъ и можетъ считаться желательнымъ, то едва ли кто-нибудь рѣшится утверждать, что естественно и полезно колоссальное паденіе цифры учащихся въ одномъ изъ университетовъ.

Въ газетахъ появился недавно текстъ адреса, поданнаго литераторомъ Микко Уотиненомъ отъ своего имени и отъ имени 9255 жителей новокиркскаго и кивинебскаго приходовъ выборгской губерніи и заключающій въ себѣ ходатайство о томъ, чтобы упомянутые приходы не были отдѣлены отъ Финляндіи. «Вся наша жизнь—сказано въ этомъ адресѣ,—тысячами узъ связана съ Финляндіей. Финскій языкъ выражаетъ чувства и помыслы наши, какъ дома и въ школахъ, такъ и въ жизни общественной и церковной. На финскомъ языкѣ ведется управленіе наше, на этомъ родномъ языкѣ вершится судъ. Унаслѣдованные отъ предковъ обычаи сохранились въ обыденной жизни нашей; общинное управленіе наше ведется согласно постановленіямъ, съ которыми мы сжились; финскіе законы ясно указываютъ намъ обязанности и права наши. Къ Финляндіи мы обращаемъ взоры, когда нуждаемся въ поддержкѣ матеріальной или духовной. Измѣнить это ничто не можетъ; финнами мы родились, финнами мы и въ будущемъ останемся». Генералъ-губернаторъ, находя этотъ адресъ результатомъ политической агитаціи и считая его обычной въ Финляндіи попыткой противодѣйствія правительственному мѣропріятію, указалъ, что затронутый въ немъ вопросъ былъ

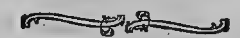
---

[1]) См. «Рѣчь», № 225.

уже затронутъ во всеподданнѣйшемъ адресѣ сейма отъ 9/22 марта, оставленномъ, по Высочайшему повелѣнію, безъ послѣдствій. Всѣ эти fins de non recevoir одинаково неосновательны. Одно дѣло—адресъ центральнаго учрежденія, совершенно другое—адресъ мѣстныхъ жителей, непосредственно затрагиваемыхъ проектируемою перемѣною: судьба перваго отнюдь не предрѣшаетъ судьбу послѣдняго. Ничего похожаго на *противодѣйствіе* нѣтъ и не можетъ быть въ возраженіяхъ противъ мѣры, еще не приведенной въ исполненіе и даже не вышедшей изъ перваго фазиса обсужденія. Нѣтъ слѣдовъ политической агитаціи въ тѣхъ простыхъ, житейскихъ соображеніяхъ, на которыхъ основанъ адресъ 9256 жителей пограничныхъ приходовъ. Что имъ дорога обстановка, съ которою они сжились, особенно дорогъ родной языкъ, особенно страшна перспектива вытѣсненія его другимъ языкомъ, имъ чуждымъ—это вполнѣ естественно и понятно. Отдѣленіе отъ Финляндіи двухъ приходовъ знаменовало бы для нихъ полный разрывъ съ ихъ прошедшимъ. Съ этой точки зрѣнія оно представляетъ собою операцію еще болѣе тяжелую, чѣмъ та, которой только что подвергся Холмскій край. Во-первыхъ, рядомъ съ поляками въ вновь образованной Холмской губерніи насчитывается немало русскихъ (въ широкомъ смыслѣ слова, т. е. безъ различенія великоруссовъ отъ малороссовъ); во-вторыхъ, и прежде, входя въ составъ Царства Польскаго, населеніе этого края находилось въ условіяхъ немногимъ развѣ лучшихъ чѣмъ тѣ, которыя ожидаютъ его при новомъ устройствѣ. Въ приходахъ новокиркскомъ и кивинебскомъ русскихъ—если не считать случайныхъ дачниковъ,—очень мало, а финляндскіе законы—и въ особенности финляндскіе порядки—обезпечиваютъ благосостояніе и свободу въ несравненно большей степени, чѣмъ русскіе. Не говоримъ уже о чувствахъ, которыя присоединеніе двухъ приходовъ должно возбудить за ихъ предѣлами. Вотъ почему мы не теряемъ надежду, что скромный голосъ г. Уотинена и его товарищей прозвучитъ не напрасно.

А между тѣмъ начинается примѣненіе законовъ, стирающихъ—т. е. имѣющихъ цѣлью стереть—отличительныя черты финскаго народа. Финляндскія должностныя лица, призываемыя къ отвѣтственности передъ русскимъ судомъ, отказываются отвѣчать па предлагаемые имъ вопросы. Взаимное отчужденіе растетъ—и будетъ расти еще быстрѣе, если осуществятся предположенія, разсматриваемыя теперь особою комиссіею. Судя по газетнымъ сообщеніямъ, рѣчь идетъ, между прочимъ, о томъ, чтобы предоставить русскимъ судамъ разсмотрѣніе проступковъ финляндской печати и замѣнить дѣйствующія въ Финляндіи правила объ обществахъ и собраніяхъ другими, болѣе близкими къ общеимперскимъ. Если всему этому суждено

осуществиться, между великимъ княжествомъ и имперіей установится равенство особого рода: не равенство правъ, а равенство безправія.

ДЖЭКЪ ЛОНДОНЪ.

(Собраніе сочиненій Дж. Лондона. СПБ. Издат. «Прометей»).

Новую американскую знаменитость, Джэка Лондона, любятъ сравнивать съ нашимъ Горькимъ, называютъ его «американскимъ Горькимъ». Это не совсѣмъ справедливо по отношенію къ нашему писателю. Горькій—художникъ, опредѣленная литературная величина. Джекъ Лондонъ несравненно слабѣе его, и въ литературѣ у него пока сомнительное мѣсто. Какое новое слово принесъ онъ съ собой? Правда, въ автобіографическомъ романѣ: «Мартинъ Идэнъ» вскользь говорится о «реализмѣ», который Джэку Лондону хотѣлось бы насаждать въ литературѣ, въ противовѣсъ «метерлинковскому мистицизму». Но этотъ реализмъ—старый-престарый и очень примитивный; онъ врядъ ли можетъ бороться съ враждебными направленіями и внести что-нибудь существенно новое. Въ литературныя знаменитости «американскаго Горькаго» вознесъ, главнымъ образомъ, случай, всесильный по ту сторону океана. Рекламѣ содѣйствовали и восторженные отзывы нѣкоторыхъ изъ нашихъ писателей—Андреева, Куприна и другихъ, въ сильной степени субъективные и преувеличенные.

Трезвое, критическое отношеніе къ Джэку Лондону, какъ къ писателю, нисколько не ослабляетъ обаянія его, какъ исключительной личности. Ему нельзя не удивляться. Нельзя не удивляться тому истинному духовному аристократизму, который вырабатывается въ наше время и такъ выгодно отличается отъ аристократизма искусственнаго — порожденія уродливыхъ соціальныхъ условій. Вездѣ, въ самыхъ низшихъ классахъ и положеніяхъ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, рождаются эти индивидуальные аристократы, счастливые избранники природы, одаренные богатыми возможностями и тонкими вкусами, предназначенные къ тому, чтобы щедро использовать дары жизни. Таковъ Джэкъ Лондонъ, бывшій матросъ, прошедшій долгую, утомительную школу всевозможнаго

чернаго труда и собственными усиліями добывшій себѣ мѣсто среди американской «интеллигенціи».

Джэкъ Лондонъ родился 12-го января 1876 года въ С.-Франциско. Первоначальное образованіе онъ получилъ какъ «самоучка», будучи простымъ рабочимъ, а впослѣдствіи слушалъ лекціи въ калифорнскомъ университетѣ. Склонность къ литературѣ сказалась въ немъ очень рано, и онъ скоро добился того, что его разсказы начали помѣщать въ періодическихъ изданіяхъ. Первый сборникъ его разсказовъ («Сынъ Волка») появился въ 1900 г., и этотъ годъ можно считать началомъ его извѣстности. Слѣдующее его произведеніе, большой романъ: «Морской волкъ», было издано въ 1904 г., а автобіографическій романъ «Мартинъ Идэнъ»—въ 1909 г., въ самый разгаръ его славы, когда издательскія фирмы наперерывъ заискивали передъ нимъ, чтобы получить право на изданіе его сочиненій, ставшихъ извѣстными и въ европейскихъ странахъ. Въ 1906 г. Джэкъ Лондонъ предпринялъ многолѣтнее кругосвѣтное плаваніе. Море—вообще его стихія. Онъ въ немъ провелъ большую часть жизни, чаще всего—въ качествѣ простого матроса; служилъ и на рыболовныхъ судахъ и, у пиратовъ, давшихъ ему матеріалъ для романа «Морской волкъ». Кромѣ того, онъ служилъ въ золотопромышленныхъ экспедиціяхъ, и, наконецъ, просто бродяжничалъ—былъ трампомъ. Ставъ писателемъ-интеллигентомъ, Джэкъ Лондонъ не забылъ пройденной имъ школы физическаго труда. Всякаго рода спортъ и гимнастика занимаютъ въ его жизни большое мѣсто, соперничая съ литературой, которой онъ отдается со страстью, будучи очень плодовитымъ писателемъ.

Интереснѣйшій процессъ внѣшняго и внутренняго перерожденія человѣка «чернаго труда» въ интеллигента изображенъ Джэкомъ Лондономъ детально въ романѣ «Мартинъ Идэнъ». Сначала передъ нами только робкій, неуклюжій рабочій, не знающій, какъ держать себя въ «образованномъ» обществѣ, что̀ дѣлать съ своими мозолистыми руками, не умѣющій выражаться на языкѣ интеллигентныхъ классовъ. Все для него ново, удивительно и прекрасно въ томъ мірѣ, куда онъ попалъ; все для него—символъ культуры, къ которой онъ больше всего стремится; онъ горитъ жаждой знанія, благоговѣетъ передъ поэтами и по ночамъ усиленно читаетъ разнообразныя книги... Перерожденіе совершается быстро, почти внезапно, какъ въ сказкѣ. Всю хитрую науку этикета Мартинъ Идэнъ усваиваетъ безъ труда. То, чему дѣтей учатъ старшіе назиданіями и примѣромъ, что передается по наслѣдству рядомъ поколѣній, улавливается имъ сразу, интуитивно. Въ самый короткій срокъ Идэнъ дѣлается изъ рабочаго настоящимъ интеллигентомъ.

Характерно, что, поднявшись изъ низовъ, герой Джэкъ Лондона не принесъ съ собой ни капли той вражды и ненависти къ образованнымъ классамъ, о которыхъ такъ распространяется въ своихъ нашумѣвшихъ у насъ въ прошломъ году «Запискахъ литературнаго Макара» г. Сивачевъ. Напротивъ, Мартинъ Идэнъ склоненъ къ чрезмѣрной идеализаціи буржуазной интеллигенціи и переполненъ довѣріемъ къ своей новой, «чистой» жизни. Свой восторгъ и благоговѣніе передъ культурой онъ вложилъ въ любовь къ бѣлокурой красавицѣ, молодой образованной дѣвушкѣ, Руеи—любовь необыкновенно поэтичную и полную непосредственности: въ одно и то же время романтическую и дикую, хрустальную, какъ струя горнаго источника.

Увлеченіе новой жизнью не мѣшаетъ Идэну отнестись къ ней критически. Тутъ-то и сказывается его кипучая натура, стойкая личность и здоровый, самостоятельный умъ. Сухіе, отжившіе «устои» буржуазнаго общества, лицемѣріе и мелочность людей, живущихъ чисто внѣшнею жизнью, не могли не оттолкнуть и не возмутить его. При ближайшемъ знакомствѣ они вызвали въ немъ цѣлую бурю. Онъ не жалѣлъ красокъ въ своихъ рѣчахъ и газетныхъ статьяхъ, направленныхъ противъ буржуазіи. Онъ готовъ былъ отрясти отъ ногъ своихъ прахъ того міра, куда еще недавно такъ стремился. Разрывъ ускорился и обострился послѣ горькаго разочарованія въ любимой дѣвушкѣ, которая оказалась типичной представительницей своего класса.

По своимъ воззрѣніямъ и симпатіямъ Идэнъ—врагъ буржуазіи, но не сторонникъ соціализма. Онъ старается отмежеваться отъ соціалистовъ. По его собственному опредѣленію, онъ—индивидуалистъ и почитатель Ницше.

Ницше былъ правъ,—говоритъ онъ въ спорѣ съ соціалистами.—«Міръ принадлежитъ сильнымъ, которые вмѣстѣ съ силой отличаются и благородствомъ и не валяются въ свиномъ корытѣ торгашества и биржевой наживы. Міръ принадлежитъ истиннымъ аристократамъ, крупнымъ бѣлокурымъ звѣрямъ, тѣмъ, что не идутъ на компромиссы».

Ницшеанство, какъ настроеніе, глубоко соотвѣтствуетъ всему складу Мартина Идэна—но какъ жизненная философія, оно для такой дѣятельной натуры недостаточно. По всей вѣроятности, это лишь переходная ступень, на что есть указанія и въ романѣ, и въ біографическихъ статьяхъ о Лондонѣ.

«Мартинъ Идэнъ»—лучшее изъ числа крупныхъ произведеній Джэка Лондона. Оно захватываетъ своею автобіографическою «былью». Но въ художественномъ отношеніи (если, вообще, можно въ данномъ случаѣ говорить о настоящей художественности) въ немъ

много недочетовъ. Романъ слишкомъ растянутъ; онъ изобилуетъ подробностями, которыя кажутся важными автору и малоинтересны для читателя. Чувствуется страсть къ преувеличеніямъ и сгущенію красокъ. Въ писателѣ недостаточно развито чувство мѣры; особенно отдаетъ шаржемъ разсказъ о томъ, какъ лицемѣрные «буржуа», прежде пренебрегавшіе Мартиномъ Идэномъ, спѣшатъ выразить ему вниманіе послѣ того какъ онъ прославился и разбогатѣлъ. Всѣ приглашаютъ его на расхватъ, стараются возобновить съ нимъ отношенія; даже красавица Руѳь, отвергнувшая-было его по настоянію родныхъ, смиренно является къ нему просить прощенія. Вся эта странная, тенденціозная картина написана слишкомъ бьющими въ глаза красками.

Къ числу недостатковъ романа нужно отнести и его надуманный, искусственный конецъ. Этотъ роковой трагическій финалъ—самоубійство героя—напрашивается на сравненіе съ такимъ же финаломъ другого автобіографическаго романа—«Мистерій» Кнута Гамсуна. Тамъ тоже героя все время отождествляешь съ авторомъ, но самоубійство его, какъ слѣдствіе всѣхъ неврастеническихъ его настроеній, кажется вполнѣ естественнымъ. Таковъ и долженъ былъ быть конецъ Нагеля-Гамсуна. А если самъ Гамсунъ, пройдя со своимъ героемъ полный жизненный курсъ, продолжаетъ здравствовать, то это вполнѣ понятно. У него есть громоотводъ, котораго лишены его герои: творчество—цѣль и оправданіе жизни. Въ природѣ героя Джэка Лондона (его портрета и двойника) нѣтъ никакихъ данныхъ для такого трагическаго конца. Это не сложный неврастеникъ, а цѣльная натура, здоровякъ и атлетъ. Самоубійство Мартина Идэна—простой поклепъ на него со стороны автора. Идэнъ могъ переутомиться и временно израсходоваться во время горячечной борьбы за новую жизнь, могъ разочароваться въ интеллигентномъ обществѣ, куда онъ попалъ—но совсѣмъ угаснуть онъ не могъ, не могъ устранить жизнеспособности и энергіи, бьющей въ немъ ключемъ. Уже одна не измѣняющая ему до конца литературная производительность (такая же, какъ у самого Джэка Лондона) чего стоитъ! Самоубійство Мартина Идэна совсѣмъ не вяжется со всей его остальной жизнью; оно не воспринимается, какъ фактъ, и не производитъ никакого впечатлѣнія.

Еще элементарнѣе Джэкъ Лондонъ въ другихъ своихъ крупныхъ произведеніяхъ, напр. въ романтическомъ «Морскомъ волкѣ», сильно проникнутомъ ницшеанскими настроеніями. Отъ фантастическихъ подвиговъ и приключеній «сильныхъ личностей», въ сущности, вѣетъ не духомъ Ницше, а чѣмъ-то очень добродушнымъ и старымъ, въ родѣ Майнъ-Рида и Купера... Ну что жъ! Людямъ съ

усталыми, скучающими душами, каково большинство современныхъ читателей, не мѣшаетъ иногда окунуться въ Майнъ-Рида и Купера. Ихъ наивность—хорошая наивность, наивность юности...

Очень милы у Джэка Лондона безпретенціозные коротенькіе разсказы, чаще всего изображающіе борьбу человѣка съ суровой сѣверной природой, въ поискахъ новыхъ странъ или золота. Они занимательны и правдивы. Въ нихъ чувствуется большая наблюдательность, своеобразіе вкусовъ и та особенная «первобытная» свѣжесть души, которою привлекаетъ къ себѣ Джэкъ Лондонъ. Русскому читателю она навѣрно особенно придется по вкусу, собраніе его сочиненій появляется весьма кстати.

Е. Колтоновская.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

— Любовь Гуревичъ. Литература и эстетика. Критическіе опыты и этюды. М. 1912. Ц. 1 р. 75 к.

Въ книгѣ г-жи Гуревичъ собраны статьи и замѣтки, посвященныя какъ современнымъ литературнымъ явленіямъ, такъ и дѣятелямъ прошлаго: Гоголю, Пушкину, Толстому, Чехову, а также театру. Кромѣ заключительныхъ замѣтокъ о Толстомъ, Лѣсковѣ и Альбовѣ, которыя носятъ характеръ преимущественно личныхъ воспоминаній, сборникъ г-жи Гуревичъ объединенъ интересомъ автора къ вопросамъ психологіи художественнаго творчества. «Переживъ тотъ почти двадцатилѣтній періодъ въ исторіи русской литературы, который, вѣроятно, и впредь будетъ именоваться періодомъ символизма и декадентства и въ которомъ своеобразно перемѣшались элементы художественнаго обновленія и вырожденія, я стремилась—говоритъ авторъ въ предисловіи—точнѣе опредѣлить для себя тѣ законы художественнаго творчества и художественнаго воспріятія, безъ соблюденія которыхъ, инстинктивнаго или сознательнаго, писатель—какъ и дѣятели всѣхъ иныхъ видовъ искусства—не можетъ создать ничего цѣльнаго, живучаго, воистину значительнаго въ художественномъ отношеніи. Словомъ, я старалась уяснить

себѣ основы эстетики». Авторъ оговаривается, что въ большинствѣ случаевъ имъ лишь косвенно задѣты «эстетическія проблемы въ ихъ взаимопереплетеніи съ вопросами этическими», но справедливо полагаетъ, что при современномъ кризисѣ литературы разработка ихъ стоитъ на очереди. Книга г-жи Гуревичъ является попыткой указать, гдѣ и въ чемъ выходъ на дорогу новаго плодотворнаго художественнаго развитія. Книга интересна уже тѣмъ что она опредѣленно формулируетъ «потребность дать рѣшительную, но безпристрастную оцѣнку всему, что было пережито русской литературой за послѣднія двадцать лѣтъ, уяснить все, что было внесено въ нее за это время новаго—по сравненію съ предыдущимъ». Сдѣлать это тѣмъ важнѣе, что «художественная литература оказывается, со стороны своей эстетической культуры, самымъ отсталымъ изъ всѣхъ искусствъ. Боролись и смѣнялись разныя литературныя школы, но литературная эволюція и до сихъ поръ совершается какъ нѣкій органическій процессъ, не ускоряемый накопленіемъ опредѣленныхъ руководящихъ истинъ, которыя составляютъ основной, постепенно увеличивающійся фондъ данной культуры. Каждая новая литературная школа зачинала собою какъ бы новую культуру, а конецъ школы знаменовалъ собою упадокъ всякой культуры... Завершилась величавая полоса художественнаго реализма, шумно промчались полтора десятилѣтія, полныхъ призывами къ художественному обновленію, опытами дерзновеннаго декадентства и убѣжденнаго символизма. И въ результатѣ всякій по прежнему предоставленъ самому себѣ—своему природному вкусу или безвкусію, своему художественному инстинкту или своимъ выдумкамъ, претендующимъ замѣнить настоящую творческую фантазію». Авторъ не разъ еще говоритъ объ этомъ разбродѣ мнѣній, представляющемъ собою—особенно въ рядовой газетной и журнальной современности—отголоски отброшенныхъ наукою эстетическихъ доктринъ. «Литература и понынѣ, словно маятникъ, качается между двумя доктринами, натуралистической («искусство есть воспроизведеніе дѣйствительности») и идеалистической («искусство есть выраженіе идеи»), получающими преобладаніе смотря по личнымъ особенностямъ художниковъ и по философскимъ настроеніямъ эпохи».

Нѣчто новое принесли съ собою, по мнѣнію автора, тѣ десятилѣтія, когда работалъ Чеховъ и выступили символисты. «Чеховъ первый изъ нашихъ художниковъ сознательно противопоставилъ разсудочную дѣятельность человѣка тому органическому мышленію, которое беретъ свои истоки въ ирраціональныхъ глубинахъ нашего духа, и отвергъ значительность всякой чисто-раціоналистической мысли»... Онъ первый безбоязненно и съ пол-

ной сознательностью произнесъ это слово—свободный художникъ, какъ новый лозунгъ для всякаго художественнаго творчества... Для Чехова ясно, что художественная литература, «беллетристика», не можетъ быть въ услуженіи у раціоналистически добытыхъ мыслей, давать иллюстраціи, подбирать «примѣры» къ разсудочно-формулированнымъ истинамъ. Все, что входитъ въ художественную литературу, какъ логически выраженная мысль, играетъ въ ней не самостоятельную, а подчиненную роль, лишь косвенно служитъ цѣлямъ искусства... Именно въ Чеховѣ наша литература послѣдняго времени достигаетъ того *эстетическаго самосознанія* (курсивъ автора), которое—съ постепенной утратой дѣтской непосредственности — становится безусловно необходимымъ художнику, какъ источникъ опредѣленныхъ мѣрилъ для самокритики».

Г-жа Гуревичъ примыкаетъ къ символистамъ въ ихъ теоріи и стремленіяхъ. Въ лицѣ ихъ «искусство разбило свою темницу, расправило крылья, вновь затрепетало стремленіемъ извѣдать бездны не только видимаго, но невидимаго бытія. Молодыя силы литературы подняли знамя символизма. Натуралистическая доктрина казалась навсегда опрокинутой. Символисты разныхъ оттѣнковъ—и философски-идеалистическаго, и религіозно-мистическаго—сходились въ томъ, что искусство должно быть не изображеніемъ жизненныхъ явленій, а отображеніемъ идей высшаго порядка, должно имѣть символическій или, какъ я сказала бы, метафорическій, а не синекдохическій или типизирующій характеръ. Возобладавшее среди символистовъ религіозно-мистическое теченіе, казалось, подводило глубокій фундаментъ подъ эту эстетику, если отнюдь не новую по существу, то обновительную—въ виду господствовавшихъ передъ тѣмъ литературныхъ теченій». И далѣе авторъ сочувственно цитируетъ извѣстное опредѣленіе «завѣтовъ символизма» Вяч. Иванова, сводящееся къ мистическому устремленію къ внутренней и высшей дѣйствительности (realiora). Заслугой символизма въ развитіи русской литературы авторъ признаетъ значительное расширеніе ея кругозора новыми «интересами и знаніями въ области философіи, исторіи религіи, миѳологіи, филологіи, археологіи, исторіи искусства, которые были внесены въ литературу русскими, какъ и западно-европейскими декадентами. Какъ во времена упадка Рима храмы наполнились десятками разнородныхъ по духу боговъ, такъ наша литература вдругъ наполнилась безсчетнымъ количествомъ образовъ, представленій, именъ, захваченныхъ изъ всѣхъ временъ и со всѣхъ концовъ міра, совершенно чуждыхъ предыдущей органической полосѣ развитія, хотя и не чуждыхъ ей въ цѣломъ, ибо эта универсальная любознательность была въ высшей

степени свойственна хотя бы нашему Пушкину». Большой заслугой нашего декадентскаго періода авторъ считаетъ и то, что «онъ воскресилъ для насъ Тютчева, какъ и Баратынскаго, онъ заново открылъ Фета» и, обращаясь къ примѣру нашихъ классиковъ, сталъ сознательно изучать искусство, какъ ремесло, учась, между прочимъ, и у нихъ. Но теоретическія стремленія школы не были оправданы ею въ художественныхъ воплощеніяхъ. Современное литературное поколѣніе поражено многими немощами. Критикъ выдвигаетъ впередъ оторванный отъ широкаго общенія съ міромъ жизни и творчества индивидуализмъ, какъ наиболѣе опасную черту литературы нашихъ дней. Отличительныя черты современнаго литературнаго поколѣнія— «хилая воля, атрофія широкихъ и стойкихъ человѣческихъ чувствъ, болѣзненная дробность острыхъ ощущеній, субъективность воспріятій и разсудочность мышленія, потеря духовнаго самообладанія, безъ котораго художникъ не можетъ ни углубить свое произведеніе, ни выдержать намѣченные характеры, ни свести множественность изображенныхъ конкретныхъ явленій къ внутреннему единству». Заглавіе одной изъ статей г-жи Гуревичъ: «Оторванныя души» (о Леонидѣ Андреевѣ и Ѳедорѣ Соллогубѣ) хорошо, подходитъ къ ряду современныхъ талантовъ, за которыми холодно слѣдитъ читатель, не находя въ нихъ настоящей сердечной и углубленной проникновенности въ человѣческую душу. Отрѣшенность отъ живой жизни—ахиллесова пята модернизма. «Наше современное искусство, не отвергшее для себя наименованія *модернизма*, менѣе всего любитъ явь современности, менѣе всего способно вдохновляться жизненными мотивами и формами настоящаго, прозрѣвать прекрасное и вѣчное въ характерныхъ особенностяхъ текущаго. Вся впечатлительность, вся любознательность типично-современнаго поэта и художника устремлена на грань окружающаго», и нерѣдко онъ страдаетъ старческою дальнозоркостью (статья «Дальнозоркіе», о Валеріи Брюсовѣ и М. Кузьминѣ). Современный писатель, холодно, со стороны созерцающій жизнь, но вовсе ее не переживающій, потерялъ способность творить. «Слишкомъ очевидно, что тотъ символизмъ, который шелъ у насъ, какъ и въ Европѣ, объ руку съ декадентствомъ, давалъ перевѣсъ элементу всеобщаго въ ущербъ конкретному. А съ тѣмъ вмѣстѣ произведенія его утрачивали свою пластичность, свою жизненную четкость и упругость. И такъ какъ нашъ символизмъ выросъ на почвѣ индивидуалистической психологіи, со свойственнымъ ей отслоеніемъ разсудочной сферы отъ сферы ощущеній и атрофіей извѣстнаго рода чувствованій, связующихъ человѣка съ другими людьми и міромъ жизненныхъ реальностей, — наши поэты-символисты въ значительной степени

утратили самую способность къ перевоплощенію, къ созданію живыхъ человѣческихъ фигуръ, къ изображенію несходныхъ съ ними людей». Не имѣя, съ другой стороны, критерія въ видѣ выработаннаго эстетическаго канона, въ своемъ стремленіи ad realiora символисты допустили полный эстетическій анархизмъ. «Продукты ихъ творчества свидѣтельствуютъ о томъ, что—вопреки ихъ принципіальному разрыву съ натурализмомъ—соблазнъ натуралистической доктрины, со всѣмъ, что въ ней есть анти-эстетическаго въ научномъ смыслѣ слова, отнюдь не былъ преодолѣнъ ими: самая грубая и при томъ ничѣмъ не оправдываемая, себѣ довлѣющая эмпирика слишкомъ часто заливаетъ ихъ страницы. И въ то же время надъ ними продолжаетъ, тайно или явно, тяготѣть идеалистическая доктрина объ искусствѣ, какъ выраженіи идеи». Не осуществлена и заповѣдь «пріобщенія искусства къ міру высшихъ реальностей», а вмѣсто него, было развѣ пріобщеніе ко всему, что бродило въ душѣ даннаго писателя. «И вотъ, фактически сложилось такъ, что трудно исполнимые завѣты символизма стали постепенно вывѣтриваться, а то, что оказывалось доступнымъ всякому—освобожденіе себя отъ какихъ-либо внутреннихъ нормъ—пошло въ ходъ... Стало тоскливо и душно».

Наиболѣе полно свои представленія о сущности искусства и условіяхъ его возрожденія авторъ излагаетъ въ статьяхъ «Художественные завѣты Толстого» и «Отъ быта къ стилю». Въ первой изъ нихъ отчетливо устанавливается связь между мыслями Толстого объ искусствѣ и новѣйшими теченіями нѣмецкой психологической эстетики (Фолькельтъ, Липпсъ). Интересна, между прочимъ, мысль, что Толстой отвергалъ свою художественную дѣятельность не столько изъ этическихъ соображеній, сколько вслѣдствіе новыхъ своихъ воззрѣній эстетическаго порядка. Въ новѣйшемъ ученіи о «вчувствованіи» нашли себѣ подтвержденіе и синтезъ ранѣе отчетливо высказанныя мысли Толстого о роли и значеніи чувствъ въ искусствѣ. «Чувства господствуютъ въ эстетическомъ процессѣ, являются наиболѣе характерною стороною его, и нѣтъ такой художественной линіи, такого художественнаго сочетанія красокъ—хотя бы въ простѣйшемъ орнаментѣ,—въ которомъ человѣкъ не находилъ бы отклика, соотвѣтствія тому или другому комплексу своихъ ощущеній и чувствованій». Искусство опредѣляется отнынѣ какъ выразитель внутренней, внѣразсудочной жизни и дѣятельности человѣка. Самъ Толстой, великій реалистъ, осуждаетъ художественный реализмъ, поскольку онъ довольствуется внѣшнимъ міромъ, даннымъ временемъ и мѣстомъ, этотъ «провинціализмъ въ искусствѣ». Принявъ взгляды Толстого и новѣйшихъ эстетиковъ, нашъ

авторъ во второй принципіальной статьѣ еще разъ подчеркиваетъ, что «новѣйшая эстетическая наука, въ союзѣ съ живыми для насъ великими художниками прошлаго, не только безпощадно осудила грубый эмпиризмъ столь распространенной «беллетристики», но, что̀, быть можетъ, еще гораздо существеннѣе, разбила взглядъ на искусство, какъ на результатъ *умственной* дѣятельности, однородной съ научною если не по методу, то по ея *познавательнымъ цѣлямъ* (курсивъ автора) и по составу участвующихъ въ ней способностей нашей души... Не идея, въ философскомъ смыслѣ этого слова, лежитъ въ основѣ художественнаго произведенія, а опредѣленная, иногда простая, иногда очень сложная, но всегда въ основѣ своей единая *созерцательная* концепція, которая въ свою очередь служитъ лишь образнымъ выраженіемъ *чувствованій* поэта. Для того, чтобы искусство было искусствомъ, образы его должны быть насыщены чувствомъ, ибо только въ этомъ случаѣ образъ, почерпнутый поэтомъ полностью или по частямъ изъ внѣшней дѣйствительности, на самомъ дѣлѣ сталъ его органическимъ достояніемъ и можетъ сдѣлаться органическимъ выраженіемъ его внутренняго міра, его духовнаго содержанія. Въ этомъ заключается основное отличіе настоящаго художественнаго *творчества* отъ эмпирической работы воображенія, связующаго, по закону ассоціаціи, поверхностно воспринимаемыя нами черты изъ жизни. Одухотворенная творческая воля художника участвуетъ въ самомъ процессѣ его воспріятій».

Передъ нами, такимъ образомъ, книга критика, предъявляющаго самостоятельный цѣльный, и довольно законченный въ деталяхъ взглядъ на сущность искусства—явленіе въ нашей литературѣ довольно рѣдкое, что собственно и побудило насъ изложить этотъ взглядъ съ нѣкоторою подробностью. Вопреки мистико-символическимъ уклонамъ самого автора къ непостижимымъ realiora, основной его взглядъ имѣетъ многое за себя и по существу наученъ. Книга г-жи Гуревичъ заслуживаетъ вниманія всѣхъ, кто серьезно интересуется вопросами искусства. Читатели, скажемъ въ заключеніе, были бы благодарны за предметный и именной указатель, прилагать который къ каждой серьезной книгѣ, въ частности — исторической и историко-литературной,—у насъ до сихъ поръ не въ обычаѣ.

Ч. В—скій.

— Б. К. Книповичъ. Къ вопросу о дифференціаціи русскаго крестьянства. СПБ. 1912 г.

Это новое статистическое изслѣдованіе, исходящее изъ семинарія проф. Туганъ-Барановскаго, отрывокъ изъ подготовляемой

авторомъ обширной работы объ эволюціи пореформеннаго крестьянскаго хозяйства. Оно посвящено вопросу, служившему столько же предметомъ научныхъ изслѣдованій, сколько объектомъ и орудіемъ партійныхъ распрей. Разрабатывая этотъ вопросъ на основаніи земскихъ переписей крестьянскаго хозяйства, служившихъ матеріаломъ и для многихъ другихъ изслѣдователей того же предмета, г. Книповичъ, естественно, не могъ внести въ его пониманіе много существенно новаго. Но отъ него, какъ отъ послѣдняго изслѣдователя вопроса, можно было ожидать резюме прежнихъ работъ, объективнаго разъясненія того, что было затемнено и искажено предвзятыми взглядами. Авторъ, однако, недостаточно еще овладѣлъ матеріаломъ и не умѣлъ, самостоятельно переработавъ сложный вопросъ, занять въ спорѣ самостоятельную позицію. Быть можетъ невольно, вопреки своему стремленію къ безпристрастію, онъ попалъ въ русло чужой, симпатичной ему идеологіи, и подчасъ не только повторяетъ ея мало обоснованныя положенія, но и отклоняется, подъ ея вліяніемъ, отъ правильнаго пути въ примѣненіи пріемовъ обработки цифрового матеріала. Ограничимся однимъ примѣромъ. Г. Книповичъ находитъ правильнымъ мнѣніе г. Маслова (находящееся въ соотвѣтствіи съ нѣкоторыми фактами) о развитіи дифференціаціи крестьянскаго хозяйства въ мѣстностяхъ съ растущими производительными силами, въ степныхъ окраинахъ европейской Россіи; но вмѣсто того, чтобы сдѣлать новый шагъ въ разъясненіи этого вопроса, онъ и далѣе слѣдуетъ за тѣмъ же авторомъ и предсказываетъ развитіе крупнаго крестьянскаго хозяйства въ остальныхъ раіонахъ Россіи, на томъ совершенно правильномъ, но не идущемъ къ дѣлу основаніи, что «будущее принадлежитъ формамъ, наиболѣе развивающимъ производительныя силы». Авторъ послѣдовалъ здѣсь за г. Масловымъ, повидимому, потому, что не вдумался въ сущность того, отъ чего зависитъ развитіе производительныхъ силъ въ степныхъ мѣстностяхъ Европейской Россіи; не остановилъ своего вниманія на системѣ хозяйства этихъ мѣстностей, повышающей производительность труда исключительно путемъ примѣненія къ обработкѣ земли орудій, сберегающихъ человѣческую силу, обработкѣ, истощающей почву и уже вызвавшей періодическіе неурожаи; не разсмотрѣлъ временнаго характера такихъ системъ хозяйства, не замѣтилъ неизбѣжности ихъ замѣны другими системами, основанными на повышеніи плодородія земли путемъ болѣе тщательной ея обработки, удобренія, сокращенія посѣвовъ хлѣбовъ въ пользу кормовыхъ травъ и другими способами, ведущими къ пониженію производительности единицы приложеннаго къ земледѣлію человѣческаго труда, но къ повышенію производительности земли и всей страны. А какъ отра-

зится этотъ неизбѣжный процессъ на организаціи крестьянскаго хозяйства, какая форма послѣдняго, крупная или средняя, окажется болѣе ему соотвѣтствующей—это требуетъ еще изслѣдованія.

— О. Иващенко. Воспоминанія объ англійской школѣ. Кіевъ. 1912 г.

Вопросы воспитанія и общаго образованія отличаются отъ другихъ вопросовъ, имѣющихъ общее значеніе, тѣмъ, что здѣсь слабую роль играютъ объективные моменты, столь важные, напримѣръ для направленія экономическихъ и политическихъ дѣлъ. Рѣшеніе этихъ вопросовъ въ большей мѣрѣ зависитъ, поэтому, отъ идеологическихъ моментовъ, отъ субъективныхъ взглядовъ родителей, воспитателей и оффиціальныхъ представителей правительственныхъ вѣдомствъ. Въ силу этого обстоятельства, не только постановка воспитанія и общаго образованія въ различныхъ государствахъ представляетъ значительныя различія; но и то, что является обычнымъ и естественнымъ въ одной странѣ, можетъ показаться страннымъ, мало-понятнымъ или, напротивъ того, заслуживающимъ подражанія въ другой. Лишній разъ убѣждаютъ насъ въ этомъ интересныя воспоминанія г-жи Иващенко о двухъ годахъ, проведенныхъ ею въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній Англіи. И внѣшніе порядки этой школы, и ея внутреннее, такъ сказать, содержаніе покажутся удивительными для воспитанника русскаго учебнаго заведенія. Его поразитъ уже первый шагъ на пути поступленія въ англійскую школу—экзаменъ на разстояніи, заключающійся въ письменныхъ отвѣтахъ на вопросы, относящіеся къ тремъ иностраннымъ языкамъ—отвѣтахъ, которые предлагается составить безъ посторонней помощи и въ теченіе не болѣе $2^1/_2$ часовъ. Удивительнымъ русскому человѣку покажется здѣсь и довѣріе къ добросовѣстности экзаменующагося, и помѣщеніе поступающаго въ тотъ или другой классъ на основаніи обнаруженныхъ имъ познаній лишь по тремъ языкамъ. Еще болѣе страннымъ покажется фактъ отсутствія какой-либо программы преподаванія въ старшихъ классахъ средней англійской школы. Предметы для изученія избираются здѣсь самими учащимися, обыкновенно,—въ очень ограниченномъ количествѣ; и когда русская семнадцатилѣтняя дѣвушка, кромѣ избранныхъ ею немногихъ предметовъ, въ отвѣтъ на совѣтъ учительницы заняться древней исторіей, «потому что это интересно», математикой, которая дѣйствуетъ «очень развивающе», или французской исторіей, послѣдовательно объяснила, что всѣ эти предметы она проходила въ Россіи на ряду съ нѣкоторыми другими, ея товарки, предположивъ здѣсь хвастовство,

громко расхохотались, потому что англійская дѣвица «проходитъ широко и подробно два-три предмета, а другія отрасли знанія совсѣмъ не изучаетъ». Удивитъ воспитанника русской школы и то, что большая часть учебнаго времени въ старшихъ классахъ средней англійской школы затрачивается не на классныя, а на самостоятельныя занятія, что въ ней отсутствуютъ учебники, но за то ученицы много читаютъ по указанію преподавателя и безъ его указанія, рано пріучаясь пользоваться источниками; что тамъ нѣтъ репетицій, но по временамъ преподаватели задаютъ въ классѣ экспромтомъ рядъ вопросовъ, относящихся ко всему пройденному, и ученицы всегда готовы дать на нихъ надлежащіе отвѣты; что преподаваніе въ школѣ индивидуализируется, неспособныя (въ высшихъ классахъ) отдѣляются, для нихъ устанавливается особая программа; что кромѣ экзаменовъ (всегда письменныхъ) по проходимымъ предметамъ въ концѣ каждаго семестра ученицы подвергаются «политическому» экзамену, давая отвѣты на вопросы относительно важнѣйшихъ событій послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ. Удивитъ русскаго читателя и бытовая сторона англійской школы, ея строгій порядокъ и регламентація многообразныхъ ея отношеній, въ родѣ запрещенія заниматься больше положеннаго времени, прислуживанья за завтракомъ и ужиномъ младшихъ ученицъ, запрещенія вторично просить для себя какое-либо блюдо, вмѣстѣ съ обязательствомъ слѣдить, чтобы сосѣдка ѣла вдоволь, и угощать ее, какъ гостью; отгороженія въ дортуарахъ кроватей одна отъ другой и запрещенія заходить въ чужія отдѣленія и т. д. Очень строгія и необычайныя для насъ правила существуютъ въ англійской школѣ относительно гигіеническаго содержанія ученицъ. Занимаются онѣ почти круглый годъ при открытыхъ окнахъ, а спятъ даже при сквознякахъ, въ мѣстности съ такими сильными восточными вѣтрами, что она лишена растительности, а во время сна нерѣдко вздуваются одѣяла, покрывающія спящихъ. Строго регламентируются въ школѣ прогулки, умыванія, омовенія, гимнастика и подвижныя игры. Интересъ дѣвушекъ къ спорту развитъ въ такой степени, что въ теченіе шести недѣль передъ состязаніями ученицы подвергаются особому пищевому режиму. Такъ же оригинально поставлено въ англійской школѣ и лѣченіе заболѣвшихъ. При повышенной температурѣ, напр., лѣкарствъ не употребляютъ, и въ лѣчебномъ отношеніи полагаются на чистый воздухъ и свѣтъ; поэтому окна бываютъ открыты, но больнымъ (корью) рекомендуется лежать съ закрытыми глазами; лихорадящимъ даютъ въ изобиліи бананы, апельсины, мандарины. Не менѣе того удивитъ русскаго учащагося моральная атмосфера англійской школы: «почти всѣ, проведшія въ ней нѣсколько лѣтъ, становились порядочными людьми съ солидными нравственными устоями». Много

страннаго въ англійской школѣ — и много такого, что заслуживало бы подражанія.

— Н. Миславскій. Поземельная община въ Россіи. Москва, 1912.

Хотя общинное землевладѣніе составляетъ важнѣйшій институтъ нашего соціальнаго быта, но его происхожденіе и исторія изучены еще очень мало, и историческія сочиненія по данному вопросу въ фактическомъ отношеніи рисуютъ не болѣе какъ разрозненные моменты состоянія крестьянскаго землевладѣнія, относящіеся къ различному времени и не къ одной и той же мѣстности; связать ихъ такъ или иначе въ единый эволюціонный процессъ предоставляется уже проницательности и воображенію изслѣдователя и читателя. Только этой неразработанностью исторіи русской общины объясняется та важная роль, которую если не въ начертаніи фактической исторіи, то въ уясненіи процесса возможнаго развитія передѣльной общины играли изслѣдованія современнаго состоянія крестьянскаго землевладѣнія нѣкоторыхъ мѣстностей Россіи. Эти изслѣдованія обнаружили одновременное существованіе такихъ формъ землевладѣнія, которыя составляютъ какъ бы различные этапы процесса превращенія свободнаго пользованія крестьянъ землею въ регулируемое путемъ передѣловъ и подтверждаютъ непосредственнымъ наблюденіемъ наличность такого превращенія. Они пролили новый свѣтъ на то состояніе крестьянскаго землевладѣнія въ средніе вѣка русской исторіи, которое историками—противуобщинниками квалифицировалось какъ частная собственность и служили доказательствомъ искусственности послѣдующаго распространенія на соотвѣтствующія земли порядковъ общиннаго землевладѣнія. «Живая исторія» общины, констатированная мѣстными изслѣдованіями, показала, что такое же состояніе землевладѣнія наблюдалось и при обиліи земли въ тѣхъ случаяхъ, когда передѣлы возникали безъ всякаго вмѣшательства власти, и что свободное распоряженіе крестьянина занятымъ имъ участкомъ было однимъ изъ этаповъ естественной эволюціи общиннаго землевладѣнія. Для уясненія того, какъ произошла передѣльная община въ Россіи, имѣются, такимъ образомъ, двоякаго рода матеріалы: историческія изслѣдованія объ отдаленномъ прошломъ и мѣстныя изслѣдованія о недавнемъ прошломъ и настоящемъ состояніи крестьянскаго землевладѣнія. Многіе писатели не-историки сближали данныя того и другаго порядка и создавали стройную теорію эволюціи крестьянскаго землевладѣнія въ Россіи. Проведеніе параллели между историческими и мѣстными изслѣдованіями относительно

происхожденія русской земельной общины составляетъ главный интересъ указаннаго въ заголовкѣ этой замѣтки труда г. Миславскаго. Онъ пытается, такъ сказать, привести къ одному знаменателю изслѣдованія по исторіи крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ европейской Россіи — Соколовскаго, Ефименко, Иванова, Павлова-Сильванскаго,—и извлеченныя отсюда заключенія сопоставляетъ съ данными о зарожденіи общиннаго землепользованія въ Сибири, собранными при мѣстномъ изслѣдованіи этого края. Это сопоставленіе привело автора, какъ и другихъ писателей, къ заключенію объ аналогіи порядковъ первоначальнаго развитія крестьянскаго землевладѣнія въ Сибири и въ сѣверныхъ губерніяхъ европейской Россіи, порядковъ, «создававшихъ удобнѣйшую почву для общинно-уравнительнаго землевладѣнія» которое, однако, естественно и самопроизвольно развилось изъ нихъ только въ Сибири; въ Россіи потребовался для этого рядъ предварительныхъ правительственныхъ мѣропріятій. Авторъ не подчеркиваетъ, однако, опредѣленно одного важнаго факта (служившаго главной причиной усложненія процесса развитія передѣльной общины на сѣверѣ Европейской Россіи): мѣропріятія правительства понадобились потому, что оно вмѣшалось въ процессъ развитія крестьянскаго землевладѣнія и, закрѣпивъ многіе участки крестьянской земли за посторонними пріобрѣтателями, создало юридическія препятствія развитію общины, которыя затѣмъ и уничтожило. Авторъ не описываетъ и процесса введенія передѣловъ на сѣверѣ Россіи, и его историческій очеркъ общины остается, такимъ образомъ, какъ бы не законченнымъ. Эта часть труда г. Миславскаго, знакомящая большую публику съ результатами малодоступныхъ ей историческихъ изслѣдованій по данному вопросу, имѣетъ наибольшее значеніе, хотя и составлена недостаточно популярно. Кромѣ того, въ разсматриваемомъ трудѣ подвергаются анализу данныя о порядкахъ землепользованія крестьянъ, духовенства и монастырей (по Горчанову), и такъ называемыхъ четвертныхъ (по Благовѣщенскому), и описываются типы общиннаго землепользованія въ пореформенной Россіи, на основаніи, главнымъ образомъ, извѣстнаго труда Орлова и устарѣлой сводки матеріаловъ по общинѣ Ан. Корелина.

— К. Гассертъ. Города. Географическій этюдъ. Въ переводѣ и передѣлкѣ съ нѣмецкаго Л. Д. Синицкаго. Москва. 1912.

Городъ, крупный городъ—этотъ типическій показатель успѣховъ матеріальной капиталистической культуры—составляетъ въ послѣдніе годы предметъ изслѣдованій и полукомпилятивныхъ

произведеній. Русская литература обогатилась многими переводными сочиненіями на эту тему. Къ числу такихъ сочиненій относится и книжка Гассерта, отличающаяся отъ другихъ сочиненій о городахъ въ томъ отношеніи, что послѣднія разсматриваютъ городъ преимущественно съ соціально-экономической стороны, а первая—съ географической точки зрѣнія, изучая городъ въ его естественной обстановкѣ, въ связи съ природными условіями, опредѣлившими его возникновеніе и ростъ, особенности его жизни, характеръ его построекъ и т. п. Назначеніе городовъ, какъ особаго рода поселеній, опредѣляется, конечно, цѣлями даннаго общежитія. Человѣческое общество, въ его историческомъ развитіи, нуждалось въ городахъ для защиты отъ непріятеля, какъ въ центрѣ административномъ, торгово-промышленномъ, религіозномъ и т. п. Избраніе для осуществленія поставленной задачи того или другого пункта часто обусловливалось историческими, политическими и другими мотивами; но важнѣйшимъ условіемъ, опредѣлявшимъ выборъ мѣста для поселенія или превращеніе существующаго незначительнаго поселенія въ крупный городской центръ, является географическая обстановка мѣстности, наиболѣе отвѣчающая сознательно поставленной задачѣ для города или стихійному эволюціонному процессу. Указаніе разнообразныхъ случаевъ соотношенія между задачами города, какъ онѣ понимались въ теченіе историческаго процесса, и географическими условіями, опредѣлявшими какъ его мѣстоположеніе, такъ и внѣшній характеръ—вплоть до плана города и его облика—и составляетъ задачу разсматриваемаго нами труда. Авторъ не стремится къ исчерпывающему съ фактической стороны изложенію предмета, а рисуетъ различные типы города и разъясняетъ участіе въ ихъ образованіи географическихъ условій на примѣрахъ, взятыхъ изъ исторіи и современнаго состоянія различныхъ странъ. По понятнымъ причинамъ, матеріаломъ для Гассерта служили данныя, относящіяся къ иноземнымъ (по отношенію Россіи) городамъ; но переводчикъ дополнилъ книжку сообщеніемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о русскихъ городахъ, въ ихъ прошломъ и настоящемъ. Книга читается съ интересомъ и является далеко не излишнимъ дополненіемъ къ преимущественно переводной русской литературѣ о городахъ.

В. В.

Въ теченіе августа мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Аѳанасьевъ, Г. Е. Наполеонъ и Александръ. Причины войны 1812 г. Кіевъ, 1912 г.

Васильевъ, Н. П. Наши соціалисты. Спб., 1912 г. Цѣна 10 коп.

— Правда о кадетахъ. Спб., 1912 г. Цѣна 10 коп.

Вольтеръ, Франсуа-Мари-Аруэ. Повѣсти и разсказы. Пер. Л. Буха. Спб., 1912 г. Цѣна 2 руб.

Вороновъ, Н. Г. Основанія соціологіи. Москва. Цѣна 75 коп.

Вѣтринскій, Ч. 1812. Нижній-Новгородъ, 1912 г. Цѣна 60 коп.

Дубовицкій, Д. Ив. Обратите вниманіе, что Россія находится на краю гибели!!. Пенза, 1912 г. Цѣна 85 коп.

Животовъ, Н. Клочья нервовъ. Стихотворенія. Книга I. Кіевъ, 1910 г. Цѣна 1 руб.

Животовъ, Николай. Южные цвѣты. Стихотворенія. Книга II. Кіевъ, 1912 г. Цѣна 1 руб.

Игнатьевъ, В. Е. Физическое воспитаніе. Гимнастика, спортъ, подвижныя игры. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 60 коп.

Изорскій, Н. Проблема чужой одушевленности. Спб., 1912 г. Цѣна 50 коп.

Кисель, А. А. Очерки современнаго состоянія русскихъ курортовъ (Черноморское побережье и Кавказъ). Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб.

Козьминыхъ-Ланинъ, И. М. Врачебная помощь фабрично-заводскимъ рабочимъ въ уѣздахъ Московской губ. Москва, 1912 г.

— Грамотность и заработки фабрично-заводскихъ рабочихъ Московской губ. Съ предисловіемъ П. А. Вихляева. Москва, 1912 г.

Костинъ, И. I. Правописаніе и экспериментальная психологія. Москва, 1912 г. Цѣна 30 коп.

Круковскій, Адр. Богатырь русской мысли. Воронежъ. 1912 г.

— Къ 50-тилѣтію смерти И. С. Никитина. Варшава, 1912 г.

— Старое педагогическое гнѣздо. Воронежъ, 1912 г.

Кузнецовъ, М. Н. Подтопъ угодій желѣзными дорогами. Спб., 1912 г.

Малиновскій, Н. А. Избранныя книги изъ числа допущенныхъ министерствомъ Нар. Просвѣщенія въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ съ 1899 г. по май 1912 г. Нижній-Новгородъ, 1912 г. Цѣна 10 коп.

Михаэлисъ, Софусъ. 1812. Вѣчный сонъ. Романъ. Пер. съ датскаго подъ ред. А. Ф. Гретманъ. Москва, 1912 г. Цѣна 75 коп.

Нѣгинъ. Грядущій Фаустъ. Драм. поэма въ 2-хъ частяхъ. Изд. 2-ое. Рязань, 1912 г. Цѣна 30 коп.

Погодинъ, А. Л. Адамъ Мицкевичъ. Его жизнь и творчество. Т. I и II. Москва, 1912 г. Цѣна каждаго тома 2 руб.

Пушкинъ, А. С. Избранныя сочиненія для дѣтей школьнаго возраста. Москва, 1912 г. Цѣна 60 коп.

Sa-we. Банкроты. Пьеса въ 5 дѣйствіяхъ. Спб., 1912 г. Цѣна 65 коп.

Твердохлѣбовъ, В. Пособія государства мѣстнымъ союзамъ. Спб., 1912 г.

Тиктинъ, Г. И. Указатель къ первому выпуску 5-го изд. Учебникъ финансоваго права проф. С. И. Иловайскаго. Одесса, 1912 г.

Трояновскій, И. И. Курсъ природовѣдѣнія. Часть III. Человѣкъ животныя. Москва, 1912 г. Цѣна 95 коп.

Шмидтъ, Гансъ. Виновники пожара Москвы въ 1812 г. Рига, 1912 г.

Шпицеръ, С. И. А. Гончаровъ. I. Опытъ біографіи и характеристики. II. Два неизданныхъ отрывка. Спб., 1912 г. Цѣна 40 коп.

Шрейдеръ, Д. И. Страна восходящаго солнца. Изд. 6-ое. Спб., 1912 г. Цѣна 25 коп.

Юрьевскій, Б. Правительство и земля. Спб., 1912 г. Цѣна 20 коп.

Азбука для обученія письму и чтенію русскому и церковно-славянскому. Сост. учитель нар. школы С. М. Новосельскій. Спб., 1912 г. Цѣна 20 коп.

Библіотека нашихъ дѣтей. Г. Андерсенъ, Ель. Г. Андерсенъ, Дикіе лебеди. З. Топеліусъ, Жемчужина Адальмины. Г. Андерсенъ, Гадкій утенокъ. Г. Андерсенъ, Дѣвочка со спичками. Г. Андерсенъ, Маргаритка. З. Топеліусъ, Даръ морского царя. З. Топеліусъ, Милосердый—богатъ. Чти отца твоего и матерь твою. Изд. Н. О. Поповой. Спб., 1912 г.

Библіотекарь. Вып. II. Спб., 1912 г.

Каталогъ книгъ для дѣтскаго чтенія. Москва, 1912 г. Цѣна 75 коп.

Отечественная война и русское общество. Редакція А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. Юбилейное изданіе. Т. VI. Москва, 1912 г.

Отчетъ о дѣятельности библіотекъ за 1911 годъ на Сибирской жел. дор. Сост. К. Н. Васьковъ. Томскъ, 1912 г.

Отчетъ о состояніи кредитныхъ т-въ, ссудо-сберегательныхъ т-въ и земскихъ кассъ мелкаго кредита по даннымъ на 1 января 1912 г. Спб. 1912 г.

Отчетъ о состояніи крестьянскихъ общественныхъ учрежденій мелкаго кредита по даннымъ на 1 января 1910 г. Спб., 1912 г.

Отчетъ по мелкому кредиту за 1908 годъ съ главнѣйшими данными за 1909 годъ. Спб., 1912 г.

Отчетъ отдѣла промышленности м-ва торговли и промышленности за 1911 годъ. Спб., 1912 г.

Протоколы засѣданій Бердянскаго уѣзднаго земскаго собранія за 1911 годъ, съ приложеніями. Бердянскъ, 1912 г.

Сводъ свѣдѣній о финансовыхъ результатахъ и главныхъ оборотахъ по казенной продажѣ питей за 1911 годъ. Спб., 1912 г.

М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ ред. М. К. Лемке. Т. III. Спб., 1912 г. Цѣна 4 руб.

Статистико-экономическій обзоръ Херсонской губ. за 1910 годъ Херсонъ, 1912 г.

Труды комиссіи по пересмотру торговаго договора съ Германіей. Подъ ред. проф. М. И. Туганъ-Барановскаго. Вып. II. А. М. Рыкачевъ. Привозъ хлѣбовъ въ Германію изъ разныхъ странъ. Спб., 1912 г.

Уголовное уложеніе. Т. XV свода законовъ Россійской Имперіи. Сост. по оффиціальному изданію 1909-го года Д. А. Коптевъ и С. М. Латышевъ Спб., 1912 г. Цѣна 50 коп.

Универсальная Библіотека кн-ва «Польза». № 486—490. Г. Сенкевичъ, Въ пустынѣ и дебряхъ. № 491—493. Г. Мало, Безъ семьи. Ром. Часть I. № 580. Л. А. Мей, Царская невѣста. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. № 581. Л А. Мей, Псковитянка. Драма въ 5 дѣйств. № 605—608. Русско-француз-

скій карманный словарь. № 653—657. Графъ де-Сегюръ. Походъ въ Россію. Записки адъютанта Наполеона I. № 658. В. Пичета. Причины Отечественной войны. № 661. Г. Сократова (Алабина), Наполеонъ въ Россіи. № 758. Ч. Диккенсъ, Колокола. № 754—757. В. Реймонтъ, Мужики. IV. Лѣто. № 764—766. Ст. Пшибышевскій, Сумерки. Третья и послѣдняя часть «Сыновъ Земли». № 771—773. С. Михаэлисъ, «1812». Вѣчный сонъ.

Энциклопедическій Словарь т-ва Бр. А. и И. Гранатъ и К°. Изд. 7-ое, совершенно переработанное. Т. XII. Выдача преступниковъ—Гваякиль. Москва, 1912 г.

1911 годъ. Сельско-хозяйственный обзоръ по Закавказью. Годъ 4-ый. Тифлисъ, 1912 г.

1912 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Вып. II. Спб., 1912 г.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Франко-русскій оптимизмъ и турецкія дѣла.—Иниціатива графа Берхтольда.—Англо-американскій споръ.—Китайскій кризисъ.—Смерть «генерала» Бутса.

Тѣ нѣсколько дней, которые французскій премьеръ провелъ въ Петербургѣ и Москвѣ,—съ конца іюля до первыхъ чиселъ августа,—должны были оставить въ немъ чрезвычайно пріятныя и лестныя для насъ впечатлѣнія. Онъ видѣлъ блескъ и роскошь оффиціальной Россіи, бесѣдовалъ съ ея министрами и сановниками, получилъ много новыхъ для него свѣдѣній о богатствѣ и величіи русскаго народа, убѣдился въ неизмѣнной прочности русской дружбы и вернулся на родину съ сознаніемъ полной обезпеченности международнаго положенія Франціи. На банкетѣ въ Дюнкирхенѣ Раймондъ Пуанкаре выразилъ увѣренность, что отнынѣ франко-русскій союзъ является постоянною основою совмѣстной дипломатической дѣятельности, что онъ не оставляетъ уже мѣста никакимъ недоразумѣніямъ, что все въ этомъ союзѣ ясно и просто, при существованіи безусловнаго взаимнаго довѣрія обѣихъ странъ. Заботясь о сохраненіи мира, союзники «должны внимательно слѣдить за событіями и оберегать себя, по обоюдному соглашенію, отъ случайностей будущаго». Счастливымъ дополненіемъ къ этому союзу служитъ сближеніе съ Англіею, которое при извѣстныхъ обстоятельствахъ само принимаетъ характеръ союза. Правители и представители французской республики вообще весьма довольны результатами поѣздки Пуанкаре. Они опираются на тройственное согласіе, какъ на каменную

гору, и обнаруживаютъ замѣчательный оптимизмъ въ дѣлахъ внѣшней политики. Оффиціальное сообщеніе, появившееся одновременно у насъ и въ Парижѣ послѣ отъѣзда французскаго премьера изъ Россіи, проникнуто тѣмъ же духомъ спокойнаго оптимизма.

Оправдывается ли этотъ оптимизмъ современнымъ политическимъ положеніемъ въ Европѣ и въ другихъ частяхъ свѣта? Казалось бы, что европейская дипломатія давно уже не переживала столь тяжелаго состоянія, какъ въ настоящее время. Цѣлый рядъ великихъ опасностей грозитъ культурнымъ націямъ съ разныхъ сторонъ. Турецкій кризисъ разростается и запутывается, захватывая все новыя области; къ волненіямъ отдѣльныхъ народностей присоединяется внутренняя борьба между младотурками и ихъ противниками, между враждующими партіями среди самого мусульманства. Комитетъ «Единенія и прогресса» устраненъ отъ власти, но не отказывается отъ своей роли и отъ своихъ притязаній; онъ располагаетъ еще значительнымъ вліяніемъ на мѣстахъ, благодаря своей партійной организаціи, и правительство Мухтара-паши считается съ нимъ какъ съ крупною оппозиціонною силою. Эти внутренніе раздоры отразились на успѣхѣ албанскаго движенія, которое неожиданно перешло въ предѣлы Македоніи и Старой Сербіи; вооруженные албанскіе отряды заняли Ускюбъ и собирались идти дальше, къ Салоникамъ, въ случаѣ неисполненія ихъ требованій. Турецкія войска, стоявшія гарнизономъ въ Ускюбѣ, держались пассивно въ сторонѣ при вступленіи албанцевъ въ городъ и предоставили имъ хозяйничать безъ всякихъ стѣсненій; очевидно, военные командиры имѣли на этотъ счетъ вполнѣ опредѣленныя инструкціи. Для мѣстнаго христіанскаго населенія появленіе недисциплинированныхъ отрядовъ албанскихъ мусульманъ послужило источникомъ страшной тревоги, переходившей отчасти въ панику; это обстоятельство доставляло видимое удовольствіе туркамъ, которые вообще не имѣли повода чувствовать вражду къ правовѣрнымъ арнаутамъ и ихъ храбрымъ бегамъ. Смѣлыя дѣйствія албанскихъ вождей указываютъ лишь на ту степень внутренняго разложенія и анархіи, которая характеризуетъ нынѣшнюю Турцію. Прежде возставали противъ Порты отдѣльныя христіанскія племена, а теперь поднимаются мусульмане, стремящіеся къ сознательной защитѣ своихъ гражданскихъ и политическихъ правъ. Младотурецкое правительство желало усмирить албанцевъ вооруженною силою, во имя единства имперіи; но очень многіе турки, даже изъ стоящихъ въ рядахъ арміи, относились сочувственно къ возставшимъ и признавали ихъ домогательства справедливыми. Новые министры, съ престарѣлымъ Мухтаромъ во главѣ, рѣшили воздержаться отъ прямого противодѣйствія албанцамъ и обязались исполнить главнѣйшія ихъ требованія. Въ

числѣ этихъ требованій, принятыхъ Портою, имѣются слѣдующіе пункты: учрежденіе новыхъ магометанскихъ богословскихъ школъ; преподаваніе на мѣстномъ языкѣ въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ; расширеніе сѣти желѣзныхъ дорогъ; устройство общественнаго управленія въ городахъ и селахъ; право мѣстныхъ жителей основывать частныя училища; устройство гимназій и сельскохозяйственныхъ школъ въ санджакахъ съ населеніемъ болѣе трехсотъ тысячъ человѣкъ; назначеніе чиновниковъ изъ лицъ, знающихъ языкъ и обычаи страны; соблюденіе нравовъ и обрядовъ, установленныхъ предписаніями ислама; изданіе спеціальныхъ законовъ, приспособленныхъ къ условіямъ горной Албаніи; право отбывать воинскую повинность въ предѣлахъ Румеліи, за исключеніемъ военнаго времени и чрезвычайныхъ внутреннихъ обстоятельствъ; раздача усовершенствованнаго оружія жителямъ по выбору администраціи; вознагражденіе албанцевъ за ихъ разрушенныя войсками жилища; полная амнистія для инсургентовъ, такъ же какъ и для присоединившихся къ нимъ турецкихъ офицеровъ и солдатъ. Албанскіе вожди требовали еще преданія суду кабинетовъ Ханни-паши и Саида-паши, но правительство обошло этотъ пунктъ молчаніемъ.

Программа албанской революціи ни въ чемъ не задѣвала традиціонныхъ взглядовъ и вѣрованій турецкихъ патріотовъ, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже вполнѣ соотвѣтствовала ихъ идеямъ. Угроза идти на Константинополь и оказать непосредственное воздѣйствіе на султана никого уже не смущала послѣ успѣшныхъ младотурецкихъ опытовъ, приведшихъ къ возстановленію и упроченію конституціи. Албанское движеніе, хотя и революціонное по способу дѣйствія, остается все-таки по существу турецко-мусульманскимъ и, слѣдовательно, консервативнымъ; оно косвенно направлено противъ мѣстныхъ христіанъ —болгаръ и сербовъ, такъ какъ укрѣпляетъ надъ ними власть мусульманства. Оттого успѣхи албанцевъ вызывали сильное безпокойство не только въ Македоніи, но и въ Сербіи, Черногоріи и Болгаріи. Македонскіе дѣятели возлагали всѣ свои надежды на военное вмѣшательство сосѣднихъ славянскихъ государствъ и, какъ говорятъ, прибѣгали даже къ искусственнымъ мѣрамъ для возбужденія въ этихъ странахъ агитаціи въ пользу войны. Близъ границъ Болгаріи, въ мѣстечкѣ Кочана, въ Коссовскомъ вилайетѣ, произошелъ 2-го августа (19-го іюня) взрывъ брошенныхъ кѣмъ-то бомбъ, причемъ пострадало около сорока человѣкъ, и въ томъ числѣ нѣсколько турокъ. Взволнованные этимъ мусульманскіе жители тотчасъ набросились на мѣстныхъ болгаръ и устроили страшную рѣзню, при явномъ содѣйствіи и сочувствіи турецкаго гарнизона и его офицеровъ; болѣе полутораста

человѣкъ было звѣрски убито и изувѣчено. Извѣстія объ этомъ погромѣ возбудили негодованіе въ Болгаріи; въ разныхъ мѣстахъ страны собирались шумные народные митинги для выраженія воинственныхъ чувствъ противъ Турціи и для пропаганды идеи заступничества болгарскаго правительства и болгарской арміи за избиваемыхъ братьевъ. Загадочные динамитные взрывы происходили и въ мѣстечкахъ, населенныхъ по преимуществу сербами, и результатъ получался одинаковый: мѣстные турки избивали ни въ чемъ неповинныхъ сербскихъ обывателей, предполагая ихъ солидарность съ террористами—а эти избіенія волновали населеніе Сербіи, поддерживая въ немъ мысль о неизбѣжной войнѣ съ насильниками. Такъ постоянно созрѣваетъ планъ совмѣстной военной расправы балканскихъ государствъ съ разлагающеюся Турціею, пока еще не прекратилась война ея съ Италіею. Будетъ ли допущена эта «расправа» великими европейскими державами? Есть основаніе думать, что Австро-Венгрія ничего не имѣетъ противъ дальнѣйшаго роста албанскаго движенія и противъ успѣшнаго перехода его на сосѣднія македонскія земли, ибо Албанія, по установившемуся мнѣнію, входитъ въ сферу австрійскаго вліянія, и вѣнскій кабинетъ можетъ только выиграть отъ ея автономіи и ея территоріальнаго расширенія въ ущербъ пограничнымъ областямъ Македоніи и Старой Сербіи. Съ этой точки зрѣнія война Болгаріи, Сербіи и Черногоріи противъ Турціи представляется въ высшей степени нежелательною для вѣнской дипломатіи,—и потому въ Австро-Венгріи сильнѣе чѣмъ гдѣлибо сознается необходимость предупредить опасность военнаго пожара на Балканскомъ полуостровѣ. И для Россіи эта война балканскихъ народовъ была бы связана съ рискомъ невольнаго участія и вмѣшательства, въ случаѣ разгрома сербско-болгарскихъ войскъ турками и ихъ возможными союзниками, австрійцами. А если въ дѣло была бы замѣшана Россія, то и Франція не могла бы оставаться въ сторонѣ. Подобныя перспективы не даютъ матеріала для оптимизма, который чувствуется во всѣхъ новѣйшихъ заявленіяхъ французскихъ министровъ и солидарной съ ними французской печати по вопросамъ внѣшней политики.

Въ положеніи балканскихъ дѣлъ наступилъ такой острый критическій моментъ, что европейская дипломатія должна была наконецъ предпринять что-нибудь для оправданія опекунской ея роли относительно ближняго Востока. Этотъ моментъ былъ весьма удачно выбранъ новымъ руководителемъ вѣнскаго кабинета, графомъ Берхтольдомъ, для дипломатическаго шага, являющагося какъ бы предисловіемъ къ попыткѣ серьезнаго коллективнаго вмѣшательства. Австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ обратился къ дер-

жавамъ, подписавшимъ берлинскій трактатъ, съ предложеніемъ приступить къ обмѣну мнѣній о турецкихъ дѣлахъ. Графъ Берхтольдъ пояснилъ при этомъ, что онъ вовсе не предлагаетъ вмѣшиваться въ турецкія дѣла, такъ какъ политика вмѣшательства могла бы только ослабить Турцію и привести къ результатамъ, противоположнымъ тому, что имѣетъ въ виду Австро-Венгрія. Дипломатія великихъ державъ должна, напротивъ, способствовать укрѣпленію Турціи и поддержать турецкое правительство, которое стремится загладить допущенныя ошибки и начать серьезную реформаторскую дѣятельность; вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо, по мнѣнію графа Берхтольда, внушить балканскимъ народамъ, чтобы они не ставили затрудненій турецкому правительству въ его стремленіи улучшить и упрочить внутреннее положеніе страны. Какъ говоритъ вѣнская «Neue Freie Presse», «европейскій концертъ долженъ вновь выступить на сцену и провести политику доброжелательныхъ совѣтовъ по всѣмъ направленіямъ»; газета надѣется, что такимъ путемъ будетъ данъ турецкому правительству нужный ему срокъ для осуществленія программы, которая уже съ успѣхомъ проводится въ Албаніи. Этимъ будетъ достигнуто, какъ думаютъ болѣе довѣрчивые и спокойные люди, настроеніе балканскихъ государствъ относительно Турціи. Въ отвѣтной телеграммѣ на запросъ редакціи вечернихъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» графъ Берхтольдъ слѣдующимъ образомъ формулировалъ, для свѣдѣнія русской публики, основные мотивы своего предложенія: «Австро-венгерское правительство исповѣдуетъ твердо,—нынѣ, какъ и всегда,—принципъ, часто имъ высказываемый, о поддержаніи status quo на Балканахъ и о мирномъ развитіи балканскихъ народовъ. Далекое отъ всякаго пессимизма, австро-венгерское правительство, наоборотъ, видитъ благопріятный симптомъ въ новомъ децентрализующемъ и индивидуализирующемъ направленіи нынѣшняго оттоманскаго кабинета, но именно въ интересахъ столько же Турціи, какъ и балканскихъ народовъ, поддержка этого новаго политическаго направленія со стороны великихъ державъ кажется ему необходимою».

Разныя дипломатическія оговорки, которыми обставлено предложеніе Берхтольда, не измѣняютъ, конечно, его сущности: дѣло идетъ именно о вмѣшательствѣ, хотя и благожелательномъ по отношенію къ Турціи. Предлагать поддержку политическому направленію даннаго турецкаго правительства въ области внутреннихъ дѣлъ Оттоманской имперіи,—поддержку, о которой сами турки не просили и не просятъ,—значитъ несомнѣнно вмѣшиваться въ эти внутреннія дѣла, хотя бы это вмѣшательство облекалось въ самыя безобидныя словесныя формы и не шло далѣе простого «обмѣна

мнѣній». Не было, разумѣется, никакой надобности отрицать мысль о вмѣшательствѣ, когда предложеніе графа Берхтольда основывается на берлинскомъ трактатѣ, устанавливающемъ право контроля державъ относительно исполненія Турціей нѣкоторыхъ возложенныхъ на нее обязательствъ. Даже «обмѣнъ мнѣній» о чужихъ дѣлахъ есть уже вмѣшательство, если онъ имѣетъ какую-нибудь практическую цѣль; но внутреннія дѣла Балканскаго полуострова давно перестали быть домашними дѣлами Турціи и въ значительной мѣрѣ входятъ уже въ кругъ обычной компетенціи европейской дипломатіи.

Само собою разумѣется, что иниціатива австрійскаго министра была встрѣчена сочувственно большинствомъ кабинетовъ и могла вызвать возраженія и неудовольствіе только въ Константинополѣ. Всѣ заинтересованныя державы выразили свое согласіе приступить къ обсужденію наиболѣе жгучихъ сторонъ турецкаго кризиса, тѣмъ болѣе, что каждая изъ державъ сохраняетъ свою свободу мнѣній и дѣйствій въ данномъ случаѣ. Какія практическія послѣдствія будутъ имѣть эти совѣщанія дипломатовъ и въ какую форму будутъ облечены результаты совѣщаній, — остается пока еще неизвѣстнымъ; многое зависитъ въ этомъ отношеніи отъ самихъ участниковъ предстоящаго «обмѣна мнѣній». Установившаяся рѣзкая группировка державъ на два лагеря—тройственный союзъ и тройственное согласіе—затрудняетъ совмѣстное обсужденіе наиболѣе важныхъ и спорныхъ международныхъ вопросовъ, при существенномъ различіи интересовъ отдѣльныхъ націй. Австро-Венгрія имѣетъ свои особые виды на Албанію, Сербію и Македонію, и ея взгляды едва ли могутъ быть раздѣляемы Россіею; серьезныя разногласія выступятъ наружу, какъ только будутъ затронуты реальные вопросы, имѣющіе наибольшее значеніе для балканскихъ народностей. Дѣйствительное и полное согласіе можетъ быть достигнуто только по предметамъ второстепеннымъ и незначительнымъ, или при выработкѣ формулъ, лишенныхъ конкретнаго содержанія; поэтому трудно возлагать большія надежды на дипломатическія конференціи, предложенныя вѣнскимъ кабинетомъ. Но нѣкоторую передышку онѣ могутъ дать балканскимъ государствамъ и самой Турціи—а это само по себѣ есть уже практическій результатъ, которымъ пренебрегать не слѣдуетъ.

Въ нашей печати высказано было мнѣніе, что иниціатива графа Берхтольда вновь выдвигаетъ Австро-Венгрію на первый планъ въ устройствѣ балканскихъ дѣлъ и что въ этомъ отношеніи вѣнскій кабинетъ опередилъ Россію, благодаря неумѣлости или невниманію нашей дипломатіи. Намъ кажется, напротивъ, что новѣйшій дипло-

матическій шагъ Австро-Венгріи не составляетъ для нея никакого выигрыша или успѣха, а только подчеркиваетъ формальное отреченіе ея отъ взглядовъ и притязаній, выразившихся съ особенною рѣзкостью въ дѣлѣ боснійской аннексіи. Съ 1897-го года, со времени мюрцштегскаго соглашенія съ Россіею относительно программы македонскихъ реформъ, Австро-Венгрія признавала излишнимъ и нежелательнымъ участіе «европейскаго концерта» въ балканскихъ дѣлахъ и предпочитала дѣйствовать на Балканахъ путемъ отдѣльныхъ договоровъ и сдѣлокъ съ тою или другою изъ великихъ державъ, соотвѣтственно своимъ спеціальнымъ интересамъ, независимо отъ предписаній берлинскаго трактата. Съ этой точки зрѣнія она отвергла проектъ созыва международной конференціи по боснійскому вопросу и добилась формальнаго признанія аннексіи помимо «европейскаго концерта», при помощи одной Германіи, пустившей въ ходъ угрозу, которая почему-то страшно испугала тогда наше министерство иностранныхъ дѣлъ. Теперь Австро-Венгрія, въ лицѣ графа Берхтольда, торжественно отрекается отъ этихъ недавнихъ традицій и формально возвращается на почву берлинскаго трактата, признавая принципъ солидарности великихъ державъ по отношенію къ дѣламъ Балканскаго полуострова; этимъ она создала для себя позицію несравненно менѣе выгодную, чѣмъ прежняя, и поставила извѣстныя границы своему неуклонному стремленію на турецко-славянскій юго-востокъ. Проектъ «обмѣна мнѣній» по турецкимъ дѣламъ возстановляетъ, въ то же время, старую дипломатическую практику вѣнскаго кабинета, который всегда любилъ прибѣгать къ международнымъ совѣщаніямъ и конференціямъ, какъ испытаннымъ средствамъ обойти острые моменты международныхъ кризисовъ путемъ паллiативовъ, разсчитанныхъ главнымъ образомъ на проволочку времени. Подобный проектъ неопредѣленныхъ совѣщаній могъ исходить только отъ Австро-Венгріи, и только въ этомъ случаѣ онъ имѣлъ шансы внѣшняго успѣха; никакая другая держава не могла бы брать на себя такого рода иниціативу, при фактическомъ господствѣ австро-германскаго вліянія въ юго-восточной Европѣ. Только Австро-Венгрія умѣетъ совмѣщать «твердое соблюденіе принципа status quo» съ желательными ей политическими перемѣнами въ области турецкихъ дѣлъ, и нѣтъ основанія желать, чтобы русская дипломатія соперничала въ этомъ отношеніи съ вѣнскимъ кабинетомъ.

Весьма интересная полемика возникла между Англіею и Соединенными Штатами по поводу обсуждавшагося въ вашингтонскомъ конгрессѣ билля о Панамскомъ каналѣ. Когда американское правительство рѣшило довести до конца начатое Лессепсомъ сооруженіе

Панамскаго канала, оно вступило въ переговоры съ Англіею и заключило съ нею трактатъ, которымъ каналъ признанъ нейтральнымъ, свободнымъ и открытымъ для торговыхъ и военныхъ кораблей всѣхъ націй, на совершенно одинаковыхъ основаніяхъ, безъ всякихъ различій въ платежѣ пошлинъ и въ условіяхъ пользованія каналомъ. Между тѣмъ новый билль, внесенный въ конгрессъ правительствомъ, устанавливаетъ спеціальныя льготы и преимущества для извѣстныхъ категорій американскихъ судовъ, въ ущербъ торговому судоходству другихъ странъ. Лондонскій кабинетъ оффиціально, черезъ своего представителя въ Вашингтонѣ, обратилъ вниманіе Соединенныхъ Штатовъ на нарушеніе законопроектомъ договорныхъ правъ Англіи, ясно и точно формулированныхъ въ трактатѣ 18-го ноября 1901 г. Возраженія Англіи не были, однако, приняты къ свѣдѣнію ни палатою представителей, ни сенатомъ, и подверглись рѣзкой отрицательной критикѣ со стороны органовъ правительства. Англичане вновь протестовали, повторяя свои прежніе доводы, и наконецъ самъ президентъ Тафтъ изложилъ свои воззрѣнія въ особомъ посланіи къ конгрессу. Аргументація президента, направленная всецѣло противъ британской точки зрѣнія, сводится къ тому, что принципъ равенства всѣхъ націй въ условіяхъ плаванія по каналу составляетъ лишь логическій выводъ изъ нейтрализаціи канала и нисколько не ограничиваетъ права Соединенныхъ Штатовъ опредѣлять для американскаго судоходства тѣ поощрительныя нормы, какія окажутся полезными для страны. Другими словами, полное равенство гарантируется для всѣхъ вообще націй, кромѣ американской. По мнѣнію Тафта, было бы нелѣпо предположить, что государство, устроившее каналъ на свой счетъ, лишается права регламентировать мѣстное судоходство согласно интересамъ и потребностямъ своихъ собственныхъ гражданъ. Но въ виду того, что выдающіеся юристы обѣихъ палатъ не раздѣляютъ такого взгляда и признаютъ правильность протеста, предъявленнаго дружественнымъ британскимъ правительствомъ, онъ, президентъ, считаетъ необходимымъ предложить конгрессу принять резолюцію, которою отвергается намѣреніе нарушить въ чемъ бы то ни было договоръ 1901 года и предоставляется всѣмъ иностранцамъ обращаться въ суды Соединенныхъ Штатовъ въ случаяхъ нарушенія ихъ договорныхъ правъ новымъ закономъ о Панамскомъ каналѣ. Съ этими оговорками Тафтъ 24 (11)-го августа утвердилъ билль своею подписью.

Безцеремонный поступокъ сѣверо-американскаго правительства удивилъ очень многихъ не только въ Англіи, но и въ Соединенныхъ Штатахъ. Толкованіе договора 1901-го года, поддерживаемое президентомъ Тафтомъ, настолько произвольно и

натянуто, что даже американскіе публицисты смущены. Если въ договорѣ сказано о равенствѣ *всѣхъ* націй, то само собою разумѣется, что имѣются въ виду и американцы; утверждать противное и придумывать заднимъ числомъ какія-то исключенія для своихъ согражданъ—значитъ давать матеріалъ для конфликта, въ которомъ роль инціатора не можетъ быть названа почетною. Еще болѣе странно предположеніе, что споръ съ Англіею можетъ быль разрѣшенъ одностороннимъ заявленіемъ конгресса Соединенныхъ Штатовъ и рѣшеніями американскихъ судебныхъ мѣстъ, при чемъ, слѣдовательно, американцы будутъ судьями въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Британское правительство уже заявило, что разногласія, возникшія въ толкованіи договора, 1901-го года будутъ переданы на разсмотрѣніе Гаагскаго международнаго трибунала, какъ единственнаго компетентнаго судилища въ подобныхъ случаяхъ. Соединённые Штаты всегда стояли за возможно широкое примѣненіе арбитража въ международныхъ спорахъ, и вашингтонскій кабинетъ дѣятельно пропагандировалъ мысль о недопущеніи какихъ бы то ни было изъятій въ этомъ отношеніи; теперь же американскіе патріоты возражаютъ противъ третейскаго суда по поводу различныхъ толкованій трактата 1901-го года. Самъ президентъ Тафтъ желалъ какъ будто обойти вопросъ объ арбитражѣ при помощи своего оригинальнаго предложенія—предоставить одной сторонѣ, Соединеннымъ Штатамъ, окончательно рѣшить возбужденный споръ съ Англіей. Все это мало соотвѣтствуетъ тѣмъ возвышеннымъ идеямъ международной справедливости и общечеловѣческаго права, которыя такъ краснорѣчиво проповѣдывались американцами нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ эпоху видимаго расцвѣта практическаго пацифизма...

Въ Китаѣ далеко еще не выяснилась степень прочности республиканскаго правительства, во главѣ котораго стоитъ Юаншикай. Въ южныхъ провинціяхъ волненія не прекращались; мѣстныя представительныя собранія высказывались иногда довольно рѣшительно въ духѣ оппозиціи, подчиняясь большею частью авторитету Сунъ-ятъ-сена. Соперничество между этими двумя центральными фигурами китайской революціи—Сунъ-ятъ-сеномъ и Юаншикаемъ—давало обильную пищу для всевозможныхъ слуховъ и догадокъ, болѣе или менѣе фантастическихъ; недавно еще распространилось извѣстіе о таинственной смерти Сунъ-ятъ-сена, и въ газетахъ печатались его некрологи, тогда какъ онъ благополучно проживалъ въ Шанхаѣ.

Въ послѣднее время много толковъ вызвала внезапная казнь

двухъ китайскихъ генераловъ, обвиненныхъ въ попыткѣ устроить военное возстаніе въ Ханкоу; они были вызваны въ Пекинъ подъ какимъ-то оффиціальнымъ предлогомъ, приняты дружелюбно однимъ изъ военныхъ командировъ, арестованы, преданы военному фиктивному суду и тотчасъ же казнены, безъ выслушанія ихъ объясненій, безъ предъявленія какихъ-либо доказательствъ ихъ вины, безъ допроса свидѣтелей. На сѣверѣ, въ Пекинѣ, китайцы привыкли къ жестокимъ расправамъ; но южные республиканцы возмущались, устраивали митинги протеста и сообщали ихъ резолюцію центральному правительству. Дѣло перешло въ парламентъ, гдѣ, послѣ бурныхъ преній, 19 (6) августа, большинствомъ 52 противъ 11 голосовъ, рѣшено просить Юаншикая представить болѣе точныя свѣдѣнія о фактахъ, послужившихъ основаніемъ къ казни Хванъ-ху и Чанъ-Чинъ-ву. На слѣдующій день, выслушавъ объясненія правительства, палата нашла ихъ неудовлетворительными и потребовала, чтобы премьеръ и военный министръ лично явились въ засѣданіе 21-го августа; но Юаншикай послалъ черезъ своего секретаря заявленіе, въ которомъ вѣжливо и твердо сообщилъ, что ни премьеръ, ни военный министръ присутствовать въ палатѣ не могутъ и никакихъ дальнѣйшихъ объясненій не дадутъ, и что взамѣнъ этого онъ самъ охотно приметъ депутатовъ отъ Хубейской провинціи для передачи имъ нужныхъ свѣдѣній. Оппозиція выразила свое негодованіе по поводу этого сообщенія президента; большинство палаты постановило устроить закрытое засѣданіе для обсужденія незаконныхъ дѣйствій правительства, но затѣмъ было все-таки предложено хубейскимъ депутатамъ принять приглашеніе Юаншикая и поговорить съ нимъ обстоятельно. Депутаты поговорили, успокоились и стали убѣждать оппозицію отказаться отъ обвиненія министровъ въ незаконныхъ дѣйствіяхъ.

Въ то же время Сунъ-ятъ-сенъ, вопреки совѣтамъ своихъ друзей, рѣшилъ лично отправиться въ Пекинъ, чтобы содѣйствовать мирной развязкѣ кризиса. И, сверхъ ожиданія, при своемъ прибытіи въ столицу, 24 (11)-го августа, онъ былъ встрѣченъ съ необыкновеннымъ энтузіазмомъ, какъ популярнѣйшій государственный человѣкъ Китая. Принятый съ почетомъ Юаншикаемъ, онъ имѣлъ съ нимъ продолжительное совѣщаніе по всѣмъ текущимъ вопросамъ и убѣдился въ возможности полнаго принципіальнаго единомыслія, какъ необходимаго условія плодотворной совмѣстной работы; онъ также удовлетворился полученными разъясненіями относительно казни двухъ генераловъ и пришелъ вообще къ заключенію, что лучшаго президента, чѣмъ Юаншикай, нѣтъ и быть не можетъ. Въ своихъ рѣчахъ къ крупнымъ общественнымъ организаціямъ онъ проводилъ идею о

важности для республики сильной центральной власти и доказывалъ пользу сосредоточенія этой власти въ рукахъ такого даровитаго и энергичнаго дѣятеля какъ Юаншикай. Это согласіе между Сунъ-ятъ-сеномъ и Юаншикаемъ представляетъ несомнѣнно благопріятный симптомъ для современнаго Китая.

Въ Лондонѣ умеръ 20 (7)-го августа, на 83-мъ году жизни, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ и извѣстнѣйшихъ людей въ мірѣ, основатель и вождь «арміи спасенія», Вильямъ Бутсъ, создавшій новую, необыкновенно жизненную и могущественную организацію общечеловѣческой благотворительности. Множество «спасительныхъ» учрежденій, пріютовъ, лечебницъ, школъ и мастерскихъ въ разныхъ мѣстностяхъ Европы и Америки остается краснорѣчивымъ памятникомъ поразительной энергіи Бутса. Это былъ «генералъ», располагавшій только силою любви и самоотверженія; его армія воевала только противъ пороковъ и бѣдствій человѣческаго общежитія...

ДВѢ СМЕРТИ.

26-го іюля не стало Н. Ѳ. Анненскаго; 11-го августа умеръ А. С. Суворинъ. Помимо этого случайнаго совпаденія, между обоими усопшими нѣтъ ничего общаго. Страннымъ можетъ показаться, поэтому, соединеніе ихъ именъ въ одной статьѣ; но оно объясняется именно глубокою противоположностью между ними. Н. Ѳ. Анненскаго оплакиваетъ одна часть русскаго общества, А. С. Суворина—другая. Смерть перваго чувствуется какъ потеря въ станѣ побѣжденныхъ, смерть второго—въ станѣ побѣдителей. Жизнь Анненскаго—прямая линія, идущая вверхъ безъ остановокъ и уклоновъ; жизнь Суворина—ломаная линія, перемѣны въ направленіи которой могутъ быть, конечно, оцѣняемы различно, но во всякомъ случаѣ несовмѣстимы съ представленіемъ о чемъ-то гармоничномъ и цѣльномъ. Анненскій былъ весь въ будущемъ, которое призывалъ и въ которое вѣрилъ; Суворинъ, въ теченіе многихъ десятилѣтій, никогда не возвышался надъ настоящимъ и часто тяготѣлъ къ прошедшему, со всѣми неприглядными его сторонами.

Смѣшно—могутъ сказать намъ—смѣшно сравнивать такія не-

соизмѣримыя величины, какъ Анненскій и Суворинъ. Послѣдній оставилъ послѣ себя вліятельную газету, широкое издательское дѣло, блестяще поставленный театръ; а что осталось послѣ Анненскаго? О Суворинскомъ наслѣдствѣ мы скажемъ ниже; отвѣтимъ сначала на послѣдній вопросъ. Анненскій принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, въ жизни которыхъ важно не столько то, чтó они сдѣлали, сколько то, чѣмъ они были. Прототипомъ ихъ въ нашей литературѣ является Покорскій (въ Тургеневскомъ «Рудинѣ»), въ нашей дѣйствительности — Н. В. Станкевичъ; но вліяніе Станкевича, по условіямъ тогдашняго времени, испытывалъ непосредственно только небольшой кружокъ, а вліяніе Анненскаго, благодаря ускоренному темпу общественной жизни, чувствовалось въ кругахъ несравненно болѣе широкихъ. Велико оно было, прежде всего, между земскими статистиками, которыхъ сближала съ Анненскимъ общность работы—а высокую цѣнность этой работы, скромной, мало замѣтной для поверхностнаго взгляда, установитъ, со временемъ, историкъ русскаго общества. Велико было значеніе Анненскаго въ провинціальныхъ городахъ, куда заносило его мановеніе властной руки и гдѣ онъ становился средоточіемъ для всѣхъ тяготившихся тусклостью безконечныхъ будней. Велико оно было въ средѣ ближайшихъ товарищей его по журналу и по партійной дѣятельности; только они и могутъ дать полную и яркую характеристику почившаго. Пишущему эти строки приходилось встрѣчаться съ нимъ сравнительно рѣдко, но и этихъ встрѣчъ было достаточно, чтобы замѣтить и понять нѣкоторыя черты изумительно богатой натуры. Анненскій былъ настоящимъ мастеромъ слова. Его рѣчь, живая, остроумная, часто страстная, увлекала, убѣждала—и заставляла любить оратора. Въ его словахъ не слышалось ни заранѣе подготовленныхъ красивыхъ фразъ, ни стремленія къ эффектамъ; онъ говорилъ просто, задушевно, и волновалъ другихъ, потому что волновался самъ. Даже въ юбилейныя привѣтствія, гдѣ такъ легко впасть въ преувеличенія или банальность, онъ вносилъ искренность и горячность, подкупавшія слушателей; памятной, напримѣръ, осталась намъ—и конечно не намъ однимъ — рѣчь, произнесенная имъ (въ 1896 г.) по поводу чествованія К. М. Станюковича. Года два или три спустя кн. С. И. Шаховской, только что пріѣхавшій изъ уфимской губерніи, говорилъ, въ частномъ домѣ, объ ужасномъ положеніи голодающихъ въ мензелинскомъ уѣздѣ — и едва ли кто-нибудь изъ присутствовавшихъ при этомъ забылъ о впечатлѣніи, которое произвела рѣчь, вслѣдъ за тѣмъ сказанная Анненскимъ. Въ 1900 г. было устроено небольшое собраніе въ память Герцена, со времени смерти котораго исполнилось тогда тридцать лѣтъ. Произнесено

было нѣсколько рѣчей, торжественно и сознательно краснорѣчивыхъ—но ни одна изъ нихъ не произвела такого дѣйствія, какъ безъискусственныя воспоминанія Анненскаго о томъ, чѣмъ былъ Герценъ для молодежи на рубежѣ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ... Въ лицѣ Анненскаго осталась неиспользованною громадная ораторская сила. Его настоящимъ призваніемъ было политическое краснорѣчіе—и при иныхъ условіяхъ онъ несомнѣнно выдвинулся бы на первый планъ среди вождей Государственной Думы.

Другую сторону Анненскаго намъ привелось узнать благодаря участію, вмѣстѣ съ нимъ, въ судѣ чести, существовавшемъ въ 1897-1901 гг. при союзѣ писателей и возстановленномъ, въ 1909 г. съѣздомъ писателей. Безпристрастіе обязательно для судьи, и соблюденія его, даже когда оно давалось не совсѣмъ легко, мы не вмѣнили бы въ особую заслугу Николаю Ѳедоровичу; но насъ плѣняло его доброе, примирительное настроеніе, его способность если не все простить, то все понять, его готовность изъ двухъ предположеній выбирать наиболѣе благопріятное для обвиняемаго, конечно — безъ нарушенія требованій литературной этики. Намъ думается, что многія изъ этихъ качествъ Николай Ѳедоровичъ вносилъ бы въ активное руководительство политической партіей, въ столкновенія политической борьбы. Ничѣмъ существеннымъ не поступаясь, онъ сумѣлъ бы избѣгать личной вражды, длительнаго раздраженія, ненужнаго упорства. Ему не дано было дожить до наступленія условій, при которыхъ могла бы развернуться во всю ширь его натура—но память о немъ переживетъ смутное время и останется дорогой для болѣе счастливыхъ поколѣній.

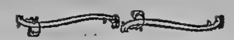
Когда, четвертъ вѣка тому назадъ, скончались, одинъ за другимъ, И. С. Аксаковъ и М. Н. Катковъ, нашъ журналъ, боровшійся съ ними при ихъ жизни, не счелъ нужнымъ умолкнуть передъ ихъ могилой. Каждый изъ нихъ представлялъ собою цѣлое направленіе; съ каждымъ изъ нихъ сходила со сцены крупная сила, до конца игравшая выдающуюся политическую роль. Говорить о нихъ, значило говорить о цѣлой исторической полосѣ, находившей въ нихъ наиболѣе яркое выраженіе. Ничего подобнаго нельзя сказать объ А. С. Суворинѣ; въ немъ никогда не олицетворялось опредѣленное общественное теченіе, полемика съ нимъ никогда не была равносильна полемикѣ съ господствующей системой. За «Московскими Вѣдомостями» Каткова, а одно время—и за Аксаковской «Русью», виднѣлось нѣчто гораздо большее, чѣмъ мнѣніе одного лица или небольшой группы лицъ; за «Новымъ Временемъ» не

виднѣлось и не виднѣется ничего, кромѣ калейдоскопа навѣянныхъ настроеній. Съ другой стороны, Аксаковъ былъ душою «Руси», Катковъ—душою «Московскихъ Вѣдомостей»; «Русь» исчезла вмѣстѣ съ ея редакторомъ, «Московскія Вѣдомости» хотя и пережили Каткова, но перестали, съ его смертью, быть тѣмъ, чѣмъ онъ ихъ сдѣлалъ. Какую бы роль ни игралъ А. С. Суворинъ въ основаніи и въ первыхъ шагахъ «Новаго Времени», въ ближайшемъ прошломъ эта газета не могла быть отождествлена съ ея издателемъ; не онъ, повидимому, руководилъ ею на самомъ дѣлѣ, и немногое, по всей вѣроятности, измѣнится въ ней послѣ его смерти. Вотъ почему мы не хотимъ вводить въ его некрологъ оцѣнку того мѣста, которое принадлежало и принадлежитъ «Новому Времени» въ русской періодической печати. Взглядъ «Вѣстника Европы» на эту газету извѣстенъ нашимъ читателямъ; повторять его теперь было бы излишне и неудобно. Мы предпочитаемъ отойти въ далекое прошлое и вспомнить о томъ Суворинѣ, котораго хорошо знали много, много лѣтъ тому назадъ.

Въ 1863 г. «С.-Петербургскія Вѣдомости» перешли въ руки В. Ѳ. Корша. А. С. Суворинъ, тогда начинающій писатель, былъ секретаремъ редакціи, ближайшимъ помощникомъ редактора, т. е. главнымъ, послѣ него, участникомъ всѣхъ мукъ, на которыя была въ то время обречена газета, стремившаяся къ независимости. Цензура, только что включенная въ составъ министерства внутреннихъ дѣлъ, была придирчивѣе, чѣмъ когда-либо, особенно съ тѣхъ поръ какъ вспыхнуло польское возстаніе: газетѣ вмѣнялись въ вину не только ея слова, но и ея молчаніе. Матеріальное положеніе ея не было обезпечено; завтрашній день представлялся загадкой. Меньше всѣхъ унывалъ молодой секретарь, хотя на его долю выпадало, кромѣ усиленной работы, тяжелая обуза объясненій съ цензорами. Весьма скоро онъ занялъ въ газетѣ выдающееся положеніе, какъ блестящій фельетонистъ. Его книга: «Всякіе» послужила предметомъ перваго, послѣ изданія закона 6-го апрѣля 1865-го года, процесса печати. Что въ ней не было «состава преступленія», въ этомъ мы не сомнѣвались тогда и не сомнѣваемся теперь; но столь же несомнѣнно и то, что она была внушена прогрессивными теченіями, проникнута сочувствіемъ къ тому, что отрицала и преслѣдовала начинавшаяся реакція. Судебный приговоръ—не отличавшійся, впрочемъ, тою суровостью, какая вошла въ моду въ наши дни,—не остановилъ Суворина на избранной имъ дорогѣ; наоборотъ, никогда онъ не возставалъ такъ энергично противъ лозунговъ «назадъ» или «ни съ мѣста», какъ въ «Недѣльныхъ очеркахъ и картинкахъ», появлявшихся въ концѣ шестидеся-

тыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ. Мишенью для «Незнакомца» служили тогда представители узкаго «охранительства», тупого обскурантизма и черстваго, близорукаго націонализма, все больше и больше заполонявшихъ тогда политическую сцену. Партизанская война, продолжавшаяся нѣсколько лѣтъ сряду, расширила и углубила популярность Суворина, увеличивая, вмѣстѣ съ тѣмъ, число и ожесточеніе его враговъ. Это сказалось съ особенною ясностью въ 1875 г., когда закрыта была каѳедра, съ которой говорилъ «Незнакомецъ». Крутой поворотъ къ худшему въ его положеніи совпалъ съ кульминаціоннымъ пунктомъ его славы. Еще два или три года онъ оставался по прежнему будильникомъ общества, врагомъ его враговъ. Такимъ онъ сохранился въ нашей памяти, такимъ мы хотимъ видѣть его и теперь, забывая на время все остальное. Въ глазахъ его нынѣшнихъ поклонниковъ все сдѣланное имъ до основанія «Новаго Времени»—или, лучше сказать, до новаго курса, весьма скоро взятаго этой газетой,—не имѣетъ никакой цѣны; для нихъ старый Суворинъ всецѣло поглощается новымъ. Мы думаемъ иначе—и можетъ быть не ошибемся, если скажемъ, что иначе думалъ самъ Суворинъ. Едва ли десятилѣтія матеріальнаго благосостоянія и своеобразнаго вліянія заслонили въ его глазахъ годы бѣдности и борьбы, окрыленные надеждой на обновленіе Россіи...

К. Арсеньевъ.

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Своеобразный способъ лишенія газетъ права печатать отчеты о думскихъ засѣданіяхъ.—Новыя ограниченія для печати въ интересахъ государственной обороны.—Итоги ревизіи С. С. Манухина.—Ленскій разстрѣлъ въ освѣщеніи сенаторскаго разслѣдованія.—Скорбь націоналиста.—Изъ эпизодовъ предвыборной кампаніи.

«Обновленный» строй, покоющійся на участіи выборныхъ представителей населенія въ законодательной власти и на гражданской свободѣ, раскрываетъ все новые и новые элементы своего «истинно-русскаго» содержанія. Избирательная кампанія сдернула послѣдніе остатки маски съ русской конституціи. Губернаторы разъѣзжаютъ по губерніямъ, даютъ указанія, пишутъ циркуляры и донесенія въ министерство, и все это касается не порядка производства выборовъ,

т. е. не выборной техники, а существа дѣла. Мѣстная администрація, поскольку то для нея возможно, непосредственно устраняетъ «оппозиціонную опасность», а поскольку нѣтъ—выясняетъ шансы кандидатовъ, дабы администрація центральная въ нужный моментъ могла съ успѣхомъ направить хитро задуманный аппаратъ закона 3-го іюня противъ однихъ партій и лицъ и въ пользу другихъ. Такъ трактуется съ полной откровенностью то, въ чемъ заключается весь смыслъ представительства—свобода выборовъ. Съ неменьшей откровенностью пресѣкаются малѣйшіе намеки на предвыборную агитацію со стороны одной части населенія и споспѣшествуется развитіе агитаціи—со стороны другой. Единственно доступное агитаціонное средство для первой—печать. Кары сыплются на газеты въ усиленномъ размѣрѣ.

Несмотря, однако, ни на губернаторскіе разъѣзды, ни на мѣры удвоеннаго обузданія «лѣвыхъ листковъ», бюрократія неспокойна и явно готовится на тотъ случай, что настроеніе страны пересилитъ и законъ 3-го іюня, и ея энергію. Появился уже рядъ распоряженій, изданныхъ въ прямомъ предвидѣніи, что четвертая Дума не будетъ повтореніемъ третьей. Одно изъ такихъ распоряженій—недавній циркуляръ главнаго управленія по дѣламъ печати. Въ этомъ циркулярѣ цензурное вѣдомство предлагаетъ надзирающимъ за повременной печатью учрежденіямъ имѣть въ виду извѣстное рѣшеніе сената по дѣлу Федорова, въ которомъ «разъяснено», что неприкосновенностью пользуются только полные стенографическіе отчеты о засѣданіяхъ Думы и что всякое измѣненіе отчетовъ, хотя бы въ смыслѣ ихъ сокращенія, должно быть разсматриваемо какъ самостоятельное произведеніе печати, подлежащее общей оцѣнкѣ, т. е. должно влечь для авторовъ уголовную отвѣтственность, если въ содержаніи напечатанной части отчета заключаются признаки преступнаго «возбужденія».

Съ юридической точки зрѣнія, циркуляру нельзя отказать въ послѣдовательности. Рѣшеніе сената состоялось еще въ 1907-мъ году, и силу его испытали уже на себѣ весьма и весьма многіе наивные люди, полагавшіе, что разъ рѣчь того или иного члена Думы была напечатана съ разрѣшенія предсѣдателя Государственной Думы въ оффиціальномъ изданіи, то ее можно воспроизводить и въ отдѣльно изданной книгѣ или брошюрѣ. Сенатъ разсудилъ иначе: перепечатывать тысячи страницъ думскихъ отчетовъ можно, а дѣлать изъ нихъ выборки—нельзя. Учрежденіе Государственой Думы предоставляетъ членамъ Думы «полную свободу сужденій и мнѣній по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Думы». Для населенія сенатъ «разъяснилъ» эту свободу въ видѣ права каждаго обывателя непосредственно рыться

въ отчетахъ, отыскивая то, что его интересуетъ, съ тѣмъ, чтобы частное издательство не могло приходить ему на помощь. Въ практикѣ имѣлъ мѣсто даже слѣдующій случай. Членъ второй Думы переписалъ изъ стенографическаго отчета съ буквальной точностью сказанную имъ рѣчь и послалъ въ мѣстную газету. Тамъ она напечатана не была, но рукопись редакторъ не уничтожилъ. Черезъ годъ, при обыскѣ въ редакціи, она была обнаружена. Членъ Думы «за распространеніе возбуждающаго сочиненія» отсидѣлъ годъ въ крѣпости. Примѣровъ, когда отсиживали по году авторы брошюръ, заключавшихъ въ себѣ воспроизведеніе рѣчей членовъ первой Думы по земельному и другимъ отдѣльнымъ вопросамъ,—не перечесть.

Но къ газетамъ до сихъ поръ рѣшеніе по дѣлу Федорова не примѣнялось. Всѣ газеты, а вмѣстѣ съ ними и петербургское телеграфное агентство, ежедневно совершали «преступленія». Отчеты о думскихъ засѣданіяхъ появлялись въ петербургскихъ и московскихъ газетахъ раньше выхода изъ государственной типографіи оффиціальныхъ стенограммъ. Агентство разсылало телеграммы по всей Россіи, тоже не ожидая выхода стенограммъ. Ни одна газета никогда не помѣщала всѣхъ сказанныхъ въ Думѣ рѣчей; всѣ воспроизводили съ стенографической полнотой лишь рѣчи отдѣльныхъ ораторовъ, и то въ видѣ рѣдкаго исключенія. Агентство, само собою разумѣется, дѣлало еще болѣе широкія количественныя измѣненія, не говоря уже о качественныхъ. Въ любой день можно было установить «преступность» любой газеты. Если въ засѣданіи Думы, положимъ, говорили Милюковъ, Шубинскій и Замысловскій, то въ «Рѣчи» рѣчи перваго отводилось строкъ 200, второго—50, третьяго—20, въ «Новомъ Времени»—рѣчи второго 200, третьяго 50, а перваго 20, въ «Земщинѣ»—рѣчи третьяго 200 и т. д. Очевидно, что ни одна газета не соблюдала сенатскаго толкованія. По соотношенію съ печатью неповременной получался, конечно, юридическій абсурдъ. Но нынѣ при новомъ циркулярѣ, если не съ юридической точки зрѣнія, то съ политической, получится несообразность еще бо́льшая.

«Россія», по долгу лежащей на ней обязанности, утверждаетъ, что циркуляръ и тѣни не имѣетъ стѣснительности ни для Думы ни для печати. Печатать думскіе отчеты никто и ничто не запрещаетъ. Циркуляръ борется лишь съ тенденціозностью освѣщенія того, что говорилось въ стѣнахъ Таврическаго дворца. Пусть публика получаетъ въ одинаковомъ объективномъ воспроизведеніи всѣ съ полной свободой высказанныя сужденія и мнѣнія, но не только «за» и не только «противъ», а то и другое вмѣстѣ. Въ подтвержденіе отсутствія стѣснительности циркуляра, оффиціозъ ссылается на свой собственный примѣръ. Дѣйствительно, «Россія» во время дум-

скихъ сессій печатаетъ и разсылаетъ подписчикамъ полные стенографическіе отчеты, когда 20, когда 30, а когда и 40 страницъ при номерѣ. Но что это стоитъ самой дешевой и имѣющей наименьшій кругъ читателей газетѣ? Объ этомъ «совершенно частное изданіе», печатающееся въ типографіи «Правительственнаго Вѣстника», благоразумно умалчиваетъ. Далѣе, какъ изобличили «Россію» «Русскія Вѣдомости», и казенная газета печатаетъ не «все», пропуская наименѣе для нея желательное. Кромѣ того, она рѣчамъ министровъ отводитъ мѣсто не только въ набираемыхъ петитомъ приложеніяхъ, но и въ текстѣ. И, наконецъ, печатаемые ею отчеты, хотя и стенографическіе, отнюдь не тѣ стенограммы, которыя, по ст. 45 учр. Гос. Думы, составляются присяжными стенографами и допускаются къ оглашенію «по одобреніи предсѣдателемъ Думы». Въ Думѣ, какъ извѣстно, ведутъ стенографическія записи, кромѣ присяжныхъ стенографовъ, стенографы петербургскаго телеграфнаго агентства, и «Россія» печатаетъ не оффиціальные думскіе отчеты, а агентскіе. Сенатъ же въ рѣшеніи по дѣлу Федорова совершенно опредѣленно говоритъ о безпрепятственномъ и непреступномъ печатаніи однихъ первыхъ. Слѣдовательно, примѣръ «Россіи» не только не убѣдителенъ, но и ей по циркуляру грозятъ судебные скорпіоны.

Какой силы ударъ по Думѣ представляетъ собою циркуляръ — объ этомъ едва ли есть надобность особенно подробно распространяться. «Всякія попытки — справедливо писали «Русскія Вѣдомости» — ограничить гласность думскихъ засѣданій, уменьшить освѣдомленность о нихъ общества, являются тѣмъ самымъ покушеніемъ на основы представительнаго строя. Это все равно, что лишать растеніе необходимаго для него солнечнаго свѣта. Пусть сокращенные газетные отчеты будутъ иногда тенденціозны, пусть они въ нѣкоторыхъ случаяхъ сгущаютъ краски, придаютъ фактамъ не вполнѣ точное освѣщеніе, — это, во всякомъ случаѣ, неизмѣримо меньшее зло, чѣмъ ограниченія печатнаго слова въ такой важной области». Дѣйствительно, газетные отчеты о думскихъ засѣданіяхъ — единственная нить, связывающая Думу со страной. Если она порвется, Дума окончательно обратится въ ненужное пятое колесо русской жизни. Реакція къ этому и стремится. Но могутъ ли спокойно относиться къ такимъ все наростающимъ «разъясненіямъ» обновленнаго строя тѣ, кого не фантазія, а реальнѣйшіе факты вѣковой исторіи привели къ убѣжденію, что только народное представительство можетъ вывести голодающую, безпросвѣтно темную и безправную страну изъ тупика?

При дѣйствіи циркуляра, газеты получатъ возможность подносить читателямъ думскіе отчеты, во-первыхъ, черезъ два дня въ Пе-

тербургѣ, черезъ три въ Москвѣ, черезъ пять въ Одессѣ и т. д. А, во-вторыхъ—не иначе, какъ въ видѣ десятковъ страницъ скучнѣйшаго чтенія. Очевидно, что такихъ отчетовъ никто читать не будетъ. Но неужели реакція не пожалѣла и себя? Неужели она и на гг. Пуришкевича, Замысловскаго, Маркова, Шубинскаго и Шульгина наложила запретъ говорить чрезъ думскія стѣны странѣ? Неужели она занесла руку на «Новое Время», «Свѣтъ» и на мѣстныя черносотенныя изданія? Конечно,—нѣтъ! Какъ и все, что регулируетъ нашу гражданскую «свободу», циркуляръ главнаго управленія по дѣламъ печати бьетъ только въ одинъ бокъ. Ни правыхъ членовъ Думы, ни правыхъ газетъ онъ нисколько не касается. Для нихъ въ рѣшеніи по дѣлу Федорова есть бронирующая оговорка: если въ содержаніи напечатанной части отчета заключаются признаки преступнаго «возбужденія». Преступное же «возбужденіе» у насъ можетъ исходить, какъ извѣстно, только слѣва. Есть, напримѣръ, законъ (п. 6 ст. 129 угол. улож.), карающій тюрьмою «возбужденіе» вражды между отдѣльными частями или классами населенія, между сословіями, или между хозяевами и рабочими. И законъ этотъ весьма часто примѣняется къ авторамъ, переступающимъ дозволенную грань въ защитѣ интересовъ рабочихъ, крестьянъ или инородцевъ. А былъ ли хоть одинъ случай его примѣненія къ неистовствамъ антисемитовъ, ежедневно съ пѣной у рта возбуждающихъ вражду между христіанами и евреями? По условіямъ нашей «законности», правые ораторы и правая печать—кромѣ, за послѣднее время, «Русскаго Знамени», «Гражданина» и «Грозы»—органически не могутъ совершать преступленій. Слѣдовательно, что бы ни имѣли въ виду учрежденія, надзирающія за печатью, правыя газеты будутъ безвозбранно печатать вмѣсто полныхъ отчетовъ рѣчи пропагандируемыхъ и рекламируемыхъ ими членовъ Думы, и вся Россія на другой же день будетъ знать, что они говорили.

Но какъ же быть съ юридическимъ абсурдомъ,—съ вопіющей несправедливостью? Единственный выходъ — измѣнить сенатскую практику. Внушено ли было сенату рѣшеніе по дѣлу Федорова, или сенатъ по собственной инціативѣ сдѣлалъ «разъясненіе», мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ оно и само по себѣ взятое, т. е. въ приложеніи къ неповременной печати, не выдерживаетъ критики. Въ приложеніи же къ газетамъ оно даетъ такой результатъ, для характеристики котораго нельзя подыскать подходящаго слова. Въ залѣ засѣданій Думы представителямъ повременныхъ изданій отводятся особыя мѣста. Зачѣмъ, спрашивается, они будутъ ихъ занимать, если въ газетахъ можно воспроизводить только

записи присяжныхъ стенографовъ безъ всякихъ измѣненій и сокращеній?

5-го іюля утвержденъ и 21-го іюля распубликованъ новый законъ «объ измѣненіи дѣйствующихъ законовъ о государственной измѣнѣ путемъ шпіонства». Въ общемъ, суть закона сводится къ повышенію уголовной репрессіи и къ расширенію уголовно-правового опредѣленія понятія шпіонства. Такъ напримѣръ, подъ угрозу срочной каторги въ ст. 111[1] постановлены «опубликованіе, сообщеніе и передача», въ интересахъ иностраннаго государства, всякаго рода документовъ, «касающихся мобилизаціи и вообще распоряженій на случай войны», совершенно безотносительно къ значенію даннаго документа для государственной обороны.

Намъ не разъ приходилось касаться современнаго стремленія правительства, въ этомъ отношеніи всегда встрѣчавшаго неизмѣнную поддержку право-октябристскаго большинства третьей Думы, повышать уголовныя кары. Такъ же точно мы еще недавно высказывали нашъ взглядъ на шпіонство и на причины, создающія и питающія это явленіе. Возвращаться къ этимъ вопросамъ по поводу закона 5 іюля мы не будемъ, а отмѣтимъ въ немъ постановленіе, относящееся не къ шпіонству и заключающее въ себѣ новыя ограниченія свободы печатнаго слова. Постановленіе это гласитъ: «Министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется, съ соблюденіемъ порядка, опредѣленнаго въ учрежденіи совѣта министровъ, воспрещать на опредѣленный срокъ сообщеніе въ печати свѣдѣній, касающихся внѣшней безопасности Россіи или вооруженій, предназначенныхъ для военной обороны страны».

Законъ 5 іюля и, въ частности, приведенное постановленіе обсуждались въ Думѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ въ закрытыхъ засѣданіяхъ. А потому намъ неизвѣстны ни мотивы, на которые опирался правительственный проектъ, ни то, насколько законъ явился результатомъ творческой работы «народнаго представительства». Неизвѣстно даже, раздавались ли въ Думѣ возраженія противъ возврата системы административнаго устраненія отдѣльныхъ вопросовъ изъ обсужденія печати и, если такія возраженія раздавались, то что парировало ихъ въ глазахъ думскаго большинства. Законъ, словомъ, приходится разсматривать, какъ голый фактъ, совершенно такъ, какъ приходилось анализировать законы въ до-конституціонное время.

По опредѣленію основныхъ законовъ (ст. 79), «каждый можетъ, въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ, высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно распространять ихъ путемъ пе-

чати или иными способами». Это опредѣленіе, конечно, есть не болѣе, какъ декларація. Но разъ такая декларація существуетъ, она, во всякомъ случаѣ, обязываетъ къ тому, чтобы всякія ограниченія свободы печатнаго слова формулировались съ полной опредѣленностью — особенно въ томъ, что устанавливаетъ предѣлы права исполнительной власти свободу ограничивать. Касающееся печати постановленіе закона 5 іюля конструировано какъ разъ наоборотъ. Будучи изъятіемъ, оно составлено такъ, какъ будто бы заключало въ себѣ не изъятіе, а общее правило. При наступленіи какихъ условій министръ внутреннихъ дѣлъ получаетъ право воспрещать сообщеніе въ печати поименованныхъ въ постановленіи «свѣдѣній»? На этотъ первый, совершенно неизбѣжный, казалось бы, вопросъ нѣтъ никакого отвѣта. Признаніе необходимости воспрещенія предоставлено, слѣдовательно, цѣликомъ усмотрѣнію министра, дѣйствующаго въ данномъ случаѣ лишь подъ контролемъ совѣта министровъ. Никакого злоупотребленія со стороны министра, дарованнымъ ему правомъ и никакой незакономѣрности въ примѣненіи этого права быть не можетъ. Законодательныя учрежденія, вотировавшія постановленіе, заранѣе лишили себя возможности когда бы то ни было предъявить по поводу его запросъ.

Сообщеніе какихъ свѣдѣній можетъ быть воспрещаемо? Отвѣтъ имѣется, но онъ изложенъ такъ, что покрываетъ собою рѣшительно все, прямо или косвенно относящееся до арміи и флота. Единственнымъ признакомъ изъятія служитъ въ законѣ 5 іюля срочность запрета. Полагаемъ, однако, что примѣръ положенія объ усиленной и чрезвычайной охранѣ, которое можетъ быть вводимо въ дѣйствіе только на одинъ годъ и дѣйствуетъ непрерывно уже болѣе тридцати лѣтъ, достаточно свидѣтельствуетъ, насколько слабо этотъ признакъ отличаетъ изъятіе отъ общаго правила. Къ тому же въ постановленіи максимальный срокъ не обозначенъ и говорится глухо: «воспрещать на опредѣленный срокъ». А потому, если бы министръ внутреннихъ дѣлъ, съ одобренія совѣта министровъ, запретилъ сообщеніе въ печати свѣдѣній, касающихся обороны, скажемъ, на сто лѣтъ, то и такое нелѣпое распоряженіе было бы неуязвимо законно.

По существу разсматриваемаго постановленія нельзя не признать, что внѣшней безопасности государства и оборонѣ страны, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, граждане обязаны приносить въ жертву свободу слова. Одинаково нельзя не признать, что при все наростающей между государствами конкурренціи въ развитіи средствъ нападенія и обороны, каждое государство должно скрывать отъ сосѣдей военныя тайны и не можетъ допускать ихъ оглашеніе въ печати.

Но какъ безконечно далеки эти безспорныя истины отъ того примѣненія, которое, судя по газетамъ, уже готовится для закона 5 іюля! 12 августа «Рѣчь» сообщала: «министръ внутреннихъ дѣлъ внесъ въ совѣтъ министровъ выработанныя имъ новыя правила о воспрещеніи оглашенія въ печати свѣдѣній, касающихся обороны». Необходимость этихъ правилъ, по словамъ газеты, объяснена слѣдующимъ образомъ: «Въ повременной печати часто стали появляться статьи, содержащія различныя свѣдѣнія, касающіяся подготовки и устройства морскихъ и сухопутныхъ силъ и сооруженій въ Россіи, оглашеніе каковыхъ можетъ имѣть характеръ весьма вредный для дѣла государственной обороны страны. Таковыя свѣдѣнія сообщаются одними авторами статей съ цѣлью злонамѣренной, другими—по непониманію, вслѣдствіе незнакомства съ военной техникой обороны государства. Тѣ и другіе авторы статей, брошюръ и книгъ и редакторы повременныхъ изданій часто были оправдываемы судомъ въ виду заявленія ихъ о неосвѣдомленности того, о чемъ не дозволяется писать по военному дѣлу. Въ виду этого является настоятельная потребность въ возможно подробномъ перечнѣ свѣдѣній, не подлежащихъ оглашенію». И далѣе «Рѣчь» приводила одиннадцать пунктовъ проектируемаго перечня, который охватываетъ свѣдѣнія объ организаціи и дислокаціи арміи и флота, о передвиженіи сухопутныхъ войскъ и кораблей, о крѣпостяхъ, о методахъ обученія стрѣльбѣ и т. д., и т. д.—и заканчивается запретомъ давать «характеристики высшаго командного состава арміи и флота»... На войнѣ съ Японіей оказались плохи наши генералы. Это засвидѣтельствовалъ въ своемъ отчетѣ ген. Куропаткинъ. Виноваты, очевидно, газеты. Печать не будетъ давать ихъ «характеристики»—и они впредь всегда будутъ стоять на высотѣ положенія...

Въ теченіе всего лѣта была естественно предметомъ самаго напряженнаго вниманія ревизія С. С. Манухина. Но печать удовлетворяла общественное вниманіе лишь случайно и отрывочно. Извѣстія приходили противорѣчивыя и крайне неполныя. Особенно неопредѣленны были сообщенія о переговорахъ, которые велъ С. С. Манухинъ съ рабочими. Рабочіе съ нетерпѣніемъ ждали его пріѣзда. Сенаторъ, съ своей стороны, также, повидимому, включалъ въ задачу ревизіи не только выясненіе причинъ забастовки и разслѣдованіе обстоятельствъ разстрѣла, но и посредничество между рабочими и администраціей ленскаго золотопромышленнаго товарищества въ цѣляхъ разрѣшенія экономическаго конфликта. Въ этомъ отношеніи итогъ ревизіи, къ сожалѣнію, можно считать окончательно опредѣлившимся: С. С. Манухинъ успѣха не имѣлъ. Соглашенія споря-

щихъ посредничество не достигло. Громадная масса рабочихъ съ пріисковъ уѣхала. Товарищество предпочло уступкамъ сокращеніе производства, если не полное пріостановленіе работъ. Рабочіе, которыхъ привела на Лену не алчность наживы, конечно, а борьба за существованіе и, въ буквальномъ смыслѣ слова, за кусокъ хлѣба, предпочли голодъ на родинѣ условіямъ работы на пріискахъ. Капиталъ снова вышелъ побѣдителемъ.

Побѣда, однако, досталась ему не дешево. Ленскія акціи упали на биржѣ съ трехъ тысячъ рублей до восьмисотъ. Кромѣ того, товариществу предстоятъ тысячи исковъ со стороны рабочихъ и ихъ семействъ за нарушеніе договоровъ, за полученныя при разстрѣлѣ увѣчья и за убитыхъ. Еще раньше, чѣмъ С. С. Манухинъ, на Лену прибыли вызванные рабочими присяжные повѣренные изъ Иркутска, Петербурга и Москвы. На Ленѣ они оставались нѣсколько мѣсяцевъ, и можно съ увѣренностью думать, что собрали достаточный матеріалъ для обоснованія исковыхъ требованій. Подробности пока неизвѣстны. Газета, помѣстившая интервью съ вернувшимся съ Лены петербургскимъ присяжнымъ повѣреннымъ А. Ф. Керенскимъ, немедленно подверглась штрафу. Дальнѣйшія попытки освѣтить съ этой стороны ленскую трагедію, само собою разумѣется, прекратились. Но иски, во всякомъ случаѣ, предъявлены будутъ и, надо думать, по мѣсту нахожденія правленія товарищества—въ Петербургѣ. А потому, хотя, быть можетъ и не такъ скоро, но ленская трагедія, въ своемъ экономическомъ значеніи, получитъ полное объективное освѣщеніе въ наиболѣе благопріятной для того безстрастной обстановкѣ гражданскаго процесса, который за шесть тысячъ верстъ отъ мѣста, гдѣ развивались событія, тѣмъ легче раскроетъ ихъ причины и слѣдствія.

Получитъ освѣщеніе, въ частности, «женскій вопросъ», сыгравшій въ событіяхъ немалую роль и чрезвычайно характерный для порядковъ въ раіонѣ владѣній ленскаго товарищества. Въ «Русскомъ Словѣ», въ іюнѣ, была помѣщена слѣдующая выдержка изъ письма очевидца катастрофы 4 апрѣля: «Вмѣстѣ съ развитіемъ забастовки, началось движеніе среди женщинъ. По обычаю, жены рабочихъ, кромѣ своей работы въ казармахъ, мытья половъ, стирки, приготовленія обѣда, за что ими получалась плата, должны были безплатно исполнять разныя домашнія работы у членовъ пріисковой администраціи. Послѣдніе этимъ пользовались для своихъ личныхъ цѣлей, вызывали къ себѣ понравившуюся женщину и принуждали ее заниматься проституціей, подъ угрозой увольненія мужа въ случаѣ отказа. Это было общеизвѣстно, и на это смотрѣли какъ на неизбѣжное зло. Въ забастовочномъ комитетѣ былъ возбужденъ женскій

вопросъ, и постепенно были выработаны требованія женщинъ. Эти требованія свелись къ двумъ пунктамъ: плата за услуги членамъ пріисковой администраціи и уничтоженіе проституціи»... Не останутся безъ юридической оцѣнки и 1199 исковъ къ рабочимъ о выселеніи, которые были предъявлены администраціей товарищества 13 марта и первую серію которыхъ мѣстный мировой судья уже черезъ день разсмотрѣлъ и удовлетворилъ, съ допущеніемъ предварительнаго исполненія,—хотя и администрація, и мировой судья отлично знали, что на пріискахъ изъ принадлежащихъ товариществу помѣщеній, кромѣ какъ въ тайгу, выселяться некуда.

Касательно обстоятельствъ разстрѣла и виновности ротмистра Трещенкова 13 іюля въ «Новомъ Времени» было напечатано «разъясненіе», ѣдко названное въ «Гражданинѣ» «откровеніемъ». Въ этомъ явно внушенномъ департаментомъ полиціи «разъясненіи» съ жандармскаго ротмистра снималась всякая отвѣтственность Отвѣтственность за разстрѣлъ перелагалась на начальника воинской команды. О ротмистрѣ Трещенковѣ сообщалось, что онъ повиненъ лишь въ томъ, что «не проявилъ достаточной находчивости и энергіи для мирнаго разрѣшенія событій». Политическій характеръ забастовки объявлялся какъ фактъ, установленный ревизіей. «Уже теперь—писала газета—сенаторъ Манухинъ въ точности выяснилъ, что въ стачечномъ комитетѣ находилось пять лицъ, которыя по своему прошлому принадлежали и принадлежатъ до сихъ поръ къ революціоннымъ организаціямъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти лица съумѣли использовать тяжелыя экономическія условія рабочихъ для созданія столь желательныхъ крайнимъ партіямъ осложненій».

«Откровеніе» газеты, оказывается, было преждевременно. Всего черезъ три недѣли, 3-го августа, сначала въ «Рѣчи», а затѣмъ и въ другихъ газетахъ, появилось въ весьма подробныхъ извлеченіяхъ постановленіе сенатора Манухина о возбужденіи противъ ротмистра Трещенкова уголовнаго преслѣдованія въ преступномъ бездѣйствіи и превышеніи власти, повлекшемъ за собою причиненіе тѣлесныхъ поврежденій 372 рабочимъ, изъ которыхъ 170 отъ полученныхъ поврежденій скончались, и выразившемся, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ и до проявленія скопищемъ неповиновенія его распоряженію уполномочилъ начальника воинской команды разсѣять толпу оружіемъ». Такова резолютивная часть постановленія. «Безспорно»—отвѣчая на ленскій запросъ, говорилъ въ Думѣ А. А. Макаровъ,—«формальныя условія, были соблюдены» и на этой безспорности базировалъ свое знаменитое: «Такъ было и такъ будетъ впредь»! Ревизія удостовѣрила, что если «такъ было», то потому, что было преступленіе.

Безъ остатка опровергнута ревизіей версія о кирпичахъ, кольяхъ и палкахъ, которыми вооружилась многотысячная толпа, намѣревавшаяся смять и обезоружить «горсть» солдатъ. Толпа дѣйствительно была многочисленная, но двигалась она узкой лентой, человѣкъ по пяти-шести въ рядъ, растянувшейся на двѣсти саженъ по снѣжной дорогѣ, которая близъ Надеждинскаго пріиска «пролегаетъ между огороженными штабелями крѣпежнаго лѣса, съ одной стороны, и сначала отваломъ, а затѣмъ заборомъ—съ другой, образуя, такимъ образомъ, узкое, отгороженное съ обѣихъ сторонъ пространство». Послѣ ареста выборныхъ, толпа «всѣмъ народомъ» шла съ прошеніями къ товарищу прокурора. Встрѣтившій толпу и пропустившій ее мимо себя г. Савиновъ «въ рукахъ у рабочихъ ни кольевъ, ни палокъ, ни иныхъ орудій» не видалъ. На мѣстѣ разстрѣла, какъ доказательство, что «рабочіе имѣли при себѣ оборону», по распоряженію ротмистра Трещенкова, полиціей были собраны нѣсколько жердей, девять (!) обломковъ кирпичей, одна оглобля, два (!) полѣна, желѣзная проволока-трость, нѣсколько палокъ, частью гнилыхъ, нѣсколько досокъ, обломковъ дерева, обломковъ сгнившей вѣтки и т. п. Вооруженіе трехтысячной толпы несомнѣнно грозное! Но... сломанную оглоблю за два-три дня бросилъ проѣзжавшій якутъ, по дорогѣ зимою возили кирпичъ, при уборкѣ убитыхъ и раненыхъ разбирали заборы и изъ жердей дѣлали носилки... «Солдаты волновались, требуя приказа стрѣлять»,—объяснялъ въ Думѣ министръ внутреннихъ дѣлъ, въ то время очевидно не располагавшій никакими другими данными, кромѣ донесеній ротмистра Трещенкова. А двое изъ допрошенныхъ при разслѣдованіи солдатъ показали, что они слышали, какъ, войдя въ помѣщеніе нижнихъ чиновъ, ротмистръ Трещенковъ сказалъ: «Собирайтесь, ребята, поскорѣе, а то толпа хочетъ васъ обезоружить». Кто, оказывается, волновался, и если волновались солдаты, то кто вызвалъ въ нихъ волненіе?

До пріѣзда въ пріисковый районъ ротмистра Трещенкова, командированнаго изъ Иркутска «распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ», «по единогласному отзыву всѣхъ допрошенныхъ при разслѣдованіи чиновъ горнаго надзора и полиціи, а также большинства представителей пріисковой администраціи, забастовка протекала вполнѣ мирно; случаи безпорядковъ, несмотря на длительность забастовки и многочисленность участниковъ, были единичны и не сопровождались угрожающими общественной безопасности проявленіями». Не было проявленій, угрожающихъ общественной безопасности, и потомъ, вплоть до разстрѣла 4 апрѣля. Арестъ выборныхъ вполнѣ естественно вызвалъ неудовольствіе среди рабочихъ, такъ какъ выборы были произведены «по настоянію» пріисковой админи-

страціи и съ разрѣшенія полиціи. Не стало выборныхъ — рабочимъ не оставалось другого способа заявленія своихъ претензій, какъ «всѣмъ народомъ». Они и начали толпой ходить то къ одному, то къ другому управляющему, протестуя противъ ареста выборныхъ и требуя увеличенія отпускаемаго изъ пріисковыхъ лавокъ пайка и уплаты заработанныхъ денегъ. Въ требованіяхъ имъ отказывали, а по поводу арестовъ говорили неправду. Такъ, одинъ изъ управляющихъ, г. Самохваловъ, на вопросъ рабочихъ, по чьему распоряженію задержаны выборные, заявилъ, что арестъ ихъ произведенъ по указанію окружнаго инженера Тульчинскаго, чего въ дѣйствительности не было.

Ротмистръ Трещенковъ привезъ съ собою на пріиски грозные начальническіе окрики, всюду являлся съ воинской командой и не допускалъ, чтобы даже популярный среди рабочихъ г. Тульчинскій вступалъ въ объясненія безъ него и безъ солдатъ. 3 апрѣля г. Тульчинскій, отправляясь на Александровскій пріискъ, заѣхалъ къ ротмистру Трещенкову. Послѣдній рѣшительно отказался пустить его одного объясняться съ рабочими и вызвался его сопровождать съ воинскою командою. По прибытіи Тульчинскаго и Трещенкова на желѣзнодорожную станцію, воинская команда была выстроена на дорогѣ, въ разстояніи около ста саженъ отъ рабочихъ казармъ, при чемъ солдатамъ было приказано зарядить ружья. Обходя казармы, Трещенковъ рѣзкимъ голосомъ приказывалъ толпившимся у входовъ рабочимъ разойтись. По удостовѣренію Тульчинскаго, ничего угрожающаго въ настроеніи рабочихъ онъ не замѣтилъ... Чрезвычайно типичной фразой отвѣтилъ ротмистръ Трещенковъ полицейскому уряднику, доложившему ему по телефону о движеніи толпы. Онъ сказалъ: «пускай поговорятъ, а вы за ними послѣдите». Въ этой фразѣ вылился жандармскій офицеръ, попавшій въ совершенно несвойственную и непонятную ему роль начальника полиціи.

Итакъ, ротмистръ Трещенковъ за ленскій разстрѣлъ къ отвѣтственности привлеченъ. Но будетъ ли онъ преданъ суду—еще большой вопросъ. Правая печать взяла его подъ свою могущественную, по нынѣшнимъ временамъ, защиту. «Земщина» возмущена ревизіей С. С. Манухина и требуетъ прекращенія начатаго дѣла.

Странствующій по городамъ Поволжья писатель далъ уничтожающую характеристику нашего націонализма и нашихъ націоналистовъ, какъ политической партіи. «Дѣло въ томъ,—писалъ онъ,— что націонализмъ обычно представляется капиталистами, дѣятелями промышленно-финансоваго міра и владѣльцами крупныхъ латифундій, землевладѣльцами-промышленниками. Это налагаетъ классовый

отпечатокъ на всю дѣятельность національныхъ организацій. Въ купеческомъ городѣ націоналистами оказываются, положимъ, предсѣдатель биржевого комитета да биржевой маклеръ. Въ городѣ дворянскомъ—такъ называемые «зубры» и другіе дилювіальные и геральдическіе великолѣпные вырожденцы. Купецъ на все взираетъ «хозяйскимъ глазомъ». Дворянское изнѣженное грасированіе слышится во всѣхъ националистическихъ рѣчахъ. Однимъ словомъ, партія націоналистовъ у насъ получила аристократически-буржуазную окраску, и это мертвитъ ее и разслабляетъ, внося въ основу дѣла фальшь».

Этотъ писатель—небезъизвѣстный націоналистъ и нововременецъ, г. Николай Энгельгардтъ. И излилъ онъ свою скорбь въ № 13084 «Новаго Времени». Никто, какъ свой! Многіе авторы вскрывали внутреннюю пустоту партіи, органомъ которой служитъ «Новое Время». Но такъ ее «раздѣлывать», какъ «раздѣлалъ» г. Николай Энгельгардтъ, мало кому удавалось. «Наши націоналисты—заявляетъ онъ—принуждены пробавляться риторикой общихъ мѣстъ патріотизма, да археологическими и юбилейными воспоминаніями»,—«ибо предъ каждымъ стоитъ насущный вопросъ болей и злобъ его классоваго прозябанія, и пышными цвѣтами риторической хріи эти злобы и боли не утоляются». Многіе высмѣивали составъ «всероссійскаго національнаго союза». Но такого злого высмѣиванія блока «биржевыхъ маклеровъ» съ «геральдическими вырожденцами» мы не припоминаемъ.

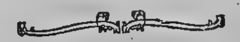
Что скорбныя чувства г. Энгельгардта вызвало странствованіе по городамъ Поволжья — въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. «Всероссійскій національный союзъ» родился въ Западномъ краѣ, оттуда пришелъ въ чиновничьи сферы Петербурга и оттуда же принесъ съ собою свое главное содержаніе: антисемитизмъ, борьбу за обрусеніе и противъ ополяченія, ненависть къ инородцамъ вообще. Крупенскій, Балашевъ и «истинно-русскіе» Синадино и фонъ-Гюббенетъ—все сплошь представители русскаго запада. Самъ П. А. Столыпинъ былъ помѣщикомъ Ковенской губерніи. Въ Поволжьѣ нѣтъ евреевъ и поляковъ и чиновничество несравненно слабѣе представлено въ мѣстной жизни, чѣмъ въ западномъ краѣ. «Фальшь», конечно, здѣсь особенно рѣзко бросается въ глаза. Поволжскимъ крестьянамъ и рабочимъ, торговцамъ, промышленникамъ и дворянамъ не изъ «вырожденцевъ» нѣтъ дѣла до козней католицизма и еврейства. Но у нихъ есть свои «боли и злобы». И на эти «боли и злобы» національзмъ не даетъ отвѣта. Отдавшійся человѣконенавистничеству, онъ о нихъ не думаетъ и не заботится. Естественно, что для него въ Поволжьѣ раскрыты объятія только «биржевыхъ

маклеровъ» и «зубровъ-вырожденцевъ». Эти два «класса» всегда будутъ около тѣхъ, въ чьихъ рукахъ власть и подачки.

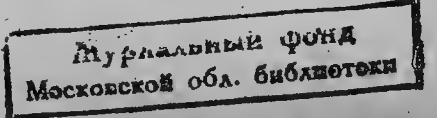
Г. Энгельгардтъ взываетъ къ образованію «въ странѣ пахарей и пастуховъ, въ странѣ совершенно демократической», «народной демократической національной партіи». Такая политическая партія у насъ, какъ и вездѣ, имѣетъ несомнѣнно право на существованіе, ибо среди различныхъ теченій общественно-политической мысли подобное теченіе логически возможно. Но оно должно давать положительныя формулы. Партія же, несущая одну голую ненависть и одно голое разрушеніе чужой жизни, партія, полагающая въ этомъ разрушеніи единственное средство возрожденія господствующей въ государствѣ народности, съ неизбѣжностью обречена видѣть въ своемъ составѣ «вырожденцевъ» всѣхъ классовъ и «пробавляться риторикой общихъ мѣстъ патріотизма».

Наиболѣе яркіе отдѣльные эпизоды предвыборной кампаніи попрежнему относятся къ дѣятельности духовныхъ властей. Епархіальные архіереи положительно готовятся заполонить Думу священниками. Возникшій было на этой почвѣ конфликтъ съ свѣтской властью, повидимому, окончательно улаженъ. «Россія» выставила принципъ: «нѣтъ независимыхъ избирателей». Духовная власть все шире и шире имъ пользуется. Ея обращенія къ подчиненному духовенству полны начальническихъ запретовъ и предписаній, нарушеніе и неисполненіе которыхъ подкрѣпляется откровенно объявляемой угрозой каръ.

Въ вологодской епархіи по всѣмъ приходамъ разослано слѣдующее циркулярное предписаніе: «Согласно требованію преосв. Никона, прошу незамедлительно прислать списокъ надежныхъ крестьянъ вашего прихода, которыхъ съ полной увѣренностью можно было бы рекомендовать, какъ желательныхъ для выбора по волости. Прошу также сообщить объ агитаціонной дѣятельности земскихъ служащихъ по поводу выборовъ въ Государственную Думу». Кто, возлагая на батюшекъ обязанности сыска, проситъ ихъ доставить списки «надежныхъ» крестьянъ и къ кому поступятъ «на распоряженіе» доносы и списки,—газета, гдѣ мы прочли это предписаніе, къ сожалѣнію не сообщила. Но, очевидно, что такое предписаніе могло явиться лишь, какъ слѣдствіе дружнаго взаимодѣйствія духовной власти со свѣтской.

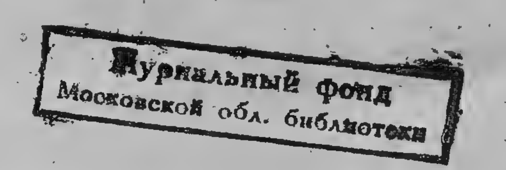
Издатель: М. М. Ковалевскій. Ред. К. К. Арсеньевъ

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.—СЕНТЯБРЬ.

СТРАН.

Очень просимъ, обратите вниманіе!

„Школьное Дѣло“.

НАГЛЯДНЫЯ УЧЕБНЫЯ ПОСОБІЯ.

Москва, Кузнецкій мостъ, пасс. Джамгаровыхъ, 36.
Телефонъ 178-63.

Наглядныя учебныя пособія по всѣмъ предметамъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Выпущены научно-систематизированные каталоги на русскомъ языкѣ по естествовѣдѣнію и географіи со списками пособій необходимыхъ при прохожденіи этихъ предметовъ въ среднихъ учебн. завед.

Учебнымъ заведеніямъ и г.г. преподавателямъ каталоги высылаются безплатно.

Оборудованіе физическихъ и химическихъ кабинетовъ.

2—2

Книгоиздательское Т-во „ДѢЛО“.

Главная Контора: МОСКВА, Остоженка. 2 Ильинскій 13. Телеф. 291-65.

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА“.

ИНТИМНЫЯ СТРАНИЦЫ ИСТОРІИ

№ 1. Смерть Павла I. С. Горскаго.
№ 2. Легенда о смерти Александра I. П. Бунина.
№ 3. Фавориты Екатерины II. А. Савина.
№ 4. Борьба за престолъ (Петръ III и Екатерина II). Д. Соловьева.
№ 5. Казненная королева (Марія Стюартъ). М. Радищева.
№ 6. Княжна Тараканова. А. Платонова.
№ 7. Графиня Дю-Барри (Любовница короля Людовика XV). Е. Оларть.
№ 8. Мазепа. В. Готвальдъ.
№ 9. Стрѣлецкій бунтъ. П. Семенова.
№ 10. Лжедимитрій. П. Бунина.
№ 11. Савонарола. В. Михайлова.
№ 12. Бироновщина. А. Лебедева.
№ 13. Мальчикъ-Императоръ (Петръ II). С. Львова.
№ 14. Петръ I и женщины. Е. Олартъ.
№ 15. Стенька Разинъ. Б. Лебедева.
№ 16. Императоръ-Узникъ (Іоаннъ Антоновичъ). Д. Покровскаго.
№ 17. Салтычиха (Крѣпостной бытъ). С. Львова.
№ 18. Жены Іоанна Грознаго. С. Горскаго.
№ 19/19а. Наполеонъ и двѣ императрицы. К. Бестужева.
№ 20. Тайны Шлиссельбургской крѣпости. Е. Олартъ.
№ 21/22. Декабристы. Д. Соловьева.
№ 23. Тайны инквизиціи. А. Лебедева.
№ 24. Цезарь Борджіа. М. Салтыкова.
№ 25. Сынъ Петра Великаго. М. Костомарова.
№ 26. Толстовцы. Баранова.
№ 27. Клеопатра. С. Львова.
№ 28. Монастырскія тюрьмы. Е. Олартъ.
№ 29. 1855-ый годъ. (Крымская кампанія). К. Острогорскаго.
№ 30. Хлысты и скопцы. Е. Баранова.
№ 31. Императрица Елисавета. К. Бестужева.
№ 32. Неронъ. П. Мартынова.
№ 33/34. Духоборы. С. Хомякова.
№ 35. Шамиль (Покореніе Кавказа). Н. Ковалевскаго.
№ 36. Польское возстаніе 1863 г. М. Крашевскаго.
№ 37. Жизнь Христа. Ренана. Пер. съ франц. Е. Олартъ.
№ 38. Мессалина. Е. Синегубъ.
№ 39. Великій расколъ. П. Бунина.
№ 40/41 Нигилисты. С. Горскаго.

Цѣна № 10 коп. Изданіе выходитъ въ количествѣ 8—10 №№ ежемѣсячно. Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и кіоскахъ.
Выписывающіе со склада издательства на сумму не менѣе 1 р. 50 к. за пересылку не платятъ.

„ВЕЛИКАЯ РОССІЯ“,

подъ общимъ руководствомъ профессора Д. Н. АНУЧИНА этнографическіе, географическіе и культурно-бытовые очерки современной Россіи.

ВЫШЕЛЪ И РАЗСЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМЪ ВТОРОЙ ТОМЪ

„Поволжье и Приуралье“.

Изданіе состоитъ изъ 12 томовъ, заключающихъ до 3,500 стр. большого формата, и богато иллюстрировано типами, видами и сценами изъ жизни различныхъ народностей Россіи. Каждый томъ заключенъ въ плотную обложку, исполненную въ 4-хъ краскахъ.

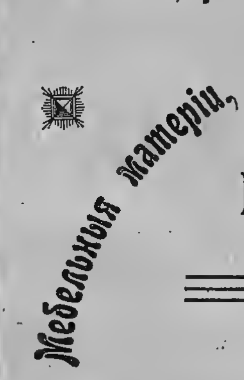
ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ уплачивается 2 р. 50 к., при полученіи каждаго тома по 2 р. 50 к., при полученіи послѣдняго 12-го тома—одинъ рубль.

Цѣна всего изданія съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи—31 рубль.

Цѣна каждаго отдѣльнаго тома—ТРИ РУБЛЯ съ пересылкой. Вышли: І-й томъ—„Сибирь“; ІІ-й томъ—„Поволжье и Приуралье“. 1—1

Григорій Смирновъ.

МОСКВА, уг. Неглиннаго и Софійки, д. № 1.

КОВРЫ,

Гардины,

Портьеры,

Сторы, Клеенка,

Телефонъ № 41-71.

ОДѢЯЛА.

1—1

А. МИНКЕВИЧЪ

СОФІЙКА, 7.

послѣднія **НОВОСТИ** ВЕРХНИХЪ ДАМСКИХЪ ВЕЩЕЙ

ПОЛУЧЕНЫ

Изящное дѣтское платье въ большомъ выборѣ въ магазинѣ

А. МИНКЕВИЧЪ.

Софійка, д. Суздальскаго подворья.

ЖУРНАЛЫ МОДЪ

ВЫКРОЙКИ и МАНЕКЕНЫ

О. ЗУББЕРТЪ и Ко МОСКВА

КАТАЛОГЪ №36 БЕЗПЛАТНО. ПЕТРОВСКІЙ ПАССАЖЪ.

ВЕСЕННІЙ УРОЖАЙ

Никогда не были такъ хороши, такъ чрезвычайно хороши наши знаменитые чаи Китайскій Царская Роза Ненчао и Цейлонскій Янхао, какъ они хороши въ настоящее время, нынѣшняго весенняго урожая.

Возьмите самый дорогой чай любой фирмы и сравните съ нашими и Вы увидите и убѣдитесь, что чаи Царская Роза и Янхао, несмотря на то, что они почти вдвое дешевле, значительно лучше, вкуснѣе и экономичнѣе всѣхъ чаевъ. Пожалуйста попробуйте и сравните. На пробу этихъ чаевъ можно выписать всякое количество начиная съ фунта—по полфунту того и другого сорта,

1 фунтъ обоихъ сортовъ или одного какого-либо въ отдѣльности высылается во всю Европейскую Россію за 1 руб. 85 к.; 3 фунта—за 5 руб. 25 коп.; 5 фунтовъ—за 8 руб. 45 коп.; 10 фунтовъ—за 16 руб., при чемъ пересылка идетъ за нашъ счетъ.

Требованія просимъ адресовать:

СКЛАДЫ ЧАЕВЪ **И. Е. ДУБИНИНА** **Москва,** Покровка, 51.

При болѣе крупныхъ количествахъ дѣлаются особыя условія.

Подробный прейсъ-курантъ чаевъ, кофе и какао высылается безплатно.

М-me Маркевичъ

С.-Петербургъ,
Гороховая, 17, у Краснаго Моста.

Спеціальность: Корсеты готовые и на заказъ (исполняются заказы для неправильныхъ фигуръ).

Мои корсеты по качеству **безукоризненны**, очень удобны и придаютъ даже полнымъ дамамъ элегантныя формы.

Принимаются также заказы на **плиссировку**—„плиссе гармоній" и гофре.

1—2

ПРИНИМАЮ
ЗАКАЗЫ
на всевозможныя
ВОЛОСЯНЫЯ
издѣлія,

из которыхъ легко дѣлать самимъ разныя прически.

ПАРИКМАХЕРЪ

мужской и дамскій

Н. Н. Рыбаковъ.

Телеф.—408—90.

Пятницкая ул., д. Наслѣдниковъ Мещериныхъ.

У Чугуннаго Моста

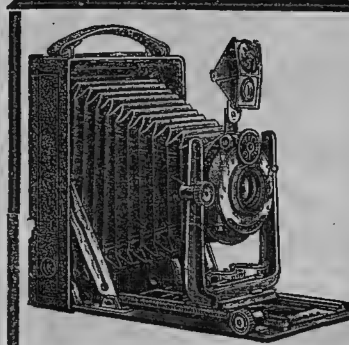
ВЪ МОСКВѢ.

Трансформасіонъ, **ФРИЗЕТКИ**, КРИПОНЫ, БУКЛИ, КОСЫ, БАНДО, **ТАРСАДЫ**.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ
ПАРИКИ
отпускаются
на **ПРОКАТЪ**.

1—2

ВЪ РАЗСРОЧКУ

на 9 мѣсяцевъ

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ,

объективы и принадлежност**.

Микроскопы, призмен. бинокли, готовальни и проч.

Т/д. К. ЛОРЕНЦЪ и К°,

МОСКВА, Мясницкая, д. Сытова № 22—38.

ПОЛНЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ высылается за 14 коп. марками.

Краткій—безплатно. 6—6

ВИРТУОЗЪ,

механическое піанино или рояль,

даетъ возможность слушать у себя дома концертную игру въ исполненіи знаменитыхъ піанистовъ.

ДЕМОНСТРИРУЕТСЯ ЕЖЕДНЕВНО.

Ноты для всѣхъ механическихъ аппаратовъ: виртуоза, фонолы, піанолы, авто-піано и др.

АВТО-МУЗЫКА

А. Бергманъ.

Мясницкая, 22.

Телефонъ 49-06.

Прейсъ-куранты и каталоги безплатно. 6—9

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ!
ПРОВИЗОРА
Г. Ф. ЮРГЕНСЪ
БОРНО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО
ОТЪ ПОТА, ЗАГАРА, ВЕСНУШЕКЪ, УГРЕЙ,
ПРЫЩЕЙ И ЖЕЛТЫХЪ ПЯТЕНЪ.
БЛАГОВОННОЕ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
1 кус. 50 к. ½ кус. 30 к.

АНУЗОЛЬ
МАРКА УТВЕРЖД. ГЕДЕКЕ и Ко ПРАВИТ. № 4530.
ПРОСИМЪ ОТВЕРГАТЬ ПОДДѢЛКИ И ВСЯКІЯ ПОДРАЖАНІЯ И ТРЕБОВАТЬ ТОЛЬКО НАСТОЯЩІЯ СЪ ОХРАН. КЛЕЙМОМЪ СЪ ТАМОЖ. ПЛОМБОЙ РУССКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.
СВѢЧИ
АНУЗОЛЬ
ГЕДЕКЕ и Ко.
РЕКОМ. ДЛЯ БЫСТРАГО, УДОБНАГО И БЕЗБОЛѢЗНЕННАГО ИЗЛѢЧЕНІЯ
ГЕМОРРОЯ
Это испытанное, благотворно-дѣйствующее средство признано врачами за лучшее. Цѣна 1 р. 75 к.
Продажа въ аптекахъ и лучш. аптекар. магазин.
ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ВЪ РОССІИ
пров. Э. ЮРГЕНСЪ.
Волхонка, МОСКВА.

